

✓

ИСТОРИЯ РЕЛИГИИ

ТАЙНЫХЪ РЕЛИГИОЗНЫХЪ ОБЩЕСТВЪ

ОБЯДОВЪ и ОБЫЧАЕВЪ

ПРОВЕРЕНО

1861 г.

ДРЕВНЯГО МІРА.

1860

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ.

III томъ.

ПЕРСІЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія Дома Привернїи Малолѣтнихъ Бѣднѣхъ. Лиговна, д. № 16.

1885.

ПЕРСІЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Вступленіе. — Царства, вошедшія въ составъ Персидской монархіи. — Древнія ея имена. — Исторія Кира по сказаніямъ Геродота. — Сношенія Астіана. — Спасеніе Кира. — Предопредѣленіе. — Наказаніе Гарпаса. — Войны съ Крезомъ. — Покореніе Вавилона. — Убіеніе Кира Томирисю. — Сказанія Ктезія.

Персія — первая изъ монархій древняго міра, соотвѣтствующая въ своихъ предѣлахъ всѣмъ царствамъ малой Азіи; основатель Персіи — первый герой исторіи, первая великая и свѣтлая личность, резко выделяющаяся изъ сурука вѣкомъ. Теперешняя Персія на столько же ничтожна въ политическомъ и географическомъ отношеніяхъ, на сколько была сильна и обширна двадцать пять вѣковъ тому назадъ, въ тѣ времена, о которыхъ говорятъ намъ вѣчно живыя страницы исторіи и — остатки минувшихъ, славныхъ временъ, донынѣ сохранившіеся развалины.

Достаточно очертить предѣлы владѣній *Кира*, чтобы дать читателю точное понятіе о ихъ громадномъ пространствѣ. Ихъ ограничивали съ сѣвера: Понтъ Евксинскій (Черное море), дѣль Кавказскихъ горъ и море Каспійское; съ востока: рѣка Индъ; съ юга: Индійское море, заливъ Персидскій, Аравія; съ запада Эгейское море. Это послѣдній рубежъ завоеваній персовъ во владѣніяхъ древней Греціи, во время непрерывныхъ войнъ, часто перс-

ходивших из рукъ въ руки. Рѣка *Евфратъ* раздѣляла персидскія владѣнія на двѣ неравныя доли, раздѣленные на двадцать три области, или *сатрапіи*. Почти каждая сатрапія состояла изъ цѣлаго завоеваннаго царства, желѣзомъ и кровью припаяннаго къ Персіи. Въ Малой Азіи было десять сатрапій: три на западѣ, двѣ — центральныя, двѣ на югѣ и три на сѣверѣ. Начинаемъ обзоръ нашъ съ сатрапій западныхъ (*).

1) *Царство Лидійское* съ городами: Сардесомъ, Филადельфіей, Гипепою, Тралессомъ и Магнезій.

2) *Ионія*, заключающая въ себѣ десять греческихъ колоній: Милетъ, Міунту, Пріену, Эфезъ, Колофонъ, Лебедосъ, Теосъ, Клазомену, Фокею, Эрпорею; два острова: Самосъ и Хиосъ. За исключеніемъ Милета и Міунты, власть персидскихъ царей надъ Іоніей была непрочна и потрясана частыми возстаніями. То же можно сказать и о слѣдующей сатрапій:

3) *Каріи*, славной своими городами: Галикарнассомъ, Капусомъ, Киндомъ, Миласой, Стратоникеей и Алабадой. Изъ острововъ называетъ: Спорады, Косъ и Родосъ.

4) *Мизія*, въ составъ которой вошли останки древней Трои. Кромѣ нея замѣчательны были: Кизикъ, Абидосъ и Лампсака.

5) *Фригія*, съ городами Келенесомъ, Пессинунтомъ, Колоссомъ и Омирею. Въ составъ этой области входила и *Ликаонія*, съ городами: Иконіумомъ (нынѣшнее Кони), Лаодикеей и Лардагомъ.

6) *Каппадокія*, съ городами: Мазакію, Команою, Тіапою, Трапезундомъ и Зелюю.

7) *Навфлагіонія* съ городомъ Синопою (нынѣшній Синолъ).

8) *Витинія*.

9) *Ликия*, *Памфилія*, *Лизидія*, *Киликія*, — въ послѣдней столичный городъ Тарсъ и Исса — прославленная побѣдою Александра Македонскаго надъ Даріемъ Кодоманомъ (з).

(*) Исторіи религій изъ которыхъ изъ нижеслѣдующихъ царствъ будетъ посвященъ слѣдующій, четвертый томъ.

(з) О религій всѣхъ этихъ греческихъ поселеній см. послѣдующіе томы: Греція и Римъ.

10) *Сирія* съ Финикіей и Палестиной.

11) *Месопотамія*, въ книгахъ Моисеевыхъ называемая Сирію, на двухъ рѣкахъ (*Арабъ-и-норанъ*). Города: Эдесса, Харранъ, Низибисъ.

12) *Вавилонія* или *Халдея*.

13) *Арменія* съ городами: Артоксатомъ и Каркасиокертою.

14) *Ассирія* съ городами: Ниневіей, Лариссою, Меснилою и Арбедами — счастливый орому славы и могущества древней Персіи.

15) *Персида* — ядро монархіи, область престольная царей персидскихъ и малѣйшая изъ всѣхъ завоеванныхъ областей. Города: Габесъ, Ока и Персепольсъ.

16) *Сузіанна*.

17) *Мидія* съ городами: Газою, Верою и Эсбатанною.

18) *Арія*.

19) *Гирканія*.

20) *Бактріана*.

21) *Парсія*.

22) *Сондіана*.

23) *Карманія* и *Гедрозія*.

Древнѣйшее имя Персіи — *Элама* или *Элиманда*, отъ имени Элама, внука Ноава и сына Симова. Въ книгахъ пророка Давида и Эздры ее называютъ землею *Парсесъ*. По сказаніямъ Геродота, въ глубочайшей древности персы именовали *кефенали* и *артеяни*; въ ахеменидахъ мусульманскихъ Персія называется *Фарсъ*, *Аджемъ* и *Иранъ*.

При всемъ явномъ желаніи избѣгать пантеистическаго, школьнаго дробленія исторіи нашей на періоды, мы вынуждены, однакоже, для удобства читателя, раздѣлить исторію Персіи на три части, сообразно источникамъ, которыми мы пользуемся. Первая заключаетъ въ себѣ достовѣрную исторію Персіи отъ ея основанія въ 600 годахъ до Р. Х. до покоренія ея арабскими халифами въ 650 году по Р. Х. Вторая часть посвящена біографіи великаго преобразователя религій, *Зороастра*, изложенію догматовъ его ученія по книгѣ закона — *Зенд-Авеста*. Третья часть содержитъ въ себѣ обзоръ священныхъ книгъ, легендарную, т. е. баснословную исторію Персіи, описаніе богослужебныхъ обрядовъ

персовъ, *гебровъ*—и, наконецъ, очеркъ древнѣйшихъ памятниковъ и храмовъ религіи маговъ.

Трое изъ греческихъ историковъ: *Геродотъ*, *Ктезій* и *Ксенофонтъ*, повѣствуютъ о жизни и подвигахъ Кира, противорѣчатъ другъ другу во многомъ. Причина тому не нуждается въ излишнихъ объясненіяхъ: историки писали на основаніи разпорѣчныхъ данныхъ. Правдѣйшимъ изъ нихъ признаютъ Ксенофонта, такъ какъ его исторія согласуется съ книгами священнаго писанія: Геродотъ и Ктезій придерживались особенно элемента сказочнаго. Мы передадимъ читателю повѣствованія всѣхъ трехъ историковъ, начиная, согласно хронологической послѣдовательности, съ Геродота.

Астиагу, царю мидійскому, принадлежало однажды, что единственная дочь его *Мандана* извергаетъ такое огромное количество воды, что послѣднія потопаются всю Азію. Волхвы или маги, съ которыми Астиагъ совѣщался по способъ пробужденія, истолковали ему, что сонъ предвѣщаетъ царю рожденіе внука, который со временемъ будетъ повелителемъ всего свѣта. Страшась, чтобы вѣщій сонъ не сбылся (и, по обыкновенію, невольно тому способствуя), Астиагъ выдалъ свою дочь за знатнаго перса, *Камбиза*, жителя области подвластной Мидіи. Черезъ годъ послѣ свадьбы дочери, Астиагу снова приснилось, будто изъ тѣла Манданы выросла виноградная лоза, опутавшая побѣгами всю Азію, и опять маги объявили царю, что онъ будетъ свергнуть своимъ внукомъ. Астиагъ вызвалъ изъ Персіи въ Мидію свою беременную дочь, съ цѣлю убить поворожденнаго. Она, вѣкоръ по прибытіи, родила сына. Астиагъ поручилъ приближенному своему *Гарпагу* взять и умертвить младенца, но сострадательный Гарпагъ вмѣсто того отдалъ его пастуху *Митрадату* и жевъ его *Спакю*—приказавъ первому положить младенца куда нибудь въ уединенное мѣсто, грозя пастуху, въ случаѣ неповиновенія, страшной казнью. Жена Митрадата, сама недавно развѣшившаяся отъ бремена мертвымъ младенцемъ, упростила мужа снести въ горы ея ребенка, а царскаго внука оставить у себя на воспитаніе. Пастухъ повновался своей жевъ: мертвый сынъ его черезъ три дня былъ отданъ Гарпагу и похороненъ съ царскими почестями, а сынъ

Манданы, *Киръ*, цѣлый и невредимый, остался на попеченіи Митрадата и Спакю.

Эта басня пришла какъ-то особенно по вкусу древнимъ и новѣйшимъ историкамъ многихъ странъ и народовъ. Греки вставили ее въ біографію *Эдина*; римляне разсказывали ее при жизнеописаніи *Ромула* и *Рема*; она встрѣчается перѣдко даже въ средневѣковыхъ легендахъ и исторіяхъ... Лѣтописцы, не утруждая себя соображеніемъ новыхъ чудесъ о своихъ герояхъ, безъ околичностей весьма часто заимствовали чудеса у своихъ предшественниковъ. Въ сказкѣ о младенцѣ, приговоренномъ къ смерти его близкими (вслѣдствіе пророчества или вѣщаго сновидѣнія) и спасенномъ сострадательными людьми, свѣривается та нравственная идея о предопредѣленіи или фатализмѣ, которую всего ближе выражаетъ всемірной пословицей: отъ судьбы не уйдешь. Это слѣжное вѣрованіе въ предопредѣленіе — *οὐδ' ἐξ ἡ* грековъ, *fatum*—римлянъ—въ глубочайшей древности выражалось въ сказаніяхъ историческихъ. Христіанство возело предопредѣленіе на стень религіознаго догмата, назвавъ его *волею Божіею*; это же самое предопредѣленіе легло въ основаніе закона Магомета. Это одинъ изъ тѣхъ великихъ, во вѣки вѣчные, неразрѣшимыхъ вопросовъ, которые можно назвать камнями преткновенія для разума человѣческаго; границы его—дѣй крайности: или слѣжное вѣрованіе въ предопредѣленіе—*фатализмъ*, т. е. совершенное отричаніе свободной воли и разума въ человѣкѣ—или *атеизмъ*—т. е. отричаніе бытія божія и Его Провидѣнія. Сколько философскихъ школъ соиздавалось на основаніи того или другаго вѣрованія, сколько соиздастся еще и, при всѣхъ томъ, повторяется, этотъ вопросъ останется безъ отвѣта... Только одна вѣщность могла бы отвѣтить на него, но самая эта колыбель и могила вѣковъ — какъ колыбель или могила — безотвѣтна и пѣма.

Киръ, до десяти лѣтъ дожилъ на попеченіи пастуховъ, и тогда неожиданный случай открылъ настоящее его происхожденіе. Любимѣйшею игрою мальчика со сверстниками была игра въ царя, въ которой Киръ занималъ всегда главную роль. Онъ назначалъ между мальчиками царедворцевъ, министровъ, военачальниковъ, тѣлохранителей и всѣ повиновались ему, будто настоящему царю,

безпрекословно. Однажды, за слушаніе, онъ велѣлъ высѣчь одного изъ своихъ свертниковъ—сына знатнаго вельможи *Артем-бареса*. Разобитенный отецъ пришелъ съ жалобою къ настоящему царю Астиагу и маленькаго Кира привелъ къ дѣду.

— Какъ ты смѣлъ, сказалъ ему тотъ, — высѣчь сына моего придворнаго? Ты сынъ простаго пастуха!

— Я высѣчь его за дѣло! отвѣчалъ бойкій мальчишка. — Меня выбрали въ царя и всѣ меня слушались; только онъ одинъ передо мною зазнавался, за что я его и наказалъ... Если меня самого сдѣдуетъ за это наказать — наказывайте!

Астиагъ былъ пораженъ какъ смѣлымъ отвѣтомъ, такъ и не по лѣтамъ величавой наружности мальчишки. Отложивъ до времени наказаніе своевольника, Астиагъ съ глазу на глазъ съ Митрадатомъ вывѣдалъ отъ него всю истину о происхожденіи, спасеніи отъ смерти и воспитаніи своего внука. Въ отмщеніе Гарпагу, Астиагъ велѣлъ зарѣзать его сына и изжаренными его мясомъ угостить несчастнаго отца на пиршествѣ. Что же касалось до Кира, дѣлъ отослалъ его въ Персію къ родителямъ. Маги успокоили мидійскаго царя тѣмъ, что пророческіе сны его уже сбылись и Киръ уже *былъ* царемъ, хотя и въ шутку. Когда онъ достигъ юношескихъ лѣтъ, Гарпагъ секретно (замнивъ свое посланіе въ заячью шкуру) уведомилъ будущаго обладателя малой Азіи о злодѣйствахъ Астиага, предлагая ему свергнуть его мидяны и съ тѣмъ вмѣстѣ и свое содѣйствіе, такъ какъ царь имѣлъ неосторожность возложить на Гарпага предводительство надъ своими войсками. Киръ воспользовался предложеніемъ мидійскаго военачальника: Персія возсталъ поголовно, войска Астиага безъ боя передались мидежикамъ... сны Астиага начали сбываться. Царь мидійскій казнилъ обманщиковъ — маговъ, собралъ остатки войскъ, сразился съ внукомъ, былъ побѣжденъ и взятъ въ плѣнъ — а царство его было присоединено къ Персіи. Щадя въ немъ отца своей матери, Киръ не казнилъ и помиловалъ стараго злодѣя.

Родственникъ и союзникъ Астиага, *Крезъ*, знаменитый своими богатствами царь лидійскій, собравъ огромныя полчища, пошелъ войной на Кира и рѣшительная битва произошла подъ стѣнами Сардеса, на обширной равнинѣ, переѣзжаемой рѣкою Галлусомъ.

Киръ, опасаясь сильной лидійской конницы, собралъ всѣхъ своихъ верблюдовъ, бившихъ въ обозѣ и, посадивъ на нихъ всадниковъ, пустился въ авангардъ; за верблюдами слѣдовала пѣхота, за нею — конница. Расположивъ войска сполъ такимъ образомъ, Киръ считывалъ, что лидійскіе кони слѣпаются, по азиатинъ лошадей вообще къ виду и запаху верблюдовъ, — и это дѣйствительно случилось. Угадавъ хитрость противника, лидійцы смѣшались, по послѣ ожесточеннаго боя принуждены были отступить и запереться въ стѣнахъ Сардеса, который однакоже былъ взятъ послѣ четырнадцатидневной осады.

За завоеваніемъ Лидіи слѣдовало покореніе *Вавилона*. Во время похода Кира въ это царство, одна изъ его бѣлыхъ, такъ называемыхъ *свѣщенническихъ* лошадей, утонула въ рѣкѣ Гиядѣ. Огорченный Киръ поклялся уменьшить и ослабить рѣку, до такой степени, что женщины будутъ переходить чрезъ нее, не замочивъ коленъ. Съ этой цѣлью онъ приостановилъ походъ на Вавилонъ, приказавъ войскамъ прорыть триста шестьдесятъ каналовъ для осушки Гияды. Въ этихъ работахъ прошло все лѣто и только къ веснѣ слѣдующаго года Киръ опять двинулся къ Вавилону и осадилъ эту знаменитую столицу, которую и овладѣлъ, отвѣдя каналами воды Евфрата. Вторженіе персовъ было до того неожидано, что они захватили жителей во время пиршества. Покоривъ Вавилонъ, Киръ вздумалъ поработить и военцевъ *массетовъ*, управляемыхъ мужественной царицей *Томирисой*. Сначала завоеватель отправилъ къ царицѣ пословъ, какъ-бы съ брачнымъ предложеніемъ, но когда Томириса, угадывая хитрость, отказала имъ, Киръ пошелъ на массетовъ войною. Заманивъ ихъ въ дзверь, гдѣ они упились виномъ, царь персидскій перебилъ ихъ великое множество и въ числѣ плѣнниковъ захватилъ сына царицы — *Спарганиза*, который убился съ отчаянія. Томириса, собравъ войска, выступила съ ними противъ персовъ: послѣ кровопролитнаго боя всѣ полчища ихъ были истреблены, а съ ними погибъ и Киръ, послѣ двадцати девятилѣтняго царствованія. Томириса велѣла отыскать его трупъ и, надругавшись надъ нимъ, погрузила его голову въ яхтъ, наполненный кровью.

Такое повѣствованіе Геродота, очевидно сотканное изъ правды

и жи; посмотримъ теперь на сказаніе *Ктезія*, въ которомъ первая совершенно теряется въ послѣдней.

Астиагъ—или, какъ его называетъ этотъ историкъ—*Астиигидъ*—никогда не былъ родственникомъ Кира. Преслѣдуемый царемъ персидскимъ, онъ скрлся въ Экбатанѣ у дочери своей Амитиды и зятя Синтамада. Киръ, придя въ Экбатану, подвергъ пыткамъ дочь, зятя и двухъ внуковъ бѣглеца: *Синтамеда* и *Мелатерия*, требуя отъ нихъ выдачи Астиага. Послѣдній, желая спасти ихъ отъ мученій, сдѣлалъ самъ своему гонителю. Киръ пощадилъ его, Амитиду и еписей ея, но мужа казнилъ за то, что тотъ упорствовалъ на вопросахъ. На Амитидѣ онъ женился и отца ея почиталъ какъ роднаго. Послѣ того Киръ пошелъ войною на *бактрианъ*, которые защищались упрямно и покорились ему, узнавъ, что онъ мужъ Амитиды и зять Астиага. Ободренный успѣхомъ, царь персидскій обратилъ оружіе на *саковъ* и взялъ въ плѣнъ ихъ царя, *Амореса*. Жена послѣдняго—*Спареора* собрала войска изъ 300,000 мужчинъ и 200,000 женщинъ, побѣдила персовъ и освободила плѣннаго мужа. Киръ, заключивъ съ воинственными супругами дружескій союзъ, задумалъ завоевать Лидію и осадилъ царя Креза въ Сардесахъ. Городемъ этотъ онъ овладѣлъ хитростью, разставивъ на валахъ куколъ, которыхъ испуганные воины Креза приняли за живыхъ неприятелей и сдѣлались имъ безъ боя. Крезъ бѣжалъ и скрлся въ храмѣ Аполлона, гдѣ, три раза окованный по повелѣнію Кира, былъ каждый разъ находитъ безъ цѣли, хотя въ храмѣ никто не могъ проникнуть, такъ какъ двери его были запечатаны печатью царя персидскаго. Изъ храма бѣднаго Креза привели во дворецъ и здѣсь снова заковали въ цѣпи, но небо громами и молніями возвѣстало Киру свой гнѣвъ и онъ освободилъ своего державнаго плѣнника. Впослѣдствіи, онъ далъ ему въ удѣлъ городъ Барену, близъ Экбатаны. Завоевавъ Лидійское царство, Киръ послалъ за Астиагомъ вельможу своего, внука *Петизаку*, но этотъ злодѣй, во время пути черезъ стѣны, бросилъ старика на произволъ судьбы и Астиагъ умеръ отъ голода и жажды. Когда преступленіе Петизака было открыто, Амитида велѣла выколоть ему глаза, содрать съ него кожу и распять его на крестѣ. Тѣло Астиага было отыскано и

предано погребенію съ подобающими вѣщестми; оно, лежа долгое время въ стѣнѣ, сохранилось однако же безъ всякой порчи; львы охраняли его отъ прочихъ дикихъ звѣрей.

Послѣдній походъ Кира былъ противъ *Аморэя*, царя индійскаго народа *дербиковъ*. Войска его своими слонами привели въ смятеніе и обратили въ бѣгство персидскую конницу; Киръ узнавъ съ лошади и былъ раненъ дротикомъ въ бедро. Персы и индійцы въ битвѣ потеряли по 10,000 человекъ. Вѣрный союзникъ Кира, *Аморгедъ*, явился къ нему на помощь съ 20,000 всадниковъ и тѣмъ далъ персидскому царю возможность вторично сразиться съ неприятелемъ и на этотъ разъ одержать блестящую побѣду. Земля дербиковъ была покорена, по раненіи Киръ былъ на порогѣ смерти и наслѣдникомъ персидскаго престола объявилъ старшаго сына своего *Камбиза*, второму сыну *Таноксарцесу* назначилъ въ удѣлъ Бактриану и многія другія области, безъ подчиненности старшему брату. Кроме того, умирающій далъ сатрапѣи обоимъ пасынкамъ; всѣмъ дѣтямъ приказали повиноваться царю Амитидѣ, просилъ *Аморгеда* быть имъ другомъ и союзникомъ и, наконецъ, всѣмъ присутствовавшимъ у своего смертнаго одра всѣмъ подати руки другу въ знакъ согласія, желая всѣмъ счастья, общая благословеніе послѣднимъ его вождь, и прозя проклятемъ осужившимъ. Такъ умеръ царь Киръ на третій день послѣ раны, въ тридцатый годъ своего царствованія.

Этотъ рассказъ Ктезія достоинъ вниманія единственно потому, что знакомитъ нѣсколько съ обычаями древнихъ персовъ; примѣчательный къ нему фантасматическій элементъ заимствованъ изъ ихъ древнѣйшихъ вѣрованій.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Киромедія Ксенофонта. — Дитство Кира. — Первое подвиги. — Преобразование войска. — Помилование цоря Армянскаго. — Тиранин. — Крезз и Пергамиссаръ. — Панаея. — Абрадитъ. — Божья колесница. — Войны съ савирианами. — Витъа вилбрейская.

Цицеронъ, въ первомъ посланіи къ брату своему Квинту, называлъ *Киромедію* Ксенофонта не исторіей, въ строгомъ смыслѣ слова, но историческимъ романомъ (*). Великій ораторъ взялъ бы свой рубчикъ отзывъ назадъ, если бы ямълъ подъ руку неопытныя доказательства правдивости сказаній Ксенофонта — книги священнаго писанія. Вотъ что повѣствуетъ Ксенофонтъ о первыхъ временахъ Персидской монархіи:

До времени Кира, персы, раздѣленные на двѣнадцать коленъ, населяли область Персиду, давшую впоследствии свое имя и всему царству. Численность войскъ всѣхъ коленъ не превышала 120,000 человекъ, но за то войны эти, съ дѣтства приученные ко вѣлымъ трудностямъ боевой жизни и въ то же время возросшіе въ правилахъ гражданской и воинской доблести, были несомненно выше всѣхъ прочихъ сошедшихъ имъ народовъ. Таковъ былъ государственный строй Персиды, когда у государя ея Камбиза, отъ сугрруги его Манданы — дочери Астіага, царя мидійскаго, родился *Киръ* (въ 599 г. до Р. X.). Когда ему исполнилось двѣнадцать лѣтъ, Астіагъ, слышавшій о разумѣ и красотѣ внука, попросилъ свою дочь павѣстити его вмѣстѣ съ Киромъ. Богатство и роскошь мидійскаго двора ни мало не ослѣпили отрока; онъ попросилъ свою мать, собравшуюся обратно въ Персиду, оставить его въ Мидіи, единственно затѣмъ, чтобы онъ могъ усю-

вершенствоваться въ верховой ѣздѣ, на родинѣ его невѣдомой. Живучи при дворѣ дѣда, молодой Киръ снискалъ себѣ всеобщую любовь, отъ царя до послѣдняго простолюдина.

Ему было шестнадцать лѣтъ, когда царь вавилонскій *Эвильмеродахъ* (*), сынъ Навуходоносора, охотясь на границахъ Мидіи, вторгнулся во владѣнія Астіага. Киръ соучествовалъ дѣду въ походѣ и не мало способствовалъ побѣдѣ, одержанной имъ надъ вавилонянами. На слѣдующій годъ онъ возвратился въ Персиду, гдѣ оставался до сорокалѣтняго возраста.

Умершему (въ 560 г. до Р. X.) Астіагу наследовалъ *Циаксаръ*, дядя Кира, братъ его матери; въ это же время царь вавилонскій *Пергамиссаръ* (†), войдя въ союзъ съ Креззомъ лидійскимъ и собравъ огромныя полчища, пошелъ войною на Мидію. Циаксаръ, въ свою очередь, попросилъ помощи у зятя своего Камбиза, и получилъ ее. Главное начальство надъ вспомогательными персидскими войсками, по приговору сановниковъ, было поручено Кирю и онъ выступилъ въ походъ. Численность его войскъ состояла изъ 31,000 человекъ, т. е. 10,000 легко вооруженной пѣхоты, 10,000 пращниковъ, 10,000 стрѣлковъ и 1,000 *гомотимовъ* (‡), вооруженныхъ латами, щитами на лѣвой рукѣ и копьемъ или мечемъ въ правой. Прибывъ съ своими войсками къ дядѣ, Киръ тотчасъ же попросилъ его вооружить ихъ всѣхъ по образцу гомотимовъ; въ то же время, желая побудить своихъ воиновъ биться съ непріятелемъ лицомъ къ лицу, запретилъ имъ

(*) На халдейскомъ языкѣ Эвильмеродахъ изъ слова въ слово означаетъ: вдохновляемый Меродахомъ или безумно преданный служению Меродаха. Меродахъ — богъ войны у вавилонянъ, котораго они олицетворяли себѣ въ планетѣ Марсѣ.

(†) Пергамиссаръ — царь, покровительствуемый Пергамешъ или Пергамешъ. Имя другаго божества вавилонскаго; вѣроятно тоже названіе планеты или созвѣздія, подъ которымъ родился Пергамиссаръ.

(‡) Гомотимъ по-гречески: расный достоинствомъ. Такъ называли благородныхъ персовъ, окончившихъ курсъ ученія въ высшихъ училищахъ. Изъ нихъ выбирали гражданскихъ чиновниковъ и военачальниковъ. Гомотимы Кира — переобразы доріанскихъ дружинъ (у насъ — боярскихъ дѣтей) гвардіи или рыцарей христіанской Европы.

(*) *Cyrus ille a Xenophonte, non ad historiae fidem scriptus, sed ad effigiem justi imperii.*

употреблять въ сраженіи стрѣлы и дротины. Это преобразование въ вооруженіи персовъ не мало способствовало въ послѣдствіи ихъ побѣдамъ надъ непріятелями. Пользуясь стѣненными обстоятельствами Ціаксара и воображая, что гибель его близка и несомнѣнна, царь Арменіи, данникъ царя мидійскаго, задумалъ отложиться отъ него и отказался платить обычную дань. Киръ съ своими дружинами, вступивъ въ Арменію и расположившись на нагорьяхъ укрѣпленнымъ лагеремъ, грозно потребовалъ у цари и дани, и вспомогательныхъ войскъ. Армянскій царь прислалъ къ нему въ знакъ покорности жену свою съ дочерями, старшую свою невѣстку и младшаго своего сына *Сабариса*. Киръ объявлялъ имъ, что они его плѣнники. Ужаснувшись царь отправился на выручку ихъ, но и его постигла общая участь. Объясненія Кира съ семействомъ армянскаго царя и дальнѣйшая участь послѣднихъ заслуживаетъ подробнаго описанія.

— Зачѣмъ ты нарушилъ договоръ со своимъ повелителемъ? началъ Киръ. „Я заботился о своей свободѣ и хотѣлъ оставить ее въ наслѣдство дѣтямъ“, отвѣчалъ царь армянскій. — Защищать свободу дѣло похвальное, бесспорно... Но что бы ты сдѣлалъ съ рабомъ, который задумалъ бѣжать отъ своихъ господъ? „Сознаюсь, — наказалъ бы его.“ — А если бы кто изъ твоихъ сановниковъ былъ въ должности своей несправедливъ, ты оставилъ бы его на мѣстѣ? „Конечно, нѣтъ; я бы его отрѣшилъ отъ должности.“ — А если бы онъ важилъ крововища, ты позволилъ бы ему пользоваться ими? „Нѣтъ, я бы, разумеется, отнял все.“ — А если бы ты узналъ, что онъ измѣнилъ тебѣ и сталъ союзникомъ твоего врага? „По истинѣ, я бы притворился его къ смерти.“

При этихъ словахъ *Тигранъ*, старшій сынъ царя, снялъ съ него тиару и разорвалъ одежды; жена и дочери съ воплемъ стали рвать на себѣ волосы и царапать лица...

Когда отчаяніе царскаго семейства утихло, Тигранъ обратился къ Кіру.

— Государь, сдѣла ли мудрости твоя допустить смерть моего отца. Обиженный тебѣ жизнью, онъ, конечно, будетъ тебѣ на вѣки преданъ...

— Если я уступлю просьбамъ твоего сына, спросилъ Киръ

отца Тиграна, — чѣмъ ты можешь мнѣ въ предстоящей войнѣ съ вавилонянами?

Царь объявить точное число своихъ войскъ и сумамъ всей казны. Киръ, взявъ ноловину первыхъ, другую уступилъ царю армянскому, такъ какъ онъ самъ вѣлъ тогда войну съ халибами; но за то годичную его дань Мидія удвоилъ. Покончивъ эти расчеты, Киръ спросилъ царя: Много ли дашь выкупу за царицу?

— Все мое имущество.

— А за дѣтей?

— Все мое имущество...

— Два раза? Стало-быть ты должникъ мой, роко на столько, на сколько имѣешь въ наличности? Хорошо... А ты, обратился побѣдитель къ Тиграну—что ты дашь за свободу своей жены?

— Жизнь мою! спокойно отвѣчалъ Тигранъ.

— Вери же себѣ свою жену безъ всякаго выкупа, она свободна... И отъ тебя, царь армянскій, не пущу мнѣ ничего: всѣ вы свободны и — гости, а не рабы мои. Отуживайте со мною, а тамъ, идите куда желаете!

Послѣ роскошнаго ужина, царское семейство возвратилось въ свои владѣнія и здѣсь, по дворцѣ превозносили Кира: одинъ за великодушіе, другая — за кротость, третій — за мужество, четвертая — за красоту. Тигранъ спросилъ жену свою: что она скажетъ о красотѣ Кира? — „Не знаю“, отвѣчала та, — „я не смотрѣла на него.“ — „На кого же ты смотрѣла?“ — „На того, кто отдавалъ свою жизнь за мою свободу!“

Предъ возвратомъ въ Мидію, Киръ умиралъ халибовъ, разорявшихъ Арменію и для огражденія ея отъ дальнѣйшихъ ихъ набѣговъ построилъ въ горахъ крѣпость, оставивъ въ ней сильный гарнизонъ. Твердыня эта была надежной порукой какъ за вѣрность армянъ, такъ и за покорность халибовъ.

Война съ Персидскаромъ, къ которой лидію готовились три года, началась въ 556 году до Р. Х. Цари вавилонскій и лидійскій расположились обширнымъ укрѣпленнымъ лагеремъ на равнинѣ, Киръ, напротивъ, скрылъ свои войска за окрестными холмами и деревьями. Послѣ нѣсколькихъ дней произошла первая схватка, окончившаяся бѣгствомъ вавилоничъ, гонимыхъ персами

до самых окопов. Кирь не отказывался однакож вороваться въ лагерь, опасаясь западни. Осаденіи его были напрасны, — силы союзниковъ были страшно парализованы: Нериглисарь убитъ, отборная дружина его — изрублена; Крезъ оставался единственнымъ предводителемъ войскъ, совершенно упавшихъ духомъ. При этихъ благоприятныхъ условіяхъ, Кирю не трудно было, на зарѣ слѣдующаго дня, овладѣть лагеремъ и всѣмъ обозомъ непріятеля, отступившаго ночью. Оставивъ Ціаксара въ лагерь, Кирь пустился въ погоню за войсками Креза и настигъ его арьергардъ, состоявшій изъ тысячи конныхъ ошолченцевъ, жителей Гирканин. Они не только сдѣлали ему, но предложили сражаться за одно съ персами противу недавнихъ своихъ сотоварищей. Такихъ образцовъ арьергарда Креза превратились въ авангардъ его врага... Кирь ударилъ на новый лагерь лідійско-вавилонскихъ полчищъ, овладѣвъ имъ, рубилъ, рубилъ, гналъ перенугавшихъ непріятелей и одержалъ свою первую славную побѣду. Захваченныя сокровища были несметны. Отдѣливъ часть на долю Ціаксара и предложивъ магамъ выбрать лучшее *для жертвоприношенія богамъ* изъ другой части, все остальное Кирь роздалъ на дѣбелъ мидянамъ и гирканцамъ.

Въ числѣ плѣнницъ находилась *Паноя*, жена сузіанскаго царя Абрадаты. Кирь отдалъ ее на охраненіе и вѣненіе холодому знатному мидянину Арасу.

— Видѣли-ли вы ее, государь? спросилъ этотъ у героя.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Кирь.

— Я предназначалъ ее вамъ, замѣтилъ Арасъ, — такъ какъ по красотѣ она вышеи того достойна. Это совершенство женщины... вы увидите сами.

— Пѣтъ, не увижу, особенно послѣ твоего восторженнаго описанія. Увидя ее, я пожалуй засмѣюсь на красоту и позабуду о тѣхъ важныхъ дѣлахъ, которые теперь требуютъ вниманія моего вниманія.

— Едва-ли красота можетъ вліять на столько силъ, чтобы честнаго человека отвлекъ отъ его обязанностей! возразилъ Арасъ. — Осмѣлюсь указать вамъ на себя, для примѣра: я вы-

дѣлъ красавицу сузіанку, но это не помѣшало мнѣ явиться къ вамъ по обязанностямъ службы.

— Вѣроятно ты не долго смотрѣлъ на нее!

— О, государь, будьте же обо мнѣ лучшаго мнѣнія. Хотя бы мнѣ пришлось глазъ не спускать съ красавицы, я останусь вѣренъ своему долгу, — не ей соблазнить меня.

— Тѣмъ лучше! рѣшилъ Кирь, я именно тебя попрошу оставаться при ней. Легко можетъ быть, что она будетъ полезна для насъ, какъ заложница.

Внимательность Араса къ Паноеѣ не могла не снискать ему благосклонность прелестной плѣнницы; принимая эту благосклонность за любовь, Арасъ не замедлялъ признаніемъ, но былъ отвергнутъ; сузіанская царица, вѣрная и нѣжная жена, оставалась непреклонна... Когда же Арасъ прибылъ къ угрозымъ, она увѣдомила о томъ Кира, который съ однимъ изъ мидійскихъ вельможъ *Артабазомъ* прислалъ Арасу замѣчаніе, что Паноей должна быть въ всякихъ дѣлахъ покушеній. Исполнитель парскаго порученія осмалъ Араса колкостями и укоризнами; бѣдный влюбленный залился слезами, опасаясь справедливаго гнѣва Кира, но герой, призвавъ его къ себѣ, сказалъ:

— Не ты, а я виноватъ, что оставилъ тебя съ такими опасными врагомъ, какова Паноея.

— Друзья совѣтуютъ мнѣ бѣжать изъ опасенія строгой казни... замѣтилъ перенуганный Арасъ.

— И я совѣтую то же. Вѣдь въ Лидію, будто отъ моего гнѣва (чему такъ помѣшать), да подъ рукою разуйши о положеніи тамошнихъ дѣлъ.

Узнавъ о бѣгствѣ Араса, Паноея предложила Кирю увѣдомить мужа своего о всѣхъ милостяхъ къ ней персидскаго героя, увѣривъ послѣднѣго, что Абрадаты за счастье почтеть бытъ ему предавшимъ союзникомъ и отложиться отъ Вавилона. Все исполнилось по ея словамъ, и когда восхитенный мужъ спросилъ ее, чѣмъ воздать Кирю за его великодушіе? — Былъ въ отношеніи къ нему такій же великодушный — и только! отвѣчала царица.

Абрадаты дѣйствительно оказался полезнымъ союзникомъ Кирю:

онъ снабдилъ его армію сотнею *боевыхъ колесницъ* (*) со всею необходимою упряжью. Панея всѣ свои драгоцѣнности отдала на отливку мѣдныхъ броней для упряжныхъ лошадей. Пользуясь содѣйствіемъ царя сусанскаго, Киръ одержалъ блестящую побѣду надъ *Лаборозосар-годома*, сыномъ Нериглисара, побѣду, закончившую первую войну съ вавилонянами. Послѣ того Киръ съѣздилъ къ себѣ на родину, востѣ пестилѣтнаго отсутствія, а по возвращеніи въ Мидію женился на единственной дочери Ціаксара, ваявъ за нею въ приданое его царство.

Между тѣмъ, Крезъ лидійскій составлялъ огромный шеступателѣнный союзъ противъ Кира, набирая огромныя войска; къ Крезу присоединились и *Набонидъ*, внукъ Нериглисара (*). Желая перенести театръ войны на непріятельскую землю, Киръ, оставивъ въ Мидіи охранительныя войска, двинулся самъ на встрѣчу непріятеля во главѣ 196,000 пѣхоты и конницы. Послѣ ускореннаго двухнедѣльнаго похода чрезъ пустыни Месопотаміи, Киръ достигъ непріятеля во Фригій близъ *Омбрен*. Крезъ предводительствовалъ 420,000 войскъ, имѣвшихъ въ рядахъ своихъ: *вавилонявъ, лидійцевъ, фригійцевъ, каппадокійцевъ, фригійцевъ, кипріотовъ, киликійцевъ, лидійцевъ, палладійцевъ, еракійцевъ, іонійцевъ и египтянъ*. Послѣдніе составляли особый корпусъ въ 120,000 человекъ.

Не входя въ подробности исчисленія полковъ Кира (о чемъ странно разсказано у Ксенофонта), скажемъ только нѣсколько словъ о ихъ вооруженіи. Между ними были латинки копныя и пѣшіе, копейщики и легко вооруженныя пѣхотники; было триста боевыхъ колесницъ съ косами, запряженныхъ каждая четверкою бронеоныхъ коней; были подвижныя башни съ отрядами стрѣ-

ловъ, везомыя каждая шестнадцатью волами въ рядъ... Наконецъ, въ числѣ артилеріи (†) Кира было много пербуловъ, на которыхъ по двое стрѣлковъ — арабовъ, сидѣвшихъ спина къ спинѣ.

Отъ захваченныхъ въ плѣнъ непріятельскихъ фуражировъ Киръ выведалъ всѣ подробности, для распоряженій необходимыя. Вскорѣ завидѣли вдали отрядъ конницы Креза, и началнику копныи Кира, *Гистаспу*, приказано было ударить на непріятеля. „Если между врагами“, сказалъ ему Киръ — „увидишь людей, идущихъ къ тебѣ съ поднятыми вверхъ руками, прими ихъ, какъ друзей.“

Тотчасъ по отбытіи Гистаспа и его всадниковъ, со стороны непріятельской показался Арасъ, мнимый бѣглецъ и измѣнникъ. Завидя его, Киръ пошелъ ему на встрѣчу и дружески протянулъ ему руку. Арасъ передалъ царю, со всѣми подробностями, о расположеніи непріятельскихъ войскъ и, сообразно этимъ важнымъ свѣдѣніямъ, Киръ ввелъ свои войска въ боевой порядокъ. Здѣсь *Ксенофонтъ*, какъ опытный тактикъ и стратегъ, очень обстоятельно изображаетъ, читателю Киропедіи, влѣтъ сраженія и распределеніе силъ великаго завоевателя дренности. Эти страницы, драгоцѣнныя для всякаго историка, не имѣютъ никакого отношенія къ исторіи религіозной, а потому минуя ихъ, мы скажемъ только, что Киръ предъ началомъ битвы *принесъ жертву богамъ* и созвалъ военный совѣтъ, уложилъ вождей мужественно встать за честь персидскаго оружія. Прислали яса и вина; Киръ, не садясь, отбѣдалъ того и другаго, отбѣдалъ присутствующихъ и снова обратился къ богамъ съ молитвою и совершеніемъ возліяній... Затѣмъ онъ съѣлъ на коня, приказавъ дружинѣ своей слѣдовать за нимъ. Спутники цари были одѣты какъ онъ самъ: въ багряныя туники, мѣдныя латы и таковыя же шлемы съ бѣлыми сулалами; вооруженіе состояло изъ меча и дротика рябиноваго дерева. Груды лошадей и бока

(*) Боевыя колесницы за 600 л. до Р. X. заимѣли нынѣшніе божья, катечки и конгрвовы ракеты. Обычныя мѣди, запряженные лошади въ пашырихъ, онъ былъ по бокамъ упряжи дѣвками косъ, имѣя въ-это дышла дѣланныя коня. Этого смертоносный экипажъ пускали въ ряды непріятельскихъ войскъ, гдѣ онъ производилъ страшныя опустошенія.

(*) Набонидъ есть Вагасаръ князь еврейскихъ пророковъ.

(†) Брѣмъ смѣлость, употребляя это слово, сдѣлать оговорку, что артилеріей называется вооруженіе войскъ вообще, какъ огнестрѣльнымъ, такъ равно и холоднымъ оружіемъ.

ихъ были покрыты жѣдными бронями, равно какъ бедра и плечи всадниковъ.

Бой начался...

Три отряда или, вѣрнѣе, цѣлыя три арміи двинулись на войско Кира съ фронта и съ обоихъ фланговъ, желая, очевидно, захватить ихъ, какъ-бы въ исполненіи обѣщанія... Персіане невольно дрогнули, но по командѣ царя построились въ каре съ кавалерією въ центрѣ—жиды. Звучный голосокъ, среди томительной тишины, Киръ *записалъ плеча победы*: ему откликнулся хоръ его многочисленной рати. Царь, во главѣ конницы, ударилъ на правое крыло неприятеля, снялъ его, а слѣдовавшая за нимъ пѣхота довершила поражение. Одновременно съ этимъ нападеніемъ, *Артаксерксъ*, военачальникъ Кира, предводительствовавшій всадниками на верблюдахъ, атаковалъ лѣвое крыло неприятеля, состоявшее изъ конницы: и когда испугавшыя лошади разстрелялись, тогда подошли *Абрадатъ* съ своими боевыми товарищами, промывая ряды копьями, перерѣзывая косами копей и всадниковъ. Поблизившись, такимъ образомъ, сквозь уничтоженные ряды, они достигли до центра арміи Креза, центра, состоявшаго изъ египтянъ. На этотъ разъ смертоносныя колесницы нашли опасныхъ противниковъ: многія изъ нихъ были опрокинуты, кони и возничіе перебиты, самъ Абрадатъ былъ истребленъ съ своими спутниками. Подошедшіе къ нимъ на помощь персы, послѣ ожесточеннаго, отчаяннаго боя, принуждены были отступить. Слѣзая съ египтянъ, ихъ стойкость и, самое главное—превосходство вооруженія—были важными помѣхами къ овладѣнію занимаемой египтянами позиціи, съ тѣмъ вѣщею—и окончательному торжеству Кира надъ неприятелемъ. Стройно отступали персы, дорого продавая египтянамъ каждый шагъ своего отступленія... Внезапно египтяне дрогнули и остановились, пережѣлая фронтъ: съ тылу ударилъ на нихъ самъ Киръ съ своей конницей. Началась общая свалка, въ которой герой Персіи едва не погибъ, сброшенный съ сѣдла раненымъ конемъ! Ослабленные стрѣлами и дротиками, тѣснимые конницей и пѣхотой, египтяне сложились въ каре, поражая смѣлѣйшаго неприятеля стойкостью и непобѣдимымъ мужествомъ; они только запирались и умирали,

но запирались отчаянно, умирали героями. Уважая храбрость въ самыхъ неприятеляхъ, Киръ склонялась своимъ прекратить бой и, вызвавъ изъ ереды египтянъ переговорщика, спросилъ его: намерены-ли они погибнуть за малодушныхъ союзниковъ, очистившихъ поле сраженія, или остаться въ живыхъ, со славою истинно храбрыхъ людей?

— Одно пренятствуетъ другому, отвѣчалъ египтянинъ—и едва ли возможно!

— Нѣтъ, возможно, возразилъ Киръ—и не цѣною славы некупите вы нашу жизнь,—сдайтесь намъ и сложите оружіе не предъ сильными врагами, но друзьями, дарующими вамъ жизнь.

— А если мы будемъ друзьями вашими, что вы сдѣлаете съ нами?

— Мы будемъ обоюдно раздѣливаться услугами. Во все продолженіе войны служите намъ, получая жалованье, больше противъ получаемого отъ лидійцевъ, а по окончаніи мы наградимъ васъ землями, женами и рабами.

Договоръ былъ заключенъ съ условіемъ, что египтяне не будутъ сражаться противъ Креза. въ отпущеніи къ нимъ, чѣстѣйшаго изъ всѣхъ царей *и* *и* *и*. Киръ сдержалъ свое слово и потоки египтянъ, еще во времена Ксерксовъ, населяли нѣкоторыя сѣверныя области персидскаго царства.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Взятіе Сардесъ.—Покореніе Абрадаты.—Покореніе Кирин и Фригии.—Покореніе Вавилона.—Торжественное молельство.—Жертвоприношенія.—Урочные дѣи сатрапій.—Гевизоры.—Промыслъ Плинія и Діоскорида.—Почты.—Библия—сказаніе объ египетскихъ жидовъ изъ племени вавилонскаго.—Слова Персіи.—Солъ Киръ.—Предсмертная его молитва.—Коллизія.—Завоеваніе Египта.—Зидийство.—Фарисейство.—Очищеніе святыни.—Истязаніе мучимъ.

Не огорчившаяся своей блестящей побѣдой. Киръ, на слѣдующее утро, повелъ войска свои въ столицу лидійскаго царства

Сардесу и почти безъ боя овладѣлъ ею, захвативъ Креза въ плѣнъ въ собственномъ его дворцѣ. При свиданіи ильминна съ побѣдителемъ, первый сказалъ: „Привѣтствую тебя, мой властитель!.. отнынѣ счастье даруетъ тебѣ это имя и я вынужденъ такъ называть тебя“. — „А я, въ лицѣ твоемъ“ — отвѣчалъ Киръ — „привѣтствую такого же человѣка, каковъ самъ!“

Онъ предложилъ Крезу на выборъ — уступить городъ на грабежъ войскамъ или отдать за цѣлость его соответствующій выкупъ. Крезъ, разувѣлся, согласился на последнее и вскорѣ предъ великимъ побѣдителемъ будто изъ земли выросли цѣлыя горы золота, серебра и безчисленныхъ сокровищъ. Торжества окончаніе войны, прославившей и обогатившей персовъ, Киръ освѣдомился у сподвижниковъ о своемъ вѣрномъ Абрадатѣ и получилъ вѣсть, что честный союзникъ палъ въ бою и что вѣрная жена его Паноес, отыскала его изувѣченный трупъ и привезла въ Сардесъ для преданія погребенію на берегахъ Нактола (?). Киръ почтилъ память друга принесеніемъ ей въ жертву воловъ, коней и т. д. какъ божеству, искренно оплакавъ его, сочувствуя скорби вѣрной Паноес, обезумѣвшей отъ горя. Въ день торжественнаго погребенія мужа, она закололась кинжаломъ пядь его трупомъ, умоляя окружающихъ похоронить ее въ одной могилѣ съ нимъ. Призыву ея послѣдовали и три свуха изъ ея свиты... Киръ, въ память этого грустнаго событія, повелѣлъ памятникъ, упоминая о которомъ Ксенофонтъ говорить, что онъ еще существуетъ — „какъ говорить“; самъ же авторъ Киропедіи не видать его.

Одновременно съ прибывающимъ Кира въ Сардесъ однимъ отрядомъ его войскъ, предводимымъ *Адузіемъ*, была усмирена и обложена данью полновластная *Корія*, а другимъ, предводимымъ *Гистасиемъ* — Фригія. Во время своего пути изъ Сардеса къ Вавилону, Киръ покорилъ своей власти *Великую Фригію*, *каппадокійцевъ* и *аравитинъ*. Послѣдніе присоединились

(?) Эпизодъ о смерти Абрадата и Паноес, въ Киропедіи, по драматизму, простотѣ и неосмысленной правдивости, если не пренебрегать эпизода о Гекторѣ и Андромахѣ въ Іліадѣ, то и никакъ не ниже возсѣднаго.

къ его войскамъ, которая въ 540 году до Р. Х. явилась подъ стѣнами Вавилона и обложила его кругомъ. Высота и прочность стѣнъ не дозволяли и думать о вѣзтіи города приступомъ; одна надежда была на голодъ. Тѣмъ не менѣе, персы приступили къ осаднымъ работамъ: копали рвы, возводили окопы, временныя укрѣпленія. Вавилоняне, смотря съ своихъ стѣнъ на эти муравьиные труды, сѣялись надъ героямъ, такъ какъ у шихъ, даже въ случаѣ долговременной осады, было въ городѣ запасовъ, по крайней мѣрѣ, лѣтъ на двадцать. Киръ, раздѣливъ свою армію на двѣнадцать корпусовъ, поручилъ каждому изъ нихъ ежемѣсячно набавдать за осажденными. Послѣ долгаго ожиданія, онъ узналъ, что въ Вавилонѣ готовится къ великому празднеству, при которомъ жители посвящаютъ всю ночь пиршествамъ и распутству. Киръ въ самую эту ночь велѣлъ прокопать каналъ, съвозъ который воды Евфрата втекли во рвы въ лагерь, и тогда обмѣлѣлая рыба представила всѣ удобства переправы въ брешь. Этихъ путей войска проникли въ городъ. Защитники Вавилона, большую часть усвоенные выпомъ, изуревранные развратомъ, были перерѣзаны; бурнымъ потокомъ разошлись персы по улицамъ и площадямъ, утилая путь трупами вавилонянъ, безъ труда достигли дворца *Валтасара* (?): онъ и большая часть его собесѣдниковъ погибли подъ мечами побѣдителей... И пала „блаудница великая.“ по глаголу пророковъ; совершился надъ Вавилономъ приговоръ — огненными нисемнами начертанный на стѣнахъ царскаго жилища — перстомъ божіимъ.

На другой же день, сдѣлавъ всѣ необходимыя распоряженія о водвореніи порядка въ завоеванномъ городѣ, назначилъ себя въ тѣлохранители енуковъ, а вельможъ своихъ въ правители завоеваннаго царства — Киръ пожелалъ явиться новымъ подданнымъ въ полномъ блескѣ царскаго величія и назначилъ великолѣпнѣйшій церемоніалъ для предстоющаго благодарственнаго богослуженія. Отсюда начало безумной роскоши двора персидскаго... Можно было

(?) По халдейски Бельмат-саръ: царь, покровительствуемый Беломъ или Веломъ.

подумать, что воздух Вавилоня был пропитан заразой иги и роскоши! Киръ — этотъ воинъ-герой, съ дѣтства привыкшій ко всякъ лишеніямъ боевой жизни — въ Вавилонѣ впервые облачился въ золото, шисонъ и пурпуръ; чрезъ дѣйствіе дѣтъ, стѣны этого же сааго города были свидѣтельницами животнаго самоуниженія страстными и распутованію другаго героя древности — *Александра Македонскаго*! Современная паука очевидными фактами заставляетъ насъ вѣрить въ могучее вліяніе климата и почвы какъ на физическое, такъ и на нравственное развитіе человѣка.... допустить ли она, со временемъ, возможность существованій — въ тѣхъ же воздухѣ или климатѣ — топчайшихъ міазмовъ, тѣхъ неуловимыхъ, ни ретортою, ни микроскопомъ, атомовъ, которые можно пазвать зародышами нравственной порчи человѣка?

На зарѣ дня, назначеннаго Киромъ для торжества, все было уже готово, согласно даннымъ приказаніямъ. Путь отъ дворца до мѣста празднества былъ орошенъ; по ступенямъ главнаго крыльца были выстроены *дорифоры* ⁽¹⁾ въ числѣ четырехъ тысячъ. На площади выстроились сѣвными-ся конными, *спржавъ руки подг плачи*, въ знакъ покорности царю. Первы занимали правую сторону, союзники — лѣвую, такъ же расколоты были и колесницы... Ворота дворца, наконецъ, рухнули. Шествіе открывали *четыре быка, предназначенныхъ для принесенія въ жертву богамъ*, по указанію маговъ. За быками вели *коней, обреченныхъ на жертву Солнцу* ⁽²⁾; вели лѣвую съ позолотою *колесницу, посвященную Юпитеру*, за ней другую — *посвященную солнцу*: въ третью (вѣроятно, посвященную *огню*) были впряжены кони въ багряныхъ пополахъ, а за нею слѣдовали люди *съ огнемъ*, пылавшими въ большой металлической жаровнѣ.

(1) *Дорифоры* по гречески конькогонцы. Это была почетная стража при царяхъ персидскихъ. Она существовала впрочемъ и у царей Агиріи, Вавилона и Іудеи. Слово это встрѣчается также и въ описаніи изъ священнѣйшихъ ислонитскихъ памятн Цркви, для означенія стѣны ангельской.

(2) Напоминаемъ читателю жертвоприношенія *экане* или *зекане* у древнихъ индусовъ, см. Т. I *Индія*, Гл. XII, стр. 97—99.

Явился Киръ на колесницѣ, окруженной блестящей свитой. Голова царя была увѣнчана остроконечной тиарой, одежда его состояла изъ туники бѣлой, пополамъ съ пурпуромъ, украшенной золотымъ шитьемъ; обувь изъ золотыхъ сандалявъ. Тиару опоясывала діадыма, носить которую имѣли право ближайшіе къ царю сподвижники и всѣ тѣ, которыхъ онъ удостоивалъ титула *двоюродныхъ братьевъ*; руки царя по локоть были обнажены. Его возничій былъ поставленъ такъ, что стоялъ ниже государя. При появленіи Кира, всѣ предстояшіе *нали ницъ* — по призванію распорядителей, а можетъ быть и по собственному побужденію (какъ зачѣваетъ Ксенофонтъ), но, во всякомъ случаѣ, съ тѣхъ поръ, у персовъ вошло въ обыкновеніе надѣшемъ ницъ выдавать свое благоговѣніе въ жопархамъ. Лишь только колесница Кира спустилась съ дворцоваго крыльца, стоявшіе по бокамъ его дорифоры загнули шествіе и послѣдовали за колесницею. Свиту царя составляли: триста енуховъ верхомъ въ везикольномъ одѣянн, двѣсти конюховъ, ведшихъ коней въ драгоцѣнныхъ сбруяхъ, двѣ тысячи копейщиковъ и тридцать тысячъ ведальниковъ, паво-нецъ и войско союзниковъ. Во время шествія множество людей изъ народа, тѣсяся къ царю, подавали ему просьбы, которыя, по повелѣнію Кира, принимали его приближенные для передачи ему на благоусмотрѣніе. „Просьбы разумныя и справедливыя должны быть исполнены!“ объявилъ царь при этомъ.

Когда шествіе прибыло на поле, предназначенное служить мѣстомъ богослуженія — всего прежде принесли въ жертву *Юпитеру* ⁽¹⁾ быковъ, которые были сожжены до тла, за ними, въ честь *солнца* сожгли коней; принесли жертвы *землѣ* по обрядамъ, предписаннымъ магами и, наконецъ, *генимъ-гранителамъ* Персіи. По окончаніи жертвоприношеній были военныя тригича и ристалища, и великій день праздника заключенъ былъ великолѣпнымъ пиршествомъ. На другой день Киръ, одаривъ союзныхъ вой-

(1) Ксенофонтъ называетъ *Юпитеромъ* божество персовъ, олицетворившее творца вселенной, а можетъ быть и само небо.

ека и отблагодаривъ за службу, распустивъ ихъ по роднымъ областямъ; наградивъ своихъ сподвижниковъ и раздѣливъ между иерусалимъ и храмы персидскими войсками соотвѣща сардійскія.

Окончивъ всѣ свои распоряженія къ упроченію власти надъ завоеванными Вавилономъ, оставивъ въ его стѣнахъ соотвѣствующее число войскъ—Кирь, съ остальными своими дружинами, отправился въ Мидію; побывавъ недолго и въ Персіи, отсюда опять возвратился въ Вавилонъ, уредилъ должности *сатраповъ* (правителей, губернаторовъ) въ завоеванныхъ областяхъ, ограничивъ власть ихъ царской волею, единственно ей одной подчинивъ и находившіеся въ сатрапійхъ гарнизоны. Для надзора за дѣйствіемъ сатраповъ, въ области ихъ ежегодно пріѣзжали ревизоры, называемые царемъ изъ своихъ приближенныхъ. Ихъ называли *дильчи*, *братиями царскими*, *очами царскими*. Каждый, подобнаго ревизора, Кирь снабжалъ открытымъ листомъ, за собственной печатью, въ которомъ всѣмъ подданнымъ повелѣвалось оказывать царскому посланному возможное содѣйствіе, заботиться о его продовольствіи и удобствахъ во время слѣдованія къ мѣсту командировки. Эти открытые *листы* персидскіе историки, охотники до сказаній, называли листами чудснаго дерева, растущаго при царскомъ дворѣ, *листями*, которые горятъ и вѣять путешественника, такъ что забываютъ счу всякіе дорожные записки. *Планий* и *Диоскоридъ* поняли эту аллегорію буквально и первый въ своей Исторіи міра, а второй въ Ботаникѣ, очень серьезно толкуютъ о чудесномъ деревѣ персидскомъ, листья котораго имѣютъ свойство утолять голодъ и жажду!..

Для удобѣйшаго сообщенія между обширными своими областями, Кирь учредилъ первые въ свѣтѣ *почтовые дворы*, съ подставными лошадьми, для фѣды своихъ посланныхъ на переключныхъ. Таковы были распоряженія царя, обличающія въ немъ великаго государственнаго администратора.

Второй годъ взятія Вавилона, т. е. 536 г. до Р. Х., былъ ознаменованъ безмѣстными и безбесцѣльными указами, разрешавшими иудеямъ, плѣнникамъ царей вавилонскихъ, возвратиться въ

Иерусалимъ и отстроить храмъ Богу единому. Приводимъ подлинное свидѣтельство Писанія (*):

„Царствующему Киру Персскому, перваго лѣта, во исполненіе слова Господня, усты Иереміиними, воздвигше Господь духъ Кира, царя Перскаго, и проповѣда во всемъ царствѣ своемъ и кунно писаніями глаголю: сія глаголетъ Кирь, царь Перскій (Господь) меня постави, царя вселенной, Господь Израилевъ, Господь вышній, и называетъ мнѣ создати Ему домъ въ Иерусалимѣ, иже во Іудеи. Аще убо кто есть въ васъ, отъ языка его, да будетъ Господь съ нимъ: и возмехъ въ Иерусалимъ, иже во Іудеи—да создастся домъ Господа Израилева, сей Господь иже вселенъ въ Иерусалимъ.“

Число израильтянъ, вышедшихъ изъ предѣловъ ненавистнаго имъ языческаго царства, простиралось до 42,360 человѣкъ, не считая прислужниковъ (7,337 человѣкъ). Съ дозволенія Кира они взяли съ собою драгоценныя священныя сосуды, похищенные *Навуходоносоромъ* изъ храма іерусалимскаго и отдавшихъ ихъ въ храмъ Ваала.

Последніе годы жизни, Кирь, вѣдѣвшаго котораго повиновалось до 800,000 воиновъ—посвятивъ покоренію всѣхъ царствъ, лежащихъ отъ предѣловъ Сиріи до Чернаго моря (2): завоевавъ Египетъ—и увеличилъ, наконецъ, пространство владѣній до тѣхъ границъ, которыя мы показали читателю въ началѣ предлагаемой исторіи.

Не имѣя постоянной резиденціи, Кирь проводилъ семь зимнихъ мѣсяцевъ въ Вавилонѣ, три весеннихъ мѣсяца въ Сузѣ и два—лѣтнихъ въ Экбатанѣ—что заставило сказать о немъ, что онъ наслаждается непрерывной весной.

Годы уходили и старость,—эта предтеча смерти—побѣдителя всѣхъ побѣдителей, убивша еѣдинами голову героя. Онъ отцѣпился въ Персію—въ седьмой и послѣдній разъ въ жизни. Прибывъ въ свою отчизну, пришелъ обычнымъ жертвы богамъ, ис-

(*) См. *Зѣри*; Книга I гл. II, ст. 1—4.

(2) Слѣдовательно и Аравія была покорена имъ.

полнять въ честь ихъ *священную пляску* (1) и щедро одаривъ народъ. Утомленный обрядами, Киръ уснулъ и въ сновидѣніи явился ему исполнить царственного долга и сказалъ ему: „Царь готовься! Скоро явись ты въ ту область, гдѣ властвуютъ боги!“ Герой пробудился и понявъ, что исполнить въ сновидѣніи былъ вѣстникъ близкой его смерти. Тотчасъ же онъ приказалъ приготовить жертвы богамъ, отправился съ ними, по обычаю персовъ, *на высокую гору* (2) и здѣсь обратился къ богамъ съ слѣдующей молитвой: — „Богъ отцовъ моихъ, ты, солнце и вы все боги бессмертные, примите жертвы мои, которыми я заканчиваю мой жизненный путь. Благодарю васъ за благіе *совета*, которые вы подавали мнѣ чрезъ *внутренности жертвъ*, *небесныя знаменія*, *пророчества*, *предназначенія* — побуждая меня къ чему нибудь доброму, или предостерегая отъ чего либо дурнаго. Благодарю васъ въ особенности за то, что ни разу въ жизни моей вы не допустили меня до отрицанія вашего содѣйствія; что ни разу не дозволили мнѣ, въ минуты моего могущества — *забыть, что я человекъ*. Мнѣ объ одномъ только остается теперь просить васъ, боги,—о счастьи моихъ дѣтей, жены, друзей и родни и о исполненіи мнѣ конца, достойнаго моей жизни!“

По принесеніи жертвъ, царь ослабѣлъ и, возвратясь во дворецъ, слегъ на ложе, отказываясь отъ пищи. Въ теченіе двухъ послѣдующихъ дней бесѣдовалъ съ сыномъ, царедворцами и ратными сподвижниками, прощаясь со всѣми. Наконецъ, подавъ имъ руки и, покрывъ себѣ лице пеленою, испустить послѣдній вздохъ. Продолжительность царствованія Кира историки опредѣляютъ различно: въ семь, девять или тридцать лѣтъ, смотря по тому, считаютъ ли отъ перваго его похода, отъ взятія Вавилона или отъ смерти Ціаксара.

Преемникомъ великаго царя былъ сынъ его *Камбизъ* — тоже

великій — въ гнусностяхъ и злодѣйствахъ. О чудовищахъ, подобныхъ ему, не слѣдуетъ распространяться историкъ или слѣдуетъ писать о нихъ особую исторію, чтобы не сѣмивать *злойрей съ людьми*.

Свое вступленіе на престолъ (529 л. до Р. Х.) Камбизъ ознаменовалъ отъѣздомъ указа своего отца насательно иудеевъ: онъ запретилъ имъ продолжать начатую постройку храма іерусалимскаго.

Амэзисъ, царь египетскій и наслѣдникъ его *Псамметихъ* — уклонялся отъ платежа дани персамъ; пользовалъ этихъ, Камбизъ собралъ огромныя войска морскія и сухопутныя, пошелъ на Египетъ войною, осадилъ и въалъ *Истусу*, ключъ къ Египту со стороны Аравіи. Существуетъ преданіе (3), очевидно вымышленное, будто при осадѣ города, Камбизъ, въѣхто авангарда, выдвинулъ впередъ своихъ войскъ собакъ и кошекъ, животныхъ священныхъ для египтянъ и тѣмъ отнялъ у послѣднихъ возможность вступать въ бой.

Въ сраженіи, слѣдовавшемъ за взятіемъ Пелузы, египетскія войска были разбиты и отброшены къ Мемфису. Камбизъ отправилъ къ нимъ пословъ съ требованіемъ покорности, но ожесточенные подданные фараоновъ плыли въ щель корабль, на которомъ приплыли посланники, ихъ же изрубили въ куски.... Камбизъ овладѣлъ Мемфисомъ и взялъ въ плѣнъ фараона Псамменита со всѣмъ его семействомъ и дворомъ. Не довольствуясь побѣдой, царь персидскій, желая усугубить торжество свое, изощрялъ весь свой скучный умъ на изобрѣтеніе всевозможныхъ обидъ и оскорбленій плѣнному фараону. Одѣвъ дочь его въ лохмотья рабыни и давъ ей въ руки тяжелый кушникъ, онъ вслѣлъ провести ее на рѣку за водой, мнѣ отца, котораго заставилъ глядѣть на это зрѣлище. Псамменитъ, видя дочь, опустил глаза и ни единая слезинка не выступила изъ подъ рѣсницъ его. Тогда недостойный сынъ великодушнаго Кира велѣлъ, въѣхто дочери Псамменита, провести на казнь его сына, съ двумя тысячами затѣйлившихъ египетскихъ юншей. Они все шли съ веревками на шеѣ и не-

(1) Священныя пляски существовали повсемѣстно: въ древней Индіи, въ Китаѣ; въ Иудѣ Давидъ плясалъ предъ вочелюхъ.

(2) Напоминаемъ читателю и объ этомъ обычаѣ, повсемѣстномъ на востокъ въ глубочайшей древности.

(3) См. Polyani Strateg. VII cap. 9.

доудками, протернутыми сквозь ротъ. Псамменитъ, увидя сына, только вздохнул и опять опустил глаза; но онъ заплакалъ, увидя стараго своего друга, вельможу—въ лохмотьяхъ, просящаго милостыню. Камбизъ не могъ не подвинуться этой холодности къ дѣтямъ и жалости къ чужому, но Псамменитъ отвѣчалъ: „бѣдствія дѣтей моихъ слишкомъ велики, чтобы измѣрять ихъ слезами, другу же моему я еще въ силахъ удѣлять ихъ!“

Камбизъ, ограничиваясь этими страданіями, отсутствіемъ фараона, однако же вскорѣ, вслѣдствіе новаго мятежа въ Египтѣ, велѣлъ отравить Псамменита *бычачьей кровью*, отъ которой тотъ, по словамъ Геродота, мгновенно умеръ. Это отравленіе было предметомъ цѣлыхъ диссертаций ученыхъ минувшаго столѣтія. Что бычачья кровь не ядовита, въ этомъ убѣждаетъ насъ любой кусокъ ростбифа, хотя Плиній, а за нимъ и средневѣковые натуралисты, доказывали противное, ссылаясь на Геродота. Многие комментаторы подъ именемъ *бычачьей крови* предполагали алхимическое названіе какой нибудь красной металлической окиси—по это явная натяжка! Осмѣливаясь изъять „свое сужденіе“, мы думаемъ, что Геродотъ совершенно правъ: Псамменитъ былъ отравленъ, либо ядомъ, прижиганнымъ въ кубокъ бычачьей крови, которую его принуждены выпить, *ради удивленія надъ его религіей*; либо умеръ, именно вслѣдствіе этого—и безъ всякаго яда убитый мыслию, что грѣховъ этимъ губить свою душу. Быки были священными животными въ Египтѣ.

Не довольствуясь петиціями живыхъ, Камбизъ отправился въ Салесъ для совершенія казни надъ муміей умершаго Амазиса: приказалъ вынуть ее изъ гробницы, сѣчь розгами, вырвать бороду, колоть иглами!... Натѣшившись до сыта, царь велѣлъ бросить мумію въ огонь, чѣмъ попралъ снѣженные законы какъ Египта, такъ и Персіи. По вѣрованію египтянъ и персовъ—огонь былъ божествомъ; оба народа не жгли труновъ на томъ основаніи, что *богъ не можетъ нитаться плетомъ человѣческимъ*.... но злодѣй волю свою считалъ выше закона и людскаго и божьяго! (1).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Походъ въ Эвѳіонію.—Тулая тетива.—Гибель войска!—Печистовства и кощунства въ Египтѣ.—Убіеніе Смердиса.—Кровосмѣшеніе.—Клзны.—Самозванецъ.—Смерть Камбиза.—Сверженіе самозванца.—Олигархи.—Избѣженіе маговъ.—Возареніе Дарія, сына Гистасна.—Подати.—Мужъ, сынъ или братъ.—Усмиреніе мятежа въ Вавилонѣ.—Походъ въ Скивію.—Символическіе дары.—Бѣдствія войска.—Отступленіе.—Завоеваніе Индіи.—Бунтъ греческихъ поселеній.—Мардоній.—Битва при Марпавонѣ.—Смерть Дарія.

Въ шестой годъ своего царствованія (523 л. до Р. X.) Камбизъ задумалъ одновременно вести войну съ тремя народами: *карвагенянами, ахмонійцами и домопличными эвѳіонцами* (макробами), жителями Ливіи. Назначивъ флотъ къ отплытію въ Карвагенъ, отдѣливъ часть войска на ахмонійцевъ, онъ захотѣлъ вызвать чрезъ лазутчиковъ и землю и силы эвѳіонцовъ, и для этого вывѣлъ изъ города Элефантины — *ихтіофаговъ* (рыбодѣловъ), знавшихъ эвѳіонскій языкъ. Все это дѣлалось у Камбиза скоро, необдуманно, подъ влияніемъ минуты помпѣзательства, которому онъ, во всякъ признаніи, былъ подверженъ.

Первая его затѣя, морской походъ въ Карвагенъ, оказалась мечтою несбыточною: финикіане, на содѣйствіе которыхъ онъ разсчитывалъ, отказались дать ему свои корабли противъ своихъ же союзниковъ, родственниковъ и сроднѣнцевъ. *Другая* затѣя: походъ на ахмонійцевъ, окончилась тибелью войска Камбиза, заблудившихся въ песчаныхъ пустыняхъ; *третья*—сдѣлала его посыланнымъ людей, живой карикатурой на покойнаго своего отца, поронившаго боепі, затѣявшимъ подражать ору.

Ихтіофаги, призванные изъ Элефантины, прибыли къ Камбизу. Онъ передалъ имъ подарки, назначенные эвѳіонскому царю, а равно снабдилъ и штурмовую, какъ нѣтъ успѣхитѣ замаскировать суц-

(1) См. Геродота, книга III, гл. 16.

ность настоящего поручения. Ихтиофаги отправились въ Эоипію, представляли дарю подарки и дутались въ лютыя рѣчи о дружбѣ и расположеніи къ нему Камбиза.

Государь вашъ, отъбывалъ царь эіопскій — лукавецъ и обманщикъ, а вы никто поше, какъ его соглядатаи и лазутчики. Снесите ему отъ меня этотъ лукъ (онъ подавъ пухъ огромный лукъ съ необыкновенною тугою тетивой) и скажите, что и советую ему только тогда идти въ мое царство, когда между персами отыщется елиахъ, который бы смогъ натянуть тетиву.... Въ ожиданіи же, заключилъ царь — пусть вашъ Камбизъ благодарить боговъ, что у меня нѣтъ охоты искать завоеваній!

Лазутчики возвратились со стыдомъ, успѣвъ однако же выскоблѣть подробности пути въ Эоипію и главные пункты этой далекой страны. Камбизъ, въ бѣшенствѣ, собралъ свои войска, оставивъ въ Египтѣ только союзнаго ему, греческаго. Въ Оивахъ отрядилъ 50,000 человекъ на азмоййцевъ, поручилъ имъ съечь славный храмъ Юпитера-Аммона, а самъ пошелъ дальше. Не совершивъ еще и пятой доли предстоящаго, долгаго пути, армія Камбиза уже нуждалась въ жизненныхъ припасахъ; поѣвъ обильную скотину, лошадей, утоляя голодъ скудной растительностью савансовъ — воины дешли наконецъ до людоедства, и убивая, по жребію, нѣкоторыхъ изъ своей среды, питались ихъ мясомъ... Потерявъ нѣсколько десятковъ тысячъ своей арміи, Камбизъ вернулся въ Оивы.... со *стыдомъ* сказали бы мы, если бы доуспали хоть искру этого человѣческаго чувства въ этомъ звѣрѣ!

Изъ Оивъ, распространивъ съ союзниками-греками, которые отплыли на родину, Камбизъ отправился въ Мемфисъ, куда прибылъ во время праздниковъ въ честь *Аписа*. Вообразивъ себя, что египтяне кеселятся ради свѣху надъ его неудачей, онъ назначилъ первѣйшихъ городскихъ сановниковъ, ругался надъ жрецами и, приказавъ привести къ себѣ живое божество, быка Аписа, сворочуво ранилъ его въ бедро, издѣваясь надъ божествомъ, состоявшимъ изъ костей, мяса и крови... Этого мало! Жрецы, по повелѣнію царя, были наказаны розгами, а жители города, участвовавшіе въ празднествахъ — перерѣзаны! Тогда-то, по сказаніямъ египтянъ — боги отняли у него разумъ: и действительно, всѣ

послѣдующія преступленія доказываютъ, что съ этого времени, царь персидскій, не довольствуясь быть просто звѣремъ, сталъ звѣремъ бѣшеннымъ. Первою его жертвою былъ родной его братъ *Смердисъ* — уже удаленный отъ двора за то, что при Камбизѣ имѣлъ силу натянуть тетиву эіопскаго лука. Вскорѣ Камбизу пришлось, будто кто-то говорилъ ему, что Смердисъ, восходя на тронъ, головою достигнетъ небесъ. Объясняя себѣ это сповидніе пророчествомъ, что братъ свергнетъ его съ престола, Камбизъ послалъ къ нему въ Сузу своего приближеннаго, *Прексаспа* съ повелѣніемъ умертвить Смердиса. Повелѣніе было исполнено. Желая, какъ видно, въ своемъ лицѣ ухѣтитъ всѣ пороки, царь къ братоубійству присоединилъ и кровосмѣшеніе. Онъ влюбился въ одну изъ своихъ сестеръ и вздумалъ на ней жениться, но такъ какъ примѣръ этотъ былъ первый въ Персіи — царь спросилъ мнѣнія о немъ у государственныхъ совѣтниковъ. Они дали самый уклончивый отвѣтъ: примѣра не бывало и въ законахъ подобнаго нѣтъ; но есть другой законъ, позволяющій царю дѣлать въ Персіи все, что ему ни заблагоразсудится... Камбизъ женился на одной своей сестрѣ, а тамъ, вскорѣ и на другой. Вторую онъ убилъ *за то*, что она осмѣлилась при немъ плакать объ убійствѣ Смердиса. Ненстоства Камбиза въ Египтѣ — неисчислимы; они соединились преимущественно съ кощунствомъ, богохульствомъ или ядовитой ироніей надъ священными чувствами человека... Такъ, напримѣръ, Камбизъ въ глазахъ своего клерика Прексаспа (убійцы Смердиса) застрѣлилъ изъ лука его сына, желая этимъ доказать, что персы напрасно считаютъ его за сумасшедшаго. Старый Крезъ, со времени Кира жившій при дворѣ персидскомъ, за свои правдивыя укоризны подвергнутъ былъ приговору къ смерти. Получивше этотъ приказъ пожелали невольничеству въ надеждѣ, что Камбизъ одумается... Действительно, на слѣдующій день, онъ одумался, пожалѣлъ о Крезѣ и очень обрадовался, когда старикъ представилъ предъ его ясныя очи, цѣль и невѣжество. Очень порадовался Камбизъ — но осудившимъ способомъ безчеловѣчному приказу, все-таки, предать жестокой казни!..

Покуда царь въ Египтѣ являлъ, такимъ образомъ, невиданные

до того времени прихтеры жидовстей, до которых только может дойти человек, два брата, маги *Намизиев* и *Смердис*, оставили заговоръ, ишедшій цѣлю возведеніе на престолъ второго изъ нихъ, тезки убитаго царскаго брата и поразительно похожаго на покойнаго (*). Магамъ удался ихъ замыселъ, чему не мало способствовало и то обстоятельство, что убіеніе настоящаго Смердиса сохранилось отъ народа въ глубочайшей тайнѣ.

Камбизъ со своимъ войскомъ находился въ Экбатанѣ сирійской, когда въ городѣ этотъ пришла вѣсть о воцареніи самозванца. Разспросивъ вѣстника и получивъ отъ убійцы настоящаго Смердиса самыя убѣдительныя доказательства дѣйствительнаго его убіенія, Камбизъ узналъ наконецъ, чья это продѣлка. Тутъ-то онъ вспомнилъ о своемъ пророческомъ свидѣніи и заплакать о невинно-убиенномъ братѣ! Не теряя ни минуты, царь собралъ войска, чтобы вести ихъ въ Сузу, во вторыхъ, садясь на коня, печально поранилъ себя мечемъ въ ногу. Рана эта его особенно встревожила, когда на его вопросъ, какъ имя города, ему отвѣтили, что городъ зовутъ Экбатаномъ. За нѣсколько времени передъ тѣмъ, ограбувъ города Буго (на устьяхъ Нила), предрекъ Камбизу, что онъ кончитъ дни свои въ Экбатанѣ. Царь полагалъ, что пророчество относилось къ Экбатанѣ мидійской... но, какъ бы то ни было, оно сбылось и Камбизъ умеръ не столько отъ раны, сколько отъ суетливой шапши, убѣждая всѣхъ окружающихъ одръ его не признавать власти самозванца и свергнуть даже-Смердиса. Со смертію Камбиза, дѣло однако же ухаживало. Прексаспъ объявилъ, что самозванецъ есть дѣйствительно братъ царя, чудесно спасшійся отъ смерти... Персы признали власть, хитростью присвоенную, и преемникомъ Камбиза былъ даже-Смердисъ—благодаря таинственности убіенія Смердиса настоящаго и всему разительному сходству съ послѣднимъ. Въ первый же день

своего воцаренія Смердисъ (*), по просьбѣ самаритянъ, воспретилъ жидеамъ доставлять Иерусалимъ и, желая списать любовь своихъ подданныхъ, избавилъ ихъ на три года отъ платежа податей и обязательной военной службы. Послѣдняя мѣра лишила мага-самозванца защиты отъ вспыхнушаго вскорѣ возстанія. Смердисъ навлекъ на себя подозрѣнія тѣмъ, что избѣгая личнымъ свиданіемъ съ вельможами, всѣ приказанія свои отдавалъ чрезъ посредство нѣсколькихъ приближенныхъ евнуховъ. Знатный персъ *Отанъ*, тестъ покойнаго Камбиза, поручилъ своей дочери *Федимъ*, доставшейся въ наслѣдство Смердису, удостовѣриться кто именно новый царь: обманщикъ или братъ Камбиза. Для этого онъ велѣлъ ей, во время сна царя на ея половинѣ, осмотрѣть его уши. Неполнивъ желаніе отца, Федима объявила ему, что уши у царя—отрѣзаны. Отанъ зналъ, что позорному этому наказанію, при покойномъ Кирѣ, былъ подвергнутъ одинъ изъ его маговъ. Уланъ была на лицѣ. Тестъ Камбиза сообщилъ о томъ друзьямъ своимъ *Аспадну* и *Габріату*, къ нимъ присоединились еще вельможи: *Имтафергъ*, *Мембизъ*, *Гударій* и только что прибывшій въ Сузу сынъ Гистаспа — *Дарій*. Эти семеро заговорщиковъ рѣшили свергнуть самозванца, въ чемъ имъ много помогъ переметчикъ Прексаспъ, теперь распутившій въ народѣ молву, что царь, некто иной, какъ магъ, мидійскій. Заговорщики проникли во дворецъ, закололи преданныхъ самозванцу евнуховъ и достигли до чертоваго самозванца и его брата. Оба, послѣ отчаяннаго сопротивленія, были убиты, трупы ихъ огрублены и выставлены на показъ народу. Независимо отъ этого справедливаго наказанія, свергнувшие самозванца умертвили всѣхъ маговъ, которыхъ только могли отыскать во дворцѣ и въ городѣ. Исполнивъ, день этотъ праздновали особымъ торжествомъ, называемымъ: *избѣженіемъ маговъ* (магофонія). Въ этотъ день ни одинъ изъ этой касты не осмѣливался показываться на улицѣ.

(*) Обстоятельства воцаренія персидскаго самозванца во многомъ напоминаютъ нашего Гришку Отрепьева, коимъ изображаютъ его дѣтописецъ.

(*) Самозванца древніе историки называютъ различными именами. Въ книгахъ писанія: Артаксергесомъ; Геродотъ Смертисомъ, Ктезид-Сфендидатомъ. Эсхиль—Мардомъ, а Пусинъ—Оропастомъ.

Уплативши самозванца и истребивъ его приверженцевъ, заговорщики приступили къ важному вопросу объ установленіи новаго правительства. Отанъ предлагалъ республику демократическую, т. е. правленіе народное; Мегабизъ—олигархію; Дарій стоялъ за единодержавіе. Последнее имѣло верхъ и Отанъ тотчасъ же отступился отъ всякихъ притязаній на престолъ, съ единственными условіями, чтобы онъ и все семейство его оставалось свободными. Новаго царя рѣшили избрать изъ гряды шестерыхъ остальныхъ освободителей Персіи — *бросивъ жребій*, причемъ заключили договоръ, что сотоварищи избранника останутся первыми по нечъ великодами съ правомъ невозвращаго, во всякое время, входа въ его чертоги. Жребій состоялъ въ томъ, что царемъ будетъ тотъ изъ шестерыхъ претендентовъ, чей конь первый вырвется при восхождѣ солнца. Съ помощью своего конюшаго *Зварета* (спрятаннаго въ кустахъ у сборнаго мѣста—*кобылицу*), Дарій заставилъ заржать своего коня прежде прочихъ—и съ сѣдла пересѣлъ на престолъ персидскій. При выборѣ *коня*, въ орудіе судьбы, Дарій и товарищи его руководились идеей религіозной, такъ какъ конь, у древнихъ персовъ, былъ посвященъ солнцу и почитался животнымъ священнымъ.

Дарій, сынъ Гистаспа, воцарился въ 521 г. до Р. X. Происходя отъ царственнаго семейства Ахеменидовъ, онъ, для лучшаго еще упроченія власти, породнился съ персидскъ домахъ, взявъ себѣ въ жены двухъ дочерей Кира, его вичуку, дочь Смердиса и дочь Отана—главнаго вавилонина своего воеваренія. Царство свое Дарій раздѣлилъ на двѣнадцать *сатрапій*: обложивъ ихъ правильными денежными податями, которыя, въ предыдущіи царствованія, приносились, по мѣрѣ надобности, деньгами или пашурою. Вслѣдствіе этой мѣры, у персовъ сложилась пословица: Дарій—торгашъ, Кобылизъ—властитель, Киръ—отецъ (1). Такихъ образомъ, государственнй доходъ представлялъ цифру въ 14,560 талантовъ (около 39 миліоновъ нашихъ серебряныхъ рублей).

(1) См. Геродота, книга III, гл. 89.

Таготаясь ошекой бывшихъ своихъ сообщниковъ, Дарій подъ благовиднымъ предлогомъ казнилъ одного изъ нихъ — *Итаферна* и съ нимъ нѣсколькихъ его родственниковъ. Историки сохранили намъ преданіе о жемѣ несчастнаго, умолившаго царя о пощадѣ приговоренныхъ къ смерти. Тронутый Дарій рѣшился помиловать только одного, но еи выборъ; выбирать же ей пришлось между мужемъ, дѣтми и братомъ. Она указала на постыднато, сказать царю: я могу найти другаго мужа, отъ котораго у меня могутъ быть еще дѣти, но другаго брата мнѣ не найти! Царь отдалъ ей выѣхать съ братомъ и старшаго сына, прочихъ казнилъ.

На третій годъ царствованія Дарія—или на второй, но кшгамъ іудейскимъ (1) — самаритяне, продолжая интриговать противъ іудеевъ, донесли ему, что послѣдніе, не взирая на запрещеніе Смердиса, продолжаютъ строить Іерусалимъ, ссылаясь на старинный указъ Кира. Дарій подтвердилъ іудеямъ благодѣтельный этотъ указъ, разрѣшивъ, кромѣ города, достраивать и храмъ, обращая на расходи слѣдующіи въ казну подати (2). Въ 516 г. до Р. X. (пятый царствованія Дарія), влххнухъ мятежъ въ Вавилонѣ, при которомъ вигуренты, запершій въ городѣ, приготавились къ отчаянной зашитѣ. Девятнадцать мѣсяцевъ безуспѣшно осаждалъ царь мятежную столицу, которую однако же овладѣлъ, благодаря хитрости и коварству *Зонира*, сына Мегабиза, сыгравшаго съ вавилонянами уже шутку, какую сыгралъ при Кири—Дарепѣ. Зониръ обрилъ себѣ голову (3), обрѣзавъ пость и уши и передалъ вавилонянамъ, будто бы для отпущенія изуродовавшему его Дарію; вкраденъ къ нимъ въ довѣренность, водилъ ихъ противъ своихъ, принималъ участіе въ вылазкахъ, при которыхъ рѣзалъ персовъ нехилосердно... добился наконецъ до того, что вавилоняне довѣрили ему защиту всего города, который онъ и предалъ изъ рукъ въ руки своему законному царю,

(1) См. Эздры, кн. II, гл. 4, ст. 24 и прор. Аггея: гл. I, ст. 1.

(2) Эздры, кн. I, гл. 3 и 6.

(3) Данные волосы у персовъ были отличительнымъ признакомъ знати.

чего ради повелел на себя направлину и изуродовался такимъ ужаснымъ образомъ. Вторично палъ буйный Вавилонъ и на этотъ разъ позориле первого: Дарій приказалъ разрушить его стѣны, сбить городскія ворота и казнить три тысячи знатнѣйшихъ гражданъ.

Усмиривъ мятежъ, Дарій, по примѣру Камбиза, неудачно ходившаго войной въ Эфиопію, задумалъ послать со *скинами*, желая показать ихъ за истреженіе въ Мидію — сто двадцать лѣтъ тому назадъ. Тщетно братъ царя *Артабанъ* отклонялъ его отъ безразсуднаго намѣренія — царь упорствовалъ и дѣлательно занялся приготовленіями къ походу. Выступленіе свое онъ ознаменовалъ однимъ изъ тѣхъ звѣрскихъ подвиговъ, на которые былъ такъ изобрѣтателемъ Камбизъ. *Завлазъ*, знатный персъ, умолялъ царя не отнимать у него всѣхъ троихъ сыновей для слѣдованія въ Скіею и оставить ему хоть одного.

— Я тебя оставлю всѣхъ! отвѣчалъ Дарій — и дѣйствительно оставилъ — казнивъ всѣхъ трехъ сыновей. Многочисленныя войска Дарія, согласно поставленному царемъ маршруту, шли на берега Босфора арабійскаго. Здѣсь, ничего еще не видя, соорудили намытники съ горделивымъ оповѣщеніемъ этого подвига и пещеленіемъ войска, простиравшагося крошѣ экипажа 600 кораблей, до 700,000 человекъ пѣхоты и конницы. Перейдя чрезъ Босфоръ, посредствомъ плотоваго моста, Дарій велъ своихъ воиновъ чрезъ Оринію и земля готова, низходящюю покоренную. Достигнувъ береговъ *Истера* (Дуная), Дарій переправилъ войска на противуположный берегъ, приказавъ совзвизавъ сплывч. іонійцамъ, разобратъ наведенный или мостъ и слѣдовать за нимъ, но передумавъ по совѣту *Козма*, предводителя митиденцевъ, и отложилъ разводку моста на шестидесять дней, наказывая грекамъ возвратиться домой, безъ него, если они не возвратятся на берегъ изъ вѣтренности страны къ этому сроку.

Избѣгая столкновеній съ завсвателемъ, скиномъ, отсутствуя передъ нимъ, заманивали его подалеже отъ береговъ, повсюду истребляя запасы и тѣмъ дѣлая возвратный путь персовъ крайне затрудни-

тельнымъ (*). Дарій расположили лагеремъ, въ которомъ вскорѣ обнаружился жестокой голодъ. Тогда скинскіе вожди прислали къ нему посланцевъ, которые, вручивъ Дарію пять стрѣлъ, птицу, мышъ и лягушку, безъ всякихъ объясненій возвратились къ себѣ. Дарій истолковалъ себѣ эти странные дары скиновъ выраженіемъ ихъ покорности; но одинъ изъ его спутниковъ, *Габрианъ* объяснилъ эти символы иначе: по его словамъ, скиномъ хотѣли сказать: даро: зарывайся въ землю какъ мышъ, устай какъ птица, прячься въ болото какъ лягушка, вездѣ и всюду скинскія стрѣлы настигнутъ тебя!

Голодъ и болѣзни въ лагерѣ наконецъ принудили Дарія къ отступленію. Ночью, безчеловѣчно покинувъ больныхъ и раненныхъ, онъ неспешно бѣжалъ къ берегамъ Истера, куда прежде его прибыли скинскія дружины. Последніи предлагали іонійцамъ, разобратъ мостъ на тотъ берегъ и тѣмъ отрѣзать царю передекому дальнѣйшее отступленіе. Правитель Херсонеса арабійскаго, *Мальциадъ* аевксійскій совѣтовалъ грекамъ исполнить желаніе скиновъ и погубить Дарія... Они, вѣдь, согласились — по ихъ отговорилъ одинъ изъ вождей, *Гисмелъ*, тирязъ милетскій. Во избежаніе споровъ со скинами, греки разобрали часть моста — но лишь только враги удалились на поиски за передекимъ царемъ, Дарій другою дорогою пришелъ на берегъ Истера и переправился съ войсками на противоположный берегъ. Оставивъ, подлѣ началствомъ Мегабиза 80,000 войска въ Херсонесѣ, Дарій съ оставшимися войсками направился въ Сардестъ, гдѣ и перемановалъ. Мегабезъ, между тѣмъ, покорилъ передекой державѣ всѣ народы Геллеспонта, въ числѣ прочихъ странъ и Македонію, гдѣ посланники Мегабиза, за ихъ наглость и оскорбленіе женъ и дѣвицъ, были перерѣзаны. — Въ 508 году до Р. Х. скиномъ оустожили Эрацію, пользуясь отсутствіемъ Дарія, покорившаго этихъ временъ *Индію*. Геродотъ, упоминая объ этомъ важномъ событіи

(*) Черезъ 232 лѣтъ точно такой же системы войны придерживался великій потоцекъ древнихъ скиновъ съ завоевателемъ Европы XIX столѣтія. Походъ Наполеона I въ Россію — былъ повтореніемъ экспедиціи Дарія въ Скіюю.

(кн. IV гл. 44) умалчиваешь, однако, о подробностях похода въ эту великую страну.

Черезъ четыре года (504 г. до Р. X.) вспыхнулъ мятежъ въ іонійскихъ поселеніяхъ. Жители рѣшились свергнуть нго правителей (тирановъ), хотя и своихъ единокровныхъ, по тѣмъ же мѣстамъ покорѣвшихъ рабовъ двора персидскаго. Власть тирановъ исчезла по всей Іоніи; Аониі послали въ Милетъ свои корабли на помощь возставшимъ. Во главѣ возстанія явился правитель Милета—*Аристайоръ*. Онъ овладѣлъ Сардессомъ, который случайно былъ при этомъ выжженъ до тла... Греческія войска, тѣснимыя персами и мидянами, отышли въ Эфесъ, близъ котораго были разбиты и разсыяны; аониіне, ихъ недавніе союзники, отступились отъ нихъ. Дарій, возбѣшенный вѣстями о возстаніи греческихъ поселеній и сожженіи Сардеса, рѣшился жестоко отмстить мятежникамъ и ихъ союзникамъ. Для поддержки въ себѣ ярости, велѣлъ одному изъ царедворцевъ разжигать ее ежедневно напоминаямъ объ аоніянахъ. Мятежъ, между тѣмъ, возрасталъ и принималъ угрожающіе размѣры; іонійцы освободили изъ подъ ига персовъ всѣ принадлежавшія имъ греческія поселенія по берегамъ Геллеспонта, въ числѣ ихъ—Карію и Кизиръ. Персидскія войска, раздѣленные на три арміи послѣ кровопролитныхъ битвъ съ инсургентами, покорили мятежные города; но покоренія эти стоили имъ слишкомъ дорого, да сверхъ того, ослабляли военныя силы царя, вследствие необходимости оставлять гарнизоны въ каждомъ покоренномъ городѣ. Гнѣтіей, одинъ изъ главнѣйшихъ виновниковъ мятежа, былъ взятъ въ плѣнъ въ Мизію и распятъ на крестѣ въ Сардесахъ. Отрубленную и поселенію его голову Артаферсъ послалъ Дарію; но царь, помня прежнія заслуги Гнѣтіея, велѣлъ похоронить голову его съ должными почестями (*). Не довольствуясь усмиреніемъ мятежа, царь жаждалъ отмстить аоніянамъ за ихъ измѣнничество и въ 494 г. до Р. X. послалъ морскія и сухопутныя войска въ Грецію, но съ предвѣдигельствомъ зятя своего *Мардонія*. Флотъ персидскій овладѣлъ Эвросомъ, сухопутныя

войска—Македоніей. Во время пути кораблей изъ Аканеа они были истреблены бурей у Афонскаго мыса, при чемъ погибло свыше двадцати тысячъ человѣкъ. Около этого же времени сухопутныя войска Мардонія, расположенныя укрѣпленіемъ лагеремъ въ Македоніи, много пострадали отъ почнаго нападешя ерарійцевъ и самъ главнокомандующій былъ раненъ. Послѣ непродолжительной стоянки, войска Дарія возвратились домой, довольствуясь (за неизвѣніемъ другой прибыли) покореніемъ Македоніи—козлея будущаго завоевателя міра.

Второй походъ на Грецію, не смотря на великія приготовленія—былъ еще неудачнѣе. Дарій всего прежде велѣлъ уничтожить всѣ укрѣпленія на островѣ Эвбосѣ и весь его флотъ отвѣсти въ Абдеру. Желая вызвать мнѣніе о немъ грековъ, а вѣдѣть съ тѣмъ ихъ средства въ защитѣ, царь персидскій отправилъ во всѣ области пословъ, требовавшихъ отъ грековъ отъ его плени—*воды и земли*, т. е. безусловной покорности... Почти всѣ города и всѣ острова дали желанною отвѣтъ, кромѣ Аоніи и Спарты. Аоніяне свергли пословъ Дарія въ пропасть, въ которую бросали преступниковъ, а спартанцы—въ колодезь, говоря при этомъ, что они дадутъ имъ и землю и воду. Дарій послалъ мидянина *Датиса* и *Артаферна* (сына) съ огромными арміями, съ повелѣніемъ поработить непокорныхъ (490 г. до Р. X.). Изъ Киликии на 600 трехдечныхъ галерахъ воцѣли въ Іонію на Самохъ; съ Самоха въ море Икарійское (обѣяя берега Аона). Покоривъ Наксосъ и нѣкоторые другіе острова, Датисъ направился къ Эвбосѣ. Эретрійцы, подкупленные аоніянами, выдержали шестидневную осаду; на седьмой день, два измѣнника предали персамъ городъ, который былъ выжженъ, храмы ограблены, а жители уведены въ неволю. Изъ нихъ образовали особое поселеніе близъ Сузы. Покоривъ Эретрію, персы воцѣли въ берегамъ Аттики и здѣсь то, на равнинахъ *Маравона*, послѣ упорнаго, кровопролитнаго боя, *Мильиада*, сынъ Клеява, разбилъ персовъ на голову и, отбросивъ ихъ къ морскому берегу, овладѣлъ семью кораблями. Потеря со стороны аоніявъ ограничивалась 192 человѣками; персовъ легло на мѣстѣ до 6400. Попытка персидскихъ

(*) См. Геродота, кн. VI, гл. 25 и 30.

войск овладѣть Аоніями только удвоила ихъ позоръ и славу воинягъ... Галеры Дарія ушлили въ Азію.

Вторичная неудача не ослабила энергіи въ персидскомъ деспотѣ и онъ дѣятельнѣе прежнего занялся приготовлениями къ третьему походу, но въ это самое время пришла къ нему вѣсть о возстаніи египтянъ (487 г. до Р. Х.). Пришлось вѣсто одной войны вести двѣ, а тутъ еще, какъ на зло, возникли распри между двумя сыновьями царя изъ-за правъ престолонаслѣдія: *Артабазисъ* ссылался на свое старшинство, *Ксерксъ* — на происхождение, такъ какъ по матери онъ былъ внукомъ Кира. Дарій объявилъ *его* своимъ наслѣдникомъ и тѣмъ прекратилъ дальнѣйшіе споры. Назначеніе наслѣдника было тѣмъ нужнѣе, что черезъ годъ Дарій умеръ (485 г. до Р. Х.), послѣ тридцатисестилѣтняго царствованія.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Ксерксъ.—Умирненіе Египта.—Продолженіе войны съ греками.—Силы персовъ, ихъ численность и вооруженіе.—Мостъ черезъ Геллеспонтъ.—Солнечное дерево.—Потопленіе рѣки.—Казнь сына Пеліона.—Смѣна при Артемизіушъ.—Вермонтъ.—Взятіе Аоніи.—Саламинская битва.—Платея.—Микалѣ.—Отступленіе.—Грабежъ и разореніе храмовъ.—Зимствіе Аместриды.—Окончательное ступленіе Ксеркса.—Его убійство.

Отложивъ до времени заботы о покореніи Греціи, *Ксерксъ* все свое вниманіе назывался обратить на умирненіе Египта, однакоже успѣвшихъ доучившимъ просѣбавъ Мардоніи и царей вассалійскихъ, возмевшихъ его въ войну съ греками. Мардоній, похваляя царю Грецію со мнѣши ея богатствами, утверждать, что только Ксерсу слѣдуетъ быть ея обладателемъ. Умиривъ Егип-

петъ, царь всецѣло продавался сумасбродной мысли покоренія Греціи, а съ нею и всей Европы; заговорила въ Ксерксѣ кровь его дѣда и въ сердцѣ воскресла отцовская непакисть къ грекамъ. Четыре года посвятилъ онъ приготовлениямъ къ войнѣ и на пятый сталъ во главѣ несчетныхъ, до того времени невиданныхъ полчищъ. Тутъ были представители всѣхъ народовъ, подвластныхъ Персіи, и мы, безъ всякаго опасенія прискучить читателю, представляемъ ему перечень войскъ Ксеркса и расскажем о ихъ вооруженіи, заимствованный у Геродота (*). Число всѣхъ войскъ (говоритъ онъ), какъ морскихъ, такъ и сухопутныхъ, составляло *пять миллионовъ двести восемьдесятъ три тысячи двести двадцать человекъ*. Пѣхотою предводительствовали: *Мардоній, Триптантѣмессъ* (двоюродный братъ царя), *Смердомонессъ и Мазистъ* тоже; *Гергисъ и Метабизъ*. Особымъ десятитысячнымъ корпусомъ *безсмертныхъ* командовалъ Гидарнессъ. Конницей предводительствовали сыновья Датиса: *Гарманиерсъ и Тисей*; флотомъ: родственники царя *Ахемонессъ и Ариабгнесъ, Преклассъ, Метабизъ и царя Артемиза*... Какую веструю, живую картину представляетъ у Геродота слѣдующій перечень войскъ Ксеркса: *Персы* были въ мягкихъ войлочныхъ шапкахъ, разноцвѣтныхъ туникахъ съ длинными рукавами, жѣззныхъ латахъ, выкованныхъ наподобіе рыбьей чешуи, и въ длинныхъ шароварахъ, скрывавшихъ ихъ ноги. Вооруженіе ихъ состояло изъ тростниковыхъ пинтовъ (*персиссовъ*), колчана съ короткими дротиками, большихъ луковъ съ камышевыми стрѣлами и клижаловъ, привѣсившихъ къ поясу по правому боку. Такъ же точно одѣты и вооружены были *лидіи, кассійцы и гирканійцы*. Головной уборъ *ассирійцевъ* состоялъ изъ мѣдныхъ шлемовъ; ихъ щиты, дротики и мечи походили на египетскіе. Кромѣ того они были вооружены деревянными булавами, обожженными желѣзными шипами, тѣло ихъ было защищено лиліевыми напцарми. Головной уборъ *бактрійцевъ* походилъ на уборъ мидянъ. Луки ихъ были камышевые, а стрѣлы короткіи. *Аріане,*

(*) Кн. VII, гл. 60.

паров, хоросийцы, сондиане, индарицы и дидакицы отличались особенным не отличались от них. Сакийцы были в войлочных колпаках и кроме луков и мечей вооружены были двойными бердышами (сагирисы). Индийцы были в одеждах льняных; касийцы в козихих шкурах... Аравитяне были вооружены длинными луками; эионы, одетые в льняные и леопардовые кожи, были вооружены пальевыми луками длиной в пять длин, дротиками с наконечниками из сайгачьего рога, отточенного как жезло, и тяжелыми напичами. Отправляясь на битву, они обмывали одну часть тела гипсом, другую — кинорарью. Эионы восточные, вместе племен, покрывали головы лошадиными кожами, соединенными с коневых голов вместе с гривой, щиты у них были из журавлиных шкурок (?). Андийцы были укутаны в звериные шкуры, дротики же у них были железные, закаленные в огнь... Головы нафламийцев были покрыты кольчугами; еракийцев — льнами шкурками; еракийцев азийских — медными шлемами с бычьими ушами и рогами, обшитыми грекушами. Шлемы жителей Коланды были деревянные, а щиты из сыромятной воловьей кожи. Но несомненно Геродоту илидесяти народов входили в состав ополчения Ксеркса! Не персы готовились к походу на греков — цзялая Азия угрожала вторжением своим Европу. По повелению Ксеркса, в течение трех лет прорыли каналом перешеек, соединявший море горы Афонской с твердою землею, близ города Сана. То были труды титанов, подвиги для ублажения памяти о всемогущем царе иридаваго. Через рёку Стримох для переправы войска был наведен мост; через Геллеспонт вострогетви навели еще два других. На балюне берегу Еракис, в Дорнек, Эион и в Македон сложены были богатые запасы продовольствия.

Из Кашадокин, где собраны были все войска Ксеркса, он, со своей армией, пошел к Сарде. На дороге, царь наездил великодушный явор (Platanus orientalis L.), украсив который зо-

лотыми браслетами, ожерельями, он поручил охранению отряда безсмертных. Ксеркс при этом руководил мыслью религиозная: явор у персов почитался деревом свлещицы; почести, возданные царем этому дереву, были приношением богам и памяти героев. В Абидос, для переправы войска, через Геллеспонт были наведены два моста в 375 сажень длиною каждый... Буря сорвала их и разбила флахишоты тотчас же по окончании работ. Ксеркс в бытность велел дать Геллеспонту триста ударов бичем (!) и бросить в эту рёку пару кандалов, говоря ей: „Вода горькая и соленая! Владика твой наказывает тебя за то, что обижаешь тобою без всякой причины. Царь Ксеркс, волей или неволей, перейдет через твои волны. Не даром, никто не хочет приносить тебе жертв — ты рёка соленая и обмывчивая!“ — И это наказание рёки было следствием религиозных проповедей персов, признававших рёку — божествами: Ксеркс надругался на божеством рёки греческой. Распорядители работ при наведении мостов были обезглавлены, а вместе разрушенных мостов были наведены новые, один на 360, а другой на 314 судах, удерживавших мертвыми якорями (?). На пути в Абидос, Ксеркс озорил себя дёлом безчеловечным, которое можно назвать повторением истории Дария с сыновьями Эпаса. Индийцы Пиной просил Ксеркса уплатить от похода старшего из племей (то сыновей. — „Презрительный!“ отвечал избалованный царь „из Греции, крокодил, идути мои братья, дёти, друзья... а ты, раб мой, съешь говорить о своем сыне?“ По приказанию царя, сын Пиной был разрублен пополам и части его тела были поставлены к сторонам въезда на дорогу, по которой следовали войска. Партий отряд состоял из двух тысяч человек отборнейших вадиков и

(1) У нас сохраняется в народном предании о том, как Петръ Великій съѣзъ кнутомъ Ладожское озеро.

(2) На мертвыхъ якоряхъ держатся и наши флахишотные мосты (Литенный, Дворцовый, Троицкий). Якоря брошены на обѣ стороны съ лѣса и горы, что даетъ возможность судну удерживать сильнѣйшіе напоры вѣтра и теченія.

(*) Вероятно изъ строфаннаго кожи.

пѣшихъ войновъ, вооруженныхъ копьями; за ними вели десяти священныя лошадей низкихъ, покрытыхъ богатыми уборами. Потомъ слѣдовала колесница Юпитера, запряженная восьмеркою бѣлыхъ коней, безъ возничаго, ведомыхъ подъ уздцы. — За колесницею ѣхалъ царь. Въ числѣ его тѣлохранителей была тысяча дорифоровъ, у которыхъ наконечники копій, надетыя остри, были украшены золотыми гребенчатыми яблоками; у девяти тысячъ другихъ яблоки были серебряными. На вѣснѣхъ приваля арміи Ксеркса, у подножья горы *Иды* разразилась страшная гроза, погубившая много народу. При слѣдующей остановкѣ на берегахъ *Скамандра* — войска исчерпали всю воду рѣки до суха. Ксерксъ осмотрѣвъ здѣсь остатки дворца Пріама, принесъ тысячу быковъ въ жертву *Минералъской*, а маги совершили воззваніе въ честь героевъ страны. Въ Абидосѣ происходила смотръ войскъ, при которомъ царь, воссядая на тронѣ изъ бѣлаго мрамора, могъ видѣть и сушу, покрытую безчисленными войсками, и море, покрытое кораблями и галерами. Немедленно во восходѣ солнца приступилъ къ переправѣ черезъ Геллеспонтъ. На мостахъ жили благоговой, усматривая наплывъ митровыхъ вѣтняи. Ксерксъ, совершая изъ золотого кубка воззваніе морю, молился солнцу о вынесении ему желаннаго успѣха. Окончивъ молитву, онъ бросилъ въ Геллеспонтъ кубокъ, золотую чашу и персидскій мечъ. Это было сигналомъ къ переправѣ: черезъ одну мостъ пошли войска, черезъ другой обозъ и прислуга; корабли, распуская паруса, вскоре скрылись изъ виду. Переправа персидскихъ войскъ съ малоазіатскаго берега на греческій, продолжалась семь сутокъ.

Исторія нашествія Ксеркса на Грецію съ дѣтства извѣстна каждому изъ насъ вѣстѣ изъ именъ *Леонида*, *Фемистокла* и *Аристиды*, а потому, не вдаваясь въ изпипія подробности, мы ограничимся бѣлымъ обзоромъ неудачъ персидскаго завоевателя, самыя побѣды котораго, поглождавшія тысячи людей — стояли пораженій. На первый случай, флотъ персидскій пострадалъ отъ страшной бури у скалистыхъ прибрежій горы *Пеліона*: до четырехъ сотъ судовъ было разбито и, кромѣ соотвѣтствующаго числа воиновъ, въ волнахъ погибло много сокровищъ и запасовъ продовольствія. Когда остальные суда, переимѣняя позицію, обгнали мѣстъ *Магис-*

зій, греки захватили пятнадцать отставшихъ кораблей. Эта неудача персовъ на морѣ была прологомъ къ послѣдующимъ славнымъ пораженіямъ ихъ флота при *Артемизіумѣ*, *Саламинѣ* и *Микалѣ*. Сухопутныя войска, предводимыя Ксерксомъ, расположились лагеремъ въ Трахиніи, въ *Мелидѣ*; семь тысячъ грековъ, подъ предводительствомъ царя спартанскаго *Леонида*, преграждали имъ дальнѣйшій путь черезъ горное ущелье *Вермопильское*. Цѣлую недѣлю, изо дня въ день, Ксерксъ прорывался сквозь эту позицію — и каждый разъ принужденъ былъ отступать предъ храбрѣйшимъ, хотя и малочисленнѣйшимъ непріателемъ... Наконецъ, благодаря измѣнѣ *Эфиалта*, указавшаго тропинку къ неприступнымъ, но видимому, Вермопиламъ, персы овладѣли ими. Греки съ Леонидомъ легли костью, но и персовъ погибло до двадцати тысячъ; въ числѣ ихъ были два брата Ксеркса. Въ самый день этого позорнаго торжества персовъ на сушѣ, флотъ царскій схватился съ греческимъ, близъ гавани Артемизіума и снова потерялъ какъ отъ бури, такъ и отъ храбрѣйшаго непріятеля. Греческіе корабли, правда, сошли со своей позиціи, но за каждую сажень пространства, захваченнаго персами на поверхности моря, имъ пришлось заплатить нѣсколькими кораблями.

Вермопильскимъ ущельемъ Ксерксъ проникъ въ *Дориду* и *Фокиду*, предавъ послѣднюю область огню и мечу. Подвиги эти были ему тѣмъ болѣе легки, что Фокида жителями своими была покинута. Въ городѣ *Панонѣ*, Ксерксъ раздѣлилъ силы свои на двѣ арміи: первая, подъ его начальствомъ, пошла къ Аоніамъ; вторая къ храму дельфійскому, вѣнчая и опустошая городъ. По сказаніямъ Геродота (1), при приближеніи войскъ къ храму *Минервы-Пронны* — надъ ними разразилась страшная гроза; съ вершины Парнасса посыпались обломки скалъ и похавили множество воиновъ. Эти чудеса побуждали персовъ къ отступленію, при которомъ дельфійцы гнали ихъ и рубили безпощадно. Первая армія достигла *Аониза*, овладѣла городомъ и, расположившись лагеремъ на холмѣ *Ареопаса*, осадила жителей въ *Акрополисѣ*

(1) Книга VIII, гл. 37.

(кремль), въ которомъ храмъ Минервы служилъ вмѣхъ крѣпостью. Гордо отвергая всѣ предложенія о сдѣлѣ, осажденные скатывали на осаждавшихъ громады глыбы камня, при малѣйшемъ покушеніи персовъ идти на приступъ. Последнимъ несчастливилось, однако, пропикнуть въ Акрополь, пыжечь его весь, переѣзжать жителей и разграбить храмъ Минервы. Овладевъ Афинами, Ксерксъ немедленно послалъ къ Артабану, въ Сузу. вѣстника съ увѣдомленіемъ о своемъ торжествѣ. Жители Сузы, въ знакъ праздника посыпавъ улицы широкими вѣтвями и жгли благоуханія.... празднество и ликованія однако же обратились въ плачь, когда слѣдующій посланный привезъ вѣсть о несчастномъ для персовъ дѣлѣ *саламинскомъ*. Триста сорокъ кораблей военныхъ и египетскихъ, подъ предводительствомъ *Фемистокла*, одержали побѣду надъ двумя тысячами судовъ персидскихъ. Въ этомъ морскомъ сраженіи особенно отличилась союзница Ксеркса, парца *Артемиза*, командовавшая отдѣльной эскадрой; это заставило царя сказать, что „въ саламинской битвѣ мужчины вели себя какъ женщины, а женщины — какъ мужчины.“ Воля что бы греки, разрушивъ мосты чрезъ Геллеспонтъ, не отрезали ему отступленія, царь, препоручивъ всѣ свои войска Мардонію, бѣжалъ въ Сузу. Мардоній, съ 300,000 войска, далъ ему слово покорить всю Грецію. Отряды, слѣдовавшіе за Ксерсомъ къ берегамъ Геллеспонта, убили на три четверти, истребленные голодомъ и морвою извою; буря разрушила мосты чрезъ Геллеспонтъ; на привалѣ въ Абидосѣ жестокая эпидемія истребила остатки дружины персидскихъ... Вся Греція поголовно возстала на Мардонія, готовясь дать ему рѣшительную битву. Персы заняли сильную позицію у подошвы *горы Кавсерона*: конница ихъ, подъ предводительствомъ *Мазистія*, ударила на грековъ; билась съ ними съ возрастающимъ усѣхомъ, покуда не палъ Мазистій. Эта потеря парализовала пѣдавію энергіи персовъ, которые въ сматеріи отступили къ лагерю Мардонія. Онъ сдѣлалъ и всѣ его войска, въ знакъ траура по Мазистію, *остригли бороды и волосы себѣ и привы своимъ конямъ*. Воздавъ такимъ образомъ должную почесть убитому военачальнику, Мардоній направилъ всѣ свои силы на грековъ, расположенныхъ лагеремъ на

равнинахъ *Платейскихъ*, въ числѣ 110,000 человекъ, подъ предводительствомъ *Павсанія*. Слѣдить съ ними, казалось Мардонію тѣмъ легче, что его войска простиралось до 350,000. Когда на военномъ совѣтѣ, нѣкоторые изъ его сподвижниковъ выразили свои сомнѣнія, онъ отвѣчалъ имъ: „Оракулъ предсказалъ грекамъ, что персы, разграбивъ храмъ дельфійскій, всѣ до единого погибнутъ. Мы, зная объ этомъ предсказаніи, храма не тронемъ, грабить его не станемъ, а потому и не погибнемъ!“ Битва при *Платей*, 22 сентября 479 г. до Р. Х. рѣшила судьбы Греціи и персидскихъ войскъ: послѣдніе были разбиты на голову, Мардоній палъ жертвою своего честолюбія и непомерной самонадѣянности; Артабазъ съ 40,000 уцѣлѣвшихъ воиновъ бѣжалъ въ Азію... Въ самый этотъ день греками истребленъ былъ и флотъ персидскій, въ битвѣ при мысѣ *Микалѣ*! Однимъ изъ вѣдѣйшихъ послѣдствій славнаго для Греціи и постыднаго для Персін окончанія войны — было отложіе іонійскихъ поселеній отъ подданства послѣдней.

Вѣсть о торжествѣ грековъ нашла Ксеркса въ Сардсахъ. Поспѣшно отправляясь въ Сузу онъ вслѣдъ разрушить всѣ греческіе храмы въ городахъ Малой Азіи, и въ томъ числѣ храмъ *Аполлона дидимейскаго*, близъ Мплеты, въ которомъ найдены огромныя сокровища (1); проходя чрезъ Вавилонъ Ксерксъ не пощадилъ и тамошнихъ храмовъ (2), къ чему побуждали его, въ равной степени — усердіе къ иновѣдуемой имъ религіи маговъ и разореніе казни, которую, но чтобы не стало, нужно было пополнить. Въ Грецію вторгнулся онъ какъ разбойникъ, теперь же запялся святотатствомъ; одно зло было неизбежнымъ слѣдствіемъ другого. — Здѣсь мы передадимъ читателю, со словъ Геродота, одинъ фактъ изъ семейной жизни Ксеркса, усилюющій какъ нѣкоторыя стороны этого чудовищнаго характера, такъ равно и женские нравы того времени. Незадолго до похода въ Грецію, Ксерксъ влюбился въ жену своего брата *Мазистеса*. Надѣясь

(1) См. Страбона: кн. XIV.

(2) Арріанъ: Походы Александра, кн. VII, гл. 17.

победить непреклонную милостями и щедротами, онъ выдалъ дочь ея, *Арташину*, за своего сына и парчевинаго наслѣдника *Даріи*. Видя, что и это родственное обмѣненіе не можетъ поколебать супружеской вѣрности невестки, Ксерксъ обратилъ свои страстные помыслы на дочь ея. свою сноху, которая оказалась уступчивѣе матери. До времени, связь ихъ сохранялась втайнѣ; но къ несчастію, однажды Ксерксъ подарилъ своей возлюбленной великолѣпное платье, подаренное ему его женою *Аместридою*. Оскорбленная супруга, узнавъ объ этомъ, вздумала отомстить не дочери, по матери, которую считала главной виновницей неувѣрности царя. Дождавшись дня рожденія Ксеркса, дня, въ который онъ, по закону, обязанъ былъ исполнить желаніе царицы *какое-бы ни было*, она потребовала у мужа "выдать ей мать Аместриды. Связанный закономъ, Ксерксъ выдалъ ни въ чемъ неповинную невестку: — и Аместрида велѣла вырѣзать ей языкъ, груди, отсѣчь носъ, уши, губы и бросить ихъ собакамъ! Мужъ изувѣченной, собравъ всѣхъ своихъ слугъ и вопновъ, отправился въ Бактріану, въ надеждѣ поднять въ этой области знамя мятежа. Ксерксъ въ могоно за нѣмъ послалъ войска, которые, по повелѣнію царя, настигнувъ бѣглеца, убили его, со всѣмъ семействомъ и спутниками...

Въ 476 г. до Р. X. греческій флотъ, подъ предводительствомъ *Навзаниа* и *Аристиды*, изгналъ персовъ съ острова Кипра и овладѣлъ Византіей. Царица Навзанія, вступившаго въ тайные переговоры съ Ксерксомъ, воспрепятствовала дальнѣйшимъ успѣхамъ великаго дѣла освобожденія Греціи. Предѣтель былъ казнить спонси соотичамъ — за два года до убійства Ксеркса, которому дѣйствительно давно уже было пора избавить міръ отъ ненавистнаго своего присутствія. Отказавшись отъ роли завоевателя, царь, со всей разнузданностью одрачлѣлаго разврата, утопалъ въ омутѣ грязныхъ наслажденій. Начальникъ тюлехранителей *Артабанъ*, скупивъ прилечь на свою сторону внука *Митридата*, зарѣзалъ сиваваго Ксеркса, и объявилъ третьему его сыну *Артахсерксу*, что царь убитъ своимъ наслѣдникомъ — *Даріемъ*. Артахсерксъ немедленно узергнулъ брата и съ помощью Артабана взомелъ на престолъ, помимо прямаго наслѣдника *Гистаспа*,

находившагося въ Бактріанѣ. Артабанъ расчитывалъ, до времени оставить Артахсеркса на тронѣ, а тамъ свергнувъ его, воцариться самому, но царь проникъ его замыслы и гнусный царевича былъ убитъ, не успѣвъ осуществить своихъ хитрыхъ намѣреній.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Артахсерксъ и его прозвище. — Распри. — Казнь корытами. — Золотва древняя и новая. — Царица Вести. — Мардохей и Девиръ. Умыслы Амана. — Его казнь. — Милости царя къ иудеямъ. — Велистохвъ у Артахсеркса. — Побѣды грековъ. — Бунтъ Египта. — Инаръ. — Маръ съ греками. — Освобождение поселеній греческихъ отъ персидскаго иа. — Казнь Инара. — Мегавизъ. — Эзбра. — Незамъ. — Обновленіе Иерусалима. — Язычество, иудейство и христіанство. — Гиппокритъ.

Артахсерксу или *Ассиру* дано было прозвище *длиннорукато* (лонгичана) — „за то,“ говоритъ Плутархъ, — „что у него правая рука была длиннѣе лѣвой.“ Однако *Страбонъ*, это же самое прозвище даетъ и Дарію Гистасу, который, какъ мы говорили, впервые обложилъ подданныхъ правильными податями... Не въ переносномъ ли смыслѣ прозвище дано было тому и другому, какъ намекъ на ихъ любостыжаніе?

Первый годъ воцаренія Артахсеркса былъ ознаменованъ кровавыми расприами между его войсками и приверженцами Арабана, во главѣ которыхъ возстали сестры его сыновей. Царскія войска, разбитыя, одержали верхъ; за побѣдою слѣдовали казни соучастниковъ убійствъ Ксеркса. *Митридата* казнили посредствомъ *корытъ*, что подробно описано у Плутарха. Для этой казни выдѣлывали два корыта нѣсколько короче роста подсудимаго, подгоняя ихъ такъ, чтобы одно плечо приходилось къ краямъ другаго и оба корыта могли быть крѣпко, одно къ другому прико-

попечены (1). Положивъ преступника на спину въ одно корыто, его прикрывали другимъ, но такъ, что голова и ноги высунуты были наружу. Въ этомъ положеніи его кормили, а если онъ отказывался отъ пищи, заставляли ѣсть насильно, покалывая ему иглами глаза. Постлѣ ѣды истязуемому вливали въ ротъ смѣсь мёла съ медомъ, ею же опрыскивая и лице, которымъ истязуемого поварачивали къ солнцу, затѣмъ чтобы на него безпрестанно садилась и являла его мухи. Такъ какъ истязуемый былъ припущенъ тутъ же въ корытѣ отравлять естественныя свои нужды — отъ гніенія изверженій зараждались черви, которые обтачивая наружные покровы тѣла, проникали, наконецъ, и во внутренности. После смерти казненнаго верхнее корыто снимали и находили, что все тѣло было обглодано червями, продолжавшими точить и внутренности. Истязаніе это длилось иногда до семнадцати дней...

Хорошія и полезныя изобрѣтенія не умираютъ! *Пытка корытою* вошла въ каталогъ европейскіхъ средневѣковыхъ истязаній; а инквизиція истребила такимъ образомъ не одну тысячу мучениковъ. Сказаніе Плутарха о варварствахъ персовъ, пришло въ Европу, точно также, какъ описаніе дождя съ оушкатымъ дномъ — вычитанное у *Тацита* членомъ революціоннаго конвента, Каррье, пригодилось ему, въ 1793 и 94 годахъ по Р. Х., для устройства *пудайды* (poudres) во время казни въ округахъ нижней Луары.. Противупоставляя въ трудѣ нашихъ суетвѣріе древнихъ язычниковъ суетвѣрію современныхъ народовъ христіанскихъ, мы не можемъ уладивать и о вѣрствахъ, на которыя бывали, да пожалуй и бываетъ способенъ человекъ.

Покончивъ кровавые свои расчеты съ убійцами Ксеркса, Артаксерксъ послалъ цѣлую армію въ Бактріану противъ брата своего Гистаспа, у котораго онъ отнялъ царскую тиару. Первая битва была нерѣшительна, но при второй Гистаспъ былъ разбитъ и власть Артаксеркса упрочена. Мудрая его распорядительность, устраненіе злоупотребленій и неунынная забота о благѣ под-

данныхъ, скорѣй снискали ему всеобщую любовь и уваженіе. Въ третій годъ царствованія Артаксеркса, вл. Сузъ происходило 180 дневное торжество, описаннаго семидневнымъ шествіемъ, на которомъ царь угощалъ всѣхъ своихъ вельможъ и народъ, а супруга его *Вашти* (1), придворныхъ давъ и горожанокъ. Въ послѣдній день шра, царь разгоряченный виномъ, превозносился присутствующахъ красоту своей жены, пожелавъ, чтобы она показала народу въ полномъ царскомъ уборѣ, но другія сказанія — обнаженною. Гордая *Валти* — отказалась. Артаксерксъ, негодуя на упрямство, спросилъ у одного изъ семерыхъ безсмѣльныхъ своихъ совѣтниковъ, чѣмъ наказать ее. Совѣтникъ предложилъ изгнать и замѣнить другою супругою; совѣтъ этотъ поправился царю и онъ повелѣлъ созвать въ Сузу первѣйшихъ красивцевъ со всѣхъ концовъ царства и отдать ихъ, до времени выбора, подѣ надзоръ евнуха *Эея*. Въ числѣ гражданъ Сузы жилъ нѣкто *Мардохей*, израильянинъ изъ колѣна Вениамина, съ племянницею *Эдессою* или *Эсверю* (2), дѣвицею красоты необыкновенной. Отправляя ее во дворецъ къ царю, *Мардохей* наказывалъ *Эсепри*, не открывать никому, ни родни своей ни происхожденія. Выборъ *Артаксеркса* палъ, именно, на нее и *Эдесса* стала царицею подѣ именихъ *Эсепри*. Одновременно съ этимъ событіемъ, *Мардохей* черезъ племянницу предостерегъ цари отъ грозившаго ему заговора евнуховъ *Баниани* и *Варема*, которые, по повелѣнію *Артаксеркса*, были повѣшены. *Аманъ*, любимецъ цари, ненавидѣ *Мардохея*, рѣшился погубить его, а съ нимъ и весь народъ израильскій. *Бросивъ жребій* на жизнь и смерть іудеевъ, и получивъ въ отвѣтъ, что они погибнутъ въ двѣнадцатый мѣсяць года, *Аманъ* оклеветалъ ихъ предъ царемъ и предложилъ за ихъ истребленіе десять тысячъ талантовъ. „Денги

(1) *Вашти* по персидски: красота, доброта, любезность. Въ книгѣ *Эсепри* имя царицы: *Вастия*.

(2) *Эдесса* или по еврейскому произношенію *Хадасса*, означаетъ миртъ. *Эсепри* или *Эсверъ*, Стара, на древнемъ эврейскомъ языкѣ: видѣла, счастье, блаженство.

(1) Всего точнѣе, сначала этотъ имѣлъ видъ короткаго гроба съ прорѣзками для головы и ногъ.

яти оставь у себя! отвечал царь — и дѣлай что хочешь! — Немедленно всѣмъ сатрапамъ Аманомъ былъ посланъ указъ объ однополомъ истребленіи по всему царству иудеевъ обоаго пола и всякаго возраста. Мардохей сообщилъ Эсерю о грозномъ указѣ и она рѣшилась быть спасительницей своихъ единовѣрцевъ. По закону, всякій вошедшій въ царскій чертогъ безъ зову — былъ казнитъ, если только царь не протѣгивалъ къ нему своего скипетра; не взирая на это, Эсерь, одевшись въ царскія одежды, вошла къ мужу. „Царица, что съ тобой?“ спросилъ онъ ее, протѣгая скипетръ. — Я пришла пригласить тебя вмѣстѣ съ Аманомъ ко мнѣ на въишествіе! смѣренно отвѣчала Эсерь. Царь принявъ приглашеніе и, весело проведя время, предложилъ женѣ просить у него, чего она ни пожелаетъ, давая ей царское слово исполнить просьбу. Эсерь отложила ее до другого дня. По возвращеніи съ праздника, Аманъ велѣлъ построить для казни Мардохея висѣлицу въ пятьдесятъ локтей, а царь, томимый безсонницей, всю ночь слушалъ лѣтосиис своего царствованія (*). Когда отецъ дошелъ до разсказа о недавнемъ открытіи заговора евнуховъ, Артаксерксъ спросилъ, чѣмъ наградили Мардохея? — Ничѣмъ! отвѣчали присутствующіе. Въ эту минуту вошелъ Аманъ, и царь у него спросилъ, какъ вѣдо чествовать любимца царскаго? Аманъ, воображалъ, что рѣчь идетъ о немъ — присоветовалъ одѣть заслужившаго царскую милость въ царскія одежды, увѣнчать его тиарой, и посадить на царскаго коня, водить по городу, воздавая всѣмъ его заслуги. Артаксерксъ всѣ эти почести велѣлъ воздать Мардохею, а тому же Аману поручилъ вести его коня подъ уздцы и возглашать народу о царской къ нему милости. На второй день праздника, когда царь опять спросилъ у жены, чѣмъ ея завѣтное желаніе — Эсерь отвѣчала: пощади жизнь мою и моихъ соотечественниковъ и избавь насъ отъ злоумышленника (она указала на Амана). — Разгнѣванный на любимца, Ар-

(*) Слѣдовательно древніе цари персидскіе придерживались обыкновенія императоровъ вѣстосыхъ: при нихъ были историографы, по деною записывавшіе событія ихъ царствованія.

таксерксъ вышелъ въ садъ, а Аманъ въ ужасѣ бросился на застольное ложе Эсеря, умоляя ее о пощады... Возвратившійся царь, вида это непочтительное обхожденіе Амана съ царицею, тутъ же обвинилъ его въ покушеніи на ея честь. Тогда она-демо любимцу тотчасъ *закрывли лице пленной* въ знакъ преданія его смертной казни: онъ былъ повѣшенъ на той же самой висѣлицѣ, которую готовилъ для Мардохея. Въ огражденіе евреевъ отъ всякихъ притѣсненій, царь позволилъ Эсерю и дѣтямъ ея написать отъ его имени охраннаго грамоты за царской печатью и разослать ихъ во всѣ концы обширнаго своего царства.

Другимъ, не менѣе важнымъ событіемъ въ частной жизни Артаксеркса, которое много говоритъ въ пользу его великодушія и справедливости — былъ пріемъ истинно царскій, оказанный *Оемистоклу*, недавнему заклятому врагу персовъ, изгнанному благодарными согражданами. Долгіе Оемистокла къ царю персидскому, его расчетъ на благородство Артаксеркса — были тѣмъ удивительнѣе, что голова его была оцѣнена въ двѣсти талантовъ; однако же расчетъ оказался вѣрнымъ. Награда за голову Оемистокла была выдана ему же самому, съ причею знатной и богатой жены, ежегоднаго щедраго содержанія и царскаго жилища въ любомъ изъ городовъ по его собственному выбору. Оемистоклъ жилъ въ Магнессіи, гдѣ и убитъ въ 466 г. до Р. X. Кромѣ вышеупомянутыхъ милостей, царь, въ знакъ особеннаго благоволенія, разрѣшилъ Оемистоклу безпрепятственно *слушать уроки маговъ* и быть посвященнымъ въ сокровеннѣйшія таинства ихъ философіи (*).

Въ 470 году *Кимонъ* афинскій, сынъ Милциада, съ тремястами трехдечныхъ галеръ — овладѣлъ всѣми греческими населеніями на берегахъ Малой Азіи, вытѣснивъ изъ нихъ персовъ. Царь послалъ противъ грековъ флотъ, подъ начальствомъ *Тивравестета*, побочнаго своего брата. Въ морской битвѣ близъ Кипра, персы были побѣждены, не смотря на численный перевѣсъ надъ греками (450 галеръ противъ 250). Велѣлъ за этою по-

(*) Плутархъ: Жизнь Оемистокла, гл. XXIX.

бѣдою, Кимонъ разбилъ персидскіе войска и на сушѣ и на берегахъ *Эврисперона*. Персы потеряли весь свой флотъ, двадцать тысячъ плѣнными и всю военную казну. На слѣдующій 469 г., тотъ же Кимонъ вытѣснилъ персовъ изъ Херсонеса вѣнчійскаго... Эти событія были еще только предвѣстниками послѣдующихъ бѣдъ-стій. Въ 460 г. египтяне изгнали персидскихъ сборщиковъ податей и провозгласили своимъ царемъ ливійскаго князя *Инара*. Онъ собралъ сухопутныя войска, аоніянне дали ему въ подмогу свои корабли. При вѣсти о возстаніи Египта, Артаксерксъ созвалъ ополченіе со всѣхъ сатрапій, спарядилъ флотъ и началъ шестилѣтнюю войну, окончившуюся, правда, умеротвореніемъ Египта, но за то и стоившую ему огромныхъ потерь. Первые войска были побѣждены на сушѣ и на морѣ; въ 457 году отправлены были другія въ числѣ 300,000, подъ начальствомъ *Артабазиса* и *Мегабиза*. На этотъ разъ, войска савосаица Инара были разбиты и весь Египетъ покоренъ, за исключеніемъ южной части Дельты, въ которой держался *Амприсей*. Какъ бы то ни было, Инаръ былъ взятъ въ плѣнъ, мятежъ усмирень, а съ аоніянцами заключенъ честный миръ—нарушенный ими черезъ четыре года (450 л. до Р. Х.). Кимонъ съ сильнымъ флотомъ завладалъ нѣсколькими городами на Кипрѣ и отсюда на помощь Ахиртею послалъ шестьдесятъ кораблей въ Египетъ; разбилъ персидскихъ военачальниковъ, *Артабазиса* и *Мегабиза*, и со славою возвратился на Кипръ. Артаксерксъ предложилъ ему миръ, главную статью котораго было: совершенное освобожденіе мало-азійскихъ греческихъ населеній отъ ига персидскаго съ предоставленіемъ имъ *автономіи* (т. е. управленія собственными законами).

Придерживаясь мудраго правила, что худой миръ лучше доброй ссоры, Артаксерксъ надѣлся отдохнуть отъ долгихъ, изнурительныхъ войнъ, но это желанное спокойствіе было нарушено бунтомъ честнаго и вѣрнаго царскаго полководца Мегабиза. Поводъ къ нему подать самъ царь. *Инаръ* и многіе аоніянцы, сдавшіеся Мегабизу на честное слово, что жизни ихъ будетъ пощажена, нить дѣтъ жили спокойно при дворѣ персидскомъ. Мать царя, *Амистрида* (та самая кровопийца, о которой мы говорили въ предыдущей главѣ) не давала ему покоя, требун, чтобы онъ

выдать ей плѣнниковъ для казни, въ отмщеніе за смерть ея сына *Асселекесты*, убитаго на войнѣ въ Египтѣ. Эти персидская *Катерина Медичи* — добилаясь наконецъ своего: снѣгъ выдать ей плѣнниковъ и Инаръ былъ распятъ на крестѣ; всѣ товарищи его обезглавлены. Пораженный этимъ вѣроломствомъ, честный Мегабизъ удалился въ Сирію, свою сатрапію, собравъ войска и открыто возсталъ на царя. Артаксерксъ противъ него послалъ 200,000 подѣ предводительствомъ *Узириса*; царскія войска были разбиты, Узирисъ тяжело раненъ и взятъ въ плѣнъ. Царь потребовалъ у мятежника возвращенія плѣнника и Мегабизъ, по излеченіи его, далъ ему всѣ средства возвратиться въ Сузу. На слѣдующій годъ пошла армія, предводимаая царскими племянниками *Меностаномъ*, была также разбита и обращена въ бѣгство. Видя, что силою ничего не возмешь, царь для переговоровъ послалъ къ Мегабизу жену его Амиду и брата своего Артарія. Посольство это имѣло успѣхъ: Мегабизъ смирился и прощенный возвратился ко двору. Вскорѣ по возвращеніи онъ былъ съ Артаксерксомъ на охотѣ и съслъ ему жизнь, убивъ льва, готовившагося растерзать царя. Послѣдній, въѣсто всякой благодарности, приказалъ отрубить ~~голову~~ своему спасителю, будто бы за дерзость, что онъ своимъ ударомъ льву предупредилъ царя!... Только ходатайство матери и сестры было уважено. Артаксерксъ и смертная казнь была замѣнена пожизненнымъ изгнаніемъ на берега Чернаго моря. Черезъ пять лѣтъ Мегабизъ бѣжалъ изъ ссылки въ Сузу, вторично былъ прощенъ царемъ и жилъ при дворѣ до самой смерти.

Въ 431 г. до Р. Х. началась въ Греціи *пелопоннесская* война между афинянами и спартапцами, въ которую какъ тѣ такъ и другіе намѣтрывались вовлечь Артаксеркса въ качествѣ союзника. Хитро уклоняясь отъ этого опаснаго предложенія Артаксерксъ для переговоровъ годъ за годомъ — цѣлыя шесть лѣтъ, до кончины своей въ 425 году до Р. Х. и сороковымъ своего царствованія, завѣщая престолъ единственному сыну своему отъ царицы *Дамаспиды*. Въ дополненіе обзора царствованія Артаксеркса, считаемъ необходимымъ привести три сказанія до него на-

саящихся, и первый два изъ нихъ заимствованы изъ книгъ Священнаго писанія (*).

Въ 467 г. до Р. Х. ученый иудейскій богословъ *Эздра* получалъ отъ царя и семи его совѣтниковъ разрѣшеніе возвратиться въ Иерусалимъ, со всѣми желающими за нимъ слѣдовать, для восстановления царства и истиннаго богопочитанія по закону Моисееву. Царь удостоилъ Эздру титуломъ *писца закона Бога небеснаго* и пожаловалъ ему щедрыя денежныя приношенія, драгоценныя золотыя и серебряныя сосуды для храма іерусалимскаго. Сатрапамъ Сиріи и Палестины было повелѣно содѣйствовать распоряженіямъ посланнаго. Тринадцать лѣтъ Эздра заведывалъ высшею судебной администраціей въ Иудеѣ, оставивъ по себѣ память мудраго и справедливаго въ народѣ божіемъ. Его (въ 454 г.) замѣнили *Иеелін*, парскій правій, получившій отъ Артаксеркса милостивое разрѣшеніе возстановить на царскій счетъ стѣны, врата и зданія святаго города, лежащія въ развалинахъ со времени разгрома вавилонскаго. Не смотря на провски *амонитянъ, самарянъ, праситянъ* и другихъ сосѣднихъ языческихъ племенъ, Неелін, въ нѣтъдесять два днй, возвелъ стѣны, соорудилъ ворота и, возвратясь черезъ двѣнадцать лѣтъ въ Иерусалимъ, довелъ этотъ городъ до высшей степени благолѣнія. Отношенія Артаксеркса къ нему, къ Эздру, въ особенности къ Эсфери доказываютъ разумную вѣротерпимость царя, даже уваженіе его къ закону моисееву. Подобно тому какъ дочь Фарона египетскаго берегла и воспитала великаго законодателя народа іудейскаго, такъ же точно, извѣстиво инстинктивно шадло ту услугу, подвластную ему окраину Азіи, на которой суждено было впоследствии родиться *Сыну Божію*.

Великодушіе Артаксеркса простиралось, впрочемъ, не на однихъ іудеевъ. Когда въ 430 г. до Р. Х. чума опустошала обширныя его владѣнія, царь пригласилъ въ Персію славнаго *Гиппократа*, предлагая ему за заботы и попеченія о споспѣхъ подданныхъ щедрое вознагражденіе. Гиппократь, ненавидя персовъ, отвѣчалъ

царю отказомъ, прибавивъ, что въ дарахъ его не пуждается. Артаксерксъ послалъ въ Косъ строгое повелѣніе жителямъ — выдать ему геніальнаго землѣя, но и они оставили угрозы его безъ вниманія... И царь персидскій оставилъ въ носѣхъ *отца лебедицы*, уважая его теней; пощадилъ и жителей Коса, безразсудно кичившихся. Черта заслуживающая похвалы болѣе всякой побѣды!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Междоусобія. — Охъ и Сидианъ. — Задуманіе злою. — Дарій Новасъ. — Кира мидійскій. — Артаксерксъ-намитимый. — Обрядъ египтянъ на царство. — Донесъ Тиссаферна. — Смысла Кира. — Его возстаніе. — Греки-насмѣшники. — Битва при Кунаксѣ. — Отступленіе десяти тысячъ грековъ. — Злодѣйства Парзатида. — Отравленіе Сатмиры. — Войны съ Агезлами и греками. — Завоеваніе Кира. — Походъ на лидійцевъ. — Тирибазъ. — Начало упадка Персіи.

Ксерксъ II послѣ сорока пяти дневнаго царствованія былъ убитъ *Сидианомъ*, сыномъ одной изъ отцовскихъ валожицъ. Царевубица, восшедъ на престолъ (424 г. до Р. Х.), казнила *Багоразъ*, вѣрнаго еunuха покойнаго Артаксеркса за то, что тотъ безъ его разрѣшенія возвратился ко двору, похоронивъ покойнаго и жепу его, умершую съ царемъ въ одинъ день. Багоразъ былъ побитъ камнями и смерть его возбудила въ войскахъ живѣйшее негодованіе. Пользуясь этимъ, братъ Сидиана, *Ога*, сатрапъ Гирканія, составилъ заговоръ къ его низверженію, заговоръ, къ которому присоединились всѣ военачальники. *Ога* убивали царской тѣрой (*) и такимъ образомъ, на престолѣ пер-

(*) Эздры книга II, гл. II, ст. 3 и слѣд.

(*) Тѣра, китара или кидара, состояла изъ высокой шапки, въ верх-

сидскомъ одновременно явилось два царя. Захвативъ Согдіана Охъ велѣлъ *задушить его золою* (*), окончательно похитивъ власть изъ рукъ ея похитителя.

При востшествіи своемъ на престолъ Охъ пазвался *Даріемъ*. Къ этому имени историкъ греческіе присоединяютъ прозвище *Новаго*, т. е. незаконорожденнаго. Этотъ извергъ со своею женой и вѣсть сестрою — *Паризатидою*, девятнадцать лѣтъ сквернилъ престолъ, первое время усмиряя частые втежи сатраповъ, удушалъ виновныхъ въ золѣ (казнь эта, какъ видно, была его изобрѣтеніе) и довольно успешно воюя съ возставшими египтянами. Былъ союзникомъ афинянъ и спартапцевъ во время междоусобной (еще продолжавшейся) войны пелопонезской. Въ 407 году, по настояніямъ жены, онъ довѣрилъ управленіе всѣми сатрапіями Малой Азіи младшему сыну своему *Киру*, который принялъ исключительно сторону спартапцевъ и разыгрывалъ роль самозванцаго царя, на второй годъ своего управленія казнилъ двухъ своихъ двоюродныхъ братьевъ, единственно за нарушение ими ничтожнаго правила придворнаго этикета. Разгнѣванный Дарій отозвалъ его обратно ко двору, куда самоушарвецъ прибылъ незадолго до кончины царя. Паризатидѣ удалось вымолить у мужа прощеніе Киру, но напрасны были ея старанія склонить его къ объявленію младшаго сына, помимо старшаго *Арзакса* — наследникаго престола. Оставивъ Киру данный ему уделъ, и завѣщая престолъ Арзаксу — Дарій умеръ въ Вавилонѣ въ 404 г. до Р. X.

Арзаксъ, за удивительную память свою, прозванный *Мнемоноломъ* (памятливый), наименовался при востшествіи на престолъ *Артасерксомъ*, въ честь дѣда. Торжественное вѣчаніе его на царство происходило въ главномъ храмѣ *Варсарада*. По закону, новый царь облачался въ одежды Кира, основателя цар-

ней части представлявшей подобіе башни. Дѣвъ въяцій по бокамъ лелы завязывались за уши, третья была, усыпанная золотыми звѣздами переполывала тиару.

(*) Казниаго вталкивали въ комнату до верху наполненную золой и онъ утопалъ въ ней. См. Валеріа Максима, кн. IX, гл. 2.

ства, хранившіеся въ храмѣ; потомъ съѣдали сушеную смокву, жевать листокъ терпентинника (*Pistacia terebinthus* L.) и пилъ смѣсь укуса съ молокомъ. Этотъ напитокъ и странныя закуски символически напоминали восходящему на престолъ о томъ, что жизнь царская есть смѣсь сладости и горечи, веселья и скорби. Въ самую минуту совершенія этого обряда, сатрапъ *Тиссаферна* повелъ къ царю мага, почитателя молодато Кира, обвинявшаго царевича въ умыслѣ на наредубіево въ самомъ храмѣ. Артаксерксъ послалъ за братомъ и велѣлъ его умертвить — но рыдающая Паризатида, загородивъ его своимъ тѣломъ, прикрывъ голову его волнистыми своими косами — съумѣла вымолить ему пощаду — и Артаксерксъ ограничился высылкою брата въ его сатрапію.

Первые годы царствованія Артаксеркса были печально ознаменованы кровавыми раздорами въ его семействѣ, виновницею которыхъ были Статира, жена царя, дочь сатрапа *Идерисса*. Братъ ея *Теритухметъ* женатъ былъ на царской сестрѣ *Алестридѣ* и послѣ смерти отца наследовалъ его сатрапію. Страстно влюбясь въ свою сестру *Роксану*, красавицу собою, отличавшуюся кромѣ того и воинственными наклонностями, *Теритухметъ* задумалъ убить жену. Дарій (это было еще въ его царствованіе), узнавъ объ этомъ, велѣлъ вельможѣ своему *Удіастету* убить своего зятя, что и было исполнено. Сыны убійцы, *Митрадатъ*, преданный душою и тѣломъ Теритухмету, собравъ войско и возбуйтовался противъ Дарія, по втежѣ былъ скоро усмирень. Царица Паризатида велѣла зарыть живыми въ землю: мать Теритухмета, обоихъ его братьевъ съ обоихъ сестеръ; Роксана, по ея новелѣнію была изрѣзана на куски. Дарій хотѣлъ умертвить и Статиру, но Артаксерксъ вымолилъ ей пощаду. Возвѣдя на престолъ онъ, по ея просьбѣ, велѣлъ вырвать языкъ Удіастету и замучить его въ лютѣйшихъ истязаніяхъ. Сатрапія его была передана Митрадату.

Молодой Киръ, жившій въ Сардахъ, дѣятельно занялся привлеченіемъ на свою сторону многочисленныхъ припержепцевъ, не скупясь при этомъ ни на ласки, ни на подарки. Партія его возрастала съ каждымъ днемъ и кромѣ того, онъ вошелъ въ переписку со спартапцами, предлагая за содѣйствіе ихъ щедрое воз-

награждение. Замыслы свои злодей маскировал глубочайшей покорностью къ брату. Собравъ, наконецъ, войска, Киръ увѣдомилъ царя, что онъ намѣревается идти съ ними усмирять возстаніе въ Пизидіи. *Тиссафернъ*, принявъ цѣль Кира, предостерегалъ Артаксеркса, говоря, что армія его брата, усиленная греческими войсками, слишкомъ велика для войны съ пизидійцами; что Киръ, по наущенію матери, намѣревается свергнуть Артаксеркса съ престола. Упреки, которыми Статира осмыала при этой вѣсти Паризатиду, впоследствии наклепи на царя ищеніе этой злодейки... Между тѣмъ Киръ выступилъ въ походъ со своими многочисленными дружинами единоплеменцевъ и греческихъ наемниковъ. Изъ Лидіи переправляясь чрезъ рѣку Меандръ, послѣ семидневнаго отдыха въ Фригіи, онъ прибылъ въ Келену — во все продолженіе пути увеличивая свои войска вновь прибывшими греками. Въ Тиріумѣ киликійскомъ, Киръ дѣлалъ смотръ всей своей пѣхоты (грековъ) и конницы (персовъ) — окончившійся большими маневрами, при которыхъ послѣдніе не на шутку испугались и побѣжали отъ первыхъ. Черезъ три дня Киръ былъ уже въ Иконіумѣ фригійскомъ, откуда прибылъ въ Ликаонію, отдавъ ее на разграбленіе своимъ возлюбленнымъ грекамъ. Войска Артаксеркса, посланные противъ мятежника, настигли его близъ Тарса въ Киликіи, но въ открытый бой не вступали; передовые ихъ отряды были изрублены изыбнниками киликійцами. Въ Тарсѣ, греки, сообщники Кира, заупрямились, не желая идти далѣе; они тронулись въ путь, выторговавъ себѣ прибавку къ наемной цѣль.... Замѣтивъ, что эти торгаша были потомки героевъ *Вернополья* и *Саламина*!

Ксенофонтъ въ исторіи своей, шагъ за шагъ и день за день, слѣдитъ за походомъ Кира; свѣденія эти, драгоценныя для военнаго историка, для насъ не имѣютъ никакого интереса. Изъ нихъ явствуетъ только, что Киръ велъ и *проводилъ* своихъ наемниковъ, вѣчески задохривая ихъ и, такъ сказать, золотомъ устилая свой путь къ поворной смерти. Царскія войска во время похода Кира по Персіи тоже скитались изъ одной области въ другую и только на берегахъ Евфрата Киръ натолкнулся, наконецъ, на слѣды передовыхъ конныхъ отрядовъ Артаксеркса. Здѣсь,

родственниковъ мятежника *Оронтъ*, одинъ изъ его военачальниковъ, задумалъ предать Кира. Выпросивъ у него тысячу конниковъ для преслѣдованія царскихъ передовыхъ отрядовъ, Оронтъ написалъ Артаксерксу, что передается ему. Искно было перехвачено Киромъ; Оронтъ былъ задержанъ и, отданный подъ судъ семи полководцевъ, единогласно приговоренъ къ смерти. По обычаю персовъ всѣ присутствовавшіе, оставъ съ жѣсть, прикоснувшись къ поясу приговореннаго: подчиненные поклонились ему до земли. Затѣмъ Оронта увели въ шатеръ *Арпанати*, начальника тѣлохранителей Кира — и онъ уже оттуда не возвращался и никому не было вѣдомо какого рода смертію погибъ изыбнникъ (*). Войска приблизилась къ Вавилону. Число ихъ простиралось до 130,400 человекъ; изъ нихъ персовъ было сто тысячъ. Царскіе войска насчитывали 900,000 конницы и пѣхоты. Рѣшительная битва произошла при *Кунакѣ*, въ 360 стадіяхъ отъ Вавилона. Дѣло начали греки и взяли верхъ, такъ какъ царская конница оборотила тѣль. *Клеархъ* ударилъ въ лѣвое крыло Артаксеркса вмѣсто нападенія на центръ; но какъ бы то ни было и эти царскія дружины бѣжали. Киръ, завидя царя, бросился на него и ранилъ его въ грудь, но въ ту же минуту самъ былъ пораженъ дротикомъ въ лице. Началась общая, рукопашная схватка, въ которой палъ Киръ со своими приближенными. (*) смерти его разказываютъ разное: *Плутархъ* говоритъ, что его убилъ карійскій воинъ, которому за это Артаксерсъ приказалъ постоянно носить впереди войскъ золотого пѣтуха, прикрѣпленнаго къ наконечнику копья; *Ктесій* убійцею Кира называетъ *Мимридану*, ударивъ въ високъ свалившаго его съ коня... Кому бы не принадлежала эта незавидная честь, во всякомъ случаѣ, смерть Кира рѣшила битву въ пользу Артаксеркса — и мятежникъ, еще недавно имѣвшіе перевѣсъ, въ смятеніи бѣжали, оставили весь свой лагерь во власть побѣдителя. Царь приказалъ свиху *Мозбату* струбилъ голову и правую руку Кира, а лагерь его отдать на разграбленіе своимъ воинамъ. Греки, занявъ сильную позицію, нѣсколько разъ сразились нападеніе войскъ Артаксеркса, которыя, наконецъ, прекратили

(*) Ксенофонтъ, Походъ Кира, кн. I. гл. VI §§ 4—11.
ИСТОРИЯ РЕЛИГИИ. Т. III.

атаки, уступаая не численности (грековъ было до 30,000), а мужеству и искусству. Такъ окончилась битва, спасшая Артаксеркса его престолъ, въ 401 г. до Р. X. — Современникъ, и одно изъ дѣйствующихъ лицъ этого событія — *Ксенофонтъ*, въ исторіи своей превозноситъ Кира до небесъ и столько же щедрится на похвалы, какъ его герой на подарки, *прекамъ* въ особенности. Эта записка избавляетъ насъ отъ дальнѣйшей критики еказаній греческаго историка. Его похвалы — дѣлаютъ конечно честь его чувствамъ благодарности, но ни на волосъ не приносятъ ей Кира. Современникъ — очевидецъ никогда не можетъ быть безпристрастнымъ историкомъ совершающихся на глазахъ его событій; не современникамъ, по потопству принадлежитъ право произносить епой безапелляціонный приговоръ надъ мировыми событіями и дѣланіями людей, вѣкомъ давно минувшихъ.

Считая себя побѣдителемъ при Кунаксѣ, персички-греки, сохраняя угрожающую позицію, гордо отвергли предложеніе о сдачѣ, сдѣланныя имъ Артаксерксомъ и Тиссаферномъ. Не желая вступать съ ними въ безцельный бой, царь предложилъ грекамъ идти во свои, обѣщая дать проводниковъ и припасы. Это предложеніе было принято и Тиссафернъ ударилъ *на руки* съ греческими вождями. Безокопные гости дупались въ обратный путь, въ сопровожденіи цѣлой персидской арміи, переправлялись черезъ Тигръ и сдѣлали привалъ на берегу Заба. Здѣсь греческій вождь *Клеархъ* поспорилъ съ Тиссаферномъ и задумалъ рѣшить споръ оружіемъ, но вѣсть съ своей дружиной былъ изрубленъ персами, а остальные вожди, за нарушение договора, были обезглавлены. Провиская вѣроломство Артаксеркса, греки рѣшили избрать изъ среды своей цѣлѣй вождей въ захвату казенныхъ и выборъ ихъ изъ числа на Ксенофонта. Тотчасъ же по избраніи ему пришлось имѣть схватку съ отрядомъ *Митридата*, безъ всякаго зазрѣнія совѣсти напавшаго на грековъ. Намѣренія персовъ выказались во всей гнусной наготѣ, — злодѣи, вопреки обѣщанію и договору, хотѣли постепенно потрѣбить союзниковъ Кира. Отразивъ Митридата и отступивъ за Тигръ, греки достигли *Лариссы* и *Месинлы*; здѣсь напали на нихъ войска Тиссаферна, но были отброшены. Такъ, сражаясь съ персами и приверженными имъ племенами, бо-

раясь съ голодомъ, жаждой, зносомъ — а на горахъ Арменіи и съ жестокою стужей, отступали греки въ числѣ *десяти тысячъ*, напоминая собою льва, травилаго стаей кабановъ. Достигнувъ Синопса, они наконецъ частію переправились въ Гераклею, частію чрезъ Внопцію прибыли въ Хризозоліе (нынѣшній *Скутари*). Въ Византіи они вступили въ службу еракійскаго царя *Северта*. О дальнѣйшей ихъ участи здѣсь не вѣсто распространяться, такъ какъ *отступление 10,000* составляетъ одну изъ блестящихъ страницъ исторіи Греціи, но не Персіи.

Сраженіе при Кунаксѣ избавило Артаксеркса и отъ брата-мужежника и отъ его союзниковъ. Обрадованный царь озаботился наградами и наказаніями, выказавъ какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ, самодурство и злость истиннаго деспота. Онъ ухитрился даже соединить въ однихъ и тѣхъ же лицахъ награды и казни. Таковъ удѣлъ былъ именно двухъ убійцъ Кира младшаго: карійскаго воина и Митридата. Перваго сначала наградили, а потомъ выдали Паризатидѣ, которая послѣ десятидневной пытки велѣла вырвать ему глаза, а въ заключеніе влиять въ уши расплавленный металл. Митридата продали казни корытами за хвастливостъ своимъ подвигомъ: *убиетъ Кира*, онъ услужилъ Артаксерксу, но навлекъ на себя гнѣвъ Паризатиды; царь почтительный сынъ, не хотѣлъ огорчить своей достойной матери!

Эта злодѣйка не могла довольствоваться только двумя жертвами; для Паризатиды — чудовища, дышавшаго, такъ сказать, послѣдними вздохами людей, находившаго дикое сладострастіе въ ихъ истязаніяхъ — смерть и мучы были пачеуными потребностями. Ей нужна была жизнь Мезабата, того внука, который, по приказу царя, отрубилъ руку и голову у убитаго Кира. Чтобы выманить его у Артаксеркса, царица предложила сину сыграть съ нею въ кости и, умышленно проигравъ ему большую сумму, она ее заплатила. Потомъ, какъ бы досада на проигрышъ, попросила царя позволить ей отыграться, съ тѣмъ, чтобы на конѣ, вѣсто денегъ, съ его стороны былъ поставленъ *какой нибудь* внукъ. Сѣля играть; царица выиграла и потребовала у царя Мезабата. По ея повелѣнію, съ несчастнаго была содрана кожа, тѣло его было распято на трехъ крестахъ, а кожа пятацута на кольяхъ...

„Стоит жалеть о дражном старомъ свнхѣ!“ отвѣчала Паризатида царю на его стѣваніи: — „я проиграла тебѣ прошлый разъ тысячу червонцевъ и то не горюю!“

Возмущенная тѣснотами свенропи, Статира, жена Артаксеркса, просила его укротить свою возлюбленную родительницу. Узнавъ объ этомъ, Паризатида прикинулась съ невесткою, стала осматривать ее всевозможными ласками, угожденіями п... не вырпа на всѣ припаты Статирою предосторожности, Паризатида отравила ее за обѣдомъ половною жареной перенелки, съѣвъ сама безвредно другую половину, такъ какъ ядомъ была обмазана та сторона ножевую лезвію, которая прикасалась къ дошѣ Статирь. Подозрѣвая Паризатиду, Артаксерксъ предать пыткамъ... не ее, разувѣлся, но ея сообщницъ, а любимицу ея *Гинду* велѣлъ казнить, какъ сраивательницу. Казнь состояла въ томъ, что голову виновной, положенную на камень, ударамъ другого камня можжили и плючили до приведенія ее въ безобразную массу костей, мяса, мозговъ и крови. Настоящая же виновница, Паризатида, была сослана въ Вавилонъ, избравши ея же самую мѣстою своего пачтанія.

Тиссафертъ былъ награжденъ удѣлами Кира младшаго. Желая увеличить свою сатрапію, онъ сталъ прибавлять къ рукамъ и греческія поселенія подъ тѣмъ предлогомъ, что многіе изъ нихъ держали сторону аиетезиновъ. Въ отвѣтъ на просьбу о помощи, спартацы послали грекамъ *Эмброна* съ 5,300 войска (399 г. до Р. Х.), который, соединясь съ полками Ксенофонта, заняли Пергамъ, Теврарию и Галикарну. Заступивши мѣсто Эмброна, *Деркиламидъ*, болѣе хитрый дипломатъ нежели храбрый военачальникъ, велъ не столько войну, сколько переговоры съ персидскими сатрапами, окончившіеся однако освобожденіемъ поселеній и подтвержденіемъ испарушенности ихъ автономіи. Черезъ три года Артаксерксъ занялся приготовленіями къ морскому походу именно на тѣ же греческія поселенія, въ намѣреніи отнять силою тѣ права, которыми они пользовались по договору. Царь спартанскій *Агесилай* со своими флотовъ сдѣлалъ высадку въ Ефесѣ. Тиссафертъ чрезъ пословъ спросилъ его о причинѣ этой высадки и его намѣренійхъ. „Я прибылъ дать малоазійскимъ грекамъ ту же свободу, которою пользуются греки европейскіе“, отвѣчалъ Аге-

зилай. Попросивъ непрощеннаго гости не начинать дѣйствій до получения отвѣта отъ царя, Тиссафертъ послалъ вѣстниковъ къ Артаксерксу. Последній требовалъ, чтобы Агесилай покинулъ берега Азіи, но тотъ, будто слуясь надъ персами, занялъ Фригію. Всполо онъ объявилъ войскамъ, что поведетъ ихъ въ Индію, что и исполнилъ, одержавъ надъ персами блестящую побѣду на берегахъ Пактода и овладѣвъ ихъ лагеремъ. Тиссафертъ, подозреваемый въ измѣнѣ (а главное по просямъ Паризатиды), былъ обезглавленъ; сатрапія его была отдана *Тиравастету*. Новый военачальникъ персидскій предложилъ Агесилаю свободу поселеній съ условіемъ, чтобы онъ немедленно удалился, но въ тоже время (394 г. до Р. Х.) подкунами старался возстановить европейскихъ грековъ противъ спартацевъ. Агесилай, разоривъ Фригію, перешелъ въ Пафлагонію; тамошній царь рѣшился вступить съ нимъ въ союзъ, впрочемъ вскорѣ нарушенный распрямъ изъ-за дѣла добычи. Проникши персидскаго двора и подкуны въ европейской Греціи увѣщивались желаннымъ успѣхомъ: Агесилай былъ отозванъ эфорами изъ Азіи. Пользуясь его отсутствіемъ, Артаксерксъ поручилъ напасть на спартанскій флотъ *Фарибазу* вѣстѣ съ афинскимъ вождемъ *Конниолъ*. Они одержали верхъ надъ испрительями у береговъ Карии и, одушевленные успѣхомъ, пошли походомъ къ берегамъ лакедемонскихъ, произведя тамъ страшныя опустошенія. Коннонъ, въ награду за свой братоубійственный союзъ, получилъ отъ персовъ деньги на отстройку и подновленіе укрѣпленій аиетскихъ. Спартацы протестовали *Тирибазу*, военачальнику Артаксеркса, стараясь привлечь его на свою сторону или, по крайней мѣрѣ, побудить его быть посредникомъ при мирныхъ переговорахъ съ Персіей. Миръ — нозорный, унижательный для Спарты — былъ заключенъ: сна отступалъ отъ всякаго вмешательства въ дѣла малоазійскихъ поселеній (387 г. до Р. Х.). На слѣдующій годъ Артаксерксъ велъ войну съ *Загрозомъ*, царемъ кипрскимъ; Оронтъ, зять царя, предводителемъ войсками сухопутными, Тирибазъ — кораблями; союзниками Эпагра были египтяне, карійцы и финиціане. Побѣды персовъ принудили Эпагора согласиться на невыгодный миръ, заключенный въ 385 г. до Р. Х., около этого же времени Тирибазъ, обвиненный Оро-

томъ въ измѣнѣ, былъ заточенъ въ темницу, изъ которой однако же былъ выпущенъ для содѣйствія царю въ его походѣ противъ *кадузіяцевъ*. Заведя въ ихъ страну армию изъ 300,000 пѣхоты и 10,000 конницы, Артаксерксъ глумился распоряженіями едра не доведя ее до голодной смерти... Тирибазу удалось хитростью склонить къ миру обоихъ царей кадузіяскихъ. На обратномъ пути изъ этого похода Артаксерксъ выказалъ много твердости и терпѣнія къ перенесенію трудностей боевой жизни, чему Плутархъ въ исторіи своей крайне удивляется. Безпристрастно судя, можно только сказать, чѣмъ про эти подвиги, что Артаксерксъ, весьма плохой царь, могъ бы быть отличнымъ солдатомъ; не *послѣдовать*, а *послѣдовать* созданъ былъ этотъ обладатель древняго міра. По возвращеніи изъ похода, онъ парадилъ надъ Тирибазомъ третейскій судъ изъ военачальниковъ, известныхъ своей справедливостью и безкорыстіемъ. Впрочемъ, съ несправедливыхъ судей въ древней Персіи сдирали кожу и обивали ею стулья остальныхъ ихъ сотоварищей. Тирибаза обвиняли въ умышленной медленности при мирныхъ переговорахъ съ Эваторомъ. Обвиняемый защищался саятъ, упоминая о своихъ заслугахъ, между прочими о спасеніи жизни царю на охотѣ, когда на него напали два льва. Тронутое судьи единодушно объявили ему оправдательный приговоръ, утвержденный Артаксерксомъ. Клеветники Охъ были вычеркнуты изъ списковъ друзей царевыхъ.

Въ 377 г. до Р. К. Фарнабазъ и Ифигратъ, по повелѣнію Артаксеркса, ходили походомъ въ Египетъ для усмиренія этой мятежной страны. Старый полководецъ не увѣчивался успѣхомъ и крокъ громадныхъ расходовъ походъ этотъ не принесъ Персіи ничего. Вообще въ царствованіе Артаксеркса въ организаціи этого царства уже обнаруживались признаки близкаго разрушенія; распутство царило при дворѣ, власть царская надъ покоренными народами почти повсюду была растянута; коварная, предательская дипломатія захватила прежнее воинское примордіе; потомуки спелвижниковъ Кира и Дарія Гистаена омондлись и омондлись. *Дарій*, старшій сынъ и наследникъ Артаксеркса, возмеваліхъ отца за то, что тотъ не хотѣлъ уступить ему одну изъ своихъ 360 палатокъ. Надобно захватить, что царь увѣчивалъ тѣлоу

этого самаго сына еще при своей жизни для отклоненія всякихъ распрій между нимъ и его братьями, въ особенности *Охмъ* и *Аріаспомъ*. Партія того и другаго были сильны, но Дарій съ Тирибазомъ составили заговоръ на жизнь Артаксеркса — откровенный во время. Тирибазъ былъ убитъ царскими тѣлохранителями, а Дарій по приговору суда зафѣзанъ бритвою на чашѣ, или, по другому преданію, изрубленъ рукою родителя. *Охъ*, избавившійся отъ Дарія, прогнавши своихъ довелъ Аріаспа до отравы, а другаго брата *Арсама* — до кинжала убійцы. Открывъ себя, такимъ образомъ, путь къ престолу, онъ возмелъ на него послѣ смерти 94-хъ лѣтняго Артаксеркса въ 361 г. до Р. К.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Царствованіе Оха. — Мавзоли и Артемиза. — Чудо солнца. — Гибельныя послѣдствія кровосмѣшенія. — Паденіе Сидона. — Покореніе Египта. — Кочевство Оха. — Ею убійство. — Дарій Кодоманъ. — Появленіе Александра Великаго. — Ею побѣды и завоеванія. — Созжаніе Персидскаго. — Смерти Дарія. — Паденіе Персіи. — Казнь Бесса. — Три династїи. — Сиссаниды. — Артаксерксъ. — Возрожденіе персидской монархіи.

Десять мѣсяцевъ скрывая отъ народа смерть Артаксеркса, Охъ правилъ его именемъ; потомъ, надѣжно утвердился на престолѣ, провозгласилъ себя царемъ подъ именемъ *Артаксеркса III*. Историки называютъ его жесточайшимъ деспотомъ изъ всей первой династїи Ахеменидовъ, а всѣ они, за исключеніемъ двухъ, трехъ, были какіе-то звѣри въ образѣ челоуѣческомъ. Охъ, дѣйствительно, въ злодѣйствахъ превзошелъ всѣхъ своихъ предшественниковъ. Онъ казнилъ всѣхъ родственниковъ царскаго дома, всѣхъ, не обращая вниманія ни на полъ, ни на возрастъ. Родную сестру свою *Огу* зарылъ живую въ землю; дядю, съ его сыновьями и внуками въ члѣхъ ста челоуѣкъ, велѣлъ раз-

стрелять стрѣлами... Сатрап Артабазъ, соединивъ съ ассириями подѣйствіемъ *Харста*, попытался возстать на изверга; но ассирии струсили, отступились и Артабазъ напалъ египтянъ. Съ помощью ихъ онъ одержалъ двѣ побѣды надъ войсками Оха въ 354 г. до Р. X. Годъ этотъ ознаменованъ былъ еще и смертію правителя (династа) Карин, *Мавзола*, брата и мужа царицы *Артемиды*, прославившейся своею неутишимой скорбію о потерѣ своего брата—мужа. Артемиза, имя которой сдѣлалось нарицательнымъ для значенія безутышной вдовы, объявила, что *она сама* (върше ея желудокъ) *будетъ гробомъ незабвенному супругу*. Для этого, она ежедневно проглатывала въ пищу нѣсколько щепотокъ золы, оставшейся отъ сожженія трупа Мавзола... но, этого мало! Проглотивъ мужа, Артемиза ублажила его память сооруженіемъ, близъ Галикарнасса, гробницы, подѣйствиемъ *мавзола*, причисленной въ послѣдствіи къ семи чудесамъ свѣта. Эта Артемиза, *сестра* и *жена* своего брата, вызываетъ насъ на слѣдующее размышленіе:

Мы уже говорили въ одной изъ предыдущихъ частей нашего труда (*), что уродство физическое есть непререкаемое слѣдствіе преступленія противъ естественнаго кровосмѣшенія при брачномъ союзѣ. Въ древней Персіи, со времечкомъ Камбиза, родные братья женились на родныхъ сестрахъ и, такимъ образомъ, вся первая династія Ахеменидовъ представляла рядъ поколѣній, происшедшихъ отъ кровосмѣшительнаго союза. Физическаго уродства въ нихъ замѣтно не было, но не замѣнили-ли оно уродство нравственное? Всѣ эти персидскіе цари и царицы, сдиравшіе кожу съ живыхъ людей, заливавшие нѣмъ уши растапливаемымъ металломъ, удашающіе въ золѣ, изобрѣтающіе мучительныя пытки, не служатъ ли живыми доказательствами великой истинѣ, что грѣхъ, т. е. нарушеніе законовъ природы, въ себѣ самомъ носитъ и наказаніе — какъ плоть носить въ себѣ зерно? Дошедъ изъ всѣхъ народовъ земли, персіане славятся погостомъ и безчеловѣчствомъ. Намъ думается, что причина тому не въ климатическихъ условіяхъ, а въ

породѣ, въ крови этого племени. Не осмѣливаясь рѣшать вопроса, мы его только ставимъ, ожидая отбѣта отъ современной физиологіи. Догадку нашу мы подтвердить еще однимъ примѣромъ изъ древней же греческой исторіи. *Эдинъ*, неумышленно, мужъ родной своей матери *Локасты*; былъ отцомъ *Антигоны* — идеала дочерней любви, *Этеокла* и *Полиника*, братьевъ, ненавистниковъ, двухъ Каніовъ. Въ чемъ некая зародыша ихъ ненависти, если не въ крови, не въ чудовищной породѣ людей, доведшихся внуками родной ихъ матери и братьями ихъ отцу!..

Оазъ, царствованіе котораго мы теперь обозрѣваемъ—этотъ кровосадитѣль изъ царей персидскихъ, былъ также плодомъ кровосмѣшенія и самъ—кровосмѣстель. Относясь къ нему съ этой точки зрѣнія, мы уже не можемъ удивляться его злодѣйствамъ.

Финикияне, заключивъ тайный союзъ съ египтянами, возстали на Оха. Храбрость ихъ и единодушіе восторжествовали и персы изъ Финикіи были вытѣснены. Поощреніемъ примѣромъ финикиянъ, жители Кипра, въ свою очередь, попросили помощи у египтянъ, чтобы свергнуть ненавистное имъ Охъ, принявъ воинами, послалъ въ Кипръ многочисленныя войска, а самъ съ 330,000 арміей занялъ границы Финикіи. *Менторъ*—родосскій, недавній союзникъ финикиянъ, предать финикиянъ Оху и поступить въ его ряды. *Тенизъ*, царь Сидона, по совѣту измѣнника—пустилъ Оха съ войсками въ свой городъ. Не желая сдаться врагамъ, сидонцы зажгли городъ и до 40,000 человекъ погубило погребъ развалинами. Не имѣя болѣе надобности въ Тенизѣ, Охъ казнилъ его, переносивъ свою казну сокровищами, найденными на развалинахъ Сидона и состоявшими изъ слитковъ, сплавившихся въ огнѣ пожара, золота и серебра. Слѣдствіемъ разоренія Сидона было покореніе всей Финикіи и за нею и Кипра. Требованіе Оха при этомъ было довольно умеренно, такъ какъ выиграніе его было преимущественно обращено на мятежный Египетъ. Увеличивъ свои войска наемными греческими—царь, на первый случай утопилъ большую ихъ часть, понавѣвъ печально на *Сирбонидскія тристы*... не взирая, однако же, на эту неудачу, армія Оха дости-

(*) См. Будизмъ Гл. VI стр. 32¹ и Гл. VII стр. 224—225.

гла Пелузы, защищаемой пятидесятичным гарнизоном и надежными укрепленьями. Перем овладевши ею послѣ непредолжительной осады; овладевши не съ бою, а благодаря измѣнѣ гарнизона, состоявшаго изъ грековъ, которые въ это время, продавая себя кому угодно, служили и нашимъ и вашимъ. Благодаря ихъ трусости и предательству, почти все города Египта, или защищаемые, были преданы персамъ. Фаравъ *Нектанибъ* изъ Мемфиса бѣжалъ въ Эолию и тогда весь Египетъ покорился Оху (350 г. до Р. X.). Злодѣй повсемѣстно разрушилъ укрѣпленія, разграбилъ и осквернилъ храмы. Оставивъ покоренную страну на попеченіи сатрапа *Ферендата*, Охъ возвратился въ Вавилонъ, гдѣ съ восторгомъ былъ встрѣченъ народомъ; грекъ *Менторъ* — предатель, злодѣй и достойный клеветы Оха былъ осужденъ мнѣстиями; пашенникъ, получивъ заслуженную цѣну крови, былъ распущенъ по домамъ.

Усыривъ мятежныя области, Охъ, махнувъ рукою на дѣла правленія, довѣрилъ ихъ Ментору и Багоасу, а самъ предался своимъ животнымъ страстямъ и въ 338 году до Р. X. былъ отравленъ свнухомъ Багоасомъ. Уроженецъ Египта, онъ служилъ Оху, въ надеждѣ вымолить у него какія нибудь льготы своей родинѣ, при ея покореніи... но царь персидскій, не довольствуясь грабежомъ, посылалъ на цѣлости и неприкосновенность и, по призыву Камбиза, наругаясь надъ религіей, велѣлъ разрѣзать Аписа и ягнсовъ его поднималъ своихъ вельможъ. Последнее было главной причиной ненависти Багоаса. *Элианъ* говоритъ, что, отравивъ Оха, мстительный египтянинъ прѣзбалъ его тѣло на кузю и корчилъ или кошелъ. Все сыновья царя, за исключеніемъ младшаго, *Арзеса*, были всерѣзаны; Арзесъ подвергся этой участи послѣ двухлѣтняго царствованія и на опустѣлый престолъ въ 336 г. до Р. X. былъ возведенъ Багоасомъ — *Дарій Кодоманъ*, правнукъ Дарія Новаго, сатрапъ Арменіи. Этотъ послѣдній царь Персін — сравнительно лучшій изъ всѣхъ своихъ прѣшественниковъ, особенно недавнихъ, отправилъ Багоаса, которому былъ обязанъ возведеніемъ своимъ на престолъ, обвинивъ его въ покушеніи на свою жизнь... Царь онъ былъ или нѣтъ, но во всякомъ случаѣ былъ вѣренъ принципамъ царей персидскихъ, которыхъ трупы и чужія головы постоянно

служили ступеньками при ихъ востшествіи на престолъ. Черезъ два года сынъ македонскаго царя Филиппа, великій *Александръ*, явился въ предѣлахъ Азіи съ 30,000 пѣшого и 5000 коннаго войска, но уже не тѣхъ жалкихъ грековъ-торгашей — а героевъ неутомимыхъ и закаленныхъ въ бою. На берегахъ *Граники* произошла первая битва, пошатнувшая престолъ персидскій. Разбивъ на голову царскія войска, Александръ овладевъ Сардесомъ, объявилъ жителямъ Лидіи ихъ освобожденіе отъ ига персидскаго и осадилъ Галикарнасъ, защищенный Мемнономъ, правителемъ всѣхъ малоазійскихъ сатрапій. Городъ, зажженный руками своихъ защитниковъ, сдѣлся побѣдителемъ, овладевшему вскорѣ всей Каріей. Не сознавая въ себѣ достаточно силъ, чтобы вступить съ Александромъ въ честный бой, Дарій задумалъ подослать къ нему отравителя, но умыселъ этотъ рухнулъ; Мемнонъ — намѣревавшійся перенести театръ войны въ Македонію, достигъ только Лесбоса, гдѣ и умеръ, начавъ осаду Митилены... Потеря этого опытнаго вождя могла служить Дарію подтвержденіемъ того, что участь его царства уже рѣшена, что пришло время монархін великаго Кира послужить подосновой монархін другаго величайшаго завоевателя!... Съ быстротою громовой тучи три войска Александра надвигались на владѣнія Дарія, который взявъ городъ *Иссу*, ваятую македонскими госпиталиями, перенѣзая тамъ всѣхъ больныхъ и раненыхъ и на слѣдующій день приблизился къ рѣкѣ *Тивару*, черезъ которую переправился и ввелъ свои полки въ боевой порядокъ. Сраженіе не замедлило, и результатомъ его было — бѣгство Дарія, совершенное пораженіе его арміи и смерти главѣйшихъ ея вождей. Александръ, узнавъ, что семейство Дарія оплакиваетъ царя (восбуждая, что и онъ погибъ при Иссу), отправилъ нарочнаго въ Дамаскъ, гдѣ оно содержалось, утѣшить царя и царицу съ увѣреніемъ, что въ отношеніи къ нимъ, онъ, Александръ, никогда не нарушитъ должнаго уваженія. Въ *Маравѣ* свирѣискомъ побѣдитель принималъ пословъ Дарія съ мирными предложеніями и просьбою возвратитъ царю и царицѣ его семейство. Побѣдитель, отвѣчая отказомъ побѣжденному, напомнилъ ему, что Дарій, какъ рабъ, не имѣетъ права вступать въ переговоры съ Александромъ, своимъ господиномъ. Вслѣдъ за тѣмъ

взя Финикию, за исключением *Тира*, покорилась Македонскому; последним геродотъ оны овладѣть costly семидневной осады. Примеру Финикии послѣдовали: вся *Палестина* (за исключеніемъ *Газы* (послѣ двухъмѣсячной осады взятой приступомъ) и *Египетъ*, откуда Александръ пошелъ свои дружины на берега Тира... Дарій, видя, что все надежда на миръ — тщетна, собрать ополченіе, до миллиона пѣхоты и сорока тысячъ конницы (*), и расположился укрѣпившимся лагеремъ близъ *Арбеллы* на берегахъ Вулуда. Здѣсь рѣшилась судьба Персін: персы бѣжали, покрывъ поле 300,000 труповъ (2) и еще большіе числомъ раненныхъ и плѣнныхъ; потеря грековъ ограничивалась сотнею воиновъ и тысячею копей (!!!). Дарій бѣжалъ въ Мидію, а Александръ овладѣлъ Арбеллами, покорилъ Вавилонъ и остановился въ Сузѣ, гдѣ хранились царскія сокровища, награбленные Ксерксомъ въ Греціи. Изъ Сузы, горами страны Уксійцевъ, македонцы вступили въ Персиду и расположились на зимнихъ квартирахъ въ Персеполисахъ. Здѣсь герой и его сподвижники, вознаграждая себя за все труды и лишения недавнихъ походовъ и битвъ, предались шаштету и распутству. На одномъ пируествѣ, наложница Александра, аонийка *Ванса*, предложила ему ежели дворецъ, въ оплату за злодѣйства Ксеркса въ Греціи. Герой въ эту минуту безобразно пьяный, послѣдовавъ совету и совершенно подлегъ жилищи царей персидскихъ — въ нѣсколько часовъ обратившейся въ пепелъ.

Весною Александра, желая овладѣть Даріемъ, пошелъ въ Мидію къ Экбатанѣ. Первой мыслью царя персидскаго было бѣгство: чувство самозабвенія взяло одною верхъ и оны, въ послѣдній разъ, рѣшился попытаться счастья съ оружіемъ въ рукахъ. Сатрапъ Бактрии *Бессъ* и приближенный Дарія *Набарзанъ* его ворвались вълать его головою побѣдителемъ, въ случаѣ если тотъ будетъ его преслѣдовать; или умертвить царя — овладѣть его полудураченнымъ престоломъ. Завлавывъ Дарія и оковавъ его золотыми рѣшми, Бессъ повелъ его за собой въ Бактриану, обивъ

вивъ себя главнымъ вождемъ всѣхъ царскихъ войскъ. Александръ, прибывъ въ Экбатану, черезъ пять дней послѣ похищенія Дарія, пустился за нимъ въ погоню. Въ Пармидѣ ему сообщили объ извѣннѣ Бесса, что побудило героя еще болѣе ускорить преслѣдованіе. Оны ударилъ на поля извѣстниковъ внезапно: Набарзанъ и Бессъ — зарывавъ Дарія, бѣжали. Тѣло послѣдняго царя Персін, по приказанію Александра, было погребено съ подобающими почестями (330 г. до Р. Х.). *Синопленъ*, союзникъ Бесса, выдалъ его Македонскому, который, обрѣзавъ ему носъ и уши, препроводилъ его къ *Оксарету*, брату убитаго царя, предоставляя ему казнить убійцу... Послѣдній строки древѣйшей кровной исторіи Персін — достояніе ея начала: Оксаретъ привязалъ Бесса по рукамъ и по ногамъ къ глубокимъ деревьямъ, связаннымъ вершинами и когда съ нихъ были сняты опутывавшія ихъ веревки Бессъ былъ разорванъ на куски... Съ послѣднимъ своимъ вздохомъ персидскій деспотизмъ завѣщала потомству лютую казнь четвертованія посредствомъ деревьевъ!..

Черезъ семь лѣтъ послѣ покоренія Персін Александръ умеръ, завѣщая обладаніе полусвѣтомъ „достойнѣйшему“ и кровавымъ распри своему семейству. Азиатскій владыка, за исключеніемъ части Сиріи, Аравіи и Палестины, достался въ удѣлъ *Селевка-Никатора* (побѣдителя). Династія его, послѣ 56 лѣтняго владычества, была свергнута пароявиномъ *Артаколомъ*, родоначальникомъ новой династіи — *Арзакнидовъ* и основателемъ имперіи Парфянской. Четыреста восьмидесяти два года существовала имперія и затѣмъ, послѣдній изъ Арзакнидовъ, *Артабанъ IV* въ 226 г. по Р. Х. былъ свергнутъ съ престола Артаксерксомъ — основателемъ третьей, значительной династіи *Сасанидовъ*, овладѣвшимъ Персіею и представившимъ Арзакнидамъ царство Армянское, гдѣ оны владычествовали до половины шестаго вѣка.

Малькольмъ, въ своей исторіи Персін, называетъ пятивѣковой періодъ царствованія потомковъ Селевка и Арзакана — пробѣломъ въ лѣтописяхъ Востока, ко это не совсемъ справедливо: эти пять вѣковъ — не пробѣлъ, а вѣрнѣе періодъ разнн и смуты. Длинный списокъ царей, обрѣзанный кровью, изъ одного великаго событія — вотъ все, что мы находимъ въ лѣтописяхъ. Мы упоми-

(*) *Арбеллы*, Выходъ Александра кн. III, гл. VIII § 6.

(2) *Окс-исе*, кн. III, гл. XV § 6.

неть только объ одномъ царѣ этой династїи, *Хозроп II* (у грековъскихъ лѣтописцевъ *Вопонессъ*) единственно потому, что онъ былъ современникомъ императора римскаго Августа, сдѣдовательно и начала Эры христіанской. *Сассаниды* воцарились въ Персіи чрезъ двѣти двадцать шесть лѣтъ по воцеленїи на землѣ Слова Божїя, т. е. уже тогда, когда божественное ученіе евангельское, старинными апостолами, было распространено по Азїи и кровью мучениковъ запечатано въ Европѣ... Приступая теперь къ историческому обзору Персіи и начиная его именно съ этой эпохи, мы будемъ основываться на данныхъ, почерпнутыхъ изъ европейскїхъ и восточныхъ лѣтописей.

Артиксересъ или *Артаксерксъ* (*Ардишуръ I*), свергнувшій съ престола Артабана IV, былъ сыномъ жены чеботаря, *Пабека*, жители области Кадузійской, кромя своего ремесла усильно занимавшагося и астрологіей. Однажды, принимая у себя въ домѣ персидскаго военачальника *Сассана*, Пабекъ, составилъ его гороскопъ, увидѣти, что у Сассана долженъ родиться сынъ, который прославится по всему свѣту. Прорицателю душевно хотѣлось породниться съ отцомъ будущаго героя и, по неимѣнію сестеръ и дочерей, Пабекъ предложилъ Сассану свою собственную жену. Плодомъ этого возмутительнаго брака былъ Артаксересъ. Отцы уговорились, чтобы новорожденный именовался: „сыномъ Пабека изъ племени Сассана.“ Сынъ друхъ отцовъ выросъ, собралъ дружины, свергнулъ Артабана въ 226 г. по Р. Х. и взошелъ на престолъ персидскій, принявъ титулъ *царя царей*. Первой мыслию его было — возратить Персіи ея изувичую славу и воскрепити въ своихъ подданныхъ доблести смодвижишкова Инра и Керкса. Онъ объявилъ войну римлянамъ, властителямъ Азїи и вытѣснилъ ихъ войска изъ областей приевфратскихъ. Императоръ *Александръ Северъ* съ огромною арміею вступилъ въ Месопотамію, но изъ Антиохїи отправилъ къ Артаксерксу пословъ для переговоровъ о мирѣ, которые были отвергнуты. Тогда римляне овладѣли Месопотаміей, снова отнятой у нихъ персами по возвращенїи Александра въ Европу. Начавъ борьбу, Артаксерксъ завѣщать продолженіе ея своему сыну — *Санору*.

Независимо отъ воинскихъ подвиговъ, родоначальникъ Сассани-

довъ пересмотрѣлъ древнїе законы, сдѣлавъ необходимыя исправленія и дополненія; былъ покровителемъ наукъ, искусствъ, торговли, въ особенности-же земледѣлїя. Сыну своему онъ уступилъ престолъ свой еще при жизни.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Саноръ I. — Пророчества астрологовъ. — Царевна-чародѣйка. — Первое появленіе Мани. — Дѣти одовицы. — Вараранъ II. — Сказанія о Мани. — Казнь его. — Замѣтка о сектѣ манихейцевъ. — Вараранъ III. — Его изгнание. — Нарсесъ. — Гормиздана II. — Казнь царичи. — Тирикий царей. — Саноръ II. — Борьба съ римлянами. — Походъ Юліана. — Его смерть. — Царь-младенецъ. — Пилъи Санора. — Блество. — Перекесеніе столыци. — Артаксерксъ II. — Вараранъ IV. — Издешердъ I. — Его милости эристинцамъ. — Нарсесъ и Номанъ. — Крещеніе Нимфа. — Избраніе Хозрова на царство.

Саноръ I — Сануръ (?) (241 г.) былъ со своими войсками вытѣсненъ изъ Сїріи императоромъ *Гордіаномъ*, вскорѣ умерщвленнымъ *Филиппомъ*, который заключилъ съ Саноромъ миръ, уступивъ ему Месопотамію и Арменію. Не довольствуясь этимъ, персы продолжали дѣлать набѣги на области рижскїи и осадили Эдессу. Императоръ *Валеріанъ*, отправившійся въ походъ на персовъ, былъ взятъ въ плѣнъ и Саноръ, ободренный успѣхомъ, продолжалъ свои набѣги, но былъ разбитъ *Оденатомъ*, царемъ, нальмирекимъ, мужемъ знаменитой *Зинои*. Принужденный къ

(?) Второе имя царей то, подл которымъ они извѣстны въ лѣтописныхъ Востока. Биографія каждого состоитъ изъ повѣствованій европейскихъ и восточныхъ лѣтописцевъ. Сказанія послѣднихъ означены (В. А.).

отступлению, Сапурь перерезалъ всѣхъ своихъ римскихъ плѣнниковъ, а съ дряхлаго Валеріана, послѣ тяжкихъ скорбленій, велѣлъ содрать кожу. Послѣ этихъ гнусностей Сапурь не ознаменовалъ себя никакими подвигами. Тѣснимый Оденатомъ и Зиноной, онъ, послѣ смерти послѣдней, съ трудомъ держался противъ Арреліана.

(В. Л.) Ардиширь при воеводѣ своемъ истребилъ всѣхъ членовъ семейства *Ардавана* (Артабана). Причиной этой жестокой была предсказаніе астрологовъ, что царство перейдетъ во власть потомковъ Арзакка. Вскорѣ по убійствѣ царскаго семейства Ардиширь влюбился въ красавицу рабыню, которая, увѣренная въ любовь царя, открыла ему вполнѣ, что она изъ племени Арзакка. Царь, призвавъ визиря, велѣлъ зарыть ее живую въ землю. Рабыня объявила, что она беременна; визирь, желая спасти мать и будущаго младенца, а вѣстѣ съ тѣмъ и исполнить царскую волю — скрылъ рабыню въ подземную пещеру и окружилъ ее всевозможнымъ довольствомъ. Этихъ заботъ визиря не ограничили. Во избѣжаніе искушеній любви, которая легко могла пробудиться въ немъ къ рабынѣ, онъ подвергъ себя кастрати, вручивъ царю на сохраненіе отторгнутыя отъ организма части — въ запечатанномъ ящикѣ. Черезъ нѣсколько времени подземная узница-рабыня родила сына, котораго назвала: *Шануролъ*, т. е. царскимъ сыномъ. Прошло нѣсколько лѣтъ... Однажды заставъ царя въ грустномъ настроеніи духа, визирь спросилъ о причинѣ, и когда царь отвѣчалъ, что причина его скорби — неизлѣимыя сына и наследника, визирь открылъ ему заветную тайну рожденія Шанура, подтвердивъ законность его происхожденія сохраненными у царя доказательствами операціи. Ардиширь, весьма довольный, велѣлъ привести Шанура съ тысячею другихъ, однаково одѣтыхъ, жалчиковъ и приказалъ имъ всѣмъ играть въ ящики въ большомъ покоѣ, смежномъ, съ его собственнымъ, въ который входъ былъ воспрещенъ подѣ смертною казнью. Одинъ изъ мальчиковъ закатился въ царскій покой и изъ всѣхъ мальчиковъ одинъ только Шануръ отважился войти къ отцу — который по этому и призналъ въ немъ свою кровь.

Сдѣлавшись царемъ, Шануръ прославился побѣдами и завое-

ваніями. Во время продолжительной осады города *Хадхара*, между Тигромъ и Евфратомъ, принадлежавшаго арабскому царю *Манизенту*, Шануръ своею красотою плѣнилъ дочь царя *Назирату*. Она предложила ему научить его способу овладѣть городомъ, съ условіемъ, чтобы онъ взялъ ее въ рабыни своего гарема. Когда Шануръ далъ ей клятву исполнить ея желаніе, она написала къ нему, чтобы онъ, взявъ голубку съ низмъ горышкомъ, на запискахъ съ кровью дѣйствилица — начерталъ, по указанію Назираты, таинственными письмена, а послѣ пустилъ птицу на волю. „Ванья, на которую сядетъ голубка — обрушится!“ донесла предателяница въ своемъ наставленіи Шануру. Все исполнилось по ея словамъ: двѣ башни рухнули и городъ былъ взятъ. Въ свою очередь, вѣрный своему слову, Шануръ помыслилъ чародейку Назирату въ свой гаремъ, но потомъ, негодую на ея неблагодарность къ отцу, велѣлъ ее умертвить, привязавъ за косы къ хвосту дикой лошади.

Овладевъ Хадхаромъ, Шануръ осадилъ *Изибу*, но городъ этотъ держался крѣпко и царь взялъ его только тогда, когда, по совету одного праведника, всѣ воины исповѣдывавшіе грѣхи свои единогласною молитвою. Стѣны города пали сами собою... Вслѣдъ затѣмъ, Шануръ покорилъ еще многія области, принадлежавшія римлянамъ. Послѣдніе годы его царствованія ознаменованы были появленіемъ даже пророка *Мани* (*), который, опасаясь гнѣва царскаго, однако же бѣжалъ изъ пределовъ персидскихъ.

Гориздета — *Горнуз* (271 г.). По сказаніямъ восточныхъ лѣтописей стался мужествомъ и мудростью. По матерп происходить отъ племени царя *Магрека*, со всѣмъ семействомъ истребленнаго Ардиширомъ вслѣдствіе пророчества астрологовъ, что изъ племени Махрена родится царь обладатель всего Прана. Одна изъ царскихъ дочерей спаслась и укрылась у пастуха, гдѣ встрѣ-

(*) Этотъ Мани никто иной какъ Манесъ, основатель секты манихеевъ, вполнѣ тайно преобразовавшей въ тайное еретическое общество: *сыновей адамы*, о которомъ мы поговоримъ подробно въ той части нашей исторіи, которая будетъ заключать въ себѣ обзоръ ересей и расколовъ религіи христіанской.

тиль ее Шапуръ. Повторилась съ нею та же исторія, которая была съ матерью Шапура, за исключеніемъ притока въ подземелье и прочихъ мелодраматическихъ приключеній. Гормузъ, при жизни отца, былъ назначенъ правителемъ Хорасана, гдѣ оклеветанный завистниками въ покушенія на отцеубійство—отрубилъ себѣ правую руку и подалъ ее царю вмѣсто всякаго оправданія, написавъ отцу, что теперь лишается всякаго права на наслѣдіе. Шапуръ, глубоко тронутый, отпѣвалъ ему: „хотя бы ты *всею себя* изрѣзалъ на куски (!!!), все же ты, а не другой кто—будешь поимъ наслѣдникомъ!“ Царствовалъ Гормузъ только два года, оставивъ по себѣ память царя справедливаго и великодушнаго.

По этому образчику лѣтописей персидскихъ, читатель можетъ судить о народномъ характерѣ персовъ: у нихъ что ни царь, то и герой. Могло ли быть иначе въ странѣ деспотизма; да и кто кромѣ лстиваго раба можетъ быть лѣтописцемъ деспота и тирана? Сравните китайцевъ и ихъ судъ исторіи со сказаніями персидскихъ лѣтописцевъ...

Вараранъ II—Багравъ (273 г.). Устрашенный вторженіемъ войскъ императора **Проба**, заключилъ миръ съ римлянами, но пользовался смутнымъ временемъ и усобищами въ имперіи, занялся укрѣпленіемъ границъ и наборомъ войска, готовясь къ набѣгу на римскія области. Появленіе **Диоклетіана** въ Арменіи удержало воинственные порывы Варарана, вскорѣ умершаго.

(В. Л.) Олицетворенная протестъ, царь, обожаемый всеми своими подданными. При немъ произошла казнь **Мани**. Человекъ этотъ, обладавшій удивительными талантами въ живописи, представлялся какъ художникъ не только въ Персіи, но даже въ Индіи и въ Китаѣ. Потомъ, разглашая о ниспосланныхъ ему свыше дарѣхъ пророчества, Мани написалъ книгу, будто писавшую къ нему съ неба. Считаясь по царству, онъ случайно нашелъ пещеру, чрезъ которую узкимъ проходомъ можно было проникнуть на предстную плодотворную долину съ журчащими ручейками свѣжей воды. Мани перенесъ въ эту пещеру все свои книги, писемныя принадлежности и запасы продовольствія на цѣлый годъ; затѣмъ, собравъ учениковъ, объявлялъ имъ, что Богъ желаетъ восхитить его на небо, откуда онъ возвратится черезъ годъ и

принесетъ людямъ откровеніе божественныхъ тайнъ. Сказавъ это ученикамъ, Мани скрылся въ пещеру, гдѣ занялся рѣзбою чудныхъ рисунковъ на доскѣ (которую назвали въ послѣдствіи *Эрменки-Мани*)—а по истеченіи годичнаго срока позвать эту доску (она же его книга) ученикамъ. Искусная работа обманщика соблазнила многихъ, которые и перешли въ его вѣроисповѣданіе. Ободренный первымъ успѣхомъ, Мани дерзнулъ явиться къ царю Бахраму, предлагая ему послѣдовать новому ученію. Бахраму сначала понравились наставленія Мани, но потомъ онъ приказалъ магамъ и ученымъ людямъ диспутировать съ пресоблагодетелемъ... Ученые его загоняли, уличили въ безбожьи и требовали, чтобы онъ стрекся отъ своего ученія и послѣдовалъ религіи маговъ; Мани упорствовалъ и тогда царь велѣлъ содрать съ него кожу и повѣсить ее на воротахъ города Джонджиншура (*).

Бахрамъ царствовалъ три года и три мѣсяца и заслужилъ прозвище *ш.гундера* (благодѣтеля). Онъ очень любилъ лошадей и славился познаніями ветеринарной медицины. Одной изъ любимѣйшихъ его поговорокъ была слѣдующая: „нѣтъ радости

(*) По сказаніямъ греческихъ лѣтописей Маней былъ казненъ при царѣ Сапурѣ и не за религіозныя свои убѣжденія, а за то, что не выслушалъ его сына, за вызорваніе котораго ругался головой. Магъ, ненавидѣвшій Манеса, тайно отравилъ царевича и Сапуръ велѣлъ содрать кожу съ несчастнаго врача. Эта казнь совершилась въ Персіи посредствомъ тростниковъ, которые засовывали подъ кожу чрезъ надрѣзы и, такимъ образомъ, отдирали наружные покровы. Тѣло Манеса было выдано для погребенія его ученикамъ, которые, въ память страдальческой кончины ересіарха, установили праздниціи, при которыхъ всѣ присутствующіе въ молельнѣ стояли съ зажженными свѣчами и тростниковыми стеблями въ рукахъ. По среднѣ молельни ставили гробницу съ живописнымъ изображеніемъ мертвеца, съ котораго содрана кожа. Праздникъ этотъ у манихейцевъ бывалъ въ августѣ мѣсяцѣ, соблюдался носителями этого ученія въ ерзнѣ вѣна, соблюдается и донынѣ, такъ какъ сента Манеса донынѣ существуетъ и слѣды ея догадливо встрѣчаются даже между нѣкоторыми изъ нашихъ раскольниковъ. Абытъ Барриэль, въ своихъ письмахъ о яковинизмѣ, совершенно ошибочно сличиваетъ манихейцевъ съ масовитами.

безъ спокойствія души; пить истиннаго удовольствія безъ здохровья!“

Варранъ III (*), **Бахрамъ II** (276 г.). Въ началѣ царствованія угнеталъ народъ и вельможъ, въслѣдствіе чего составилъ обширный заговоръ къ его низложенію. **Мобедъ мобедовъ** (верховный жрецъ закона Зороастра) уговорилъ заговорщиковъ до времени отложить исполненіе ихъ умысла и совершенно покинуть царя, оставивъ его безъ прислуги. На слѣдующій же день дворецъ царскій опустѣлъ и царь тщетно звалъ къ себѣ преслужниковъ. Выбѣго ихъ явился мобедъ мобедовъ, но на всѣ разспросы отвѣчать царю молчаніемъ. Выведенный изъ терпѣнія, Бахрамъ захватилъ емо, что онъ ведетъ себя какъ мятежникъ. Тогда мобедъ мобедовъ, испросивъ позволеніе говорить откровенно, отвѣчалъ царю: — „Съ удивленіемъ смотрю я на благородныя черты лица твоего и на то возмутительное поведеніе, къ которому подстрекаетъ тебя духъ злобы. Это поведеніе побудило твоихъ подданныхъ выйти изъ повиновенія тебѣ. Предшественники твои держались на престолѣ единственно благодаря своей мудрости и благоразумію!“ Тронутый Бахрамъ далъ слово исправиться (2) и, разувѣся, исправился и сталъ чуть не ангеломъ во плоти. Онъ составилъ по себѣ двухъ сыновей, **Нарсета** и **Бахрама**.

Нарсетъ — Нарси (294 г.) — въ одной изъ битвъ былъ разбитъ **Диоклетіаномъ** и вынужденъ къ постыдному миру съ римлянами. Восточныя лѣтописи даютъ ему прозвище **Назодиръ-хана**, т. е. воеводы съ дикими звѣрями, намекая на его страсть къ охотѣ.

Горизидитъ II — Горлузъ (302 г.) только тѣмъ и прославился, что былъ отцемъ **Савора II**, одного изъ величайшихъ царей династіи Сасанидовъ. По словамъ восточныхъ лѣтописцевъ, онъ былъ женатъ на дочери кабульскаго царя, которая однако же не позволяла ему пользоваться супружескими правами. На вопросъ визиря, чему подожать царя за свое неповинове-

ніе, сынъ визиря, исправлявшій его должности, отвѣчалъ: — смертной казни. Горлузъ, послѣ тщетныхъ убѣжденій жены, приговоривъ ее къ смерти, чрезъ нѣсколько времени спросилъ у визиря, какому наказанію подлечь убила *невиннаго* существа? Подувъ въ отвѣтъ: — „казни“, царь велѣлъ повѣсить его сына. Отецъ, узнавъ объ этомъ, сказалъ только: — „что я могу отвѣчать царю моему? Противиться его велѣніямъ я не смѣю ни въ здѣшней жизни, ни *въ будущей!*“ За эти слова (т. е. за эту подлость) царь возвысилъ визиря на высочайшую степень славы и почта...

Какъ быть! Въ это время въ Персіи отецъ-дѣтубида, въ угоду царю, почитался идеаломъ вѣроподданничества... Хороши подданные, такъ дико понимающіе свои обязанности къ царямъ, да хороши и царь, имѣющіе въ обязанности своихъ подданныхъ забвеніе законовъ божіихъ и заглушеніе голоса природы, голоса, которому послушны самыя скоты... Впрочемъ, надобно же человѣку чѣмъ нибудь и отличаться отъ скота!

Саворъ II — Шапуръ-Дхулактафъ (310 г.). При вступленіи на престолъ рѣшившій отторгнуть отъ римской державы всѣ области, принадлежавшія древнимъ царямъ персидскимъ. Сознавая, что его войска не достаточно сильны для борьбы со всѣмирыми властителями, онъ собралъ ополченіе изъ соединенныхъ племенъ. Религозныя поклонники религіи маговъ, отъ *преслѣдованія христіанъ* въ своихъ владѣніяхъ и, только благодаря вѣщательству императора **Константина**, прекративъ свои гоненія. Эта услуга не помѣшала, однако, персидскому царю, почти ожесточеннаго и, болѣею частью, безуспѣшная война съ восточной римской имперіей. Одинъ изъ воспалительниковъ Констанца, **Антонинъ**, бѣжать ко двору Савора и совѣтами своими успѣлъ склонить царя идти въ походъ къ берегамъ Евфрата для зашиты Сирии. Саворъ съмѣлѣлъ Амидоу послѣ семидесяти четырехъ осады и, укрѣпивъ тамошній гарнизонъ, разрушилъ Сингару месопотамійскую и занялъ многіе города. Констансъ, погумѣшій Евфратъ, не въ состояніи былъ отнять у Савора города Везабду и, за дурнымъ осеннимъ временемъ и по недостатку припасовъ, вынужденъ былъ перезимовать въ Сириі. Военныя дѣйствія возоб-

(*) По греческимъ лѣтописямъ годъ его воцаренія 293.

(2) Сцена нашего Ивана IV съ Сильвестромъ — повтореніе этой сцены. Ничто не ново подъ луною!

появился лѣтомъ, съ vaporеніемъ въ римской имперіи знаменитаго императора *Юліана*. Завлавъ Ассирію, онъ приступилъ къ осаждѣ Ктесифона, не взирая на всѣ возраженія своихъ сподвижниковъ. Въ тоже время, желая усилить войска присоединеніемъ къ нимъ моряковъ, Юліанъ съелъ всѣ свои корабли на Тигрѣ. Недостатокъ жизненныхъ припасовъ некорѣ побудилъ Юліана отступить къ *Кордуэни*; причежь римляне много потерпѣли и отъ голоду и отъ нападений персовъ. Въ *Марангъ* они натолкнулись на весьма значительный корпусъ ибхоты и конницы, превосходный Мерепомъ, вначальникъ Салопа. По рассказамъ *Амміана Марцеллина*, войска персидскія были превосходно вооружены длинными копьями и тростниковыми стрѣлами, а головы и лица воиновъ были покрыты мѣдными шлемами наподобіе череповъ, съ отверстіями для глазъ и ушей. Римляне первые начали атаку и персы уступили дружному ихъ натиску; послѣ трехдневнаго перемѣны была покая битва, въ которой Юліанъ былъ раненъ на смерть дротикомъ, брошеннымъ рукою какого-то таинственнаго всадника (*). *Юовіанъ*, избравшій въ императоры римскими легіонами, посѣдѣлъ заключить миръ съ Сасаномъ, уступивъ ему пять областей съ городами Нисибомъ и Сиппаромъ. Успѣшно окончивъ война съ римлянами, Сасоръ ходилъ походомъ въ Татарію и Индію: а послѣ смерти Юліана, вопреки данному слову, вторгнулся въ Арменію, гдѣ убилъ царя Арзака. Появленіе сильнаго римскаго корпуса принудило его отступить и возвратиться въ Персію, гдѣ онъ незадолго до кончины перенесъ престолъ царей персидскихъ въ *Ктесифонъ*, древнюю столицу государей парсианскихъ.

(В. А.). Такъ какъ Гормузъ не оставилъ по себѣ наследника, то царедворцы спросили у жены его гарема: имѣтъ ли между ними беременной? и когда одна изъ нихъ объявила, что она беременна и по всѣмъ признакамъ несомнѣнно мальчикомъ, тогда царедворцы сѣвши царскую тиару ей утробѣ и воздали ей (т. е. утробѣ) всѣ почести, подобающія царю. Младенца, созрѣваемаго и родившагося, такъ образомъ, подѣ сѣбною царской шавки,

назвали *Шапууромъ*. Пользуясь его малолѣтствомъ, аравитяне, турки и римляне овладѣли многими областями царства; но младенецъ, разумный не по лѣтамъ, подавалъ блестящія надежды, что отплатитъ у враговъ владѣнія свои съ лихвою. Сынъ лѣтъ онъ уже отлично вѣдѣлъ верховъ; восьми — написалъ законы, до образа правленія относящіеся; шестнадцати, предводительствуя войсками, одержалъ побѣду надъ аравитянами и изгналъ ихъ за предѣлы Тигра и Евфрата. Такъ какъ усталые воины не могли спѣе убивать илѣнныхъ, то Шапууръ велѣлъ, прокалывая имъ плечи, пачислять ихъ такимъ образомъ на перевки и вести за собою: за это дано ему было прозвище *дхулактафа*, т. е. плечевого. Побѣдивъ аравитявъ, Шапууръ пошелъ войной на римскихъ и, оставивъ на границѣ свои войска, передѣлѣй пробрался въ Константинополь, желая новѣдѣть все что нужно было ему знать о состояніи двора и неспрѣдѣльного войска. Не задолго передъ этимъ римскій императоръ велѣлъ списать портретъ съ Шапуура и украсить его изображеніемъ блюда и чаша своего стола. Царь персидскій пришелъ въ Константинополь и попалъ во дворецъ какъ разъ во время пиршества, на которомъ по портретамъ его узнали и захватили въ плѣнъ. Императоръ велѣлъ зашить Шапуура въ свѣжую бычачью шкуру, въ которой царь персидскій пробылъ плѣнный годъ. По простѣвнн этого времени императоръ, отправляясь въ походъ въ Персію, велѣлъ воиначѣ своей взять съ собою и плѣнника, нагрузивъ его какъ особую лошадь. Въ Персіи Шапууръ удалось сѣзжать изъ римскаго лагерь и, въ свою очередь, взять императора въ плѣнъ, въ которомъ послѣдній пробылъ только во все продолженіе несправленія городовъ, оустомленыхъ римлянами, а послѣ того былъ выпущенъ на волю. Нѣкоторые рассказываютъ, будто Шапууръ предъ освобожденіемъ императора велѣлъ обрубить ему ноги, проколотъ изюмъ и проткнуть сѣвзъ ннхъ уздечку. Римляне, соединясь съ аравитянами въ числѣ 170,000 всадниковъ, вторглись въ Персію; но Шапууръ, завѣвъ своими войсками римскую имперію, принудилъ императора Константина къ миру. Шапууръ перенесъ царскую свою резиденцію въ городъ *Маданъ*, вкорѣ заселенный богатѣйшими купцами и знатѣйшими сановниками.

(*) По христіанскимъ легендамъ это былъ св. Меркурій.

Артахсеркс II—Ардишир (380 г.) три года был правителем царства и попечителем своего племянника, которому передал власть, не желая опозорить себя похищением престола.

Саноръ—Шануръ III (383 г.). Летописи греческия не говорят о нем ничего, за то восточныя осыпают похвалами, между прочим за то, что он был врагом роскоши и жил постоянно в простом шатре. Эта привычка была причиною его смерти: вихрь опрокинул однажды шатер и царь был убит на поклах упавшей на его голову подпоркой.

Вараранъ IV—Бахралъ (388 г.). Царствовал, по выражению летописцев „безукоризненно“, что не помешало ему однако же быть убитым стрелою во время мятежа войска.

Издигердетъ I—Издигердъ-алатимъ (400 г.). Честный и первый союзник восточных императоров, попечитель *Теодосия II*, доверенного ему императоромъ *Аркадиемъ*. Сначала Издигердетъ был гонителемъ христіанъ, но по внушениямъ епископа *Марсавата*, посланнаго Теодосіа, сдѣлался вѣстоудѣстны ихъ покровителемъ, разрывая христіанамъ (не взирая на прописанную имъ безпримѣнно строгость свои храмы по всемъ областямъ) безпримѣнно строить свои храмы по всемъ областямъ персидской монархіи. Вотъ, вѣроятно, причина, по которой восточные летописцы, давая ему прозвище *несправедливости* (алатимъ), отзываются о немъ не совсемъ благосклонно. Но ихъ словамъ, царь этотъ, мудрый на словахъ, былъ жестокъ на дѣлѣ; грабилъ вельможъ, учинялъ наездъ и войска; надругался надъ законами божескими и человѣческими... Музыка и веселія заставляла бесѣду заглушали въ немъ голосъ совѣсти и таили матѣишіе проблески чувствъ справедливости. Символомъ у него были не живучіе, они всѣ ушарили въ малодѣтствіи и только одинъ—*Бахралъ* подаль, лавочникъ, надежду на жизнь болѣе продолжительную. Царь приказалъ астрологамъ составить его гороскопъ и тѣ отвѣчали, что сынъ его Бахралъ будетъ долголѣтенъ и счастливъ и одѣлаетъ всѣмъ богатъи телесными и душевными, если только царь отдастъ его на воспитаніе въ чужую землю. Выборъ наль на области *Джезире*, управляемую аравитяниномъ *Ноланею*, которому царь доверилъ воспитаніе царевича. Три избранныя Ноланею коринѣицы питали Бахрама чистымъ здоровымъ молокомъ,

благорастворенный воздухъ укрѣплялъ и развивалъ организмъ младенца одновременно съ умственнымъ его развитіемъ, подъ надзоромъ Нолана... Къ сожалѣнію, царевичъ скорѣ лишился своего мудраго наставника. Ноланъ поклонился идоламъ, но при немъ, въ качествѣ визиря, служилъ христіанинъ. Однажды въ ясный весенній день, бесѣдуя съ Ноланомъ о красотахъ природы, послѣдній замѣтилъ, что всѣ онъ конечны и скоротечныя. „Да развѣ есть страна вѣчной весны? спросилъ Ноланъ.— „Есть! отвѣчалъ визирь:— это страна, въ которой садъ милосердія Божія и райскіе вертоградъ. Чтобы попасть въ нее, нужно только познать истинной вѣры и повиновеніе закону Бога, который есть Любовь и Милосердіе!“ Пораженный этими словами, Ноланъ немедленно крестился, покинулъ царство, семью, всѣ свои сокровища и удалился въ пустыню. Воспитаніемъ царевича Бахрама занялся сынъ и преемникъ Нолана, *Мондаръ*, человекъ образованнаго высokaго. Царевичъ, достигшій уже лѣтъ юности, много проводилъ время, посвящая его наукамъ, музыкѣ и охотѣ—какъ внезапно дошедшая до него вѣсть о кончинѣ отца его, царя Издигерда, и о занятіи престола другимъ изъ потомковъ Ардишира *Хозросомъ* (*Кесра*, у аравитянъ) вызвала Бахрама изъ мирнаго уединенія. Онъ собралъ войска и пошелъ отнимать у самозванца законное свое наслѣдіе. О смерти же Издигерда повѣствовуетъ, будто она была справедливымъ возмездіемъ Божиимъ за всѣ его злодѣянія. Въ дворѣ царскаго жилища невѣдомо откуда забѣжала дикая лошадь, которую царь велѣлъ осѣдлать, что было невозможно, такъ какъ она страшно лигала и кусала копытами. Схвативъ ее неуживую, царь взялся самъ укротить ее и дѣйствительно лошадь смирилась при его приближеніи... но, какъ только царь хотѣлъ шагнуть на лошадь съѣдо, она ударомъ копита повергла его жертвнымъ на землю. Народъ и войска до такой степени обрадованы были смертію Издигерда, что благодарили Бога въ храмахъ и одѣляли нищихъ предъмынъ милостынями—вмѣстѣ съ тѣмъ будучи увѣрены, что Бахралъ похожъ на своего отца, избрали царемъ *Хозроса*.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Вараранъ V. — Епископъ Аканій. — Сказки о Бахрамъ. — Битва со сасанидъ. — Подтвержденіе II. — Раздѣлъ Арменій. — Перевозъ. — Мити. — Чудныя изсѣченія. — Бабелъ. — Кобадетъ. — Зомекъ забвеніа. — Вѣстои царя. — Осада и взятіе Амиды. — Столкновеніе съ христіанскими. — Гурми. — Казнь Сеогеси и ея причины. — Войны съ Юстиніаномъ. — Велисарій. — Пророкъ Маздакъ. — Его житіе. — Невдованіе селмажъ. — Заточеніе и освобожденіе царя. — Сущность ученія Маздаки. — Превращеніа религій вообще. — Предшественники ислама.

Вараранъ V (*) Баграмуръ (423 г.). Началъ свое царствованіе *законенъ на христіанъ*. Тѣмъ же семействомъ бѣжали изъ Персіи въ области, принадлежавшія чисеріи римской; маги, для удержанія бѣлестоу, разставили войска на всѣхъ границахъ, но эта хѣра, къ счастью для христіанъ, оказалась поздною. Вараранъ требовалъ у Осодосія II выдачи переселенцевъ, на что императоръ отбѣчалъ отказомъ; тогда возмущенный царь удержалъ въ качествѣ заложниковъ горнорабочихъ, присланныхъ ему Осодосіемъ и ограбилъ римлянъ, проживавшихъ въ предѣлахъ Персіи. Непониманіемъ слѣдствіемъ этого грубого насилія и неуваженія къ международнымъ правамъ была война. Начало дѣйствій было неблагоприятно для персовъ: войска ихъ были разбиты и военачальникъ царя *Нарзетъ*, тѣсный римляниномъ, вынужденъ былъ перейти въ Пизидію и выдержать тѣсную осаду, отъ которой его избавилъ Вараранъ. На слѣдующій годъ (422 г.) при одной изъ стычекъ съ римскими войсками, персидскій богатырь вызвалъ римлянина *Аребинди* на поединокъ, предлагая этимъ путемъ рѣшить предстоявшее сраженіе. Аребиндъ убилъ богатыря и вся персидская армія послѣдъ затѣмъ была разбита на голову. Не смотря на перевѣсъ, Осодосій, считая все невыгодъ веденія войны въ предѣлахъ Персіи, предложилъ Варарану миръ, на который тотъ былъ и согласенъ, но отбѣрая его гвардію, *без-*

смертныя (эти язычари царей персидскихъ), принудили его продолжать военныя дѣйствія, обѣщая истребить римлянъ... Истреблены были однако же не римляне, а сами *безсмертныя*. Эта неудача смирила Варарана: онъ заключилъ миръ на *сто лѣтъ*, съ условіемъ не угнетать христіанъ и предоставить имъ полную свободу вѣроисповѣданія. Условіе это вскоре было нарушено царемъ персидскимъ, котораго однако же принудили къ себодѣи его, не вооруженныя войска, не грубая сила, а кротость и подвиги милосердіа смиреннаго служителя церкви. Римляне, занявъ область Араппу, захватили въ плѣны многихъ жителей-язычниковъ для прислуживанія себѣ на походы. По окончаніи войны семь тысячъ этихъ несчастныхъ были оставлены въ тяжкомъ плѣну въ городѣ Амидѣ. Епископъ *Аканій* продалъ всѣ церковныя облаченія, даже сосуды и, выкушая на эти деньги плѣнниковъ, одѣлялъ ихъ одеждою, продовольствіемъ и возвращалъ на родину. Тронутый этими подвигами христіанства, избавителя язычниковъ — Вараранъ вызвалъ Аканія въ своею дворъ, сидѣлъ ласками, милостями и въ угоду ему далъ многія льготы христіанамъ. Много вредилъ еще при этомъ, благихъ видѣхъ царя, проеки говоить, ненавистниковъ ученія *савельскаго*. Мирнаго своего договора съ Восточною имперіею Вараранъ не нарушалъ до самой своей смерти.

(В. П.) Появленіе *Баграма*, съ огромными силами въ предѣлахъ Персіи, распространило новосвѣсто смленіе и ужасъ. Послѣ долгихъ переговоровъ между приверженцами царя Хозрова и Бахрамъ — першими тѣмъ, чтобы царская тиара досталась тому изъ двухъ истовъ, который возьметъ ее, возложеную между двумя головами львами. Хозровъ отступилъ отъ этого опаснаго опыта, но Бахрамъ, вспригнувъ на спину одного льва, оглушилъ его ударомъ камня; потомъ, схвативъ за ухо другаго льва, сталъ бить его головою объ голову перваго, до тѣхъ поръ, пока не раздробилъ черепомъ тому и другому. Хозровъ и всѣ народъ персидскій безпрекословно покорились герою.

Бахрамъ, при востествіи, получить прозвище *гура*, т. е. дыкаго осла. Этотъ странный эпитетъ данъ былъ ему за то, что однажды на охотѣ онъ одной стрѣлою пробилъ на вылетъ льва и дыкаго осла, у котораго тотъ сидѣлъ на хребтѣ. Мудрый, сираво-

(*) По греческ. извѣщеніямъ 421 г.

дливый, просвѣщенный Бахрамъ, по словамъ летописца *Мирхон-да* „съ норвежъ пиараль дерево тираства и на мѣстѣ его посадилъ кустарникъ правосудія!“ Царствованіе его было золотымъ вѣкомъ для Персін. Однажды, въ праздничный день, въ одной изъ областей Спиріи царь увидѣлъ, что жители плышутъ безъ музыки. Узнавъ, что нельзя было ни откуда достать музыкантовъ, Бахрамъ выпсалъ изъ Индіи 12,000 музыкантовъ и плясунювъ, которыхъ разослалъ по всѣмъ областямъ своего царства. Эти выходцы были родоначальниками персидскихъ шутювъ и скомороховъ. Кротость, миролюбіе и правдолюбъ Бахрама внушили сосѣднимъ царямъ мысль отнять у него нѣкоторыя страны обширнаго его царства. Царь китайскій вторгся въ Хорасанъ. На всѣ просьбы воеданныхъ вести ихъ на плочеленника, Бахрамъ отвѣчалъ, что все свое упованіе возлагаетъ на милосердіе божіе, которое не допуститъ Персію до конечной гибели. Вельможи, слушавъ эти рѣчи, вообразили, что царь струсилъ или поѣшался. Какъ бы въ подтвержденіе послѣдняго предположенія, Бахрамъ, поручивъ управленіе царствомъ брегу своему Парсу, отправился съ семью толпарниками и свитой изъ трехсотъ воиновъ на охоту, ведя за собою на сворехъ джеспрованныхъ пантеръ и охотныхъ соколовъ. Правитель и вельможи вступили было въ переговоры съ китайцами, какъ царь, изъ Азербиджана пресланный въ Армению и усиливший тамъ свою свиту тысячами воиновъ—внезапно ударилъ на лагерь китайцевъ, разбилъ ихъ (25,000 человекъ) и прогналъ за рѣку Джихувъ. Къ этой сказкѣ есть варіантъ. Нѣкоторые летописцы, иже китайцевъ, называють *муромъ*, разбитыхъ Бахрамомъ и обращенныхъ въ бѣгство вслѣдствіе напавшаго страха, нагнавшаго на нихъ проходомъ 7000 надутихъ и набитыхъ камешками бычачихъ шкуръ, привязанныхъ къ лошадицѣ, мущинамъ почью на изпрятельскій лагерь. Которое изъ двухъ сказаний вѣстѣе — рѣшить этого вопросъ предоставимъ читателямъ.

Избавивъ Персію отъ враговъ, Бахрамъ отправился въ Индію, желая просвѣтлится и поидать всѣ дивовины этой чудесной страны. Здѣсь онъ удивлялъ всѣхъ своимъ искусствомъ въ вѣздничествѣ и стрѣльбѣ: слухи о немъ дошли до царя индійскаго. Черезъ нѣсколько дней, въ окрестностяхъ столицы цар-

ства, появился чудовищной величины слонъ, отъ котораго не было проходу ни звѣрямъ, ни людямъ; тѣхъ и другихъ слонъ раздираетъ на части своими клыками. Не могли съ нимъ справиться даже войска индійскія и дошло, наконецъ, дѣло до того, что между столицей и другими городами пресѣклось сообщеніе... Бахрамъ рѣшился избавить страну отъ этого чудовища. Онъ отправился въ тѣсѣ, гдѣ и встрѣтилъ слона: тотъ хотѣлъ ринуться на хвостъ репа, но Бахрамъ пустилъ ему въ лобъ стрѣлу-каленую, спрыгнулъ съ коня, ухватилъ слона за хоботъ... слонъ упалъ на колѣни, а Бахрамъ отсѣкъ ему голову мечемъ булатнымъ, вскинулъ отсѣченную голову на плечо, выхалъ изъ тѣсу и бросилъ ее на большую дорогу. — Царь, узнавъ о подвигѣхъ племена, призвалъ его къ себѣ, спросилъ кто онъ такой, но Бахрамъ царемъ не назвался, а выдалъ себя за бѣглеца изъ Персін. Это не помѣшало ему сдѣлаться первымъ другомъ царя индійскаго.

Затѣмъ сосѣдніе народы объявили индійскому царю войну; онъ хотѣлъ мириться, но Бахрамъ присовѣтовалъ воевать и самъ вступилъ въ ряды индійскаго войска: куда пустить стрѣлу—тамъ непріятель палалъ, гдѣ махнеть мечемъ—исерубить человека пополамъ. Устраненные враги бѣжали, а царь индійскій въ восторгѣ предложилъ Бахраму свою дочь въ жену, а съ нею и все свое царство. Тогда персидскій царь открылся кто онъ, на царской дочери женился, подаривъ тестю нѣсколько потрапичныхъ областей... Ми. однако, удовольствуемся этими разсказами, иначе читателю покажется, что вмѣсто летописей, его забавляють выписками изъ *Тысячи одной ночи*! Изъ всего, о чемъ еще слѣдуетъ упомянуть, скажемъ, что визирь Бахрама *Мизиръ-Насри*, сложивъ свое знаніе, посвятилъ себя на служеніе Богу, удалясь на всю свою жизнь въ храмъ оня.

Издигердетъ II-й (441 г.). Въ первый годъ его вцаренія былъ бунтъ въ области армянской вслѣдствіе распріи двухъ братьевъ *Арзакъ* и *Тигранъ*. Сторону перваго принялъ Осодосій II и войска его побѣдили Тиграна, который удалился въ Персію, уступивъ Издигердету все свое царство; Арзакъ со своей стороны уступилъ Армению Осодосію. Опять вспыхнула война между Восточной Имперіей и Персіей, окончившаяся полюбо-

страшилось по всей Персией и навлекло на эту страну великія бѣд-
стїи; для спасенія государства отъ погочной погнѣблени вельможи
рѣшили пожертвовать царя, такъ какъ онъ покровительствовалъ но-
вой вѣрѣ. Имъ удалось овладѣть Кобадетомъ и заточить его въ
темницу; хотѣли умертвить и Маздака, но число его привержен-
цевъ было такъ велико, что схватить его не было никакой воз-
можности. Вельможи постановили сперва покончить съ царемъ, а
потомъ уже взяться за Маздака, но и это не удалось имъ. У
царя Кобадета была красавица сестра, на которой онъ женился,
согласно законамъ новой вѣры, которые въ этомъ случаѣ не про-
тиворѣчили законамъ Зороастровымъ. Она, избѣнивъ своею красо-
тою тюремника царскаго, похитила мужа изъ темницы. Воротивъ
свой престолъ съ помощью бѣглыхъ гунновъ, Кобадетъ казнилъ
заговорщиковъ и помыловалъ Маздака, разрешивъ ему со всѣми
послѣдователями безрелигиозно исповѣдовать новую вѣру. Эта
ересь, какъ видно изъ сказаній, представляла смѣсь *буддизма*
съ законами Зороастра. Она не удержала за собою владычества
надъ Персїей, но нѣтъ никакого сомнѣнія, что нѣкоторые обычай
этой секты привились къ народному быту. Ни Манеса, ни Маз-
дака нельзя назвать преобразователями въ томъ великомъ смѣсѣ
слова, въ какомъ были *Будда* въ Индіи, *Лао-Тси* и *Кун-
фу-тси* въ Китаѣ, *Зороастра* въ Персїи, но во всякомъ слу-
чаѣ появленіе сѣятелей было живѣйшимъ протестомъ противъ
отрицательныхъ догматовъ, заявленіемъ настоятельной потребности
въ новыхъ религіозныхъ законахъ. Замѣтимъ еще, что появленію
великихъ преобразователей религій человѣческихъ, вездѣ и всюду
предшествовало появленіе ересей и сектаторовъ, образыирав-
шихъ, такъ сказать, переходные отряды, какъ бы подготовлявшіе
людей къ воспринятію новаго ученія... Всякое же вѣрованіе тѣмъ
долговѣ�е, чѣмъ оно ближе къ истинѣ, и каждый преобразова-
тель былъ только олицетвореніемъ тѣхъ идей, до которыхъ посте-
пенно дозрѣвалъ разумъ человѣческій въ прогрессивномъ своемъ
развитіи. Толчекъ, данный закону Зороастра, сперва Манесомъ,
потомъ Маздакомъ, подготовилъ персовъ къ воспринятію ученія
того великаго человека, который черезъ семьдесятъ лѣтъ родился
въ *Меккѣ* и, будучи могучимъ соперникомъ Будды и браминтовъ,

полноблвно размежевать съ ними всю Азію... Дѣйствительно, эта
часть свѣта была размежевана между *буддизмомъ* и *исламомъ* и въ этихъ двухъ религіяхъ сдѣланы послѣдствіи всѣхъ
вѣрованій древнихъ азіатскихъ царствъ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

*Хозрой.—Сношенія съ Византіей.—Казни.—Коварство
Хозроя.—Его характеристика.—Побѣда Юстиніана.—
Казнь Маздака.—Циревичъ-христианинъ.—Сношенія съ Ки-
таемъ и Индіей.—Драгоценныя дары.—Мудрецъ Абдурд-
жмиръ.—Двадцать правилъ.—Шахы.—Превосуде.—
Гормиздатъ II.—Хозрой II.—Посланіе къ Вавилону. Бы-
ство царя и его письмо къ императору Маурікію.—Цуде.—
Зерство.—Блудство Малой Азіи.—Разрушеніе Иерусали-
ма.—Пожизненное повтореніе креста.—Ученіе христи-
анъ.*

Хозрой-Хосру, Кесра или Пусириванъ-правосудный
(531 г.). Въ первый годъ его владычествія было послѣднее отъ
Юстиніана съ поздравленіемъ и мирными предложеніями. Упол-
номоченный *Рубинъ* встрѣтилъ въ Хозрѣ человека пастойчи-
ваго и къ миру нерасположеннаго. Миръ былъ *купленъ* греками
и девять лѣтъ персы не тревожили Восточной имперіи. Вельможи,
опасаясь, что Хозрой характеромъ и склонностями въ отца свое-
го Кобадета, рѣшили свергнуть царя и возвести на престолъ брата
его, *Замета*, но послѣдній, будучи кривъ, не могъ быть ца-
ремъ, такъ какъ, по закону, увѣчный не имѣлъ права занимать
престола. Тогда, на мѣсто Замета избрали сына его *Кобадета*,
еще отрока. Заговоръ однако же былъ открытъ, зачинщики каз-
нены, а избранный или царь спасенъ своимъ наставникомъ *Адер-
гудубадоломъ*. Сынъ послѣдняго донесъ на отца и тогда Хоз-
рой казнилъ спасителя Кобадета, щедро наградивъ доносчика.
Той же участи подвергся, совершенно безвинно, *Мебодетъ*, ста-
рѣйшимъ котораго Хозрой былъ обязанъ престоломъ. Царь послать
за нимъ, въ то время, какъ Мебодетъ былъ занятъ смотрѣть

войск. Онъ отвѣчалъ нарекою посланному, что придетъ къ Хозрою по окончании смотра. За это царь велѣлъ *позвать его къ треножнику*, предъ которымъ его, черезъ нѣсколько дней, за- рѣзали. Призвавъ къ треножнику, на которомъ передъ дверьми дворца, горѣлъ неугаемый огонь, равнялся смертному приговору. Весною 540 г., вопреки миру съ Юстинианомъ, Хозрой вторгся въ Сирію и Киликію; овладѣвъ Сурою на Евфратѣ и Антиохію, въ которой благосклонно принялъ пословъ Юстиніана. Выслушавъ ихъ внимательно, Хозрой отвѣчалъ имъ: „По моему мнѣнію, правду говоритъ старинная пословица, что Богъ никогда не даетъ человѣку радости безъ прирѣза гори. Сквозь сѣтѣхъ нашихъ всегда проскакиваются слезы, сквозь веселье пробивается печаль и никто не насладится нашимъ, совершеннымъ счастьемъ. Вотъ я, напримеръ, — съладѣлъ знаменитыхъ городахъ, прославился побѣдой, дарованной мнѣ Богомъ; а между тѣмъ, видя множество убиенныхъ, не могу не подумать, что трофеи мои запятнаны кровью побѣжденныхъ, и при этой мысли побѣда не радуетъ меня. Истинная причина бѣдствій Антиохіи — уорство ея жителей, которые, будучи не въ силахъ выдержать осады, были на столько безразсудны, чтобы биться съ моими персами въ стѣнахъ ваятаго уже города. Приближенные мои просили меня разрушить Антиохію и перерѣзать нѣжныхъ, но я, зная, что убивать беззащитныхъ — преступленіе и грѣхъ, я употребилъ все силы, чтобы уговорить антиохійцевъ бѣжать изъ города!..“

Хозрой говорилъ эти слова (повѣствуетъ *Проква*) тономъ, унылымъ голосомъ, въ той надеждѣ, что послы въ самомъ дѣлѣ подумаютъ, будто онъ сѣтуетъ о бѣдствіяхъ Антиохіи; но тѣ знали очень хорошо, что Хозрой не преслѣдовалъ бѣжавшихъ жителей единственно опасаясь замахн. Царь самъ обличалъ себя, сваливая все свои злодѣянія на другихъ, и въ чемъ неповинныхъ. Всегда готовый обвинять и клятвою подтверждавъ свои обвинения, Хозрой былъ еще того способнѣе забывать и клятвы и обѣщанія. Хотя въ лицѣ его было выраженіе благочестія, а съ языка не сходили рѣчи нравственныя, назидательныя, тѣмъ не менѣе, едва ли нашелся бы другой человѣкъ, подобно Хозрою, способный на всякое злодѣяніе, если только оно было сопряжено съ какими

нибудь выгодами. Овладѣвъ хитростью городахъ Сурою, онъ (при греческихъ посланникахъ), увидя своихъ воиновъ, насло- вавшихъ женщину — простѣлся и, набожно поднимъ къ небу глаза, молилъ Бога наказати изверговъ и главнаго виновника всѣхъ бѣдствій, наемца на Юстиніана. „Вотъ, заключаетъ летописецъ — самый вѣрный портретъ Хозроя.“

Портретъ безспорно, не хорошъ, прибавимъ мы; коварствоу, лицемерію, злобою дышутъ все его черты... но, всматриваясь внимательно въ это изображеніе персидскаго тирана, нельзя не найдти сходства въ немъ со многими византійскими императорами и многими, такъ называемыми, *сестичли* людьми послѣдующихъ вѣковъ... Такъ портретъ Хозрою напоминаетъ намъ между прочимъ *Людвика XI* французскаго и нашего *Ивана Грознаго*; напоминаетъ, именно этой фарисейской набожностью, эти слезящими глазами, возведенными горѣ въ тѣ самыя минуты, когда передъ нами истязуютъ человѣка по нарекою же приказу! Слезы по завоеванной Антиохіи не залили ея пожара; онъ по помѣшанъ Хозрою обратилъ городъ въ пепелъ, не оставя въ немъ камня на камнѣ... Юстиніанъ *купилъ* у Хозры постидшии миръ, при заключеніи котораго царь персидскій со всѣхъ цивилизовъ разбойника, сказалъ византійскимъ уполномоченнымъ: „Не надейтесь на прочность мира. Дружба, проданная за деньги, длится откуда держался деньги; она исчезаетъ, по мѣрѣ того, какъ онъ истрачиваются. Это вѣрно! Прочный миръ между нами можетъ существовать только при ежедневномъ платажѣ денегъ съ вашей стороны!“

Согласно этому тусклому правилу, Хозрой, тридцать слишкомъ лѣтъ, жадно погублялъ греческое золото: грабилъ и разорялъ города, заставляя императоровъ откупаться деньгами. Походъ Велизарія въ Месопотамію (541 г.), отчасти вознаградивъ Юстиніана за частые убытки, покрылъ ржавчиной безславій греческаго оружія. Въ 542 г. Хозрой ходилъ въ Палестину съ набѣжными отрядами. Иерусалимъ, чего однако же не исполнили, при вѣсти о приближеніи Велизарія. Въ слѣдующемъ году зимою одѣвъ его *Набадешъ* съ 1,000 войска разбилъ въ Арменіи 30,000 грековъ, предводимыхъ *Нарсесомъ* и такъ, годъ за годомъ, про-

должалась эта война продавца мира съ его покупателями до 576 г. Влезь Мелитина въ малой Арменіи, греки одержали, наконецъ, блестящую побѣду надъ войсками Хозрой, овладѣли его лагеремъ со всѣми сокровищами и *аитаре-ле неунасилао оии*... царь едва успѣлъ спастись бѣгствомъ. Юстиніанъ, военачальникъ византійскій, перешелъ Тигръ и Евфратъ и проникъ въ глубину Персіи, не встрѣтивъ ни малѣйшаго сопротивленія. Хозрой, со всѣмъ смиреніемъ побѣжденнаго, приступилъ уже къ мирнымъ переговорамъ, какъ внезапно побѣда надъ греками (577 г.) дала ему возможность продолжать войну съ возрастающимъ успѣхомъ. Смерть застала его готовящимся къ прогнаннымъ успѣхамъ. *Тиверію* въ 579 году. Изъ сказаній даже въ императору *Тиверію* въ 579 году. Изъ сказаній постоянныхъ лѣтописей о Хозрой, можно было бы составить цѣлую книгу; это любимый герой Персіи — ея *Александръ*. Первой мыслью его при восшествіи на престолъ было искорененіе опасной секты Маздака. Сначала онъ ограничивался выговорами иересіарху за его безправственное поведеніе; впоследствии, прибѣгнувъ къ болѣе рѣшительнымъ мѣрамъ, такъ какъ безстыдство послѣдователей ученія Маздака дошло, наконецъ, до напыльнаго похщенія жепъ у мужей. Маздаку и ученикамъ его отрубили головы (по другимъ сказаніямъ ихъ живыхъ закопали въ землю) и по повелѣнію пари, по всей Персіи начались розыски послѣдователей ученія Маздака, котораго можно назвать родоначальникомъ шибитскихъ *морпоновъ*. Розыски убились успѣхомъ: сто тысячъ *зениковъ* (!) было перебито и вслѣдствіи эти были надежными опорами водвореннаго спокойствія.

Повѣствованія о сраженіяхъ Хозрой съ греческими императорами и о его завоснаніяхъ изукрашены въ лѣтописяхъ всѣми богатырскими восточныхъ вымыслами. Для насъ несравненно важнѣе разсказъ о женѣ Хозрой и о сынѣ его *Нусшизадѣ*.

Жена Хозрой, необыкновенно красивая въ Персіи, была *христианка*. На всѣ просьбы пари переменить законъ она отвѣчала: слѣдуй ученію Зороастра, а мнѣ позволю слѣдовать ученію сван-

гельскому. Царь, страстно любя ее, особенно не настаивалъ. Царица родила ему сына *Нусшизада*, который, достигнувъ юношескихъ лѣтъ, внимательно занялся сравнительнымъ изученіемъ религій отца и матери. Первая показала ему противную здравому смыслу, вторая — совершеннѣйшую. Тѣсно отецъ умолялъ его слѣдовать закону маговъ; царевичъ упорствовалъ и за это, Хозрой, желая заточить его въ уединенный дворецъ, предъ до дальнѣйшихъ приказаній; самъ же отправился на войну въ Сирію, гдѣ вскорѣ опасно захворалъ. Пользуясь отсутствіемъ Хозрой и его болѣзнію, Нусшизадъ, покинувъ заточеніе, собралъ многочисленныя дружины, *преиспущенно изъ христіанъ*, овладѣлъ всѣми царскими сокровищами — готовясь овладѣть и царствомъ. Убѣдомленный о клеветѣ, Хозрой писалъ главнокомандующему въ Персіи, чтобы тотъ собралъ войска и, взявъ въ плѣнъ Нусшизада — непременно живаго, не причинилъ ему ни малѣйшей обиды, а помѣстилъ его въ прежній дворецъ и окружилъ всѣми удобствами... изъ словъ письма видно было, что царь прощаетъ любимому сыну. Не смотря однакоже на всѣ предосторожности главнокомандующаго въ сраженіи, царевичъ, смертельно раненный стрѣлой, вскорѣ умеръ, завѣщая духовнику своему, свикенцу, похоронить его по обряду христіанскому. Изъ уваженія къ памяти сына, Хозрой избавилъ отъ податей своихъ подданныхъ христіанъ и сиреевъ — моложе двадцатилѣтняго возраста.

При Хозрой, говорятъ лѣтописи — Персія была обширнѣйшимъ и могущественнѣйшимъ царствомъ въ свѣтѣ. Кромѣ императоровъ греческихъ — Индіи и Китай работѣнно склонялись предъ великимъ царемъ и щедрыми дарами вымаливали себѣ подданство у его побѣдоноснаго оружія. Въ числѣ даровъ отъ китайскаго императора была золотая статуя пантеры, въ настоящую величину занимавшая жемчужное съ глазами изъ драгоцѣнныхъ алыхъ камней; рукоять сабли покрывалъ изумрудомъ; списъ медновою бляхѣю съ выпуклымъ на немъ изображеніемъ царя персидскаго... оно положено было въ золотой дарецъ, который поднесла царю дѣвственница красоты ослѣпительной. Императоръ индійскій прислалъ Хозрой тысячу фунтовъ алоэваго дерева, таившаго какъ огонь на огнѣ; сосудъ изъ драгоцѣннаго краснаго камня, наполненный жем-

(!) Такъ называли послѣдователей Маздака.

чужезъ и коверъ изъ змѣиной кожи, мягкій и узорчатый, будто вытканый изъ шелку.

Изъ Индіи же были тогда привезены: книга *Камли и Динии*, шахматная игра и помада *гидии*, для окраски сѣдыхъ волосъ въ черные до самого корня... Отъ тибетскаго царя присланы были сто золотыхъ нагрудниковъ и тысяча музрей благогованнаго мускуса.

Превосходя мудростью всѣхъ своихъ предшественниковъ, Хозрой любилъ окружать себя мудрецами и учеными людьми. Изъ первыхъ, особенно прославился *Абузурджміръ*, исторія котораго довольно любопытна. Однажды царю припался боровъ, который, вырвавъ у него изъ рукъ чашу, выпилъ изъ нея все вино и распянулся на подушѣ, служившей сѣдалищемъ царю. Такъ какъ никто изъ придворныхъ мудрецовъ и народѣвъ не могъ объяснить Хозрою значенія его таинственнаго сна, онъ разослалъ по всѣмъ областямъ отыскать ученаго человѣка для истолкованія чудеснаго сповѣднія. Вблизи города Мервы въ Хорасанѣ одному изъ посланных по имени *Азадъ-Серу* повсчастливилось найти мудреца, у котораго въ числѣ учениковъ былъ Абузурджміръ. Онъ вызвался быть истолкователемъ царю и выѣхалъ съ Азадъ-Серу отправился во дворецъ къ Хозрою. Дорогою они впрлегли отдохнуть на берегу ручья, подъ тѣнью раскидистаго дерева. Мудрецъ покрывся сѣтями, на которыхъ обильно лежали, и погрузился въ глубокой сонъ. Тогда спутникъ его увидѣлъ, что изъ кустовъ вылезла черная змѣя, которая, отрывъ отъ него и полизавъ у снѣннаго голову и ноги, вылезла на дерево. Но прибывши во дворецъ, Азадъ-Серу разсказать объ этомъ чудѣ Хозрою и представить ему Абузурджміра. По его объясненію, сонъ означалъ, что въ гаремѣ Хозрой скрывается любовница одной изъ его женъ, что и оказалось на дѣлѣ. Любовница казнили, а мудрецъ вскорѣ получилъ санъ *сикра*. Однажды собравъ всѣхъ ученыхъ и мудрецовъ, Хозрой спросилъ, что всего нужнѣе для блага царя и его подданныхъ? Всѣмъ отвѣчали, ни ладно, ни складно — одинъ только Абузурджміръ сказалъ, что всѣ блага царя и подданныхъ можно выразить слѣдующими *докладами правителей*:

1) Остерегаться любви, гнѣва и страстей; 2) соблюдать правду

въ рѣчахъ и вѣрности въ обѣщаніяхъ; 3) совѣтоваться съ мудрыми и въ дѣлахъ свѣдущими; 4) награждать ученыхъ, словесниковъ, вельможъ и военачальниковъ — каждого по его заслугамъ; 5) быть правосуднымъ, основывая рѣшеніе всякаго дѣла на неопровержимыхъ данныхъ; 6) изслѣдовать поведеніе узниковъ, наказывая виноватыхъ, освобождая правыхъ; 7) покровительствовать торговцамъ людямъ; 8) наказывать подданныхъ за ошибки, награждать за подвиги; 9) имѣть всегда въ запасѣ войско и оружіе; 10) любить и уважать свою семью и родныхъ; 11) имѣть во всѣхъ областяхъ надежныхъ и честныхъ правителей; 12) заботиться и нежить о своихъ приближенныхъ. Эти банальныя правила, которыя можно уяснить въ два слова: *будь справедливъ* — principles особенно по вкусу Хозрою: онъ велѣлъ начертать ихъ золотомъ на мраморной доскѣ... Надобно позакать, они были для него пріятной и неслыханной новостью.

Въ послѣдніе годы его царствованія по персидскимъ областямъ появлялись и ставки бродили шакалы. Мобедъ-мобедовъ, на вопросъ царя о значеніи этого, отвѣчалъ, что по вѣнью старыхъ людей, появленіе хищныхъ звѣрей въ царствѣ вѣрнаго признака несправедливости правителей. Царь назначилъ слѣдственную комиссію надъ правителями областей и за обнаруженныя упущенія и злоупотребленія: девяносто человѣкъ были повѣшаны. Прихвѣтъ могущественно подѣйствовалъ на чиновниковъ и благотворно отразился на народномъ быту. Какъ особенно характеристичную черту правосудія Хозрой, лѣтними разсказывать о томъ, что у прекраснаго его двоюда, одинъ флигель, паноресоръ причислялъ архитектурной смелости, былъ меньше другаго. На вопросъ византійскаго посланника о причинахъ, приведяреные отвѣчали, что рядомъ съ жилищемъ флигель былъ домъ старухи, не желавшей продать его въ казну и за какія деньги. Царь предпочелъ лучше поборщить планомъ дворца, нежели закономъ и совѣтью.

Гормиздатъ III — Гормизъ (579 г.). Пятнадцать лѣтъ непрерывныхъ войнъ съ Византіей и вѣтежъ главнокомандующаго персидскаго *Варана* (Бахрама), окончившій сверженіемъ Гормиздата — вотъ въ немногихъ словахъ, вся исторія царствованія

Гормиздата. Писургонты, раскаленными пглами выколовъ глаза царю, избрали ему въ преемники сына его *Хозроя II*.

Хозрой II — Хосру-Парвизъ (590 г.). Казнилъ отца и друхъ дядей, но въ то же время, желая ознаменовать поспѣвствіе свое на престолѣ добрыми дѣлами, освободилъ многихъ узниковъ. Велъ позорную и унижательную переписку съ Варахмъ, главою мятежниковъ, предлагая ему за покорность половину своего царства. Гордо отвергая всѣ эти предложенія, Варахъ, въ свою очередь, предлагалъ Хозрою уступить ему, Вараху, весь престолъ и доведываться одной областью. Вотъ подлинный отвѣтъ царя на это предложеніе: „Хозрой, царь царей, повелитель князей, властитель народовъ, владыка міра, спаситель людей, между богамъ вѣщный и добрый человѣкъ, между людьми славнѣйшій богъ, исполненный славы, небѣдопосный, вѣщающій съ солнцемъ, дарующій глаза (*) кони, знаменитый предками, благодѣтель, врагъ войны, краситель царства, содержащій гениевъ (*іездановъ*) на жалованьи (з), прикѣтствуя Бахрама, военачальника персидскаго, друга своего: Мы вѣномали о хубрости вашей, всюду прославляемой и обрадовались, узнавъ о вожделѣнномъ вамемъ здравіи. При всемъ томъ, въ посланіи намемъ есть слова, рожденными не вашимъ сердцемъ; мы думаемъ, не написано ли посланіе ваше челоуѣкомъ забывшимъ виною, погруженнымъ въ усыпленіе, при которомъ грезилъъ ему сны небытые и несбыточные? Напоминаемъ, что шипъ деревни обрываетъ зѣтнее свое одѣяніе, а потому знаеъ, что осенніе сны не обиваеы, мы не спускаемъ (*). Честно достигнувъ престола, мы закона не нарушили: выпущенныхъ на свободу узниковъ опять въ темницы не заточимъ — такъ какъ бла-

годныіе царей персидскихъ отъѣтъ не подлежатъ. Что же касается до тиры царской — мы ея не сложимъ и еслибы крохѣ зѣтняго міра, были еще другіе, мы не отказались бы отъ надежды управлять и ими. Мы пойдемъ на *тебя* войною какъ по добавѣ царямъ и покоримъ тебя либо убѣжденіемъ, либо оружіемъ. Если желася себѣ добра, дѣлай то, что ты должешъ дѣлать. Прощай, лучшій изъ будущихъ нашихъ сподвижниковъ.“

Одновременно съ этимъ писемомъ, въ которомъ Хозрой служилъ соединить страшное высочайшее со личнымъ рабствомъ, онъ собралъ войска и повелъ ихъ въ Ницибу противъ Вараха. После ожесточеннаго боя царскія войска были разбиты и Хозрой бѣжалъ въ Месопотамію, гдѣ намемъ приютъ въ византійскомъ городѣ Цирчезіуѣ. *Провъ*, тамошній градоначальникъ, принялъ его со всѣмъ почтениемъ и на другой же день царь послалъ императору *Маверкию* нижеслѣдующую грамоту: „Хозрой, царь персидскій, шлетъ привѣтъ свой мудрѣйшему, благодѣтельному, миролюбивому, могущественному, другу благородныхъ, защитнику угнетенныхъ, благодушному и возлюбивому императору римскому. Въ началѣ вѣка Богъ создалъ въ мірѣ два великія царства, подобно двумъ очамъ (т. е. звѣздамъ), озаряющимъ міръ: всемогущественную имперію римскую и мудрую монархію персидскую. Эти два царства удерживаютъ нормы народовъ воинственныхъ и охраняютъ всеобщіе порядокъ и тишину. Хотя вселенная наполнена злыми и мятежными *духами*, старающимися разрушить порядокъ, Богомъ установленный; хотя усилія духовъ этихъ и не утѣняются успѣхами, тѣмъ не менѣе, людямъ благочестивымъ, которымъ Богъ даровалъ сопроица мудрости и оружіе правосудія, подобаетъ противообѣдствовать злымъ духамъ. Самые опаснѣйшіе изъ нихъ недавно произвели величайшіе безпорядки въ Персіи: они воздвигли рабовъ на господствѣ, подданныхъ на управителей; они свѣрили порядокъ неурядицею, добро — зломъ. Варахъ (Бахрамъ), презрѣнный рабъ, котораго предокъ мой, возставъ изъ ничтожества, ослепилъ почтениемъ, не съумѣлъ выдержать величія своей славы, предался злу, и, домогаясь нагъ гой власти, возмутить наше отечество. Митяхъ этотъ приведетъ къ тому, что *дикіи орды кочевыхъ народовъ разрушатъ просвѣщен-*

(*) Т. е. посылающій звѣзды на небесный сводъ.

(з) Это слово хоти и означать духовъ небесныхъ, но здѣсь оно употреблено сравнительно съ самимъ пошлѣнникомъ злымъ.

(*) Но преждемъ похвально персоямъ (и до Зороастра) сны во время осенняго злестоя приписывались пугливымъ, несбывчивымъ и не имѣющимъ съ традиціями сообщеніи ни малѣйшій связи. Вообще же *авраамическое* въ сны было однимъ изъ религіозныхъ домысловъ древнихъ персовъ. См. далѣе главу XIII.

ное государство персидское; со временемъ они же создвинутъ на союзниковъ нашихъ рати непобѣдимыя (*). Въ виду этихъ соображеній, вполне достойно было бы миротворной вашей прозорливости, если бы вы подали руку помощи угнетенному царству, укрѣпили распадающуюся монархію и сдѣлались, такимъ образомъ, спасителемъ Персіи.

Покуда Маврикій размышлялъ объ отвѣтѣ на это посланіе, Варамъ, овладѣвъ Персіей, вѣнчался царской тиарой. Въ 593 г. въ Константинополь прибыли два посла, — одинъ отъ царя Варама, другой отъ Хозроя. Первый предлагалъ Маврикію за соблюдение нейтралитета Ницибу и всѣ области до рѣки Тигра; второй — за помощь и содѣйствіе отдавать всю Арменію съ городомъ Дарю. Маврикій принялъ сторону Хозроя, который съ войсками выступилъ за Евфратъ. Успѣхамъ его много содѣйствовали мятежи въ войскахъ Варама и заговоры вельможъ къ его низложенію. Побѣжденный на берегахъ Балараты войсками Хозроя и Маврикія, Варамъ бѣжалъ съ поля сраженія и пропалъ безъ вѣсти, а Хозрой, благодаря императору, снова взошелъ на престолъ персидскій. Изъ разсказовъ лѣтописей о борьбѣ царя съ самозванцемъ приведемъ два факта, особенно замѣчательные. *Месбодетъ*, военачальникъ Хозроя, овладѣвъ городомъ *Хозроантохіей*, казнилъ тамошнихъ евреевъ за ихъ участіе въ мятежѣ Варама. „Этимъ врагамъ“, говоритъ лѣтописецъ греческій, *Веофилактъ*, „нельзя было и пренебрегать. Евреи, жившіе въ это время въ Персіи, были страшно богаты. Когда Веспасіанъ овладѣлъ Іерусалимомъ и сжегъ тамошній храмъ, многие евреи, опасаясь разгнѣвъ, со всѣми сокровищами своими переселились въ Палестину въ Мидію, а потомъ въ Персію. Здѣсь, умноживъ богатства, они повлекли жителей въ непрерывные мятежи, такъ какъ евреи народъ развращенный, пѣвирный, любящій смуты, а еще того болѣе страдающій другихъ людей... народъ ревнивый, завистливый, не имѣющій понятія о дружбѣ и постоянный только въ непримир-

мой своей пачаисти!“ Въ крайнему негодованію грековъ, Хозрой предавалъ вѣнчиковъ своимъ лютѣйшимъ истязаніямъ. Захвативъ въ оляокъ сраженія храброго военачальника Варама, по имени *Бризоска*, Хозрой сперва обѣзжалъ ему носъ и уши, а потомъ, угощая грековъ обѣдомъ, тутъ же, ради потѣхи, велѣлъ его, чутокъ живаго, растерзать на куски, что было исполнено. Греческіе вожди тотчасъ же вышли изъ стола... Послѣ десятидневныхъ торжествъ царь распорядился со своими союзниками, щедро осплавивъ ихъ *похвалями* и, выпросявъ себѣ у Маврикія тысячу тѣлохранителей, прилежно занялся казними и истязаніями захваченныхъ въ плѣнъ приверженцевъ Варама.

Набѣгъ *сарациновъ* на Персію охладилъ дружественныя отношенія Хозроя съ Маврикіемъ. Обиженный своего благодѣтеля въ содѣйствіи врагамъ, злодѣй готовился уже объявить ему войну. Убіеніе Маврикія въ 602 году развѣсило Хозроя отъ его обязанности Восточной имперіи и въ тоже время дало ему возможность грабить греческія области подъ благодѣльнымъ предлогомъ мести *Фоку*, убійцѣ Маврикія. Опять запалала двадцатичетырехлѣтняя война между Персіей и Восточной имперіей, ознаменованная злодѣйствами Хозроя. Отъ береговъ Тигра до Восточнаго Азія пылала пожаромъ и обогрѣвала кровью. Месопотамія, Сирія, Финикія и Палестина ежегодно страдали отъ разбойничьихъ набѣговъ персовъ. Въ 609 г. они овладѣли всѣми областями греческими отъ Эдессы до Халкидонъ; разорили Эдессу, Дамаскъ, а въ 615 г. подъ предводительствомъ *Ромлианета*, вѣнчанаго болѣе подъ именемъ *Сарбара* (вспри или кабанъ), заняли Палестину. Опустошивъ всю область, Сарбаръ овладѣлъ Іерусалимомъ, захватилъ множество плѣнныхъ своего пола и *похитилъ живомъсгорающій крестъ Господень*, который, въ особомъ лѣнцѣ за печатю епископа, былъ доставленъ въ Персію; что же касается до плѣнныхъ христіанъ, евреи выкупили ихъ въ числѣ 80,000 и всѣхъ мерзавили. Іерусалимъ представлялъ груды непа и развалинъ! Опустошенія, произведенныя Веспасіаномъ въ Іерусалимѣ *іудейскою*, повторились теперь въ Іерусалимѣ *христіанскою*... На слѣдующій годъ *Сизигъ*, другой военачальникъ Хозроя, осадилъ Халкидонію. Императоръ Ге-

(*) Слова пророческія: черезъ 30 лѣтъ арабы овладѣли Персіей, а черезъ 533 года турки — имперіей греческой.

раклій, опасаясь за Константинополь, вступилъ съ Сазтомъ въ мирные переговоры и по его совѣту отправилъ пословъ къ Хозрою. Немедленно по прибытіи на границы Персін, Сазъ зако-валъ ихъ въ цѣпи и въ этомъ видѣ представилъ царю. „Ты долженъ быть привести ко мнѣ не пословъ, а самого Гераклія!“ крикнулъ Хозрой въ обществѣ и приказалъ снять кожу съ до-стойнаго своего вельможи, велѣлъ выдѣлать изъ ней мѣхъ для вина; что же касается до плѣнныхъ, онъ сказалъ имъ: „Вы и всѣ ваши тогда только будете пощажены, когда отречетесь отъ ва-шего *распятіаго Бога* и поклонитесь солнцу!“ Заточенные въ темницу греческіе посланники вскорѣ были убиты въ ней палоч-ными ударами.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Побѣды грековъ. — Уничтоженіе храма огня и идола Хоз-роя. — Разореніе церквей христіанскихъ. — Несторіане. — Убіеніе Хозроя. — Сирозъ. — Казнь убійцы Хозроя. — Ар-таксерксъ III. — Вавилъ. — Отсылка Животворящаго Крест-а въ Колесъ антинополь. — Издѣательства. — Переговоры съ арабіянами. — Сраженіе при Кадезіи. — Нагавенская битва. — Покореніе Персін халифами. — Убіеніе послѣдняго изъ сасанидовъ. — Десять вѣрносовѣдствъ. — Православный выводъ изъ исторіи Персін.

Въ 622 году, императоръ Гераклій, желая наконецъ отом-стить Хозрою за всѣ кровавыя обиды, съ многочисленными вой-сками вступилъ въ Арженію. Сарбаръ, надѣясь отвлечь его, за-нялъ Киликію; но Гераклій, быстро подвигаясь впередъ, прину-диль Сарбара къ сраженію, удивительною совершенной побѣдой надъ персами. Зная ихъ обыкновеніе поклоняться восходящему

солнцу, Гераклій выстроилъ свои войска тыломъ къ востоку: они ударили на персовъ именно въ ту самую минуту, когда тѣ пали-ли при первыхъ лучахъ дневнаго свѣтила. Весною, съ грека-ми соединились саррацины и тогда-то Хозрой ознаменовывалъ чуть не каждую свою встрѣчу съ неприятелемъ — постигшимъ бѣгствомъ, чѣму нечего и удивляться: коварные, вѣроломные и неблагодарные люди всегда были и будутъ подлыми трусами! Овладевъ городомъ *Гозакомъ*, Гераклій обратилъ въ пепелъ главную его часть. Жертвами пламени и ярости побѣдителей были: знаменитый *арагъ огня*, высоко чтимый персами и ко-лоссальная статуя Хозроя, стоявшая во дворѣ подъ куполомъ, изображавшимъ сводъ небесный; вокругъ статуи были разставле-ны изображенія солнца, луны, звѣздъ и небесныхъ гениевъ: изъ горсти одной руки статуи, посредствомъ особаго механизма, изли-вался фонтанъ въ видѣ дождя; изъ другой — сверкали молніе-видныя искры, сопровождаемыя громомъ. Слѣдующіе два года (624 и 625) были ознаменованы непрерывными побѣдами гре-ковъ.

Желая отмстить имъ жестію вполне себя достойною, Хозрой грабилъ, разорялъ христіанскіе храмы и принуждалъ поддан-ныхъ своихъ христіанъ переходить въ *несторіанскую* ересь, непашистную императору; но это не останавливало усилій Ге-раклія, который, овладевъ Асиріей, разбилъ на голову персид-скія войска близъ Икневін. Сарбаръ, вѣрный исполнитель велѣній Хозроя, отказался отъ повиновенія и готовъ былъ перейти на сторону Гераклія... При всѣхъ томъ, царь надменно отвергъ хри-стіянскія предложенія и, готовясь къ продолженію войны, публично объявлять своимъ слѣдующимъ *Мердазата*, сына своего отъ любимѣйшей жены *Сири* — христіанки. *Сирозъ*, старшій сынъ, узнавъ объ этомъ, перерѣзалъ всѣхъ братьевъ, казнилъ Мерда-зата, и драглаго Хозроя, засадивъ въ темницу, велѣлъ умерить голодомъ. Такъ какъ свергнутый царь на пылы сутаи былъ еще живъ, его, по приказанію Сироза, сбавали стрѣлами въ 628 г.

Сирозъ-Инуруагъ (628) заключилъ миръ съ Гераклі-емъ, уступивъ ему всѣ города, занятые персами со времени по-слѣдней войны. Умеръ отъ чумы въ 629 году, послѣ шестипѣ-

сичаго царствованія. Восточныя лѣтописи разсказываютъ, что когда по приказу Сироэта убица пошелъ въ темницу Хозроя, чтобы умертвить старика, тотъ сказалъ ему: „Я безвинно казнилъ твоего отца. Смыль, не убивающій убійцу отца своего, есть смыль незаконный!“ Прийдя къ Сироэту, убица передалъ ему предсмертныя слова Хозроя и тотъ, похорошивъ отца, передалъ убійцу казни, говоря ему: Ты слышалъ сахъ? смыль, не убивающій убійцу своего отца, есть смыль незаконный!“

Артаксерксъ III -- Ардиширъ (629) семилѣтній младенецъ былъ убитъ Сарбаромъ послѣ двухъ мѣсяцевъ царствованія. **Сарбаръ** или **Шахриаръ**, въ свою очередь былъ убитъ черезъ двадцать дней... Ступени персидскаго престола становились скользкими отъ крови; восходившіе по нимъ падали другъ за другомъ.

Борана-Нурандохта (630 г.), дочь Хозроя, царствовала только годъ и четыре мѣсяца, при чемъ обнаружилась твердость и дарованія, достойныя чловѣка государственнаго. Женское мягкосердечіе или, если можно такъ выразиться, деликатность царицы высказалась единственно въ томъ, что она отослала въ Константинополь *жисотворящій крестъ Господень*, похищенный ея отцемъ при разграбленіи Іерусалима. Въ теченіе года послѣ ея смерти на престолѣ персидскомъ промелькнуло нѣсколько царей-прираковъ, царствованіе которыхъ ограничилось днями, самое же большее двумя—тремя мѣсяцами. Послѣдній царь династіи Сасанидовъ, **Издигердъ III -- Издигердъ** воцарился въ 632 году, согласно избранію вельможъ и воли народнои.

Еще при его предшественникахъ, мусульмане-аравитяне, пользуясь внутренними смутами, завладѣли многими персидскими областями. Издигердъ, взоидя на престолъ, потребовалъ у **Саада**, предводителя войскъ халифа **Омара**, присылки въ Маданъ трехъ депутатовъ для переговоровъ и когда Саадъ исполнилъ его требованіе, царь обратился къ депутатамъ съ слѣдующимъ рѣчью:

Мы никогда не питали къ аравитянамъ особеннаго уваженія и до сихъ поръ мы слыли у васъ въ Персіи не то за купцовъ, не то за ниничь. Яли вы зеленыхъ яндеричъ, или мутную, соленую воду, одѣвались въ грубыя шерстяныя ткани. Съ тѣхъ только поръ, какъ многіе изъ васъ попали въ предѣлы

Персіи, вы ознакомились съ хорошими яствами, попробовали чистой, прѣсной воды и начали одѣваться въ мягкія, шелковыя и льняныя одежды. Ваши соотечичи, завидя вамъ, цѣлой толпой нахлынули въ наше царство и, не довольствуясь дарованными имъ благами, требуютъ, чтобы персїане приняли ненавистное имъ вироисповѣданіе... Посетитъ, ваши дѣйствія напоминаютъ намъ ту личицу въ бисѣтъ, которая, забравшись въ виноградникъ, припила въ объѣды лозы. Садовникъ, думая, что одна личица большихъ убытковъ ему не надѣлаетъ, не гналъ хищницы; но насытившаяся виноградомъ личица сообщила своимъ подругамъ о простотѣ садовника и навела за собою ихъ цѣлыя стаи... Тогда-то садовникъ, захвативъ личицы, перебилъ ихъ. Вы поступаете также точно, но я (заключилъ царь) прощаю вамъ, позволяю нагнать вашихъ верблюдовъ и оленей и финикихъ для доставки землякамъ и советую возвратиться во гвасыи. Если же, не высправивъ на великодушное мое предложеніе, вы останетесь въ предѣлахъ Персіи, я съумѣю отвести вамъ за эту дерзость.

Такъ вѣсть переговоры бѣдный царь персидскій съ будущими обладателями Азіи, предлагая юнымъ землѣ тому народу, который владелъ уже и самою землемъ. Депутаты съ достоинствомъ отвѣчали царю, что единственное желаніе халифовъ есть *обращеніе Персіи въ исламизмъ*: что только съ этимъ условіемъ, да при исправномъ платежѣ податей, ни одинъ аравитянинъ не вторгнется въ предѣлы царства. Если же, — заключили депутаты, — вы отвергаете новое ученіе, тогда платите халифамъ дань, которую имъ платятъ всѣ *неавариты*; если же и на это не согласны — готовьтесь къ войнѣ...

Издигердъ избралъ послѣднее — и возгорѣлась роковая война, рѣшившая участь Персіи. Трехсуточная рѣшительная битва произошла въ 636 г. близъ города **Кадесіи**. Персидская стотысячная армія была истреблена: снѣгающая царская хоругвь **Кавъ** досталась въ руки побѣдителей. Послѣднее обстоятельство навело на персовъ суетворныи ужасъ и внушило имъ предчувствіе о близкомъ паденіи царства. Царь, преглѣдусный Саадъ, бѣжалъ отъ него изъ города въ городъ. Въ 640 г. Омаръ отозвалъ Саада отъ предводительства войсками, что дало Издигерду нѣкоторую

надежду дать отпоръ побѣдителямъ; но Омаръ, свѣдавъ о приговорѣ царя къ продолженію войны, послалъ противъ него *Номана* съ нарочнымъ повелѣніемъ искоренить недѣльную вѣру огнепоклонниковъ. Номанъ со своею арміею двинулся къ *Незаавенду*, близъ котораго укрѣпленнымъ лагеремъ расположились персіяне, предводимые *Фарузаною*. Дра жѣсна, стоя въ виду другъ друга, ни онъ, ни Номанъ не отваживались приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Наконецъ Номанъ, созвавъ свои дружины, сказалъ имъ: „Друзья, готовьтесь побѣдить или испить сладкую чашу мученичества! Трижды я промѣшусь нашь текирь (*славословіе* (?): при первомъ разѣ преноситеесь, при второмъ—садитесь на коней, при третьемъ, съ коньями въ рукахъ, мчитесь къ побѣдѣ или во врата райки! Что касается лично до меня, я паду мученикомъ, и когда буду убитъ, повинуйтея мему, я предвѣщу!“. Произошла битва. Номанъ былъ убитъ, но арабы преувѣщали: за смерть его блестящей побѣдой: 30,000 персіянъ легло на полѣ сраженія, а 50,000 утопало въ рвахъ, окружавшихъ лагерь; Фарузанъ, бѣжавшій въ горы, былъ настигнутъ и убитъ. Битва арабская рѣшилась, 970 лѣтъ тому назадъ, судьбу царства Кира, битва *незаавендская* рѣшила судьбу религіи Зороастра: поклоненіе огню и солнцу, повсюду изгоняемое, было закинчено поклоненіемъ единому Богу въ грубой формѣ исламизма.

Послѣдній царь персидскій, послѣ многолѣтнихъ скитаній изъ города въ городъ, принятый, наконецъ, у мельника близъ города Мервы. Прельщенный богатствомъ одѣвшагося Издгерда, мельникъ его зарѣзалъ въ 650 г. Народъ растерзалъ убійцу, а тѣло царя было отослано въ Истахаръ для погребенія въ усыпальницѣ царей персидскихъ. Халифы *Тахриды* захватили Сассанидовъ на престолѣ Персіи; власть ихъ простиралась отъ Окса до Евфрата.

(?) Текирь, т. е. мусульманское славословіе, состоитъ изъ короткой молитвы или вѣрхія. двухъ словъ: великъ Господь! (Аллахъ великъ!). Текиромъ, кромѣ того, называется всякое призваніе имени Божія, а равно и знаменитая формула: «итѣ Боги, кромѣ Бога, а Магометъ пророкъ Его!»

Покоривъ царство, имъ пришлось еще продолжать борьбу съ небагими приверженцами закона Зороастра. Послѣдніе, тѣснимые мусульманами, укрывались сначала въ Когистанѣ, потомъ, берегами Персидскаго залива, достигли Ормуса. Отсюда, послѣ штинадцати-лѣтняго пребыванія, принуждены были бѣжать на островъ *Діу*, слишкомъ бѣдный произведеніями для прокормленія многихъ тысячъ семей. Бросивъ жребій, огнепоклонники отправились въ Индію, гдѣ раджа Гудзератскій далъ имъ пріютъ, разрѣшивъ свободное отиврѣженіе вѣроисповѣданія протцевъ. Переселенцевъ этихъ въ Индіи называютъ *Парсали* или *Парси*, въ Турціи и Персіи: *Гебрали* или *Гаврали*. Кромѣ Индіи, многіе эмигранты-огнепоклонники нашли убѣжище въ Арменіи, въ горахъ кавказскихъ и по побережью Каспійскаго моря. Потомки первыхъ переселенцевъ существуютъ донынѣ и въ предѣлахъ Россіи, въ городѣ *Баку*.

Окончивъ историческій очеркъ персидской монархіи, служащій вступленіемъ къ исторіи ея религіи, считаемъ не лишнимъ объяснить читателю причины, побудившія насъ вставить этотъ очеркъ въ нѣсколько широкаго рамки. Наглядно, онъ ознакомилъ съ древнѣйшими повѣртіями, образами и обычаями персовъ; со степенью нравственнаго развитія этого народа, а—*самое главное*—съ его столкновеніями съ народами иныхъ вѣроисповѣданій и его отношеніями къ послѣднимъ. Въ предѣлахъ Персіи, въ древности, ужьшались почти всѣ религіи и каждая изъ нихъ болѣе или менѣе мѣлила на политическій бытъ монархіи Кира.

Первобытная религія, заимствовавшая у индѣевъ, состояла въ *савизмѣ*, т. е. въ поклоненіи свѣтиламъ небеснымъ и стихіямъ; вислѣдствіи къ ней принималось и *обоготвореніе* человека, въ лицѣ царей-деснотевъ. *Зороастръ*, преобразовавъ эту религію, присоединилъ къ ней ученіе *дуализма* или догмать о двухъ началахъ, добромъ и зломъ. *Артаксерксъ*, женатый на Эсупри, особенно благоволилъ закону *Моисееву*. Войны съ греками и

малоазиатскими ихъ поселеніями, въ которыхъ сохранялось вѣрованіе въ *божества олимпійскія* — имѣли громадное вліяніе на религіозныя убѣжденія персовъ, приписавшихъ жертвы и этимъ божествамъ и совѣщавшихся съ греческими оракулами; *Ксерксъ* приносилъ жертвы Мистеріѣ. Во время похода *Калбиза* въ Египетъ, царь этотъ, вслѣдствіи оскорбленія тамошнюю религію, вѣрилъ однако же и *египетскимъ* оракуламъ.... *Христіанство*, проникнувшее въ Персію, то гонимое, то покровительствуемое царями, находило себѣ многихъ послѣдователей и послѣдовательницъ, даже между царевичами и царскими женами. Ученіи *маннтейцевъ* и *зендиковъ* (послѣдователей Маздака) нашли себѣ приверженцевъ между царями, а въ народѣ были даже приняты съ восторгомъ, усильно соперничая съ законами зороастровымъ. Желая досадить императорамъ византійскимъ, Хозрой II покровительствовала *ереси исторической*.... наконецъ, главная цѣль халифовъ арабійскихъ, при завоеваніи Персіи, состояло въ обращеніи этой страны въ *исламизмъ*; но персіане, принявъ и этотъ законъ, стали, со временемъ, магометанами-раскольниками, и отворачиваясь отъ Корана, сдѣлались *шиитами* т. е. послѣдователями доктрины Алія....

Грустно сказать въ заключеніе, что изъ *десяти* вѣроисповѣданій — положительно ни одно (кромя послѣдняго) не укоренилось въ Персіи; ни одно — самое христіанство, — не имѣло благотворнаго, смягчающаго вліяніи на нравы этой вѣроломной страны, отличительнѣйшими чертами которыхъ были издревле: *безбожіе* и *безчеловѣчіе* со всѣми пороками, порождаяшими этими двумя отрицательными качествами.... Ныненіе это тѣмъ чудовищнѣе, что именно Зороастръ, какъ увидимъ далѣе — училъ своихъ соотечественниковъ существенному отличію: *добра* отъ *зла*, *свѣта* отъ *тѣмн.*, *добродѣтели* отъ *порока*!

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Религія персовъ до Зороастра. — Сабизмъ. — Миора. — Жертвоприношенія. — Огонь. — Праздники весны и осени. — Анамистъ. — Праздникъ Сака. — Обязанности мободевъ. — Вѣра въ сны. — Календарь. — Пыль и нисльменъ. — Изображеніе первоначальной религіи. — Обожествленіе царей.

До Зороастра, жившаго и проповѣдывающаго свое ученіе при Даріи Гистаспѣ, персы, подобно властителямъ своимъ — мидянамъ, исповѣдывали *сабизмъ*, первобытную религію почти всѣхъ малоазиатскихъ народовъ. Предметами поклоненія сабистовъ вообще были: солнце, луна, планеты, звѣзды и четыре главныя начала природы, т. е. огонь, воздухъ, вода и земля. Божествамъ этимъ персы не воздвигали ни алтарей, ни храмовъ въ твердомъ убѣжденіи, что молитвы на открытой, преимущественно высококъ мѣстѣ, скорѣе дойдутъ до Бога, нежели изъ подъ каменныхъ сводовъ капищъ. Жрецы персовъ, *мти* или *мобеды*, уроженцы Мидіи, и по всему вѣроятію, ученики халдеевъ поддерживали въ персахъ вѣру въ божественность свѣтилъ, въ особенности же въ ихъ вліяніе какъ на землю со всѣми ея произведеніями, такъ равно на дни, легкіе или тяжелые, и, наконецъ, на судьбы людей. Отсюда вытекало вѣрованіе въ бытіе особенной звѣзды надъ каждымъ человекомъ; звѣзды, по соотвѣстствію которой съ планетами и созвѣздіями, въ минуту его рожденія, можно сдѣлать о грядущей его участи. Такимъ образомъ, астрологія была повсемѣстно однимъ изъ основныхъ догматовъ сабизма. Подъ именемъ *Миоры*, мидяне и персы признавали солнце божествомъ верховнымъ, душою міра; огонь — его подобіемъ на землѣ. Молчаливъ тому и другому, но не иначе, какъ чрезъ посредство мободевъ. Молчавша, въ ихъ сопровожденіи, шли обыкновенно на гору, ведя за собою жертву (преимущественно коня), убранныя миртовыми, лавровыми или тамаридовыми вѣтвями. На вершинѣ горы жертву зарывали, подставляли подъ текущую кровь охапки клевера (*trifolium pratense* L.)

и раскладывая на них же куски мяса, на которые изрѣзывали жертву. Мясо ея съѣдали; землю поливали сѣбою растительнаго масла (1), меда и молока. „Мясо жертвы на съѣденіе людѣм“, говорили при этомъ молады — „дшу ея — богу!“ Молящихся вѣщалось въ обязанность молиться не только о себѣ и своихъ родныхъ, но непремѣнно о царѣ и о всѣхъ согражданахъ. Обожаніе огня выразилось, главнымъ образомъ, въ предосторожностяхъ отъ оскверненія этой стихіи: раздуть огонь дыханіемъ, жечь на немъ что либо нечистое, въ особенности трупы — почиталось грѣхомъ непростительнымъ, также точно какъ и преданіе землѣ тѣлъ усопшихъ.

Эпохи равноденствій, весенняго и осенняго, праздновались у персовъ, какъ и вообще у савитовъ, поособѣнно. При праздникѣ весны (*нурузъ*) ликованіи и весельямъ; праздники осени носили отечественнѣе уныніи и грусти. Въ праздникъ *нурузъ*, вступленіе Миуры въ созвѣздіе Агнца (овна), возвѣщало людѣмъ долгіе, теплые дни, пробужденіе природы отъ зимняго сна и начало плодотворной дѣятельности земли... словомъ, *нурузъ* былъ праздникомъ предстоящаго лишенія людей всѣхъ вышеупомянутыхъ благъ, т. е. уменшенія дней, вступленія холодовъ, сумрака и зимняго безплодія засыпающей природы. Въ этихъ двухъ праздникахъ древнихъ персовъ уже лежало зародыши ученія о двухъ началахъ, впоследствии развитаго Зороастровъ.

Какъ съ поклоненіемъ Миурѣ слѣдовалось обожаніе огня, такъ съ поклономъ *Ахманист* (духъ) соединялось обожаніе воды, стихіи, посвященной этой планетѣ. За гнѣвнѣйшій грѣхъ признавали сабисты бросати въ воду нечистоты, мить въ рѣкахъ грязное бѣлье или выливать въ нихъ кровь, органическій изверженіи и

т. п. Свѣтло почти древніе персы чествовали пятидневнымъ торжествомъ — *Сака*, установленнымъ Каромъ въ память побѣды, одержанной надъ элементомъ саговъ. Первообразъ римскихъ сатурналій, сака былъ праздникомъ подчипленіемъ: женщинъ, дѣтей и рабовъ. Въ эти дни господа подчиплились слугамъ; самъ царь, слагая бремя власти, вѣнчалъ тиарою и облачалъ въ свои одежды преступника, приговореннаго къ смерти. Ему воздавали царскія почести, приказаніемъ его (кровь собственного помилуванія) повиновались; его воили и кормили — именно *на убой*, такъ какъ, по прошествіи праздника, все-таки предавали смерти.

О поклоненіи прочимъ планетамъ мы не распространяемся потому, что исторіи сабизма посвятимъ слѣдующій томъ нашего труда; сверхъ того, о многихъ религіозныхъ обрядахъ персовъ читатели уже имѣють въ некоторомъ понятіи изъ предыдущихъ главъ. Замѣтимъ только нѣкоторые отличительныя черты религіи персовъ до ея преобразованія. Въ вѣдѣшіи молебновъ, кромѣ жертвоприношеній и составленія гороскоповъ, были разнаго рода *таданья*, *мѣтаніе жеревій*, самое же главное — *толкованіе сновъ*, въ которые персы особенно вѣрили. Что вѣрованіе это перѣло имѣло вліяніе на судьбы монархій, это мы видѣли съ первыхъ же страницъ ея исторіи. Обыкновенно снами признавались особенно весенніе; сновидѣнія во время листопада признавались пустыми и обманчивыми. Нѣтъ ли злѣйшаго сомнѣнія, что молебадь не безвѣстно было вліяніе думы на сонныхъ возбѣ, на лунатиковъ въ особенности; неомогненно и то, что повѣдѣніе почитались особенно угодными Аханитъ и пользовались репутаціей вѣдомцевъ ншихъ истолкователей вѣдѣній этой богини. Въ дополненіе очерка сабизма персовъ скажемъ, что годъ, начинавшійся съ марта, дѣлился у нихъ на двѣнадцать тридцатидневныхъ мѣсяцевъ съ пятью добавочными днями. У каждаго мѣсяца было свое созвѣздіе, у каждаго дня — своя звѣзда, благотворно или гибельно на него вліявшая. Вотъ древнѣйшія названія мѣсяцевъ у персовъ въ двухъ редакціяхъ, согласно таблицѣ, составленной знаменитымъ англійскимъ антикваріемъ Томомъ Гайдомъ (Thomas Hyde): 1) мартъ — *Адура* или *Фервардинъ*, 2) апрѣль — май: *Гуматъ*, *Дей* или *Ардиберештъ*, 3) май — июнь: *Бахманъ* или *Хор-*

(1) Въ замѣну этихъ двухъ словъ, върѣхъ мы будемъ употреблять савианское *савъ*, почему то названное въ гражданскато языкѣ.

(2) *Нурузъ* до нынѣ празднуется въ Персіи. Извѣстнѣе замѣчало его мазонетами, и праздники сохранились, вопреки установъ безвѣдизма. Такъ у насъ сохранился *селехъ*, во нѣмъ нѣтъ ничего общаго съ христіанствомъ.

дадъ, Шурдадъ, 4) июль—июль *Эсфендгармадъ* или *Туръ*, 5) июль—августъ: *Дабъ*, *Фервардинъ* или *Мардадъ*, 6) августъ—сентябрь: *Ардисбахемъ* или *Шарисверъ*, 7) сентябрь—октябрь: *Хардадъ* или *Мигръ*, 8) октябрь—ноябрь: *Туръ* или *Абанъ*, 9) ноябрь—декабрь: *Мурдадъ* или *Адаръ*, 10) декабрь—январь: *Шарисверъ* или *Дей*, 11) январь—февраль: *Мигиръ* или *Рахманъ*, 12) февраль—мартъ: *Абанъ* или *Эсфендгармадъ*.

Священный языкъ мубедовъ, предшественниковъ Зороастра, назывался *нелави*; Зороастръ замѣнилъ его языкомъ *зендъ*, откуда и названіе книги его закона — *Зенд-Авеста*, т. е. слово на языкъ зендъ. Письменные знаки мубедовъ первоначально были іероглифическіе—они и есть такъ называемыя *клиннообразныя* или *изобразительныя писмена*, встречающіеся на памятникахъ эпохи первыхъ трехъ царей династіи Ахеменидовъ.

Деспотизмъ възъ персовъ къ рабѣству; рабѣство, въ свою очередь, привело ихъ къ забвенію божества и къ обоготворенію царей. Мубедамъ, этимъ покорѣннымъ слугамъ деспотовъ, не трудно было возвести это обоготвореніе въ религіозный догматъ и дошло, наконецъ, до того, что уже не боговъ, но царей стали признавать правителями вселенной; свѣтилажъ небеснымъ продолжали поклоняться единственно потому, что сами они, по толкованію мубедовъ, повиновались вѣдѣннымъ царскимъ. Рубка головъ убитымъ была наилучшимъ аргументомъ людямъ, державшимъ сомнѣваться въ божескомъ всемогуществѣ царя персидскаго. Извращеніе и безъ того ложныхъ религіозныхъ понятій было именно тѣмъ страшнымъ *злою*, къ искорененію котораго былъ призванъ Зороастръ, по собственному его сознанію. Появленіе преобразователя религіи было необходимымъ слѣдствіемъ возникшей въ ней неурядицы... Пришло время напомнить народу, что врозь боготворимаго имъ царя есть еще существо во вселенной, предъ боготворимаго имъ царя есть еще существо во вселенной, предъ которымъ царь земной мѣтѣ песчинки, предъ которымъ самые эти царя должны надѣть во прахъ съ сознаніемъ своего ничтожества предъ его безпредѣльнымъ величіемъ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ (1)

Зороастръ. — Вѣдѣе основательныя его манеры. — Смыслъ его. — Рожденіе Зороастра. — Врѣмя его. — Имя престарѣлыхъ потычки. — Дѣтство и отрочество Зороастра. — Чудесныя персправа. — Прибытіе въ Иранъ. — Гора Альборджъ. — Бесѣда съ Ормуздомъ. — Добро и зло. — Вѣсмертіе. — Родъ и адъ. — Зенд-Авеста. — Шесть издѣлъ. — Пещеры Миори. — Зороастръ у Дарія Гистаспа. — Испытанія. — Чудесныя клинныя. — Злоба мубедъ.

Зороастръ, имя элинированное, т. е. перешащенное на греческій ладъ изъ слова *идтравитъ*; приносящій жертвы звѣздамъ, или созерцатель звѣздъ. По зендски или преобразователя *Зеревонистро*: жгучая, золотистая, живая, золотистая звѣзда. Потомокъ древнихъ царей мидійскихъ (по отцу и по матери), Зороастръ родился въ 589 году до Р. Х. въ Урміи, городѣ области Ахербиджанской. Отца его звали *Порогтаспъ*, мать *Догдо*. Имя перваго означаетъ обладателя табуновъ и доказывать, что онъ владелъ огромными стадами, которыя, по тому времени, были главнѣйшими богатствами. Скорбь о злѣбѣ, царившей тогда на землѣ, Порогтаспъ часто молился богу—вседержителю, *Хеомо*, о дарованіи ему сына, и богъ услышалъ его молитву: „отъ корня Ферадурова изроститъ древо великое и поставитъ на землѣ Зороастра для освобожденія узниковъ и угнетенныхъ.“ Догдо, будучи беременна на пятый мѣсяцъ, видѣла чудный сонъ. Снился ей черная туча, подобно орлиному крылу, затмѣвавшая солнце и разливавшая мракъ по всей землѣ. Изъ

(1) Во избѣжаніе частыхъ выносокъ и ссылокъ, скажемъ, что какъ эта глава, такъ и послѣдующія составлены по біографіи Зороастра: *Зердубъ-нама*, сокращенно переведенной *Ахметъ-Донеррономъ* (Андріеи - Дирегонъ) въспѣтъ съ *Зенд-Авестою*. На русскомъ языкѣ т. и другое является впервые.

пишъ солнцемъ; величіе божіе въшло отъ его тѣла. Блѣдный отъ злости, Дурасерушъ, вырвавъ младенца изъ рукъ матери, занесъ на него мечъ, намереваясь раздубить Зороастра пополамъ, но рука злодѣя, по волѣ бога-хранителя душъ, мгновенно отошла! Пламеня безысходной злобой, злодѣй сѣзжалъ; за нимъ послѣдовали маги, „изгибаясь будто змѣи.“ Въ угоду ему, они черезъ нѣсколько времени, похитивъ Зороастра, унесли его въ пустыню. Здѣсь, сложивъ костеръ и разведъ страшный пламень, бросили въ него младенца, въ полной увѣренности, что онъ сгоритъ до тла. Догде, узнавъ объ этомъ, побѣжала къ мѣсту убійства сына и видѣть— онъ спокойно спитъ на пылающемъ кострѣ; огонь для него будто зыбкая вода, щеки его свѣтлы какъ пламена *Зонаре* и *Моншери* (Юпитеръ и Венера). Видъ себя отъ радости, ослѣпая его поцѣлуями, мать принесла его домой. Узнавъ о спасеніи Зороастра, маги и дивы приняли въ бѣшенство и стали измышлять новые способы къ его нагубѣ. Младенца бросили на узкую тропу въ горномъ ущеліи, по которой проходили стада. Гибель его подѣ ногами быковъ казалась злоумышленникамъ пещинучею... ничуть не бывало: передовой собаке, прикрывъ его своимъ, защищала отъ прочихъ и ни одинъ не прикоснулся къ Зороастру ни рогами, ни копытами; тоже случилось, когда младенца бросили на дорогу подѣ ноги шедшаго табуна лошадей: здѣсь его защитила кобылица. Не взирая на очевидное покровительство божіе, Дурасерушъ отважился на третью попытку. Въ волчійхъ логовищахъ онъ велѣлъ перерубать всѣхъ волчатъ и бросить ихъ трупы на долину, положить между ними Зороастра: Волки и волчицы сѣзжались стаями, рыча и скаля зубы, но ребенка не тронули: его защищала сидѣвшая въ изголовь старая волчиха. Когда же онъ расплакался, съ горы на долину сѣзжали двѣ овцы и кормили его молокомъ всю ночь, въ присутствіи волковъ, которые и къ нимъ не прикоснулись. Сидѣвшій изъ ямговъ, *Турбераторишъ*, сказалъ растерявшимся товарищамъ: „Горюйте, не горюйте, а я знаю, что этого ребенка намъ не извести, такъ какъ его хранитъ самъ Богъ. Вѣрите мнѣ, что онъ побѣдитъ насъ, и законъ его распространится по землѣ!“ Слышавшій эти слова, отецъ Зороастра спросилъ что означалъ смѣхъ младенца при его рожденіи?— „Смѣхъ этотъ“

отвѣчалъ Турбераторишъ, — „былъ знаменіемъ будущей его святости. Ему суждено указать народамъ истинный путь къ спасенію своему Зенд-Авестою!“ Радуйся, отецъ возвратился въ свой домъ и здѣсь посѣтилъ его благочестивый, ученый старецъ, выпросивъ у отца Зороастра, чтобы онъ его отдалъ старцу на воспитаніе. Пороспашъ исполнилъ его просьбу, и Зороастръ выросъ на попеченіи старца до семилѣтняго возраста, къ бережѣ и въ холѣ, хранимый *Ормуздомъ*, не страшась жгучаго дыханія *Аримана* (духа тьмы и зла) (*). Дурасерушъ и Турбераторишъ пошатались овладѣть отрокомъ посредствомъ чаръ и адепскихъ наводженій... при видѣ ихъ весь народъ дрожалъ отъ ужаса, одинъ только отрокъ Зороастръ оставался непоколебимъ. Вскорѣ онъ заболѣлъ: Турбераторишъ, наваривъ ядовитыхъ зельевъ, принесъ ихъ къ болному поля видошъ лекарствъ; но Зороастръ, бросивъ кубокъ на землю, сказалъ ему: „не нужна мнѣ твоя помощь, грязная душа! Богъ— единственный мой врачъ и цѣлитель!“

Въ тѣ времена маги и чародѣи страшно размножились по всей землѣ; люди, позабывъ Бога, поклонились дивамъ и совѣщались съ ними. Этими нечестивыми вѣрованіемъ увлекался и Пороспашъ и подружился съ магами, заклятыми врагами своего сына. Однажды, когда они были на пиру у Пороспаша, онъ сказалъ Турбераторишу: „Дай мнѣ рецептъ лекарства, дающаго веселіе душѣ!“ Не давъ времени магу отвѣчать, Зороастръ гнѣвно произнесъ: „Не пустоглосны, отецъ! Тебѣ это спадлоше не нужно. Изучи приемышъ путей, не попадешь въ адъ, къ которому ведутъ и въ который стремятся всѣ волхвы и чародѣи!“

— Такъ ты отвергаешь мою власть! крикнулъ Турбераторишъ. Ты не вѣришь, что я могу тебя и отца опозорить по всему свѣту?

— Ничего ты не можешь, грязная душа! Чтобы опозорить меня съ отцомъ, тебѣ придется лгать; мнѣ, чтобы тебя опозорить, достаточно сказать правду. Знай же, что я, по волѣ всемогущаго,

(*) Понятворяя себѣ духа тьмы во всемъ предномъ и гибельномъ, древніе персы называли его дыханіемъ смертоносной вѣтры, *самуи* или *саміэлу*.

низвергну тебя во прахъ, разрушу всё дѣла твои, уничтожу твоё тѣло, а душу поражу безутышной скорбію!..“

Устрашенные этой грозной рѣчью семилѣтняго отрока, волхвы бѣжали изъ за стола и покинули дочь Перосиасана. По возвращеніи Турбераторша дождь, тѣлою его овладѣла жестокая горячка, а душою скорбь безутышная. Такъ, побѣдивъ маговъ, Зороастръ достигъ пятнадцатилѣтняго возраста, проводя дни и ночи въ молитвахъ Ормузду, утѣшая скорбѣвшихъ, помогая немощнымъ... И явился онъ, наконецъ, между большими и малыми, знатными и простыми. Глубокое ученіе чернокишниковъ, онъ учился премудрости у *гаидеевъ* и достигъ въ ней высочайшей степени совершенства.

Когда Зороастру исполнилось 30 лѣтъ, онъ впервые отправился въ Иранъ. Дойдя до береговъ *Аракса* и не найдя людей для переправы, онъ душевно пожалѣлъ о своихъ попутникахъ, вынужденныхъ плыть въ плавъ и при этомъ обнаруживать сокровеннѣйшія свои предсѣсти. Щадя ихъ стыдливость и въ огражденіе себя отъ соблазна, Зороастръ усердно помолился Ормузду, и давъ знать всѣмъ присутствовавшимъ, мужичинамъ и женщинамъ, слѣдовать за собою, пошелъ по отвердѣлой поверхности рѣки будто по сушѣ. Онъ прибылъ въ Иранъ въ день Анирана (30 числа) мѣсяца Эсфендармада, когда праздновали *день Фарвардиновъ* или день правдивыхъ. Ночь застала его въ дорогѣ, и когда онъ прелесть отдохнуть, ему приснилось, будто съ сѣвера и съ юга идутъ другъ на друга двѣ арміи злыхъ, сражаются между собою, и злыя южнны одерживаютъ верхъ надъ сѣверными. Изъ этого сновидѣнія онъ повилъ, что въ предстоящей борьбѣ съ дивами и магами онъ побѣдитъ ихъ. Повеселясь на праздникѣ, Зороастръ, чрезъ Ширанъ, прибылъ, на восходѣ солнечномъ для Данзехера, мѣсяца Ардибехшта (15 числа II мѣсяца), на берегъ моря *Азати* (Каспійскаго моря). Здѣсь, пожелавъ Ормузду, онъ вошелъ въ воду сперва *по шиколтву*, потомъ *по колѣни*, поплъ того — *по поясъ* и, наконецъ *по талию*. Постепенное это погруженіе было знаменіемъ четверообразнаго приращенія новаго закона: 1) при Зороастрѣ; 2) и 3) при пророкахъ: *Ошедербахи* и *Ошедерлахъ*; 4) при *Созіиши*, который, по воскресеніи своемъ,

очистить міръ отъ грѣховъ и уиодобить его раю. Умывъ въ волнахъ моря голову и все тѣло, Зороастръ возблагодарилъ Ормузда за благополучный переходъ и стирался въ горы для бесѣды съ богами. На пути ему встрѣтились *Бахмишъ*, одинъ изъ шести свѣтлѣйшихъ духовъ, сіяющій какъ солнце, взявъ одну руку прикрытую челеномъ.

— Кто ты, откуда и чего ищешь? спросилъ онъ навшаго въ прахъ Зороастра.

— Ищу пути, отвѣчалъ тотъ, — плути не которому, могъ бы угодить Ормузду. Хочу дѣлать угодное творцу, но не знаю что ему угодно. Ты, чистый, укажи мнѣ путь, научи!

— Встань и слѣдуй за мною: самъ Ормуздъ дастъ тебѣ отвѣты. Зажмурься и иди скорѣе!

Входя на гору, Зороастръ открылъ глаза, и тогда чистые духи указали ему дорогу къ подножію престола Ормузда. Поклонясь ему, Зороастръ спросилъ: „Кто тебѣ всѣхъ угодилъ?“ — Тотъ, отвѣчалъ присносущій: — у кого чистое сердце, кто правдивъ, чуждъ своекорыстія; кто благодѣтельствуетъ на свѣтѣ всѣмъ: водѣ, огню, звѣрямъ. Такой человекъ вѣчно будетъ счастливымъ; его удѣлъ — рай. Осудитъ же водѣ моей одинъ путь — въ адъ.

Послѣ того Зороастръ разспросилъ Ормузда о шести свѣтлѣйшихъ духахъ (*Ашмашандагъ*), объ Ариманѣ, о добрѣ и злѣ и о концѣ грѣшниковъ. „Я укажу *добро*“, отвѣчалъ Ормуздъ. — „Ариманъ творецъ и источникъ зла; мое желаніе, чтобы народы не въѣдали ни начала, ни скорбей; отъ Аримана же все зло, дурныя дѣянія и грѣшныя помыслы. Адъ удѣлъ всѣхъ творящихъ зло; это путь, по которому они идутъ сами; я же никому не хочу зла и никого въ адъ не вталкиваю.“

— Дай же мнѣ безсмертіе, сказалъ Зороастръ, — чтобы я могъ научить твоему закону людей всѣхъ грядущихъ поколѣній.

— Желаніе безумное! отвѣчалъ Ормуздъ. — Давъ безсмертіе тебѣ, я долженъ дать его и волхву Турбераторшу, а тогда невозможно будетъ и воскресеніе. Вѣрь, *если бы я даровалъ тебѣ безсмертіе, ты самъ же скорѣе попросилъ бы у меня смерти*.

Желая доказать истину своихъ словъ, Ормуздъ приказалъ по-

дать лаву, подобную меду, вкусивъ котораго Зороастръ, какъ бы въ сонной грезѣ, увидѣлъ отверстія сердца всѣхъ людей и сокропеннѣйшіе ихъ помысли; передъ нимъ вихремъ пронеслись всѣ событія міра, отъ сотворенія перваго человека до воскресенія мертвыхъ; онъ видѣлъ все, чему надлежало случиться въ поствѣдную тысячу лѣтъ бытія міра. Вѣдствія, видѣнныя Зороастромъ, побуждали его отказаться отъ безсмертія. Послѣ того Ормуздъ повелѣлъ его въ тапшета мїрозданія, объяснилъ ему законы движенія свѣтила небесныхъ, вліяніи звѣздъ на участь людей; показалъ величіе амшаспандовъ и блаженство, уготованное праведнымъ. Въ аду Зороастръ видѣлъ гнущій ликъ Аримана и освободилъ изъ ада одного изъ провинившихся патриарховъ (по преданію царя *Джешиида* или воина *Гершасна*, въ минуту гнѣва ударившаго огонь). Ариманъ, увидя Зороастра, закричалъ ему: „чистая душа, брось законъ Ормузда: я дамъ тебѣ все, что ни пожелаешь! Не истребляй только народа моего, члестан душа!“ — Вѣчное безславіе, отвѣчалъ Зороастръ, — тебѣ и твоимъ поствѣдователямъ! Я покрою стыдомъ, будто одеждою, всѣ дѣла твои.

Тогда явилась огненная гора, чрезъ которую прошесть избранныхъ божій безъ всякаго вреда. Чистые духи, по повелѣнію Ормузда, раскаливъ металлы, поливали ими тѣло Зороастра, и ни единого волоска на немъ не было опалено. Ему вскрыли животъ, вынули кишки, и при этомъ не чувствовать онъ ни боли, ни страданій, такъ какъ для покровительствуемаго Богомъ самое желѣзо подобно мягкому воску, такъ какъ ему ничего страшнѣе ни огня, ни воды.

— Научи же народовъ всему, что ты видѣлъ, сказали Ормуздъ Зороастру, — ибо ты пастырь народовъ. Какъ ты переходилъ огненную гору, такъ грѣшники идутъ путемъ Аримана; какъ тебя попилаи струями кипящаго металла, такъ грѣшники будутъ поглощены огненной рѣкой... Эта огненная рѣка знаменуетъ также, что одно покаяніе, вліяніе истинному закону, предаетъ Ариману, но служители перны побѣдятъ дивовъ. Семилѣтіе овладѣетъ сердцами людей, которые будутъ истреблены огненною рѣкою. *Адорвадъ-Махреспиндъ* научитъ людей всему, что имъ вѣдать надлежитъ.“ Зороастръ спросилъ у Ормузда, въ чемъ заклю-

чается таинства богослуженія, обязанности мободевъ и *дестуровъ* (степеней зрѣлости). Какъ слѣдуетъ молиться, говорилъ *афринъ* (сказословіе), куда при моленіи слѣдуетъ становиться лицомъ? — Существо, всѣхъ питающее, само же не имѣющее нужды въ пищѣ, отвѣчало ему: возвести людямъ, что вѣтъ мой сокрытъ во всемъ, что блестяще. Становясь лицомъ къ свѣту и призывая имя мое, человекъ отвращается отъ тьмы и обращается въ бѣгство Аримана. Въ мірѣ вѣтъ ничего выше свѣта!

Затѣмъ Ормуздъ научилъ Зороастра Зенд-Авестѣ, т. е. своему *слову*. „Прочти эту книгу царю Гистаспу, дабы онъ былъ покровителемъ истинной вѣры“, прибавилъ Ормуздъ, — „обучи его добру, научи всему, что тебѣ теперь извѣстно!“ Зороастръ, по благодаривъ Бога, смѣтился съ горы и тутъ опять явился ему *Бахманъ*, свѣтлый духъ (амшаспандъ), покровитель тварей, и сказалъ ему: „Поручаю тебѣ *стада* мои и всѣхъ животныхъ; научи мободевъ скотоводству. Не убивайте птицъ и скотину, еще годную на служеніе человѣкамъ; объяви это старому и малому. И учу ятому по порученію Ормузда!“

Бахманъ сѣлнлъ второй свѣтлый духъ — *Ардибегештъ* душевннръ. — „Служитель Божій, сказалъ онъ Зороастру, — объяви царю Гистаспу, что тебѣ вѣрю я въ *оми*. Научи мободевъ, дестуровъ и гербедевъ уходу за огнемъ, чтобы они не заливали его водою, не тушили грязью. Въ каждомъ городѣ долженъ быть сооруженъ алтарь огню (*Атеш-тага*), предъ конемъ слѣдуетъ совершать узаконенныя празднества, такъ какъ блескъ огня отъ бога. Огню, крошѣ дерева и благоуханій, ничего иного не нужно. Научи этому старому и малаго и скажи имъ, что за послушаніе атъ!

Третій амшаспандъ, *Шазриверъ*, сказалъ Зороастру: „чистый, возвратись на землю, скажи людямъ, носилцимъ *оружіе*“ — пусть они чистятъ его ежегодно. Видѣ оружїи прогоняетъ злѣумышленниковъ; не вѣрййте же его ни врагамъ, ни злымъ людямъ!“

— Четвертый духъ, *Эсфендаринадъ*, поручилъ Зороастру передать людямъ, чтобы они не сквернили *земли* ни кровью, ни нечистотами, ни мертвыми тѣлами. Все это должно спосить на вѣ-

ста неудобрения, не пахання, куда не проникает ни вода, ни тропа человѣческая. Обильный урожай — награда прилѣжному пахарю. Величайшій изъ царей тотъ, кто дикую землю дѣлаетъ плодородною!

Пятый духъ, *Хордадъ*, сказалъ Зороастру: „тебѣ вѣрю *воды* — текущую, рытую, рѣчную, бѣгущую издалика, съ горъ; воду колодезную и ключевую. Возвѣсти людямъ, что вода придаетъ силу и жизнь всѣмъ животнымъ; что она родительница всѣхъ произрастеній. Не принимайте же къ ней ничего нечистаго; ница, сваренная въ чистой водѣ, — свята!

— Научи людей — сказалъ шестой духъ *Амердадъ*, — уходу за *деревьями* и сбереженію плодовъ... отъ всѣхъ же чистыхъ духовъ передай людямъ, чтобы закону Ормузда въ каждомъ городѣ, въ каждомъ мѣстечкѣ обучать особый законоучитель, разсуждающій Авесту и твердо читающій молитвы. Да обратятся люди къ правдѣ; да препоянутся священнымъ поясомъ *кости* — символомъ святаго закона. Пусть люди свято чтутъ четыре основныя начала человѣка: огонь, воздухъ, воду, землю; тогда всѣ будутъ блаженствовать, будучи благословлены Ормуздомъ!

Обращаемъ вниманіе читателей на то замѣчательное обстоятельство, что имена этихъ духовъ въ то же время имена покровительствуемыхъ ими мѣсяцевъ. *Бахманъ* (май) заботится о стадахъ; *Ардибехештъ* (апрѣль) — объ огнѣ, такъ какъ именно въ этомъ мѣсяцѣ начинаются жары; *Шахриверъ* (декабрь) даетъ совѣтъ чистить оружіе, т. е. готовиться къ полевымъ работамъ; *Хордадъ* или *Шардадъ* (сентябрь), начало дождей, говоритъ о водѣ; *Эсфендарлидъ* (іюнь) о землѣ, такъ какъ приближается время сѣнокоса и созрѣнія плодовъ и хлѣбовъ; о плодахъ же говорить и *Амердадъ* (іюль — августъ). Изъ этихъ наставленій явствуется, что Зороастръ основною народнаго благосостоянія, подобно китайскимъ законодателямъ, полагалъ — земледѣліе и скотоводство, научая согражданъ заниматься тѣмъ и другимъ сообразно временамъ года.

Спустился съ горы *Алиборджа*, на которой онъ бесѣдовалъ съ Ормуздомъ, Зороастръ въ ней же нашелъ пещеру, которую посвятилъ Мнорѣ. Въ ней преобразователь устроилъ символическія

Рис. 1. Пещера Маври.

изображенія годичнаго круговорота земли, движенія планетъ и созвѣздій. Плиній говоритъ (Ист. міра, кн. XI, гл. 42), что Зороастръ, послѣ бесѣды съ Ормуздомъ, жилъ еще двадцать лѣтъ въ пустынѣ, питаясь сыромъ, который обладалъ чудеснымъ свойствомъ не портиться. Наконецъ законодатель рѣшился возвратиться въ свѣтъ. Узнавъ объ этомъ, маги и дивы ополчились противъ него, но, увидя всезнаніе Зороастра, пришли въ крайнее смущеніе. „Брось чтеніе своей Авесты съ акомпанментомъ священныхъ бубенъ!“ кричали они ему... Но мудрецъ прочелъ молитву, крикнулъ, и все враги его исчезли: дивы спрятались подъ землю; одни изъ маговъ умерли отъ страху, другіе попросили пощады. Зороастръ пришелъ въ столицу Гистаспа въ *счастливый день*; отдохнувъ и, призвавъ бога на помощь, отправился въ дворецъ въ самое то время, когда въ царскихъ чертогахъ происходило засѣданіе государственнаго совѣта. Такъ какъ по закону никто не смѣлъ входить туда, и двери были закрыты, Зороастръ проникъ въ комнату сквозь приподнятую половицу. Многие изъ присутствовавшихъ въ ужасѣ разбѣжались, но царь Гистаспъ, усадивъ Зороастра, мило-стиво бесѣдовалъ съ нимъ, задавая ему разные вопросы и удивлялся мудрымъ его отвѣтамъ. Послѣ царя съ Зороастромъ бесѣдовали мудрецы и ученые о древнихъ наукахъ... и они встали передъ нимъ въ тупикъ, такъ какъ не было вопроса, на который бы онъ не былъ въ состояніи дать удовлетворительнѣйшаго отвѣта. Восхищенный царь, давъ Зороастру помѣщеніе во дворцѣ, разрѣшилъ ему ежедневно вести въ присутствіи своемъ ученые диспуты. Одолѣвъ своихъ противниковъ, „работая языкомъ, будто острымъ мечемъ“, Зороастръ попросилъ царя дозволить ему проповѣдывать Авесту, начавъ съ вельможъ и маговъ. „Стало ты пророкъ? замѣтилъ царь. Докажи же мнѣ чудомъ свое великое назначеніе!...

— Слушающіе поученія мои могутъ сами творить чудеса! отвѣчалъ Зороастръ. Ормуздъ сказалъ мнѣ: слушающіе Авесту въ чудесахъ не нуждаются; книга, сама по себѣ, есть чудо изъ чудесъ!.

Заинтересованный Гистаспъ попросилъ пророка почтять ему Авесту и, выслушавъ первую главу, сознался, что она ему не нра-
ИСТОРИЯ РЕЛИГІИ. Т. III.

вняты: не понять ей царь, также точно, как ребенок не понимает достоинств драгоценных камней. Не желая, однако же, огорчить проповедника, Гистаспъ обѣщалъ ему пообдумать важный вопросъ принятія новой вѣры, прося при этомъ Зороастра приходить каждое утро во дворецъ для толкованій. Черезъ нѣсколько времени ученые, признавая чистоту ученія, все-таки настоятельно требовали чуда у проповѣдника.

— Позволь намъ, говорили они царю, — крѣпко на крѣпко, по рукамъ и по ногамъ связать пророка. Мы натремъ его тѣло тѣлыми зельями, потомъ выльемъ на него цѣлый *мангъ* (*) расплавленной мѣди!

Зороастръ, помолясь Ормузду, отдать себя въ руки псизателей, и — ни зелья, ни расплавленный металлъ ни мало не повредили ему. Кромя того, онъ бралъ въ руки огни, не оная себя кожи, и огонь этотъ, переданный имъ другимъ лицамъ, не обжигалъ и ихъ. Послѣ этихъ опытовъ Зороастръ посадилъ во дворѣ царскаго жилища кипарисъ, въ нѣсколько дней разросшійся до толщины десяти обхватовъ, а на раскидистой его вершинѣ могъ уместиться цѣлый дворецъ. Тогда то, пораженный чудесами, Гистаспъ рѣшился принять новый законъ, чему уже не смѣли препятствовать ни маги, ни ученые. Тайно негодуя на припледа, они, однако же, стали изыскивать способы къ его пагубѣ, и замыслили ихъ увѣнчались желаннымъ успѣхомъ.

(*) Мѣра емкости нѣсколько больше русскаго четверика. Вѣѣстность его 28,500 ячменнихъ зеренъ. Здѣсь говорится не о вѣѣ, а объ объемѣ.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Зинноръ прожилъ Зороастра — Его заточеніе. — Больнѣ царскаго коня. — Постынное исцѣленіе. — Четыре блга. — Сонъ царя. — Безсмертіе. — Возстаніе. — Неизлечимость. — Первые жерель и алтарь. — И ученія Зороастра. — Десять привилегій. — Первые послѣдователи Авесты. — Семейство Зороастра. — Будущіе его сыновья. — Четыре огня. — Сказки о кипарисѣ. — Бранингъ Ченгелачахъ. — Даспуръ. — Законъ Ормузда, распространенный по Персіи и Индіи.

Зороастръ, какъ мы уже говорили, пользовался квартирою во дворцѣ. Уходя по утрамъ къ царю, онъ имѣлъ обыкновеніе, загнувъ дверь комнаты своей на ключъ, отдавать его привратнику. Подмѣтивъ это, маги и ученые, погредствомъ лести и щедрыхъ подкуповъ, уговорили постыжнаго вусѣтитъ ихъ въ комнату Зороастра во время его отсутствія, съ тѣмъ, чтобы постѣ на все его распросы привратникъ отвѣчалъ, что никто не входилъ туда, и ключъ все время оставался на его рукахъ. Прокравшись такъ въ образѣ въ комнату пророка, завистники его подослали въ нее крошечную явостъ, ключья перчти, буски вертевичины, головы кошки, собаки и мертвыя кости, сложивъ все это въ мѣшокъ, зашвырнувшій Зороастру подушку. Совершивъ эту гнусность, маги и ученые пошли къ царю, которому въ то время Зороастръ читалъ Авесту, и сказали ему: „Его ученіе — чародѣйство, а самъ онъ злой чернокнижникъ, умышляющій твою пагубу. Ты властель, царь, вѣрить намъ или не вѣрить, но прикажи только обнести комнату этого пройдохи и обманщика.“

Князю обыскали, принесли во дворецъ все убогое имущество проповѣдника: коверъ, зашвырнувшій ему постель, одежды, книги, небольшой деревянный стаканчикъ и мѣшокъ съ заключавшимися въ немъ мерзостями. Спросили привратника, не входилъ ли кто къ Зороастру въ его отсутствіе? Привратникъ подѣ князю по-

казать, что никто не входил, такъ какъ ключъ во все время отсутствія жилища оставался у него, привратника, на рукахъ. Осыпавъ Зороастра бранью, оскорблениями и бросивъ объ полъ Авесту, царь приказалъ заковать его въ цѣпи и засадить въ темницу на хлѣбъ на воду. Ормуздъ не допустилъ, однако же, погибнуть своему избраннику и черезъ семь дней обличилъ клеветниковъ чудеснымъ образомъ.

У царя Гистаспа былъ любимый вороной конь, его бранный товарищъ, посившій его къ нобѣдамъ и къ славѣ, такъ какъ изъ сраженій, въ которыхъ царь бывалъ на своемъ конѣ, ни одно не было проиграно. Съ этимъ конемъ, во время заточенія Зороастра, случился странный недугъ: всѣ четыре ноги его ушли въ животь, будто втиснутыя въ него какой-то чудесной силой. Опекавшій Гистаспа совалъ со всѣхъ концевъ царства первѣйшихъ врачей и ветеринаровъ, но ни одинъ изъ нихъ не рѣшался даже браться за леченіе, такъ какъ болѣзнь царскаго коня выходила изъ ряда обыкновенныхъ и излечимыхъ. Царь былъ въ отчаяніи, которое раздѣлялъ съ нимъ дворъ и весь городъ. Узнавъ отъ своего тюремщика объ этомъ несчастіи, Зороастръ послалъ сказать Гистаспу, что беретъ вылечить коня. Призванный къ царю, онъ подтвердилъ свое обѣщаніе, требуя отъ Гистаспа, для успѣха леченія, чтобы тотъ исполнилъ четыре его просьбы: по одной за каждую конскую ногу. „*Первая просьба*“, сказалъ пророкъ—сознайся внутренно, что я истинный избранникъ Ормузда и что законъ, проповѣдуемый мною, истинъ и святъ!“ Тутъ онъ пошелъ въ конюшню и, покладя со слезами, сталъ растирать рукою то мѣсто груди коня, куда ушла правая передняя нога, вскорѣ вышедшая паружу во всю свою длину. „*Вторая моя просьба*“, сказалъ Зороастръ послѣ того:—заключается въ томъ, чтобы сынъ твой, герой царевичъ *Эсфендиаръ*, далъ мнѣ слово слѣдовать моему закону душою и тѣломъ, разумомъ и оружіемъ быть моимъ защитникомъ!“—Дамъ это слово! сказала царевичъ—и вскорѣ задняя правая нога вышла паружу изъ живота больного коня. „Теперь“, продолжалъ пророкъ,—„позволь мнѣ, царь, пройти на женскую половину твоего дворца и, хотя съкося завѣсь, сказать нѣсколько словъ твоей супругѣ!“ Прийдя во дво-

рецъ, онъ сказалъ, обращаясь къ царицѣ, стоявшей за занавѣсью: „благодарю и благословляю тебя за такого сына, каковъ царевичъ Эсфендиаръ! Желаетъ ли удостоиться благословенія Ормузда? Слѣдуй ученію моему...“

—Послѣдую! отвѣчала царица—и лѣвая передняя нога коня вышла наружу, въ исполненіе *третьей* просьбы Зороастра. Удивленіе царя возрастало по мѣрѣ чудеснаго выздоровленія коня. *Четвертая* и послѣдняя просьба, сказалъ Зороастръ:—допроси привратника о моемъ несчастіи дѣлъ... Въ такомъ только случаѣ конь твой бодро и весело встанетъ на всѣ четыре ноги, если привратникъ necessarily скажетъ сущую правду!

Призванному привратнику царь объявилъ прощеніе, если онъ выдастъ злоумышленниковъ. „Стану ли я щадить это проклятое племя!“ отвѣчалъ тотъ—и выдалъ маговъ. Четверо изъ нихъ были тотчасъ же ~~осажены~~ на когъ—и мгновенно четвертая нога коня вышла наружу. Царь въ восторгѣ бросился обнимать Зороастра, прося у него прощенія за недавнія обиды и обѣщая впредь уважать Авесту и слушаться ея проповѣдника.

Однажды бесѣдуя съ нимъ о законѣ, Гистаспъ сказалъ: желалъ бы я попросить у Ормузда *четыре* блага. Первое—показать мнѣ, живому, мѣсто, предназначенное мнѣ въ райской обители послѣ смерти; второе: дать тѣлу моему неуязвимость, а сердцу безстрашіе; третье: сдѣлать меня всезнающимъ и—четвертое: чтобы душа не покидала тѣла моего до дня воскресенія!

—Изъ всѣхъ четырехъ благъ, отвѣчалъ Зороастръ:—Ормуздъ можетъ дать тебѣ только одно; прочія же кому, либо другому. Подумай, что, пользуясь однимъ всѣми четырьмя благами, ты будешь всемогущъ, какъ самъ Ормуздъ. Хорошо; я исполню ему, попрошу...

Проведя всю ночь въ молитвѣ, Зороастръ рано утромъ пришелъ къ царю и засталъ его въ тронной залѣ, на престолѣ, съ тѣяру на головѣ. Не успѣвъ онъ сказать своего привѣтствія, какъ пенукары передвѣрцы доложили Гистаспу о прибытіи во дворецъ четырехъ всадниковъ-исполнѣвъ, вооруженныхъ конями. Въ залу вошли исполнѣвы, посланники Ормузда: *Бахманъ*, *Ардибе-хештъ*, *Хордадъ* и *Адерюшаспъ*. „Повинуясь Зороастру!“ воскликнули они громовыми голосами:—„и тогда не бойся ада“.

Сказать — исчезли; а царь, обращаясь къ Зороастру, произнесъ: — «вѣрую тебѣ мое тѣло и душу!» Тогда пророкъ совершилъ обрядъ *Даруио*, предложивъ богу вино, омывъ, молоко и гренатовое яблоко. Благословивъ дары эти, онъ прочелъ молитву изъ Зенд-Авесты и, отпивъ вина, далъ остатокъ допить Гистаспу. Охмѣлѣлый царь уснулъ и спалъ трое сутокъ, въ теченіе которыхъ душа его, вознесенная къ престолу божію, видѣла обитали райскія, чистый *кердартъ* (источникъ) добрыхъ дѣлъ царя и будущее житіе его со святыми. Молоко приношенія Зороастръ далъ выпить второму сыну царя, *Насиштану* — и тотъ сдѣлался безсмертнымъ; омывъ достался царскому министру *Джапанасту*, который сталъ всенародно въ наукахъ, въ настоящемъ и будущемъ. Нѣсколько зернышекъ гренатового яблока придали тѣлу *Эсфендиари* ту чудесную неуязвимость, за которую царевича прозвали *руниг-таколгъ* (нѣбываемъ тѣломъ). Царь, пробудившись нослъ своего трехдневнаго сна, воскликнулъ въ восторгъ: «пѣтъ конца царствію божію!» и тотчасъ же велѣлъ народу слѣдовать закону Зороастра. Послѣдній, воссевъ на высокій тронъ, читалъ Авесту во всеуслышаніе, и смущенные даны скрылись подъ землю. Послѣ того онъ избралъ мобдовъ и гербедовъ изъ людей чистыхъ, научилъ ихъ обрядамъ, уходу за огнемъ, устройству богослуженныхъ принадлежностей и утвари. Построилъ великолѣпный чертогъ, на сводахъ котораго изобразилъ дуну, а подъ сводами поставилъ престолъ изъ чистѣйшаго золота и серебра. Чтобы скрыть все это отъ глазъ нечестивыхъ, Зороастръ закрылъ все зданіе ковромъ и въ этомъ первомъ храмѣ (*атеш-га*) соорудилъ первый алтарь огню *Бурзингъ*, воссламенившемуся, отъ удара молніи, на сѣдлѣ царя Гистаспа. Этому, рожденному молніею, огню поклонялись преимущественно земледѣльцы. Праздникъ великій день сооруженія перваго храма духу свѣта и истины, Зороастръ, воздавъ хвалу творцу міровъ и призванъ царя и всѣхъ вельможъ, ознакомилъ ихъ съ законами, читая слѣдующія поученія:

— *Поклоняйтесь Богу въ правдѣ*, и рай будетъ грѣдущимъ удѣломъ вашимъ.

— *Ариманъ*, врагъ Ормузда, отвращаетъ сердце человѣческое отъ закона, вовлекая его въ адъ, такъ какъ сѣдствіе лю-

дей — радость аду. Дьявы, издѣваясь надъ грѣшниками, постѣ говорятъ имъ въ аду: а зачѣмъ вы сворачивали съ прямого пути; зачѣмъ отъ свѣта обращались ко тьмѣ? Ормуздъ, скажась надъ грѣшниками, послать меня, говоря мнѣ: да идутъ люди путями правды и свѣта, да возненавидятъ несправду беззаконниковъ и да идутъ прямыми путями. Царь, не уклоняйся отъ заповѣдей божіихъ. Учи народомъ земли не ходитъ путями проклятаго Аримана, а пути ихъ будетъ въ рай. Да выпасаютъ люди въ чуждеса Зороастра, а души ихъ не будутъ вѣдать ни страха, ни скорби.

— Изъ собственныхъ устъ Ормузда слышала я еще слѣдующія правды:

1) Міръ, въ глазахъ Создателя его — ничто. Многія тысячи поколѣній сѣются попеременно, но онъ не воспрещаетъ кончѣнію міра.

2) Подъ сводомъ небеснымъ и сводомъ алтаря утѣшаются безъ различія цари и подданные, господа и рабы.

3) Поучай людей только словами мнѣмъ, и я скажусь надъ грѣшниками, уменьшу количество ихъ мукъ, смягчу степень страданій.

4) Люди, въ дѣяніяхъ вашихъ будьте увѣрены, что познаете только то, что съете. Сѣяшіе на землѣ чистоту, пожнутъ ее и на небесахъ. Слово Божіе неизмѣнно: ни придать ему нельзя ничего, ни отнять отъ него ничего невозможно; это слово говоритъ вѣкъ: *стыда будитъ одинокіа грѣшника въ аду*.

5) Вотъ что Ормуздъ говоритъ мобдамъ; онъ говоритъ имъ то, чего до нынѣ еще никто не говорилъ ни вслухъ, ни шепотомъ: водою измѣняется чистота алмаза, правдою или примизною (*расти*) измѣняется истинное величіе; самой правдѣ же вѣтъ мѣры ни въ великомъ, ни въ маломъ. Если подобныя рѣчи до меня (Зороастра) говорилъ другой кто нибудь людямъ, то слова мои тщетны; если же никто не произносилъ подобныхъ рѣчей, то слѣдуетъ слушать слова мои съ охотою и прилежаніемъ... Ибо эти слова Бога чистаго, а не дивовъ нечистыхъ; дивы такъ не говорятъ и Бога не благословляютъ.

6) Изъ всѣхъ пророковъ земли и законоучителей людей, никто, кромѣ чистаго Зороастра, не знаетъ, что сокрыто въ землѣ,

что совершится на ея поверхности въ грядущемъ. Онъ, по Зенд-Авестѣ, предсказываетъ будущее; онъ показываетъ людямъ, гдѣ добро и зло, сокрытыя отъ созданія міра до его воскресенія; онъ знаетъ что такое дивы; учить правдѣ, отпачію добра отъ зла.

7) До Зороастра еще ни одинъ пророкъ не молился съ такими чистыми, кроткими, добрыми и непорочными сердцемъ.

8) Законникамъ и благодетелямъ правосудія Ормуздъ говоритъ: дѣлающие добро получаютъ на небесахъ маду (созвѣстную).

9) Вотъ что возвѣщаетъ Ормуздъ народамъ земли: души грѣшниковъ остаются въ аду по степени содѣянныхъ преступленій.

10) Мгѣ, Зороастру, Ормуздъ сказалъ: не спрашивай меня, что будетъ съ ослушниками слова твоего; вѣсаваніе неминуемое ожидаетъ ихъ въ концѣ дней.

Въ книгѣ о жизни Зороастра (*Зердустъ нама*) ни слова не говорится о первыхъ послѣдователяхъ и ученикахъ преобразователя, но по изысканіямъ Анкетти-Дюперрона (*), самъ Зороастръ называетъ двоюроднаго брата своего *Медіомаха*, царскаго министра *Джамаспа* съ братомъ *Фрешшостеромъ*, сыномъ *Хендехорешемъ* и внукомъ *Вереснехе*. Кромѣ того учениками Зороастра были еще: сынъ Фрешшостера *Зоувареостро-эшиш* съ сыномъ *Везонетелекенгомъ* и братъ царя, *Зерира*. Что же касается до семейства самого Зороастра, онъ былъ женатъ, посередню, на трехъ женахъ. Отъ первой онъ имѣлъ сына *Зеддэастера*, перваго мобеда, и трехъ дочерей: *Пари*, *Саритъ* и *Пурисетъ*. Овдовѣвъ, Зороастръ взялъ вторую жену, родившую ему двухъ сыновей: *Ороуэртюра*, дестура и родоначальника земледѣльцевъ, и *Хорсншедчера*, родоначальника поколѣнія воиновъ. Третьей женою законодателя была *Хоуд*, дочь Фрешшостера. Въ концѣ міра отъ нея родятся еще три сына. Зороастръ при жизни трижды посѣдилъ жену, и послѣ каждаго посѣщенія она, купаясь въ рѣкѣ, оставляла тамъ по зародышу. Этихъ зародышей охраняютъ два звѣда: *Нерозенгахъ* и

Анохидъ, и будутъ охранять до тѣхъ поръ, покуда три чистыя дѣвственницы, купаясь въ рѣкѣ, не воспримутъ этихъ трехъ зародышей и не родятъ троихъ сыновей: *Осидербаши*, *Осидермаха* и *Фозіосша*. Первый родится въ послѣднее тысячелѣтіе міра, остановитъ теченіе солнца на десять сутокъ, принесетъ людямъ двадцать вторую часть (*носкъ*) Авесты и обратитъ половину рода человѣческаго къ закону Ормузда. Второй явится на свѣтъ черезъ четыреста лѣтъ послѣ пераго, остановитъ солнце на 20 сутокъ, принесетъ 23 носкъ Авесты и обратитъ къ закону Ормузда третью долю второй половины рода человѣческаго. Созіосшъ, третій и послѣдній изъ сыновей Зороастра, родится въ послѣдніе годы бытія міра. на 30 сутокъ остановитъ солнце, принесетъ 24 и послѣдній носкъ Авесты и обратитъ къ Ормузду весь родъ человѣческій. Затѣмъ послѣдуетъ воскресеніе мертвыхъ.

По порученію Зороастра, сынъ его Ороуэртюра, дестуръ области Варджемрджской (Иракъ Аджеми), проповѣдая пошій законъ, строилъ алтари четырехъ огнямъ: *Фаривъ*, *Госиашпу*, *Бурзинъ-лахеру* и *Бааграту*, назначая для служенія при нихъ мобедавъ и дестуровъ. Эти четыре разнородные огня добывались различными способами: отъ тренія сухаго дерева, изъ кремня и отпива, отъ молніи и, на сколько можно догадываться, нефтяныхъ источниковъ. Богатѣйшій алтарь огню былъ воздвигнутъ въ *Каишмеръ*, деревнѣ Хорасана. Предъ входомъ росъ чудесный кипарисъ, посаженный Зороастромъ. На корѣ его законодатель вырѣзалъ день и число принятія царемъ ученія Авесты; на широко разросшихся вѣтвяхъ былъ построенъ дворецъ въ 40 кубическихъ локтей изъ чистаго золота и серебра, ео стѣнами, обложенными внутри янтаремъ и драгоценными камнями и украшенными портретами предковъ царя и Зороастра: *Джегшиида* и *Феридуна*. Сюда часто удалялся Гистаспъ, чтобы молиться Ормузду, и изъ этого воздушнаго дворца нахѣтрался воспарить душою на небеса, въ минуту смерти...

Намъ пришлось бы написать еще цѣлый томъ, еслибы мы вздумали объяснять всѣ символы и аллегоріи, которыми переполнено жизнеописаніе Зороастра, однако же, здѣсь не можемъ не пояс-

(*) Zend-Avesta P. 1771 in 4° Tome I, 2 partie, p. 44.

нить читателю приятного смысла этого символического сказанія о чудесном кипарисѣ. Легко можетъ быть, что въ дворцовомъ саду Гистаспа росъ огромный кипарисъ съ устроеной на его вершинѣ воздушной бесѣдкой, подобной той, которую устроилъ себѣ *Тиверій* на исполненномъ платанѣ и назвалъ ея свѣтъ гнѣздышкою, по сказаніямъ Плинія (Ист. міра Кн. XII, гл. III). Возможно и то, что въ своей воздушной бесѣдѣ царь персидскій бесѣдовалъ съ Зороастромъ — но этихъ правда и ограничивается, а затѣмъ начинается фантастическая варіація посточнаго поста. Чудесный кипарисъ съ золотымъ дворцомъ, есть символъ самаго закона, посаженнаго въ Персіи руками Зороастра, чудесно укоренившійся и разросшійся. Кипарисъ, возрастая, приближалъ царя къ небу... другими словами: чѣмъ усерднѣе царь слушалъ наставленія законодателя, тѣмъ болѣе приближался къ совершенству. Къ этому чудному кипарису, въ которомъ, подобно нашему сказачному *Соловью-Будипровочу*, заливался Зороастръ, Гистаспъ приказалъ собирать сатрапачъ всѣхъ областей, истребить у подножія его идоловъ странъ Туранской и Тинневой и слушать поученія проповѣдника Авесты. Многіе сатрапы ослушались царя и не желали слѣдовать новому закону; тогда начался войны и лютыя гоненія ослушниковъ. Ученики Зороастра, распространяя его ученія, пропихали до крайнихъ предѣловъ царства, обращая въ законъ Ормузда и нвоплемениковъ.

Слухъ объ успѣхахъ новаго ученія проникъ въ Индію и достигъ до ушей мудрѣйшаго изъ мудрыхъ, брамина *Чепрегача*. Онъ рѣшился вступить въ борьбу съ Зороастромъ и письменно испросилъ на то разрѣшенія у Гистаспа, обѣщая ему доказать, что ученіе Авесты лживо, а распространитель его — гнусный обманщикъ. Посланіе брамина слѣтило царя и онъ, созвавъ на совѣтъ всѣхъ своихъ вельможъ, спросилъ ихъ мнѣнія. *Джамспъ* отвѣчалъ, что онъ въ усѣхѣхъ Зороастра увѣренъ и не опасается за него. Гистаспъ отписалъ брамину, что тотъ можетъ пожаловать въ Балкъ на состязаніе съ персидскимъ мудрецомъ. *Чепрегача* готовился къ диспуту два года, перечиталъ тысячи книгъ, совѣтовался со всѣми своими учениками единоверцами и, призвавъ ихъ съ собою, явился наконецъ въ Балкъ.

Послѣ семидневнаго отдыха онъ пришелъ къ царю и сказалъ ему:

— Не сабли и не копыя будутъ оружіемъ нашего поединка, но единственно языки и слова; тѣмъ не менѣе, царь, поединокъ нашъ долженъ окончиться смертію обманщика, котораго ты предашь заслуженной казни, если я одержу надъ нимъ духовную мою побѣду. Въ случаѣ же, если онъ убѣдитъ меня въ правдивости своего ученія, я клянусь ему послѣдовать и признать себя ученикомъ Зороастра!

Сѣвъ на приготовленные для нихъ золотые троны, браминъ и Зороастръ начали состязаніе. Первый предложилъ ему вопросы, которые готовилъ цѣлыхъ два года. „Отвѣтъ мой въ нѣсколькихъ Авестахъ!“ сказалъ Зороастръ и, раскрывъ книгу, тотчасъ же прочелъ въ ней пророчество о своемъ диспутѣ съ Чепрегачахомъ, о побѣдѣ надъ нимъ и его обращеніи къ закону Ормузда... „По истинѣ“, вскричалъ браминъ: — „вижу и слышу невиданное и неслыханное! Два года готовилъ я свои вопросы въ твердой увѣренности, что и въ дѣлѣхъ злѣхъ не найду на нихъ отвѣтовъ... и вотъ они на лице, въ этой книгѣ!.. Сознаю себя побѣжденнымъ и принимаю законъ Ормузда.“

Послѣ семидневнаго пиршества браминъ распростился съ Гистаспомъ и своими учителями, который снабдилъ его точной копіей Авесты. По возвращеніи своемъ въ Индію, браминъ Чепрегачахъ дѣйтельно занялся распространеніемъ новаго закона и въ короткое время обратилъ въ ученіе Зороастра до 80,000 человекъ.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Проповѣданіе Авесты халдеямъ. — Туранскій царь Арджаспъ. — Религіозныя войны. — Смерть Зороастра. — Разореніе Балха. — Книги закона. — Вендидадъ-садъ. — Гештъ-садъ. — Ея содержаніе. — Бунъ-Дехгисъ. — Языческое многословіе. — Содержаніе книги Вендидадъ садъ. — Слозъ и метода изложенія. — Шестнадцать областей. — Зло отъ Аримана. — Джемшидъ. — Населеніе земли. — Первые обязанности человека.

Торжество надъ брамномъ упрочило славу Зороастра и окончательно подчинило его вліянію царя Гистаспа: законодатель сдѣлался безсмысленнымъ его собесѣдникомъ; царь, совѣщавшійся съ нимъ о государственныхъ дѣлахъ, постоянно слѣдовалъ его совѣтамъ и указаніямъ, не разлучался съ Зороастромъ ни въ походахъ, ни въ путешествіяхъ. Мудрецъ посѣтилъ Вавилонъ, училъ своему закону тамошнихъ жрецовъ, мидійскъ-переселенцевъ и бывшего въ то время тамъ *Нисатора* (*).

Ученіе Авесты, успѣшно распространяемое, встрѣтило жестокаго гонителя въ лицѣ *Арджаспа*, царя туранскаго, которому Персія платила дань. Онъ написалъ Гистаспу письмо, наполненное укоридами за измѣну религіи предковъ и за принятіе дашпаго ученія. Гистаспъ, желая защитить законъ Зороастра, отвѣчалъ Арджаспу похвалами Авесты и предложеніемъ царю туранскому самому послѣдовать ей; однако же опроверженія послѣдняго были такъ энергичны, что и самъ Гистаспъ замѣтно охладѣлъ къ Зороастру и его закону. Негодуя на царя туранскаго, мудрецъ употребилъ все средства къ возбужденію вражды и кровавой распри между Гистаспомъ и Арджаспомъ: ловко сужуль онъ затронулъ

самолюбіе персидскаго царя, мрачными красками расписать ему униженіе быть данникомъ властителя Турана, быть данникомъ тому, котораго должно и можно поработить, такъ какъ Ормуздъ, безъ сомнѣнія, дастъ Гистаспу побѣду. Въ эти послѣдніе годы своей жизни Зороастръ, проповѣдующій, вмѣсто ученія Авесты, похоть на туранцевъ, подстрекающій царя къ кровопролитію — является намъ уже не служителемъ духа свѣта, Ормузда, а скорѣе рабомъ Аримана. Трудно какъ-то примирить предудущія проповѣди Зороастра о хожденіи путемъ свѣта и правды съ вопиющими, фанатическими выходками, печально ознаменованными его старость. Кромѣ Арджаспа, врагами Зороастра были иранскіе князья: *Рустамъ* и *Залъ*, на которыхъ онъ также всѣми мѣрами старался обратить ярость Гистаспа. Стараніи мудреца увѣнчались успѣхомъ: ему удалось наконецъ, вмѣсто огня на алтарѣ Ормузда, разжечь войну религіозную, охватившую многія области Персіи и обогатившую ихъ кровью многихъ жертвъ. Врагъ царя Гистаспа, многіе изъ сыновей его — сложили головы въ бою и не дешево обшлакъ Зенфендіару его побѣда надъ Арджаспомъ, котораго онъ вытѣснилъ наконецъ изъ предѣловъ Ирана. По окончаніи войны Зороастръ удалился въ Балхъ, гдѣ и умеръ въ 512 г. до Р. Х. „своею смертію“, по словамъ его историка въ книгѣ Зердустъ-пачъ, а по преданіямъ и сказаніямъ *Меджиди* и *Шах-нама-наисери* — убитый туранцами, вторгшимися въ Балхъ подъ предводительствомъ *Кизрала*, сына Арджаспа. Дѣйствительно, городъ этотъ былъ выжженъ непріятелями, мѣбелы все до единого перерѣзаны и кровью ихъ погашены были все огни на алтаряхъ Ормузда, но нѣтъ никакихъ достовѣрныхъ данныхъ предпологать, что въ числѣ жертвъ ярости туранцевъ находился и Зороастръ, умершій, по мнѣнію Ахмети-Дюперрона, еще до разоренія Балха...

Теперь займемся обзоромъ книгъ закона Зороастра, которыми въ теченіе 1162 лѣтъ руководствовались персы, а огнопоклонники, *зебры*, руководствуются и понинѣ.

Книга закона: *Авеста* (слово), написанная Зороастромъ, состояла изъ двадцати одного *носки* (части), изъ нихъ семь были посвящены разсужденіямъ о божествѣ, происхожденіи живыхъ су-

(*) Anquetil-Duperron, Zend-Avesta, P. 1771 in 4, t. I, partie II, p. 53.

ществу, истории рода человеческого и т. д. Семь следующих заключали правоучения, уставы религии и правила гражданского быта: в сими последних заключались медицина и астрология. Последние три носка — 22, 23 и 24, присутствуют, в конце мира, сыновья Зороастра. Толкования и прижизнения на Авесту называются *Равастами*.

1) Книга *Вендидад-садэ* есть единственная из всех частей (посков) Авесты, сегом *двадцатая*, сохранившаяся для потомства. Она состоит из трех частей: 1) *Иезише* (величания, славословия), 2) *Виспередэ* (всезнания) и 3) *Вендидадэ* (правоведения). *Иезише*, в свою очередь, дробится на 72 *хаса* (1), разделенные на две части; из первой (27 хасэ) величание Ормузда и подвздошественных ему чистых духов; во второй (45 хасэ) славословие Всевышнего и ангелов. Часть *Виспередэ*, состоящая из 27 *карде* (отделов), посвящена перечню всех чинов небесной иерархии. *Вендидадэ*, в 22 *фитардаха* (отрывках), содержит в себе историю мироздания, борьбы добра и зла, наставления Ормузда Зороастру, правила сохранения здоровья и отношений человека к Богу, своему ближнему, к закону и т. д.

II) Книга *Иешт-садэ* (молитвенник) состоит из 1) молитв покаяния (*патетовэ*), 2) молитв при воскресении благодухий (*душ перенэ*: дымы молитвы); 3) благодарений (*африна*, *аферианэ*); 4) молитв свадебных (*исекаш*, *нам-задэ*); 5) молитв пяти душам (*агалаэ*) дня: от восхода солнца до полудня; от полудня до трех часов; от трех часов до заката солнца; от заката до полуночи; от полуночи до восхода. 6) молитв и письменных заговоров (*вади*, *перени*, *тавиды*) на всевозможные обстоятельства в домашнем быту, равно и от всяких недугов и лихих болестей. Отдельно эти, весьма любопытный, имеет много общего с нашими простонародными заклинаниями, заговорами, наговорными и тому подобными поэм-

стиям, либо заветными народу древними язычествами, либо (того же) забредшими к нему из отдаленнейших стран востока. История из западных, чуть ли не в подстрочном переводе, встречается и в нашей народной демонологии... Впрочем, персы переждали славян: у последних, сколько нам известно, не было заклинаний при отпугивании органических нужд, как это находим у персов огнепоклонников и индийских брахманов! Очень может быть, что мы, в труде нашем, говоря о народных поверьях и предрассудках, слишком строго к ним относимся, но нельзя иначе! Каждый предвзвездок, по видимому, самый певникий, ничто иное, как тормаз для умственного развития народа; ничто иное, как заматерьяла на понятия его, гриз язычества. До тех пор, пока народ не будет поставлен в истинный, учению Христову сообразный, отвошения к своей вере, до тех пор не только нельзя требовать от него образования, о нем нельзя и думать!..

III) Книга *Бун-Дештис* (корневая, родоначальная), служащая как бы дополнением книги Вендидад-садэ, содержит в себе космологию и историю первых языков бытия мира, сливающуюся с легендарной историей Персид. Из содержания этих двух книг мы ознакомим читателя, не утомляя его вниманием ни обзором молитвенных книг Зороастра, ни длинным перечнем легенд второстепенных духов, из которых каждому посвящена особая молитва. Молитвы и славословия Ормузда великое множество; первые читались при обрядах раз в десяти, двадцати, сорока и до ста; вторые служили призывами к каждому стиху. По понятиям славяно, языческого антропоморфизма, воображающего себя Вечного Духа в образе человеческого, молящийся не должен просить Бога, как сын отца, но надеяться Ему как докупивший нищий, которому подает златею только, чтобы он отвызали. Язычество молагает силу молитвы *во количествен*; по учению христианскому, *во качеств* вся ее сила. От „многословия“ в молитвах предостерегал Господь и Спаситель наш Иисус Христос учеников Своих и всех, слушающих божественное Его слово, говоря им:

— А молясь, не говорите лишнего, как язычники; ибо они

(1) Ха, или хасэ в буквальном переводе значить мера, граница; в иудейских книгах: *отс* и у иранцев, в Коране: *знак*.

думают, что въ многословіи своемъ будутъ услышаны. Не уподобляйтесь имъ, ибо знаете Отецъ вашъ, въ чемъ вы имѣете нужду, прежде вашего прошенія у Него (*).

Религиозный и гражданскій законъ Зороастра заключается въ *двадцати даухъ* фаргардахъ книги Вендидадъ—сѣда. Правила изложены въ формѣ разговора законодателя съ Ормуздомъ; первый предлагаетъ вопросы, второй—дастъ отвѣты. Свойство ли восточнаго слога вообще, или особенно изложенія Зороастра, по эти разговоры испещрены плеоназмами и многократными повтореніями и пережевываніями одной и той же фразы по нѣскольку разъ; наиримѣръ, въ такомъ родѣ: „человѣкъ расчистилъ землю и сталъ сѣять на ней хлѣба, овоцы и разводить стада. До того времени, земли была безплодна и не заселена, но какъ человѣкъ началъ сѣять хлѣба и овоцы, она стала плодосною и заселенною... если бы онъ не сѣялъ и т. д., земля не была бы плодосною и заселеною, но она стала и т. д.“, въ родѣ нашей простонародной сказки про *благое бычка*. Кромѣ того, при каждомъ вопросѣ Зороастръ повторяетъ всѣ тѣла, подобающіе Ормузду, а тотъ, отвѣчая, каждый разъ называетъ Зороастра: „чистѣйшимъ, возлюбленнымъ“ и т. д. Отдѣляя эти лишніе пустословія отъ сущности самого дѣла, видимъ, что *Ормуздъ* первый творилъ все чистое и прекрасное, а послѣ него, все портя и оскверняя, дѣйствовалъ *Ариманъ*. Первый создалъ слѣдующія *шестнадцать* областей, падѣленныхъ разными благами: 1) *Эрѣна-Веедъ* (Аранъ, часть Арменіи) съ благораствореннѣйшимъ климатомъ; 2) *Согдо* (Согдіана), богатую стадами; 3) *Мооре* (Мару въ Хорассанѣ), населенную святыми и праведными людьми; 4) *Вакди* (Валкъ или Балхъ), въ которой выдѣлывались превосходныя тканн (*); 5) *Низнэ* (Нижній Балхъ); 6) *Хариу* (Гератъ), область богатую и многоядную; 7) *Везкереанте* (Кабуль); 8) *Оруанъ* (Чагъ) съ обширнѣйшими паст-

бищами; 9) *Хвсанте* (Кагдагаръ и устья береговъ Окса), изобиловавшую волками (?); 10) *Херехетти* (Арухантъ), славившуюся чистотою землн; 11) *Хезтолеанте* (прибережнныя области Систана), населенную мудрыми и учеными; 12) *Рахинъ* (Азербиджанъ), съ тремя зародышами (а) и жителями миролюбивыми; 13) *Чегре* (Хорассанъ), съ праведными жителями; 14) *Верене* (Падомкхарчуръ въ Кирманѣ), гдѣ родился *Феридунъ*; область съ четырехугольнымъ городомъ; 15) *Ханте-хеанде* семь областей Индіи (Персін); 16) *Ренхейдо* (южный Хорасанъ), область вольныхъ и независимыхъ всадниковъ.

Злой, завистливый и „смертоносный“ Ариманъ въ первой области испортилъ климатъ. Онъ выпустилъ въ рѣку *злю*, породившую зиму, которая захватила въ году полныхъ десять мѣсяцевъ. Стужа оковала воды и землю со всѣми ея произрастеніями; глубокіе ~~снѣга~~ засыпали горы и долины... Изъ этихъ *золъ* Ормуздъ, по безконечной своей благости, изыскелъ *добро*: безъ зимней стужи не могутъ прозябать осенніе посѣвы; вода отъ талыхъ снѣговъ, орошая землю, усиливаетъ растительность на долинахъ и поемныхъ лугахъ. Въ слѣдующихъ областяхъ Ариманъ ознаменовалъ свою дѣятельность иными бѣдствіями. На стада онъ пустилъ рои мухъ и слѣпней съ ядовитыми жадами; между святыми и праведными людьми рассялъ злыя рѣчи; муравьи источили тканн... Въ пятой области Ариманъ вдохнулъ въ людскія сердца сомнѣніе въ бытіи Бога; въ шестой подворилъ бѣдность и размножилъ нищихъ; въ седьмой установилъ поклоненіе женщинамъ—бѣсамъ (*парн*); въ восьмой развратилъ сердца; въ девятой научилъ людей грѣху противуестественному и тѣмъ лишилъ души ихъ возможности перейти мостъ *Чиневадъ* (?); въ десятой показалъ людямъ зарывать

(*) Правильнѣе: собаками, къ которымъ Зороастръ питалъ особенную вѣжностъ.

(а) Намекъ на трехъ сыновей Зороастра, плѣющихся родиться въ Азербиджанъ, малъ на три касты, на которыя въ древности былъ раздѣленъ народъ персидскій: ученыхъ (аворен), вопповъ и нахарей.

(?) Мостъ Чиневадъ соединяетъ обителъ мертвыхъ съ обителемъ вѣчной жизни. Въ законѣ Зороастра, какъ увидимъ, упоминается о многихъ грѣхахъ, лишającychъ души возможности перехода *Нисъ* глубокаго!

(*) Отъ Матей, Глава VI, ст. 7—8.

(?) Въ подлинникѣ: знамена или значки, что въ буквальной переводѣ было бы лишено всякаго смысла.

въ землю мертвыхъ тѣла; жителей одинадцатой области Ариманъ научилъ океанной, богопротивной „магн“ или волкующей, наукъ обманчивой, которая кажется чѣмъ-то важнымъ, покуда не обратится въ ничто отъ одного слова премудрости божией... Гордость и преступное сомнѣніе растлили сердца въ двѣнадцатой области; въ тринадцатой—люди жили мертвецовъ на кострахъ; въ двухъ слѣдующихъ Ариманъ осквернилъ женщинъ, до того времени чистыхъ, давъ имъ организму свойство периодическаго цвѣтенія; наконецъ, въ послѣдней области духъ зависти, злобы и тьмы осквернилъ землю жестокими стужами, отнявъ у нея плодотворныя силы...

Такъ, по словамъ Ормузда, водворились на землѣ *добро* и *зло*.

На вопросъ Зороастра (*II фартардс*): кто первый изъ людей былъ угоденъ богу? Ормуздъ называетъ *Джемишида*, пастыря стада и народовъ. Богъ предлагалъ ему быть распространителемъ закона, но Джемишъ отказался, считая себя недостаточно чистымъ для этого. „Постарайся же сдѣлать землю плодородною, а людей счастливыми!“ сказалъ ему Ормуздъ.—А ты дай мнѣ способность отгонять бѣсовъ (*дивовъ*) святымъ словомъ твоимъ! попросилъ Джемишъ. Ормуздъ одѣлалъ людей разумомъ и долготѣіемъ, а пастырю ихъ далъ золотой мечъ для обработки земли; земли же Джемишиду отвѣжвано было *девятисотъ частей*. Первую треть онъ населилъ людьми, домашними животными, птицами и яркими красивыми огнями (?) и тѣмъ приблизился къ свѣту, къ страстѣ, гдѣ царствуетъ *Рапиманг* (огъ). Между землею золотымъ мечемъ своимъ, Джемишъ говоритъ: „да возрадуется же *Синондолидс* (духъ земли)!“ Вторую треть земли, пустыню, онъ сдѣлалъ плодородною, засадилъ ее растеніями, деревьями, заселилъ людьми съ домашнею скотиною и птицами, развелъ стада быковъ, табуны лошадей... наконецъ, воздѣлалъ и третью треть всего количества земли, данной ему Ормуздомъ, который въѣстъ съ *изедами* (чистыми духами-хранителями) снизошелъ на Иранъ. Тогда Джемишъ построилъ первый городъ *Верг* (Гамаданъ), снабдивъ его водопроводами и заселивъ людьми и животными. Тѣ и другіе были кротки, незлобивы; жены ихъ были чисты, не вѣдая цѣ-

тени... Не было въ городѣ ни начальства, ни волхвовъ, ни нищихъ. Строитель Джемишъ постановилъ себѣ за правило раздѣлять города на три разряда; къ первому, о девяти улицахъ, онъ причислялъ города съ 1,000 жителей; во второму—о шести улицахъ, города съ 600 жит., въ третьему, о трехъ улицахъ—города, заселенные 300 жителей. Для сохраненія порядка въ городахъ Ормуздъ далъ Джемишиду сто частицъ самобытнаго свѣта, того самаго, который освѣщаетъ луну, звѣзды, планеты и всѣ свѣтила небесныя (*). Въ городахъ этихъ лѣто продолжалось семь мѣсяцевъ; зима только пять.

— Что особенно любю и пріятно землѣ? спрашиваетъ Зороастръ.

— Человекъ, ходящій по ней съ предметами, относящимися до богослуженія, читающій *хаван* (утреннюю молитву), говорящій слово добра и мира. Любо и пріятно землѣ, если наилучшіе участки ея достаются служителямъ Ормузда, стадамъ, женщинамъ, дѣтямъ, или служить мѣстами для сходбищъ добрыхъ людей. Любо и пріятно землѣ, когда ее засѣваютъ зернами, травами, деревьями; когда ей, сухой, даютъ воду, когда изъ нея, перенесенной водою, извлечъ ютъ излившую; любо и пріятно землѣ, когда на ней паутся и случаются стада. Той же землѣ тяжело и несправно: 1) если на ней живутъ яне волхвы, поклонники дивовъ и *даруди* (девятъ духовъ, подвластныхъ Ариману); 2) если на ней хоронятъ падаль или умершихъ (?); 3) устрояютъ *дагме* (кладбище); 4) если ее раскапываютъ и роютъ звѣри, подвластные Ариману; 5) если по ней ходятъ, мужчины или женщины, плачущіе, скорбящіе, поспяпающіе головы свои золою и ризице да себѣ волосы. Расчистка земли—исправляетъ все. При погребеніи умершаго, не слѣдуетъ одному человеку нести его, иначе *Даруди Незоиг* (бѣсъ смерти) овладѣетъ могильщикомъ, да и самъ мер-

(*) Имя Джемишъ—означаетъ: свѣтъ, блескъ.

(?) Странно, однако, сулитъ Зороастръ о персидской землѣ; что за безграбность: ей противно принять въ свои цѣдра падаль, существа изъ нея же созданнаго?.. Названіе мертвечины—быть удобреніемъ земли.

твецъ возопіетъ объ этомъ безобразіи. Хоронить слѣдуетъ на разстояніи не менѣ тридцати шаговъ отъ воды и деревьевъ, не мѣтѣ трехъ—отъ жилища чистаго человѣка; *кессие* (могила) не должна быть болѣе или менѣ роста покойника. Если ученики закона (*маведѣйсаны*), прельстивъ одѣяннѣмъ мертвеца, отравятъ тѣло и облечутся въ эти одѣжды, за это ихъ можетъ постигнуть болѣзнь, ослабленіе и преждевременная дряхлость. Виновныхъ въ похищеніи одѣжды мертвеца слѣдуетъ возвести на высокую гору, содрать съ нихъ кожу отъ пояса вверхъ и оставить ихъ въ свѣдѣ плотояднымъ птицамъ и звѣрямъ.

Земля требуетъ тщательнаго за собою ухода; се слѣдуетъ чаще копать, всахивать, разравнивать—справа на лѣво, слѣва на право. Какъ дитя не можетъ родиться безъ нѣжныхъ объятій женщины, такъ земля не можетъ дать плода безъ ухода за нею; она всегда умѣетъ отблагодарить пахаря за его о ней попеченіи. Сѣять хлѣбъ и обрабатывать землю, вѣтъ первый и основный законъ, данный людямъ Ормуздомъ. Усердный пахарь столько же угоденъ ему, сколько создатель сотни тварей или чтецъ десяти тысячъ молитвъ (*изешне*). Одѣлюющій хлѣбомъ нищущаго—досаждастъ себя самъ (*дивама*); подавая потребное количество, онъ сбавляетъ дивовъ съ ногъ, подавая болѣе—онъ доводитъ ихъ до слезъ... какъ бы мало ни подавалъ, все же огорчаетъ дивовъ. При обильномъ урожаѣ, глотки и груди дивовъ нымаютъ неугасимымъ огнемъ. Пища—первая потребность человѣка; истощенный голодомъ беспилень, неспособенъ на трудъ, на добрыя дѣла; не можетъ, какъ слѣдуетъ, обрабатывать землю, ни давать существованіе здоровымъ и сильнымъ дѣтямъ. Миръ живетъ ѣдою; голодъ—отецъ смерти. Знающій о потребной падали, но не вырывающій ее въ теченіе полугода изъ земли, подлежитъ наказанію 500 ударами кнута изъ кобыльей или верблюжьей кожи, либо денежной цѣнѣ въ 500 серебряныхъ драхмъ. За годъ времени число кнута и количество пени удваиваются; за два года итъ ш наказанія, ни прощенія: виновный долженъ быть отлученъ отъ среды повинующихся закону. Къ числу отлучниковъ принадлежатъ также: воры, волхвы, несправедливые, привасающіеся къ падали, грѣшники противъ природы и гордецы.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Честность въ денежныхъ дѣлахъ и твердость въ словѣ.—Законы о личной безопасности.—Предосторожности отъ оскорбленія.—Отенныя птицы.—Собаки.—Роженцы.—Мертвецы.—Бисъ Незомъ.—Врачи.—Ихъ вознагражденіе.—Уриздненіе кладбищ.—Посуда.—Очищеніе огня.—Обрядъ счищенія.—Бисы и парн.—Молитвы объ усопшихъ.—Пять смертныхъ грѣховъ.—Волосы и ногти.—Священный поясъ.—Питици.—Суккубы и инкубы.—Молитвы.

Честность въ дѣлахъ денежныхъ Зороастръ выдѣляетъ въ непрѣлвную обязанность каждому гражданину. „Брать взаимы и не отдавать,“ говорить онъ устами Ормузда (1) „тоже, что красть“; хотя бы заемъ дѣлаеъ былъ и у богатаго. Давать слово, съ предвѣтнмъ намѣреніемъ не сдержатъ его, есть грѣхъ противу Мнора (*Мнора-даруди*). Грѣхъ этотъ раздѣляется на шесть категорій: 1) измѣна данному слову; 2) рукобитію; 3) недостаточное кормленіе домашней скотины; 4) перадѣне о стадѣ; 5) невознагражденіе своего учителя или наставника и 6) усматыванію рабочихъ. За провинность первой изъ шести категорій грѣшникъ подлежитъ 300 годамъ пребыванія въ эду, если его родственники не озабочатся искупить его соразмѣрной пеней; за вторую, душа мучится 600 лѣтъ; за третью 700; за четвертую 800, за пятую 900; за шестую 1000 лѣтъ. Мужи, обманщики и воръ ненавистнѣ Ормузду злѣйшихъ бсовъ.

Преступленія противу личности дѣлятся на три разряда: *Агарсбте*—намѣреніе, *воззавареите*—ударъ, *аредош*—увѣче или

(1) По примѣру многихъ законодатель древности, Зороастръ часто упоминаетъ въ своей книгѣ, что «божество говоритъ его устами», не вѣрнѣ ли было бы сказать, напротивъ, что «законодатель говоритъ устами своего божества»?

хоро—предательское нападение сзади. Пять преступлений первого разряда еще не губят души преступника, тѣмъ не менѣе за первый разъ виноватый подвергается пяти кнутахъ или палкѣ; за второй—10; за третій—15; за четвертый—30; за пятый—50, за шестой—70; за седьмой—90 кнутахъ. Не выражающій раскаянія или не сознающійся совершаетъ грѣхъ тяжкій (*манафурѣ*) и подлечитъ 200 ударахъ кнута. За преступление второго разряда наказаніе увеличивается на одну степень (за первую вину—10 кнутомъ и т. д.); третьяго разряда, на двѣ степени (за первую вину 15 кнутомъ и т. д.)... Вообще законодатель не скупится на удары кнутомъ и въ этомъ случаѣ вѣрнѣе персидскому національному характеру.

Заботливость Зороастра о предосторожностяхъ противу оскверненія доходитъ до сѣйшаго, оставляя далеко за собою щепетильность браминовъ индійскихъ (*). Такъ, напримѣръ, онъ спрашиваетъ Ормузда: можно ли для богослуженія употреблять дерево, на которое сѣдятся плотоядные птицы, клевашія жертвенцу? и получаетъ въ отвѣтъ, что мертвецовъ слѣдуетъ класть въ такихъ мѣстахъ, въ которыя не залетаютъ ни птицы, ни мухи, даже вѣтеръ. Вода и огонь святы, говоритъ законодатель, какъ же они убиваютъ утопающихъ или сторающихъ? „Умеривляешь утопающаго не вода,“ отвѣчаетъ Ормуздъ: „дивъ *Астуидѣ* связываетъ его по рукамъ и по ногамъ, и тогда рыбы Аримана забиваютъ человека до смерти своими хвостами и пожираютъ его тѣло. Этотъ же самый дивъ связываетъ человека, захваченнаго пламенемъ въ жилищѣ, тѣло его испепелится на огнѣ, а пожирается *огненными птицами* (*). Душа человека, устоявшагося счастья погибнуть въ огнѣ, идетъ прямо къ подошвѣ сѣйта (*нур-нагѣ*). Послѣ во-сторженныхъ похвалъ Ормузду, расточающему щедроты свои въ

равной степени, какъ богу чистому, такъ равно и поганому, Зороастръ распространяетъ его, въ какой степени умиротворяющей скоропостижно можетъ осквернить окружающіе? Оказывается, что оскверненіе при этомъ распространяется въ обратной прогрессіи: тѣмъ чище умершій, тѣмъ болѣе оскверненныхъ. Взявъ за норму число *десяти*, Ормуздъ постепенно его уменьшаетъ слѣдующимъ образомъ: умершій жрецъ—оскверняетъ десятого, воинъ—девятого, пахарь—восьмого.... затѣмъ слѣдуютъ животныя разныхъ породъ: собака пастушья (*песосиурунѣ*), дворная (*весиурунѣ*), бродячая (*вохонезакѣ*); собаки—добраго человека (*торунѣ*), слѣпца (*сокорунѣ*), куница (*джеджджонѣ*), ловящая ужей; ежъ (*веззонѣ*), кроль (*оронешѣ* (*), песецъ (*оронешѣ*), смертью своею не оскверняетъ никого изъ присутствующихъ ни непосредственно (*пипридѣ*), ни непосредственно (*халпридѣ*). Звѣль, гнусное пресмыкающееся (образъ котораго принималъ на себя дивъ искуситель, *Аимнатѣ*), околѣвая, также не оскверняетъ никого; она опасна только до тѣхъ поръ, покуда жива.

Роженца должна, какъ существо оскверненное, быть удалена на 90 шаговъ (*30 аиновѣ*) отъ мѣстъ богослуженія, воды, огня, домашнихъ животныхъ и общества людей. Въ уединеніе, въ которое она на время удалится, ей слѣдуетъ доставлять пищу, питье и одѣяніе; три дня и три ночи она должна принимать бычачью мочу съ золою, въ количествѣ 3, 6, 9 капель; можетъ пить вино, молоко кобылье или коровье, но отнюдь не воду; можетъ ѣсть печеное мясо и плоды. По прошествіи трехъ сутокъ, женщина должна умываться бычачьею мочкою, по прошествіи еще шести дней—водою и только тогда можетъ возвратиться въ свой домъ. Еще того строжайшему отчужденію подлечитъ женщина во время цвѣтенія: не только прикосновеніе къ ея одѣждѣ, но къ ниткѣ, руками ея ссученной—оскверняетъ человека.

(*) См. Томъ I: Индія. Гл. VII, стр. 56—57.

(2) Поверхъ сѣи огненныхъ птицъ существуетъ у насъ, въ Россіи. Голуби, испуганные пламенемъ пожара (особенно въ ночную пору), всегда вьются и кружатся надъ пожарищемъ: глядя на нихъ свѣдѣе призмъ суетнаго страха, мужички принимаютъ ихъ за какихъ-то особенныхъ птицъ, огненныхъ, летящихъ надъ пожарами не спроста!...

(*) Кроль у древнихъ матовъ пользовался большимъ уваженіемъ (см. Плінія кн. XXXI, и Зороастръ признаетъ его животнымъ полезнымъ, такъ какъ онъ истребляетъ подъ землею личинки насекомыхъ, вредныхъ растеніямъ. Въ ползѣ бѣднаго этого животнаго убѣдились въ Европѣ въ весьма недавнее время.

Землю, на которой лежал мертвец или собака падала, ранѣе года нельзя обрабатывать; малѣйшая частица мертвечины, оставшаяся на землѣ, можетъ отравить ее, а на земледѣльца навлечь лютаго злобнаго мушкетера. Утопленника, замѣченного въ водѣ, непременно слѣдуетъ вынимать, по водою пользоваться не иначе, какъ на разстояніи 90 шаговъ отъ мѣста нахожденія трупа; колодезь или рытій прудъ, въ которомъ утопулъ человѣкъ или собаку, надобно вычерпать до суха и пользоваться вновь набѣжавшею водою. Въ случаѣ, если падала попадетъ какому нибудь образомъ на плодое дерево—ранѣе года плодами его пользоваться нельзя. Въ предположеніи разброски частицъ мертвыхъ тѣлъ птицами или звѣрями, мертвцовъ можно хоронить въ желѣзныхъ, свинцовыхъ или каменныхъ гробахъ (*). Дичь смерти Даруд-Незошъ оладѣваетъ трупомъ немедленно по кончинѣ человѣка, являясь въ видѣ мухи, разрушая всѣ связи организма и передавая сочлененію. Какъ Незошъ разрушаетъ трупъ, такъ оскверненіе въѣдается въ вещи, близко соприкасавшіяся къ умирающему. Ковры, на которыхъ умираютъ больные, подлежатъ очищенію: шерстяные ковры должно мыть три раза бычачей мочой, три раза натирать землею и три промывать въ водѣ, а потомъ на три мѣсяца развѣшивать на солнцѣ; ковры изъ бумажной ткани подлежатъ двойному числу всѣхъ этихъ очищеній. Перемытые и выѣтренные ковры все же не настолько чисты, чтобы ихъ могли употребить ученики закона (правовѣрные) и чистые люди—они могутъ только служить постелью роженницамъ или женщинамъ, постигнутымъ цѣлѣншемъ. За неисполненіе всѣхъ этихъ правилъ Ормуздъ, *духъ добра* (?), опредѣляетъ: живымъ число вѣтвостей, соразмѣрное *вишѣ*, а мертвымъ—многіе вѣка адскихъ мученій. Человѣкъ, уличенный въ умысленномъ брошеніи трупа въ воду, или съѣвший кусокъ падали (?) оскверненъ на вѣки и проклятъ, хотя бы отъ слезъ раскаянія „выплатилъ себѣ глаза“.

Ученики закона, желающіе посвятить себя врачебной наукѣ,

(*) Всѣ эти правила объ оскверненіяхъ также точно неспослѣдовательны и въ фарсерахъ виши Веллидадъ-саде.

обязаны испытать степеніи своего знаній сначала надъ тремя невѣрными (*девейсанами*), а послѣ уже лечить правовѣрныхъ (*маздейсанаовъ*). Если опъ уморитъ невѣрныхъ во время опытовъ, онъ не счѣтъ заниматься леченіемъ; если же, не смотря на запрещеніе, будетъ лечить, да на бѣду еще и уморитъ пациента, подлечитъ казни разлѣченіемъ по сугубамъ (*бадовересте*). Каждый благодаритъ врача за исцѣленіе соразмѣрно средствамъ: жрецъ читаетъ ему благодарственную молитву (*аферианъ-данана*); хозяинъ дома даритъ врачу мелкую домашнюю скотину, начальникъ улицы—скотину покрупнѣе, градоправитель—самую крупную и жирную; начальникъ губерніи даритъ вчетверо болѣе. За нецѣленіе хозяинъ дома врачу даритъ—осла; за жепу начальника улицы—быка... за прочіе: лошада и верблюда. Плата за излеченіе любимого сына полагается та же, что за градоправителя. Вознагражденіе ветеринаровъ, судя по заслугамъ, ограничивается быкомъ, зацемъ, даже кускомъ мяса. Лечить можно (говорить Ормуздъ) ножемъ, плодами древесными или *словами*; послѣдній способъ—дѣйствительный...

Мѣсто погребенія изъ поганнаго дѣлается чистымъ чрезъ пятьдесятъ лѣтъ: въ этотъ періодъ времени тѣло, зарытое въ землю, окончательно обращается въ прахъ. Упраздненіе кладбищъ и превращеніе ихъ въ пины, есть дѣло богоугоднѣйшее, такъ какъ кладбища—области дьявола, заселенныя ихъ исчадіями *агарбестерали* (т. е. гадами: жуками, скорпіонами, червями и змѣями). Ариманъ безмалостенъ надъ человѣкомъ, упразднившимъ кладбище, такъ какъ человѣкъ этотъ выше звѣдъ, луны и солнца; Ормуздъ отпускаетъ ему тяжчайшіе грѣхи, награждаетъ здоровьемъ, долголѣтіемъ, огонь охраняетъ его отъ всякаго зла... *День допроса* (четвертый послѣ смерти) будетъ для этого человѣка днемъ покоя...

Чистоплотный и до щепетильности опрятный Зороастръ продолжаетъ разспрашивать Ормузда о мѣропріятіяхъ противъ оскверненій и, въ дополненіе ко всему предъидущему, получаетъ въ отвѣтъ: наставленія о *чистотѣ посуды*, служившей умирающему. Оказывается, что золотую посуду достаточно вымыть бычачей мочою, вычистить пылью и ополоснуть въ водѣ одинъ разъ; серебряную—

два раза; желѣзную—три; мѣдную—четыре; фаянсовую—шесть; грубая земляная или ценная не подлежит ошпению. Наставление справедливое, какъ въ экономическомъ, такъ и въ гигиеническомъ отношеніи. Если домашняя скотина съѣсть падаль, доить ее можно никакъ не ранѣе года. Мѣсто, на которомъ лежалъ трупъ, слѣдуетъ очищать, вытирая нѣсколько разъ коровьимъ пометомъ, пшлью и срошая бычьей мочою. Въ случаѣ, если падалъ или трупъ лежалъ на дорогѣ, проходить по ней нельзя ранѣе ея ошпеченія. Для этого надобно прежде всѣхъ пустить на дорогу собаку съ желтыми глазами, бровями и бѣлыми ушами: пробѣжавъ по дорогѣ три раза, они отгонятъ сѣвернаго бѣса, стерегущаго трупъ... По нѣмнѣю собаки съ вышеказанными примѣтами, можно взять собаку неструю—бѣлую съ желтымъ, но она должна пройти мимо трупа *десять разъ*. Послѣ того слѣдуетъ прочитать молитву, трупъ оттащить съ дороги и пустить по ней сперва домашнюю скотину, потомъ гражданъ, а за ними уже жрецовъ съ богослужебными принадлежностями...

— Откуда берутся дивы (бѣсы)? спрашиваетъ Зороастръ.

— Дивы обоюго пола размножаются подобно людямъ, отрицаютъ Ормуздъ. Чистая вода омовеній, отгоняетъ ихъ отъ человѣка, но отгоняетъ постепенно, по мѣрѣ омовенія отъ головы до оконечности конечныхъ пальцевъ. Долгъ правотѣрнаго — *очищать огонь*, употребляемый людьми при противозаконныхъ обрядахъ и ремеслахъ. Люди оскверняютъ огонь, употребляя его: на сожженіе труповъ, варку лака, пережиганіе поэма, разводка огня въ печкахъ: гончарныхъ, литейныхъ, кузницъ, коваленныхъ мастерскихъ и кухонъ; нечистъ огонь и степныхъ пожаровъ (палей), сторожевыхъ и пастушьихъ костровъ. Правотѣрный, желающій очистить оскверненный огонь, долженъ переносить его *десять разъ* сквозь девять вѣтвѣй дерева, примѣшивая къ послѣдней благоуханія.

Для обряда *торжественнаго ошпеченія* священнаго, слѣдуетъ, въ 90 шагахъ отъ святаго мѣста, вырубить деревья на пространствѣ девяти двойныхъ квадратныхъ *базу* (54 футовъ), очистить его пшлью и разложить на немъ *десять* камней: шесть на разстояніи девяти шаговъ другъ отъ друга, а послѣдніе три на разстояніи 81 шага. Камни очерчиваются посредствомъ желѣз-

наго лезвія тремя кругами, постепенно сходящимися. Оскверненный надъ каждымъ камнемъ присѣдаетъ на корточки; потомъ, изъ желѣзнаго ковши, приназначеннаго къ девятикошному жезлу, омывается съ головы до ногъ бычьей мочою, водою, духами. Шесть сутокъ послѣ того онъ долженъ пробыть въ уединеніи, откуда, омывшись водою, можетъ вернуться по прежнему въ общество людей. Жреца, совершившаго обрядъ, слѣдуетъ *щедро отблагодарить*: въ случаѣ малаго даянія онъ можетъ обидѣться, а если обидится, то и весь обрядъ пойдетъ впрокъ, и ошпеченный становится оскверненнымъ до скопчанія вѣковъ. Если же жрецъ при обрядѣ сдѣлаетъ ошибку, дивъ *Аишпашъ* отнимаетъ у него „дожди добра и даетъ ему засуху нужды и горя“.

Самыя восточія средства противъ бѣсовъ — молитвы, читаемыя множество разъ. Онѣ отгоняютъ Аримана со всѣми дивами, ему подвластными: *Незомислг*, *Аидеромлг*, *Саваслелг*, *Наонгесомлг*, *Эсисомлг* (бѣсовъ зависти), *Вериномлг* (бѣсовъ засухи), *Вато* (бѣсовъ буйи)... Отъ молитвъ же бѣгутъ: *Кару* жестокой, властвующей надъ сочлененіями человѣческаго тѣла *Буаде*, бѣсъ пьянства — *Конде*, бѣсъ усиленія и словиднѣй — *Бошастг*, *Мавидг*; бѣсъ гнили и зловонія трушнаго *Кафизлг*, а также и всѣ лукавыя бѣсовицы (*пары*), вредящія водѣ, огню, землѣ, деревьямъ, домашней скотинѣ и людямъ.

Молитвы объ усопшихъ, обращаемыя въ духу, проводнику души въ загробную обитель *Доглану*, должны соразмѣряться степени родства. За отца и за мать читается синолъ или дочерью *тридцать молитвъ*: за это умершимъ простится *шестьдесятъ грѣховъ*; за дочь или за сына столько же, а равно за родныхъ братьевъ и сестеръ. Дѣды за внуковъ и внуки за дѣдовъ должны читать 25 молитвъ (отпущеніе 50 грѣховъ); двоюродные за двоюродныхъ — 20 молитвъ (40 грѣховъ), троюродные 15 молитвъ (30 грѣховъ), родственники въ четвертомъ колѣнѣ — 10 (20), состоящіе въ свойствѣ — 5 (10)... слуги за хозяевъ должны читать 6 молитвъ, и за это отпустится послѣднимъ 12 грѣховъ.

Строго запрещается Ормуздъ бить и утѣпчть собакъ; ему пріятно, если человѣкъ даетъ имъ пріютъ и кормъ, но только не жнутъ

и не горячую пищу... Собаку слѣдуетъ кормить, во первыхъ, за-
тъмъ, чтобы она не възбѣдася отъ голоду, а во вторыхъ, за то,
что разумно ея „держится весь міръ“, ея голосъ отгоняетъ во-
ровъ отъ чужаго имущества, волковъ отъ стада. Пастушья и дво-
ровая собака — вѣрные хранители человека; собака выпасаетъ въ
себѣ посемь качествъ: жреца, воина, пахаря, птицы, вора, хищ-
ного звѣря, публичной женщины и юности... Тутъ, въ книгѣ Зоро-
астра, вышето болѣе или менѣе остроумныхъ сравненій совер-
шенная безмыслица! „Собака“ говоритъ оя — „похожа на птицу
быстротой и вообще имѣетъ съ ней много общаго потому... что
похожа на птицу.“ Извольте понять, если можете!

За убіеніе собаки, смотря по породамъ, виновный обязанъ либо
доставить 10.000 вазанокъ дровъ на алтарь огня, очистить 14
огней, снабдить жрецовъ орудіями и утварю для богослуженія,
помна — орудіемъ, пахаря — быкомъ съ колокольчикомъ; либо
обязанъ убить 10.000 ужей, чернахъ (*скаланныхъ* пресмы-
кающихся), лягушекъ водяныхъ и земляныхъ, муравьевъ или мухъ.
Въ случаѣ нежеланія исполнить этихъ правилъ, убійца собаки
можетъ вѣсто нихъ, ради очищенія отъ грѣха, прорыть каналъ,
устроить водопроводъ, пожертвовать участокъ земли на пастбище,
либо *для пріюта жрецовъ* (1)...

Пятнадцатый и шестнадцатый фартарды Зенд-Авесты — посвя-
щенны бесѣдаютъ о вещахъ довольно щекотливыхъ и огоропечныхъ.
Орудіемъ исчислятъ слѣдующіе *пять* гепростительныхъ грѣховъ:
1) непотителное обхожденіе со старшими; 2) кормленіе собаки
горячей пищею; 3) изтязаніе щепной суки; 4) связь съ жен-
щиною, во время ея цвѣтенія; 5) связь съ женщиною, кор-
мившею младенца грудью. Женщина, рождающая внѣ брака, совер-
шаетъ, по словамъ Зороастра, *грѣхъ, отъ котораго „весь
міръ приходитъ въ ужасъ, воды колеблются и дере-
вья содрогаются“*; она должна избѣгать встрѣчи съ людьми,

(1) Какъ во всѣхъ статьяхъ закона видно, что Зороастръ принадле-
жалъ къ жреческой кастѣ! За подорожьи, за благостыни жрецамъ оя,
именемъ Ормузда, готовъ простить любой грѣхъ. Кроме того, какая
жалкая ужасность попитій, какая мелочность!

а въ случаѣ убіенія младенца или изгнанія плода, повинна смерт-
ной казни четвертованіемъ. Децтуръ *илиетъ право* убить ре-
бенка, мать, отца и даже женщину, кормившую ребенка грудью.
Независимо отъ отчужденія цѣлующихъ женщинъ — совершенному
отлученію отъ общества правотѣрныхъ и вѣчному проклятію под-
вергаются тѣ изъ нихъ, которыя преданы несчастной привычкѣ со-
единять сладострастные мечты съ дѣйствительностью или, точнѣе
сказать: крайній идеализмъ съ грубѣйшими матеріализмомъ (1).
Этотъ грѣхъ одно и тоже, что сожженіе роднаго дѣтница. Также
точно губитъ свою душу человекъ, стригущій себѣ ноги и воло-
сы безъ соблюденія необходимыхъ обрядовъ: кролѣ моливы, при
этихъ операціяхъ слѣдуетъ, тщательно собрать обрѣзки и волосы,
класть ихъ на камень, очерчивать его тремя кругами и, призывая
птицу свѣтлаго Бахмана, *Асиожешитъ*, проситъ ее, чтобы она
унесла эти частицы человека, но давъ ихъ на поруганіе дивамъ!..

По нашему народному повѣрью пряди стриженныхъ или сче-
санныхъ волосъ слѣдуетъ сожигать, иначе если птица унесетъ ихъ
въ гнѣздо — у стригавшаго либо голова будетъ болѣть, либо на
нее нападутъ насѣкомыя. Последнее говорить и Зороастръ. Что же
касается до ногей, то извѣстно-ли читателю, что у насъ идолы,
последователи нѣкоторыхъ раскольничьихъ сектъ, всю свою жизнь
коплютъ обрѣзки своихъ ногтей въ особый мѣшечекъ, который при
жизни носятъ за пазухой, а умирая, зашиваютъ класть съ собою
въ гробъ для какого-то полезнаго употребленія за могилою... Какъ,
подумаете, глупость-то сблизать людей разныхъ вѣровъ, націй и
вѣроисповѣданій!..

Непрежѣнная принадлежность каждаго правотѣрнаго — священникъ
пока, наивысшій *кости*: безъ него не только пахарь или
воинъ, но и самый жрецъ дѣлается рабомъ Армапа. Изъ птицъ
самая угодная Ормузду — *перодерешъ* (пѣтухъ): пѣніемъ своимъ
она возвыщаетъ наступленіе дня, призываетъ людей къ утренней

(1) Есть вещи, о которыхъ нельзя выражаться иначе, какъ косвенно —
мы пишемъ не медицинскій трактатъ. Зороастръ, не обинуясь, говорить
о томъ грѣхѣ, о которомъ въ Ветхомъ Заветѣ упоминаютъ въ исторіи
Оазари и Оана.

молитвѣ, прогоняетъ отъ нихъ бѣсовъ сна. Кормить вѣтхуковъ — дѣло богоугодное; птица эта заслуживаетъ похвѣльшаго вниманія, такъ какъ служилъ людямъ для измѣренія времени. При первомъ вѣтху, въ первую треть ночи, должны пробуждаться служители алтарей огня, при второмъ — сахарн; при третьемъ — всѣ ученики закона.

Въ одномъ изъ предыдущихъ фаргардовъ, Ормуздъ, на вопросъ Зороастра: какъ размножаются бѣсы (дѣвы), — отвѣчаетъ, что они рождаются подобно людямъ... Теперь, вдаваясь въ подробности, утверждаетъ, что бѣсовицы рождаются зачиная отъ грѣховъ, т. е. что не грѣхи — порожденіе бѣсовскія, а на оборотъ, бѣсы дѣтища грѣховъ. Какимъ же именно? 1) Вслѣдствіе неподалнія благости и жрица; 2) вслѣдствіе неосторожнаго ноченеспусканія; 3) вслѣдствіе сонныхъ грезъ чловека, сопровождаемыхъ любовныхъ наслажденіемъ; 4) вслѣдствіе сообщенія пятнадцатилѣтняго юности съ публичной женщиной.

Опять намъ приходится сдѣлать сопоставленіе языческаго суевѣрія съ европейскимъ. Въ крещеной Европѣ XVI и XVII вѣка существовало вѣрованіе въ бѣсовъ *суккубовъ* и *инкубовъ*, являющихся въ сношеніи мужичкамъ и женщинамъ, возбуждающихъ въ нихъ страсти и склоняющихъ къ любовнымъ наслажденіямъ. Вслѣдствіе послѣднихъ, по увѣренію европейскихъ демонологовъ, женщины беременѣли и рожали. Зороастръ до этой пошлости не доходитъ, но, тѣмъ не менѣе, говоритъ, что бѣсовки беременѣютъ отъ сонныхъ грезъ мужчинъ и рожаютъ — *бѣсовъ*. Грѣшники влечетъ слѣдомъ за собою пагубу и смерти: рѣка, на которую онъ изгнаны, высыхаетъ на цѣлую треть, нива на столько же оскудѣваетъ; изъ народонаселенія, въ средѣ котораго живетъ грѣшникъ, вымираетъ треть добрыхъ и чистыхъ людей.

Послѣдніе два фаргарда (XXI и XXII) содержатъ въ себѣ совѣты Ормузда Зороастру — молиться, молиться непереставая и чутъ-ли во всему, что только на глаза попадетъ: солнцу, свѣтлани, огню, землѣ, растеніямъ, домашней скотины — въ особенности быкамъ — земнымъ и *небеснолу* (т. е. созвѣздію Тельца). Небесный быкъ и луна — отецъ и мать всѣхъ произрастеній земли: запыли и сѣмена ихъ, они весной бросаютъ на землю вмѣстѣ съ

дождевыми каплями; дождями же заведуетъ и распоряжается изездъ *Тург* (планета Меркурій).

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Содержаніе книги Бун-Дехешг. — Мирозданіе. — Вражда Ормузда и Аримана. — Заточеніе послѣдняго. — Пизды, зодіакъ, созвѣздія. — Освобожденіе Аримана. — Порчи всѣхъ произведеній Ормузда. — Убіеніе быка. — Планеты. — Борьба изедовъ съ дивами. — Смерть Кайомортса. — Воды и растенія. — Семь областей. — Горы. — Звѣри, птицы и рыбы. — Дерево Ревна. — Первые люди. — Грѣхопаденіе. — Происхожденіе народовъ. — Птицы оней. — Чудесныя звѣри и птицы.

Окончивъ обзоръ знаменитой книги закона, Вендидадъ-сада, воздержавшись отъ всякихъ критическихъ разсужденій, переходимъ къ обзору третьей и послѣдней книги: *Бун-Дехешг*, содержащей въ себѣ космогонію, исторію первыхъ вѣбовъ бытія міра и заключающей несравненно болѣе любопытныхъ свѣдѣній, нежели книга Вендидадъ. Несомнѣнно, что она, подобно двумъ первымъ книгамъ, написана Зороастромъ, а въслѣдствіи дополнена нѣсколькими авторами. На сколько въ ней есть заимствованнаго изъ космогоніи другихъ народовъ древности, объ этомъ предоставимъ судить самому читателю.

Въ началѣ бытія міра, мракъ царилъ по всей вселенной. Духъ добра, *Ормуздъ*, пребывалъ въ высочайшихъ сферахъ; духъ злости, зависти и смерти, *Ариманъ*, гнѣздили въ преисподней. Оба они, безначальные и безконечные, создали міръ. Зная, по премудрости своей, что Ариманъ враждебенъ ему, Ормуздъ всего прежде создалъ легіоны свѣтлыхъ духовъ (*изедовъ*) для противодѣйствія бѣсамъ (*дивимъ*), созданнымъ Ариманомъ. Несо и свѣтлые духи создавались въ теченіе трехъ тысячъ лѣтъ. До началія борьбы со своими противниками, Ормуздъ предлагалъ ему миръ и доброе согла-

сие; Ариманъ гордо отвергъ то и другое, объявляя Ормузду войну на девять тысячъ лѣтъ. „Не хватитъ силъ у тебя! отвѣчалъ тотъ. По опредѣленію Всевышняго первыя три тысячи лѣтъ буду властвовать (надъ міромъ) я, вторыя три тысячи—мы вдвоемъ, т. е. я и ты, а на третью, послѣднія три тысячи лѣтъ—ты одинъ будешь властителемъ вселенной... Затѣмъ произойдетъ между нами борьба послѣдняя и моя несомнѣнная побѣда!“ Произшеся этотъ договоръ, Ормуздъ двадцать одинъ разъ прочиталъ молитву *юновергъ*, начинающуюся словами: „это желаніе Ормузда (*)“ и т. д., и Ариманъ погрузился во тьму кромѣшную на три тысячи лѣтъ, чтобъ творить духовъ зла, откуда Ормуздъ творилъ свѣтила, чистыхъ (изедовъ) и создалъ небеса. Первый чистый, созданный Ормуздомъ, былъ *Бахманъ*, будущій вправитель міра; Ариманъ во тьмѣ создалъ духа разрушителя *Акумана*. Послѣ Бахмана явились чистые: *Ардибешестъ*, *Шагривергъ*, *Санондомадъ*, *Хордадъ* и *Амердадъ*; создавъ Акумана, царь тьмы сотворилъ: *Андера*, *Савеля*, *Неказда*, *Тарика* и *Зереча* (†).

Пространствомъ для свѣта Ормуздъ назначилъ промежутокъ между небомъ и землею; въ высшихъ областяхъ зѣбра онъ раздѣстилъ звѣзды, солнце и луну. Звѣзды были раздѣлены на видимыя (исподвижныя) и невидимыя; первыя, раздѣшенныя на небосклонѣ отдѣльными купами, образовали двѣнадцать знаковъ или созвѣздій, *родительницъ*, отъ которыхъ родились всѣ прочія звѣзды. Имена родительницъ слѣдующія: 1) Атнецъ, 2) Быкъ, 3) Двойня, 4) Ракъ, 5) Левъ, 6) Колосье, 7) Бѣса, 8) Скорпионъ, 9) Дукъ стрѣльца, 10) Козерогъ, 11) Кувшинъ, 12) Рыбы. Звѣзды, изъ которыхъ были составлены эти знаки, были раздѣлены еще на 28 созвѣздій (*гордагъ*); каждому хордаху отдано по двѣнадцать

6,480.000 малыхъ звѣздъ, а для наблюденія за порядкомъ всего міра, по четыремъ странамъ неба Ормуздъ поставилъ по большой яркой звѣздѣ: *Тиситера* (Сиріуса) на восточной, *Сатевиса* (Альдебарана) на западной, *Венанда* (звѣзда слѣда Оріона) на южной и *Хафморанн* (большую и малую Медвѣдицу) на сѣверной. Самую среднюю неба заняла большая звѣзда *Месматъ*, или *Ранитанъ*, царь южныхъ областей земли.

Три тысячи лѣтъ заточенія Аримана въ пропасти преисподней—миновали. Дины освободили его и стали призывать на войну съ Ормуздомъ; особенно настойчивъ былъ лукавый (дарландъ) *Дже*. Царь вѣчной тьмы отговаривался недостаткомъ войска, но Дже далъ обѣщаніе ревностно содѣйствовать ему въ порукъ и оскверненіи всего созданнаго Ормуздомъ. До начала битвы надобно было осмотрѣть міръ и расположеніе небесныхъ воинствъ. Для этого Ариманъ создалъ тѣло предстатнаго пятнадцатилѣтняго юноши, въ которое вселенся Дже и ушелъ на землю, самъ же царь тьмы, принявъ видъ змѣя, всползъ на небо, оттуда на землю (въ день Ормузда мѣсяца *Фарвардина*) къ югу, осматривалъ всѣ чудеса неба и земли и содрогнулся отъ ужаса; проникъ въ нѣдра земли и, вылетѣвъ на ея поверхность въ видѣ мухи, взглянулъ на всѣ созданныя Ормуздомъ произрастенія, быка и перваго человека *Кайломориса* (сына перста). Омрачивъ на югъ свѣтъ дневной мглою негронисающей, Ариманъ расплодилъ на землѣ ядовитыхъ гадюкъ (*тарфистеровъ*), палачицъ выхрыжи осушилъ травы, пожегъ дерева, а на быка выпустилъ двухъ ядовитыхъ бѣсовъ: *Верина*, врага дождей, въ видѣ скорпіона, и *Восмаса*—усыпителя. Издыхая, быкъ завывалъ, чтобы берегли мертвое его тѣло...

Весь этотъ разсказъ и всѣ послѣдующія ничто иное, какъ символическое описаніе древнѣйшихъ космическихъ и геологическихъ переворотовъ. Подъ бѣсомъ, въ видѣ змѣя всплывающаго на небо, не трудно угадать появленіе *кометы* (историкъ опредѣляетъ даже самый день ея появленія въ мартѣ мѣсяцѣ), слѣдствіемъ котораго могли быть: мгла, засухи и моровыя повѣтрія. Быкъ, побѣжденный бѣсами *усыпленіи* и *засухи*—аллегорія усиленія производительныхъ силъ земли именно въ осеннюю пору,

(*) Стало быть, Ормуздъ молился себѣ самому? Впрочемъ, подобныя чудеса встрѣчаются во многихъ другихъ мифологіяхъ, кромѣ персидской.

(†) Каждый свѣтлый духъ соимененъ весеннимъ, лѣтнимъ мѣсяцамъ и счастливымъ днямъ, духи тьмы злымъ мѣсяцамъ и несчастнымъ днямъ.

когда солнце находится въ созвѣздіи Скорпіона (1). Эти объясненія даютъ читателю ключъ къ разгадкѣ всѣхъ послѣдующихъ аллегорическихъ сказаній персидскаго бытописателя.

На перваго человѣка *Кайоморта* намѣтъ днѣи смерти *Астундъ* съ тысячею помощниковъ, но не могъ ничѣмъ ему повредить, такъ какъ еще не пришелъ его часъ, и тридцать лѣтъ, опредѣленныхъ человѣку на владычество надъ землею, еще не истекли. Проникнувъ же Кайомортъ изъ правой передней ноги быка, умерщвленнаго дивами; изъ лѣвой — вышелъ *Госпорунъ*, хранитель стада (2), который, увидя человѣка въ опасности, заревѣлъ будто тысяча людей и бросился къ Ормузду просить помощи. Духъ добра успокоилъ его, поведя на небо и показавъ въ жилищѣ вѣчнаго свѣта — *Ферузѣ* (зародышъ пла, вѣришь, мысль божію) поволенія на землѣ Зороастра, будущаго освободителя людей отъ лукаваго и всѣхъ адскихъ козней... Госпорунъ возрадовался и успокоился.

Между тѣмъ на небесахъ продолжалась страшная суровая: сонны бѣсовъ нападали на свѣтлыя иззоды (звѣзды), Арианъ открывалъ огонь на землѣ, и густой, срадный дымъ, восходя къ небесамъ, затмѣвалъ свѣтила. Семь дивовъ было взято Ормуздомъ въ плѣны и превращены духомъ правды и свѣта въ яркія новыя звѣзды. Преобразовавъ тѣла выходящихъ изъ преподней, Ормуздъ замѣнилъ и прежнія имена ихъ новыми: 1) *Туръ* (планета Меркурій), надзирателемъ за нимъ приставленъ Таштеръ; 2) *Бех-ралъ* (Марс), надзиратель его Гафторанъ; 3) *Анхума* (Юпитеръ), надзир. Венанъ; 4) *Анахидъ* (Венера), надз. Сатевисъ; 5) *Кеванъ* (Сатурнъ), надз. *Месинахъ*; шестую и седьмую звѣзды Ормуздъ назвалъ *Гурзшиеромъ* и *Доджшоромъ-Мусшеваромъ*: обѣ онѣ были косматыя, съ хвостами, и надзоръ за ними порученъ былъ солнцу и лунѣ; солнце указало этимъ

(1) Въ одной изъ послѣдующихъ главъ при разсказѣ о таинствѣ Меры мы подробно поговоримъ о символахъ быка, уязвляемаго скорпіономъ.

(2) Созвѣздіе Пса. Мысль дать первому человѣку въ товарищи собаку не лишена своего рода поэзіи.

святѣйшій вселенной путь, далѣе котораго они идти не осмѣливались... Что же касается до самого солнца, предѣлами собственнаго пути его были: гора *Альбордмъ*, окружающая землю. и *Тарекъ* — гора средиземная. Дойдя до вершины первой горы, солнце останавливается, обойдя вторую гору, оно снова пускается въ прежній путь; 180 дней солнце находится на востокѣ, 180 — на западѣ, дважды въ годѣ, когда она въ знакѣ Агнца или Вѣсны, день бываетъ равенъ ночи; должайшій день во время нахождения солнца въ знакѣ Рака, должайшая ночь — когда оно вступаетъ въ знакъ Козерога. Къ 360 днямъ, составляющимъ періодъ солнечнаго пути, слѣдуетъ прибавлять еще пять дней, намываемыхъ *патами*. Человѣкъ, знающій молитвы, для гахонъ предназначенны, можетъ повелѣвать дивами и они покоряются ему, какъ властелину. Такимъ-то образомъ, не взирая на всѣ происки врага своего, Аримана, чистый и доброжелательный Ормуздъ водворилъ стройный порядокъ на небесахъ. Не легка была побѣда надъ Ариманомъ: левяносто сутокъ продолжалась борьба дивовъ съ издемами, покуда, наконецъ, Ариманъ, ослѣпленный красотой послѣднихъ, не обратился въ постыдное бѣгство, въ яростномъ сознаниіи своего безсилія.

Пораженный на небесахъ, онъ вознаграждалъ себя побѣдою на землѣ: срокъ владычества Кайоморта (сына персти) окончился, и онъ былъ убитъ дивами... однакоже, умирая, сказалъ дивамъ, что имъ не одолѣть будущихъ людей, которые произойдутъ отъ его сѣмени. Гады, порожденные Ариманомъ на землѣ, размножась, страшно вредили ей и всѣмъ ея произведеніямъ. Для истребленія ихъ, извелъ Тосшеръ, вступивъ въ созвѣздіе Рака, ниспустилъ на землю тридцатидневный дождь, и вода покрыла землю въ ростъ человѣческой. Тосшеру при дождѣ помогали изеды: *Бахманъ*, *Хомъ* и *Барзо*, чередуясь каждыя десять дней; самъ же Тосшеръ каждыя эти десять дней имѣлъ свой образъ, превращаясь поочередно въ человѣка, коня и быка. Дождь первыхъ десяти дней умертвилъ гадовъ, вода стекла съ земли, но отъ разложенья падали стала соленою. Такъ образовался *Зарс-Ферахъ-кандъ* (море-окіяны нашихъ народныхъ сказокъ). Въмѣсто умерщвленныхъ гадовъ, Ариманъ создалъ безчисленное множество жабъ,

для истребления которых Омузид послал на землю Тосшера, преобразившагося в. блага длиннохвостата коя. На встрѣчу ему Ариманъ выпустилъ изъ прешподней дива *Аиовеша*, въ видѣ коя чернаго. Бѣлый побѣдилъ чернаго, и второй проливной дождь брызнулъ на землю, для расчисти ея отъ трудовъ умерщвленныхъ жабъ; крупныя капли дождя были съ бычачью голову, мелкія съ человѣческую. Въ противника своего, смещающаго дива Аиовеша, чистый изъездъ Тосшеръ пустилъ огонь *виджесте* (молвію) и окончательно обратилъ его въ бѣгство (т. е. отбрасывая мштуру восточной фразеологіи: первая гроза очистила срадный воздухъ и разбѣла гнилостныя, болотистыя испаренія). Изъ водъ второго десятидневнаго дождя образовались: *озера*, три большихъ и 23 малыхъ; изъ водъ третьяго двѣ *руки* (руды) Арг-рудъ и Вех-рудъ — родоначальницы главнѣйшихъ восемнадцати рѣкъ земли.

Желая, во чтобы-то ни стало, разрушить все созданное Омузидомъ, злобный Ариманъ проникъ въ нѣдра земли и сталъ бѣгать въ нихъ, расшатывая основы подсолнечнаго міра... Вслѣдствіе этой бѣготы, земля вспучилась и на поверхности ея образовались *горы*, родоначальницею которыхъ была гора *Альборджъ*. Съ горъ потекли на землю родники прѣсной воды и образовались ключи, подобно кровеноснымъ жиламъ въ тѣлѣ человѣческому.

Взвѣзъ сухое дерево, изъездъ *Амердадъ* опустилъ его въ море океанъ, и оно, разросшись чудеснымъ образомъ, произвело 10,000 плодовыхъ деревьевъ, а эти, въ свою очередь, произвели 100,000 вслѣдствіе произрастеній. Изъ хвоста быка, збитаго диваши, выросло 55 злаковъ (1) и 12 деревьевъ плѣбныхъ. Отъ сѣмени быка, переработаннаго луною, произошла первая пара животныхъ: *быкъ* и *корова*, бывшіе родоначальниками 282 породъ разныхъ животныхъ, рыбъ водныхъ и птицъ небесныхъ.

Дожди Тосшера образовали на землѣ рѣкы и промощи, раз-

граничившія поверхность земную на *семь* областей (*кешваровъ*): 1) ереднюю, *Кешваръ Хунисреца* (Иранъ); 2) восточную, *К. Шаасъ*; 3) западную, *К. Арзе*; 4 и 5) двѣ южныя, *К. Фредзафше* и *К. Видедафше* и 6 и 7) двѣ сѣверныя, *Воробересте* и *Ворожджересте*. Особою яростнымъ нападеніемъ Аримана подвергалась область ередняя, такъ какъ на пей суждено было жить людямъ закона Омузидъ и родиться великому Зороастру. Природительница всѣхъ горъ земли, *Альборджъ*, доросла въ первая 200 лѣтъ до неба звѣзднаго, во вторія — до луннаго, въ третія — до солнечнаго, въ четвертыя же и послѣднія двѣсти лѣтъ она достигаетъ до первоначальнаго свѣта. Ростъ всѣхъ прочихъ горъ земли въ числѣ 244 ограничивается только двумя стами лѣтъ. Черезъ одну изъ нихъ *чекхестъ-дашти* на гору Мадую Альборджъ перепрощетъ мость *Чиневадъ* для переправы душъ въ свѣтлыя обители нѣхъ прешподней, предверіемъ которой служатъ *чекхестъ-дашти* (Здѣсь въ подлинникѣ длинная *родословная* всѣхъ горъ и рѣкъ земли).

Кромѣ злаковъ, деревьевъ и первой пары животныхъ, изъ разныхъ частей тѣла быка выросли еще разныя полезныя деревья и травы: изъ роговъ и мозга костей — 15 деревьевъ, полезныхъ для врачеванія, изъ воздрей — *гаидена* (лукъ-порей, *Allium portum L.*); изъ крови — виноградъ, сокъ котораго укрѣпляетъ и вегетитъ человѣка; изъ груди *эспандъ* (дичая рута, *Regalium harnala L.*), утоляющій головную боль (1). Отъ первой пары животныхъ, родившихся изъ сѣмени быка, всѣхъ прежде пропущили: козлы и бараны, верблюды и буйволы, кони и ослы, каляныя бараны и олени. За ними слѣдовали *плти* разрядовъ водныхъ (т. е. чистыхъ) животныхъ: 1) двухкопытныхъ, 2) однокопытныхъ, 3) лапчатныхъ, 4) когтистыхъ (хищныя и пщны) и 5) плавающихъ (рыбы), а уже отъ этихъ пяти породъ — 282 породы звѣрей и птицъ и 110 — породъ рыбъ. Чистѣйшее изъ всѣхъ животныхъ — собака,

(1) Злачныя растенія (graminea) формою напоминаютъ бычачій хвостъ, означивающійся кистью, какъ тѣ колосомъ. Обращаемъ вниманіе читателей и на составленіе быка съ луною: намѣкъ на роженъ молодого мѣсяца.

(1) Головную боль преимущественно вслѣдствіе опьяненія. Здѣсь намѣкъ на то, что въ природѣ вслѣдъ и вслуду, гдѣ болѣзнь, тамъ и лекарство.

находятся и на себѣ для охраненія зѣбрей отъ нападеній духовъ тѣмъ; когда она (ее зовутъ *Суроко*) спускается на землю, животныя предаются акту самовоспроизведенія (1). Птицу *Вареша* (вихря, дикаго голубя) Ормуздъ создалъ за тѣмъ, чтобы она напоминала имъ о соблюденіи закона, т. е., на сколько можно догадываться, о супружескомъ сожителствѣ со своимъ безъ богопротивныхъ связей съ инвертірами.

Первозданный человѣкъ *Кайомортъ* (сынъ персти), убитый дивами, умиралъ, извергъ изъ себя плодотворную вагу, взятую на сбереженіе двумя издами — *Нерозенхоломъ* и *Саиодамадомъ*; вага эта заключала въ себѣ зачатки грядущихъ поколѣній людей. Изды передали ее солнцу, а оно, очистивъ ее, бросило въ землю. Черезъ сорокъ лѣтъ (въ мѣсяцъ и день Меры) изъ этого сѣмени выросло дерево *Реваа*, по прошествіи пятнадцати лѣтъ достигшее степеней совершеннаго развитія: стволъ его изображалъ мужчину и женщину, державшихъ другъ друга за уши, листьевъ на перистыхъ деревья было только пятнадцать. Первыми его ягодами были мужъ и жена *Месіи* и *Месіиане* оба чистые, единомыслиице, покорные Ормузду. Давъ лобъ, зависти, Ариманъ, вдохнулъ въ нихъ сомнѣніе въ бытіи духа свѣта и испушилъ мысль заботиться о самихъ себѣ. Мужъ и жена отправились на охоту и, встрѣтивъ бѣдную козу съ поднятымъ вымяемъ, пососали ея молоко и тѣмъ согрѣшили и лишились 99 блаженствъ изъ ста блаженствъ, дарованныхъ имъ Ормуздомъ, отправились на охоту вторично, черезъ пятнадцать дней мужъ и жена встрѣтили бѣлаго ягненка и на этотъ разъ, почувствовавъ жажду къ крови, зарѣзали бѣдное животное. Давъ паучилъ ихъ развести огонь посредствомъ тренія съ песокъ дерева казилыника (*Cotinus vascelia* L.); вопреки закону Ормузда, они ртами раздували пламя, поддерживая его чистыми деревьями, янтромъ и *гормою* (финиковою пальмою). На этомъ

огнѣ они изжарили ягненка и часть мяса его была унесена птицею *керкаасомъ* (коршунъ). Отвѣдавъ однажды мяса животного, Месіи и Месіиане пристрастились къ нему и предались зѣбронству, питаясь мясомъ и одѣваясь въ зѣбренныя шкуры. Такъ совершилось первое грѣхонпаденіе первыхъ мужа и жены, предшествовавшее послѣдующимъ, тигчайшимъ грѣхамъ.

По совѣтамъ и указаніямъ Аримана мужъ и жена, порывъ землю, нашли въ ней желѣзо, изъ котораго и выковали первый топоръ. Срубивъ дерево, Месіи и Месіиане построили себѣ шалашъ для жилища. Пользуясь всѣми этими благами, первые люди не только не благодарили Ормузда, но возгордились передъ нимъ, а потомъ и другъ передъ другомъ. Затѣмъ дивы вдохнули въ ихъ сердца гнусное чувство зависти... Месіи заспорилъ съ женой, поранилъ ее топоромъ и разошелся съ нею въ разные стороны. Пятьдесятъ лѣтъ продолжалась ихъ разлука и наконецъ въ мужѣ, первомъ, явилось желаніе помириться съ женою; онъ отыскалъ Месіиане. Пораженный ея предестиями, теперь вполне развитыми (до разлуки мужъ и жена были еще слишкомъ юны), признался ей въ любви и безъ труда склонилъ къ новымъ, еще невѣдомымъ, наслажденіямъ. Объясненія примирившихся мужа съ женою въ книгѣ Бун-Дехешъ сликомъ проникнуты патріархальнымъ цинизмомъ, чтобы мы позволили себѣ приводить ихъ читателю.

Черезъ девять мѣсяцевъ Месіиане родила двойней: мальчика *Сіамакса* и дѣвочку *Веспахъ*; перваго кормилъ отецъ, вторую мать. Ормуздъ отнялъ дѣтей у родителей, самъ воспиталъ ихъ и, по достиженіи ими пятидесяти лѣтъ, разрѣшилъ брату и сестрѣ супружеское сожителство; предѣлъ же человѣческаго бытія положилъ во сто лѣтъ. Отъ Сіамакса и Веспахъ родилось *семъ* паръ и въ числѣ ихъ *Фревахъ* и *Фревахенинъ*. Отъ этой пары произошло пятнадцать паръ, сдѣлавшихся родоначальниками всѣхъ народовъ земли, заселившихъ семь ея областей: аравитовъ, персовъ, асприйцевъ, жителей Турана, Синда; амазонокъ страны Салемской; одиоглазыхъ, одиухихъ, одионогихъ и крылатыхъ обитателей пустыни и людей кошатыхъ съ хвостами (обезьянъ).

Физиологическія подробности, въ которыхъ вдается послѣ этого

(1) Эпоха похода созвѣздія «Большаго пса» (канникузы) крайній предѣлъ дѣятельности воспроизводительныхъ силъ природы — земли и животныхъ. Каждое сказаніе персидской мифологіи тѣсно связано съ астрономіей и метеорологіей.

книга бытописания, на столько же неблагоприятны на сколько лживы, хотя той же самой эмбриологической теорией следовала и *ученая* Европа до конца XVI столетия. Нельзя оставить однако же без внимания следующие слова бытописца: „Тѣло, образовавшееся во чревъ женщины, служитъ впоследствии жилищемъ для души исходящей съ неба. Душа руководитъ всѣми дѣяніями тѣла человеческого пока оно живо; умирая же *тѣло обрабатывается въ землю, а душа возвращается на небо.*“ Въ природѣ *мужскими* производительными силами можно назвать: небо, металлы, воздухъ, огонь, *женскими* — воду, землю, деревья, луну.

Огней пять разрядовъ: 1) *Березеднигъ*, небесный огонь боговъ и царей (молній); 2) *Возфрейнигъ*, огонь или теплота живыхъ существъ; 3) *Ороуазенигъ*, жизненная теплота въ деревьяхъ; 4) *Вазенигъ*, горный огонь изъ горы Саломегера (одинъ изъ volcanovъ Иракъ-аджеми) 5) *Согененигъ*, земной огонь исключительно разводимый на людскую потребу.

Изъ растений и животныхъ, созданныхъ благимъ Ормуздомъ, слѣдуетъ упомянуть о деревѣ *Гогардъ*, обь оселъ живущемъ въ морѣ-окіанѣ (заре Феракъ-кандъ), о морскомъ быкѣ; о птицахъ: *Чамрошъ*, *Коресифатъ*, *Адасаженигъ* и орлѣ. Дерево Гогардъ, росшее сначала въ ущельи горы на морѣ на окіанѣ, воскресить блаженныхъ въ день послѣдній. Ариманъ желая уничтожить это дерево создалъ жабу, а Ормуздъ для защиты его десять рыбъ: безпрестанно плывающая вокругъ дерева онѣ отгоняютъ жабу. Отъ одной изъ нихъ, рыбы *Араза*, произошло пятьдесятъ породъ. У осла, живущаго въ морѣ-окіанѣ, три ноги, шесть глазъ, девять ртовъ, одинъ рогъ, тѣло блѣое. Онъ слѣдитъ за людьми не исполняющими закона и, въ случаѣ содѣяннаго ими дурнаго дѣла, лигастъ ихъ. На каждомъ кошкѣ у него могутъ умѣститься стада и тысячи всадниковъ. Опуская уши свои въ воды моря окіана, оселъ его считашетъ; отъ крика его беременѣютъ всѣ самки животныхъ чистыхъ; отъ крика же харфестеровъ (гадовъ) выкидываютъ недонесковъ. Рыбы и водныя животныя беременѣютъ точно также при крикѣ морскаго сына. Живущая на вершинѣ горы Альборджа птица Чамрошъ каждые три года облетаетъ города, раскидывая по

нимъ ~~посты~~ общаго согласія и благоденствія. Говорящая птица Коресифатъ научила закону Ормузда жителей *Варджемарда* (области, выходящейся между Иракъ аджеми и Систавомъ). Птица Азсозеншъ крикомъ своимъ прогоняетъ демоновъ, съѣдая трупы, сбегаетъ ихъ отъ нападеній харфестеровъ... Орелъ, созданный Ормуздомъ, распластаетъ крылья оконечностями ихъ касаясь востока и запада.

Каждое чистое животное враждебно нечистому, созданному Ариманомъ. Бѣлый соколъ (*базе*) истребляетъ ужей, дятель — саранчу, коршунъ — шадръ, горный орелъ (*серахсарестеръ*) — змѣй, собака — волкомъ, куница — ящерицъ, муравьи (*песакъ*) и ежъ (*зеозека*) убиваютъ муравьевъ, послѣдній — своею уриною. Пѣтухъ (*халика*) врагъ ѣсовъ и чародѣевъ, разгоняющій ихъ своимъ крикомъ; онъ и собака — хранители человека отъ всякаго зла, заслуживающіе съ его стороны самыхъ нѣжныхъ попеченій.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Четырнадцать разрядовъ водъ. — *Голубиная книга.* — *Сравненіе русскаго зноса съ восточнымъ.* — *Русское суевіріе и ея источники.* — *Глѣбистуюющіе зепри и растения.* — *Ботаническая система.* — *Цѣлныя, посвященныя изедамъ.* — *Грядущая участь вселенной.* — *Кончина міра.* — *Воскресеніе мертвыхъ.* — *Рай и Адъ.* — *Комета.* — *Огненная рыба.* — *Безсмертіе.* — *Судъ надъ грѣшниками.* — *Обновленіе земли.* — *Прощеніе Аримани.* — *Всёобщее блаженство.* — *Родословіе.* — *Литосиленіе.* — *Дипастія* — *Несидадіаловъ.* — *Кайомортъ.* — *Бытовъ съ дивами.* — *Гусеница.* — *Джемишидъ.* — *Дѣленіе на касты.* — *Привосудіе.*

Всѣ воды и влаги, созданныя Ормуздомъ, раздѣляются на четырнадцать разрядовъ: 1) вода древесная (роса), 2) горная, 3) дождевая, 4) колодезная, 5) животныя плодотворная влага (сперма),

6) потъ лицевой, 7) потъ тѣлесный, 8) моча, 9) слюна, 10) жидкій животный жиръ, 11) желчь (*хейс*: chylus), 12) древесный сокъ — 13) молоко (*). Есть крохъ того чудесные ключи и источникники (*варъ*) дающие здоровье, плодородіе женщинамъ, богатство и т. д. (*).

Въ сборникѣ нашихъ народныхъ раскодій, называемомъ *Голубиною книгою* царя Давыда Евсеевича, въ числѣ многого множества курьезовъ находятся вопросы, задаваемые царю народомъ и его отвѣты: *отчего* и *оттого*... между прочими: какая гора всѣмъ горамъ мать? Какое море всѣмъ морямъ море? Какая трава всѣмъ травамъ? и т. д. Царь вычитываетъ отвѣты изъ таинственной Голубиной книги, написанной, по словамъ сказочниковъ-идіотовъ, „*Исусомъ Христомъ* (!!), *читанной Исаіею пророкомъ*“.

Помимо того, что это чадо народной поэзіи плодъ пелѣвѣйшей помѣси язычества съ извращенными понятіями о христіанствѣ — его можно назвать вольнымъ переводомъ Зороастровой Зенд-Авесты, да и царь Давыдъ Евсеевичъ напоминаетъ нѣсколько Даріи Гистаспа. Въ книгѣ Бун-Дехешъ мы находимъ точно такой же длинный перечень (только не изъ форкъ вопросовъ и отвѣтовъ) горъ, звѣрей, гастевій и т. д., который всѣмъ горамъ горы, всѣмъ звѣрямъ звѣри и т. д... Въ смиренномъ сознаніи нашего ничтожества, не осмѣливаясь выравнять опасеній навзлечь на себя со стороны фанатиковъ славянщины за эти предположенія тѣ же упреки, которыми они осмѣяли недавно одного правдиваго и даровитаго изслѣдователя старины (*) за то, что онъ дерзнулъ противопоставлять индускій эпосъ нашему народному, очевидно доказывая, что герои нашихъ сказокъ скопированы съ богатейшей древней Индіи.

(1) Ни кровь, ни слезы — почему-то не удостоились войти въ этотъ списокъ... Или Зороастръ считалъ ихъ произведеніями Аримана, такъ какъ персы особенно любили проливать одну и заставлять ближнихъ — проливать другія.

(2) Минеральная вода.

(3) Надѣмся, просвѣщенный читатель догадается, что мы говоримъ о превосходномъ трудѣ г. Стасова.

Бун-Дехешъ, начало которой писано Зороастромъ, жившимъ за 500 слишкомъ лѣтъ до Р. Х., была допоянана и распространена, по крайней мѣрѣ, за тысячу лѣтъ до начала Руси... При всемъ нашемъ благоговѣніи къ самобытному творчеству народоу нашей повли мы не простираемъ однако же этого благоговѣнія до того, чтобы обвинять компиляторовъ книги Бун-Дехешъ въ заимствованіяхъ изъ *нашей* знаменитой Голубиной книги: цифры краспорѣчивыя и убѣдительныя словъ. Древніе наши раскоды, всѣ эти калѣки переходящія, странички, гудошники, южно-русскіе кобзари и т. н. „брали свое добро тамъ, гдѣ его находили“ безъ всякаго стѣсненія. по простотѣ души наряжая героев восточныхъ мѣлологій въ родимую сериугу. Полудинкому народу нашему было мало заимствовать у язычества разныя примѣты и повѣрья: онъ заимствовалъ у него сказки и легенды... Тѣ и другія, *переданные* въ устахъ народныхъ на наши нравы, весьма много способствовали извращенію религіозныхъ народныхъ понятій, низводя христіанство на степень язычества и порождая въ послѣдствіи секты да расколы одни другихъ пелѣвѣ. Напрасно слѣдые защитники старины такъ синеходительно смотрять на древніе наши сказки, называя ихъ владычскимихъ ласетомъ первобытной поэзіи (*) народа — владынца; напрасно! Какъ первыя сказки, слышанныя ребенкомъ въ дѣтствѣ, вліяють на умственное его развитіе, такъ точно сказки народныя не могутъ не вліять на его понятія и позднѣйшія убѣжденія. Язычество, изгнанное изъ Россіи святымъ Владиміромъ, возвратилось въ нее въ послѣдствіи подъ личиною страничка, благочестиваго старца-разсказчика, либо скomorоха сказочника — и на первый же случай начало свою пропаганду пелѣвѣйшими сказками о крестителяхъ Руси и богатыряхъ, его сподвижникахъ; затѣмъ пригрѣтое и радушно принятое въ избѣ мужика, стало его вѣковѣчнымъ собесѣдникомъ... Было ли на

(1) О Голубиной книгѣ любопытствующіе могутъ найти довольно обстоятельныя свѣдѣнія въ статьѣ г. Соловьева: Русскія пѣсни, напечатанной въ журналѣ „Всемирный Трудъ“ 1867 г. (Октябрь, статья четвертая, стр. 223—226).

святой Руси хоть одно историческое событие; был ли хоть один великий деятель (даже не в весьма отдаленном прошлом), о котором русское язычество — спиходительно называемое *сусем-рисл* — не спило бы своих сказок, не присоединило къ правдивым сказаньям истории своих нелѣпых прибауток?... Прислунайтесь къ нашимъ народнымъ преданьямъ о нашествіи татаръ, о святыхъ мученикахъ князьяхъ, Дмитріи Донскомъ, Грозномъ, Самозванцѣ, польскомъ погромѣ... наконецъ о Петрѣ великомъ, о французскомъ нашествіи! А сказки и неблизки слагаемыя сусем-рисл о святыхъ, какъ напримѣръ объ Ильѣ-Муромцѣ; или о великихъ личностяхъ нашихъ святителей, митрополитахъ московскихъ: святомъ Алексѣѣ, воспретившемъ будто бы сорокамъ гнѣздиться въ Москвѣ, или Филиппѣ митрополитѣ, Зосимѣ повгородскомъ. Василіи блаженномъ?... Нѣтъ, родимый народъ, бери ты для своихъ сказокъ *Бову-королевича* да царя *Додога* съ *Давидомъ Евсевиемъ* цѣлѣтаи своего воображенія (возраженными на языческой почвѣ) гробницъ нашихъ Святителей и великихъ людей.

Не желая утомлять читателей, мы не переводимъ ему изъ персидской Голубиной книги, т. е. Бун-Дехеша, длиннаго перечня произведеній царствъ природы главенствующихъ надъ прочими, ограничимся тѣмъ, что звѣри *блвой* масти всѣмъ звѣрямъ звѣри, гора *Арпазига* — всѣмъ горамъ гора; за ними по старшинству слѣдуютъ: дерева *Холг* (акомъ греческихъ ботаниковъ), *дарлене* (чернобыльникъ, *Artemisia* L.), *накеди* (просо: *panicum miliaceum* L.), миртъ, финикъ... Изъ одѣвий людскихъ, священный поясъ *кости* (!) всѣмъ одеждамъ одежа и проч. Повѣствуя о деревьяхъ, авторы книги Бун-Дехешъ говорятъ, что сначала древесные стволы были гладкіе и не было кустарниковъ, покрытыхъ иглами: жесткая кора деревьямъ, иглы кустарникамъ даны были для защиты ихъ отъ нападеній динонъ и злыхъ *пар*.

Растеній земли распределены систематически на съedomыя, ма-

слистныя, красильныя, пахучія и т. д. Въ этомъ случаѣ персидскіе догматики опередили ученую Европу: почти той же ботанической системы придерживались почти всѣ ученые до времени *Чезальпини*. Распредѣливъ растенія по породамъ, персидская книга бытошнскія перечисляетъ тѣ изъ нихъ, которыми посвящены изедамъ небеснымъ, покровителямъ мѣсяцевъ, дней и созвѣздіи. Приводимъ этотъ списокъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ онъ находится въ подлинникѣ: лилія посвящена Бахвану, жасминъ Ормузду, майоранъ Ардибехшту, базиликъ Шахриверу, цвѣтъ пвы Сапондамаду, красный макъ Адеру, бѣлый кумишникъ (*Nymphaea alba* L.) Абаву, плакучъ трава (!) (*Teucrium maritimum* L.) солнцу, фіалка Тасиеру, виноградъ Госпу, первые весенніе цвѣты, лѣтніе плоды и овоцы Миорѣ, жеруха (*lepidium sativum* L.) Серошу, шиповникъ Гаспе, пѣтушій гребешокъ (*celastia cristata*) Фервардину, богородицына трава (*thymus serpyllum*) Бехрану, мята Асману, шафранъ Зеліаду и мн. др.

Первые люди Мешіи и Месшіане, рожденные изъ персти земной, питались водою (подобно деревьямъ), потомъ плодами, молокомъ и наконецъ мясомъ теплокровныхъ животныхъ; люди *последніе* — отъ мясной пищи постепенно перейдутъ къ молочной, растительной и окончатъ водою. Въ послѣднее тысячелѣтіе міра силы природы замѣтно убудутъ и ослабѣютъ; люди будутъ молиться Ормузду однажды въ три сутки. При появленіи на землѣ третьяго и послѣдняго сына Зороастра, *Созіосна*, который принесетъ людямъ послѣднюю часть Авесты, послѣднее ея слово — они уже не будутъ вкушать никакой пищи, но смертію оттого не умрутъ. Созіоснъ воскреситъ мертвыхъ... „Возможно ли воскресеніе успшихъ тѣлъ? спрашиваетъ Зороастръ Ормузда (?) и получаетъ въ отвѣтъ: я, создавшій твердь, наполненную звѣздами, сотворившій солнце, луну, планеты, землю съ ея произрастеніями и воды; я, вдохнувшій огонь

(1) Плакучъ трава, всѣмъ травамъ трава — поетъ и наша русская Голубиная книга, будто эхо рена персидскаго осла на морѣ на олимп!

(2) Здѣсь въ книгѣ Бун-Дехешъ текстъ опять излагается въ видѣ діалога Зороастра съ Ормуздомъ.

(1) Кости не родительный падежъ слова: кость, а собственное zendское имя священнаго пояса.

жизни въ животныхъ и человѣка—я воскресну его. Душа возвращается въ тѣло вновь созданное: изъ земли вырастетъ остовъ и одѣнется тѣломъ, жилами, мускулами; плъ поды явится крови и подобно древнему соку разольется по тѣлу; огонь дастъ этому тѣлу жизнь, а воздухъ—дыханіе! Всѣхъ прежде воскресенъ первозданный Кайомортъ, за нимъ—Месіія и Месііане, потомъ всѣ ихъ потомки, и весь актъ воскресенія усопшихъ совершится въ пятнадцать семь лѣтъ. Спачла появятся на землѣ души усопшихъ, а послѣ уже новыя тѣла; одна частица солнца оживитъ Кайоморта, прочія частицы оживятъ всѣхъ остальныхъ людей. Воскресшіе узнаютъ другъ друга: сынъ отца, брать брата, сестра сестру и при этомъ каждый увидитъ всѣ дѣла свои, добрыя и злыя. Грѣшники между праведными будутъ какъ черныя животныя въ стадѣ бѣлыхъ; *дараванды* (грѣшники) скажутъ тогда праведникамъ: зачѣмъ не учили вы насъ добру? зачѣмъ мы не слушали васъ?.. И будутъ праведники отдѣлены отъ грѣшниковъ; и пойдутъ первые въ *Горотланъ* (рай), втория въ *Дузахъ* (адъ); одни будутъ блаженствовать, другіе мучиться—три дня и три ночи... Затѣмъ послѣдуетъ разлука: тогда праведники воссладутъ о грѣшникахъ, грѣшники же сами о себѣ. Будетъ такъ потому, что въ день воскресенія у чистаго отца окажется сынъ нечистый; плъ двухъ сестеръ одна будетъ праведница, другая грѣшница. Тѣ и другіе, грѣшники и праведники, получать по дѣламъ своимъ. Гонители закона будутъ наказаны смертію (*марорзанъ*), а равно и рокопальщики стыда, такъ какъ *стыдъ*—*сынъ грѣха* (*). Помощниками Созіоспа въ обновленіи міра будутъ пятнадцать чистыхъ мужей и столько же чистыхъ женъ.

Когда *Гурзисеръ* (комета) съ луннаго неба опустится на землю, послѣднія заневожатъ и омертвѣютъ, подобно овцѣ, изнемогающей отъ ужаса при появленіи волка. Плани Гурзисера распахнутъ камнями горы великихъ и малыхъ, а также и металлы, находящіеся въ ихъ пѣдрахъ: образуется тогда огненная рѣка, которая потечетъ по землѣ, очищая ее отъ зла и беззаконія! Не минуешь этой рѣки

ни праведники, ни грѣшники; но для первыхъ колющій металлъ будетъ какъ парное молоко... Сгоритъ въ этой рѣкѣ и врагъ людей, источникъ всѣхъ золъ—*злий* Аримана. По очищеніи весь родъ человѣческій соединится, чтобы подобно одному человѣку восписать молитву (*самасиасъ*) Ормузду и шести Амшаспандамъ (*). Первый перестанетъ творить и созидать, но и воскресіе людей не будутъ работать, а единственно славословить Ормузда. Созіоспъ и быкъ *Гедейавенъ* напоютъ новыхъ людей сокомъ Хома, дерева жизни, и будутъ люди безсмертны. Для окончательнаго образованія новаго тѣла взрослого человѣка достаточно будетъ сорока лѣтъ; для тѣла младенца—пятнадцати. Безплодные супруги, по воскресеніи, будутъ имѣть дѣтей; холостые переженятся. Вставъ на вершину горы, по указанію Ормузда, Созіоспъ будетъ судить людей и каждому опредѣлитъ его мѣсто. Явятся на этотъ судъ чистые души и нечистые; Амшаспонды, изеди; дивы и парі; явятся и Ариманъ и правда встанетъ на очную ставку съ ложью. Духъ зла и развратитель людей, возвратится на преобразованную и очищенную землю, но некого будетъ ему развращать, не чему будетъ вредить... Наконецъ и онъ сознаетъ святость Ормузда, преклонится *кості*, а за нимъ всѣ нечистые, съ той минуты обратившіеся въ чистыхъ. Творческія силы обновленной земли будутъ неистощимы, самая поверхность ея измѣнится: исчезнутъ горы и пропасти, на мѣстѣ ихъ будутъ только плодоносныя равнины... Возарится блаженство на землѣ и въ небесахъ!..

Этихъ общапіемъ авиастіи, не только грѣшникамъ, но даже и самому злуту оковывается, будто гармоническимъ акордомъ, книга Вун-Дехешт. Слѣдующія загѣтъ *родословіе* и *лимосчисленіе*, очевидно, прибавлены къ ней въ позднѣйшее время. Родословіе царей и праотцевъ, потомковъ людей первозданныхъ, состоитъ изъ длиннаго перечня именъ мужскихъ и женскихъ, съ мопотопнымъ прищипомъ: „родились отъ такого-то, а у этого родился такой-то,“ что очень напоминаетъ стихи изъ одной старинной комедіи (†).

(*) Амшаспандами называются первые шесть изедовъ или свѣтлыхъ духовъ.

(†) Гесорунъ, Н. И. Хмѣльницкаго.

(*) Счастливое и чрезвычайное мѣтное выраженіе.

Федотъ родилъ Оому, Оома родилъ Ивана,
Иванъ родилъ Кузума, Кузума родилъ Демьяна,
Демьянъ.... у этого родился сынъ Борисъ,
У этого Егоръ, у этого Денисъ!...

Что же касается до лѣтосчисления, то изъ него узнаемъ, что предѣлы бытія міра положены въ *двенадцать тысячъ лѣтъ*. Въ теченіе *первыхъ* трехъ тысячелѣтій, Ормуздомъ были созданы духи, твердь, свѣтила и созвѣздія; въ теченіе *вторыхъ* — Кайомортеъ и быкъ, въ теченіе *третьихъ*: растенія, животныя и люди. Наше время — пограничный рубежъ между *третьими* и *четвертыми* трехтысячелѣтій. Династія первыхъ влѣстителей земли, *Песидадіановъ*, въ лицѣ девяти *Джеклимидовъ* (патріарховъ) царствовала 2421 годъ, семь мѣсяцевъ и нѣскольکو дней. Цифра не заслуживающая, разумеется, ни малѣйшаго до- вѣрія.

Баснословныя преданія о династіяхъ *Песидадіановъ* и *Кай- клиновъ*, какъ мы уже говорили, служатъ какъ бы продолженіемъ кимги Буи-Дехешъ. Рѣшавше передать ихъ читателямъ по двумъ причинамъ: во первыхъ, для полнаго его ознакомленія съ религіоз- ной исторіей древней Персіи, во вторыхъ — съ характеромъ народ- наго эпоса этой великой страны. Нѣкоторыя черты характера и подвиги баснословныхъ героев напоминаютъ нашихъ сказочныхъ богатырей да витязей и иослужаютъ подтвержденіемъ, той истинѣ, что *русская* сказка заимела на Русь съ востока.

Первый царь Персіи, родоначальникъ Песидадіановъ, былъ никто иной какъ *Кайомортеъ* (сынъ персти), первоизданный че- ловѣкъ. Жилъ онъ тысячу лѣтъ, а царствовалъ тридцать. Жилъ онъ единенно въ горныхъ ущельяхъ, почему и заслужилъ отъ подвластныхъ ему народовъ прозвище *горнаго царя* (Гер-шаха). Красавецъ собою, онъ былъ роста необыкновеннаго и при взглядѣ на него люди чувствовали ужасъ и благоговѣніе. Всего прежде онъ заботился просвѣщеніемъ собственной семьи, потому научилъ, народовъ своихъ полезнымъ искусствамъ и наукамъ; въ числѣ первыхъ были земледѣліе и ткацкое мастерство, въ числѣ вторыхъ правовѣденіе.

Злые ~~дѣла~~ дѣла, негодуя на царя за его полезныя труды, объявили ему войну и въ одной изъ битвъ убили его сына *Сіамека*. Мстя за него, Кайомортеъ къ войскамъ своимъ присоединилъ цѣ- лая стада львовъ, тигровъ, пантеръ и другихъ хищныхъ звѣрей, которые растерзали дивовъ. Побѣдивъ, такимъ образомъ, враговъ своихъ, Кайомортеъ удалился въ престольный свой городъ Балсъ, гдѣ и умеръ, завѣщая корону царекую внуку своему *Гусшенку*, сыну Сіамека. Подобно бѣду своему, заботясь о благѣ людей, Гус- шенкъ продолжалъ великое дѣло ихъ образованія. Онъ научилъ подданныхъ своихъ мастерствамъ плотничному и кузнечному, кромѣ рудниковъ желѣза открывъ въ землѣ золото, серебро, бирюзу и многіе другіе камни и металлы; сверхъ того, Гусшенкъ первый добылъ огонь посредствомъ удара кремнемъ о желѣзо и дресиро- вать охотничьихъ собакъ. При его преемникѣ *Тахмурасѣ*, дивы снова начали тревожить людей и принудили царя воевать съ ними. За подвиги свои въ этихъ войнахъ, Тахмурасъ заслужилъ прозви- ще *Дивбенда*, т. е. побѣдителя злыхъ духовъ. Сидвижнелъ его, *Шираснъ*, свѣдущій во всякихъ тайныхъ знаніяхъ и чародѣй- ствахъ, мстрѣлялъ дивовъ заклинаніями и мапускаемыми на нихъ порчами. Нѣкоторые изъ нихъ, взятые въ плѣнъ, сообщили Тах- мурасу многія свои тайны и въ числѣ ихъ искусство *читать* и *писать*. Кромѣ грамоты, съ которою царь ознакомилъ своихъ подданныхъ, онъ научилъ ихъ верховой ѣздѣ, прирученію полез- ныхъ животныхъ, дресировкѣ ягуаровъ для охоты (*Felis onca* L.) и размноженію лошаковъ посредствомъ случки ословъ съ кобы- лами.

Всѣ эти три царя владѣли Персіею въ общей сложности девя- носто лѣтъ, по тридцати — каждый. Сынъ Тахмураса *Джеклимидъ* переищеголялъ ихъ всѣхъ, такъ какъ царствовалъ *семисотъ лѣтъ*!.. Онъ основалъ городовъ Персепольскъ, устроилъ первые оружейные заводы, *ситцевыя фабрики* (*), красильни; заставилъ дивовъ построить бани и добывать жемчугъ со дна моря...

(*) Выдѣлка и окраска хлопчато-бумажныхъ тканей начало свое по- лучила въ Персіи (ситцы у французовъ называются toiles perses, persien- nes); — тканей шелковыхъ въ Китаѣ, киси въ Индіи.

этому послѣднему, волшебному искусству люди научились отъ бѣсовъ; кромѣ того, Джемшидъ напелъ секретъ составлять воды изъ пахучихъ цвѣтовъ и ароматическія масти изъ мускусу, амбры и ванили. По призыву царей индійскихъ, Джемшидъ раздѣлялъ свой народъ на *четыре касты*: 1) жрецовъ, 2) воиновъ, 3) пахарей, 4) ремесленниковъ; онъ же установилъ всащенныи праздникъ весны *Нурузъ*. Разъ въ мѣсяцъ, въ подданные царя пѣли право подавать ему прошенія, на которые онъ немедленно клалъ свои справедливыя резолюціи. Семь лѣтъ его царствованія, были золотыми лѣтами для всего свѣта: не слышно было жалобъ на несправедливость, на притѣсненія; блаженствуя подъ скипетромъ Джемшида, народъ возвышалъ голосъ свой единственно для благодареній и похвалъ мудрому царю.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Обоимъ Джемшида Ариманомъ. — Идолюпоклонство. — Дюгакъ. — Столкновение двухъ оокринговъ. — Аллегорическій смыслъ сказаній. — Смерженіе Джемшида. — Злодѣйство Дюгакъ. — Сынъ Кибела. — Афридуна. — Кожаное знамя. — Туръ, Саламъ, Иради. — Удиль. — Убіеніе Ириди. — Молитва Афридуна. — Миночезръ. — Миженіе. — Саламъ. — Войны съ туранцами. — Чудесная стрѣла. — Наставленіе Миночезра народу. — Рожденіе Зала. — Рудабъ. — Отрывки изъ книги Шах-нама: страданія Рудабъ. — Салмуръ птица. — Ея наставленія Залу.

Въ послѣдній годъ царствованія Джемшида, въ окно его дворца влетѣлъ *Ариманъ* въ видѣ снѣглаго духа и обратился къ нему съ такой рѣчью: „Слушай совѣтовъ моихъ; нарочно для ихъ поданія тебѣ я свистнулъ съ неба. Знай, во вторыхъ, что ты не чело-
вѣкъ! Люди хвораютъ, испытываютъ, кромѣ тѣлесныхъ недуговъ, душевныя скорби: тебѣ же ни тѣхъ, ни другія невѣдомы; отъ тѣхъ

и другихъ ты избавленъ, именно потому, что ты не чело-
вѣкъ, а богъ. Знай, во вторыхъ, что прежде ты жилъ на небесахъ: солнце, луна и звѣзды тебѣ повиновались... Ты явился на землѣ для того только, чтобы дать людямъ правые законы, а потомъ снова возвратиться на небеса. Знай, въ третьихъ, что до нынѣ ни одинъ чело-
вѣкъ не могъ видѣть меча — не искусивъ смертію моего лица: вѣрилъ, — ты же остаешься и цѣлъ и невредимъ! Объяви людямъ все, что узналъ отъ меня, прикажи имъ подавать себѣ божескія по-
чести, а ослушниковъ свергай въ огонь!“

Злой духъ исчезъ; Джемшидъ послѣдовалъ гибельнымъ его со-
вѣтамъ и много людей погубилъ въ пламени костровъ за то, что не хотѣли поклоняться царю, какъ богу. Пять посланиковъ, вози-
въ съ собою царскій кувшину, раздѣляли по всему свѣту, возвѣщая
людямъ: „вотъ изображеніе бога вашего, поклоняйтесь ему, иначе
будете свергнуты въ огонь!“ Много было пострадавшихъ, но еще
болѣе послѣднихъ было людей, изъ страха смерти сдѣлавшихся идо-
лопоклонниками. *Дюгакъ*, царь арабскій, слыдавъ обо всѣхъ
этнхъ беззаконіяхъ Джемшида, по внушенію неба вторгся въ Пер-
сію для наказанія ея царя. Джемшидъ, убѣгая отъ Дюгака изъ
области въ область, считался по Индіи и Кашгору... Наконецъ по-
манный противникомъ своимъ въ области *Дававендъ*, былъ рас-
пленъ на досѣ по приказанію Дюгака. Сначала пролитый Ор-
муздовъ, Джемшидъ въ послѣдствіи былъ прощенъ имъ по ходатай-
ству Зороастра.

Аллегорическій смыслъ басни понятенъ: лѣсть и рабство наро-
да доброду и справедливому царю разнели въ немъ непохвѣную
гордость, которая довела его до сумасшедшей мысли возведенія себя
на степень божества. Религія сабизма въ дальнѣйшемъ своемъ раз-
витіи всегда переходила въ одно изъ двухъ: или въ *деизмъ*, т. е.
поклоненіе божеству, или въ *антропоморфизмъ*, т. е. богот-
вореніе чело-
вѣка, грубѣйшее идолопоклонство. Олицетвореніе идеи деизма, Дюгакъ, преслѣдовалъ Джемшида — олицетворяющаго въ
свою очередь идею язычества; борьба ихъ окончилась казнью по-
слѣдняго и какою именно казнью? Расплененіемъ пополамъ: довольно
понятный намекъ на то, что изъ водворившагося язычества въ
Персію образовались двѣ секты.

Победитель Джемшида Дгогакъ царствовалъ *тысячу лѣтъ*... Другими словами: вновь водворившаяся религія тысячу лѣтъ владычествовала въ Персіи. Лѣтоисчисленія противорѣчаютъ другъ другу въ сказаніяхъ и протекшеніи Дгогака: одни говорятъ, что онъ былъ родомъ изъ Аравіи, другіе изъ Сиріи, третьи изъ Вавилона. Вслѣдствіе этого разнорѣчія и нельзя опредѣлять съ точностію откуда новая религія персѣвъ была заимствована. По прозвищу Дгогака *Бейурасиз* (10.000 коней) можно предполагать, что приношеніе въ жертву божеству этихъ животныхъ, было однимъ изъ основныхъ ея обрядовъ. Но счастлива-ли была Персія, смѣнявъ прежнее язычество на новую доктрину? Нѣтъ, потому что Дгогакъ (т. е. новая религія) былъ царь злой и кровожадный, вредилъ людямъ своими чарамъ, казнилъ безвинно, изобрѣталъ лютейшія истязанія, и вслѣдствіе этого, былъ ненавистенъ всѣмъ своимъ подданнымъ. Помимо вреднаго вліянія на законодательство, новая религія губительно вліяла на умы людей, возбуждая имъ въ грѣхъ малѣйшую попытку къ свободномыслію... но мысль цѣлѣмъ не окуешь, ума-разума въ темноту не заточишь: люди сбросили оскотиническое иго и невинная религія исчезла!.. Таковъ смыслъ извѣстныхъ аллегорическихъ сказаній о послѣднихъ годахъ царствованія Дгогака.

На плечахъ у него были два нароста, видошъ похожіе на змѣинія головы, и царь тщательно скрывать это безобразіе. За двѣсти лѣтъ до его гибели, наросты эти обратились въ болячки, не дававшія Дгогаку покоя ни днемъ, ни ночью. Разъ, задремавъ послѣ долгой безсонницы, онъ видѣлъ во снѣ старика, совѣтовавшаго ему для излеченія прикладывать къ раждамъ *человѣчьи мозги* (просимъ читателя особенно замѣтить это). Царь по пробужденіи послѣдовалъ этому совѣту и съ того же дня сталъ прикладывать къ болячкамъ мозги двухъ узниковъ, нарочно для этого ежедневно убиваемыхъ. Когда опустѣли тюрьмы, Дгогакъ обложилъ подданныхъ своихъ податю — въ дѣйствіи живяныя человѣческія головы, которыя, каждый день, персы обязаны были доставлять ему во дворецъ. Въ число жертвъ попали двое сыновей кузнеца *Кавеха*, двое юношей дивной красоты и съ прекраснѣйшими душевными качествами. Вѣсть о гибели ихъ застала Кавеха за работой у наков-

валии: обезумѣвъ отъ горя кузнецъ, какъ былъ, въ кожаномъ своемъ передникѣ, бросился бѣжать по городскимъ улицамъ, испуская отчаянные вопли и призывая жителей Исфагана къ отищенію. Бунтъ вспыхнулъ въ городѣ и испаній во главѣ мятежниковъ Кавехъ въѣхъ знамена *модондъ* прикрѣпленный къ древку кожаный свой передникъ. Большинство войска состояло изъ бродягъ и монашниковъ (*), отчаянныхъ головорѣзовъ; они устремились на дворецъ, умертвили царскаго наѣстника, разграбили казну и арсеналъ. Послѣднее дало возможность бунтовщикамъ дѣйствовать рѣшительно. Въ числѣ 100.000 человекъ они осадили Дававендъ, резиденцію Дгогака, и, стоя подъ стѣнами города, избрали себѣ въ цари Кавеха, но кузнецъ отказался отъ этой чести, указавъ на роду на князя изъ рода прежнихъ царей *Афридуна* или *Феридуна*; самъ же довольствовался только званіемъ военачальника. Дгогакъ сразился съ отрядами мятежниковъ, но былъ разбитъ, взявъ въ плѣнъ и казненъ по повелѣнію новаго царя.

Афридунъ, сынъ Абтиновъ, изъ колѣна Тахмураса, до восшествія своего на престолъ укрывался отъ гонимій Дгогака, казнившаго земледѣльца, дававшаго пріютъ изгнаннику и кормившаго его молокомъ своихъ коровъ, *Нурмавъ*. Въ память послѣдней, Афридунъ на войнѣ постоянно былъ вооруженъ булавою *Гурд-и-узиръ*, съ наконецникомъ въ видѣ коровей головы. Онъ воцарился шестнадцати лѣтъ; Кавеха назначилъ правителемъ Исфагана и наѣстникомъ Ирана. По смерти героя-кузнеца, Афридунъ выпросилъ у семейства его кожаный передникъ покойнаго и употребилъ его въѣхъ знамени во всѣхъ своихъ сраженіяхъ. Имѣлъ-ли видъ этого кожаного доскута могучее вліяніе на духъ воиновъ, или въ немъ заключалась таинственная, побѣдоносная сила, но какъ бы то ни было, съ этого знаменемъ въ рукахъ Афридунъ постоянно торжествовалъ надъ непріятелями. Отличаясь мудростію и правосудіемъ, Афридунъ прилежно занимался науками, особенно медициною (онъ былъ ея основателемъ въ Персіи) и астрономіей: имъ были состав-

(*) То есть первыми приверженцами новаго ученія были самые презрѣнные классы народа.

плени *харезмийских таблин*. Онъ же первый изъ царей персидскихъ ввести въ употребленіе перховую бзгу на словахъ.

Отъ первой своей жены, дочери Дюкака, царя ихъ двухъ сыновей: *Тура* и *Салма*; отъ второй, знатной персіянки — сына *Иради*, бывшаго его любимежъ и обожаемаго народомъ. Между этими тремя сыновьями онъ еще при жизни раздѣлить все свое царство на удѣлы: старшему Туру достались Туркестанъ и Киптай; второму Салму: Малая Азія (*Румъ*), Африка (*Магреба*) и Европа (*Фрикисіана*); младшій, Иради, былъ назначенъ областель Ирапа, т. е. всей страны отъ персидскаго залива до Инда. Завидя Иради, оба старшіе брата рѣшили отнять у него удѣлъ, требуя отъ отца перемѣны и угрожая ему войною въ случаѣ отказа. Огорченный отецъ просилъ ихъ оставить его въ покоѣ; Иради великодушнѣе предложилъ братьямъ отказаться отъ своего удѣла въ ихъ пользу и передалъ пачъ при этомъ посланіе отца, въ которомъ царь заклиналъ сыновей жить между собою въ добромъ согласіи... Не смотря на все это, Туръ и Салмъ, убивъ добраго Иради, отправили къ царю Афридуну набальзамированную голову его любимца. Старикъ проклялъ убійцъ и, поднеся къ небу голову Иради, молилъ Ормузда единственно о томъ, чтобы онъ далъ ему, Афридуну, дожить до того дня, когда будетъ отмщена смерть невинно убіеннаго. Какъ бы въ исполненіе этой молитвы, любимшій сынъ покойнаго Иради, *Магаферидъ*, вскорѣ родился дѣвочку, называющую *Перитисхеръ*: ликъ пери (!). Когда она выросла, Афридунъ выдалъ ее за своего племянника *Несина*. Отъ этого брака родился *Миночезръ*, ласковъ и характеромъ весь въ своего дѣда, великодушнаго красавца Иради и на этого младенца Афридунъ возложилъ все свои надежды. Воспитанная его, старокъ внушалъ ему чувства ненависти къ убійцамъ Иради, и

(*) *Пери* или *перн*, какъ уже было нами говорено выше — демоны въ иудейскомъ образѣ — поразительной, пышно чернющей красоты, но все же дечны, а не свѣтлые духи, какъ то должно понимать писателя европейскіе. Представленіе себѣ демоновъ въ видѣ красавицъ несправедливо ирреальное, неведъ въ видѣ ролаго урна съ обезьяньей рожей: пороки являются человеку всегда съ привлекательной стероной.

возросшій Миночезръ явился грознымъ мстителемъ Туру и Салму. Устрашенные, въ предвидѣніи своей гибели, злодѣи попытались — совершенно безуспѣшно — умиротворить Афридуну дарами, а царицу его раболовной дѣтью. Миночезръ пошелъ на нихъ войною и въ первой же битвѣ убилъ Тура ударомъ дротика, а Салма ударомъ меча, причеиъ разбѣкъ его понолаиъ. Возвращаясь съ битвы, побѣдитель, встрѣченный праѣдомъ, сошелъ съ коня и благоговѣнно поцѣловалъ землю, на которой стоялъ драхмій Афридунъ. Вскорѣ царь скончался, благословляя Миночезра, заищая ему во время предстоящаго царствованія слѣдовать совѣтамъ мудраго *Сама*, князя сисатскаго и говоря яжду прочими наставленіями: «смотри на каждый день своего царствованія какъ на страницу будущей своей исторіи и остерегайся, чтобы на ней не было написано ни единой строки, позорящей твою память!»

По нѣкоторымъ предположеніямъ полу-баснословный Миночезръ былъ современникомъ великаго законодателя народа израильскаго *Моисея* (1500—1460 г. до Р. X.). Съ первыхъ же дней своего воцаренія Миночезру пришлось вести войны съ туранскими царемъ *Афрасиабомъ*, отгнавшимъ у него нѣкоторые области и загнавшемъ его наконецъ въ укрѣпленный городъ Амоль въ Табуристанѣ. Десять лѣтъ длилась осада, окончившаяся приниженіемъ вслѣдствіе эпидемической болѣзни, появившейся въ лагерь осаждавшихъ. Договаривавшіеся положили условіемъ принять за пограничную черту между Тураномъ и Персіею то мѣсто, на которомъ упадетъ стрѣла, пушенная съ вершинъ горы Дмаведа. Стрѣла *Ареша*, вонна Миночезра, соскользнувъ съ лука, ватнутаго имъ изъ всѣхъ силъ, перелетѣла страны *Нисабургъ*, *Сиргасъ*, *Меру* и упала на берегу Джохуна. Восточные лѣтописцы объясняютъ этотъ необыкновенный полетъ баснею, будто бы стрѣла, пушенная Арешемъ, возилась въ лѣтвищной коршунъ, который долетъ ее до береговъ пограничной рѣки... Какъ бы то ни было, ширь былъ заключенъ и новые предѣлы Персіи расширились гораздо далѣе прежнихъ. Тридцать пять лѣтъ она наслаждалась миромъ и тишиной, подъ мудрымъ правленіемъ Миночезра. На тридцать шестой годъ сынъ умершаго царя туранскаго отнялъ у Миночезра нѣсколько областей и началъ новую войну, окончившаяся

блестящей побѣдой Миночерра надъ врагами, но еще того болѣе озабочивавшая—мудрыми рѣчами царя, которыми онъ увѣщивалъ своихъ воиновъ и народъ. Рѣчи эти, сочиненныя лѣтописцами въ позднѣйшія времена, и вѣроятно не говоренныя баснословнымъ царемъ, заслуживаютъ однако же вниманія читателей какъ отголосокъ религіозныхъ, философическихъ и политическихъ убѣжденій древнихъ персовъ.

Миночерръ, сѣдя на золотомъ тронѣ, предъ отбытіемъ на войну, говорилъ собравшимся воинамъ и народу:— „Люди, познайте, что у многого мнозества создавій земныхъ— Творецъ единый; онъ же и податель всякихъ благъ... Хвалите же Творца за всѣ его благодѣянія; размышляйте о томъ, что сотворено имъ, такъ какъ размышленіи эти просвѣщаютъ разумъ человѣка и наоборотъ—равнодушіе къ созданію Божію омрачаетъ сердце человѣческое. Теперь люди познайте, что какъ царь имѣетъ права надъ народомъ и войскомъ, такъ равно народъ и войско имѣютъ права надъ царемъ. Войска обязаны ему повиноваться и помогать въ борьбѣ его съ врагами; царь же съ своей стороны обязанъ снабжать воиновъ пищею, почетнымъ одѣяніемъ и неограниченно награждать ихъ за заслуги. Воины для царя тоже, что крылья и хвостъ для птицы: птица, лишенная того и другого, годна только на жаркое. Народъ обязанъ царю повиноваться и исправно платить ему налоги и подати; царь же, въ отношеніи къ народу, обязанъ быть правосуднымъ, не обременять его налогами и никовымъ образомъ не угнетать, не требовать отъ него никакихъ услугъ свыше силъ, не довѣрять управленія народомъ людямъ неправеднымъ. На посѣвы и на всякія разумныя предпріятія, царь обязанъ давать народу заимообразно зерна и деньги изъ собственной казны. Въ случаѣ неурожаа, вслѣдствіе губительнаго вліянія звѣздъ, царь обязанъ обязующую область на два года избавить отъ податей—за тѣмъ, чтобы жители, совравшившіе съ силами, могли употребить эти деньги на улучшеніе своего быта.

„Познайте, люди, что царю необходимо обладать тремя качествами: прямоушіемъ (онъ никогда не долженъ лгать), щедростію (царь не долженъ быть скупъ) и кротостію (онъ не долженъ забывать, что отъ минуты гнѣва могутъ зависѣть сотни жизней его поддан-

ныхъ). Злой царь озлобляетъ свой народъ, а это озлобленіе размножаетъ внутреннихъ враговъ. На казну свою царь обязанъ смотрѣть какъ на достояніе народное и употреблять ее не иначе, какъ на предпріятія производительныя; драгоценныя камни, верховныя лошади и ручное оружіе—могутъ быть царскою собственностью потому, что народу ни на что не пригодны... Всего же прочая царь не долженъ литья своихъ подданныхъ; онъ не долженъ говорить имъ: „не ѣшьте такого-то кушанья, предоставьте его мнѣ одному; не пейте этого вина—оно мое; не употребляйте народныхъ или душистыхъ водъ, исключительно мнѣ предоставленныхъ.“

„Царь долженъ быть щедръ на милость и скупъ на наказаніе. Простить, хоти-бы и по ошибкѣ, тамъ гдѣ слѣдовало-бы наказать, несравненно лучше, нежели поступить наоборотъ: въ послѣднемъ случаѣ зло неоправимо! Привоспитъ-ли подданный жалобу царю на градоправителя, царь не долженъ смотрѣть на важность лица, а наказать его, если оно виновато, отрѣшеніемъ отъ должности или ссылкой. За убіеніе невиннаго убійцу слѣдуетъ казнить смертію, милую его въ томъ только случаѣ, если родные прощаютъ убійцу. Все сказанное вамъ, народы мои, вы въ правѣ требовать отъ меня и все будетъ исполнено. Теперь, позвольте разъяснить вамъ обязанности ваши, храбрые мои воины.

„Вамъ предстоитъ отстоять врата, спасти меня и себя самихъ. Я распоряджусь, чтобы вамъ выдали исправное оружіе, а вы, во долгу службы, храбро владѣйте имъ. Посоветуемся сообща о мѣропріятіяхъ: производительныя въ неприятельской землѣ вамъ дѣла; чѣмъ она плодороднѣе и обильнѣе, тѣмъ вамъ же лучше. Повинующагося мнѣ воина я награжу; при обвиненіи которагонибудь въ ослушаніи, удостовѣрюсь самъ въ истинѣ и, въ случаѣ клеветы, наведу дощичка. Власть держится двумя силами: справедливостію—со стороны царя, повиновеніемъ—со стороны подданнаго.

„Познайте, люди, что въ бѣдствіяхъ наилучшее дѣло терпѣніе; павшій въ битвѣ угождаетъ Богу: предайтесь же волѣ Бога высочайшаго и покоритесь судьбѣ его. Здѣшняя жизнь путешествіе, люди—странники со своими котомками, либо труженики носильщики, перетаскивающіе тяжести съ мѣста на мѣсто: собственнаго своего вѣтъ ни у единаго человѣка; всякое благо дано ему на время и

въ чертоги будущей жизни, человекъ не унесетъ никихъ сокровищъ, кромя добрыхъ дѣлъ свихъ. Богу угодныхъ.

„Вы, правители областей моихъ, познайте, что несправедливость.— зло, обращающее въ безплодную пустыню самое цвѣтущее царство. Въ справедливости все счастье народа: некитесь же о его счастьи. Въ безплодныхъ стражахъ *дѣлайте кровопусканіе рѣкамъ* (1), дайте истоки подземныхъ ключамъ; на удовлетвореніе голодающихъ берите казну мою, берите заблаговременно, не давая усиливаться голоду: народъ возвратитъ этотъ заемъ въсплѣтеньемъ—въ два, три, четыре года; но четвертая, не третья!.. Народъ, воины, правители! воскликнулъ Миночеръ въ заключеніе: —слышали вы, поняли, будете повиноваться мнѣ?— И всѣ единогласно отвѣчали: „слышали, поняли, будемъ повиноваться!“

Побѣдивъ туранцевъ, царь посвятивъ всю жизнь свою благу подданныхъ, въ чемъ не мало помогалъ ему мудрый и мужественный *Самъ*, потомки котораго играютъ немаловажную роль въ персидскихъ эпосахъ, какъ увидитъ читатель. У Сама были сыновья, родившіеся съ сѣдми волосами (2), вѣдѣніе этого знаменитый *Зиломъ*, т. е. старикость. Подозрѣвая, что поворожденный — сынъ какого нибудь дѣва, обольстившаго въ сношѣніи жену его, Самъ велѣлъ отнести Зала на вершину горы Альборджа и оставить тамъ на произволъ судьбы. Младенцевъ одинокъ же не погибъ, кормимый исполинской величины птицею *симуруломъ*, а разлѣтавшійся съ неба голосъ возвѣстилъ Саму, что сынъ его теперь подъ защитою покровителя міровъ. *Самъ* раскаялся въ своей запальчивости, Заль былъ возвращенъ ему и поселился во дворцѣ, откуда черезъ нѣсколько времени побѣжалъ въ Ситанъ. Здѣсь, охотясь черезъ нѣсколько времени побѣжалъ въ Ситанъ. Здѣсь, охотясь однажды, онъ пробѣжалъ мимо высокой башни и на вершинѣ ея увидѣлъ дѣвушку рѣзкой красоты. Молодые люди взглянули другъ на друга и, не теряя много времени, другъ въ друга влюбилась.

(1) Т. е. прорывайте каналы и стройте водопроводы. Мѣры, принявшіяся въ древней Персіи и Вавилонѣ для водоснабженія безплодныхъ мѣстъ, достойны удивленія и подражанія.

(2) Напоминающъ читателю китайскія сказанія о Лао-теи и японскія о Ю-ю-ріа-ку. см. томъ II. Гл. VIII, стр. 62 и Японія гл. II, стр. 266.

Чтобы дать возможность своему возлюбленному достигнуть до нея, прекрасная женщина, обрѣзавъ свои черные волосы, сплела изъ нихъ веревку и спустила ее до подножія башни; по этой лѣстницѣ Заль взобрался на вершину. Возлюбленную сѣдовласаго юноши звали *Рудабъ*; она была дочерью кабульскаго царя Мхраба, изъ племени Дгогана. Мхрабъ и отецъ Зала изъявили свое согласіе на свадьбу Рудабъ, и молодые люди поженились.

— Вскорѣ—повѣствуетъ *Фердузи* (1)—стройный этотъ кипарисъ (т. е. Рудабъ), до тѣхъ поръ безплодный, принесъ желанный плодъ. Поблѣкъ цвѣтъ весны, воспламеняющей сердца; душа его омрачилась скорбію, тяжесть несимаго бремени заставила его проливать кровавыя слезы; глѣбій станъ обезобразился; лангги напоминали не розу, но шафранъ. *Синдохтъ* (2) сказала ей: „о душа твоей матери, что съ тобою стало, отчего ты такъ пожелтѣла?“ Рудабъ отвѣчала ей: „днемъ и ночью я не смыкаю устъ моихъ, проси помощи у Бога, не могу спать, поблѣкла я вся; я какъ живая покойница. Приходить время мое, но мнѣ кажется, что я не освобожусь отъ моей тѣлоти: тѣло мое точно камнями набито, точно желѣзо въ утробѣ моей!..“ Плакала Синдохтъ, глядя на блѣдный ликъ своей дочери. Такъ и жила Рудабъ, не вѣдала ни сна, ни покоя до самаго дня разрѣшенія своего отъ бремени, и когда пришло время родить, она, обезсилевшая, лишилась чувствъ. Поднялись вопли и стѣнанія во дворцѣ Зала; узнавъ о причинѣ ихъ, Синдохтъ потяжила царяпаду себя лицо и рвала черные волосы свои, дмашенные мускусомъ. Заль понялъ причину скорби, узналъ, что поблѣкли хлѣсты стройнаго кипариса и пошелъ къ Рудабъ съ лицомъ омоченнымъ слезами и болищимъ сердцемъ. Прислужницы ея рвали на себя волосы, заливая ихъ слезами... И пришла тогда Залу изъ голову мысль, и мысль эта усладила его горести: вспомнилъ онъ о перѣ симура-птицы и смѣясь сказалъ о немъ своей тещѣ (3). Принесли жаровню, развели на ней огонь; Заль

(1) Знаменитый поэтъ, жившій въ XI вѣкѣ, авторъ книги Шах-наме, изъ которой мы дѣлаемъ теперь извлеченія.

(2) Пня матери Рудабъ, жены царя Мхраба.

(3) Симура-птица, опуская Зала на землю, дала ему одно изъ своихъ

поможет на немъ частицу пера. Въ ту же минуту ослышавшись воз-
духъ и явилась птица, научающая повиновѣнію, подобная тучѣ,
проливающей дождь жемчужный, или, вѣрнѣе, дождь утѣхъ бола-
щей душѣ. Прилетѣла къ Залу птица добровѣщавая, избранница
изъ всего живаго міра. Обратился къ ней Заль со словословіями
безчисленными, съ просьбами и мольбами нескончаемыми. Сказала
ему симургъ-птица: „о чемъ ты печалишься? Зачѣмъ рога въ лы-
ныхъ очахъ? Отъ серебрястаго кипариса, отъ этой красавицы лу-
нолицей родится тебѣ сынъ, искатель славы. Львы будутъ лобзать
прахъ ногъ его; облако не осмѣлится пронестись надъ его головою:
отъ голоса его кожа лятаго леопарда порвется на куски и будетъ
леопардъ грызть свои когти. Не устоятъ ни витязь, ни воинъ съ
желѣзнымъ сердцемъ при звонѣ его булавы, при видѣ его мош-
вой груди, руки и ноги. Какъ мужъ совѣта и мудрости, онъ упо-
добился Саму; въ гнѣвѣ—льву вопиющему; въ стройности—ки-
парису; въ силѣ—слону. Единнымъ перстомъ будетъ онъ жетать ка-
мень на двѣ тысячи верстъ (!)... Онъ не родился на свѣтъ какъ
обыкновенный человѣкъ—на то воля Бога, подателя всѣхъ благъ,
именно въ подтвержденіе будущаго превосходства. Принеси мечъ
горюшей воды (т. е. закалики) и приведи человѣка разумнаго
и въ чародѣйствахъ свѣдущаго. Упои сначала Рудабъ виномъ,
являясь изъ ея сердца ужасъ и тревогу и препоручи чародѣю тво-
рить свои дѣла. Онъ *извлечетъ младенца изъ чрева* Рудабъ;
подсѣчетъ повывше бедра этого стройнаго кипариса, который *не
ощутитъ при этомъ боли* (2) и чрезъ этотъ подрѣзъ из-

перевѣтъ, съ наставленіемъ совѣтатъ его въ крайнихъ затруднительныхъ
обстоятельствахъ жизни и съ общеніемъ являться при этомъ на по-
мощь къ своему вскармливанию.

(1) Назовишемъ за неумѣстный руссизмъ: въ Персін разстояніе из-
мѣрится парасаганъ.

(2) Бѣе эти подробности чрезвычайно важны. Изъ нихъ узнаемъ во
первыхъ, что персидская операція при трудныхъ родахъ была известна
въ Персін въ древнѣйшія времена, можетъ быть даже и изобрѣтена
тамъ. Во вторыхъ: что при операціяхъ приводили въ безчувствіе (ане-
стезировали) хотя и не хлороформомъ, но впрочемъ съ усыпляющимъ
составомъ; въ третьихъ: совѣщеніе пера дано приведенію въ чувство—

влечетъ львенка: кровью обогрится тѣло Рудабъ, но чародѣй за-
нестъ сдѣланный изъ подрѣзъ. Изгоня изъ сердца твоего страхъ,
скорбь и безпокойство. Истопи съ молокомъ и мускусомъ траву,
которую сорвешь по моему указанію; высуши эту смѣсь въ тѣни:
поetri этой смѣсью рану Рудабъ и она тотчасъ же исцѣлится. Про-
веди потомъ по этой ранѣ перомъ изъ моего крыла и тѣнь мо-
гущества моего будетъ благословлена. Радуйся словамъ моихъ и
благодари властителя міра: онъ даровалъ тебѣ царственное дерево,
на которомъ, что ни день, будутъ произрастать плоды счастья...
Не тревожься же... эта плодотворная вѣтвь дастъ тебѣ плодъ же-
ланый!“ И, вырвавъ перо изъ своего крыла, птица дала его Залу
и унеслась въ поднебесье...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

*Рожденіе Рустамъ.—Нареченіе имени богатырю. — Царь
Невергъ. — Пашестыи тураницевъ. — Пилъ царя. — Казно
его. — Избраніе Залъ. — Германсъ. — Дипастія Кайаниновъ.
— Кан-Кинсъ. — Несчастный походъ въ Марендеранъ. — Пилъ.
— Пашестыи Рустамъ. — Пашестыи съ Абладо нъ. — Ею паше-
нне. — Разсказы о Мизидериннъ. — Алада, проводникъ Рус-
тама.*

Видя приготовленіе Залъ къ операціи, кровавыми слезами за-
плакала Синдохъ, а съ нею заплакали и пѣи отъ мала до ве-
лика. „Какъ можно, говорила она — исторгать младенца изъ чрева
матери?...“ Вскорѣ прибылъ опытный мобедъ и, упонивъ лунолицую
виномъ, безъ боли подрѣзалъ бокъ ея и извлекъ младенца. Чудо

средство, распространенное повсемѣстно, могло быть перенято у персовъ
другими народами. Редкѣе живительной мазіи свидѣлствуетъ нахо-
дѣ, объ обширныхъ познаніяхъ персовъ въ медицину и хирургію.

нежданное! Младенец-богатырь был похож на льва, красавец, стройный, румяный и красноволосый. До него еще не рожалось на землѣ такихъ огромныхъ дѣтей. Мать спала цѣлыя сутки послѣдствіе уношенія виномъ, отивавшимъ у нея самосознаніе. Этихъ времени рану зашили и враческими спадобьями устранили боль. По пробужденіи родильница сказала нѣсколько словъ своей матери и тогда ее осыпали золотомъ, драгоценными камнями⁽¹⁾ и воспѣли хвалебныя пѣсни Богу. Принесли младенца и восхитались имъ, будто явившимся на землѣ небожителемъ: наружностью онъ, одноплеменный, былъ похожъ на годовалого, на цѣлую гору розъ и тюльпановъ (дильи). Засмѣялась она, станомъ подобная кипарису, и угнала въ своемъ сынѣ величіе царственное... Увидя его, поняла лунолицая, что *освободилась отъ тяжкаго своего погаса* и воскликнула: „Рус-тамъ (т. е. я избавлена)!“ такъ и прозвали новорожденного *Рустамомъ*. Для насыщенія его потребны были десять кормилицъ, а по отнятіи отъ груди ихъ, Рустамъ кормилъ хлѣбомъ и мясомъ; младенецъ ѣлъ за пятерыхъ. Рожденіе богатыря было послѣднимъ великимъ событіемъ изъ всѣхъ ознаменовавшихъ царствованіе Мипочера, который умирая завѣщалъ царство сыну своему, безбожному, жестокому и несправедливому.

Всѣобщее негодованіе на новаго царя и во многихъ областяхъ вспыхнушіе мятежи дали надежду овладѣть Ираномъ туранскому царю *Пешенгу*, потомуку Тура, сына Афринуова. Собравъ своихъ сыновей и воиновъ, Пешенгъ сказалъ имъ: „будетъ намъ прятать мнѣніе подъ поды нашихъ одеждъ. Всякій здравомыслящій человѣкъ долженъ понимать, что иранцы, заклятые враги и злодѣи наши; злобою и недоброжелательствомъ противу насъ они перепоисались будто обоюдоострыми мечами. Нынѣ я хочу отомстить за славнаго Тура и мужественнаго Салма: пришель день возмездія! Смерть съ нашихъ лицъ слѣды кровавыхъ слезъ. Жду вашего совѣта!“

Старшій сынъ его *Афрасиабъ* подаль голосъ за войну и не-

медленно тридцать тысячъ войска были посланы въ Забулистанъ. Невдеръ въ эту область послалъ свои отборныя войска, предводимыя Самомъ, отцемъ Зала, по дрихлнй предводителю, учеръ еще до встрѣчи съ непріятелемъ. Это несчастіе придало бодрости врагамъ въ числѣ 400,000 напавшихъ на 40,000 войска Невдера. Обѣ арміи стояли въ виду другъ друга, когда *Барманъ*, воиш туранскій, вызвалъ на поединокъ охотника изъ войскъ Невдера. Вызовъ былъ принять старымъ Кобадомъ, сыномъ Кавеха, свергнутаго съ престола Дгоака. Туранецъ былъ волею, силенъ, ловокъ, а потому и неудивительно, что одолѣлъ противника. Послѣ того было три сраженія между войсками Невдера и Афрасиаба и всѣ три были выиграны послѣднимъ, а Невдеръ попалъ въ плѣнъ. Озлобленный побѣдою, одержавною Заломъ надъ туранцами, Афрасиабъ приказалъ обезглавить своего плѣнника.

Распри и усобицы, бывшія неминуемыми послѣдствіями смерти Невдера, довели бы Персію до коленной гибели, если бы она не имѣла храниителя въ лицѣ храбраго, правдолюбиваго, таинственнаго Зала. Онъ утишилъ волненіе, примирялъ между собою удѣльных князей, заставлялъ ихъ до времени отложить вопросъ о личныхъ интересахъ ради спасенія отчины. Двѣнадцать лѣтъ свирѣпствовали туранцы въ Персіи, не имѣя возможности овладѣть столицею ея, *Истахроромъ*, находившіся подъ защитою Зала. Ему и Рустаму удалось наконецъ избавить царство отъ нга иноплемениковъ. Первой мыслію освободителей было избраніе царя изъ потомковъ древнихъ государей; ни Заль, ни Рустамъ не желали обрачывать славъ своей похищеніемъ престола, что, надо захватить, имъ было бы сдѣлать легче, нежели кому другому. Сознавъ великожь и выборовъ отъ народа, объяснивъ имъ необходимость имѣть законнаго царя, благородный вождь указалъ имъ на племянника Невдера, *Завъ* — и предложеніе его было единодушно принято.

Завъ человѣкъ уже не молодыхъ лѣтъ, но бодрый духомъ и тѣломъ, вмѣстѣ съ сыномъ своимъ, *Гершасномъ*, всего прежде озабоченный о вознагражденіи жителей областей, особенно пострадавшихъ отъ нашествія туранцевъ; для этого истинно добраго дѣла онъ не пощадилъ и собственной казны. Затѣмъ онъ одержалъ блестящую побѣду надъ Афрасиабомъ и принудилъ его признать не-

(1) Древнѣйшій обычай востока, соблюдаемый и здѣсь и у насъ подъ названіемъ подарка родильницѣ на зубокъ.

прикосновенность пограничных областей Персии; далъ новыя законы, уменьшилъ подати, усмиривъ удѣльныхъ князей, словомъ — былъ благодѣтелемъ народа. За одинъ только порокъ предавъ народное мщенье его памяти: Завъ былъ обжорливъ и любилъ придумывать разныя затѣвливныя и лакомыя блюда.

Гершаспъ, наследникъ Зала, царствованіемъ своимъ напомнилъ жителѣмъ Ирана ненавистнаго имъ Неудера. Общее негодованіе онъ особенно навлекъ на себя неблагодарностію къ доблестному семейству Зала. Отъ ронота перешли къ мятежу, пользуясь которымъ Афросиабъ туранскій снова вторгся въ Харасанъ. Гордо отвергнувъ содѣйствіе Зала, Гершаспъ самъ повелъ свои войска на непріятеля, и одно за другимъ проигравъ пять сраженій, былъ убитъ, а вся армія его обращена въ бѣгство. Отчаянные иранцы прибѣгнули къ Залу, умоляя его быть вторично спасителемъ отечества, и герой, поручивъ это великое дѣло сыну своему Рустаму, съ общаіемъ помогать ему совѣтами, потребовалъ отъ согражданъ избрания новаго царя на мѣсто убитаго Гершаспа. Выборъ великодушнаго Зала, заклатаго врага безначалія, палъ на племянника покойнаго, Кобада, бывшаго родоначальникомъ второй династіи *Кайаниновъ*, имя которой происходитъ отъ прозвища *Кай* или *Кай*: великій, принятаго новымъ царемъ при востановленіи его на престолѣ. Признательный Рустаму за его подвиги, онъ удостоилъ его совершеннымъ своимъ довѣріемъ и вскорѣ весь міръ огласился новыми геройскими дѣланіями богатыря. Выступивъ со своими войсками противъ туранцевъ, Рустамъ вызвалъ царя ихъ на предварительный поединокъ и выбилъ его изъ сѣдла; во слѣдовавшая затѣмъ битва была съ обѣихъ сторонъ упорная и побѣда осталась за Рустамомъ, убившимъ сверху 1160 непріятелей и прогнавшимъ туранцевъ на тотъ берегъ Джихуа. Окончивъ войну выгодѣйшимъ мяромъ, царь Кай-Кобада объѣхалъ все свои области, строилъ города и подвояря правосудію; сыну своему *Кай-Каусу* онъ особенно заставлялъ быть справедливымъ къ своему народу и избѣгать войны съ иноплемениками. Новый царь не совѣтъ однако же слѣдовалъ этому мудрому совѣту, повинувшись болѣе своимъ страстямъ и неугрожимому тиранству, такъ какъ волхвы предсказали ему царствованіе славное и благополучное. Желая наказать

дланіемъ своего, царя мазендеранскаго (т. е. удѣльнаго князя) за попытку свергнуть его, Кай-Каусъ рѣшилъ негребить весь его родъ и племя, и присоединить его царство къ своимъ владѣніямъ. Тщетно Заль и Рустамъ отклоняли его отъ этого предпріятія тѣмъ болѣе опаснаго, что царство мазендеранское было населено динами, общниками таможниго царя; Кай-Каусъ былъ непреклоненъ. Поручивъ управленіе Ираномъ *Милату*, своему визирю, онъ отправился къ походу, не взявъ даже съ собою Рустамъ, такъ какъ ревнуя о своей славіи не желалъ раздѣлять ее съ другимъ. Въ началѣ дѣйствій его въ Мазендеранѣ были успѣшны, но потомъ царь мазендеранскій взявъ перенѣсъ съ помощію ополченія динавъ, предводимыхъ *Сенидола* (бѣлымъ бѣсомъ). Ослѣпивъ царя и вѣвъ его войновъ, они взяли въ плѣнъ перваго, а послѣднихъ изрубилъ (*). Въствъ объ этомъ несчастіи взошла вса Персія и дряхлый Заль поручилъ сыну своему выручить царя изъ неволи. Во время этого похода Рустамъ было *ссы* знаменитыхъ участниковъ съ нимъ и его коней *Рашиалъ*, воспитанъ Фердузи въ его Шах-Намѣ. Пронуская четыре первыхъ приключенія, какъ мало интересныя, мы замѣтимъзъ описаніе трехъ послѣднихъ изъ этой славной персидской эпопеи.

„Продолжая свой путь, быстро подвигался Рустамъ впередъ и достигъ наконецъ того края свѣта, гдѣ вѣтъ дня, а одна ночь, черная какъ лицо зѣлона; гдѣ нѣтъ ни солнца, ни звѣздъ, словно первое цѣлыми обковано, а вторія опутаны сѣтями. За темнотою не могъ видѣть Рустамъ ни горныхъ вершинъ, ни водныхъ потоковъ, и вѣхалъ онъ ослѣпъя поводомъ своего коня *Рашиа*. Изъ страны вѣчнаго мрака прибѣхалъ Рустамъ въ страну свѣта, въ которой вся земля облачена была въ шелковое одѣяніе жаты. Въ этой странѣ старцы молодѣли и вся она сплошь состояла изъ зелени и журчащихъ ручьевъ. Одежда Рустамъ была какъ ночная влага на его тѣлѣ: до того взмокла она; нужны были ему сонъ и

(*) Мазьволькъ въ своей Исторіи Персіи предполагаетъ, что здѣсь идетъ рѣчь о солнечномъ затмѣніи, предсказанномъ Фалесомъ милетскимъ и бывшимъ во время войнъ Ціаксера съ индійцами.
история религій. Т. III.

покой. Снял он свой нагрудник из леопардовой кожи и плетя с головы: тот в другой замкнул от поту, и разложив их на солнце для просушки, богатырь носивший соснуть и отдохнуть. Заметав поводья вокруг шен своего коня, он пустил его на поля, покрытые жатвою. Когда нагрудник и плетя богатыря просохли, он опять оделся в них и как лев сложил себя остель из травы. Стороживший поле, замечив на нем чужаго коня с кривовъ побряквал на Рустамъ и Рахмъ и сильно ударить палкою по ногамъ слонотѣлаго (!) витязя, а когда тотъ проснулся, сторожъ сказалъ ему: „зачѣмъ ты, Аризматъ, пускаешь коня своего на чужую жатву? Зачѣмъ пускаешь его на добро человека, который тебѣ не сдѣлалъ зла?“ Разумный Рустамъ разгнѣвался на эти рѣчи, бросился на караульщика и не говоря ему ни худаго, ни хорошаго слова, вырвалъ оба уха по самымъ корнямъ. Взявъ караульщика, взялъ свои ушн и убѣжалъ. Жилъ тогда въ той странѣ вилъ *Авладъ*, юный и храбрый, о которомъ далеко гремѣла молва. Къ нему приближалъ изувѣченный караульщикъ, весь въ крови, и разсказалъ все дѣло, какъ оно было. Услышавъ эту вѣсть, Авладъ воспринялъ отъ гнѣва и ярости, и пошелъ поспотрѣть что это за пришлецъ. Изъ сѣду, въ которомъ онъ тогда находился съ своими друзьями, вилъ отравился къ тому мѣсту, гдѣ поклонялся слонотѣлый богатырь. Авладъ приблизился къ нему; Рустамъ уже вскочилъ на своего Рахмъ, вынулъ булатный хечъ и налетѣлъ на витязя, словно туча громовосная. Сбѣхались, соперники разбиваясь мыслями и Авладъ сказалъ Рустаму: „Какъ тебя зовутъ по имени, что ты за человекъ, кто твой царь, въ чемъ твой зажитокъ? Не пережидай дороги львовъ хрибныхъ... За что, про что ты оборвалъ ушн караульщику, да конемъ своимъ потравивъ засѣянное поле? За это опираю я тебя въ страну вѣснаго сумрака и сброшу плетя твоей на землю!“

(!) Подлинныя слова поэта, подобно всѣмъ прозвищамъ предыдущимъ и послѣдующимъ. Метафоры, сравненія и тому подобныя риторическія прикрасы, равно какъ и плеоназмы — отличительныя черты восточнаго слога.

— Зовутъ меня тучей, отвѣчалъ Рустамъ: — а когда туча сражается со львомъ, то всѣго дождя сыплютъ удары копы да меча, сбивая головы. Имя мое дойдя до ушей твоихъ, заморозитъ твоё дыханіе и оледѣнитъ всю кровь твоего сердца. Слыхалъ ты когда объ арканѣ и лукѣ богатыря слонотѣлаго? Скажи же вскопъ матери, рожающей тебѣ подобнаго, чтобы она сыпалаъ своимъ заранѣе мила саваны и оплакивала ихъ. Пріѣхалъ ты ко мнѣ не одинъ, но вся твоя ватага передо мной, что вѣгерь передъ сводою небеснымъ!

Взявъ Рустамъ свой мечъ булатный, прицѣпилъ къ сѣделу свой свернутый арканъ и подобно льву, рывущемуся въ средину стада, свалилъ всѣхъ своихъ противниковъ: однимъ ударомъ меча булатнаго онъ перерубилъ человека на-двое, а здѣсь, не мало головъ понергъ къ своимъ ногамъ; убѣжавшіе бойши разбѣжались стени и плача: по полямъ да по доламъ скакали всадники въ горы. Будто обвиненный слонъ скакалъ Рустамъ, держа на рукѣхъ своей арканъ въ шестьдесятъ оборотовъ, вокругъ руки обмотавши, да какъ наскочилъ на Авлада, то сталъ этому ясный день, что ночь сумрачная: встепу Рустамъ свой арканъ во всю длину и попала голова гордаго Авлада въ щепу. Свалилъ ему Рустамъ руки крѣпко на крѣпко, толкнувъ впередъ себя и сѣвъ на сѣдло сказалъ: Говори правду и не изворачивайся, покажи мнѣ жилище бѣлаго дива, дворецъ царя Пулада, сына Ганди и столицу Бидъ; вѣдъ яля тудъ, гдѣ сидитъ въ заточеніи царь Коусъ... Если ты скажешь правду и совѣстью не покривишь, я отпущу у царя мазен-деранскаго вѣнца, тронъ и тяжелую булаву и надъ нимъ и всей страной тебя повелителемъ поставлю. Если же ты солжешь, я источу изъ глазъ твоихъ источникъ кровяныхъ слезъ!

— Избави мои отъ гнѣва и отъкры глаза! отвѣчалъ Авладъ. По невѣдѣнію не отъязвляи моего тѣла отъ души и узнаешь все, что желалъ знать. Я покажу тебѣ дороги, города, жилища и мѣсто заточенія царя Коуса, такъ какъ ты порадовалъ меня хорошей вѣстью. О, человекъ, слѣды котораго счастливы: — знай, что отсюда до тѣпины Коуса сто парасанговъ, отъ тѣпины до жилища бѣлаго дива столько же; дорога худая и трудная. Есть между двухъ горъ мѣсто ужаса, надъ которымъ и орелъ не летаетъ. Тамъ, между

двумя стами дверей есть одна, ведущая въ неизмѣримую пещеру. Ночью караулить на горахъ двѣнадцать тысячъ храбрѣйшихъ дивовъ подъ начальствомъ Пулада, тамъ же Бидъ и Санджехъ; имъ же всѣмъ глава и повелитель блѣдный дивъ, подъ которымъ гора дрожитъ какъ осиповый листъ: тѣло его съ добрую гору, грудь и плечи въ десять веревочныхъ концовъ шириной да и ростома дивъ будетъ въ столько же... не легко тебѣ будетъ съ нимъ сдѣлать. За этой горой—пустынная скалистая страна, по которой и лань не смѣетъ слѣда прокладывать; за этой страной — рѣка шириною въ два парасанга, охраняемая могучимъ дивомъ Кунарем-сомъ; за рѣкою живутъ *Нерлиан* (!) во дворцѣ Безумъ въ триста парасанговъ пространствомъ... Оттуда долгій и трудный путь ведетъ въ городъ Мазендеравъ. Всадниковъ въ немъ тысяча тысячею помноженный, денегъ и оружія вдоволь, а не отыщешь ты въ этомъ войскѣ ни одного человѣка вѣдающаго тоску страха; сверхъ того, въ городѣ ты найдешь тысячу двести боевыхъ слоновъ... Ты одинъ; будь ты изъ желѣза и то не рѣшился бы столкнуть съ этимъ вѣликомъ Ариманомъ!

Усмѣхнулся Рустамъ и отвѣчалъ: оставался при мнѣ проводникомъ, ты увидишь что сдѣлаетъ эту войску богатырь слопотѣлый съ помощью удачи, меча, стрѣлы да таланта. Когда они увидятъ силу моихъ мышицъ, мою доблесть въ бою, раны, которыя я напому булавой, — у нихъ со страху ноги отнимутся и тѣла ослабѣютъ: они не въ состояніи будутъ отличить удачу отъ стремлящаго. Теперь веди же меня къ темницѣ царя Кауса!

Сказалъ — и весело вспрыгнувъ на сѣло Рахмъ. Авладъ, указывая путь, бѣжалъ впередъ будто вихрь. Не отдыхалъ Рустамъ

(!) Нерлиан (слабопότης) и Дуальпан (кожепότης) демоны, у которыхъ ноги мягки какъ ремешки полусаи. Они, по сказаніямъ персовъ, стоятъ на распутияхъ, караули путниковъ. Подозная путника къ себѣ, нерлиан вскакиваютъ къ нему на плечи и уже съ этой минуты не оставляютъ его до самой смерти, нѣтъ и задняя, сильно охватывая шею своими ремешевыми ногами. Наши сказочные антипки—безпаче, по вѣдомому съ родни персидскимъ нерлианамъ, принадлежащимъ богу къ магометанской, нежели къ Зороастровской демонологіи.

ни ночью темною, ни днемъ яснымъ, и доскакала до горы Аспруза, гдѣ была несчастная битва Кауса съ цивами и волхвами. Прошла еще половина ночи темной и Рустамъ съ Авладомъ заслышали шумъ со стороны доли: звучали кимвалы, а по всей землѣ Мазендеравкой венихнули огни. — Затѣмъ зажигаютъ огни? спросилъ Рустамъ у Авлада. — Затѣмъ, отвѣчалъ тотъ, что тамъ вхождъ въ Мазендеравъ; двѣ трети дивовъ охраняющихъ границу не смѣютъ спать по ночамъ. Теперь въ этихъ мѣстахъ долженъ быть дивъ Арзентъ...

Рустамъ—богатырь уснулъ, а когда солнце показало свѣтлый свой ликъ, привязалъ Авлада къ дереву своимъ арканомъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Шестой недѣли: убитіе дива Арзента.—Послѣдніе цира и илинниковъ.—Бой съ блѣднымъ дивомъ.—Освобожденіе илинниковъ.—Война съ сирийскимъ царемъ.—Царевна Судибѣ.—Полетъ цира на орла.—Вмѣщеніе Афрасиаба.—Миръ съ туранинами.—Техмилъ.—Рожденіе Сураба.—Амазонка Гуръ-Аферида.—Осада Селли.—Предчувствіе Рустамъ.—Летѣ подлѣ Сидимы.—Носилокъ.—Синоубійство.—Пундару.—Пословица.—Порбѣніе Сураба.

Вооружась дѣдовскою палицею, въ плечѣ и нагрудникъ изъ леопардовой кожи, Рустамъ сѣлъ на своего вѣрнаго Рахмъ и поскакалъ къ стапу дива Арзента. Подъѣхавъ къ стапу крикнулъ онъ такимъ зычнымъ голосомъ, что море искочилось и горы дрогнули; Арзентъ выпелъ изъ шатра и Рустамъ, схвативъ его за уши, сорвалъ ему голову съ плечъ долой и бросилъ ее въ толпу дивовъ. При видѣ богатырской булавы Рустамъ, дивы бросились сѣзать, причесть отцы мѣли подъ ногами своихъ сыновей... Выхватилъ Рустамъ свой мечъ булатный, наробилъ враговъ своихъ множеству песѣтное и на закатѣ солнечномъ возвратился къ сви-

запному Авладу и сидя с ними на деревѣ, сталъ его распрашивать о мѣстѣ заточенія царя Коуса и побуждалъ Авладъ впередъ, показывая дорогу. Когда они прибыли въ городъ, Рахшъ, копъ Рустамъ, заржалъ такимъ громовымъ голосомъ, что онъ достигъ до ушей царя Коуса, сидѣвшаго въ темницѣ съ прочими плѣнными правцами: „окончились наши черные дни!“ — сказали онъ итъ; — слышу ржаніе Рахша и сердце мое оживаетъ!..“ Плѣнники подумали, что царь повѣшался съ горя, но въ то же мгновеніе явилась къ царю свѣтлозарный богатырь и со словами на глазахъ поклонясь царю Коусу, сталъ его распрашивать о претерѣнныхъ имъ и плѣнниками страданіяхъ. Царь, немедленно присовѣтовалъ Рустаму ѣхать въ ужасную пещеру, жилище бѣлаго дива. „Я и товарищи мои, сказали царь, ослѣпили съ горя и свѣдущій врачъ сказалъ мнѣ, что три капли крови бѣлаго дива могутъ избавить меня отъ слѣпоты.“ Отправляясь на битву съ бѣлымъ дивомъ, Рустамъ выразилъ плѣнникамъ надежду на близкое ихъ освобожденіе и на побѣду свою надъ врагами, которую подаетъ ему счастливая звѣзда. И почесавъ онъ вихремъ на своемъ Рахшѣ предшествующий Авладомъ. Миновавъ *семь горъ* (1) Рустамъ достигъ бездонной пещеры и окружили его дивы, а онъ сказалъ Авладу: до сихъ поръ ты меня не обманывалъ, но теперь будь мнѣ особенно вѣрнъ ты, рожденный надъ счастливою звѣздой! — „Надобно выждать какъ поборется воздухъ“ — отвѣчалъ Авладъ: — тогда дивы улетѣть и тебѣ будетъ легче съ ними справиться. Рустамъ исполнилъ все по совѣту Авлада, и опять скрутивъ его по рукамъ и по ногамъ (2), выхватилъ булатный мечъ, крикнулъ гро-

мовымъ голосомъ свое имя и молвіей палачилъ на дивовъ, пошелъ рубить имя головы... Немногіе дивы устояли, да и тѣ бросились бѣжать отъ богатыря.

Послѣ этого Рустамъ достигъ до жилища бѣлаго дива. Пещера эта была подобна адъ; за тѣмъю крошечнымъ пелазъ было богатырю разглядѣть дива и стоялъ богатырь нѣсколько времени недвижно съ мочемъ въ рукѣ; вѣшалъ было Рустаму папа ступить на изади, ни впередъ. Протѣръ онъ и промылъ себѣ очи ясны и тогда разглядѣлъ, что дивъ бѣлый, тѣломъ своимъ зажимаетъ всю пещеру. Казался дивъ богатырю черной глыбой съ ливной гривою; онъ спалъ, но Рустамъ не желая снѣннѣ, гинулъ будто тигръ-австий. Дивъ пробудился и поднялся на ноги, чтобы бороться съ богатыремъ: схватилъ въ руки жерлоны мезанчичный и хмурой тучей двинулся на Рустамъ... Захолозилось сердце у богатыря: изловчился онъ, словно левъ разъяренный, и ударилъ дива мечемъ булатнымъ — отсѣкъ ему руку и ногу, а раненный дивъ накнулся на Рустамъ, какъ дикій слонъ на разъяреннаго льва: одиъ рвалъ у другаго тѣло клочьями, и возмояная отъ крови земля превратилась въ грязь; съ бойней текли ручьи пота и крови... Трудна была борьба Рустаму, не смотря на всю его силу, но наконецъ удалось богатырю поднять дива надъ головой повергнуть его на землю, и такъ сильно, что изъ того и духъ вошь. Вонзилъ Рустамъ мечу въ грудь свой мечъ булатный и вырвалъ пещеръ изъ чернаго его тѣла. Трупъ занялъ пространство пещеры и весь міръ залитъ былъ кровью. Дивы разбѣгались; богатырь освободилъ царя Коуса и излечилъ его слѣпоту каплями крови изъ дивей пещеры. Липешный союзниковъ, царь мазендеранскій задумалъ предсказать войну въ надеждѣ возгорячиться надъ правцами посредствомъ волшебныхъ чаръ. Вой длился нѣсколько дней... Преслѣдуемый Рустамомъ, царь мазендеранскій препратился въ огромную скалу (3)

(1) Число семь играетъ важную роль во всѣхъ восточныхъ сказкахъ, и въ нашихъ точно также. Любопытно знать, какъ объясняютъ это объясненіе приерженцы старины: замѣтнованіемъ (что очевидно) нашъ самобытный творчествомъ народной поэзіи?

(2) Чѣмъ важнѣе услуги требуютъ богатырь отъ своего плѣнника, тѣмъ ярче онъ скручиваетъ. Этой же самой системы придерживаются герои нашихъ народныхъ сказокъ съ кодунами и вѣдями, которыхъ потомъ отпустить на волю, или (и того чаще) все таки убиваютъ безъ милосердія.

(3) Тоже самое говорится и съ богатырями нашихъ сказокъ, воеющими съ вѣнзями. «Какъ побѣдить вѣнзя къ горѣ, такъ и окаменѣть», приписъ. непотрѣбный розное писаніе чутъ не двадцать разъ о вѣнзяхъ богатырь.

и тщетно — оиши иранскіе пытались сдвинуть ее съ мѣста — это удалось одному Рустаму, который взявъ ее въ руки пригрозилъ скрывавшемуся въ скалѣ царю мазендеранскому разбить его въдребестя, что и побудило послѣдняго принять прежній человѣческій видъ. Рустамъ привелъ его къ Коусу и по его повелѣнію извѣлъ царя мазендеранскаго въ кусти. Такъ окончилась война. Согласно обещанію, данному Рустамомъ Авианду, Коусъ отдалъ ему вассальное царство, Рустамъ же, возвратившагося въ Систанъ, осыпалъ почестями и подарками.

Возвратись изъ плѣна, царь Коусъ велъ весьма счастливо войну съ царемъ сирийскимъ и его союзниками, князьями жалой Азіи, Аравіи, Египта и восточной Африки. Миръ былъ заключенъ и царь сирийскій предложилъ Коусу, вмѣстѣ съ дарами, дочь свою *Судабу* въ жены; когда же тотъ прибылъ за нею въ Сирію — будущій тестъ задержавъ его у себя плѣшникомъ, соглашался дать свободу не иначе, какъ за огромный выкупъ. На этотъ разъ его выкупилъ Рустамъ и торжественно привезъ въ Истахаръ вмѣстѣ съ прекрасною Судабу. За это царь Коусъ выдалъ за освободителя свою сестру и затѣмъ отказался отъ воюющихъ подданныхъ, занявшись исключительно благоустройствомъ государства; но и эти заботы вскорѣ прикупили ему. Въ Ширванѣ онъ построилъ великолѣпный дворецъ и плѣняясь его красотою, воображалъ себя дворецъ раемъ, а себя — богомъ. Убѣжденный въ правдивости этой сумасбродной мысли сповидѣвшись, въ которомъ свѣтлый духъ поклонялся ему и училъ летать по воздуху, Коусъ задумалъ возвестись на небо. Для этого онъ приказалъ устроить себѣ тропь и веревками привязать его къ орламъ, которые и подняли его въ поднебесье, но утомленные непривычною тигостью, вскорѣ опустились на лѣсъ близъ города Амолъ. Придворные, слѣдившіе за полетомъ царя, прискакали къ мѣсту паденія воздухоплавателя и нашли его неиредимаго, но вѣдь себя отъ стыда и страха. Имъ удалось разумными совѣтами привести Коуса къ сознанію его сумасбродства, и царь, раскаявшись въ своемъ заблужденіи, опять сдѣлался образцомъ кладящихъ земли.

Вскорѣ послѣ этого событія Афрасиабъ, царь туранскій, вторгся въ Персію, но разбитый Рустамомъ бѣжалъ изъ города Семенганъ,

которымъ и овладѣлъ богатырь персидскій. Князь *Керкинъ*, градоправитель, склонилъ его къ миру, заключенному съ условіемъ, чтобы Афрасиабъ платилъ дань царю Коусу. У Керкина была красавица дочь, по имени *Техмине*, въ которую Рустамъ страстно влюбился и на которой женился тайно, такъ какъ союзъ этотъ не одобрили-бы ни Коусъ, ни Афрасиабъ. Покидая беременную жену свою для возвращенія въ Иранъ, Рустамъ оставилъ ее на попеченіи тестя своего, подаривъ ей, въ залогъ своей вѣрности, золотой браслетъ съ тѣмъ, чтобы Техмине надѣла его на будущаго своего младенца. Вскорѣ онъ родила сына *Сураба*, правомъ и наружностью въ доблестнаго своего отца. Желая скрыть происхожденіе Сураба, лѣтъ его Керкинъ выдавалъ его за своего сына. Съ юныхъ лѣтъ Сурабъ выказывалъ мужество необыкновенное, слухъ о немъ разнесся по всему Турану и достигъ до ушей царя Афрасиаба, пожелавшаго видѣть героя. Сурабъ, при свиданіи, сказалъ ему, что любезнѣйшая его мечта — истребить весь родъ и племя царя Коуса и заново вѣсть Иранъ. Военачальенный этими рѣчами Афрасиабъ рѣшился нарушить миръ и послалъ на persons войско подъ начальствомъ Сураба. При прощаніи своемъ съ матерью, онъ узналъ отъ нея имя своего отца и тайну рожденія... Смущенный Сурабъ отвѣчалъ, что убивъ Коуса онъ возведетъ на иранскій престолъ Рустамъ и тогда оба царства, Персія и Туранъ, соединятся въ одну громадную державу. Военныя дѣйствія открылись сраженіемъ пограничной крѣпости Сеида. Начальникъ ея Хедонеръ, вызвавшій Сураба на поединокъ, былъ имъ побѣжденъ и взятъ въ плѣтъ. Въ то время въ Сеидѣ жилъ сынъ царя Невдера Кустехемъ съ сномъ и дочерью *Гурда-Афериодъ*. Послѣдняя видѣла борьбу Сураба со старикомъ Хеджеромъ, и одѣвшись въ мужское платье вышла изъ крѣпости вызывать побѣдителя на поединокъ. Сурабъ принявъ вызовъ, долго боролся съ амазонкой, наконецъ сбилъ съ нея шлемъ и, удѣлившись ее мужеству, даровалъ жизнь съ условіемъ сдать ему крѣпость. Гурда-Афериодъ возвратилъ въ Сеидѣ, возпла на крѣпостныя стѣны и подозванъ къ нимъ Сураба, крикнула ему: «ты усталъ сражаться со старикомъ и съ женщиной, но не одолѣвъ тебя героевъ Ирана, которымъ ты и самъ угодилъ — по своему мужеству.. Удались же отъ крѣпости и трепещи при

имени богатыря Рустама! Возбешенный этими словами Сурабь осадил крѣпость...

Узнавъ о вторженіи туранцевъ, царь Коусъ послалъ нарочнаго къ Нирузъ къ Рустаму съ предложеніемъ принять начальство надъ войсками. Мучимый страданими предшествовавшихъ боѣвъ, Рустамъ не выразилъ особеннаго желанія помѣриться силами съ Сурабь, достойнымъ своимъ противникомъ. Не имѣя никакихъ извѣстій отъ жены своей, Рустамъ и не подозревалъ, что Сурабь сынъ его, но тѣмъ не менѣе чувствовалъ невольное волненіе при его имени... Онъ отказался отъ предложенія царя Коуса и тѣмъ упорнѣе стоялъ на своемъ, чѣмъ убѣдительно были просьбы. Съ великимъ трудомъ удалось царскому посланному получить отъ богатыря обѣщаніе, что онъ, по крайней мѣрѣ, придетъ ко двору, куда Рустамъ и прибылъ послѣ долгаго промедленія. Царь Коусъ встрѣтилъ его упреками и колкостями, а одинъ изъ придворныхъ осмѣлился даже выразить обиды на его счетъ предположенія. Оскорбленный богатырь отвѣчалъ: „есть предѣлы и царской власти, особенно надъ князьями удѣльными; я родился свободнымъ, свободнымъ и умру, продолжая рабство туркамъ и слабодушнымъ! Въ моихъ глазахъ конь мой выше царскаго трона, боевой шлемъ — выше вѣнца, а булава — скипетра... Достаточно съ меня славы предковъ моихъ и моей собственной, пора поуспокоится, помышляя единственно о защитѣ собственного моего княжества!..“ Сказавъ это Рустамъ оправился къ себѣ въ Нирузъ.

Вѣсть объ обидѣ горько разнеслась по царству и возбудила всеобщее негодованіе на царя и на вельможъ; Коусъ послалъ къ Рустаму цѣлую депутацию, и одинъ изъ посланныхъ, *Гудерзъ*, старался склонить богатыря къ принятію предложенія царскаго, сказавъ, что люди могутъ приписать отказъ его — боязни. Во время вѣдѣхъ этихъ переговоровъ, Сурабь овладѣлъ крѣпостью Сенидомъ и Рустаму, на первый же случай, пришлось отнимать крѣпость у завоевателей. Онъ и царь Коусъ расположились лагеремъ подъ ея стѣнами. Сурабь, желая вынудить силы непріятельскія, вывелъ на крѣпостныя стѣны плѣннаго Хеджера и тотъ указавъ ему, гдѣ и чей шатеръ, за исключеніемъ шатра Рустама, увѣряя Сураба, что славнаго богатыря Ирана и не находится въ царскомъ лагерѣ.

Эта вѣсть обрадовала Сураба и онъ послалъ къ царю Коусу вѣстника съ вызовомъ на поединокъ любого изъ витѣй иранскихъ. Выборъ Коуса, какъ и слѣдовало ожидать, палъ на Рустама. По обычаю того времени обѣ арміи стали въ виду другъ друга: отецъ съ сыномъ сразились...

Не мало времени длился поединокъ. Воины дрались дротиками, мечами, булавами; дрались конные и пѣшіе: приостановятся на несколько минутъ и опять принимаются за борьбу съ обновленными силами. Наконецъ, раненый Рустамъ палъ и Сурабь, вынувъ мечъ, готовился его заколотъ, но Рустамъ замѣтилъ, что по правиламъ поединка убивать противника можно только послѣ вторичнаго поверженія его на землю. Сурабь подавъ ему руку, пособилъ подняться и опять возобновился бой. На этотъ разъ Рустамъ сбилъ съ ногъ Сураба, и по его призыву помогъ ему встать на ноги. И въ третій разъ сразились противники, и на этотъ разъ уже на смерти: палъ Сурабь и приколотъ его Рустамъ мечемъ булатнымъ. Въ предсмертной истомѣ прошептала молодой воинъ: „яная моя разсказала мнѣ по какимъ признакамъ я могу узнать Рустама, отца моего, и я искалъ его! Погубила меня завистливая судьба и лишила радости...“ Поднявъ востужающіе влоры на своего побѣдителя, Сурабь продолжалъ: „ночь какими бы видомъ ты не являлся — куда бы ты не бѣжалъ, — отецъ мой, Рустамъ, первый изъ богатырей всего міра тебѣ огнетитъ!...“

Рустамъ безъ чувствъ упалъ на подмёртвое тѣло Сураба; потомъ оба обнялись, заливаясь слезами. Снятая съ упрявшаго сына латина поручикъ, отецъ увидѣвъ браслеты, подаренный вѣнъ при разлукѣ съ женою. Богатырь сорвалъ съ себя шлемъ, рвалъ на себѣ волосы; Сурабь тихимъ, изнемогающимъ голосомъ утѣшалъ его, усажая заключить миръ съ Тураномъ. Присутствовавшіе до глубины души тронутые, упомыслили о волшебномъ средствѣ *Нундодру*, составленномъ астрологами и исцѣпляющемъ все болѣзни. Универсальнымъ этихъ лекарствъ пользовались одни только цари. Рустамъ послалъ въ царю Коусу съ убѣдительною просьбою удержать Сурабу частіцу чудеснаго снадобля; Коусъ хотѣлъ было дать просимое, но придворные возразили ему, что въ случаѣ пощаденія Сураба, гордости и силы Рустама не будетъ предѣловъ, и

царь призадумался. Въ надеждѣ, что личная просьба скорѣе будетъ уважена, Рустамъ отправился къ царю, но только что пустился въ путь, какъ Сурабъ скончался. Просьба Рустама по видному была уважена: жаль только, что принесенное лекарство, излечивавшее всѣ болѣзни, не излечивало отъ смерти. Въ воспоминаніе объ этой запоздалой и уже неумѣстной помощи, въ Персіи съ древнѣйшихъ временъ сложилась поговорка: „Сурабу припосыла Нуср-дару послѣ его смерти,“ — равносильная нашей русской: „спусти лѣто, да въ лѣтъ по малину.“

Сурабъ палъ очистительной жертвой, цѣлюю своей кровью купивъ миръ честный и выгодный для иранцевъ; Коусъ съ торжествомъ возвратился въ Истахаръ, а Рустамъ съ трупомъ Сураба въ Забудистанъ, гдѣ предалъ его погребенію со всѣми почестями. Въ видя безутѣчную скорбь Рустама присовѣтовалъ ему написать въ Туранъ къ Техминъ и вызвать ее къ себѣ, въ Нирузъ. Письмо отправили вмѣстѣ съ браслетомъ Сураба, вѣстъ о концѣ котораго свела Техминъ и отца ея Кервина въ могилу. Умирая Техминъ передала браслетъ Сураба вдовѣ его *Шех-рухъ*, оставшейся березинною и искорѣ родившей сына, славнаго витязя *Барзу* (1).

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Исторія Сіавауша. — Его воспитаніе. — Царица Судабъ. — Клевета. — Испытаніе огня. — Новая война съ Туранцами. — Блгство Сіавауша. — Его бракъ. — Рожденіе Хосру. — Пророки Кершивеза. — Родственное сходство злостыговъ. — Убіеніе Сіавауша. — Чудесный кустирникъ. — Смерть Судабъ. — Подвиги Рустама.

Царь Каи-Коусъ уважая изъ Хорасана оставилъ правителями

(1) Трогательный эпизодъ о Рустамѣ и Сурабѣ изъ Шах-нама (хотя и не съ подлинника) былъ переданъ стихами покойнымъ В. А. Жуковскимъ. Произведеніе хотя и слабое для Жуковского, тѣмъ не менѣе заслуживающее вниманія каждаго грамотнаго человека, также точно, какъ его же: Палъ и Дамаски.

въ Сепидъ *Туса* и *Гива*. Однажды, наместники охотясь на берегахъ Джихуна, истрѣтили въ лѣсной чащѣ трехъ женщинъ: молодую красавицу съ двумя невольницами старухами. Плылись красавицею, Тусъ и Гивъ заспорили кому изъ нихъ обладать ею: первый ее увидѣлъ, а второй задержалъ. Положили предоставить разрѣшеніе спорнаго вопроса самому царю и съ этой цѣлю споршіе отправились въ Истахаръ вмѣстѣ съ прекрасной находкою. Царь рѣшилъ эту тяжбу, какъ въ баснѣ, левъ при дѣлѣ: онъ объявилъ наместникамъ, что по закону, всякая находка есть царская собственность и потому, оставивъ плѣнницу въ своемъ гаремѣ, Коусъ щедро вознаградилъ находчиковъ. Не мало трудовъ и угрозы стоило царю узнать отъ плѣнницы, кто она и откуда? Оказалось, что она туранская княжна, племянница царя Афрасиаба, дочь младшаго его брата *Кершивеза*; она бѣжала на границу отъ преслѣдованій дяди, желавшаго взять ее себѣ въ наложницы. Сдѣлавъ это признаніе княжна объявила, что предпочитаетъ жить на чужбинѣ, нежели принадлежать невинному Афрасиабу.

Каи-Коусъ страстно влюбился въ княжну и черезъ годъ она родила ему сына *Сіавауша*. Звѣздослоны, составлявшие гороскопъ новорожденнаго, объявили, что грядущая судьба его благодѣтельна. Это пророчество встревожило царя и онъ вынудилъ Сіавауша попеченіемъ вѣрнаго Рустама. Богатырь полюбилъ приемыша, какъ роднаго сына, возлюбилъ его, воспиталъ и, по окончаніи ученія, привезъ ко двору въ Истахаръ на удивленіе царю и всему народу.

Одна изъ многочисленныхъ мачихъ Сіавауша, царица *Судабъ*, плѣняя красавицею юностей, пустила въ ходъ всѣ обольщенія кокетства, чтобы свискать его взаимность и восторжествовать надъ его цѣломудріемъ. Отвергнутая съ негодованіемъ, она его же обвинила въ собственномъ своемъ преступленіи (1). На всѣ ея укоризны и слезы Сіаваушъ отвѣчалъ почтительнымъ молчаніемъ. Желая узнать, кто правъ, кто виноватъ, царь Коусъ совѣщали съ

(1) Заимствовано изъ библейскаго сказанія объ Иосифѣ Прекрасномъ и женѣ Истифрѣ, или изъ исторіи Федры и Гипполиата.

придворными волхвами и они, обманув ему, что, молодой князь невинен, предложили подвергнуть его и царицу *испытанию огнем* (*). В назначенный день Судабэ оказалась большою и пролежала в постели; что же касается до Сивавуша, он безвредно проскочил верховъ на конѣ сквозь пылавшій костеръ. Кап-Коусъ торжественно осправдывал сына великодушнымъ правдстваніемъ; царицу же приговорили къ смерти... однако тропутый ей мольбами и слезами, замѣнивъ смертную казнь познаннымъ заточеніемъ. Одновременно съ этими событіями, царю туранскому Афрасиабу приснился сонъ, предвѣщавшій несохитившую побѣду въ случаѣ войны съ Ираномъ. Поводомъ къ сѣ объявленію царю Коусу послужило во первыхъ похищеніе имъ матери Сивавуша, во вторыхъ — убіеніе Сураба. Многочисленныя рати туранцевъ вторглись въ Хорасанъ, овладѣли Балхомъ и многими другими городами. Предводителемъ иранскихъ войскъ былъ назначенъ Рустамъ, а въ помощники ему Сивавушъ. Ихъ побѣды принуждали Афрасиаба вступить въ мирные переговоры, которыхъ не мало способствовали также совѣты астрологовъ и ищія свовидѣнія царя туранскаго. Последній заставлялъ Рустаму значительную контрибуцію; съ обѣихъ сторонъ развѣивалась злобнѣйшая.

Приверженцы опальной царицы Судабэ обвинили Рустама въ заключеніи мира невыгоднаго и унижательнаго для Ирана; обвинили героя въ томъ, что онъ не оспаривалъ Кенесеромъ (столицемъ царства туранскаго) и тамъ не предпугивалъ Афрасиабу новыхъ условий... Неудачу приписывали наконецъ драхлести Рустама, молодости и неопытности Сивавуша. Найты и извѣты придворныхъ при-
давали царю Коусу рѣшимости нарушить миръ и возобновить военныя дѣйствія в, что еще того хуже, восстановили его противъ Рустама. Тщотн послѣдній, въ видахъ блага отечества, возражала царю, что худой миръ лучше доброй ссоры; что война —

(*) Испытаніи огнемъ перенаты были персами у индусовъ и вообще были въ большомъ употребленіи у древнихъ восточныхъ народовъ. Сре-
невѣковая Европа не погнушалась и этимъ падѣлымъ обычаемъ языче-
ства, возведя его, подъ именемъ ордаіи, въ обрядъ религиозный.

разореніе царству: Кап-Коусъ стоялъ на своемъ и, назначивъ предводителемъ войскъ Туса, стозвалъ Сивавуша; Рустамъ, еще ра-
нѣ оставивъ военачальство, ухаживалъ въ свое удѣльное княжество. Зная слабость и безхарактерность отца, Сивавушъ не могъ не го-
завать безотрадыи своего положенія. „Нарушая миръ я извѣ-
нью моему слову“ — говорилъ онъ: — „будучи ему ибренъ, я ослу-
шаюсь отца и царя!“ Кромѣ того, онъ смутно предугадывалъ, что
ирански и ковы эстипенны Судабэ рано или поздно будутъ при-
чинами его гибели... Въ виду всего этого Сивавушъ рѣшился бѣ-
жать въ Китай, чрезъ владѣнія царя туранскаго, общаго ему
свое дружеское содѣйствіе. Увѣдомивъ Коуса почтительнымъ пись-
момъ, Сивавушъ сдѣлалъ начальство надъ иранскою арміею *Бехраму*,
а самъ съ 300 спутниковъ переехалъ черезъ Джихучъ. Въ цар-
ствѣ туранскомъ его съ великими почестями встрѣтили: *Ши-
дагъ*, сынъ Афрасиаба и *Неирапъ* пасадѣйный князь хотенскій...
Афрасиабъ ласкалъ будущаго царя иранскаго, прочилъ ему въ
жены одну изъ своихъ дочерей, въ надеждѣ упрочить миръ род-
ственнымъ союзомъ... Судабэ судила иначе! Царь Коусъ одумался
и приказалъ Тусу военныхъ дѣйствій не открывать; онъ падѣлся
этимъ способомъ привлечь ко двору бѣгльца Сивавуша. Приступили
къ переговорамъ подтверждавшимъ миръ, заключенный Рустамомъ.
Сивавушъ предвидѣлъ гибельныя его послѣдствія, нѣсколько разъ пы-
тался проникнуть за китайскую границу, но Афрасиабъ постоянно
удерживалъ его въ Кенесерѣ, забавляя праздниками да пира-
ствами. Праздники эти сопровождалась обыкновенно веселыми
приказами (*), на которыхъ Сивавушъ особенно отличался, чѣмъ
еще болѣе синкивалъ къ себѣ любовь Афрасиаба и некогда под-
держивалъ его въ намѣреніяхъ породниться съ царемъ иранскимъ.
Волхвы на вопросъ Афрасиаба: сдѣлать-ли дочь его счастливою за
Сивавушемъ, дали отвѣтъ отрицательный; но Неирапъ, вмѣстѣ со
многими астрологами, успокоивалъ и утѣшалъ царя туранскаго са-

(*) Игрща эти, перенаты отъ народовъ восточныхъ и древними гре-
ками и римлянами, въ средневѣковой Европѣ были извѣстны подъ име-
немъ трипировъ.

мыми лестными надеждами. Въ доказательство спосѣй увѣренности, Пейрагъ выдалъ за Сйавуша родную свою дочь, которая родила ему сына *Феруда*. Вслѣдъ за тѣмъ и Афрасиабъ женилъ Сйавуша на своей дочери *Френисъ*, дозволивъ ей переселиться изъ Кенкзера въ одну изъ восточныхъ областей Турана. Свадьбу сыграли съ баснословнымъ великолѣпіемъ, и въ приданое за дочерью Афрасиабъ далъ огромный удѣлъ съ городомъ Шарсаномъ, избравшимъ Сйавушемъ для своей резиденціи. Въ короткое время Шарсанъ, обстроенный великолѣпными дворцами, сталъ чудомъ всей окрестной страны. Пейрагъ, проноживавшій молодыхъ, продолжалъ свой путь въ Индію, гдѣ долженъ былъ собирать подати, и по возвращеніи оттуда черезъ три года, не могъ узнать прежнего Шарсава. По прибытіи ко двору Афрасиаба, Пейрагъ своими восторженными разсказами возбудилъ въ царѣ живѣйшее желаніе побытать въ гостяхъ у зятя, но *Кершивезъ* (дѣдъ Сйавуша, отецъ его матери) отговоривъ Афрасиаба, предложилъ ему послать его за собой, и отправился къ Сйавушу съ подарками и многочисленной свитой. Молодой принялъ его съ величайшимъ уваженіемъ, чувствуя прибытіе дѣда блестящими праздниками. Зависть къ доблестямъ внука закрадась въ сердце старика, и мысль, что впоследствии можетъ быть со временемъ обладателемъ Турана, не давали покоя Кершивезу. По возвращеніи къ брату, онъ постарался всасчески очернить въ глазахъ его своего внука и усомниться въ вѣрности послѣдняго. По словамъ Кершивеза, Сйавушъ велъ тайную переписку съ Косумомъ и въ своихъ подданныхъ старался развѣивать ненависть къ Афрасиабу. Испуганный этими клеветами царь поручилъ брату снова съѣздить въ удѣлъ внука, собрать еще свѣдѣнія и, если возможно, вывезти оттуда жену его, княгиню Френисъ. Въ Шарсанѣ коварный Кершивезъ наговорилъ Сйавушу, что злодѣи оклеветали его царю Афрасиабу и призывая съ собою въ Кенкзеръ увѣрили, что это единственное средство опочадиться и обезоружить клеветниковъ. По возвращеніи къ Афрасиабу, онъ напелъ ему новыхъ небывлицъ на бѣднаго своего внука, сломомъ, дѣйствовалъ со всей дявольской тактикой вѣроломства. Иного развѣшенія задачи, по его словамъ, не было, кромѣ отсылки въ удѣлъ Сйавуша сильного отряда войскъ. Афрасиабъ самъ при-

пять начальство надъ ними и одновременно съ этимъ рѣшеніемъ Сйавушъ видѣлъ сонъ, будто Афрасиабъ толкаетъ на него огненную гору и бурный, ревущій потокъ. Какъ бы въ подтвержденіе сна, къ Сйавушу припекалъ паропыль съ письмомъ отъ дѣда, въ которомъ злодѣй, предвѣщая его объ угрожающей опасности, обѣщавалъ бѣжать въ Иранъ не тѣряя ни минуты...

Этотъ разсказъ персидскихъ лѣтописцевъ, разсказъ полубаснословный, сотканный изъ лжи и правды, несколько наводитъ на мысли не совсѣмъ лестныя для человѣчества вообще. Самые прилежные розыски хронологіи не въ состояніи опредѣлить, въ какомъ именно вѣкѣ до Р. X. жили эти герои Ирана.... но жили они, во всякомъ случаѣ, за нѣсколько столѣтій до нашей эры, слѣдовательно тысячи за три лѣтъ до нашего времени. Между тѣмъ въ характерѣ Кершивеза мы видимъ многія черты, напоминающія изверговъ времени недавно минувшихъ; онъ какъ будто поскрестъ въ лицѣ *Ричарда III* англійскаго, *Христиана* датскаго, *Карла IX* французскаго, *Филиппа II* испанскаго, *Медичи* и *Борджиа* итальянскихъ. Спрашивается, брали ли эти тираны и злодѣи древнихъ себѣ за образецъ, или будучи самобытными злодѣями, были такъ сказать, отлиты въ одну форму съ древними извергами? Можно ли заключать изъ послѣдняго предположенія, что злодѣйство и развращенность сердца человѣческаго были ему присущи, чуть ли не съ первыхъ вѣковъ бытія? Почему бы не такъ: первый убійца былъ Каинъ...

Слѣдуя совѣту дѣда, Сйавушъ бѣжалъ въ Иранъ, покидая беременную жену, которой поручилъ назвать ребенка (если родится сынъ) *Хосру*, т. е. счастливымъ. Въ торопихъ бѣглець забылъ надѣть волшебный пагрунникъ, подаренный ему Рустамомъ. Въ дорогѣ на него падали воины Афрасиаба и не смотря на запрещеніе Сйавуша, малочисленные его спутники вступили съ ними въ бой... Бѣглець былъ взятъ въ вѣзгъ и прирешенный къ Кершивезу настоятельно требовалъ смѣнанія и объясненія съ царемъ Афрасиабомъ... Дѣдъ отговаривалъ его.

— Ты слишкомъ добръ, говорилъ онъ внуку: — ты тронешься увѣренными и раскаяешься тестя и проиграешь правое дѣло!

Между тѣмъ Френисъ, жена Сйавуша, прибѣжавъ къ отцу, исторія релятій т. III.

заливаясь слезами позвала поредь нить на кольяхъ и вымаливала прощенье пенипатоному мужу; Афрасиаб колебался... Керши-везъ, уведя племянницу въ особый шатеръ, сужьля ожесточить брата и вынудить у него смертный приговоръ зятю, и Сивавуша зарѣзали. Песбо и земли, говорить дѣтиснецъ, очевидно выразили свое негодование на злодѣйство: жестокая буря разразилась надъ лагеремъ Афрасиаба, а изъ земли, на томъ мѣстѣ гдѣ была пролита кровь Сивавуша, выросъ колючій кустарникъ, названный *хун-сйавуши*, т. е. кровь Сивавуша (*). Волхвы объявили, что чужда эти предвѣщаютъ великія бѣдствія, которыя постигнуть Туранъ въ близкомъ будущемъ. Невасытный кровью Кершивезъ, пытался было склонить Афрасиаба на умерщвление дочери, но Пейрану удалось отстоять эту новую жертву предательства и тупоумія: онъ увезъ ее въ свое удѣльное княжество Хотенъ, гдѣ Френгисъ вскоре родила сына, названнаго *Хосру*, согласно желанію выраженному покойнымъ Сивавушемъ.

Этотъ *Хосру* одинъ изъ любимѣйшихъ героевъ народныхъ преданій былъ на сколько можно догадываться, нѣкто иной, какъ *Киръ*; Афрасиабъ — *Астиагъ*, а Сивавушъ и Френгисъ — *Астиагъ* и *Мандаица*... Такимъ образомъ, въ легендарной исторіи исповѣдниковъ Авесты, мы находимъ четвертую редакцію біографіи Кира. Просимъ читатели, сличая факты исторіи съ вымыслами персидскихъ дѣтиснецовъ, сдѣлать выводъ насколько правдивы послѣдніе.

Пейранъ увѣдомляя царя Афрасиаба о рожденіи внука, предупредилъ его, что Хосру будетъ отдаданъ на воспитаніе пастухамъ, которые скроютъ отъ князя настоящее его происхожденіе — присонокушля въ заключеніе, что по гороскопамъ астрологовъ будущность Хосру — совершеннѣйшее ничтожество... Афрасиабъ мало во малу позабылъ о существованіи внука. Съ нѣжѣйшаго дѣтства Хосру обнаруживалъ сильнѣйшую склонность къ охотѣ и воинскимъ упражненіямъ: десяти лѣтъ онъ ходилъ на львовъ и тигровъ, вы-

казывая богатырское мужество. Пейранъ образовалъ его сообразно его происхожденію, и ребенокъ давалъ счастливіѣйшіе задатки на будущее. Около этого времени Афрасиабу приснился страшный сонъ, заставившій старика опасаться внука, котораго онъ не безъ злаго умысла пригласилъ къ себѣ во дворецъ. По совету благоразумнаго Пейрана, молодой Хосру прикинулся помѣшаннымъ и такъ искусво разыгралъ свою роль, что дѣдъ смѣнилъ недавнюю ярость на сожалѣніе и совершенно успокоился на счетъ внука. Послѣ того Хосру, выйдя съ матерью, поселился въ Шарантѣ.

Бѣдственная участь покойнаго Сивавуша въ теченіе десяти лѣтъ ставалась тайною для иранцевъ. Свѣдѣвъ о гибели сына, царь Кап-Коусъ собралъ совѣтъ, чтобы лучше обдумать мнѣніе вѣроломныхъ туранцевъ... Рѣшили единогласно объявить войну; Рустамъ, кромѣ того, предложилъ — казнить царя Судабзъ, какъ главную виновницу гибели Сивавуша... Не ожидая утвержденія приговора, богатырь, изъ залы совѣта, пошелъ на царскую половину и заколотъ царя. Война съ самаго начала была озвѣменована подвигами Фермерза, сына Рустама: при первомъ сраженіи онъ разбилъ на голову туранцевъ и съсучуно убилъ ихъ предводителя; при второмъ взялъ въ плѣнъ царевича, сына Афрасиаба. Въ отмщеніе за смерть Сивавуша, Рустамъ казнилъ плѣнника.

Устизая себѣ путь непріятельскими трунами, иранцы шли къ Кенекзеру, столицѣ царства туранскаго, и подлѣ стѣнами ея были встрѣчены многочисленной арміей предводимой самимъ Афрасиабомъ *Пенселемъ*, братъ Пейрана, вызвава на единоборство всѣхъ иранскихъ богатырей, въ особенности же Рустама. Престарѣлый герой, принявъ вызовъ, вышелъ Пенсема изъ сѣда и подливъ его на копьѣ бросилъ трупъ въ ряды туранцевъ... Схватка сдѣлалась общою и была ожесточенная: подлѣ Афрасиабомъ былъ раненъ конь и злодѣй едва избѣжалъ плѣна, отступивъ къ китайской границѣ. Почти весь Туранъ былъ покоренъ. Рустамъ пощадилъ жизнь плѣнныхъ, но захваченную царскую казну раздалъ своимъ воинамъ. Семь лѣтъ сидѣлъ онъ въ Кенекзерѣ, облеченный саномъ наместника, утверждая и упрочивая власть Коуса надъ туранцами. Придворные плетунъ обвинили героя въ преслѣдованіи своекорыстныхъ цѣлей и въ подозрительномъ происхожденіи къ Афрасиабу и

(*) Особый видъ кактуса весьма колючаго съ ярво красными цвѣтами въ видѣ кровавыхъ капель. Растеніе это играетъ роль во многихъ легендахъ средневѣковой Европы.

его семейству, которых по настоящему онъ долженъ бы былъ перерезать. Эти наветы побудили безмысленнаго Коусу — отказать Рустаму во вспомогательныхъ войскахъ. Богатырь, не въ силахъ будучи держаться долѣе въ покоренномъ царствѣ, отступилъ, предавъ области туранскія огню и мечу. Этими поступкомъ онъ далъ клеветѣ новую пищу: одобрилъ его за олуствошеніи, шептунъ обвиняли его теперь, зачѣмъ онъ не продолжалъ завоеваній. Не удостоившая отвѣтомъ этимъ шпильщикамъ пресмыкающихся, Рустамъ удался съ театра войны въ свое удѣльное княжество... Въ Иранѣ пошла распри и усобицы, пользуясь которыми Афрасиабъ свергнулъ его тѣготѣвшее надъ туранцами: Кай-Коусъ изъ повелителя сталъ данникомъ, позоромъ и униженіемъ искупалъ недавнія побѣды надъ неприятелемъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Сноивидіи Гудерза. — Визитъ Хосру. — Осада Ардебилъ. — Дивы и оцены стрѣлы. — Завоеваніе Ардебилъ. — Состязаніе богатырей. — Гербы. — Енисборство. — Волхвъ Базуръ — Барзу. — Исповидь Кай-Хосру и его закличаніе народу. — Избраніе наследника. — Шествіе на богомолье. — Исчезновеніе Кай-Хосру.

Сжались надъ бѣдственнымъ положеніемъ Ирана, Богъ послать этой странѣ избавителя въ лицѣ *Гива*. Отецъ его, *Гудерзъ*, видѣлъ во снѣ сибѣзгаго духа, сказавшаго ему: „спасеніе Ирана зависить отъ избавленія Хосру, сына Сйавуша: покуда царевичъ будетъ томиться въ плѣну у туранцевъ, до тѣхъ поръ тысячи бѣдъ ствѣютъ тяготѣть надъ твоимъ отечествомъ. Мужество и доблести сына твоего Гива помогутъ ему достигнуть той высокой цѣли, къ которой онъ предназначенъ; предназначеніе же его въ томъ, чтобы освободить царевича-узника... Спѣши возвестить это Гиву и слава его подвиговъ озаритъ все твое поколѣніе!“

Тотчасъ же по пробужденіи Гудерзъ сообщилъ сыну о томъ, что въ сонной грѣзѣ возвѣстилъ ему сибѣзгай духъ. Гивъ перешелся въ платѣ туранца и, послѣ трехлѣтнихъ поисковъ, напавъ на слѣды Хосру отправился въ Шарсанъ. Здѣсь онъ встрѣтилъ царевича на загородной прогулкѣ и открылъ ему ту блестящую будущность, которую готовила ему судьба. Слава Гива тѣмъ болѣе поразила Хосру, что не задолго передъ тѣмъ его мать, Френгисъ, имѣла совершенно такое же сновидѣніе, какъ и Гудерзъ. Ночью, царѣвъ и царевичу удалось съ малочисленной свитой ускользнуть изъ подъ бдительнаго надзора Непрапа; когда же послѣдній пустился за ними въ погоню, Гивъ защищая бѣглецовъ сразился съ нимъ и послѣ упорнаго боя — обезоружилъ его. Переправившись чрезъ Джихунъ, Хосру, съ матерью и Гивомъ, прибылъ въ Истахаръ къ Каусу. По совѣту астрологовъ старый царь объявилъ внука своимъ наследникомъ, приставивъ къ нему Гудерза въ качествѣ попечителя. Нареченіе пастыремъ ивоменника, встрѣтило противниковъ въ лицѣ многихъ вельможъ; явились и приверженцы Косру... Образовались партіи Косру и Ферибурза. Каусъ, посоветавшись съ волхвами объявилъ, что царемъ будетъ тотъ изъ двухъ претендентовъ, который овладѣетъ Ардебилемъ — крѣпостью, защищаемой дивами и не признававшей надъ собою власти царей персскихъ. По жребію Ферибурзъ первый попытался счастья, но безуспѣшно: дивы встрѣтили его дружины градомъ огненныхъ камней и дождемъ *оценыиго стрѣлъ* (*) и въ короткое время истребили до ста тысячъ воиновъ... Ферибурзъ и Тусъ, его приверженецъ, позорно бѣжали.

Пришла очередь Косру отправляться въ походъ съ вѣрными своими друзьями Гудерзомъ и Гивомъ. Ставъ подъ стѣнами Ардебилъ, герой крикнувъ громкимъ голосомъ:

(*) Апахропизмы, свойственные лѣтописцамъ всѣхъ народовъ, особенно часты въ восточныхъ лѣтописяхъ. Писатели перѣдко сблизжались между собою событія, отдавая другъ отъ друга цѣлыми вѣками. Огненныя стрѣлы, какъ нѣмъ кажется, довольно пошлостью намекомъ на употребленіе въ военныхъ дѣлѣхъ свирѣлыхъ огнестрѣльныхъ или горючаго состава въ родѣ знаменитаго греческаго огня.

— „Люди и духи, какого-бы вы ни были рода и племени, повелеваю вам: сдать мне Ардебиль и поклониться моей власти и моему закону! Ослушников поразит гневъ Божій...“ Это-же самое воззваніе, написанное, было поднесено Гивомъ на остріи копья къ городскимъ стѣнамъ и, мгновенно сорванное вѣтромъ, занесено имъ въ самую средину укрѣпленій... Одновременно, небо очевидно приняло сторону Косру: густыя, черныя тучи павили надъ крѣпостію и падали на ея защитниковъ малодушный ужасъ; стрѣлы, которыми иранцы привыкли осыпая ихъ, довершили торжество Косру и городъ отворилъ ему свои ворота. Завоеваніе Ардебиль положило конецъ притворнымъ крамоламъ и враждованіямъ партій. Сторонники Ферибурза поклонились побѣдителю; царь почтилъ его семнадцатымъ торжествомъ и прозвѣснѣлъ *гулайуна*, т. е. великаго (точнѣе *Аугуста*, въ томъ смыслѣ какъ приравнивали себя этотъ титулъ императоры римскіе); затѣмъ уступилъ Косру свою тиару, удаляясь въ уединеніе на остатокъ дней.

Ослабеновавъ свое воярѣніе многими милостями и щедротами народу, *Каи-Хосру* созвалъ совѣтъ изъ удавленныхъ князей, вельможъ и военачальниковъ, разсказать имъ о бѣдственной участи своего покойнаго отца и о всѣхъ тяжкихъ оскорбленіяхъ нанесенныхъ Ирану царями тураниками. „Не сочтутъ-ли члены совѣта необходимымъ, сказать царю въ заключеніе, въ видахъ пользы государственной и чести народнои, объявить войну нашимъ врагамъ?“ Совѣтъ отвѣчалъ единодушнымъ согласіемъ и Рустамъ назначенъ главнокомандующимъ, но одряхлѣвшій богатырь, извѣщая старческими недугами, отклонился отъ этой чести и подаль голосъ въ пользу *Тука*. Въ этомъ знаменитомъ походѣ приняли участіе удавленные князья въ числѣ 560 человекъ. Спарывая ихъ на битву, царь предложилъ пѣхъ за соответствующія вознагражденія совершить слѣдующіе шесть подвиговъ:

- 1) Побѣдить и убить *Беласшиана*, исхитивъ у него его мечъ и боевого коня;
- 2) Побѣдить зятя царя Афрасіаса, *Инджаса*, и сорвать съ головы его шлемъ;
- 3) Похитить у него прелестную невольницу *Асенту*, обладающую очаровательнымъ голосомъ;

4) Обезглавить Тоджава;

5) Достигнуть до Казе-Руда и воздать должная почести Сиваушу на его могилѣ, а затѣмъ выжечь обширный дранучій лѣсъ, находящійся въ ея окрестностяхъ;

6) Явиться къ царю Афрасіабу, посчитать всѣ его злодѣянія и объявить ему, что онъ повесить за нихъ достойное наказаніе.

Совершеніе первыхъ трехъ подвиговъ звалъ на себя богатырь *Биджанг*; отецъ его Гивъ — четвертаго и пятаго; *Керкиш-Миладъ* — шестаго.

На смотрѣ своихъ войскъ Каи-Хосру явился въ блестящемъ царскомъ одѣяніи на блѣдомъ словѣ; царя сопровождали старцы-богатыри Заль (?) и Рустамъ; войска, съ витязями и богатырями во главѣ, проходили передъ Хосру церемональнымъ маршемъ. У каждого князя и витязя былъ свой значекъ съ особымъ изображеніемъ, которымъ слѣло можно называть *гербани*, такъ какъ геральдика началось своимъ обязаніемъ востокъ. Въ гербѣ Ферибурза было *солнце*, Гудерза — *левъ*, Гива — *волкъ*, Фермерза — *семизавый драконъ*... Длинное шествіе замыкала Тусъ, несшіи кожаное знамя Канеха (см. Гл. XX). Двухсотъ тысячная армія переправилась чрезъ Джихунъ и Тусъ, вопреки царскому приказу, вторгнувшись въ область *Черема* — удѣлъ *Феруда*, брата Хосру и сына Сивауша. Ферудъ вызвалъ на поединокъ (на стрѣлахъ) Тука и его зятя: будучи отличнымъ стрѣлкомъ, но плохо владѣя саблею, онъ былъ побѣжденъ и отступилъ къ укрѣпленіямъ Черема, которыя были осаждены. Смертельно раненый на вылазкѣ Ферудъ взялъ со своей матери и всѣхъ окружающихъ клятву — не сдаваться живыми... Отчаянная мать собственноручно зажгла городъ и зарывалась надъ трупомъ сына; родственники и воины покойнаго побросавъ съ высокихъ стѣнъ кремля (а) и въ нѣсколько часовъ

(1) Персидскіе лѣтописцы, не довольствуясь безсмертною славою своихъ героев, награждаютъ ихъ и физическимъ безсмертіемъ. Ниже мы подробно поговоримъ объ этомъ.

(2) Планы нашихъ древнихъ городовъ сконструированы съ плановъ городовъ восточныхъ, у которыхъ акрополисы или кремни были непрезвѣной принадлежностью.

городъ Черемъ — недавно богатый, красивый, представлялъ одинъ окровавленный развалины. Тутъ съ честью похоронили Феруда и его мать, и уступивши далѣе встать укрѣпленнымъ лагеремъ близъ Казе-Руда въ виду туранской арміи предводимой Белашаномъ. Здѣсь онъ почтилъ жемчугу Сіауна кровавою тризною (*), зарѣзать надъ нею плѣшниковъ; зажегъ обширный *лесъ кукхерскій*, пожаръ котораго продолжался цѣлый мѣсяцъ... Бидженъ вѣрный своему обѣщанію обезславилъ Белашана, овладѣвъ его конемъ и мечемъ: видя это туранцы подъ обаяніемъ шапки обратились въ бѣгство. Не трудясь ихъ преслѣдовать Бидженъ вторгся въ удѣлъ Теджана, сражился съ нимъ, сорвалъ съ него плечъ и вынулъ въ плѣвъ его сладкогласную пеловышну Асенуни! Успѣшныи успѣхами Тутъ предавался порывамъ необузданной ярости, придавъ честной войнѣ характеръ разбоя и грабежа, чѣмъ скорѣе уничтожилъ въ рѣдкахъ своихъ войскъ всякую дисциплину. Пользуясь этимъ Пенранъ, нападъ ночью на лагерь Туса, перерѣзавъ великое множество туранцевъ, а предводители ихъ принудилъ къ постыдному отступленію. Кая-Хосру, негодую на Туса за убіеніе брата и за послѣдующія ошибки, сбивши его, называя на его мѣсто Ферибурза, мужа доблестнаго, но къ несчастію не имѣвшего достаточнаго количества войскъ, чтобы противустать Афрасіабу. Война, превосходно начатая, окончилась отступленіемъ иранцевъ, гибелью многихъ богатцевъ и торжествомъ враговъ. Собравъ полныя ополченія Кая-Хосру, по совѣту Рустамъ поручилъ свѣщенному Туеу опять принять начальство и продолжать военныя дѣйствія. Онъ открылся вновь поединкомъ двѣнадцати воиновъ Туса съ двѣнадцатью туранцами и первые взяли верхъ. Пенранъ желая поддержать унадающій духъ туранцевъ приближилъ къ содѣйствію колдуна *Багура*, который взойдя на гору читалъ заклинанія и совершалъ чародѣйскіе обряды: страшная гроза съ громомъ разразилась надъ станомъ иранцевъ, а Пенранъ пользуясь смятеніемъ, нападъ на нихъ. Одинъ изъ воиновъ Туса, узнавъ, что врагъ одолевается вслѣдствіе чаръ и волхованій Багура, поднялся къ нему на гору,

(*) Тризны или попки персians и къ славянамъ а отъ язычества дошли и въ христіанство. Обычай—не обрядъ, похвѣрье—не догматы.

убилъ его и отрубивъ ему руку принесть ее Туеу... Небо вылетѣло, тучи разсѣлись и иранцы имѣли возможность, если не осилить непріятеля, то, по крайній мѣрѣ, отступить въ стройномъ порядкѣ (*). Обѣ стороны не рѣшались начинать сраженіе, ожидая помощи: Пенранъ—союзныхъ кпайскихъ и индійскихъ войскъ, а Тутъ вспомогательныхъ дружинъ подъ предводительствомъ Рустамъ, сломившагося наконецъ на просьбы царя Хосру.

Вѣсть о приближеніи его къ лагерю воскресила унадавшее мужество иранцевъ и нагнала ужасъ на ихъ враговъ, ужась до того сильный, что Пенранъ попросилъ мира. Рустамъ не упрямился, основывая миръ на двухъ условіяхъ: на казни убійцы Сіауна и на признаніи царя туранскаго данникомъ Кая-Хосру. Отвѣтъ должны были дать туранцы не позже сутокъ, въ противномъ случаѣ опять война. На совѣтѣ, собранномъ Пенраномъ, большинство не соглашалось принять этихъ унижительныхъ условій, предпочитая изъ смерти въ бою.

Безконечная эта война—*окончилась* наконецъ, по видимому лѣтъ черезъ пятьдесятъ, казнью вѣчнаго Афрасіаба, брата его безсмертнаго Керписеца и совершеннымъ порабоженіемъ Туррапа. Кромѣ поединковъ, обыкновенно начинавшихъ каждое сраженіе, въ исторіи ирано-туранскихъ войнъ встрѣчались довольно интересные эпизоды, не лишеныя своего рода драматизма и поэзіи. Къ числу таковыхъ можно отнести жемчугу богатыря Биджена на *Менидже*, дочери Афрасіаба: злодѣй отецъ мужа засадилъ въ пещинный колодезь, а женѣ велѣлъ ежедневно приносить ему ишду, подавая ее спускомъ разсѣлину камня, прикрывающаго колодезь. Несчастной было запрещено, подъ опасеніемъ голодной смерти мужа, не только утишать его, но даже подавать ему голосъ; она должна была молча слушать его вопли, молебны и жалобы—молча, отвѣчая на нихъ безмолвными слезами и вздохами. Рустамъ освободилъ узника и вывѣсть съ его женою привезъ въ Истахаръ. На одномъ изъ поедин-

(*) Почти точно такой-же разсказъ о волхвахъ, насылавшихъ бурю на осаждающихъ, сохранился и въ нашихъ преданіяхъ объ осадѣ Казани Иваномъ Грознымъ въ 1552 году. У литовцевъ всѣхъ ильмовъ и народный обычай таковъ: бури въ пользу лану—отвѣдная помощь неба; она-же во вредъ намъ—пущеніе злаго духа.

ковъ безсмертный богатырь, все тотъ же Рустамъ, сразился съ вятиемъ туранискимъ *Барзу* и былъ имъ раненъ; потомъ, въ свою очередь ранилъ его и назвалъ въ плѣнъ, онъ узналъ по золотому браслету, что это никто другой, калъ родной его внукъ, сынъ Сураба (см. гл. XXII). Этого самого Барзу Афрасиабъ поручилъ похитить у Рустама одной чародѣйкѣ-пѣвицѣ, которая было и прозвалась въ удѣльное княжество богатыря, но была имъ узнана и заточена въ темницу и проч. и проч. Скажемъ въ заключение, что персидскія эпосы — пестротой картинъ, яркими красками и затѣйливостію сюжета напоминаютъ вычурные, причудливые рисунки персидскихъ шалей: отъ послѣднихъ рубить въ глазахъ, отъ первыхъ утоляется вниманіе читателя и ухо слушателя!

Кап-Хосру, подъ старость, сталъ пренебрегать дѣлами государственными, обѣдился и неоднократно выражалъ желаніе сложить царскую тиару, бременную его ослабѣвшую голову. Вельможи, опасаясь кровавыхъ усобицъ, призвали въ Истахаръ удѣльных князей-героевъ: Гудеру, Гива, Зала и Рустама, умоляя ихъ отклонить царя отъ его намѣренія отречься отъ престола. Царь былъ непреклоненъ; отвѣчалъ, что волю свою объявитъ въ скоромъ времени. Дѣйствительно, на третій же день, онъ созвалъ на обширную, загородную поляну вельможъ, жрецовъ, воиновъ, вопровъ и весь свой народъ. Сиди на тропѣ, во всѣхъ царскихъ регаліяхъ, Хосру среди благоговѣннаго безмолвія съ удивительною скромностію припомнилъ о славнѣйшихъ событіяхъ своего царствованія, о трудахъ своихъ, подъятыхъ на пользу народа, о преклонныхъ лѣтахъ своихъ и неизглаголанномъ желаніи окопчить дни на покой. Народъ отвѣчалъ ему слезами. До павременнаго преемника, царь тутъ же вслухъ прочиталъ свою духовную, въ которой Залу и Рустаму отдалъ всѣ несчетныя сокровища; Гудеру и его дѣтямъ обширныя удѣлы; Тузу боевыя коней своихъ и богатѣйшія табуны; Ферибурзу свое драгоцѣнное оружіе. Одну треть собственной своей казны царь назначилъ въ раздѣлу военнымъ, другую вдовамъ, сиротамъ, убогимъ и нищимъ, третью на поддержку и укрѣпленіе общественныхъ сооружеій: баль, гостиницъ, дворовъ, водопроводовъ, храмовъ и мостовъ. Душеприкащикомъ своимъ царь назна-

чилъ Гудеру, наслѣдникомъ же назвалъ *Лораспа* пра-правнука Кап-Косада.

Этотъ выборъ былъ встрѣченъ возраженіями со стороны вельможъ: они заявили, что по закону наслѣдникъ долженъ принадлежать къ царской кровн, но Кап-Хосру, непоколебимый въ своемъ рѣшеніи, оправдывалъ его во первыхъ, высокими дарованиями и добродѣтелями Лораспа, а во вторыхъ бывшимъ ему, царю, внушеніемъ свыше... Коронованіе юного царя совершилась немедленно: Хосру сворочилъ убивать его тиарою, вѣрде палъ пилѣ, а вельможи осыпали Лораспа, по тогдашнему обычаю, золотомъ, серебромъ и драгоцѣнными камнями.

На другой же день Хосру пожелалъ отправиться изъ Истахара въ храмъ Адербиджанскій, за-просто, безъ свиты, однако же взялъ и ее, по настоянію Лораспа и чародѣйцевъ. У подножія одной горы, Хосру предрекъ необыкновенный ураганъ и предупредилъ своихъ спутниковъ, приказавъ имъ возвратиться въ городъ, оставивъ его одного; по спутники не послушались. Приближалась ночь; царь удалился для отдыха въ свой палатъ, откуда исчезъ пѣвчодокуда. На зарѣ разразилась буря съ сильной снѣговой метелью, по времѣ которой погибли Гивъ, Биджѣвъ, Варзу и многіе изъ спутниковъ, бывшихъ сподвижниковъ царя Хосру... Всѣ розыски оцѣмъ остались тщетны и рѣшили, что вмѣстѣ съ душами погибшихъ спутниковъ царь былъ восхищенъ на небо!...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Лораспа. — Перенесеніе столицы. — Завоеванія. — Рунамъ-Навуходносоръ. — Паревъ Густиспа. — Блистое въ Румъ. — Паревна Катайгу. — Обрядъ выбора жениха. — Браки. — Подвиги Густиспа. — Бой съ драконами. — Зериръ. — Замѣтка о доминантности богатырей. — Зороастръ. — Эсфендіаръ. — Поединокъ съ Рустамомъ. — Волшебная стрѣла. — Базманъ.

Лораспа въ началѣ царствованія выказалъ блестящія дарованія и самую миролюбивую наклонности. Уклонившись отъ столкновеній съ Тураномъ, царь зорко слѣдилъ за покоренной страной и

новымъ ея государемъ, *Арджастанъ*, готовившимся въ тайнѣ свергнуть ненавистное иго. Възкояла вражда древней Персїи съ Тураномъ, частыя кровопролитныя войны между этими двумя соседними царствами — явленія самыя обыкновенныя и во всемірной исторїи; явленія, подтверждающія ту великую истину, что два могучіе, почти единовременные парода, не могутъ не враждовать между собою. Примеры многочисленны и нельзя не указать на *Францію* и *Англію*, *Швецію* и *Данію*, наконецъ на *Россію* и *Польшу* XVI и XVII вѣковъ.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ своего воцаренія Лорасъ перенесъ столицу изъ Истахара въ Балкъ, въ Хорассанъ, для удобнѣйшаго наблюденія за дѣйствіями Арджасана туранскаго. На украшеніе новой столицы Лорасъ потратилъ несмѣнныя суммы; особенно же дорого обошлась постройка великолѣпнаго храма *Ну-бакара*, къ которому изъ окрестныхъ странъ стекались сотни тысячъ богомольцевъ. За любовь Лорасна къ новой резиденціи народъ далъ ему прозвище *балки*, т. е. балкискаго. Мятѣжи въ Азербиджанѣ, Сирїи и Малой Азїи вскорѣ побудили царя взяться за оружіе. Умиротвореніе мятѣжныхъ областей было поручено *Ругаму*, сыну Гудерза, съ предоставленіемъ ему права обращаться съ еною собственностью покоренныхъ землѣ. Ругамъ покорилъ Халдею (*Иракъ-ариби*), Сирїю, Палестину и Египетъ, заслуживъ за эти подвиги прозвище *Павуходоносора* (*) и въ тоже время возбуждъ зависть во всѣхъ удѣльныхъ князьяхъ и вельможахъ. Старшій сынъ царя *Густиасна*, попросивъ у отца половину царства, далъ ему обѣщаніе своимъ подданными затѣять славу Ругаму. Лорасъ съ гнѣвомъ отвергъ это предложеніе и Густиаснъ сѣзжалъ. Въ погоню за нимъ послано было три отряда въ Малую Азїю, въ Туранъ и въ Индію; послѣднему, предводимому *Зериромъ*, братомъ Густиасна, удалось настигнуть сѣзгленца въ Кабулъ и принести обратно въ Балкъ. Строго выговаривъ сыну за его неповиновеніе, Лорасъ однакоже простилъ его, обѣщая забыть прошлое.

(*) Павуходоносоръ слово халдейское: царь покровительствуемый богомъ, планетою Меркуріемъ — предназначено въ персидскихъ златописяхъ на бахтъ-аль-наеръ, удачливый на побѣды.

Прощеніе это не успокоило царевича: волхвы предсказывали ему новыя опасности въ близкомъ будущемъ, и онъ сѣзжалъ вторично, переходя въ и подлѣ испещрѣ *Феррузада* въ землю *Ругъ* (часть Малой Азїи и Греціи). Здѣсь онъ часто забавлялся охотою и однажды преслѣдуя звѣря, встрѣтился съ любимцемъ императора греческаго и подружился съ нимъ. Любимецъ не могъ однако же узнать отъ царевича тайну настоящаго его званія и имени. Такъ прошло нѣсколько лѣтъ, въ теченіе которыхъ дочь императора *Катайуизъ* достигла возраста, въ которомъ по закону могла избрать себѣ мужа. Согласно обычаю, императоръ призналъ въ своемъ дворѣ знатнѣйшихъ молодыхъ людей, изъ среды которыхъ царевна могла бы выбрать счастливца. Нанавуитъ для выбора, Катайуизъ выдѣла во снѣ прелестнаго юношу, предложеннаго ей букетъ цвѣтовъ, и черты лица призрака глубоко вѣзались въ ея память. На другой день, обойдя шеренгу выстроившихся жениховъ, Катайуизъ ни на одномъ не остановила вѣжнаго взгляда. Императоръ велѣлъ удесверить число искателей руки царевны, дозволивъ явиться во дворецъ юношамъ всѣхъ сословій. На этотъ разъ, между зрителями явился Густиаснъ и увидя его, царевна въ волненіи, *подавъ слухъ ангеламъ* въ знакъ избранія, убѣждала изъ чертова царскаго. Выборъ царевны огорчилъ императора, но дочь его оправдывалась чудеснымъ своимъ сношеніемъ; сторону же счастливца принялъ и другъ его, любимецъ императорскій. Жрецы и вельможи, у которыхъ отецъ просилъ совѣта, отиѣчали, что государю не слѣдуетъ парушать ви обичаевъ старины, ни своего слова. Пришлось императору, скрѣпивъ сердце, дать согласіе на свадьбу дочери: свадьбу сыграли за-просто, а императоръ далъ за Катайуизъ значительное приданое, приказавъ ей вмѣстѣ съ зятемъ удалиться въ загородный дворецъ и не показываться ему болѣе на глаза. Кромя Катайуизъ, у императора было еще двѣ дочери, но въ огражденіе ихъ отъ подобнаго же скандала, онъ именнымъ указомъ уничтожилъ старинный обычай объявлять, что впредѣ императоръ будетъ самъ избирать жениховъ своихъ дочерямъ. Онъ прочитъ имъ *Мирину* и *Акрена*, попомощью Салма, сына Афридына царя, но не отказывая и прочимъ, разубѣдилъ жениховъ состязаться между собою и заслужить честь понасть къ нему въ

аятия совершениемъ какого нибудь важнаго подвига. Мирину было поручено убить дикаго звѣря, производившаго въ соседствѣ лѣсу страшныя опустошенія. Соплывать со звѣремъ было ему не подъ силу и женихъ просилъ совѣта у императорскаго любимца. Тотъ сказалъ слово Густаспу и иранскій царевичъ съ удовольствіемъ исполнилъ желаніе своего благодѣтеля: онъ убилъ звѣря и вырвалъ у него два огромные зуба (вѣроятно, клыка) сохранить ихъ на память объ удачѣ. Уговорились сохранить все дѣло въ тайнѣ, предоставивъ Мирину приписывать себѣ всю славу подвига, совершеннаго чужими руками. Свадьбу минаго побѣдителя отпраздновали съ истинно царской пышностью и Миринъ, желая отблагодарить Густаспа, подарилъ ему саблю предка своего Салма. Черезъ два года Ахренъ, братъ Мирина, поженатъ за третью дочь императора и получивъ согласіе, съ условіемъ убить *ужаснаго дракона*, созданнаго Арилатомъ и нагналишаго страхъ на всю окрестность. И на этотъ разъ Густаспъ выручилъ жениха, убивъ дракона и взявъ на память зубъ чудовища. Свадьба Ахрена была сыграна великолѣпнѣе свадьбы его брата. На играхъ Густаспъ выигралъ всѣ призы и на вопросъ императора объ имени, назвалъ Феррухзадомъ. Тогда тестъ обласкавъ его, силой опалу съ него и Катайпуть, пригласилъ ихъ переселиться во дворецъ и жить съ нимъ. Феррухзадъ по секрету открылъ императору, какъ оба другіе его зятя совершили свои подвиги, и за это императоръ назначилъ его предѣлительствомъ своего совѣта и начальникомъ всѣхъ войскъ. Царевичъ испоркъ оправдалъ этотъ выборъ, отразивъ *ахзаровъ*, вторгнувшихся въ области Рума (*).

Слухи о подвигахъ минаго Феррухзада достигли до Лораспа и крайне его встревожили, заставляя видѣть въ этомъ героѣ новаго своего врага, а съ него достаточно было уже и Арджаспа тураникаго, отложившагося отъ нга Ирана. Императоръ румскій, по совету Феррухзада, также отказался платить обычную свою дань царю иранскому. Послѣдній сталъ готовиться къ войнѣ и въ то же время узнавъ отъ посланниковъ императорскихъ, что Феррух-

задъ чертами лица напоминаетъ Зерира, сына его, не могъ не предаться смутнымъ предчувствіямъ, говорившимъ ему, что румскій герой—сынъ его Густаспъ. Волхвы присоветовали ему войны не начинать, и онъ рѣшился на миръ, хотя и не выгодный, но болѣе согласный съ его родительскими чувствами. Вести переговоры было поручено Зериру; ему же Лораспъ приказалъ собственными глазами удостовѣриться, дѣйствительно ли Феррухзадъ и Густаспъ—одно и то же лице. Узнавъ брата, Зериръ отъ имени отца провозгласилъ Густаспа послѣдникомъ иранскаго престола. Вѣчный миръ былъ заключенъ между имперією и Ираномъ, связанными въ лицахъ послѣдника и жены его узлами кровнаго родства. Лораспъ въ Балкѣ радостно встрѣтилъ невестку и сына, и тотчасъ же убѣждалъ его своею тѣлою. Въ самый день своего отреченія, старый царь удалился въ соседній храмъ огня; здѣсь, въ одѣяніи простаго жреца, онъ провелъ тридцать лѣтъ и былъ убитъ турпачами при взятіи и разореніи Балка. Лораспъ царствовалъ сто двадцать лѣтъ, жилъ по видимому вдвое!..

Человѣческія цифры, которыми персидскія лѣтописи опредѣляютъ возрастъ первыхъ царей, далеко не такъ баснословны, какъ кажутся, и изъ подъ баснословія пробивается истина. Читатель не долженъ выпускать изъ виду, что въ предлагаемой легендарной исторіи Персіи рѣчь идетъ о первыхъ вѣкахъ бытія, о людяхъ первовозданныхъ, называвшихъ возрастомъ свой не годами, но столѣтіями. Переберите космогонію всѣхъ народовъ древности и всѣ онѣ, *единогласно* повѣствуя (каждый по своему) о мірозданіи и первыхъ людяхъ, даютъ имъ по вѣсколю вѣковъ жизни. Не распространяемся объ этомъ вопросѣ, но не можемъ не выразить твердаго убѣжденія, что первобытные люди были, конечно, долголѣвнѣе людей нашего времени. Медико-статистическія данныя доказываютъ намъ, что возрастъ людской уменьшается прогрессивно и самая порода человѣческая хилѣетъ и ослабѣваетъ вмѣстѣ съ измѣненіями климатическими. Въ наше время вѣка вовсе не были явленіями феноменальными. Наши русскіе лѣтописцы, люди далеко не знакомые съ физиологіей, записали однако же на столбцы своихъ хартій замѣтку о томъ, что примѣтное умаленіе возраста человека и ослаб-

(*) Анахронизмъ: Хозары являются на попрощѣ исторіи во II вѣкѣ по Р. Х.

ление его организма стали особенно примѣтны послѣ опустошенія земнаго шара ужасѣннѣе изъ всѣхъ моровыхъ лѣтъ — *черною смертію* во второй половинѣ четырнадцатаго столѣтія (!) и первой — пятнадцатаго. При постепенномъ обогащеніи каталога уже существующихъ болѣзней — новыми, при эпидеміяхъ, появляющихся чуть не каждое десятилѣтіе, при ухудшеніи климата во многихъ мѣстностяхъ; наконецъ при тѣхъ неблагоприятныхъ гигиеническихъ условіяхъ, въ которыхъ нѣтъ сомнѣній быть современнымъ государствъ земнаго шара, есть основаніе предполагать, что лѣтъ тысячи черезъ двѣ — сорокъ лѣтъ, а можетъ быть и того менѣе, будутъ крайнимъ предѣломъ жизни человѣческой, крайней дряхлостью!... Прибавляйте года прогрессивно, восходя къ первымъ временамъ бытія, и вы получите въ результатъ среднее число, никакъ не менѣе трехсотъ лѣтъ. Вообще говоря, наука о долговѣчности — *макробиотика*, не шарлатанская фантазія знаменитаго Гифеланда, а та наука, которая къ изученію человѣка относится какъ *геологъ* къ изученію исторіи мірозданія—еще мало разработана и ждетъ заслуженнаго вниманія ученыхъ людей. Изысканія по этому предмету привели бы, безъ сомнѣній, къ великимъ открытіямъ, важнымъ не только въ научномъ, но и въ *религиозномъ* отношеніи.

Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ и героемъ царствованія Густаспа былъ *Зороастръ*, о чемъ уже извѣстно читателю изъ главъ предыдущихъ. Преданія народныя, въ дополненіе біографіи законодателя, повѣствуютъ, что Зейд-Авеста была по приказанію царя переписана на буйловыхъ кожахъ и положена въ небесную бесѣдку (*Мину*), ностроенную на вершинѣ капариса; что въ религиозныхъ войскахъ съ Арджаспомъ туранскимъ, особенно дѣятельное участіе принималъ сынъ Густаспа, царевичъ Эсфендіаръ, подвигамъ котораго царь молодую завидовалъ. Эсфендіаръ убилъ Арджаспа и принудилъ послѣдовать закону Зороастра не только туранцевъ, но и *индійцевъ*, ихъ союзниковъ. По окончаніи вой-

ны онъ возвратился въ Персію, гдѣ Густаспъ сдѣлалъ ему великолѣпный—хотя и не искренно—любозный пріемъ. Царь жаловалъ сыну на Рустамъ, противившагося новому вѣроисповѣданію и выказывающаго явное пренебреженіе къ царскому дому. По мнѣнію Густаспа могущество этого непокорнаго удѣльнаго князя слѣдовало непремѣнно ослабить, иначе оно могло бы угрожать власти царской. Тщетно Эсфендіаръ напоминалъ отцу вышувшія заслуги богатыря; тщетно ссылался на всеобщее къ нему уваженіе... Пришлось повиноваться Густаспу, и царевичъ, скривя сердце, повелъ войска его въ Забунистанъ, удѣльное княжество Рустамъ. Послѣ предварительныхъ переговоровъ, изъвшихъ цѣлю отклоненіе кровопролитія, но оставшихся безуспѣшными — Рустамъ и Эсфендіаръ вступили въ единоборство. Послѣ долгой, упорной борьбы соперники поранили другъ друга разсѣли, давъ слово другъ другу сойтись опять черезъ три дня. Залъ, отецъ Рустамъ, увидя сана израненнымъ, прибѣгнулъ къ помощи симурга птицы. Призвавша Заломъ она немедленно прилетѣла, излѣчила изъ груди Рустамъ восемь стрѣлъ въ нее возвышавшихъ, прикрыла его своими громадными крыльями и богатырь мгновенно вѣщился. Послѣ того птица вручила ему волшебную стрѣлу, выточенную изъ дерева посаженнаго въ день рожденія Эсфендіара, дерева — таинственно и тѣсно связаннаго съ жизнью царевича... Симургъ-птица приказала Рустаму этой самой стрѣлой пустить въ правый глазъ Эсфендіара, который неминуемо погибнетъ отъ этой раны вслѣдствіе вліянія небеснаго...

На третій день боицы сошлись, согласно обѣщанію. Рустамъ, на этотъ разъ увѣренный въ побѣду, долго уговаривалъ Эсфендіара, не вступая въ бой, примириться; царевичъ упорствовалъ... Роковая стрѣла списнула, вылилась въ правый глазъ Эсфендіара упавшаго навзничъ съ коня; Рустамъ съ воилями состраданія бросился къ умирающему, который осыпалъ проклятіями... не его, но отца своего Густаспа — главнаго виновника кровавой распри. „Дружбѣ твоей поручаю сына моего *Бахмана*“, сказалъ умирающій царевичъ Рустаму:—забѣни ему отца, дай воспитаніе, приличествующее будущему царю, такъ какъ, по увѣренію полхвовъ и зѣвдочетовъ, Бахману суждено быть на престолѣ правскомъ!..“ Набал-

(1) См. «Исторія Государства Россійскаго» Карамзина (изд. 1834) Т. V стр. 238: «Летоисецъ говоритъ, что съ того времени (1423 г.), какъ иъкогда съ Ноева потопа, вѣкъ чловѣчскій сократился въ Россіи, и предки наши сдѣлались тщедушнѣе, слабѣе...»

замированное тѣло Эсфендіара было по приказанію Рустама отправлено въ Густаспу въ Истахаръ. Поздно раскаявшись въ своей истинности, царь, свято исполняя волю покойнаго, оставил сына его на попеченіи благороднаго Рустама, а по прошествіи шести лѣтъ, признавъ Бахмана въ Истахартъ, передалъ ему свой престолъ и тиару, а самъ, по промѣру Лорасна удалился въ уединенный дворецъ близъ Шираза, гдѣ и скончался.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Убіеніе Рустама. — Царица Хуман. — Пророчество и притворъ астрологовъ. — Рожденіе Дараба. — Ею спасеніе. — Фаулакусъ, царь румскій. — Женильба Дараба на его дочери. — Городъ Дараберда. — Рожденіе Искандера. — Символическіе дары. — Курица, кунакушшія зерна и дыня. — Походы Искандера. — Убіеніе Дараба II. — Завоеванія. — Пророчество и смерть Искандера. — Приближеніе кончины. — Анекдоты о царю.

Бахманъ, царствовавшій сто двѣнадцать лѣтъ, извѣстенъ въ лѣтописяхъ подъ именемъ *Ардишра-Дираздеста* (Артаксеркса-длиннорукаго), можетъ быть вслѣдствіе этой особенности организма, или того вѣрнѣе, — вслѣдствіе увѣнья прибирать къ рукамъ удѣльных княжества. Царь этотъ былъ мудрѣйшій изъ всѣхъ царей Ирана. Начало царствованія его было печально ознаменовано предательскимъ убійствомъ Рустама однимъ изъ его братьевъ *Шагадолъ*. Заминивъ брата въ одну изъ областей царя кабульскаго, Шагадъ напелъ его на глубокую волючью яму, утыканную иа дѣя острыми козлами. Заведя богатяру, но не смѣя вступитъ съ нимъ въ открытое единоборство, братоубійца приблизилъ къ этому гнусному средству и возмущительному предательству... Не смотря на раны, богатяръ выскочилъ изъ западни и угадавъ по

лицу брата, что это его козни — застрѣлилъ его стрѣлою въ сердце: въ ту же минуту, убійцы, скрывшіеся по близости, набросились на Рустама и безжалостно докончили его и изрубили всю его свиту. Оправдываясь благой цѣлью отищенія за смерть своего воспитателя (въ сущности же желая обладать его удѣломъ) царь Бахманъ съ многочисленными войсками занялъ Забулистанъ. Сынъ и наслѣдникъ Рустама *Фералмурзъ* погибъ въ сраженіи, которое далъ царю иранскому, присоединившему къ своимъ владѣніямъ удѣлъ великаго богатяры. Этой же участи подверглись многія княжества, и въ этомъ случаѣ царь Бахманъ напоминаетъ нашего великаго *собирателя* земли русской — *Ивана III*. Въ лѣтописяхъ персидскихъ сохраняются сказанія и о томъ, что Бахманъ, отнявъ Вавилонъ у сына Навуходоносора, ввѣрилъ управленіе этимъ царствомъ, а равно и Іудею — *Корешу*, при которомъ участь народа Божія значительно измѣнилась къ лучшему... Любимая жена Бахмана была іудейка (Эсвер); дѣтей же у него было только двое: сынъ *Сассанъ* и дочь *Хуман*. Въ послѣдніе годы царствованія, царь женился на ней и назначилъ ее своею преемницей; Сассанъ бѣжалъ въ Индію. Вскорѣ Бахманъ умеръ и на престолъ иранскій взошла Хуман, беременная на шестомъ мѣсяцѣ отъ покойнаго мужа, отъ того-жъ. Рожденный ею младенецъ былъ красоты необычайной, но составлявшие его торсконъ звѣздочеты объявили, что онъ будетъ несчастливъ и на родину свою навлечетъ великіе бѣдствія для предотвращения которыхъ совѣтовали Хуманъ умертвить сына. Не имѣя силъ пропнестн приговора надъ роднымъ дѣтищемъ, но въ тоже время желая припрестн пользу царству, царица положила младенца въ ящикъ съ драгоценными каменьями, пустила его внизъ по рѣкѣ Евфрату. Драгоценный грузъ, попавшій по рѣкѣ, былъ перехваченъ бѣднымъ мельникомъ, который, плывшій красотою младенца и предложеннымъ къ нему соперницами, оставилъ его у себя на воспитаніи и воспитатѣ, надобно отдать ему справедливость, какъ велѣлъ лучше — въ надеждѣ, что когда нибудь отыщутся родные подкидыша, люди, вѣроятно знатные. Мельникъ назвалъ пріемыша *Дараболъ*, т. е. сохраненнымъ водою. Имя это, имѣющее одинаковое значеніе съ именемъ *Моисей*, еще болѣе самаго разсказа подтверждаетъ, что

история спасения Дараба — в переначении видъ заимствована персидскими летописцами изъ книгъ Ветхаго Завета. Здѣсь разгадка вопроса: почему многія историческія событія такъ родственно схожи между собою? Именно потому, что летописцы разныхъ странъ заимствовали другъ у друга болѣе или менѣе драматическіе эпизоды, прилепая ихъ къ своимъ героямъ (см. гл. I, стр. 9), не забывая о неизбежныхъ при этомъ анахронизмахъ, лишь было бы *чудесное*, эта необходимая приправа всякаго древняго сказанія.

Возрастая, Дарабъ выказывалъ особенныя склонности къ дѣлу ратному, а вмѣстѣ съ ними большое мужество и великодушіе. Военачальникъ, въ ряды котораго Дарабъ вступилъ, отличался о немъ царвѣ въ такихъ лестныхъ выраженіяхъ, что она пожелала увидѣть юнаго героя... Произошло свиданіе, сопровождаемое (какъ и слѣдовало ожидать) безотчетной симпатіей, разспросами, признаніями и окончившееся мелодраматической сценой, съ возгласами: „сынъ мой!“ съ одной стороны и — „матушка!“ съ другой. Царица, давно уже утомленная властью, уступила престолъ Дарабу, прославившемуся успѣшными войнами съ *Филаккусомъ* (какъ и слѣдовало ожидать) безотчетной симпатіей, разспросами, признаніями и окончившееся мелодраматической сценой, съ возгласами: „сынъ мой!“ съ одной стороны и — „матушка!“ съ другой. Царица, давно уже утомленная властью, уступила престолъ Дарабу, прославившемуся успѣшными войнами съ *Филаккусомъ*, царемъ руменій, т. е. Филиппомъ македонскимъ (1). Послѣ многихъ побѣдъ надъ руменами, Дарабъ принудилъ Филаккуса къ миру, съ уплатою Персїи ежегодно дани въ тысячу *золотыхъ нинъ* (2) и выдачею за Дараба дочери царя руменскаго. Съ послѣднюю царь персидскій прожилъ одиѣ только сутки и отослалъ ее обратно къ отцу, не смотря на ея беременность (3), за то, что у нея было нахуеє дыханіе. Кончину Дараба искренно оплакивали всѣ его подданные; кромѣ памяти о себѣ, какъ о царѣ мудромъ и справедливомъ, Дарабъ оставилъ прочнымъ монументомъ своего цар-

ствовапія *Дараберда* — городъ имъ основанный и чудесно украшенный (нынѣ жалкая деревушка въ Фаренстанѣ, замѣчательная единственно цѣлебнымъ нефтянымъ источникомъ, которому персіане приписываютъ чудесную силу).

Насколько Дарабъ I былъ прекрасенъ паружностью и добродѣтелями, на столько же сынъ его и наслѣдникъ — Дарабъ II былъ безобразенъ и пороченъ; вскорѣ познана вѣдн его подданные за жестокость и гнусное сжраичничество. Въ первые же дни воцаренія Дарабъ II отправилъ пословъ къ Филаккусу съ напоминаніемъ объ исправномъ платежѣ дани; но его уже не было въ живыхъ, а престолъ занималъ *Искандеръ* (Александръ) внукъ его, сынъ Дараба I и царицы румской, той самой, которую покойный царь прогналъ отъ себя. Искандеръ отвѣчалъ послампкамъ брата, что птица, посившая золотыя яйца — улетѣла на тотъ свѣтъ. Дарабъ оскорбленный этимъ отвѣтомъ отправилъ повѣхъ пословъ для передачи Искандеру: лопаточки для игры въ *ланту*, мячика и мѣлка, наполненнаго кунжутными зернами. Первые два подарка намекали царю румскому, что онъ ребенокъ, которому только играть да забавляться, а третій — символически говорилъ ему, что легче пересчитать кунжутныя зерна, нежели полчища персидскія.. Искандеръ отвѣчалъ посламъ: „лопаточку и мячикъ я оставляю у себя, какъ знаки моего могущества: я отброшу державу вашего царя, какъ мячикъ лопаткою при игрѣ въ ланту.. Что же касается до вашихъ несвѣтлыхъ полчищъ, то съ ними *совѣ что будетъ!*..“ И Искандеръ велѣлъ пустить бурицу на разсыпавшія по землѣ кунжутныя зерна, которая всѣ ихъ исклевала (4). — Отъ меня-же, продолжалъ царь румскій — снесите Дарабу въ подарокъ эту горькую дню (онъ передать ее посламъ) и скажите, что его судьба будетъ не слаще!“

(1) Не желая сознаться, что Персїя была покорена сыномъ Филиппа, летописцы выдумали небывающую родственную связь между царями македонскими и Дарабамъ, т. е. Даріемъ.

(2) Въ глубочайшей древности у персовъ, подобно египтянамъ, мѣтными единицами были приняты произведенія природы — животныя или растительныя.

(4) Этотъ анекдотъ поосаждетъ летописцы другихъ странъ распылали и о сыновъ герояхъ. Замѣчательно, въ особенности, что сказаніе о кунжутѣ, поклеванной зерна, — ходило и у насъ въ простомъ народѣ и между солдатами во время Крымской войны 1853—56 годовъ. Убѣждая, что такъ же отвѣчалъ турецкимъ послампкамъ покойный князь А. С. Меншиковъ.

Нашествіе румовъ, предводимыхъ Искандеромъ—не замедлило. Первыя погодя на Дараба и признавая въ Искандерѣ настоящаго и законнаго наследника престола почти не сопротивлялись славному герою и завоевателю (*). Дарабъ бѣжалъ отъ него изъ страны въ страну, постоянно настигаемый и побѣждаемый. Послѣ пятой и послѣдней битвы, онъ былъ убитъ двумя своими приближенными, которые извѣстили о томъ Искандера въ надеждѣ заслужить щедрую награду... но, обочились въ расчетѣ. Искандеръ засталъ Дараба еще въ живыхъ и царь персидскій, умоляя его отомстить за себя, предлагалъ ему въ жены дочь свою, *Русинака*. Побѣдитель исполнялъ заѣщаніе умиряющаго: убійцы его были повѣшены, дочь его стала женою Искандера, приказавшаго похоронить Дараба со всеми подобающими царю почестями.

Покоривъ Персію Искандеръ пошелъ въ Индію гдѣ и занялъ области царя *Кенда*, предлагая ему покориться державѣ своей безъ боя; Кендъ отвѣчалъ, что готовъ отдать Искандеру не только царство, но и самую жизнь свою, если это ему угодно. Въѣхавъ съ тѣмъ онъ послалъ посѣдтелю безцѣнные дары: свою красивую дочь, рубиновый кубокъ постоянно полный, мудреца и врача способнаго воскрешать мертвыхъ. За эти дары, а главное—за покорность, Искандеръ помянулъ Кенда. Завоевавъ царство другаго индійскаго царя *Нуга*, Искандеръ вступилъ въ Кигай. Императоръ, желая поближе взглянуть на завоевателя, переодѣтый проникнулъ въ его лагерь, гдѣ вскорѣ былъ узнанъ и приведенъ предъ лицо Искандера.

— Что заставило тебя отвѣтиться на это странное путешествіе? спросилъ онъ своего плѣнника.

— Желаніе идтиъ тѣбѣ и твоимъ войскамъ, отвѣчалъ императоръ. Я не боялся за себя, зная очень хорошо, что сажъ ни мало не страшень Искандеру.. Впрочемъ еслибы ты даже умертвилъ меня,

(*) Такая сказка объ Александрѣ. Не осмѣливаясь отрицать факта, летописцы, ради гордости народнои его изказали. Религиозные послѣдователи закона Зороастра рассказываютъ, что всемірный завоеватель приговоренъ въ аду къ вѣчному огню за то, что приказалъ сжечь священную Авесту.

мой подданный тотчасъ же посадилъ бы на престолъ другаго. Единственнымъ желаніемъ моимъ было снискать благосклонное и дружбу великаго завоевателя.

Искандеръ обласкавъ императора, а послѣдній, давъ обѣщаніе платить дань, возвратился въ свою столицу; но черезъ три дня явился въ виду лагеря Искандера съ огромными войсками. Подозрѣвая измѣну, царь румскій велѣлъ своимъ войскамъ выстроиться въ боевой порядокъ и послалъ къ императору узнать о его намѣреніяхъ. „Я привелъ мою армию тебѣ на показъ—отвѣчалъ тотъ, чтобы доказать не невозможность сражаться съ тобою, но увѣрить тебя въ искренности моихъ миролюбивыхъ предложеній. Звѣзды сказали мнѣ, что ты подл. особеннымъ покровительствомъ неба!“ Искандеръ, которому отвѣтъ императора весьма понравился, простилъ ему дань, предпочитая ей дружбу и приязнь.

Звѣздословы, съ которыми великій Искандеръ совѣдался на счетъ своей грядущей участи, предсказали ему, что передъ смертію онъ будетъ воссѣдать на желѣзномъ тронѣ подъ золотымъ baldахиномъ. Однажды близъ Вавилона съ Искандеромъ случилось сильное кровотечение изъ носу: одинъ изъ его сыновъ, снявъ свою желѣзную кольчугу подослалъ ее для сидѣнья царя (какъ средство для остановки крови), голову же его отъ солнечнаго жара прикрылъ золотымъ щитомъ.. Искандеръ, замѣтивъ это воскликнулъ: „пророчество звѣздослововъ сбылось! Я боюсь не житьца на этомъ свѣтѣ: вѣсенній цвѣтъ опадетъ, какъ зрѣлый плодъ осени!“.. И не теряя времени онъ написалъ своей матери о приближающейсѣ кончинѣ, умоляя ее раздать на память о немъ щедрые подарки людямъ *никогда не видавшимъ ни гора, ни утратъ*. Само собою, что не смотря на тщательные розыски, царица не могла отыскать въ мірѣ ни единого человѣка—если не въ настоящемъ, то хотя въ минувшемъ, не испытывающаго горя: эта мысль утѣшила мать въ ея невозвратной потерѣ, чего лично и желалъ мудрый Искандеръ, выразивъ страшное, повидимому, желаніе въ своемъ завѣщаніи. Онъ скончался тридцати шести лѣтъ, послѣ двѣнадцати царствованій. Набѣлзанированное тѣло его было отправлено въ Румъ для погребенія. Изъ множества анекдотовъ рассказываемыхъ объ Искан-

деръ восточными летописями, характеризующихъ героя, мы для образца приведемъ три нижеслѣдующіе.

Однажды, Искандеръ отпустилъ на свободу взятаго въ плѣнъ непріятельскаго военачальника. Свидѣтель этого великодушнаго поступка, одинъ изъ вѣдьмовъ, сказалъ побѣдителю: „Будь я на вашемъ мѣстѣ, государи, я бы этого не сдѣлалъ!“ — „Потому-то именно я и пощадилъ плѣнника, что я — не ты, отвѣчалъ Искандеръ. Прощая врага, находя удовольствіе въ благодѣяніяхъ я не вижу никакого въ злодѣйствахъ.“

Въ другой разъ онъ разжаловалъ воеводу, давъ ему должность ниже той, которую тотъ занималъ прежде. Вскорѣ встрѣтивъ оного воеводу, царь спросилъ, каково ему на новомъ мѣстѣ? — „Не мѣсто придаетъ значеніе человѣку, отвѣчалъ воевода, но человѣкъ мѣсту (по нашему: не мѣсто краситъ человѣка)...“ Довольный этимъ отвѣтомъ Искандеръ простилъ разжалованнаго, давъ ему прежнюю должность.

— „За что ты уважаешь учителя своего Аристотели болѣе нежели отца? спросилъ кто-то у Искандера.“

— „За то, что отецъ съ неба призвалъ меня на землю, учитель же наставленіями своими вознесъ меня съ земли на небо!“ — Другими словами: отецъ Искандера былъ только посредникомъ воплощенія его души, давъ ей тѣло; Аристотель же, образцовая умъ и сердце Искандера, облагородилъ и возвысилъ его душу.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

Символъ Мнотры и его объясненіе. — Семь дверей. — Тайная община Мнотры и ея стѣны. — Обожденіе жрецовъ. — Орудія и музыкальные инструменты. — Приношенія. — Власти знотребляемая при мнотри. — Четыре виды омовеній. — Перагоме. — Р. дини. — Обязанности дѣтей и родителей. — Обрядъ посвященій въ законъ. — Нузудъ.

Преобразовывая религію персовъ, Зороастръ не только не нарушилъ основныхъ ея элементовъ, но еще развилъ и осмыслилъ въ-

которые изъ нихъ. Къ числу таковыхъ принадлежатъ догматы о Мнотрѣ — солнцѣ, обожае котораго было неразрывно связано съ обоготвореніемъ производительныхъ силъ природы, олицетворенныхъ въ видѣ быка. Этотъ символъ, который мы встрѣтимъ въ египетскомъ *Аписѣ*, требуетъ внимательнаго разсмотрѣнія и довольно пространнаго истолкованія. По зоологіи, *Каюмортегъ* (смыслъ перств) былъ созданъ изъ ноги *быка* умерщвленнаго дивами; здѣсь быкъ символъ *земли*. Началомъ ея растительной дѣятельности въ глубочайшей древности, за 4500 л. до Р. Х., была эпоха вступленія солнца въ знакъ *телицы* или быка, т. е. апрѣль мѣсяца (въ то время соотвѣтствовавшій нынѣшнему марту, такъ же точно какъ осеннее равноденствіе, которое имѣлъ бынась въ сентябрѣ, тогда совпадало съ октябремъ мѣсяцемъ — эпохою гступленія солнца въ знакъ скорпиона) (*). Благодаря этому ключу, теперь намъ можетъ быть понятно символическое изображеніе Мнотры, украшавшее, по преданію, стѣны таинственной пещеры, посвященной Зороастру этому божеству. На рисункѣ, приложенномъ къ Гл. XIV (стр. 131), представленъ молодой человѣкъ, увѣнчанный *литрою*, который, придерживая за рогъ скоптившагося быка, вопзаетъ въ него ножъ; собака лижетъ бьющуюся кровь, а у подножія быка лежитъ оцѣпенѣлая змѣя. На другихъ изображеніяхъ Мнотры къ этимъ фигурамъ присоединяютъ еще скорпиона, вливающагося клешнями въ нижнія части живота падающаго быка. По сторонамъ его на паннѣхъ рисуютъ двое юношей: одинъ съ факеломъ горящимъ, другой съ опрокинутымъ... Весь іероглифъ можетъ быть истолкованъ такъ: образъ: солнце вступаетъ въ знакъ быка, который уступаетъ его непреодолимой силѣ и извергаетъ кровь изъ нанесенной ему раны, т. е. землю въ эпоху весенняго равноденствія орошаютъ дожди, способствующіе плодородію; земля поглощаетъ эти дожди съ такою же жадностью, съ какою собака лижетъ льющуюся кровь... Очеловѣченная змѣя изображаетъ зиму, лишенную власти и силы; юноши съ факелами олицетворяютъ восходъ и закатъ солнца, или еще того вѣрнѣе прибыль и убыль дней, слѣдующихъ за весеннимъ и осен-

(*) Dupuis, Religion universelle. P. 1794 in 4° Tome III, pp. 43 — 44.

пимъ равноденствіями. Скорпіонъ уязвляющій нижнія части быка—символъ октябрь мѣсяца, т. е. начала осени... Кромѣ всего выше-сказаннаго, убіеніе быка Миорю и его воскресеніе есть ничто иное, какъ символическое изображеніе окончанія одного года и начала другого, такъ какъ у древнихъ персовъ годъ начинался съ весенняго равноденствія. Полугодичное увеличеніе дней и полугодичное ихъ уменьшеніе сектаторы Зороастра называли чередующимися вла-дѣчествами надъ землею Ормузда и Аримана. Дѣйствительно, шесть мѣсяцевъ весны и лѣта можно также точно назвать царствованіемъ жизни, свѣта, тепла и веселія,—какъ осенніе и зимніе мѣсяцы—царствованіемъ смерти, мрака, стужи и скуки. Но подобно тому какъ зичю въ обнаженномъ и, по видимому, мертвомъ деревѣ таятъ жизненные соки, которые весной брызнутъ на свѣтъ въ видѣ листьевыхъ и цвѣточныхъ распулокотъ, такъ и въ самой смерти таится зародышъ воскресенія. Эта мысль, утѣшительная для чело-вѣка, вытекала сама собою изъ наблюденій надъ годичнымъ круго-воротомъ земли, вела послѣдователей ученія Зороастра къ вѣрованію въ воскресеніе мертвыхъ и жизнь будущую, безпечную или царство Ормузда. Что же касается до Миоры, этого великаго, все-сильнаго божества, олицетворяемаго солнцемъ, древніе персы при-числяли его какъ къ мужскому, такъ и къ женскому полу, даже можетъ быть признавали и двуколымъ. Символика ахъ однако же въ этомъ случаѣ была скромнѣе символически прочіихъ наро-довъ древности; Миора или Миорасъ, онъ или она, никогда не из-бражались въ видѣ индійскаго *линга*мъ, греческаго *триана*, рим-скаго *фаллуса* или халдѣйскаго *бесъа фегора* (1).

Въ пещерѣ Миоры кромѣ вышеописанныхъ символовъ находи-лись еще *семь* металлическихъ дверей, ведущихъ къ алтарямъ по-священнымъ—каждой, особой планетѣ. Первая дверь была свинцо-вая, вторая оловянная, третья мѣдная, четвертая желѣзная, пятая бронзовая, шестая серебряная, седьмая золотая. Свинцовая дверь

вела къ алтарю Сатурна—тяжелой и медленно движущейся плаве-тѣ; оловянная къ алтарю Венеры; мѣдная Юпитера; желѣзная Мер-курія; бронзовая Марса; серебряная луны; золотая солнца. Кромѣ металловъ каждой планетѣ были посвящены особые минералы. Отсю-да вытекало вѣрованіе въ таинственную связь свѣтила небесныхъ съ исполасимыми произведеніями земли—вѣрованіе, выразившееся ношеніемъ перстней, расцѣтокъ и шейныхъ амулетовъ, до кото-рыхъ персіане и донынѣ великіе охотники, будучи вѣрны древне-му языческому суевѣрію. Вышеупомянутые семь алтарей таинствен-но изображали и семь областей небесныхъ, чрезъ которыя должна пройти душа усопшаго, прежде нежели она достигнетъ области Ормузда, или жилища вѣчнаго свѣта. Сообразно числу алтарей капища Миоры при немъ находились жрецы и посвященные, раздѣ-ленные на *семь* степеней и образовавшіе особую корпорацію или общину, которую можно назвать первообразомъ *тайныхъ рели-гиозныхъ* обществъ Европы. Для поступленія въ число посвящен-ныхъ въ таинства Миоры, желающіе обязаны были подвергаться испытаніямъ, состоявшимъ до восьмидесяти и постепенно тяжкимъ и му-чительнымъ: пребываніе въ теченіе нѣсколькихъ дней на вершинѣ уединенной скалы, погруженіе въ ледяную воду на сутки или не-нѣе продолжительное время, прохожденіе сквозь огонь и т. п. бы-ли первыми степенями испытаній. Выраженіе: „пройти огонь и воду“, служащее для означенія опытности и общерѣзкости, ведетъ свое начало, вѣроятно, со времени испытаній сектаторовъ Миоры. Удостоившіеся посвященія въ таинства получали названіе *воиновъ*. Ихъ увѣщивали ливнаными вѣнками, причѣмъ воины обязаны были произносить формулу: вѣнецъ мой—Миора! Члены общества второй степени назывались *льоами*, а женщины удостоенныя допущенія въ ихъ число *пизами*. Члены третьей степени назывались *во-ронами*; четвертой—*персами*; пятой—*питателями*; шестой *состоисыли* или *септодарили*; семью—*ораами* или *кориунами* и *отцами*. Въ опредѣленные дни происходили сходбища поклонниковъ Миоры общія или одиочныя, суля по важ-ности праздника или цѣли сборища. Хотя въ исторіи мы не на-ходимъ точныхъ свѣдѣній о томъ, что именно происходило на та-инственныхъ сходкахъ, тѣмъ не менѣе есть основанія предполагать,

(1) См. Томъ I Индія, Гл. I, стр. 3. Не смотря на то, что персы избегали подобныхъ безстыдныхъ символовъ, слово *миора* или *митра*, заимствованное у нихъ греками, имѣетъ весьма неблагопріятное зна-ченіе.

что поклонники Миоры предавались необузданному распутству, если не при Зороастрий, то въ позднѣйшія времена. Секта Миоры сохранилась не только въ Малой Азіи, Армевіи, Понтѣ, Сяріи и Палестинѣ, но перешла въслѣдствіи изъ этихъ странъ въ Грецію, а оттуда въ Римъ, о чемъ мы еще поговоримъ въ исторіи религіи этихъ странъ. Известно, что при императорѣ *Адрианѣ* на сходбищахъ сектаторовъ Миоры происходили человѣческія жертвоприношенія; *Юлианъ*, истребитель всѣхъ религіи, кромѣ христіанской, особенно благоволилъ сектаторамъ; можетъ быть даже и самъ принадлежалъ къ числу ихъ членовъ. Таинственность общества и обаятельная привлекательность его празднествъ соблазняли многихъ христіанъ, самая же доктрина въ теченіе вѣковъ приплелась къ вѣкоторымъ расколамъ и легла въ основаніе не одной ереси, какъ увидимъ въ исторіи ересей, которой закончимъ нашъ обширный трудъ.

Теперь перейдемъ къ богослужебнымъ обрядамъ древнихъ персовъ, соблюдаемымъ непарушимо и пылсивши себрами огнепоклонниками. Начнемъ съ обзора жреческихъ одѣвій, утвари, предметовъ приношенія и прочихъ богослужебныхъ принадлежностей.

Одежда жрецовъ состоитъ изъ: сорочки (*садере*), пояса (*косты*) и наличника (*исномъ* или *падолъ*). Сорочка холщевая или шерстяная съ длинными рукавами и непрѣмло съ карманами. Поясъ, съ которымъ огнепоклонникъ никогда не долженъ разставаться, сучится изъ *семидесяти двухъ* нитокъ и дважы охватываетъ стѣхъ. Въ древности кисти переносивалъ парсую иутру и тіару верховнаго мобеда. По правиламъ, жрецъ, совершающій приношеніе безъ пояса, служить не Ормузду, а Ариману. Наличникъ, которымъ жрецы и молящіеся прикрываютъ себѣ рты, состоитъ изъ пестрянаго льнянаго фартука въ четыре квадратныхъ вершка, съ двумя шнурками, которыми завязывается на затылкѣ, этотъ налчникъ, или пожалуй намордникъ, себѣ надѣвають и на словыхъ исконниковъ.

Орудій и музыкальных инструментовъ сегдадцать.

1) *Атеш-данъ*, металлическій сосудъ для огня. Его наполняютъ золою, а на ней разводять огонь, послѣ чего атеш-данъ ставятъ на престольный камень *адоитъ*. При древнихъ царяхъ

во время торжественныхъ шествій атеш-данъ были носимы двумя жрецами впереди ца.я. 2) *Щипцы (атеш-чинъ)* для размѣливанія горящихъ вѣтвей и ложка для угольевъ (*чалчачъ*). 3) *Хаванъ*-чаша, въ которой толкутъ кусочки священнаго дерева *гома* (амоча) для извлеченія паитика жизни. 4) *Барсомъ*, власянка парфянныхъ вѣтвей гренатового, тамарищоваго деревьевъ, или кусковъ финиковой пальмы. Число вѣтвей и длина ихъ измѣняются сообразно продолжительности предстоящаго богослуженія. Барсомъ перепязываютъ лыкомъ тамарища или ремешкомъ изъ пальмоваго ~~шеста~~ шеста; эта перязь (*хвансикъ*) для вязанки тоже, что священной кости для человека. 5) *Ма-ру*, копъ (кобыленъ) или подставка для связки вѣтвей съ двумя полудлунными ухватомъ. Форма эта символически напоминаетъ рожки священнаго быка. 6) Ножъ для рѣзки вѣтвей (*Карде-барсомъ-чинъ*). 7) Кольцо обмотанное волосами изъ бычачьяго или лошадиного хвоста (*Ангусте-ринъ*). Кольцо это при обрядахъ имѣетъ тоже великое значеніе, какъ и *иситралъ* у индусовъ (томъ I гл. VI стр. 46). 8) *Тали*, небольшая тарелочка для приношеній. 9) *Таште*, блюдечко для того же. 10) *Таште-на-сурахъ* тарелочка съ девятью скважинами для процеживанія сока хомъ въ сосудъ хаванъ. 11) *Ниа-лахъ*, чаша для молока. 12) *Авандъ* или *кондри*, чаша для воды. Къ послѣднему принадлежатъ: 13) крышка (*саре-авандъ*). 14) Рукобойникъ для жрецовъ (*мошрабе*). 15) *Санаи*, двухъ-колычатая флейта, состоящая изъ двухъ трубочекъ, мѣдной и деревянной. 16) *Доль*, барабанъ состоящій изъ глинянаго цилиндра съ днцами изъ шкуры. 17) *Тиль*, ручные кивалы, въ которые звякаютъ жрецы, сообразно обрядамъ, определенное число разъ.

Приношенія состоятъ изъ одѣвій приносимыхъ въ даръ жрецамъ молящичками; изъ мяса (*мездъ*) съѣдаемаго присутствующими во время богослуженія; изъ цвѣтовъ, плодовъ (гренады, финики, тамаринды), риса, духовъ и молока. Хлѣбы приношенія (*дуруче*) прѣсныя лепешки, при обрядахъ употребляются въ числѣ двухъ и четырехъ до девяти; когда во время обряда на лепешку кладутъ кучки мяса, она называется *дарунъ-фрес-эст*, т. е. хлѣбомъ общанія. Кромѣ этихъ приношеній молящички чрезъ жрецовъ кладутъ на престольный камень: вѣтки дерева хомъ, сокъ его, куски корней де-

ревянь, преимущественно гренадового, признаваемого священным. Цѣфты и плоды его въ древности были непременными украшениями одѣяній царей и верховныхъ мобедовъ, даже на длинныхъ ремняхъ привѣшались къ сѣдламъ царскихъ боевыхъ колесъ (см. ниже рисунокъ съ барельефовъ разваливъ Персеполиса). При обрядахъ очищенія, великомъ и маломъ, употребляются кровь водн рѣчной, дождевой и ключевой—земля и бычачья урина. Освященной воды три разряда: 1) очищенная вода (*надіавъ*) 2) *Зургъ*—вода очищаемая почвою; 3) вода разбавленная бычачьею уриною (*йештеъ*). Кровь водн дождевой, прочія очищаются посредствомъ многократнаго процѣживания, при непрерывномъ чтеніи молитвъ. Бычачья урина (*Неренгъ-гомазъ*) должна быть непременно отъ однолѣтка безъ всякихъ пороковъ; въ крайнемъ случаѣ вмѣсто быка можно брать для обряда и корову. Мобеды, расни (должность соотвѣтствующая должности діакона) и джуги (нижняя жреческая степень), по приготовленіи мѣста для обряда, очерчиваютъ на площадкѣ три, постепенно суживающіеся круга (*), въ которые вводитъ быка и съ молитвами побуждаютъ его троекратно къ отправленію естественной нужды. Добытую урину вереливаютъ въ сосудъ въ сосудъ, прикрывая холщевыми покрывками, и разводить ею воду йештеъ, вливая въ сосудъ не болѣе трехъ кашель.

Омовеній и очистительныхъ обрядовъ четыре вида:

1) *Надіавъ*, 2) *Хозелъ*, 3) *Барашномъ-но-шабе* и 4) *Синозъ*.

Надіавъ—есть ежедневное омовеніе тѣла, предписанное закономъ каждому правотѣрному; *Хозелъ*—орошеніе тѣла кающагося бычачьею уриною; *Барашномъ-но-шабе*—обрядъ великаго очищенія и покаянія, продолжающійся нѣсколько дней, состоящій изъ попеременныхъ омовеній водою, бычачьею уриною, духами. При

(*) Круги, очерчиваемые на землѣ во время обрядовъ послѣдователей ученія Зороастра, перепланы ими у маговъ халдейскихъ, а отъ нихъ—магамъ, кодунамо и червоинишниками средневѣковой Европы. Это такъ называемые волшебные круги, которымъ магія и демонологія приписываютъ чудесную силу.

чтеніи разбѣшительныхъ молитвъ, кающійся держитъ одну руку на своей головѣ, другую на собакѣ, нарочно приводимой для торжества. *Синозъ* или обрядъ тридцати омовеній не только разбѣшеть грѣхи, но придастъ подвергающемуся этому обряду нѣкоторую степень святости. По прибытіи на мѣсто, разгороженное на три участка, кающійся раздѣляетъ на себѣ одежды, патируется щиплю, моется бычачьею уриной, чешетъ себѣ волосы, жуеетъ гренадовыя листья, вапаявая освященною водою. На каждое его тѣлодвиженіе, на каждый глотокъ—особыя молитвы, читаемыя по тридцати, со- рока и до сотни разъ.

Таковы обряды обыденные древнихъ персовъ и нынѣшнихъ гебровъ; посмотримъ теперь какими обрядами налутствуетъ религія Зороастра своихъ послѣдователей отъ колибели до могилы.

Немедленно по рожденіи младенца на свѣтъ, мать посылаетъ къ мобеду за *перашомомъ* (сокомъ священнаго дерева хомъ). Намочивъ охлопокъ паты въ этой жидкости, родильница сдѣлываетъ съ него три капли въ ротъ новорожденному, котораго только послѣ этого можетъ приложить къ груди. Черезъ нѣсколько минутъ младенца обмываютъ: три раза бычачьею уриною и три раза водою. Призванный, послѣ того, мобедъ составляетъ гороскопъ новорожденнаго и даетъ ему имя одного изъ *изедовъ* (свѣтлыхъ духовъ), или богатырей древности. Родильница по закону удаляется на все то время, въ теченіе котораго почитается „поганю, оскверненною, недостойною быть въ сообществѣ правотѣрныхъ.“

Когда младенецъ исполнился три года, отецъ ведетъ его къ алтарю Миверъ—въ день и мѣсяцъ, посвященные этому великому божеству. До семи лѣтъ младенецъ не отвѣчаетъ за свои поступки; отецъ и мать обязаны учить его съ самаго этого возраста первымъ молитвамъ. Съ семи лѣтъ отвѣтственность за половину поступковъ ребенка падаетъ на отца и на мать. Духовное совершенствленіе опредѣлено въ пятнадцать лѣтъ, когда юноша препоясывается священнымъ *костомъ*, избираетъ себѣ *гербеди* (духовника) и дѣлается членомъ общества правотѣрныхъ. Послѣ отца и матери, гербедъ первое лицо, которому гебръ обязанъ совершеннѣйшимъ почитеніемъ и безпрекословной покорностью. Любопытны права родителей на дѣтей въ законѣ Зороастра: до семи лѣтъ ребе-

пока не вьзять отъ тѣлеснаго наказанія, допускаемаго въ самыхъ крайнихъ случаяхъ; отецъ и мать обязаны ежедневно молить Ормузда о томъ, чтобы онъ внушилъ имъ дѣтямъ быть послушными ихъ волѣ и безпрекословно покорными. За троскратное неповиновение приказанію родительскому, сынъ или дочь подлежатъ — *смертной казни*; за отцеубійство въ законѣ Зороастра не определено и наказанія по той причинѣ, что законодатель персидскій, подобно афинскому *Солону* или римскому *Нула-Помпиано*, не могъ допустить въ человѣкѣ такого противустественнаго безобразія. Исторія Персіи служить однако же неопровержимымъ доказательствомъ, что отцеубійство, равно какъ и дѣтоубійство, были далеко не феноменальными явленіями въ этой странѣ; дѣтоубійство въ особенности. Впрочемъ, въ послѣдней случаѣ законъ Зороастра, нѣрный восточному принципу неравноправности мужчинъ съ женщинами, карая немилосердно послѣднихъ за дѣтоубійство и изгнание плода, довольно снисходителенъ къ отцамъ, убивающимъ дѣтей за ихъ провинности или просто въ минуту запальчивости и самодурства. Пятнадцатилѣтній юноша, достаточно обученный религиозному закону, пользуется именемъ *нузда*. Обрядъ посвященія въ это званіе — очень сложный, продолжается нѣсколько дней и не дешево обходится родителямъ, такъ какъ посвящаемый обязанъ щедро отблагодарить жрецовъ. Эту благодарность весьма характеристично называютъ *гетти-херидъ*, т. е. покупкою небеснаго царствія. Надъ посвященнымъ совершается дважды обрядъ великаго омовенія; четыре дня къ ряду три деатура, при непрерывномъ чтеніи *изешне* (славословій) водятъ его къ алтарю огня, изъясняя богослуженіе и таинственный смыслъ обрядовъ. Не имѣющій средствъ „купить царствіе Ормузда,“ долженъ довольствоваться именемъ *Бахдина* или *Маздейеснена* (правовѣрнаго, посланника Ормузда).

Рисунок 2. Орудія и утварь, употребляемая при богослуженіи:

1; Тали. 2. Налехъ, 3; Хаванъ, 4; Авандъ, 5. Таште, 6. Чамчакъ, 7. Таште-но-суралъ, 8; Саре-авандъ, 9, Чамчакъ, 10; 11; Чаша для священнаго напитка, 12. Кусокъ дерева хомъ, 13; Кольцо Ангустеринъ, 14. Корде-бар-омъ-и-чанъ, 16; Барсомъ и Ма-ру.

Рисунок 3. Обрядъ, стоящій на мошѣхъ.

Рисунок 4. Гебрагшико.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

Узаконенія Зороастра противъ постовъ — Вмѣняемость въ преступленіе дѣятели и безбрачія. — Брачные обряды. — Намзодъ. — Некашъ. — Пять разрядовъ браки сочъ тацій. — Шах-запъ. — Гол-запъ. — Ситар-запъ. — Честъ-запъ. — Ходъ-шаръ. — Принципы развода. — Рабство жепицннъ. — Правила для родилницъ. — Желѣзная кроватъ и тѣны. — Кормленіе грудью. — Кистовое дѣленіе. — Молитвы. — Пища и питье. — Обряды при погребеніи. — Обряды погребальные. — Состояніе души послѣ смерти человека. — Поминовенія усопшихъ.

Въ законѣ Зороастра есть двѣ статьи, придающія ему своеобразный характеръ, рѣзко отличающій его отъ прочихъ законовъ странъ восточныхъ. Изъ исторіи религій Индіи и Китая, намъ уже извѣстно, что *постъ* имѣется тамъ въ обязанность и заслугу человѣку. Зороастръ, въ законѣ своемъ, говоритъ совѣтъ иноу постъ, по словамъ персидскаго законодателя, не только не заслуга — но прямой грѣхъ, такъ какъ онъ, въ пѣкоторой степени, тоже самоубійство. Поглощникъ Ормузда обязанъ беречь свое здорье и всегда ѣсть до сыта, ибо: „здорье тѣло (способіе противустоять всякому искушенію дѣлающихъ; въ немъ, если оно бодро, бодро и душа. Сытый и не изнуренный человѣкъ способіе къ работѣ и восприимчивѣ къ пониманію закона Ормузда... слабый и безсильный никогда не совершитъ подвиговъ, возможныхъ человѣку мощному и сильному; сила же и мощь человѣчскія въ прямой зависимости отъ питанія его тѣла!“

Другое противорѣчіе закона Зороастра законамъ другихъ религій — есть вмѣняемость *суиружества* въ прямую обязанность людямъ, а *дѣловескаго цѣломудрія* — въ порокъ дѣвицъ. Неженатый человѣкъ — самое низкое и презрѣннѣйшее существо; дѣвица же цѣломудренная — величайшая преступница закона Ормузда, какъ уклоняющаяся отъ своего пернато предназначенія, ко-

торое заключается въ разномыслии людей. Безбрачье — грѣхъ смертный (*манафуръ*). Брачные союзы всего лучше заключать между ближайшими родственниками: братьями и сестрами, дядями и племянниками, тетками и племянниками, отчимами и падчерицами, мачехами и пасынками. Чудовищные эти союзы до того были обыкновенны между персами первыхъ вѣковъ Христіанской эры, что не только оцы церкви, какъ, напримѣръ, св. *Іовннъ Златоустъ* (?), но даже лѣтисонцы мусульманскіе упрекаютъ за нихъ послѣдователей закона Зороастра. Нынѣшніе гебры и парсы, живущіе въ Персіи, Индіи и у насъ, въ Баку, воздерживаясь отъ кровосмѣтельныхъ бракосочетаній, женятся на родственникахъ во второмъ колѣнѣ. Узаконенный возрастъ для супружества пятнадцать лѣтъ для мужчины и тринадцать — для дѣвушки. Послѣдняя, при первыхъ признакахъ созрѣнія, обязана требовать себѣ мужа у отца и матери. Душа дѣвушки, до восемнадцати лѣтъ не вышедшей замужъ, или же умершей дѣвственницею, подвергается за гробомъ вѣчнымъ, адекимъ мученіямъ. Отъ нихъ же не избавляется и выходящая замужъ дѣвушка отцовѣнная, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ супружество безплодно. Отецъ и мать, отказывающіе дочери въ ея требованіи или неудовлетворяющіе его по нерадѣію, подлежатъ страшнѣйшимъ за гробомъ мучкамъ безъ надежды на помилованіе (?).

Бракосочетаніе у послѣдователей закона Зороастра, состоитъ изъ пяти, какъ состояло и встарѣ, изъ двухъ обрядовъ: *Налзада* и *Некаха*.

Налзадъ — помолвка и предварительное благословеніе жениха и невесты мобоedomъ. Тотъ и другая послѣ надлежащихъ омовеній, одѣтые въ новыя платья и препоясанные *костми* стоятъ предъ мобоedomъ рука объ руку. За нѣсколько дней до свадьбы женихъ, если онъ человѣкъ состоятельный, даетъ ниръ обоимъ пола дѣтямъ

(1) См. S. Ioannis Chrysostomi, Opp. и его же Spuria (изданіе Theobald Fix, т. I, III и X, стр. 334, 373 и 937.

(2) Для свѣдѣній узаконеній о бракахъ у индусовъ, китайцевъ и персовъ обращаемъ вниманіе читателя на томъ I, гл. VIII, стр. 61 и томъ II, гл. XII, стр. 110, 111 и гл. XXII, стр. 203—207.

всѣхъ своихъ знакомыхъ. Это дѣтское торжество служитъ, какъ бы залогомъ искренности желаній жениха быть со временемъ родоначальникомъ многочисленнаго потомства. Невѣста, въ свою очередь, въ родительскомъ домѣ, зацѣпъ точно такой же праздникъ дѣтямъ своихъ знакомыхъ. Дѣнь свадьбы назначаетъ мобоedomъ, по совѣщаніи съ гороскопаломъ жениха и невесты. Узаконенный *нага* (периодъ дня) для бракосочетанія, есть гахъ *Озиренъ* (пятый часъ по полудни). Послѣ молитвы, прочитанной мобоedomъ, молодой ведетъ молодую въ свой домъ, гдѣ даетъ обѣдъ собравшимся роднымъ и знакомымъ. Оттуда, длинной процессіей, плутъ въ домъ тестя, куда переноситъ всю мебель и домашнюю утварь новобрачныхъ. Здѣсь пируютъ и веселятся до полуночи; въ полночь, по совершеніи обряда *Некаха*, молодые возвращаются къ себѣ домой опять со всѣмъ своимъ скарбомъ. Обрядъ *Некаха* состоитъ въ томъ, что мобоedomъ, имѣя по бокамъ два столика съ поставленными на нихъ блюдами плодовъ и шеницы или рису, читаетъ молитву предстоящимъ молодымъ, осыпая ихъ этики плодами или зернами, чѣдъ дѣлаютъ и всѣ присутствующіе. Этими обрядами, очевидно заимствованными у индусовъ (?), заканчивается брачное торжество. Въ послѣдующіе дни новобрачные разслаплютъ роднымъ и знакомымъ разныя лакомства и сласти.

Бракосочетаній — пять разрядовъ: 1) *Шах-зангъ*, 2) *Іогъ-зангъ*, 3) *Сатер-зангъ*, 4) *Чегеръ-зангъ* и 5) *Ходешразъ* или *Ходра-зангъ*.

Шах-заномъ называется бракосочетаніе юности и дѣвцы вообще. Или этого разряда въ буквальномъ переводѣ значитъ: жена-царица. Бракосочетающіеся первый разъ вообще называютъ парехъ и цариею, какъ и у насъ въ древней Руси (да въ донныя въ простовародѣ) княземъ и княгинею.

Іогъ-зангъ — бракъ съ условіемъ, чтобы первый ребенокъ, если онъ будетъ мальчикъ, былъ отданъ тестю или бездѣтному шуруну,

(1) См. томъ I Индіи, гл. VIII, стр. 67. Обычай осыпая молодыхъ супруговъ хлѣбными зернами, хлѣасемъ и деннами существовалъ у насъ въ древней Руси: существуетъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ и нынѣ, также у евреевъ, живущихъ въ Польшѣ.

у которыхъ остается на воспитаніи до пятнадцати лѣтъ. По достиженіи имъ этого возраста, отецъ и мать подвергаются вторичному бракосочетанію со вѣнн обрядами шах-зама. На сколько можно догадываться, то Югъ-занъ есть празднованіе пятнадцатилѣтняго супружества, подобно тому, какъ у насъ, европейцевъ празднуютъ *серебряныя свадьбы*, съ тою разницею, что у насъ вторично мужа съ женой не перенумеровываютъ.

Сатраг-занъ бракъ бракосочетанія женщины замужней при живомъ мужѣ, съ юношей, умершимъ холостымъ, или первымъ ея женихомъ, умершимъ до свадьбы. Это фантастическое бракосочетаніе, при которомъ настоящій мужъ играетъ роль жениха-журтвца, совершается или по просьбѣ отца и матери покойнаго, или въ исполненіе даннаго покойному слова. Законъ Зороастра, къ сожалѣнію, умалчиваетъ о томъ, которому изъ двухъ мужей будетъ за гробомъ принадлежать двумужница.

Чегер-занъ — выходъ вдовы за втораго мужа.

Ходешираз или *Ходра-занъ* замужество дѣвушки съ челоувкомъ, избраннымъ ею, а не отцомъ и матерью, или же ея замужество наперекоръ ихъ воли и безъ ихъ согласія.

Кромѣ этихъ разнородъ браковъ, мужъ и жена, по достиженіи ихъ сыномъ пятнадцатилѣтняго возраста, непременно подлежатъ повторенію надъ ними брачнаго обряда.

По закону, болѣе одной жены имѣть не должно; мужчина можетъ взять себѣ другую только въ случаѣ неплодія первой, которая но никакъ случаѣ остается жить у него въ домѣ. Мужъ не имѣетъ права взять себѣ второй жены, если на то не послѣдуетъ согласія первой. Жена не смѣетъ покинуть мужа и идти за другаго, даже и тогда, когда, вслѣдствіе физическаго истощенія, онъ не исполняетъ своихъ супружескихъ обязанностей. Мужъ имѣетъ право прогнать жену и развестись съ нею: 1) если она имѣетъ съ нимъ сообщеніе при извѣстныхъ обстоятельствахъ; 2) если четыре раза откажетъ мужу въ его справедливыхъ требованіяхъ; 3) если она занимается чародѣйствомъ и волхвованіемъ; 4) если она распутно ведетъ себя. Жена обязана любить и уважать мужа „какъ бога.“ Утромъ, осыпавшись кости, она должна предстать передъ нимъ, заложивъ кисти рукъ себѣ подъ мышки, и

по прочтеніи молитвы девять разъ спросить: „что прикажешь, повелитель?“ Послѣ того она трижды бьетъ мужу челомъ (*сидэжда*), касаясь поочередно рукою лба и земли, и отправляется на работу или къ своимъ хозяйственнымъ занятіямъ. Эти же самые знаки возмутительнаго раболѣвства дочь обязана оказывать отцу, а сестра старшему брату.

За обольщеніе чужой жены законъ Зороастра объявляетъ виновному адскія муки, отъ которыхъ его, впрочемъ, можетъ избавить прощеніе обиженнаго мужа. По достиженіи беременною женою періода четырехъ мѣсяцевъ и десяти дней, мужъ обязанъ прервать съ нею всѣ сношенія, впредь до разрѣшенія ея отъ бремени. Женщина, выкинувшая или родившая мертваго младенца, на срокъ одинъ день отлучается отъ общества людей: первые четыре дня она не должна употреблять ни соли въ пищу, ни воды для питья, а питается единственно сухихъ хлѣбomъ, мясомъ и жажду утолять плодами. Для прислуживанія ей нарочно назначаютъ двухъ челоувкъ, осыпанныхъ однимъ костью и такимъ образомъ шесть недѣль изображающихъ уродливую двойню, въ родѣ сіамскихъ близнецовъ. Родить женщина должна непременно на желѣзной кровати въ присутствіи мебели, читающаго молитвы, трехъ или пяти женщинъ и при свѣтѣ ярега огня, разнороднаго за три дня до наступленія родовъ. Последнее дѣлается для отогнанія злыхъ духовъ, дивовъ и наги, постоянно стерегущихъ каждаго новаго жилища, являющагося на свѣтъ Божій.

Эта желѣзная кровать и огонь — необходимыя обстановки рожающей у персовъ, весьма разумныхъ гигиеническихъ мѣръ, возведенныхъ, по обычаю востока, въ статьи закона религіознаго. Первая способствуетъ опрятности, второй чистотѣ воздуха — двухъ благоприятѣйшихъ условій при разрѣшеніи женщины отъ бремени. Сверхъ того, при положеніи женщины на желѣзную кровать, Зороастръ имѣетъ въ виду и благотворное вліяніе этого металла на челоувческой организмъ вообще, климатъ, на которое наши европейскіе врачи еще не обратили должнаго вниманія.

Родильница подлежитъ шестинедѣльному отлученію, а по прошествіи этого срока, многократнымъ омовеніемъ и очистительнымъ молитвамъ. Она должна кормить грудью мальчика — семнадцатъ, а

дѣвочку—пятнадцать мѣсяцевъ. Кормленіе грудью своихъ дѣтей не только не влечется матерью въ обязанность, но, по закону, должно быть замѣнено отдачею ихъ на грудь пажной кормилицѣ. Въ этомъ случаѣ, Зороастръ принимаетъ въ соображеніе естественную невосдержанность, всегда вредно отражающуюся на грудномъ младенцѣ. Впрочемъ, строгій на всякія наказанія—тѣла человека на землѣ, а души—за гробомъ, персидскій законодатель говоритъ: „Отецъ и мать—осканины грѣшники, обязанные отвѣтомъ Ормузду, буди ребенокъ, кормимый грудью матери, умреть до четырехлѣтняго возраста, вслѣдствіе ея невосдержанности или недостатка присмотра.“

Таковы узаконенія Зороастра, относящіяся до семейнаго быта и права женщины. Какія же обязанности налагаетъ его законъ на правоверныхъ поклонниковъ Ормузда?

Каждый изъ нихъ обязанъ непремѣнно принадлежать къ какой-нибудь изъ *четырехъ кастъ*, на которыя должно быть расчленено гражданское общество. Это дѣленіе на касты—очевидно, заимствовано у индусовъ: *жрецы, воины, пащеры и ремесленники*—только безъ рѣзкаго отдѣленія одной касты отъ другой, безъ обязательнаго членства въ каждой кастѣ передъ низшими. Чистыми и безгрѣшными ремеслами признаются тѣ—(зачѣмъ, весьма сомнѣнію), при которыхъ работникъ не употребляетъ огня; ремесла презрѣнныя: гробовничьи и могилничьи (*незазала-ры*). Каждый гобуръ, какой бы онъ ни былъ касты, обязанъ каждые четыре дня совершать обрядъ очищенія (*хоселу*). Жрецы должны вставать въ полночь; правоверные прочихъ кастъ—при пѣніи пѣтуха. Молитва, кельбѣжная принадлежность каждому дѣйствію, отъ пробужденія до отхода ко сну, кѣлый божій день; ео слѣдуетъ читать одѣваясь, умываясь, причешиваясь, разводя огонь на домашнемъ очагѣ и пр. и пр. Молитвы солнцу читаются трижды въ день: при восхождѣ (*на-хачангъ*), въ полдень (*на-ра-нитангъ*) и въ пятую часу по полудни (*на-х-озиренгъ*); лунѣ молятся трижды въ мѣсяцъ: въ день новолунія, полнолуныя и ущерба; подъ—при взглядѣ на эту стихію, также точно какъ и на огонь.

Въ пищу Зороастръ разрѣшаетъ мясо всѣхъ чистыхъ живот-

ныхъ; нечистыми онъ признаетъ звѣрей хищныхъ и называетъ ихъ порожденіями Аримана. При вкушеніи пищи слѣдуетъ хранить совершенно безмолвіе; пить не пилю, какъ по окончаніи обѣда, а при питіи не прикасаться губами къ краямъ сосуда, а лить себѣ питье въ ротъ черезъ край на нѣкоторомъ разстояніи отъ губъ. Огня въ лампадѣ дуровеніемъ не гаситъ, но халать на него рукою или онахаломъ, или же, состригнувъ горящую свѣтлыню, лаять ей истѣтъ на шестѣ очага. Въ случаѣ пожара огня водою не заливать, но закидывать его комьями земли, дерна, щеплемъ, пескомъ, обломками черепицы и т. п.

Обряды, сопровождающіе смертную часть правовернаго и соблюдаемые при *погребеніи*, отличаются отъ обрядовъ прочихъ народовъ превеликими селѣбностями. Окружающіе больного при первыхъ признакахъ наступающей агоніи обязаны пригласить жоеда. Послѣдній читаетъ установленнаго на сей предметъ молитвы узаконенное число разъ. По окончаніи ихъ, къ умирающему родственники его приводятъ собаку (двухъ собакъ, если умираетъ беременная женщина)—привлываютъ ее къ его ногѣ, а сами отходятъ на девять шаговъ: умирающій долженъ стараться до послѣдняго издыханія смотрѣть на собаку; она принимаетъ его послѣдній вздохъ... За неимѣніемъ собаки ее можно замѣнить какой-нибудь домашней—но еще того лучше—хищной птицей. Послѣ того къ умершему приглашаютъ *незазала-ровъ* (могилничковъ), связанныхъ веревкою, съ падѣтыми на руки, вмѣсто перчатокъ или рукавицъ—песолонными полотняными мѣшками. Незазалары, читая молитвы, обмываютъ покойника и одѣваютъ его *непрелыню* въ старое, поношенное платье: надѣтъ на него обшивку починается непростительнымъ грѣхомъ.. По оклеваніи и одѣваніи, лице покойника также незазала-ры покрываютъ *пеноломъ* (см. выше т. XXVII, стр. 240) и затѣмъ идутъ за гробомъ (*дженезе*). Гробъ этотъ ничто иное, какъ желѣзный ящикъ, въ который кладутъ тѣло только для перенесенія на кладбище (*дагисе*). Число носильщиковъ полагается: два для мужчины и четыре—если послѣдній была беременна. При положеніи трупа въ дженезе присутствуютъ два жоеда, держащіеся за рукава другъ друга и обязанные смотрѣть на гробъ—но отнюдь не на покойника... Уложивъ трувъ, незаза-

лары читают молитву, причём ложатся на четверо небольшой хлѣбец (*дарунг*), несколько разъ выкладывают на собаку, нарочно для того приводимую, потомъ три раза другъ на друга и несутъ мертвеца къ мѣсту вѣчнаго успокоенія. Участвующие въ процессіи родственники должны слѣдовать поварию, держась за рукава и непременно поотдаля отъ носильщиковъ. Не доходя девяти-воста шаговъ до входа въ дахмѣ, родственники останавливаются; носильщики, выложивъ трупъ изъ ящика и помѣстивъ его въ ограду дахмѣ, возвращаются къ присутствующимъ, разрываютъ веревку, которую были связаны, рвутъ въ клочья вѣшки, которые были надеты вмѣсто рукавицъ, сбрасываютъ бывшее на нихъ платье и, по омовеніи, переодеваются въ новое, которое обязаны купить изъ ближайшаго родственника покойнаго. Послѣдніе въ заключеніе обряда выйдя съ мободевъ читаютъ молитвы въ виду дахмѣ, прикасаясь къ землѣ указательными пальцами — и наконецъ идутъ по домамъ.

О состояніи души усопшаго сказано въ законѣ, что послѣ кончины человѣка она слаба и безсильна „какъ новорожденный младенецъ.“ Въ первый день она витаетъ около тѣла мѣсть, гдѣ скончался человѣкъ; во второй — около дахмѣ; въ третій — приближаясь къ трупу, ею покинутому, старается опять оживить его; наконецъ въ четвертый день душа прилетаетъ къ мосту Чивевалу, гдѣ ее допрашиваютъ о мнѣвшей жизни *Миора* и *Рашне-ратг* — издеи истины... Отсюда, судя по отвѣтамъ, душа отправляется въ обители свѣта или въ преисподнюю.

Въ огражденіе души отъ Аризана и происковъ злыхъ духовъ, законъ повелѣваетъ живымъ людямъ читать о ней молитвы, ихъ же множество безчисленное. Особенно важны молитвы въ теченіе трехъ первыхъ сутокъ и жертвоприношеніе на четвертый день. Для послѣдняго берутъ годоуалю овцу: мясо съдается присутствующимъ, а жиръ бросаютъ на огонь. Сверхъ того, при молитвахъ четвертаго дня посылаютъ шесть прѣсныхъ хлѣбовъ (*даруновъ*) орузду и главнѣйшимъ издеямъ, защитникамъ и покровителямъ души усопшаго. Въ случаѣ несоблюденія обрядовъ четвертаго дня, душа будетъ томиться тоскою неутѣшною до дня воскресенія мертвыхъ.

Поминаль усопшаго законъ повелѣваетъ въ 10, 30 и 31 день по кончинѣ, чрезъ полгода, черезъ годъ и затѣмъ ежегодно въ 10, 30 и 31 день, считая со дня кончины.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

Кладбища. — Правила ихъ освященія и планировки. — Предъ въ санитарномъ отношеніи. — Исламское дахмѣ отклонниковъ. — Примитивы и погребья. — Тяжелые и легкие дни. — Азулетки и талисманы. — Врачебное дуновение. — Пиле питуха. — Неправда древнихъ персовъ къ иудеямъ. — Дурной глазъ. — Иносказанія при сообщеніи печальныхъ вѣстей. — Гули, дули пустыни. — Русское погребье о выгравъ. — Естественное объясненіе сверхъестественнаго.

Кладбища (дахмѣ) должны быть отмѣжевываемы на мѣстахъ безплодныхъ, вдали отъ жилья и воды, на нагорьяхъ. Мѣсто, къ тому предназначенное, освящается мободевъ со многими молитвами и обрядами, при которыхъ главнѣйшимъ издеямъ посылаются *десять* прѣсныхъ хлѣбовъ.

Каждое дахмѣ предназначается для погребенія не свыше 365 тѣлъ. Число это указанное комплектъ, съ пополненіемъ котораго дахмѣ упрядняется, а по простѣтій пятидесяти лѣтъ уничтожается вовсе. Зороастръ, въ этомъ случаѣ, судить весьма справедливо: хотя мѣсто погребенія и называется вообще вѣчнымъ жилищемъ, но это названіе не имѣетъ смысла и доказываетъ только ребяческія понятія народовъ о назначеніи могилъ... Могила, во первыхъ, не жилище; во вторыхъ — не жилище вѣчное. Названіе ея служить складомъ гніющей и обращающейся въ прахъ оболочки души, оболочки тѣльной и всего менѣе вѣчной. Подобно тому, какъ въ жизни, старое поколѣніе уступаетъ свое мѣсто молодому, такъ точно и на кладбищахъ — до костей разрушившіяся тѣла уступаютъ

свои мѣста вновь погребаемымъ. Срокомъ для существованія кладбища Зороастръ положилъ пятьдесятъ лѣтъ. По климату Персїи, при тамошнемъ изобиліи хищныхъ звѣрей и птицъ, при *отсутствіи могилъ* на дахъ—этого срока весьма достаточно...

Да не удивится читатель этимъ двумъ словамъ: отсутствію могилъ на кладбищахъ поклонниковъ Ороузда. Дахъ—кладбище безъ могилъ, или, вѣрнѣе, одна общая отверзтая могила: дахъ участокъ земли, представляющій крутъ въ родѣ арены цирка, обнесенный каменнымъ заборомъ или землянымъ валомъ, съ ямою, вырытою по срединѣ, и посреѣю канавками, прорытыми отъ цѣвря къ окружности. По краямъ средней ямы вбиваются четыре столба и переплетаются ихъ веревкою изъ ста золотыхъ и хлопчатобумажныхъ нитей; канавки окаймляютъ частоколомъ изъ 36 большихъ и 206 малыхъ колецъ. Все пространство дахъ раздѣляется затѣмъ на 365 участковъ (*келъ*). Первымъ покойниковъ дахъ долженъ быть младенецъ мужскаго пола, сынъ победы, котораго, какъ и послѣдующихъ покойниковъ, кладутъ въ дахъ на поверхность земли, головами къ стѣнѣ окружности, ногами къ центру; труны мужские кладутся головами къ самой стѣнѣ, труны женскіе головами къ ихъ погамъ, труны дѣтскіе—къ ногамъ послѣднихъ... Влаги, отдѣляющіеся отъ разложенія этихъ тѣлъ, стекаютъ въ канавки, прорытыя во внутренности дахъ; оставы, для очистки зашмазанныхъ или мѣсть, складываются въ центральную яму; старые покойники уступаютъ свои мѣста новымъ, открывая ихъ вакансіи... Удушливый сѣрадъ въ полѣ мглистаго тумана стоитъ надъ подобнымъ кладбищемъ, и съ утра до вечера посяетъ надъ нимъ станъ плотоядныхъ птицъ, находящихъ себѣ здѣсь богатую пищу... Неистощимый рудникъ всевозможныхъ заразительныхъ солѣней!...

Французскій путешественникъ Шарденъ, посѣтившій Персію въ живущемъ столѣтіи, видѣлъ близъ Испагани кладбище гребровъ, о которыхъ разсказываетъ слѣдующее: „Кладбище это, говоритъ онъ—круглая башня, сложенная изъ грубо отесаннаго камня, въ тридцать нѣтъ футовъ вышины и девятью въ поперечникѣ, безъ дверей и входа. Внутри башни прилегающая къ стѣнѣ вѣнтообразная лѣстница. При погребеніи труна въ этой могилѣ, три или четыре могила вбираются въ пригавленную лѣстницѣ, въ вершину башен-

ной стѣны, веревками притягиваютъ трупу, а потомъ опускаютъ его по ступенькамъ внутренней лѣстницы, что во сто разъ опаснѣе по неимѣнію или никакой точки опоры. Внутри башни по срединѣ вырыта яма, наполненная костями и погнившими лохмотьями. Мертвцовъ кладутъ на матрасы съ подушками въ изголовь и укладываютъ вокругъ стѣны такъ тѣсно, что труны жмутся другъ къ другу, безъ различія возраста, пола и званія. Труны лежатъ на спинѣ, съ руками скрещенными на животѣ, со скрещенными же ногами и открытыми лицами. Въ изголовь покойника ставятъ бутылки съ виномъ, гренадовая яблочки, ножи и прочія домашнія орудія или утвари, смотря по средствамъ. За неимѣніемъ мѣста для погребенія новаго покойника могильщики бросаютъ совершенно истлѣвшія тѣла въ яму, вырытую по срединѣ башни. Сухость воздуха, особенно въ Испагани, такъ велика, что труны истлѣваютъ очень скоро, не отдѣляя особенно зловонныхъ испареній (?). Меня удивило даже отсутствіе вони на этомъ кладбищѣ. Тутъ были тѣла совершенно свѣжія, ни на рукахъ, ни на ногахъ, которыя были обнажены, неприлично было признавать порочъ; за то лица были страшно обезображены вѣрогами, безчисленными сталью носавшимися вокругъ кладбища и издававшими преимущественно на эту часть тѣла.

Древнихъ царей хоронили въ каменныхъ нимахъ, изъѣваемыхъ въ скалахъ, о чемъ мы поговоримъ подробнѣе при обзорѣ памятниковъ въ древней Персїи.

Примѣты, повѣрья и предрасудки многихъ христіанскихъ народовъ остатки древняго язычества, примѣшавшіеся къ истинной религіи, имѣли изъ песовѣдской, или вѣбдрившейся въ его домашній бытъ. Такъ-же точно большая часть повѣрьевъ и примѣтъ индѣйскихъ персовъ-шитовъ заимѣла изъ религіи Зороастра.

По свидѣтельствамъ Шардена, сэра Уиллѣма Уелли (W. W. W.), Моріера, Скотта Уоринга, Жубера и многихъ другихъ путешественниковъ—персіе суетвѣрившій народъ постока. Вѣрованіе въ астрологию въ счастливые и несчастные дни (тяжелые и легкіе, или, какъ они говорятъ, *бѣлые* и *черные*) сложило особый календарь, въ которомъ не только показаны тѣ и другіе, но даже

части дня, особенно благоприятствующая или неблагоприятствующая известным предприятиям. Несчастийшимъ днемъ въ году персіяне называютъ 13 число мѣсяца Сефара. Въ этотъ день они уходятъ со двора въ поле или куда нибудь въ уединеніе, во избѣжаніе какихъ неприяностей или ссоры, которая въ это число гибельно вліяетъ на судьбу человека въ теченіе всего года. Въ огражденіе себя отъ сглазу и порчи, персіане носятъ амулеты и талисманы. Амулеты состоятъ изъ выписокъ изъ Корана, изрѣченій святыхъ (*хадисъ*) молитвъ, пережженныхъ съ заклинаньями, написанныхъ въ известное число и носимыхъ въ ладонкахъ на шеѣ или на рукахъ, на поясъ. У мусульманъ амулетъ состоитъ изъ браслета, спускающагося изъ нѣсколькихъ ладонковъ; другіе носятъ амулеты въ золотыхъ и серебряныхъ ащанкахъ, съ которыми не расстаются даже въ баняхъ. Пишутся амулеты на трапичной бумагѣ, но отнюдь не на пергаментѣ, такъ какъ послѣдній ничто иное какъ выдѣланная кожа животнаго. Кромѣ письменныхъ заклинаній ихъ носятъ въ перстняхъ, награвированныхъ на камняхъ, особенно бирюзѣ (*ниррузе*), которой издревле приписываютъ чудесную, противучародѣйственную силу. Послѣдній родъ амулетовъ, называемыхъ *дуасъ*, по мнѣнію суеверовъ, обладаетъ чудесной силой, избавляя носившаго ихъ отъ всякихъ болѣзней и давая ему всевозможныя блага земныя. Ладонки съ заклинаньями персіане нашиваютъ въ предохраненіе отъ сглазу на шею домашней скотины, на птичьи кѣтки, къ дверямъ домовъ и лавокъ; въ послѣднемъ случаѣ для привлеченія покупателей (*). На дѣтей въ предохраненіе ихъ отъ всѣхъ болѣзней нашиваютъ сукурки, сшитыя изъ волосъ домашнихъ животныхъ и хищныхъ звѣрей.

Скотъ Уоринга говоритъ, что въ Персіи существуютъ между туземцами люди, обладающіе даромъ исцѣлять другихъ отъ укушенія ядовитымъ пресмыкающимся и насѣкомыми — посредствомъ *дуновенія* (дыханія). Обладающій демономъ даетъ укушенному съѣсть кусокъ сахара или хлѣба, на который онъ, заклинатель, дуетъ. Въ

Пиразѣ, въ бытность Уоринга въ Персіи, жилъ подобный лекарь, исцѣлявшій множество людей укушенныхъ змѣями или ужаленныхъ скорпионами и фалангами. Даръ исцѣленія, гонораръ, приобретаемый постомъ, молитвою и благочестивыми размышленіями. Уорингъ убѣдился, что собственными глазами убѣдился въ истинѣ этого леченія, заслуживающаго, по его мнѣнію, вниманія и глубокаго изслѣдованія людей ученыхъ. Заклинатели звѣй существовали въ глубочайшей древности; Плиій въ VII книгѣ довольно пространно говоритъ объ этой способности, врожденной или приобретаемой. Дуновеніемъ лечатъ и у насъ простые знахари въ деревняхъ и иногда, какъ говорятъ, весьма успѣшно. Не можемъ припомнить въ которомъ году и въ какой именно губерніи, мужикъ знахаръ вылечилъ нѣсколько человекъ, укушенныхъ будто бы бѣшеною собакою, *дуя* на появленныя мѣста. — Нельзя не пожелать, что наука къ подобнымъ фактамъ относилась обыкновенно съ насмѣшкою или пренебреженіемъ, не доискиваясь причины излеченія (*).

Закончимъ обзоръ предрасудковъ персіанъ еще нѣсколькими записками.

Моріеръ говоритъ, что персіане обращаютъ особенное вниманіе на *пльіе пльуха*: голосъ его въ счастливые часы дня (въ девять часовъ утра, въ полдень и полночь) принимаютъ за добрый знакъ, въ прочіе часы — за дурной, и тогда бѣдному вѣщувъ свертываютъ голову (2). Къ *голубинымъ* навѣшніе персіане питаютъ особенную симпатію и заботятся о ихъ разведеніи. Причина этому чисто экономическая: голубиный пометъ (гуано) служитъ превосходнымъ удобреніемъ для дынныхъ бахчей. Въ древности, однако же, эта птица была жестоко преслѣдуема, по свидѣтельству *Элиана* (Разныя исторіи, кн. I, гл. 15) за то, что предъ гибелью персид-

(*) У насъ въ Россіи, съ этой же самой цѣлью, торговцы вѣшаютъ на пороги своихъ лавокъ подаву, преимущественно павшую на улицѣ.

(1) Весьма вѣроятно въ этихъ случаяхъ исцѣленія укушенныхъ собаки были небывшими, а обыкновенными; язва отъ укушенія небывшею собакою скоро заживаютъ сами собою, а легковѣрный народъ приписываетъ излеченіе ламентыванію, дуновенію и пр.

(2) У насъ въ престонародѣ этой операціи подвергать курцу, запившую пльухомъ.

скаго флота у горы Авона стаи бѣлыхъ голубей кружились надъ кораблями.

Въ Европѣ, говорить французскій путешественникъ Жюберъ, привыкъ обыкновеніе поздравлять друзей и знакомыхъ со счастливыми для нихъ событіями; на востокѣ — иное. Держать-ли мать ребенка на рукахъ — слѣдуетъ остерегаться отъ всякихъ похвалъ красоты ребенка; позеть-ли кому счастье или удача — объ этомъ не слѣдуетъ говорить ему. Сила предрасудка такъ велика, что персіане увѣрены въ томъ, что похвала непременно навлекаетъ бѣду. Было бы слишкомъ долго перечислять всѣ предохранительныя средства, распространяемыя тамошними шарлатанами для отклоненія гибельнаго дѣйствія такъ называемаго *иззара*, т. е. завистливаго глаза (дурнаго глаза или джетауры итальянцевъ). Возвращаясь домой, уходящая со двора персіанка непременно моется и опрыскивается духами для отклоненія чаръ или порчи (!)...

Персіане въ разговорѣ всегда стараются избѣгать предметовъ грустныхъ; если же изъ по необходимости случается говорить о нихъ, то выражаются неопредѣленно или обвиняки. Такъ, напримеръ, увѣдомляя о чьей нибудь смерти, персіане говорятъ: „онъ подарилъ вамъ долю своей жизни“, т. е. что умершій могъ бы еще жить многіе годы, но изъ любви къ вамъ отдалъ занасъ своихъ лѣтъ, вамъ на разжигу... Это совершенно то же, что и существовавшая у насъ въ разговорѣ фраза при вѣсти о коновникѣ: „приказалъ жить долго жить!“

У жителей окраинъ Солянкой степи (*кабира*), между Тегераномъ и Кумонъ, съ незапамятныхъ временъ существуетъ преданіе о степныхъ бѣсахъ или *гулахъ*, называвшихся во времена владычества религіи Зороастра димами и парп. Поводъ къ этому повѣрью подали степные являжи, нерѣдко поражаемые своими странностями даже европейцевъ, коротко знакомыхъ съ законами оптики. *Марко Поло*, посѣтившій степь Коби, со всѣмъ престоудіемъ средневѣ-

коваго суетва описываетъ гудѣя слѣдующимъ образомъ: „Разсказываютъ за достовѣрное, что степь служитъ жилищемъ множеству злыхъ духовъ, морочащихъ путниковъ и влекущихъ ихъ къ гибели. Если въ продолженіе дня кто нибудь заснетъ, собьется съ дороги, или инымъ какимъ нибудь образомъ потеряетъ изъ виду караванъ, тому неожиданно слышатся знакомые голоса, явственно окликающіе его по имени. Полагая, что это голоса попутчиковъ, отставшій отъ каравана углубляется въ пустыню и тамъ погибаетъ. Ночью отставшему путнику слышится конскій топотъ, съ той или другой стороны дороги; полагая, что это караванъ товарищей, онъ стремится въ ту сторону, откуда ему слышится топотъ и только на разсвѣтѣ примѣчаетъ свою ошибку и опасное положеніе. Нерѣдко въ дневную пору десномы пустыни, принимая на себя видъ путешественниковъ, заговариваютъ съ путникомъ, стараясь велически собить его съ дороги. Говорятъ, будто нѣкоторые путешественники встрѣчали этихъ злыхъ духовъ въ образѣ возмущенныхъ людей, которые нападали на нихъ и обращали въ бѣгство; собиравшіе съ дороги, несчастные погибли голодною смертію (!). Много чудеснаго и невѣроятнаго разсказываютъ объ этихъ духахъ пустыни; вслѣдъ прочія, будто они, носясь въ воздушѣ, наполняютъ его криками, волями, браніемъ оружія, чѣмъ не мало приводятъ въ смѣтеніе члвчє караваны.“

Моріеръ, человѣкъ нашего времени, шутливо относясь къ повѣрью, не смотря на ихъ маститую древность, говоритъ, что во время его переѣзда чрезъ Солянкую степь попутчики персіане не на шутку боялись гудѣя. „Это родъ степныхъ спренъ“, говорятъ Моріеръ, „заманивающихъ путешественниковъ своими голосами, а потомъ когтистыми терзающихъ ихъ въ куски. Гуль, по народному повѣрью, имѣетъ способность принимать на себя разныя цвѣта и виды: иногда она (или онъ) является въ видѣ верблюда, лошади, коровы... Когда намъ случалось заглядѣть на горизонтѣ

(!) Эти же самыя повѣрья о гудѣяхъ существуютъ у насъ почти повсемѣстно и по толкованію старыхъ бабъ особенно сильно дѣйствуютъ сказки на дѣтей.

(!) Жаль, что Марко Поло умалчиваетъ о томъ, каковыя образцы и кому заблудившіеся и погибшіе съ голоду въ пустынь путешественники могли разсказать о своихъ приключеніяхъ.

пустыни что нибудь неясное, неотчетливое, персіане кричали въ одинъ голосъ, что это гудъ. Помогъ имъ очень важно рассказы-вали намъ, какими именно завязанными имъ удалось удержать бѣсовъ въ почтительномъ разстояніи (*).“

Эти гуды тоже самое, что и *пернани*, о которыхъ мы упо-минали въ разсказахъ о подвигахъ Рустапа (см. гл. XXI, стр. 200).

Вихри нашей вярдой демонологіи имѣютъ большое сходство съ персидскими бѣсами, даже можно сказать одного съ ними проис-хожденія. Что такое вихрь? Внезапное дувовіе коловрагана вѣтра, выпышка воздушнаго электричества, въ развѣрахъ болѣе обшир-ныхъ называемая ураганомъ или смерчемъ. Вихрь вѣнтообразно врутитъ пыль, блестящій лѣсъ, солому, куски бумажы и прочіе легкіе предметы, попадающіеся ему на пути. Простой народъ, называя этотъ вихрь, однимъ изъ воплощеній бѣса, утверждаетъ, что на челове-ка, попавшаго въ струю вихря, непременно нападаетъ болѣзнь тѣ-лесная или душевная и т. д. Фапстическое тольваніе каждаго физическаго явленія въ понятіяхъ каждаго народа порождаетъ бѣ-совъ, демоновъ и т. п. Такъ въ стѣнновъ міражѣ древніе персы видѣли, а выпышніе видятъ своихъ гулей и невозможно разувѣрить ихъ, что зримые призраки—отраженіе предметовъ въ зорьковомъ струящемся отъ зноя воздухѣ; что голосъ этихъ призраковъ—гу-дѣнье въ ухахъ утомленнаго путника; совращеніе его съ дороги—припадокъ горячки, бредъ... Если читатель имѣлъ несчастье со-вершить безостановочно нѣсколько десятковъ верстъ въ тряской те-легѣ по нашимъ проселочнымъ дорогамъ, по нимамъ да кочкамъ, огъ, безъ сомнѣнія, испытывалъ въ болѣе или менѣе сильной сте-пени припадки недуга, который можно было бы назвать *дорожно-ю лихорадкою*, при которой нервы раздражены; зрѣніе и слухъ ежеминутно обманываются и разсудокъ блуждаетъ въ какихъ-то областяхъ, сопредѣляемыхъ помѣшательству. Въ брянцѣхъ коло-кольчика очень явственно слышится говоръ чьихъ-то голосовъ, свистъ, хохотъ; въ полубогородномъ или въ выкарченномъ косматомъ корѣ—разстроенное зрѣніе весьма отчетливо видитъ человѣческую или медвѣжью фигуру; камень—кажется лежащей короной...

(*) Morrier: Second journey through Persia, first edition, p. 168.

Съ пріѣздомъ къ мѣсту назначенія, постѣ необходимаго отдыха, разсудокъ вступаетъ въ свои права, о недавнихъ призракахъ остается воспоминаніе, будто о смутномъ сновидѣніи. Зачѣмъ же подобныя грѣзы пароднаго воображенія повсюду принимались къ его вѣ-рованіямъ, въ которыхъ болѣзненный бредъ принять за несомѣн-ную истину?

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ.

Древніе памятники Персіи.—Башия близъ Рен.—Развалины Газердереза.—Куриана Амен-нахъ.—Горды Кумъ и Гали-данъ.—Гробница Эвдиръ и Мард-хей.—Дамасидъ.—Вол-канъ съ заносивою вершиною.—Сказаніе о золотомъ рас-тѣніи.—Праздникъ въ память убіенія Димакъ.—Скала Бизу-тиръ.—Преданіе о Семирамидѣ.—Гробница пророка Дани-ла близъ Шустера.—Львы, ее охраняющіе.—Клады близъ Ширазъ.—Замѣтка о кладкахъ вообще.—Гробница матери Соломона.—Развалины Персеполса.—Сфинксы.—Довѣдки о символическомъ ихъ значеніи.—Барельефы.—Разсказъ Гр-Портера о невольничествѣ и сугубой несправедливости персидскихъ пещеръ близъ долины Мардангъ.

Приступая теперь къ описанію памятниковъ древности, углубля-вшихъ въ Персію до нашего времени, а также и мѣстностей, съ которыми связаны воспоминанія религіозныя, мы должны замѣтить, что, кромѣ тѣхъ и другихъ, Персія богата памятниками и мѣстно-стями, имѣющими отношенія и къ прочимъ религіямъ древности, т. е. браманизму, буддизму, законамъ Моисея и Магомета. Само собою разувѣется, что о нѣкоторыхъ будетъ намъ упомянуто въ исторіи іудизма и исламизма; теперь же предметъ нашего обзора древности временъ первыхъ трехъ династій монархіи персидской.

Въ пяти англійскихъ миляхъ къ юго-востоку отъ *Тегерана* лежатъ развалины города *Рен*, Ратеса Священнаго Писанія и Исто-ріи Артіана. Серж-Робертъ Керъ-Портеръ обратилъ особенное вни-маніе на двадцатичетырехъ угольную, кирпичную башню (см. рис. 5) прѣвосходной архитектуры съ кувлическою надписью на вершинѣ.

Входъ украшенъ красивымъ портикомъ весьма хорошо сохранившимся. Раскопки мѣста, занимаемаго Реею, безъ сомнѣнія, могли бы привести къ драгоценнымъ археологическимъ открытіямъ, къ сожалѣнію, лишныя и повѣствованные котомки древнихъ персовъ менѣе всего способны на подобныя предпріятія, относясь крайне безстрастно не только къ сокровищамъ древности, хранящимся подъ землею, но даже и къ разработкѣ сокровищъ царства ископаемаго...

Горное дѣло въ восточной Персіи въ совершенномъ упадкѣ.

На югъ отъ *Испатаи* находится пустынная, безплодная равнина Газердехъ, т. е. тысяча долинъ, почва которой состоитъ изъ грифельнаго камня; черезъ эту равнину проходитъ почтовая дорога изъ Шараза въ Испагань. Газердехъ, по народнымъ преданіямъ, мѣсто битвы Рустама съ дракономъ: ядовитое дыханіе чудовища на вѣки лишило землю ея плодотворной силы. Другая достопримѣчательность — трехугольный курганъ, называемый огнепное мѣсто (*Атеш-тахъ*). Курганъ этотъ, замѣтный издалика, сложенъ изъ обломковъ скалы; на вершинѣ его остатки кирпичныхъ адаиш; между кирпичами, вмѣсто смазки, лежатъ стебли тростника. Этотъ Атеш-тахъ одинъ изъ первыхъ алтарей огня, современныхъ Зороастру.

Города *Кумъ* и *Гамаданъ* (древняя Экбатана) пользуются репутаціею святыхъ у персіанъ и евреевъ; въ первомъ гробы пророковъ и шаховъ Сефи I и Аббаса II; въ Гамаданѣ же близъ мечети находятся подъ каменнымъ патромъ двѣ, очень древнія гробницы — Мардохея и Эсепри, какъ гласитъ надпись, грубо извѣченная тутъ же на камнѣ. Подавные шаха иудеи стекаются сюда на богомолье, воздавая почести гробницамъ, въ которыхъ, можетъ быть, вмѣсто Эсепри и Мардохея покоятся какіе нибудь шіитскіе имамы или дервиши. Еврейская надпись надъ гробницами не можетъ служить порукою за ихъ подлинность, такъ какъ принадлежать къ VII вѣку по Р. Х. *Дамавенда*, древнѣйшій городъ, о которомъ мы неоднократно упоминали въ исторіи Персіи и очеркахъ ея свивенныхъ преданій — лежатъ въ вѣстующей долинѣ, неподалеку отъ горы, ему соименной. Изъ горы Дамавенда, по увѣренію туземцевъ, перѣдко вылетаютъ клубы сѣристаго дыма и пламя; куски сѣры въ небольшихъ кратерахъ у подножія горы под-

Рис. 5. Древняя башня близь Рен.

тверждаютъ, вѣсть съ частыми землетрясеніями, что это вулканъ. Само собою разувѣется, что о немъ ходитъ изъ народѣ множество странныхъ и фантастическихъ преданій; между прочимъ, будто вершина горы недоступна чловѣку... Герои утверждаютъ, что на Дамавендѣ былъ поставленъ Зороастромъ первый алтарь огня (*атси-гага*). Одинъ изъ жителей Мазендерана увѣрялъ Моріера, будто многіе восходили на завѣтную, неприступную вершину Дамавенда, а индусскіе дервиши, зная изъ своихъ книгъ необходимы заклинанія, собираютъ на Дамавендѣ одно растеніе, превращающееся въ золото и окрашивающее золотистымъ цвѣтомъ зубы изъ и каменныхъ барановъ, пасущихся на отлогостяхъ вулкана. По этому послѣднему свойству не трудно догадаться, что это какое нибудь растеніе красильное; можетъ быть таже марена (*Rubia tinctorum* L.), что же касается до его способности превращаться въ золото это, вѣроятно, извѣстаніе, намекъ на его высокую цѣнность, опредѣляемую вѣсомъ золота.

Городъ Дамавендъ, основанный Сіямекомъ, былъ резиденціей тирана Дгогака—пятаго царя первой династіи Джемшидовъ. Ежегодно, 31 августа (по европейскому календарю), въ городѣ бываетъ празднество въ память убійства Дгогака. Жители, собравшись на обширной равнинѣ, пѣліе и верхомъ, бѣгаютъ по ней и скачутъ, пуская страшные дикіе вопли. Съ сумерекъ въ городѣ зажигаютъ иллюминацію. Преданіе о тиранѣ и духѣ змѣяхъ. Бывшихъ у него на плечахъ и откармливаемыхъ чловѣческими мозгами — сохранился въ народѣ и нынѣ. Перой, рѣшившійся свергнуть Дгогака, условился со своими сообщниками, что въ знакъ успѣха предпріятія, онъ тотчасъ по убійствѣ злодѣя зажжетъ огонь на вершинѣ горы (*). Въ память этого сигнала жители Дамавенда дѣлаютъ иллюминацію и нынѣ и строго соблюдаютъ этотъ языческій праздникъ.

Подъ разсказами о *сильно-огни* на вершинѣ Дамавенда, очевидно, скрывается преданіе о первомъ изверженіи вулкана, совпавшемъ со временемъ убійства или смерти Дгогака... Точно также древніе греки, въ своей мифологіи, разсказывали, что вершину Эты

(*) О Дгогакѣ и его царствованіи, см. Гл. XI, стр. 184.

загляла Церера, отыскивавшая Прозерпину, похищенную Плутономъ.

На сѣверѣ отъ *Кирианиста*, вѣско отъ Гагадаской дороги, находится высокая, крутая скала, вершина которой бываетъ покрыта снѣгомъ вѣрѣно до первыхъ чиселъ юня. Высота этой скалы, называемой *Визутун* (не пѣвущая столбовъ или воднорокъ), 1500 англ. футовъ и вся она покрыта пѣсѣченными въ камнѣ колоссальными изображениями и клинообразными надписями, особенно на западной сторонѣ *Таки-бостан*. Здѣсь въ скалѣ изсѣчено двѣ залы, изъ которыхъ одна вѣдетъ 25 футовъ ширины и 20 глубины. Стѣны ея украшены барельефами; главнѣйшій изъ нихъ, высокой художественной работы, изображаетъ всадника исполна съ покрытой головой, въ кольчугѣ, соединяющейся со шлемомъ и ниспадающей до коленъ. Въ правой рукѣ всадникъ держитъ копье, на лѣвой у него надѣтъ небольшой щитъ. Мѣстные жители увѣряютъ, что всадникъ этотъ пикто лиош, какъ славный богатырь Рустамъ... Двѣ всадникъ, греческая и персидская, до того вѣстеры, что Кер-Потеру едва удалось различить изъ каждой надписи двѣ, три буквы. Кромѣ этого барельефа тутъ же находится на стѣнахъ изображенія царя и царицы, сцены звѣриной травли, крылатая фигура издоль, воиновъ, звѣрей и т. п.

По вѣнцію д'Анвалиа, скала Визутунъ есть то самое мѣсто, которое посѣтила Семирамида во время своего путешествія по областямъ Малой Азіи. Вотъ свидѣтельство о томъ Діодора Сицилійскаго: „Семирамида, по окончаніи чудесныхъ построекъ (въ Вавилонѣ), съ многочисленными войсками направилась къ Мидіи. Достигнувъ горы, называемой *Вастистан*, она близъ нея расположилась лагеремъ и тутъ же развела садъ въ двѣнадцать стадій въ окружности. Садъ находился въ долинѣ, щедро орошаемой богатыми водными источниками. Гора Вастистанъ посвящена Юпитору (имѣть этого имени или солидъ?): часть ея, обращенная къ саду, представляетъ скалистые обрывы, возвышающіеся на семнадцать стадій. Семирамида, приказавъ сдѣлать и обтесать нижнюю часть горы, начертала на пей свое изображение, окруженное сотнею тѣлохранителей—копѣиосцевъ. Тутъ же она повелѣла вырѣзать сирийскими писемцами надпись, гласившую, что она, Семирамида, приказавъ сложить въ кучу всю кладъ своего обоза, отъ подножія

до самаго тѣмени горы, взвила такимъ образомъ на ся вершину.“ Ученому антикварію или технику-строителю предоставляемъ разсѣштити: сколько было потребно времени и рабочихъ рукъ для исполненія затѣи вавилонской царицы, увѣковѣчившей свою память однимъ изъ тѣхъ сооруженій, предъ которыми становится въ туникъ не только позднѣйшее потомство, но и самое время могучее, всеокружающее...

Главный городъ пустынной области Хузистана—*Шустеръ*—древняя *Суза*, зимняя резиденція царей персидскихъ. Близъ него въ прошедшемъ столѣтіи показывали намгинокъ, сложенный изъ бѣлаго камня, по преданіямъ, надъ могилой пророка *Даниила*; о немъ что-то умалчиваютъ новѣйшіе путешественники, но мы слышали отъ одного изъ нашихъ соотечественниковъ, что персы, питая къ этому памятнику глубокое уваженіе, увѣряютъ будто по волѣ божіей при немъ безотлучно находятся нѣсколько львовъ, исправляющихъ должности почетнаго караула.

Близъ *Шираза* находится остатки дренаго зачка Фагендера, въ подземельяхъ котораго, по преданіямъ, находится главное казнохранилище древнихъ царей персидскихъ. Жители весьма серьезно говорить, что сокровища сохраняются и пошлѣ въ подземельяхъ Фагендера подъ стражею ужаснаго дракона, убивающаго каждого дерзкаго, отваживающагося овладѣть кладомъ. Всѣ эти сказанія о кладахъ у всѣхъ народовъ восточныхъ и западныхъ не лишены основанія; высшей администраціи государственной, людямъ ученымъ и предприимчивымъ слѣдовало бы обратить на нихъ повсемѣстно болѣе пристальное вниманіе. Драконы, охраняющие кладъ—ничто иное, какъ удущавшия испаренія, вылетающія изъ древнихъ подземельевъ и убивающія смѣльчаковъ, рѣшающихся на розыскъ безъ необходимыхъ предосторожностей. Мы не сомнѣваемся, что въ подземельяхъ древняго Фагендера легко могутъ быть спрятаны сокровища, если не въ буквальному смыслѣ слова, т. е. въ видѣ серебра, золота и драгоценныхъ каменевъ, то въ смыслѣ лучиномъ или художественномъ... Впрочемъ, зачѣмъ намъ сѣтовать на равнодушіе персидскихъ шаховъ и ихъ подданныхъ къ археологіи, если у насъ въ Россіи, не взирая на всѣ старанія правительства и ученыхъ обществъ, не только простолюдины, но даже грамотные люди

не обращают ни малѣйшаго вниманія ни на древнѣе развалины, ни на курганы, которыми изобилуетъ Россія почти во всѣхъ своихъ губерніяхъ? Большинство случайныхъ находчиковъ древнихъ кладовъ у насъ на святой Руси напоминаетъ басню о Пѣтухѣ съ жемчужнымъ зерномъ: находка продается за безцѣнокъ, а древнія монеты — либо разбиваются на ходячія, современныя; либо, по проволочному кулу, переходятъ въ руки ближайшаго цѣловальника или никкаря... Добрый царь быть одинаково равнодушнымъ и въ своему прошедшему, да, кажется, и въ будущему!...

На постокъ отъ развалинъ Фагендера въ трехъ миляхъ, на пригорѣ, лежатъ развалины древняго ладія, называемаго гробницею матери Саломона (*Messiah'si maberi Suleimani*). Само собою разумеется, что названіе это совершенно произвольно дано персидскими развалинамъ, не имѣющимъ ни малѣйшей связи съ исторіей царства Іудейскаго.

Истасара, древній Персепольскъ, находится въ двѣнадцати миляхъ отъ Шираза. Части равнины, весьма обширнѣй, заросшей развалинами значительнаго города, называемаго: *Чильминара* (сорокъ столбовъ), *Тахти Джеминидъ* (гора Джеминидъ), *Тахти-Кан-Хосру* (гора великаго Хосру), *Чилсунгъ* или *Гезарсунгъ* (сорокъ или тысяча столбовъ). Здѣсь сокровищница персидской археологіи, гробница древняго величія царства; здѣсь казнь обломковъ говоритъ уму и воображенію краснорѣчивѣе цѣлой сотни сухихъ, утомительно скучныхъ диссертацій. Нижеописанное описаніе мы заимствуемъ изъ путешествія Кер-Портера.

Главліиши дворца, известныя подъ именемъ Чильминара, занимаютъ пространство въ 800 англ. футовъ на южной сторонѣ, 926 — на сѣверной и 1425 — на западной. Глазъ зрителя представляется равнина, покрытая вознообразными холмами земли, осколковъ камня, плитки, обломковъ колоннъ и барельефовъ. Скалы, прилегающія къ развалинамъ, на сѣв. р-занаці, срубаны мѣстами и нивелированы, кой кой въ складъ прорублены ступени. Платформа, для которой скалы служатъ основаніемъ, сложена изъ сѣраго полированнаго гранита; камни сложены безъ всякой связи, но такъ плотно прилегаютъ другъ къ другу, что не замѣтно ни малѣйшихъ щелей между ними. Эта платформа состоитъ изъ трехъ

отдѣльныхъ терассъ. Первая, въ 183 фута шириною, занимаетъ весь южный фазъ и окаймлена остатками каменнаго парапета. Съ запада на эту терасу ведетъ весьма удобная, двойная лѣстница въ 55 ступеней, очень отлого лежащихъ. На вершинѣ платформы громаднѣйшій портикъ съ изображеніемъ двухъ быковъ, обращенныхъ передними частями тѣла на западъ; надъ ними клинообразныя надпись. Головы у быковъ отбиты, вокругъ нихъ повисли гирилы изъ розъ, которыми, равно какъ и завязки шерсти исполнены съ поразительнымъ изяществомъ. На южной сторонѣ двѣ колонны, увѣнчанныя тройными капителями, постепенно суживающіяся. У втораго портика, который нѣсколько менѣе перваго, по краямъ стоятъ тоже два звѣря, но уже не быки, а какія-то адлеторическія созданія, напоминающія египетскихъ сфинксовъ. Къ бычачьему туловищу приставлены два перистыя крыла, лица человѣческія съ красиво завитыми бородами, въ ушахъ серьги, на головахъ цилиндрическія тиары (см. рис. 6). Высота этихъ изваяній 19 футовъ. Гесренъ полагаетъ, что это *мафтингоры* — баснословные звѣри-людоды, о которыхъ говорится у Ктезія, но мнѣніе Гесрена неосновательно: вѣрнѣе предположить, что эти персидскіе сфинксы — символическія изображенія силы, могущества и славы царей персидскихъ. Сильвестръ де-Саси и Керъ-Портеръ видятъ въ нихъ персидскихъ людей, или правитель — первоначальнаго чельвика — Кийоморта. Третье мнѣніе, въ которому можно придти послѣ тщательнаго осмотра сфинксовъ, есть то, что они символически изображаютъ землю со всѣми ея произведеніями и живущими на ней существами. Вторая и третья терассы, состоящая изъ великолѣпныхъ колоннадъ и обильно изукрашенныхъ барельефами, описаны у Керъ-Портера съ мельчайшими и всесторонними подробностями, которыми для нашихъ читателей были бы утомительны. Ограничимся только сообщеніемъ рисунковъ капителей и базисовъ колоннъ (см. рис. 7). Какъ образчиковъ ирисквой архитектуры, и прибавимъ, что барельефы драгоцѣнны единственно въ томъ отношеніи, что знакомятъ съ одѣяніемъ, вооруженіемъ и отчасти съ бытомъ древнихъ царей. Изъ этихъ барельефовъ обращаетъ вниманіе читателя на предлагаемый въ рисункѣ (рис. 8) съ изображеніемъ цари, двухъ его прислужниковъ и *исовъ*, его хранителя,

въ видѣ крылатого старца, переполсаннаго костью. Лица царя и прислужниковъ отбиты и сглажены фанатиками-мусульманами. Жезлы и цѣпоть лотоса въ рукахъ царя, опахало в зонтѣхъ, несомые прислужниками, были въ древности непрѣмными атрибутами при царскихъ выходахъ. На слѣдующемъ рисункѣ (рис. 9) видны того же царя, сидящаго на тронѣ, поддерживаемомъ девятью (пять внизу, четыре наверху) носильщиками. И здѣсь, какъ на предыдущемъ барельефѣ сверху крылатый издѣхъ (геній-хранитель), а въ нижней части карниза другой — въ видѣ священнаго кости съ широкими крылами по бокамъ. Всмотрѣваясь въ этотъ послѣдній сюжетъ, нельзя не замѣтить въ немъ разительнаго сходства съ символическими изображеніями *времени* на памятникахъ древняго Египта.

Къ сѣверу отъ Чильминара находятся остатки зданія, представляющаго правильный четырехугольникъ въ 210 кв. футовъ. Въ зданіе это ведутъ двѣ двери съ сѣвера и съ юга, а въ немъ семь оконныхъ амбразуръ. Барельефы, украшающіе его стѣны наружныя и внутреннія — изображаютъ царей со святою, битву богатырей съ чудовищами, извѣнными туловище львомъ и орлиныя крылья и когти; богатыри — Джемшидъ и Рустамъ, а чудовища — дивы, съ которыми они боролись. Въ заключеніе не можемъ не выписать изъ сочиненія Кер-Портера слѣдующей пессимъ любопытной замѣтки:

„Не смотря на недоробѣ, мнѣ казалось, будто какая-то непреодолима, магнетическая сила влекла меня къ этому неистощимому сокровищу для каждаго любознательнаго человѣка. И такъ, до окончательнаго прощанія съ этими мѣстами, я еще разъ посѣтилъ ихъ, отыскивая между развалинами слѣдовъ древняго города. Такъ близъ скалъ я нашелъ еще одинъ портнякъ; внутреннія его стѣны были украшены скульптурными изображеніями, значительно поврежденными. На сѣверо-западѣ отъ большой террасы въ горахъ великолѣпныхъ обломковъ я угадалъ остатки храма или иного важнаго зданія... Обломки эти заросли кустами дикихъ травъ, уныло покачивающими зелеными перинами надъ обломками столбовъ ищущаго величія. Послѣдній ударъ, опрокинувшій стѣны, пощаженыя временемъ, былъ нанесенъ имъ пятнадцать

лѣтъ тому назадъ, толпою соседнихъ жителей для добычи желѣза изъ скрѣпъ внутри колоннъ. Это мнѣ сообщилъ поселенникъ, бывшій моимъ проводникомъ при моихъ ежедневныхъ изысканіяхъ и однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ этого варварскаго подвига (!). Въ то же время онъ завѣрилъ меня, что ничего подобнаго болѣе уже не случится, потому что невѣжды узнали теперь, какъ опасно подобное святотатство. На мой вопросъ что это значить, поселенникъ отвѣчалъ, что не такъ давно одинъ изъ его односельцевъ опрокинулъ колонну на большой терасѣ и на другой же день умеръ! Но это еще не все. О несчастной его участи многіе смѣлились въѣе сны, другимъ въ сповидѣніи же были предостереженія, что Саломонъ или демонъ смертію же накажутъ каждаго, кто осмѣлится послѣдовать примѣру погибшаго святотатца. Съ тѣхъ поръ, заключилъ поселенникъ, между нами не найдется смѣльчака, который рѣшился бы тронуть пальцемъ эти зданія, построеныя, какъ надо полагать, при содѣйствіи одного изъ двухъ (т. е. Саломономъ или демономъ), а можетъ быть и обоихъ вмѣстѣ. Меня (Кер-Портера) порадовала результатъ этихъ суевѣрныхъ людей, и я сочту за злохого любителя достопамятной старины того, кто рѣшился бы разогнать эту благодѣтельную тучу, омрачившую умы и вмѣстѣ съ тѣмъ послужившую щитомъ, охраняющимъ развалины отъ покушеній невѣждъ.“

Дѣйствительно, можно сказать вмѣстѣ съ знаменитымъ англійскимъ антикваріемъ: бывають случаи, когда суевѣріе служитъ протиподіемъ невѣжеству и сказки о призракахъ и духахъ, гнѣздящихся въ древнихъ развалинахъ — и не въ одинъ Персіи застраховываютъ ихъ отъ рукъ варваровъ, которые къ старинѣ еще безжалостнѣе самаго времени.

Кромѣ остатковъ древнихъ зданій, Кер-Портеръ нашелъ близъ

(*) Скажемъ къ слову, что при нѣкоторыхъ напахъ XVI и XVII столѣтій, также нецеремонно обходиваясь съ римскими древностями въ столицѣ католическаго міра. Бронзовыя статуи переносились на пушки и колокола; золотыя монеты и медали — на украшенія храмовъ и на ходячую монету; изъ бираторовъ выжимали известъ, изъ кирпичей добывали цементъ.

развалинъ Персеполиса на равнинѣ Марданшъ, нѣсколько гробницъ, выдолбленныхъ въ скалахъ, и, между прочимъ, одна *крини* (погребальную пещеру), изображенный на прилагаемомъ рисункѣ (рис. 10).

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Накши-Рустамъ. — Царскія гробницы. — Преданіе о смерти родителей Дарія Гистаспа. — Барельефы въ Накши-Рустамъ. — Символическое значеніе священнаго огня Косми. — Деревня Муртабъ. — Тронъ Соломона. — Гробница Кира. — Ошибки археологовъ. — Барельефы съ изображеніемъ изгнана. — Заключение.

Въ четырехъ миляхъ отъ Чильминара находится мѣстечко *Накши Рустамъ* (портретъ Рустама), особенно изобилующее древними памятниками, которые можно раздѣлить на двѣ категории. Къ первой принадлежатъ четыре гробницы, сохранившія основанію персидской монархіи; ко второй — слѣдуетъ причислить памятники эпохи Сасанидовъ. Они состоятъ изъ барельефовъ, извѣстныхъ въ скалѣ, о которыхъ мы поговоримъ ниже съ достодолжными подробностями. Скалы, на которыхъ эти барельефы находятся, состоятъ изъ бѣлаго и желтоватаго мрамора. Въ нихъ же извѣстныя гробницы, въ числѣ которыхъ, такъ и называются *царскими гробницами* и, по преданію, заключали въ себѣ прахъ Камбиза, Дарія Гистаспа, Ксеркса и Артаксеркса-длиннорукаго; говоримъ „заключали“, такъ какъ нинѣ это опустѣлые склепы, съ отваленными и разбитыми камнями, служившими вмѣсто дверей.

Всѣ гробницы Накши-Рустамъ имѣютъ форму греческаго креста и нижнія ихъ части, извѣстная въ скалѣ, гораздо глубже верхнихъ. Внутри склепа первой гробницы находится три ниши со сво-

дами, заложенные когда-то плитами, нинѣ разбитыми — любопытства или алчности ради. Последнее предположеніе тѣмъ основательнѣе, что, по сказаніяхъ *Страбона* (кн. XV, гл. 3), древніе цари погребались со всеми сокровищами, накопленными ими при жизни.

Второй склепъ, называемый гробницей Дарія Гистаспа, находится на вершинѣ скалы, едва доступной. Существуетъ преданіе, будто по окончательной отдѣлкѣ гробницы Дарій нежелалъ осмотрѣть ее, но отецъ, мать, а также и *халдеи* (астрологи), предупреждали царя объ опасности, сопряженной съ подъемомъ на скалу, посредствомъ канатовъ, критикованныхъ жрецами. На это возмущенное путешествіе отъѣхавшіе однако сами родители Дарія и, съѣвъ въ качалку, доѣхали жрецы. Последніе, достигнувъ ихъ до вершины, испугались змѣй, показавшихся по близости, и выпустили подыменные канаты изъ рукъ: отецъ и мать царя стремглавъ рухнули въ пропасть и разбились въдребезги... Сорокъ жрецовъ — печальныхъ убійцъ царскихъ родителей, были немедленно обезглавлены. Во внутренности этой погребальной пещеры, по стѣнамъ которой девять нишъ, находится два камня, одинъ для священной жаровни, другой — какъ надобно полагать, для молебна, читавшаго надгробныя молитвы. Такъ какъ входъ въ склепъ, по погребеніи цари, герметически замуровывали, то нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что жрецъ, молившійся предъ трономъ, погибалъ очистительной жертвой языческаго фаватизма, лицомъ къ лицу съ усопшимъ своимъ государемъ. Кромѣ жреца и сокровищъ царскихъ, въ ниши пещеры вѣроятно замуровывали и нѣкоторые изъ его рабовъ или тюльханчиковъ.

Такъ какъ остальные двѣ царскія гробницы въ Накши-Рустамѣ, особенно нижняя не отличаются отъ вышеописанныхъ — мы перейдемъ теперь къ обзоръ нѣкоторыхъ барельефовъ эпохи Сасанидовъ, свѣдѣніи съ которыхъ изображены на прилагаемыхъ рисункахъ (рис. 11, 12 и 13).

На первомъ, значительно поврежденномъ — битва двухъ всадниковъ, поединковъ, которыхъ обыкновенно начинались сраженія древнихъ персовъ съ ихъ непримиримыми врагами — туранцами. Побѣда на сторонѣ всадника съ лѣвой стороны, сзади котораго видна фи-

гура оруженосца со значкомъ въ рукахъ. Замѣчательно сходство рисунка съ изображеніями европейскихъ средневѣковыхъ турнировъ; сходство, вытекающее отъ условій вописныхъ поединковъ, у персовъ также точно, какъ у средневѣковыхъ рыцарей: единоборцы сражались на смерть пестымъ рѣдью, вѣдя цѣлю только обезоружить противника или вышибить его изъ сѣдла.

На слѣдующемъ рисункѣ (рис. 12) видны примиреніе бойцевъ, попирающихъ, попятаями свихъ копей, убитыхъ воиновъ. Судя по одеждѣ, украшеніямъ на сѣдлахъ (привѣшныя на пѣвяхъ чаши съ горящимъ пламенемъ) и концамъ священнаго *косты*, развѣвающимся на головныхъ уборахъ — вѣрнѣе два удѣльные князя земли и единоборцы. Соединеніе ихъ правыхъ рукъ на кругломъ полѣхъ, служитъ подтвержденіемъ догадки, что при мирныхъ договорахъ и заключеніи условій, договарившіеся держались за *косты*, прикосновеніе къ которому было равносильно клятвѣ или присягѣ. Въ дополненіе уже сообщенныхъ читателю свѣдѣній о косты, т. е. священномъ полѣхъ древнихъ персовъ и индѣйскихъ гебровъ, скажемъ, что число семьдесятъ двухъ витей, изъ которыхъ онъ свивался, есть число символическое: оно соответствуетъ числу государствъ, входившихъ въ составъ древней персидской монархіи, оно же произведеніе шести мѣсяцевъ Ормузда (*), поименованныхъ на двѣнадцать ($6 \times 12 = 72$). Тропѣй Джемшида въ Персеполисѣ поддерживался также семьдесятю двумя колоннами.

Третій рисунокъ (рис. 13) есть повтореніе предыдущаго, съ тою только разницею, что здѣсь мирящіеся или договаривающіеся стоятъ вѣрно на трупахъ, служащихъ имъ подножіемъ. Замѣчательна фигура, стоящая вѣрно, поотдалъ отъ главныхъ двухъ, на цѣпкѣхъ и съ жезломъ въ рукахъ, съ лицомъ, окаяннымъ остроконечными лучами. Не изображаетъ ли она одного изъ свѣдѣвшихъ издолья пня того же Ормузда, незримого свидѣтеля мирнаго договора?

Главнѣйшія археологическія сокровища, достойныя вниманія не только людей ученыхъ, но и каждого любознательнаго человека,

находятся близъ деревни *Мамеди-Муртабъ* въ долинѣ того же вмени. На юго-западѣ остатки древняго алтара (*Атеи-нага*); на востокъ такъ называемый тропѣй Саломона (*Тагми-Салиманъ*) — искусно обточенная скала въ видѣ каменды, возсѣдая на которой, древніе цари дѣлали смотри войскамъ или говорили рѣчи и наставленіе солдатамъ народу или принимали отъ него присягу. Камни, изъ которыхъ сложены зотыя памятники, частью бѣловатые, частью ржаватаго цвѣта... Нѣсколько поотдалъ находится отлично сохранившійся мавзоль — (другой, кромѣ находящагося въ Фагеп-дерѣ) *матери Саломона*, по преданію народному, *оселкаго Кира* — по мнѣнію Кер-Портера. Это четырехугольное зданіе съ покатою кровлей стоитъ на пирамидальномъ базисѣ изъ бѣлаго мрамора. Къ дверямъ этой гробницы ведутъ семь высокыхъ ступеней... Достучь къ ней одинаково труднѣе, какъ въ физическомъ, такъ и въ моральномъ отношеніи: въ послѣднемъ потому, что окрестные жители не дозволяютъ путешественникамъ приближаться къ этому святилищу, охраняемому особымъ сторожемъ (*лунавели*). Не вдаваясь въ излишніе описанія, представляемъ читателю рисунокъ барельефа (рис. 14), украшающій одинъ изъ фасовъ древней гробницы, которую можно назвать прекраснѣйшимъ образцомъ древней персидской архитектуры. Дѣйствительно ли въ этой самой гробницѣ было погребено тѣло основателя персидской монархіи? Это вопросъ спорный, разрѣшимый тогда только, когда новѣйшіе антикваріи дойдутъ до чтенія клинообразныхъ писемъ, въ которыхъ найдется ключъ къ разъясненію многихъ вопросовъ персидской исторіи. Мы не осмѣливаемся отрицать европейскаго авторитета Кер-Портера, но заслуженное, собственное человѣку вообще, не чуждо и ученому, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ увлекается своимъ предметомъ. Было время, напримѣръ (и нельзя сказать, чтобы въ отдаленномъ прошломъ), когда каждый бѣгъ, открытый изъ земли близъ Рима, ученые люди долго считали призывавъ за бѣгъ древняго императора или котораго побѣду изъ многочисленныхъ героевъ римскихъ; въ каждой найденной урнѣ хотѣли видѣть сами и другихъ заставляли видѣть — прахъ Сципіона, Суллы, Цезаря или Августа... Настоящая или мнимая гробница Кира въ Муртабѣ не теряетъ своей цѣны въ глазахъ потомства,

(*) Напоминаемъ читателю, что мѣсяцамъ Ормузда были весенніе и лѣтніе; осенніе же и зимніе были достояніемъ Аримана.

даже и въ томъ случаѣ, если вмѣсто великаго завоевателя въ ней истрѣлѣтъ другой царь или, можетъ быть, и царица Персін.

Закончимъ нашъ обзоръ древностей персидскихъ описаніемъ барельефа, изсѣченнаго въ скалѣ близъ гробницы Кира (рис. 15) и изображающаго *изеда*, т. е. свѣтлаго духа, подопластнаго Ормузду. Въ этомъ изедѣ мы видимъ весьма некрасиваго, бородатаго мужчину, съ четырьмя крылами сзади и спереди, въ одѣяніи жреца и въ шапкѣ, увѣнчанной тройнымъ свѣтлпльникомъ. Находящаяся надъ нимъ клинообразная надпись вѣролтно содержитъ въ себѣ молитву этому духу или знакомить зрителѣ съ его именемъ и должностію, имъ занимаемою при Ормуздѣ.

Таковы главнѣйшіе слѣды, неизгладимо отпечатлѣнные на горахъ и скалахъ Персін ея давно миновавшею славою и владычествовавшей въ этомъ государствѣ религіею. Одно поколѣніе смѣняется другимъ, вѣка уносятся за вѣками, или выражаются словами лебединой пѣсин нашего Державина:

Рѣка время въ своемъ теченіи
Уноситъ всѣ дѣла людей...
И топнѣтъ въ пропасти забвенія
Народы, царства и царя!

Но, прибавимъ, эти же рѣка время падаютъ многіе памятники древности, не сглаживающіе съ камня древнихъ писемъ, не разрушаютъ канищъ древней Индіи, уважающіе развалины Персеполиса, Вавилона, пирамиды Египта, коллизей Рима, дворцы Помпей, долины и кремлези галльскихъ друидовъ... И какъ вѣрнѣе назвать эти падающіе временемъ памятники давно миновавшихъ вѣковъ — если не камешными скрижалями исторіи, вѣчными, песокушными, приросшими къ поверхности земнаго шара?

Рис. 6. Развалины Персеполья. Сфинксы.

Рис. 7. Развалины Персепольца. Капители и базы колонн.

Рис. 8. Развалины Персеполиса. Барельеф изображающий царя съ при-
служниками.

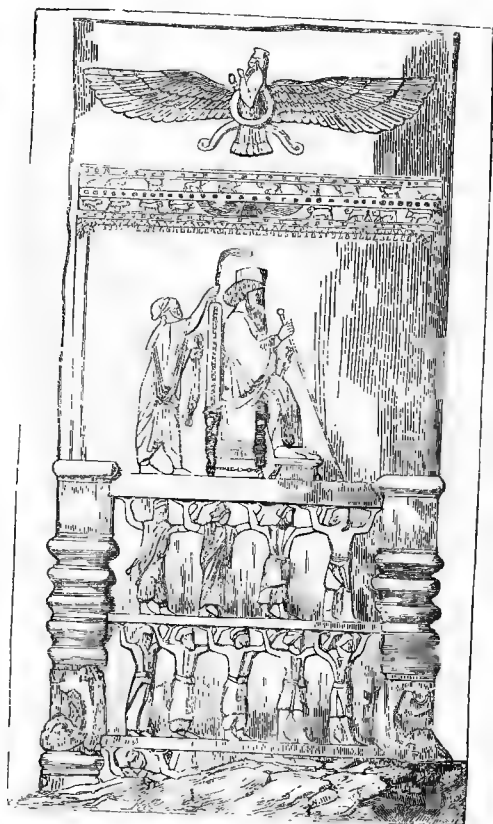

Рис. 9. Развалины Персепольса. Царь на троне.

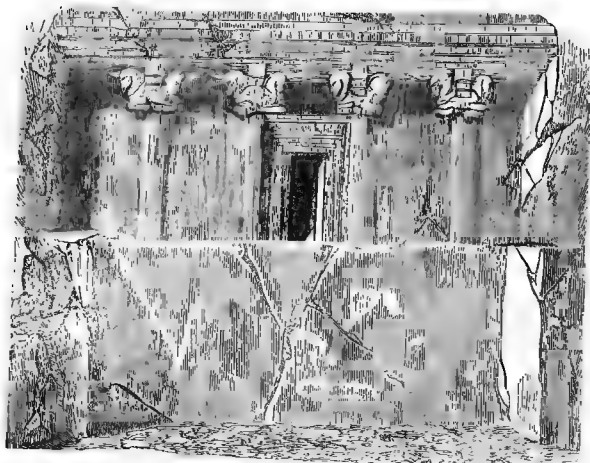

Рис. 10. Погребальная пещера (крипта) близ долины Марджанть.

Рис. II. Барельефы на скалах Накши-Рустама: единоборство.

Рис. 12. Барельефы в Накш-Рустаме: примирение.

Рис. 13. Барельефы въ Накши-Рустамъ: Ормуздъ или Изедъ и примиряющіеся.

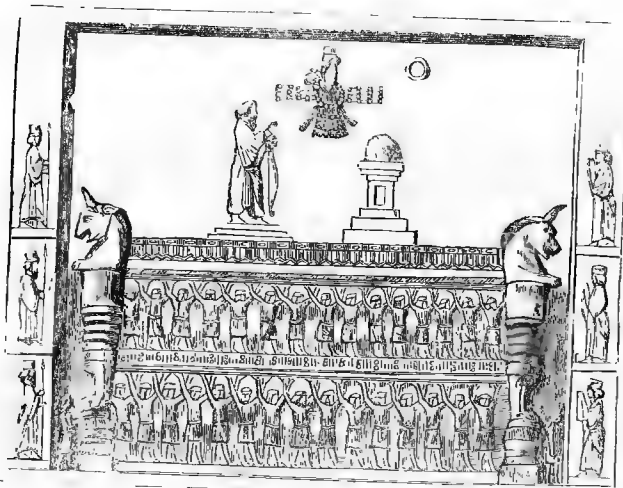

Рис. 14. Гробница Кира близ деревни Мешед-Мургабъ.

Рис. 15. Барельеф на скале близ Мешед-Мургаба: изображение Писда.

СОДЕРЖАНІЕ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

СТРАН.

Вступленіе. Царства, вошедшія въ составъ Персидской монархіи.
Древній ея имена. Пещора Кира по сказаніямъ Геродота.
Синодѣйшіи Астіага, Спассіе Кира. Предпріятіе. Наказаніе Гарпата. Войны съ Крезомъ. Покореніе Вавилона.
Убіеніе Кира Тимпрідою. Сказанія Ктесія.

5

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Карнезія Ксенофонта. Дѣство Кира. Первые подвиги. Преображеніе войска. Пошлованіе царя Армянскаго. Тиграгъ. Крезъ и Нергиссаргъ. Паша. Абрадъ. Босмыл колесницы. Война съ вавилонянами. Битва вимбрейская.

14

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Взятіе Сардесъ. Погребеніе Абрадаты. Покореніе Карин и Фригій.
Паденіе Вавилона. Торжественное молелье. Истребленіе.
Учрежденіе сатрапій. Ревизоры. Премъ Паша и Дискориза. Почты. Вилейское сказаніе объ освобожденіи Іудеи изъ плѣнныя вавилонскаго. Слѣва Персін. Сонъ Кира. Предсмертная его молитва. Камбизъ. Завоеваніе Египта. Злодѣство. Фараонъ Нехменгъ. Ограбленіе его бычьей кровью. Печальныя мучы.

23

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Походъ въ Эѳіопію. Тугая тетива. Гибель воиска. Непосовства и козупствія въ Египтѣ. Убіеніе Смердиса. Кровосмѣшеніе. Кланн. Самозванецъ. Смерть Камбиза. Сверхеніе Само-
званца. Олигарх. Паденіе маговъ. Воцареніе Дарія, сына
Гистаспа. Подати. Мужъ, сынъ или братъ. Усмиреніе мяте-
жа въ Вавилонѣ. Походъ въ Скию. Символическіе дары.
Вѣдствіе воиска. Отступленіе. Завоеваніе Индіи. Гунгъ гре-
ческихъ поселеній. Мардоній. Битва при Маравонѣ. Смерть
Дарія. 33

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Ксерксъ. Усмиреніе Египта. Продолженіе войнъ съ греками. Спа-
лы персовъ, нль численность и вооруженіе. Мостъ черезъ
Геллеспонтъ. Священное дерево. Истязанія рѣки. Казнь сы-
на Инейя. Смотровъ и переправа. Буря у горы Неялопа. Бит-
ва при Артемизіудѣ. Фермопиль. Взятіе Афинъ. Саламин-
ская побѣда. Платей. Микале. Отступленіе. Грабежъ и ра-
зореніе храмовъ. Зифрета Аместриды. Окончательное оту-
пленіе Ксеркса. Его убіеніе. 44

ГЛАВА ШЕСТАЯ. *

Артаксерксъ и его прозвище. Распри. Казнь корытами. Зифре гва
древній и новыя. Царица Вахши. Мардохей и Эсфиръ. Умы-
слы Ахана. Его казнь. Милости цари къ іудеямъ. Осма-
сткль у Артаксеркса. Побѣда грековъ. Бунтъ Египта.
Инаръ. Миръ съ греками. Освобожденіе поселеній грече-
скихъ отъ персидскаго ига. Казнь Инара. Мегабизъ. Эадра.
Нермин. Обновленіе Иерусалима. Изгнчество, іудейство и хри-
стіанство. Гиппократъ 33

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Междоусобица. Оль и Согдиана. Задущеніе золою. Дарій Новакъ.
Киръ младшій. Артаксерксъ-самиданый. Обрядъ вѣнчанія
на царство. Дюностъ Тиссасерия. Смылка Кира. Его возста-
ніе. Греки-наемники. Битва при Кунакѣ. Отступленіе де-

сиги тысячъ грековъ. Злодѣйства Париватиды. Отправленіе
Статиръ. Войны съ Агапильемъ и греками. Завоеваніе Ки-
пра. Походъ на кадусійцевъ. Тирбазъ. Начало упадка
Персін 61

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Царствованіе Оха. Мавзолъ и Артемиза. Чудо свѣта. Гибельная
посѣдствія кровосмѣшенія. Паденіе Сидона. Покореніе
Египта. Коцупство Оха. Его убіеніе. Дарій Коломанъ. По-
явленіе Александра Великаго. Его побѣды и завоснания.
Сожженіе Персеполиса. Смерть Дарія. Паденіе Персін. Казнь
Бесса. Три династіи. Сасаниды. Аргаксерксъ. Возрожде-
ніе персидской монархіи. 71

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Сапоръ I. Пророчества астрологовъ. Парениа-цародѣйка. Первое
появленіе Мамы. Дѣти вдовцы. Вараранъ II. Сказанія о
Мамы. Казнь его. Замѣтка о сектѣ манихейцевъ. Варя-
ранъ III. Его исправленіе. Нарксъ. Горимдаты II. Казнь
царичи. Тиранинъ царя. Сапоръ II. Борьба съ римлянами.
Походъ Юліана. Его смерть. Царь-младенецъ. Падѣнь Са-
пора. Бѣгство. Перенесеніе столицы. Аргаксерксъ II. Ва-
раранъ IV. Изгнскрксъ I. Его мнлостн христіанамъ. Ца-
ревичъ и Номанъ. Крещеніе Номана. Избраніе Хозрова на
царство 79

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Вараранъ V. Епископъ Акакій. Сказки о Бахрамѣ. Битва со сло-
номъ. Изгнскрксъ II. Раздѣлъ Арменіи. Перозесъ. Маги.
Чудная жемчужина. Бѣдась. Кобадетъ. Замокъ забвенія.
Бѣгство царя. Оганъ и влѣтіе Амиды. Столкновеніе съ хри-
стіанствомъ. Гушны. Казнь Сосзета и ея причины. Войны
съ Юстиніаномъ. Власварій. Пророкъ Маздакъ. Его хиро-
сти. Негодованіе вельможъ. Заточеніе и освобожденіе царя.
Сущность ученія Маздака. Преображеніи религій и об-
ще. Предшественники исламизма 90

ГЛАВА ОДИНАДЦАТАЯ.

Стран.

Хозроу. Сношения съ Византіей. Казни. Коварство Хозроу. Его характеристика. Побѣды Юстиніана. Казни Мадака. Царевичи-христианцы. Сношения съ Китаемъ и Индіей. Драгоценныя дары. Мудрецъ Абуазуризмшр. Деявдидъ правитъ. Шакалы. Правосудіе. Горизадатъ II. Хозроу II. Посланіе къ Вараму. Иѣство царя и его письмо къ императору Маврикію. Геуденъ. Зѣфиръ. Иѣдствія Малой Азіи. Разрушеніе Ерусалима. Похищеніе животворящаго креста. Гоненіе христианъ

99

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Побѣды грековъ. Уничтоженіе храма огня и злого Хозроу. Разореніе церквей христианскихъ. Несторіане. Убіеніе Хозроу. Сиростъ. Казнь убійцы Хозроу. Артаксерксъ III. Берапа. Огилька Животворящаго Креста въ Константинополь. Издигердегъ. Переговары съ иранцами. Сраженіе при Кадезинъ. Називендскія битвы. Поверженіе Персін халифами. Убіеніе послѣднѣго изъ сасанидовъ. Десять иѣроиспольданій. Нравственный выводъ изъ исторіи Персін

110

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Религія персовъ до Зороастра. Сабизмъ. Мнѣра. Иѣртьвоприниженія. Огонь. Праздники весны и осени. Анаитисъ. Праздники Сака. Общественныя молебны. Вѣра въ сны. Календарь. Языкъ и письмена. Цивилизація первоначальной религіи. Обоготвореніе царей.

117

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Зороастръ. Вѣдесъ сновидѣніе его магери. Смыслъ его. Рожденіе Зороастра. Враги его. Плѣхъ преступныя попытки. Дѣтство и отрочество Зороастра. Чудесная перемена. Прибытіе въ Иранъ. Гора Альборджъ. Бесѣда съ Ормуздомъ. Добро и зло. Безсмертіе. Рай и адъ. Зенд-Авеста. Шесть издедовъ. Пещера Мнѣры. Зороастръ у Дарія Гетаста. Пендтанія. Чудесный кипарисъ. Злоба маговъ.

121

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Стран.

Заговоръ противъ Зороастра. Его заточеніе. Болѣзнь царскаго коня. Постепенное пещѣленіе. Четыре блага. Сонъ царя. Безсмертіе. Везнаніе. Неуязвимость. Первые ирены и альтарь. Поученіе Зороастра. Десять правилъ. Первые послѣдователи Авесты. Семейство Зороастра. Будущіе его сыновья. Четыре огня. Сказка о Кипарисѣ. Брахмъ Ченгрегхачахъ. Диспутъ. Законъ Ормузда, распространенный по Персін и Индіи.

135

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Проповѣданіе Авесты халдеямъ. Туранскій царь Арджаситъ. Религіозныя войны. Смерть Зороастра. Разореніе Балка. Книги яаконовъ. Вѣдидидъ-яахъ. Иешъ-сидъ. Ея содержаніе. Бунъ-Дехенъ. Языческое мнѣстословіе. Содержаніе книги Вѣдидидъ-саха. Слогъ и метода изложенія. Шестидвадцать областей. Зло отъ Армана. Джемшидъ. Населеніе земель. Первые обязанности человѣка

144

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Честность въ денежныхъ дѣлахъ и твердость въ словѣ. Законы о личной безопасности. Предосторожности отъ оскорбленій. Огненные птицы. Собаки. Роженцы. Мертвенцы. Бѣсъ. Невошь. Врачи. Ихъ вознагражденіе. Управленіе кладбищъ. Погода. Очищеніе огня. Обрядъ очищенія. Гѣфы и пари. Молитвы отъ ушесныхъ. Пять смертныхъ грѣховъ. Волосы и ногти. Священный поясъ. Иѣгухи. Суккубы и пуккубы. Молитвы.

153

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Содержаніе книги Бун-Дехешъ. Мирозданіе. Вражда Ормузда и Армана. Заточеніе послѣднѣго. Издеды, зодіакъ, созвѣздія. Освобожденіе Армана. Поля и всѣхъ пропавшій Ормузда. Убіеніе быка. Планеты. Борьба издедовъ съ лавами. Смерть Кайомергея. Вода и реченія. Семь областей. Горы. Зѣфиръ, птицы и рыбы. Деревя Ренна. Первые люди. Грѣхопаденіе.

21

Пронесеніе народовъ. Пять огней. Чудесныя зѣбры и
пещицы. 163

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Четырнадцать рязяровъ воля. Голубиная книга. Сравненіе рус-
скаго эпоса съ восточнымъ. Русское суевѣріе и его источ-
ники. Главенствующіе зѣбры и растенія. Ботаническая си-
стема. Цѣбты посвященные псалямъ. Грѣшная участь изо-
слѣнной. Кончина міра. Воскресеніе мертвыхъ. Рай и Адъ.
Комета. Отвѣщаніе рѣка, Безсмертіе. Судъ надъ грѣшника-
ми. Обновленіе земли. Прощеніе Ариана. Всеобщее бла-
женство. Родословіе. Лѣтоисчисленіе. Династія Пещадла-
новъ. Каюмортесть. Битвы съ дивами. Гусенчикъ. Джемшиль.
Дѣленіе на касты. Правосудіе. 173

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Оболеніе Джемшида Ариановъ. Целомоклонство. Дюгакъ.
Столкновеніе двухъ доктринъ. Аллегорическій смыслъ ска-
заній. Смерженіе Джемшида. Злодѣйство Дюгака. Сыновья
Кавехъ. Афридунгъ. Кожаное знамя. Туръ, Салахъ, Иради.
Удѣлы. Убиеніе Иради. Молитва Афридунъ. Миночесаръ.
Мшопіе. Сянгъ. Войны съ туранцами. Чужесная стрѣла.
Наставленіе Миночесари народу. Рожденіе Зала. Рулябъ.
Отрывки изъ книги Шахнамъ: страданія Рудабъ. Симургъ
птица. Ея наставленія Залу 182

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Рожденіе Рустамъ. Нареченіе имени богатырю. Царь Неадеръ.
Насосеніе туряндевъ. Цѣбты царя. Казнь его. Пограбленіе
Зала. Герленгъ. Династія Кийлиановъ. Кап-Каусъ. Не-
счастный походъ въ Марендеранъ. Пѣнь. Подвиги Руста-
ма. Поединокъ съ Абдаломъ. Его плѣненіе. Разказы о Ма-
зендеранѣ. Автадъ, проводникъ Рустамъ. 183

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Шестой полвигъ: убиеніе дива-Арзента. Посѣщеніе царя и плѣн-
никовъ. Иой съ бѣлымъ дивомъ. Освобожденіе плѣнниковъ.
Война съ сирійскимъ царемъ. Паревка Су. абъ. Полетъ царя
на орлахъ. Вторженіе Афрасіаба. Миръ съ туранцами. Тех-
мина. Рожденіе Сураба. Амазонка Туръ-Асерицъ. Осада
Сепида. Предчувствіе Рустамъ. Лагерь подъ Сепидомъ. Пое-
динокъ. Сыноубійство. Нушадаръ. Пословина. Погрѣщеніе
Сураба 201

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Исторія Сіапуша. Его воспитаніе. Париза Судабъ. Клевета. Ис-
пытаніе огнемъ. Новая война съ Тураномъ. Бѣгство Сіа-
пуша. Его бракъ. Рожденіе Хосру. Пропеки Кершивеза.
Родственное сходство злодѣевъ. Убиеніе Сіапуша. Чудес-
ный кустарникъ. Смерть Судабъ. Подвиги Рустамъ 208

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Сновидѣніе Гудерза. Бѣгство Хосру. Осада Ардебилъ. Дивы и
огненные стрѣлы. Завоеваніе Ардебилъ. Составленіе бога-
тырей. Гербы. Единоборство. Волхвъ Вазуръ. Барзу. Исто-
рѣе Кап-Хосру и его знаменіе народу. Избраніе наслѣд-
ника. Шествіе на богомолье. Печенушеніе Кап-Хосру 216

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Лораспъ. Перенесеніе столицы. Завоеванія. Рутамъ-Навуходоно-
соръ. Царевичъ Гусгиспъ. Бѣгство въ Румъ. Царевна Ка-
гайунъ. Обрядъ выбора жениха. Браки. Подвиги Гусгиспа.
Вой съ дракономъ. Зериръ-Замъка о долговѣчности бога-
тырей. Зороастръ. Эсен-Паръ. Поединокъ съ Рустамомъ.
Волшебная стрѣла. Бахманъ 223

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Стран.

Убиение Рустама, Парша Хуман, Пророчество и приговоръ астро-
логовъ, Рождение Даряба, Его спасение, Фаллакусъ, царь
румский, Женитьба Даряба на его дочери, Горюхъ Дараб-
геръ, Рождение Пексилера, Символическіе дары, Курица,
кунакутцы зерна и дыня, Породы Пексилера, Убиение Да-
раба II, Завоеванія, Пророчество и смерть Пексилера, При-
ближение кончины, Анекдоты о герояхъ 230

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

Символъ Меры и его объяснение, Семь верей, Таинная община
Меры и ея степени, Одежда иречовъ, Орудія и музыкаль-
ные инструменты, Приношенія, Власти употребляемыя при
очищеніи, Четыре вида омовеній, Перяхомъ, Релины, Оби-
занности дѣтей и родителей, Обрядъ посвященія въ законъ,
Нузулъ 236

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

Узаконенія Зороастра противъ постовъ, Выбываемость въ престу-
пление дѣлства и безбрачія, Брачные обряды, Назмадъ, Не-
кахъ, Пять разрядовъ бракосочетаній, Шах-занъ, Йог-занъ,
Сатар-занъ, Чегер-занъ, Холесшравъ, Причины развода, Раб-
ство женщины, Правила для родильницъ, Желѣзная кро-
вать и огонь, Кормленіе грудью, Кастовое дѣленіе, Молит-
вы, Пища и питье, Обряды при агоніи, Обряды погребаль-
ные, Состояніе души послѣ смерти человека, Поминовенія
усопшихъ 249

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

Кладбища, Правила ихъ освященія и планировки, Врѣдъ въ са-
нигарномъ отношеніи, Пепеганское дѣлме огнецокопни-
кохъ, Примѣты и повѣрья, Тяжелые и легкіе дни, Амулет-
ки и талисманы, Врачебное дуневеніе, Пѣніе пѣтуха, Не-
нависть древнихъ персовъ къ голубячь, Дурной глазъ,
Писоканія при сообщеніи печальныхъ вѣстей, Гулз, дузи
чустыни, Русское повѣрье о вихряхъ, Естественное объ-
ясненіе сверхъестественнаго 257

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ.

Стран.

Древніе памятники Персіи, Башня близъ Реп, Равнина Газердо-
рехъ, Курганы Атеп-гахъ, Города Кумъ и Гамаданъ, Гроб-
ницы Эвфры и Мардохей, Дамавендъ, Волканъ съ заповѣд-
ною вершиною, Сказаніе о золотомъ растеніи, Праздникъ
въ память убійца Дюгака, Скала Бизугуль, Преміе о Се-
мирамидѣ, Гробница пророка Данила близъ Шустра, Тывы,
ее охраннощіе, Клады близъ Шарая, Завѣтка о кладахъ
вообще, Гробница матери Саломона, Развалины Персепол-
са, Сфинксы, Догадки о символическомъ ихъ значеніи, Ба-
реельцы, Разсказъ Кер-Портера о пещерахъ и сфинксахъ
персіянъ, Погребальная пещера близъ долины Мардангъ . . . 265

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Накши-Рустамъ, Царскія гробницы, Преданіе о смерти родите-
лей Дарія Гистаспа, Барельефы въ Накши-Рустамѣ, Симво-
лическое значеніе священнаго поноса Когги, Деревня Мур-
габъ, Тронъ Саломона, Гробница Кира, Ошибки археоло-
говъ, Барельефы въ изображеніи Пседа, Заключеніе . . . 276

Р И С У Н К И.

	Стран.
Рис. 1.—Пещера Миеры	131
Рис. 2.—Орудія и утварь, употребляемая при богослуженіи. . .	245
Рис. 3.—Гебръ, стоящій на молитвѣ.	—
Рис. 4.—Гебратянка	247
Рис. 5.—Древняя башня близъ Реи	267
Рис. 6.—Развалины Персеполиса. Сфинксы	281
Рис. 7.—Развалины Персеполиса. Капитали и базы колоннъ . .	283
Рис. 8.—Развалины Персеполиса. Барельефъ изображающій ца- ря съ прислужниками.	285
Рис. 9.—Развалины Персеполиса. Царь на тронѣ	287
Рис. 10.—Погребальныя пещера (крипта) близъ долины Мар- даштъ.	289
Рис. 11.—Барельефы на скалахъ Накши-Рустама: единоборство. .	291
Рис. 12.—Барельефы въ Накши-Рустамѣ: примиреніе.	293
Рис. 13.—Барельефы въ Накши-Рустамѣ: Ормуздъ или Иаедъ и примиряющіеся	295
Рис. 14.—Гробница Кира близъ деревни Мешеди-Мургабъ . . .	297
Рис. 15.—Барельефъ на скалѣ близъ Мешеди-Мургаба: изобра- женіе Иаеда.	299

ИСТОРИЯ РЕЛИГИЙ

ТАЙНЫХЪ РЕЛИГИОЗНЫХЪ ОБЩЕСТВЪ

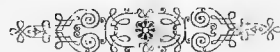
ОБРЯДОВЪ И ОБЫЧАЕВЪ

ДРЕВНЯГО МИРА.

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ.

IV ТОМЪ.

ЕГИПЕТЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія Дома Привратника Малолетнихъ Бѣднѣхъ. Лигова, д. № 16.

1885.

ЕГИПЕТЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Вступленіе.—Географическій очеркъ Египта.—Его раздѣленіе.—Сказанія мифологическія.—Рѣка Нилъ.—Два божества.—Источники Нила.—Его разливъ.—Суэзскій каналъ.—Озеро Фаїумъ.—Растительность.—Климатъ.—Халмынгъ.—Тифонъ.—Оазисы.—Оазисъ Аммона.—Городъ Сьюа.—Пустыня.—Пророкъ Моисей.—Попытки древнихъ соединить Черное море съ Средиземнымъ.

Придерживаясь въ нашемъ трудѣ хронологическаго порядка, мы начали рассказы наши съ древнѣйшихъ царствъ Азіи. Одновременно съ ихъ основаніемъ, можетъ быть даже и ранѣе, на сѣверо-восточной окраинѣ другой части свѣта, Африки (въ наше время отрѣзанной отъ азіатскаго материка суэскимъ каналомъ и превращенной въ островъ изъ полуострова), основывалось царство великое, знаменитое, оспаривающее у древней Азіи права на имя колыбели просвѣщенія рода человѣческаго.

Царство это—*Египетъ*, страна чудесъ, достойная удивленія, какъ по физическимъ своимъ свойствамъ, такъ и по организаціи государственной и по той высокой степени образованія, на которой она находилась въ тѣ вѣка, когда множество другихъ странъ было погружено въ мракъ нежизни. Географическое положеніе Египта, особенности его почвы, климата имѣли, разумеется, на нравственное бытіе этого царства точно такое же вліяніе, какое имѣетъ складка физической организаціи человѣка на его умственные спо-

особности. Правило это неизменно для каждой страны древняго мира. Въ виду этихъ соображеній, мы начнемъ исторію нашу съ географическаго очерка Египта и обзора явленій климатическихъ и произведеній природы, которыя въ болѣе или менѣе связи съ религіей и умственнымъ образованіемъ великаго народа древности.

Долина Египта занимаетъ около одной трети всей страны, орошаемой рѣкою Ниломъ съ юга до сѣвера: отъ Асуанскихъ и Элефантинскихъ пороговъ до устьевъ рѣки у Средиземнаго моря. На правомъ берегу плодородныя земли ограничены песчаню пустынею, Аравійскими горами и Чермнымъ моремъ; на лѣвомъ — песчаное море Ливійской степи, покрытое островами оазисовъ. По преданіямъ, рѣка Нилъ въ древности отдѣляла Азію отъ Африки, или выражался точнѣе — на двѣ страны: плодородную и безплодную. Ширина Египетской долины 7½ градусовъ, что составляетъ ровно пятидесятую долю окружности земли, но вычисленію древнихъ географовъ. Три четверти долины на югѣ замѣнены двумя горными цѣпями, но расширившись къ сѣверу она образуетъ трехугольную равнину, изрѣзанную въ разныхъ направленіяхъ рукавами Нила, соединенными между собою многочисленными каналами.

Египетъ раздѣлялся на три части: *верхній* — Сайдъ или Оиванду; *средній* — Гептаномиду и *нижній*, по очертанію похожій на греческую букву *Δ*, а потому и называемый *Дельтою*. Близъ поморя находится много озеръ, соединенныхъ между собою вѣтвями Нила. Вѣка значительно измѣнили мѣстность: вслѣдствіе обмеленія моря и рѣки нижняя часть Дельты расширилась и удлинилась; часть материка, въ древности огражденная плотиною, осѣла и потоплена; нѣкоторыя изъ озеръ исчезли, но нѣкоторые еще и теперь служатъ путемъ воднаго сообщенія между Ниломъ и Александрійскимъ портомъ.

Горы, обрамляющія долину, не высоки и отъ подошвы до вершинъ совершенно обнажены отъ всякой почвы. Южная оконечность горной цѣпи состоитъ изъ известняка, далѣе находится песчаникъ, а около Сіены и Филъ находятся ломы розоваго гранита, служившаго матеріаломъ для сооруженія бесчисленнаго множества памятниковъ, обелисковъ и статуй.

Вслѣдствіе большаго или меншаго удаленія одной горной цѣпи

отъ другой, измѣняется ширина самой долины: наибольшая — по мѣрѣ приближенія къ морю; у Сіены долина суживается, скалы образуютъ какъ бы каменную набережную по обоимъ берегамъ Нила; ширина долины у песчаныхъ скалъ около одного французскаго лье, но въ Сайдѣ ширина Нила достигаетъ до 1200 метровъ. Здѣсь по берегамъ замѣтны обширныя песчаныя отмели; прибережная плодородная почва простирается на лѣвомъ берегу до двухъ лье, на правомъ — до одного, и такимъ образомъ средняя ширина долины верхняго Египта простирается до трехъ съ половиною лье.

Горная цѣпь обрывается у Каира; западная, Ливійская, окаймливается на сѣверѣ легкимъ склономъ. На высотахъ Каира, по ту сторону Нила она взрывается въ долину и служитъ платформою для пирамидъ, на сѣверо-западѣ спускается въ пескахъ Дельты и образуетъ долину съ натровыми (щелочными) озерами и такъ называемой *безводною рѣкою*, русло которой дѣйствительно при отсутствіи воды покрыто грудями окаменѣлаго дерева. Другой отрогъ Ливійской цѣпи окаймляетъ область Фаюмъ — славную *озерою Меридовилъ* — искусственнымъ водоемомъ для рѣки Нила при его излившемъ разливѣ.

Весь Египетъ можно назвать обширнымъ русломъ Нила, границами которому служатъ песчаныя степи. Эта естественная особенность страны послужила основаніемъ религіознаго сказанія древнихъ египтянъ о женахъ Омириса и Тифона. Плодородную почву они называли *Изидою*, супругою Озириса (Нила); почву безплодную *Нефтидою* — супругою врага его Тифона. Нефтида была бездѣтна при сожителствѣ съ Тифономъ, но родила вслѣдствіе связи своей съ Омирисомъ, т. е. другими словами: разливъ Нила оплодотворяетъ песчаную почву пустыни.

Рѣка *Нилъ* для Египта тоже самое, что сердце для тѣла человѣческаго. Нилъ оживляетъ страну; нилъ, ежегодно разливаясь по окрестнымъ полямъ водами разлива, оплодотворяетъ ихъ, замѣняя дожди. Не правы ли были древніе египтяне, называя эту рѣку *святѣйшею, отцомъ, хранителемъ земли*, наконецъ — *божествомъ*? Въ немъ видѣли они олицетвореніе бога Аммонъ, водвигали ему храмы, сооружали алтари, слагали о немъ множество поэтическихъ сказаній, темою для которыхъ служили

естественные особенности великой рѣки. Жрецы, раздѣляя небо на области, подобныя земнымъ, говорили, что кромѣ зенита Нила есть еще другой, небесный. Источникомъ зенита Нила они называли бога *Кнуфиса*, изображая его въ видѣ человѣка, облаченнаго въ синее одѣяніе и сидящаго на тронѣ. На человеческомъ туловищѣ бога была зеленая овечья голова, въ рукахъ его сосудъ, истекающій воды небесныя на землю. При изображеніи этого *небеснаго* Нила непререживыми атрибутами были три сосуда — символы водъ трехъ разрядовъ, оплодотворяющихъ почву: 1) воды страны вообще; 2) воды океана, наводняющія Египетъ во время разлива; 3) дожди, сопровождающіе нильскія наводненія въ южныхъ частяхъ Эіопіи.

Нилъ *земной* египтяне изображали въ видѣ тучнаго человѣка и кажется двухшлаго, увѣнчанаго стеблями рѣчнаго амра (*Iris*, L.) или шпажника (*Gladiolus niloticus* L.) и окруженнаго плодами и овощами. Его называли *Гопи-моу*, укрывателемъ или хранителемъ водъ, выражая тѣмъ, что на его попеченіе возложены были заботы о сбереженіи водъ рѣки Нила послѣ періодическихъ его разливовъ.

Донныя еще неразрѣшенный вопросъ объ истокахъ Нила и его разливѣ былъ съ незапамятныхъ временъ предметомъ тщательныхъ изысканій и болѣе или менѣе неосновательныхъ догадокъ и предположеній⁽¹⁾. Что говорить Геродотъ, отецъ исторіи? „Нилъ всѣхъ людей, съ которыми мнѣ въ случалось говорить объ этомъ (были ли то египтяне, ливійцы или греки), шито не могъ дать мнѣ объясненій, кромѣ одного египтянина, казначея при храмѣ Неуса, въ Саксѣ, но и тутъ я подумалъ, что онъ шутитъ.“ Жрецъ Сакса не шутилъ, но свѣдѣнія, сообщенныя имъ Геродоту, были до того нелѣпы, что историкъ нарочно отправился къ Элефантину за желанными объясненіями. Здѣсь ему сказали, что до источниковъ Нила онъ можетъ достигнуть въ четыре мѣсяца, такъ какъ они

находятся близъ Мерозъ, столицы Эіопіи. Отъ Каренейцевъ, ходившихъ для совѣщаній съ оракуломъ Аммона, Геродотъ слышалъ, будто Этеарху, царю аммонійскому сообщали названья, — ливійское племя — о приключеніяхъ своихъ земляковъ въ степи ливійской, попавшихся въ пѣтвѣ къ какому-то чернымъ карликамъ. Близъ ихъ города плѣнники видѣли обширныя белота, изъ которыхъ съ востока на западъ текла огромная рѣка съ водопадками въ ней крокодилами.

Послѣ Геродота Эратосеенъ (въ III вѣкѣ до Р. Х.), человѣкъ ученѣйшій и одинъ изъ хранителей Александрійской бібліотеки при Птоломѣѣ Эвергетѣ, сопутствовалъ ему въ одинъ изъ походовъ въ Эіопію, надѣясь доискаться источниковъ Нила. Птоломѣю его миссія была точное измѣреніе теченія рѣки у Мерозъ на сѣверозападъ и отъ Мерозъ до сіенскихъ пороговъ на сѣверъ.

Въ первомъ вѣкѣ по Р. Х. Неронъ отправилъ нарочную экспедицію къ источникамъ Нила. Очевидцы слышали отъ двухъ возвратившихся изъ Египта центуріоновъ, что послѣ долгаго пути они прибыли къ царю эіопскому, оказавшему имъ самое радушное содѣйствіе и давшему рекомендательныя письма къ царямъ соседнихъ областей. Это дало возможность римлянамъ далеко углубиться въ страну вверхъ по теченію рѣки и наконецъ достигнуть болотъ, преградившихъ имъ путь. Сами тамошніе жители, не зная дальнѣйшей дороги, а тростники и камни, росшіе по белотамъ, были до того густы, что сквозъ нихъ невозможно было пробраться никакимъ образомъ. „Мы замѣтили только“, говорили между прочимъ центуріоны — „днѣ огромныя скалы, изъ срединъ которыхъ рѣка извергалась съ великою стремительностію.“ Но были ли это источники Нила, или только его продолженіе? Вопроса этого развѣдаться не могли рѣшитель центуріоны римскаго императора.

Свѣдѣнія позднѣйшихъ географовъ были также не обширны. Въ шестнадцатомъ вѣкѣ іезуиты, мисіонеры абиссинскіе, похвалились открытіемъ источниковъ Нила. Ученый французскій географъ д'Анвилль доказалъ, что іезуиты приняли за источники Нила источники *Синей рѣки*, составляющей одинъ изъ боковыхъ его притоковъ. Въ позднѣйшее время г. Байлье, опровергая д'Анвилля, силится доказать, что источники Синей рѣки влв Астабореса — истинные

(1) Мы говоримъ здѣсь только объ изысканіяхъ древнихъ. Открытія новейшихъ путешественниковъ во внутреннюю Африку не имѣютъ никакого отношенія къ нашей исторіи.

источники Нила. Ибрагим-паша воспротивился желанию французского географического общества: убедиться на мѣстѣ о справедливости этого предположенія. Шамполонъ младшій въ 1828 году успѣлъ выхлопотать у Ибрагима-паши и отца его милостивое разрѣшеніе, и съ тѣхъ поръ египетское правительство веѣми мѣрами содѣйствовало европейскимъ ученымъ, отказавшимся на славный подвигъ разрѣшенія великой географической загадки—попытѣ еще не разрѣшенной.

На границахъ Египта Ниль развѣтвляется на пять водопадовъ; шестой — сіенскій на сѣверѣ. За нимъ долгое время была ужасная слава, будто бы онъ поражаетъ глухотой всѣхъ окрестныхъ жителей; Сенекъ и Цицеронъ, ни мало не колеблясь, подтверждали эту сказку... Точныя изслѣдованія на мѣстѣ доказали, что сіенскіе водопады, или точнѣе каскады, ничто иное, какъ пороги, немногимъ выше нашихъ местныхъ или дѣпровскихъ.

Ежегодно, при совершенно ясномъ небѣ, безъ всякихъ предвѣстниковъ, безъ видимой причины, какъ-бы сверхъестественною силою — чистыя и прозрачныя воды рѣки Нила въ эпоху лѣтняго солнцестоянія — мутятся, принимаютъ кровавый цвѣтъ, возрастаютъ до самой эпохи осенняго равноденствія и разливаются по всей странѣ. Затѣмъ онѣ опадаютъ и входятъ въ свое русло именно когда прочія рѣки выходятъ изъ береговъ. Это явленіе обратило на себя вниманіе древнѣйшихъ философовъ и всѣ, они стараясь объяснить это чудесное свойство Нила, высказали болѣе или менѣе странныя мнѣнія и догадки. Ныѣ причинами наводненій признаны періодическіе дожди, падающіе въ Абисиніи подъ тропикомъ Рака, — дожди, которыхъ въ Египтѣ яе бывало. Вся растительность страны есть слѣдствіе ежегоднаго наводненія, оно въ свою очередь — слѣдствіе періодическихъ дождей въ Абисиніи. Дожди начинаются въ мартѣ, но разливъ Нила наступаетъ въ концѣ юня, постепенно возрастаа три мѣсяца и столько же времени убывая. Благотворныя эти наводненія создали среди степей участокъ плодородный, заселенный людьми въ глубочайшей древности. Почва всего нижняго Египта образовалась мѣтмюнаго осадка и Дельту можно назвать областью, выросшей изъ абисинской земли, принесенной волнами рѣки изъ за трехсотъ лѣтъ. Древніе называли Дельту подаркомъ Нила; но

это имя можно дать и всей почвѣ Египта. Зѣрецы говорили греческимъ путешественникамъ, что во времена пернаго царя *Менеса* весь Нижній Египетъ былъ обширнымъ болотомъ, простиравшимся отъ Средиземнаго моря до Меридова озера.

Въ спокойномъ или обычномъ состояніи вода рѣки Нила чиста, прозрачна, пріятна на вкусъ и не обременительна для желудка. Нынѣшніе египтяне говорятъ, что слѣбны Магометъ попробовалъ нильской воды, онъ попросилъ бы у Бога вѣчной жизни единственно за тѣмъ, чтобы только пить... Повторяемъ: рѣка Нила — сердце Египта; безъ этой рѣки бытіе всей страны невозможно. Въ XV вѣкѣ вице-рой португальскихъ владѣній въ Индіи, Альбукеркъ вадумалъ было отвести воды Нила каналами, прорытымъ ниже сіенскихъ пороговъ, и къ счастью для Египта не привелъ въ исполненіе своего замысла, иначе конечно обезлюдило-бы всю страну... Здѣсь не можемъ не сказать нѣсколько словъ о великомъ событіи, ознаменованномъ концѣ прошлаго 1869 года, событіи великомъ, однимъ мѣтъ торжество уаа челоѣческаго надъ природою.

Суэскій каналъ Лесепса отрубалъ Африку отъ азіатскаго материка и въ полуострова превратилъ эту часть сѣта въ островъ. Теперь у Египта двѣ живоносныя артеріи: рѣка Ниль и каналъ — послѣдній въ торговомъ отношеніи столько-же важенъ, сколько важна рѣка въ отношеніи физическомъ... но первый не будетъ ли имѣть вліянія на вторую и въ годичныхъ разливахъ рѣки Нила не обнаружится-ли какихъ измѣненій послѣ прорытія каналомъ суэскаго перешейка? Ответъ на нашъ странный вопросъ не далекъ, и нынѣшнее нильское наводненіе обиліемъ своимъ или скудостью докажетъ, имѣетъ ли какое либо вліяніе суэскій каналъ на разливъ рѣки.

Отъ большаго или меньшаго наводненія зависятъ урожаи страны. Голодъ бываетъ какъ при недостаточномъ, такъ и при излишнемъ разливѣ. Въ предвидѣніи этого и для предотвращенія бѣдствій, древніе устроили водостѣ-регуляторъ въ шестьдесятъ квадратныхъ лѣтъ: это озеро Файумъ, въ древности озеро *Меридово*, соединенное каналами съ рѣкою Ниломъ. При разливахъ оно наполнялось водою, во время отлива замыкалось шлюзами и, такимъ образомъ, сохраняло въ себѣ воды до декабря мѣсяца. Изливаясь изъ озера

двумя устьями, запасная воды оплодотворяли области Файума, Мемфиса и часть среднего Египта в случае недостаточного разлива; при излишнем же наводнении озеро отводило избыток воды.

Чтобы дать понятие о *плодородии* Египта, достаточно сказать, что каждый месяц приносит свои цветы и плоды. В ноябре — при удалении воды нильских, съют жита; париясы, фиалки и образки (*Colocasia* L.) в полном цвете; сбор фиников и грудинных ягод (*Cardia munda* L.). В декабре — листопад; но хлеба, травы и цветы всюду покрывают землю и придают ей чудный весенний вид. В январе — посев луговых, бобов и льна; цветут апельсины и гренатовые яблони; в Верхнем Египте колосится хлеб, в Нижнем — жатва сахарного тростника, сбор александрийского листа (*Cassia abotata* L.), косяба клевера. В феврале — сбор риса, жуть ячменя; зрют дыни, огурцы, посевает капуста. В марте — цветут деревья и кусты; в это же время жнут озими. В первой половине апреля сбор розанов; посев одних жит и жатка других; вторичная косяба клевера. В мае жатва озимей; цветут акация и лаузония (*Lawsonia inermis* L.), посевают важные плоды: смоквы, виноград, финики и сладкие рожи (*Cerantonis siliqua* L.). В июне жатва сахарного тростника в Верхнем Египте; в июле — садка рису, кукурузы, сбор льна и хлопчатки, изобильный сбор винограда у Каира. В августе — третий сбор риса; цветут жасмин и кувшинник (*Nephrar* L.); палмы и виноградные лозы гнутся от тяжести плодов, дыни созревают. В сентябре — сбор апельсинов, лимонов, таминаров, маслин, жатка рису. В октябре — посев жит; травы достигают огромного роста, домашняя скотина пускается на пастбище; акаций и другие колючие кустарники покрываются душистыми цветами.

Основываясь на незначительной смертности заблуждающихся иностранцев — *климат* Египта признают здоровым... Однако же эта страна гвдо чумы, обыкновенно наступающей посев нильского разлива. В октябре дуют втры северные; в июне вспыхивает втрю южный, называемый в Египте *хамыном*, а в степи *Самумом*. При его наступлении атмосфера принимает мднобагряный цвет; воздух теряет свою ургость; сухой, падающий зной разливается повсюду и вихри, будто дуновения из плавиль-

ного горна, вспыхивают то там, то сям, крутя и взметая раскаленный песок... Горе путнику, захваченному в пустынь песчаным ураганом! Древние называли семух *Тифоном*, втрю по примру Египтян (Плиний Ист. мpa, кн. II, гл. 49). Впрочем этим же именем Плиний называет и комету (т. е. не комету собственно, а скорее метеор), появление которой особенно страшно египтянам и эионам. „Комета *Тифон*“, говорит Плиний (Ист. мpa кн. II гл. 23), „цвета огненного, видом — перекрученная, изогнутая в спираль или свернутая узлом...“

Если благодетельный Нил, оплодотворявший Египет, был для дренних олицетворением Озириса, бога-благодетеля, то песчаная степь, с ея огненными вихрями, изображала им его врага — Тифона, и никогда, никакое в мир произведение живописи или скульптуры не могло так удачно представить добро и зло.

Из оазисов Египта замечательны особенно: нынешний *Эль-Харге* на высотах Овте, самый южный из всех прочих; ближе к Дельте находятся: *Дажель*, *Фарафр*, *Эль-Бегр* и наконец — *Сьюа*, известный в древности под именем Оазиса Юпитера Аммона. Здесь существовало капище со знаменитым оракулом, пережившим падение царства Фараонов. О сооружении капища в лтонисах существует предание, будто место его было показано голубом, прилетевшему на оазис из Овнского храма. Статуя бога была отлита из золота, в которое примешаны были изумруды и другие драгоценные камни. В процессиях его носили в золотой ладье или ковчеге; при кумар находилось для служения до ста жрецов и они-то, свозь отпертые уста пустой статуи, изрекали чудные прорицания. Влизь храма находилось другое чудо, называвшееся, по словам Геродота, *Солнечным ключом*: вода этого ключа, теплая утром и вечером, была холодна в полдень и горяча в полночь. Александр Македонский, именуясь сыном Юпитера-Аммона, посетил храм вышеописанного своего родителя и отъезжая со своими войсками на путешествие чрез пустыню. Первые два дня, говорит Квинт-Курций — угощение путников было еще сносно, хотя, до тех пор, им еще не случилось скитаться по таким пустынным местам; но углубясь далее в песчаное море они потеряли землю из виду: ни единого дерева,

ни единого слѣда растительности; запасъ воды, везомый на верблюдахъ, истощился, другой достать было негдѣ, солнцемъ изсушены были всѣ источники... къ счастью пошелъ дождь и путники утолили жажду, довя ртомъ и глотая дождевыя капли. Переходъ пустыни былъ совершенъ въ четверо сутокъ. При приближеніи къ мѣсту, стоя вороновъ указали путь Александру и его компанъ. Наконецъ достигнувъ оазиса Аммона, они напѣли среди степей храмъ, окруженный тѣнестою рощею со множествомъ источниковъ студеной воды. Герой посѣтилъ Солнечный ключъ и совѣщался съ оракуломъ, который призналъ его божественное происхожденіе.

Новѣйшіе путешественники шли въ оазисъ Сьва развалины храмовъ, гробницы, много мумій и т. п. Кромѣ города находится яв оазисъ нѣсколько деревень. Городъ Сьва съ 2500 жителей лежитъ на вершинѣ скалы и раздѣляется на двѣ части: одна заселена холостыми и вдовцами; другая людью семейными. Улицы Сьва покрыты соломенными навісами и жители ходятъ тамъ будто пчелы во внутренности улья; въ полдень приходится зажигать огни. Переменяющійся ключъ солнца существуетъ до сихъ поръ: онъ холодный въ полдень и горячій въ полночь, по той весьма естественной причинѣ, что отъ полудня до полуночи нагрѣвается солнцемъ, а съ полуночи до полудня остываетъ. Таково свойство почвы оазиса.

Отъ восточнаго берега Нила лежитъ гористая пустыня, простирающаяся до Чермнаго моря, прославленнаго библейскими сказаніями. Море идетъ почти параллельно теченію Нила; удаленіе его отъ рѣки около 25 лѣ и столько же считаются отъ западнаго рукава моря Чермнаго до Средиземнаго. На мысѣ, образуемомъ западнымъ и восточнымъ рукавами (вѣрнѣе, заливами), находится гора Синай и пустыня, чрезъ которую шли израильтяне, ведомые Моисеемъ въ землю обѣтованную. Событія, о которыхъ разказано въ книгѣ Исхода, совершались въ Мемфисѣ. По повелѣнію Божію Моисей явился къ Фаравону, прося его разрѣшенія на исходъ плѣнныхъ израильтянъ въ пустыню для принесенія въ жертву истинному Богу животныхъ, признаваемыхъ за божества подданными Фаравона. Скрывая отъ царя истинную цѣль путешествія своихъ единоплеменниковъ, Моисей повелъ ихъ окольнымъ путемъ по мор-

скому побережью. Первымъ приваломъ было мѣсто Советъ (нынѣ неизвѣстное); вторымъ — мѣсто Бар-Суэйсъ, въ глубинѣ пустыни между моремъ и неприступными скалами; на третій день, по повелѣнію Божію, скитальцы расположились станомъ въ мѣстечкѣ Гаширотъ (нынѣшній Гаджеротъ). Неподдалеку отъ Гаширота совершилась переправа по сухому дну Чермнаго моря во время его отлива; приливъ случился именно въ то время, когда войска фараона подъ его предводительствомъ пустились въ бродъ достигати бѣглецовъ... Гора *Синай* была *первою* изъ трехъ ступеней, по которымъ человекъ достигъ до Бога; вторую и третью были — *Фаворъ* и *Гомора*!..

Мысль о соединеніи Чермнаго моря съ Средиземнымъ — въ прошедшемъ году (1869) осуществленная *Левантомъ* — занимала еще древнихъ фараоновъ египетскихъ. Смѣлые строители и отважные инженеры, они однако же отступили отъ великаго навігренія въ виду разницы воднаго уровня, выше 30 футовъ. Проритіе канала было начато, но недовѣчено. Существуетъ сказаніе о совершеніи этого подвига Птоломеями; арабскія лѣтописи упоминаютъ о плаваніи по каналу, расчищенному халифомъ Омаромъ... Наконецъ, во время экспедиціи въ Египетъ Наполеона I, имъ самыми были найдены въ Суэзской пустынѣ слѣды трудовъ древнихъ и средневѣковыхъ инженеровъ. Онъ со своею свитою проплылъ по каналу до четырехъ лѣ для узанія его направленія, но одна не погибъ застигнутый приливомъ и только къ ночи благополучно прибылъ въ Гаджеротъ...

Что можно еще сказать въ дополненіе къ географическому обзору Египта? Эта страна со всѣми своими естественными рѣдкостями и археологическими сокровищами — въѣный музей исторіи и знаній человеческихъ, несокрушимая бібліотека или архивъ лѣтописей, начертанныхъ неизгладимо на гранитѣ; сокровищница преданій, изъ устъ въ уста, изъ рода въ родъ переходящихъ и во всѣхъ не умолающихъ. Были въ древности многія государства, прославившіяся подвигами царей-завоевателей, но изъ всѣхъ царствъ за однимъ Египтомъ навѣки утрачена слава *побѣдителя времени*. Эта страна, въ которой люди отнимали у тѣни своихъ мертвецовъ, превращая ихъ въ *мумій*, — эта страна, говоримъ

мы — сама, та же мушья, на удивление грядущимъ въкамъ нетлѣнно покоящаяся въ гранитной своей гробницѣ!

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Символическая зоологія. — Змѣи — Пислы или заклинатели. — Древніе волхвы. — Папирусъ. — Выдѣлка бумаж. — Первобытныя жители Египта. — Эфиопскіе переселенцы. — Начало Египта. — Постепенное развитіе. — Таблица Маневона царственныхъ династій. — Времена доисторическія. — Давность бытія страны. — Менесъ.

Приступая къ обзору произведеній царства растительнаго и животнаго Египта, мы обратимъ вниманіе единственно только на тѣ, которыя играютъ важную роль въ древней *символистикѣ*. Сказавъ то же, что мы уже говорили въ исторіи религіи Індія (томъ I, гл. III, стр. 20): животное или растеніе никогда не были божествами, но только символами божества. Египтяне вѣнчали извѣстныя и живописныя изображенія предпочитали перукоторныхъ существъ, оживленныхъ дуновеніемъ Творца, связанныхъ съ человѣкомъ тождествомъ происхожденія. Каждое растеніе или животное олицетворяло какія нибудь изъ безчисленныхъ качествъ божества. Изображенія животныхъ и растений вмѣстѣ съ тѣмъ служили египтянамъ и для знаковъ *геролифическихъ*.

Быкъ *Аписъ* олицетворялъ плодотворныя силы земли; кошка была посвящена богинѣ Паштъ или Бубастидѣ (Діанѣ), точно также какъ и обезьяна кинокефалъ (павіанъ: cynocephalus I.), по той причинѣ, что содержащая при храмахъ обезьяна терпѣла зрѣніе въ эпохи сочтаній солнца съ луною. Ястребъ былъ посвященъ солипу за то, что птица эта можетъ смотрѣть на дневное свѣтило; жукъ (scarabeus sacer I.) за то, что число суставовъ на его лапкахъ (30) соответствуетъ числу дней солнечнаго мѣ-

сяца. Ястребъ кромѣ того былъ символомъ богини-матери, такъ какъ въ этой породѣ число самокъ превосходитъ число самцовъ. Птица ибсъ — садящая на яйцахъ во время ущерба и нарожденія дубы — была по этой причинѣ посвящена этой богинѣ. Эта же самая птица была символомъ Гермеса-великаго или Оота за свою величавую, вѣрную поступь: пачъ ибсы послужили Ооту образцомъ для единицы линейной мѣры. Овенъ — символъ ума (такъ какъ сила животнаго въ его головѣ) — былъ посвященъ Аммону-Ра. Змѣи многихъ породъ и крокодилы были также символами божествъ.

Изъ пресмыкающихся особенно замѣчательны: ехидны, ужы и ящерицы *тупниамбисы*, пользовавшіеся уваженіемъ древнихъ за то, что пропитательнымъ систомъ извѣщаютъ человѣка о приближеніи крокодила. Другой врагъ чудовища — зѣрексъ ихиомонъ или фараонова мышь, пользовалась тоже большимъ уваженіемъ у древнихъ египтянъ. *Скиталъ пирамидъ* (Scythale pyramidum I.), *рогатая гадюка* (Vipera ammodytes I.) и *асидъ Клеопатринъ* (Coluber haje I.) особенно достойны вниманія. Первый, футъ въ два дюйма, водится по близости пирамидъ; вторая нѣсколько длиннѣе, съ двумя рогевидными наростами надъ глазами; третій — въ пять футовъ длиною — имѣетъ способность, отдувая зобъ подниматься на нижней части туловища. Укушеніе этихъ змѣй всѣхъ трехъ породъ безусловно смертельно, и только одни *пислы* или заклинатели, обладающіе секретомъ исцѣлять укушенныхъ и обходиться со змѣями безъ всякаго вреда для себя. Въ числѣ разныхъ птицъ со змѣями, донынѣ показываемыхъ въ Египтѣ этии ловкими марлатанами, есть одна, традиціональная, замѣчанная глубочайшей древностью. Каирскіе фокусники ужиють превращать Клеопатрина асидъ *въ палку*, плюнувъ ему на пачъ и ловко стегнувъ ее руками: змѣя, подвергшаяся этой операціи, цѣлѣнѣтъ, вытягивается и нѣсколько времени не шевелится ни единымъ мускуломъ. Она приходитъ въ себя только тогда, когда заклинатель, схвативъ ее за хвостъ, крѣпко его стегнетъ. Этимъ самымъ способомъ вохвы фараона 3330 дѣтъ тому назадъ морочили царя, думая мнимымъ чудомъ смутить богодохновеннаго Моисея.

Объ искусствѣ заклинателей змѣй написано множество, болѣе или менѣе истинныхъ. Т. IV.

менше, правдивыхъ разсужденій; многіе ученые признають въ псиллахъ особенное органическое свойство, дѣлающее ихъ неуязвимыми и дающее имъ возможность исцѣлять другихъ отъ укушенія ядовитыми змѣями. Заклинатели въ глубочайшей древности славилась и въ Индіи, и въ Китаѣ, по египетскіе псиллы далеко оставили за собою всѣхъ прочихъ. Пинѣиные говорятъ, что псилловъ *надобно родиться*, а сдѣлаться имъ невозможно. Ихъ приглашаютъ въ дома для изгнанія изъ нихъ ядовитыхъ змѣй и псиллы исполняютъ это съ неизмѣннымъ успѣхомъ. Ихъ можно встрѣтить на книрскихъ улицахъ съ обмотанными вокругъ шеи, рукъ и ногъ живыми асидами и гадюками. Наполеонъ I, во время пребыванія своего въ Каирѣ, желая испытать на дѣлѣ искусство псилловъ, позвалъ ихъ къ себѣ во дворецъ и задать два вопроса: могутъ-ли они узнать, что въ комнатѣ есть змѣя? Если знаютъ, могутъ-ли вызвать ее изъ ея убѣжища? На оба вопроса псиллы отвѣчали утвердительно. Обходя комнаты, они съ содроганіемъ остановились передъ стоявшей въ углу корзиной и объявили, что тамъ спрятана змѣя, что и было действительно. Вызывать же они змѣй, какъ полагають нѣкоторые ученые, подражая страстному посвисту самца или самки; другіе объясняютъ ихъ вліяніе на змѣй силъ магнетической; третьи наконецъ доискиваются разгадки секрета псилловъ въ особенностяхъ ихъ организма, свойствахъ слюны и испаряны. Замѣчательно, что знахари въ Малороссіи точно также хвалятся своею чудесною властью надъ тамошними гадюками... Но дальнѣйшее развитіе этого вопроса отдалено бы насъ отъ настоящаго предмета нашего обзора; возвратимся къ нему.

Изъ растений, свойственныхъ египетской почвѣ, кромѣ хлѣбныхъ житъ и овощей, называетъ: малую финиковую, *думъ*, египетскую смоковницу (*Ficus sicomorus* L.), многіе виды акацій. Въ южномъ Египтѣ растутъ много камышей, тростниковъ; кувшинники (*Nymphaea lotus* L.) и *папирусъ* (*Cyperus papyrus* L.).

Жита и луковичные овощи (лукъ, чеснокъ, порей) были у древнихъ растениями священными; тѣ и другіе находили въ гробницахъ мумій. Въ прошедшемъ столѣтіи луковича, вынутая изъ рукъ муміи была, для опыта, посажена въ землю и дала ростокъ: въ теченіе тысячелѣтій она не утратила своей растительной силы!

Въ 1833 году въ Парижѣ были посланы хлѣбныя зерна отъ колоса, найденнаго въ гробницѣ: они не только взошли, но по созрѣніи дали сторичную жатву... Стволы смоковцевъ, какъ дерева священнаго, служили для выдѣлки гробницъ; безлотныя растенія и кувшинники были символомъ рѣки Нила, но изъ этой группы — драгоцѣннѣйшимъ растеніемъ былъ безспорно папирусъ (*Cyperus papyrus* L.) или *боблосъ*, т. е. клычный тростникъ. Изъ него выдѣлывали писчую бумагу въ древнѣйшій Египтѣ, а впоследствии на востокъ — въ имперіи греческой и даже во Франціи до одиннадцатаго вѣка. Нынѣ папирусъ довольно рѣдокъ; но въ древности имъ изобиловали болота и озера; ростъ его достигалъ до десяти футовъ. Бумагу выдѣлывали изъ сердцевинки; для чего, обрѣзавъ у папируса корень и косматую верхушку ствола, его расщепляли вдоль на двѣ части и острымъ ножомъ выдирали внутренніе перепонки, счеюмъ до двадцати; поперечникъ же ствола выѣлъ отъ двухъ до четырехъ дюймовъ. Бѣлая перепонка была тѣмъ бѣлѣе, чѣмъ ближе онъ былъ къ сердцевинѣ. Каждая перепонка составляла особый листъ высшаго или низшаго сорта. После просушки и нѣкоторыхъ особыхъ приготовленій листья склеивались, но такимъ образомъ, чтобы волокна одного приходились поперекъ волоконъ другаго; черезъ это листъ выѣлъ достаточную упругость. Его плющили, пресовали, разглаживали; затѣмъ приклеивая къ его краю другой, къ этому третій, дѣлали свитки какой угодно длины. Въ предохраненіе отъ порчи папирусъ смачивали кодроннымъ масломъ, можетъ быть даже и креозотомъ, извѣстнымъ древнимъ египтянамъ.

Папирусовъ было нѣсколько сортовъ. Самый высшій назывался *царскія* и употреблялся для письма повелѣній, указовъ и манифестовъ; за нимъ слѣдовалъ — *священный*; прочіе сорта употреблялись на разныя граматки болѣе или менѣе важныя, соотвѣтственно достоинству матеріала. Изъ древнихъ египтоиспытателей *Плиний* (ист. міра, кн. XIII, гл. 20—26) пзъ старинныхъ: *Гейландина* (1572) *Просперъ-Альингъ* (1592) написали о папирусѣ весьма любопытныя монографіи.

Мнѣніе, будто первобытные жители Египта принадлежали къ породѣ африканскихъ негровъ, долгое время почиталось за не-

предложную истину. *Вольней* въ своемъ путешествіи въ Египетъ, въ прошедшемъ столѣтіи призналъ нинѣшнихъ коптовъ потомками древнихъ египтянъ и вѣлъ въ заблужденіе, увлекая за собою многихъ ученыхъ, нинѣшнихъ дурную привычку вѣрить каждому авторитету на слово.

Три племена населяютъ Африку: центральную и западную — *негры*; восточную — *кафры*, которыхъ типъ составляетъ переходъ отъ негровъ къ третьему — *африканскому* племени, т. е. породѣ бѣлокожей. Къ ней-то и принадлежали древніе египтяне, въ чемъ убѣждаютъ насъ человѣческія изображенія на памятникахъ, лица статуи и сфинксовъ, наконецъ превосходно сохранившіеся муміи. Знаменитый Ларрей въ бытность свою въ Египтѣ изучалъ черепы мумій, сравнивая ихъ складку съ черепами прочихъ народовъ, и путемъ изслѣдованія пришелъ къ убѣжденію, что абиссинцы всѣхъ ближе подходятъ къ древнему египетскому типу. У абиссинца большіе глаза, взглядъ пріятный, выдающіеся скулы, щеки, съ углами челюсти и рта, образуютъ правильный треугольникъ; губы волнисты, но не выпяченные. Таковы нинѣшніе жители Нубіи абиссинцы или берберы — и точно таковы были древніе египтяне. Съ мнѣніемъ Ларрея согласился и *Шампольон-младшій*, сравнивавшій оба типа между собою и съ изображеніями на памятникахъ и написавшій объ этомъ въ 1829 году особый мемуаръ. Въ книгѣхъ Дюдора Сицилійскаго находимъ сказанія, совершенно схожія съ предположеніями французскихъ ученыхъ. „Эоіопы“ говорятъ этотъ историкъ — „утверждаютъ, будто Египетъ ихъ колонія; самая южная Египта ихъ родная земля, населенная на сѣверо-западъ Африки волнами Нила. Обычай и законы обѣихъ странъ разительно схожи между собою: царей называютъ богами, погребеніе усопшихъ — обрядъ великій, совершаемый съ особымъ тщаніемъ; письмена одни и тѣ же, а иероглифы, извѣстные въ Египтѣ только жрецамъ, вѣдомы въ Эоіопіи всѣмъ и каждому. Въ обѣихъ странахъ существуютъ училища для образованія жрецовъ брѣвущихся, одѣвающихся и живущихъ по однимъ и тѣмъ правиламъ. Одѣнія царей и ихъ дѣдечки, украшенные аспидами, одни и тѣ же какъ въ Египтѣ, такъ и въ Эоіопіи.“

Изслѣдованіе почвы Египта и географическія данныя подтвер-

ждаютъ основательность притязаній эоіоповъ на имя родоначальниковъ египтянъ. Въ древности отдаленнѣйшей, невыразимой сче-томъ вѣковъ, Нилъ, прегражденный въ своемъ теченіи гранитной скалой, пребывъ себѣ путь, образовалъ египетскіе пороги; Черное море въ этотъ же самое время сближалось со Средиземнымъ. Египта тогда еще небыло. Нилъ впадалъ въ Средиземное море чрезъ Ливійскую степь и на мѣстѣ царства фараоновъ была песчаная пустыня. Повернувъ къ сѣверу, рѣка волнами своими нанесла на нее свой илъ и пустыня превратилась въ край плодородный, заселенный въислѣдствіи и сдѣлавшійся славнѣйшимъ царствомъ древняго міра. Мѣстность преобразилась: южный Египетъ присоединился къ верхнему; Черное море, постепенно мелѣя на сѣверѣ, отдѣлилось отъ Средиземнаго, перешейкомъ. Рѣка Нилъ, создавъ Египетъ, послужила естественнымъ путемъ для переселенія въ эту страну племя эоіопскихъ.

Слѣды связи обѣихъ странъ существуютъ и нынѣ: они замѣтны въ одеждѣ и обычаяхъ нинѣшнихъ берберовъ. Прическа ихъ и головной уборъ тѣ же что и на изображеніяхъ на древнихъ египетскихъ памятникахъ: они носятъ пальмовыя сандалии или лапти, сшитыя точно также какъ и находимыя въ гробницахъ египетскихъ. При погребеніи жертвенцевъ берберы кладутъ имъ въ изголовья деревянные подкладки съ вырубаннымъ углубленіемъ для головы; эти подкладки, а равно оружіе и утварь у берберовъ какъ будто моделированы съ древнихъ египетскихъ (*).

Степень образованія эоіоповъ-переселенцевъ, въ эпоху прибытія ихъ въ Египетъ, намъ невѣдома, хотя не слѣдуетъ подлежать сомнѣнію, что племена эти, занимавшіеся скотоводствомъ и вѣдроловствомъ, шли въ новую страну подъ предводительствомъ особыхъ начальниковъ, которыхъ поминали, на которыхъ возлагали всѣ попеченія о своемъ благосостояніи и устройствѣ на иносельѣ. Здѣсь начало первыхъ гражданскихъ обществъ, а съ ними и монархической власти. Отъ скотоводства постепенно перешли къ земледѣлію; это искусство требуетъ содѣйствія многихъ другихъ зна-

(*) Champollion-Figeac: L'Egypte P. 1847, p. p. 28—29.

ний и ремесль; кроме того земледельцы въ прямой зависимости отъ условий климатическихъ, тѣсно связанныхъ со временами года, а въ Египтѣ—съ разливами рѣки Нила. Между земледѣльцами живущіе люди любовательные, 'обратившіе вниманіе на явленіе, предвѣстники наступленія весны, лѣта, осени или зимы. Отъ нихъ наблюденій не могли ускользнуть ни правильность сѣвны времени года, ни перемѣны, замѣтныя при этомъ на почвѣ и на земляхъ... Таково было начало астрономіи и естественныхъ наукъ. Первобытные жители Египта не могли не сознавать благодѣйный рѣки Нила, ихъ кормилица—и чувство благодарности (свойственное, замѣтимъ, дикимъ племенамъ болѣе нежели людямъ цивилизованнымъ) заставило ихъ благодарить предъ рѣкою, и дѣтищемъ этой благодарности (какъ и вездѣ) была *религія!*

Это постепенное умственное развитіе египтянъ и появленіе между ними религіи, наукъ и искусствъ было дѣломъ многихъ вѣковъ и совершалось постепенно. Всего важнѣе то, что Египетъ, разобщенный съ остальными государствами древняго міра, не заимствовалъ у нихъ ничѣмъ, по крайней мѣрѣ въ черныя времена своего бытія, и печать самобытности легла неизгладимо на его религіозные догматы, науки, искусства, нравы и обычаи.

Согласно нашей программѣ, исторію религіи Египта мы, подобно исторіи Китая и Персіи, раздѣлимъ на три отдѣла, сообразно преобразованіямъ, пронешедшимъ въ религіозныхъ догматахъ великой страны.

Обоготвореніе родной земли и неба, рѣки Нила, Озириса, Изиды и врага ихъ Тифона—можно назвать религіею первобытною, состоявшею изъ соединенія дуализма съ сабилизмомъ (поклоненіемъ свѣтиламъ). Она впоследствии времени была преобразована при соединеніи съ божествами героев и царей; наконецъ въ послѣдніе годы бытія царства египетскаго къ религіи кровъ антропоморфизма (обоготворенія человека) причѣслись нѣкоторые догматы религіи иноземныхъ—политеизма Греціи и Рима.

Желая наглядно ознакомить читателя съ династіями царей древняго Египта, начинаемъ наше вступленіе въ его исторію въ следующей таблицей:

I *Династія*: Тинито-Омвская властвовала въ лицѣ *восьми* царей 252 года (5867—5615 л. до Р. X.).

II *Династія*: та же; *девять* царей, 297 лѣтъ (5615—5318).

III *Династія*: Мемфисская; *восемь* царей, 197 лѣтъ (5318—5121).

IV *Династія*: та же; *семнадцать* царей, 448 лѣтъ (5121—4673).

V *Династія*: Элефантинская; *девять* царей, 248 лѣтъ (4673—4425).

VI *Династія*: Мемфисская; *шесть* царей, 203 г. (4425—4222).

VII *Династія*: та же; *пять* царей, 75 лѣтъ (4222—4147).

VIII *Династія*: та же; *пять* царей, 100 лѣтъ (4147—4047).

IX *Династія*: Гераклеопольская; *четыре* царя, 100 л. (4047—3947).

X *Династія*: та же; *двенадцать* царей, 185 лѣтъ (3947—3762).

XI *Династія*: Омвская; *семнадцать* царей, 59 лѣтъ (3762—3703).

XII *Династія*: та же; *семь* царей 245 лѣтъ (3703—3417).

XIII *Династія*: та-же; *шестьдесятъ* царей, 453 года (3417—3004).

XIV *Династія*: Кеситская *семьдесятъ шесть* царей, 484 года (3004—2520).

XV *Династія*: Омвская, ?—250 лѣтъ (2520—2270).

XVI *Династія*: та же; *пять* царей, 190 лѣтъ (2270—2082).

XVII *Династія*: Фараоны-омвскіе—числомъ *шесть*, и напри-пастыри—то же, 260 лѣтъ (2082—1822).

XVIII *Династія*: Омвская; *семнадцать* царей, 345 лѣтъ (1822—1473).

XIX *Династія*: та же; *шесть* царей, 194 года (1473—1279).

XX *Династія*: та же; *двенадцать* царей, 178 лѣтъ (1279—1101).

XXI *Династія*: Танитская; *семь* царей, 130 лѣтъ (1101—971).

XXII *Династія*: Бубаститская; *девяти* царей, 120 лѣтъ (971—851).

XXIII *Династія*: Танитская; *четыре* царя, 89 лѣтъ (851—762).

XXIV *Династія*: Сакская; *одинъ* царь, 44 года (762—718).

XXV *Династія*: Эбонская; *три* царя, 44 года (718—674).

XXVI *Династія*: Сакская; *девять* царей, 150 лѣтъ (674—524). Египетъ покоренъ Камбизомъ, царемъ персидскимъ.

XXVII *Династія*: Персидская; *восемь* царей, 120 лѣтъ (524—404).

XXVIII *Династія*: Сакская; *одинъ* царь, 6 лѣтъ (404—398).

XXIX *Династія*: Мендесійская; *пять* царей, 21 годъ (398—377).

XXX *Династія*: Сабенитическая; *три* царя, 38 лѣтъ (377—339).

XXXI *Династія*: Персидская; *три* царя, 8 лѣтъ (339—331). Египетъ завоеванъ Александромъ Македонскимъ.

XXXII *Династія*: Лагиды; *шестьдесятъ* царей, 294 года (323—30). Египетъ обращенъ въ провинцію римской республики.

XXXIII *Династія*: Цесари римскіе владичествовали съ 30 г. до Р. Х. до 395 г. по Р. Х. При раздѣленіи Имперіи римской, на западную и восточную, Египетъ присоединенъ къ послѣдней.

Въ 641 году по Р. Х. Египетъ былъ завоеванъ Аравитянами, и съ этого времени исторія его сливается съ исторіею исламизма.

Эта таблица царственныхъ династій, до воцаренія Лагидовъ, была составлена по повелѣнію Поголомъ Филадельфа — *Максимиана*, верховнымъ жрецомъ и главнымъ начальникомъ храмовыхъ

архивовъ. Она была приложена къ лѣтописямъ Египта. До шестнадцатой династіи продолжительность царствованій и число царей можетъ быть и не безъ ошибокъ хронологическихкихъ, но отъ семнадцатой и до тридцать первой династіи точность таблицы не подлежитъ сомнѣнію.

Кромѣ того существуетъ другое драгоценное сочиненіе для исторіи Египта—это такъ называемая *Старая хроника*, написанная въ VIII вѣкѣ *Георгіемъ Синкелломъ*, содержавшая въ себѣ хронологію Египта отъ начала монархіи до конца царствованія фараона Нектанебиса, родоначальника тридцатой династіи.

Основателемъ Египта Синкеллъ называетъ *Гермистоса* или Вулкана (за 36.875 лѣтъ до Р. Х.). Ему наследовалъ сынъ *Гелиосъ* (солнце), царствовавшій 30.000 лѣтъ; за нимъ въ теченіе 3,984 лѣтъ владичествовали: *Хроносъ* (Сатурнъ) и двѣнадцать боговъ, потомъ восемь полу-боговъ—въ теченіе 217 лѣтъ, наконецъ, въ теченіе 443 лѣтъ смѣнилось пятнадцать поколѣній или династій. Общая сумма лѣтъ бытія царства Египетскаго до покоренія его Александромъ Македонскимъ—36,525 лѣтъ. Раздѣляя это число на 1461 получимъ—25, т. е. число канникулярныхъ (соиническихъ) цикловъ ⁽¹⁾, состоящихъ, каждый, изъ 1461 года, въ 365 дней.

Прималное число лѣтъ показываетъ намъ, что древніе египтяне, подобно индусамъ и китайцамъ, измѣрили возрастъ міра десятками тысячелѣтій. Отдѣляя космологію и мифологію отъ исторіи, мы приступимъ теперь къ послѣдней, начиная ее именно съ эпохи воцаренія *Менеса*, перваго царя изъ воинской касты, смѣнившей касту жрецескую и зашлывшей осквернію деспотизмомъ.

⁽¹⁾ Ихъ называютъ соиническими отъ египетскаго названія звѣзды Сириуса—Соинсомъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Первые цари и изъ дьянія. — Пирамиды. — Значеніе частицы хереса, придаваемой къ именамъ царей. — Царица Никотрида. — Оивы и Мемфисъ. — Лабиринтъ. — Озманидъ. — Библиотиска. — Астрономическіе часы. — Счисленія египтянъ съ іудеями. — Авраамъ. — Нашествіе Гиксосовъ. — Какого племени они были. — Иосифъ, сынъ Иакова. — Хронологическая проверка. — Бытъ страны при первыхъ XVII династіяхъ. — Кистовое дѣлніе. — Теоократизмъ. — Раздѣленіе царства на номы. — Описаніе лабиринта по Геродоту. — Законы. — Преступленія и наказанія. — Ежегодная перепись. — Цезь воровъ. — Обрѣзаніе. — Миропріятія Иосифа во время шлода. — Жертвоприношенія. — Царь и его семья. — Эпиетъ. — Права царицы. — Трауръ по умершемъ царѣ. — Судъ надъ нима. Царскія облаченія и символы власти. — Моленія. — Возроуженіе войска и ратное дѣло. — Торжество победы. — Домашній бытъ царей. — Забавы. — Шахматы. — Карты.

Престольнымъ и священнымъ городомъ жрецовъ-правителей былъ *Оивы*. Воинъ Менесъ (или *Меней*) основалъ Мемфисъ, укрѣпивъ его рвами и окопами, провелъ каналомъ воды Нила, вырылъ обширное озеро и построилъ храмъ *Фтѣи* — славѣйшій во все время бытія монархіи. При Менесѣ первобытная простота народнаго быта смѣнилась роскошью; наукамъ, благодаря которымъ жрецы властвовали надъ народомъ, царь противопоставилъ искусство — вѣрное и могучее средство для смягченія нравовъ. Сынъ его *Аотиса* или Аотъ прославился постройкою дворца и своею любовью къ наукамъ естественнымъ и медицинѣ. Затѣмъ, шесть царствованій, не ознаменованныхъ ничѣмъ, кромѣ распрей и страшнаго мороваго погѣтрія. Въ лицѣ царя *Вибвѣиса* первая династія царей угасла, и *Божосъ* былъ родоначальникомъ второй. Преемникъ его *Хаусъ* установилъ религіозные обряды въ честь быка Аписа въ Мемфисѣ, быка Меневиса въ Гелиополѣ и козла въ Мендѣсѣ.

Третій царь *Бюфисъ* издалъ законъ о престолонаслѣдіи, допускалъ къ нему женщинъ, — законъ, сохранявшійся въ Египтѣ во всей силѣ во все время политическаго бытія этой страны. При седьмомъ царѣ *Неферхересѣ*, по сказаніямъ лѣтописей, рѣка Нилъ одиннадцатѣ дней текла медомъ; другое чудо явилось при преемникѣ этого царя *Созотрисѣ* въ собственной его особѣ: это былъ исполинъ въ пять локтей ростомъ и въ три локтя шириною. Какъ принимать эти чудеса: въ примомъ или иносказательномъ смыслѣ? Нилъ, текущій медомъ, можетъ быть намекъ на благоденствіе страны при одномъ царѣ, огромный ростъ и тучность другого — символъ его могущества или приращенія его областей путемъ завоеваній, либо ширнымъ путемъ естественнаго благоустройства и земледѣлія.

При первомъ царѣ третьей династіи *Нахерофесѣ* было вторженіе ливійцевъ въ Египетъ. Испуганные необычайною величиною восшедшей дуны они смирились и отказались отъ враждебныхъ нахѣрѣй. Царя *Сезорзоса*, за его обширныя познанія въ медицинѣ, египтяне признали божествомъ. Кромѣ того, онъ изобрѣлъ каменное мастерство, т. е. вѣрнѣе — плиту для расписки камней, изображеніе которой вошло въ іероглифическую азбуку, усовершенствованную Сезорзосомъ. Въ царствованіе шести его преемниковъ (въ теченіе 157 лѣтъ) были воздвигнуты *пирамиды* Сакхара и Дагшюра древнѣйшія въ мірѣ изъ всѣхъ сооружений рукъ человѣческихъ — если только Индія и Китай не предъвидятъ правъ своихъ на старшинство.

Родоначальникъ четвертой династіи *Суфи*, былъ въ началѣ царемъ надменнымъ и нечестивымъ, но раскаявшись въ послѣдствіи написалъ книгу о религіи, высоко уважаемую древними египтянами. При немъ и преемникахъ его, *Сенсауфи* и *Манхересѣ* были построены джизейскія пирамиды, предназначенныя для погребенія строителей и ихъ потомковъ (*). Обходя молчаніемъ царей пятой династіи, мы только обратимъ вниманіе читателя, согласно указанію Шампольона-Фижака, на особенность замѣчательную

(*) Описанію пирамидъ и всѣхъ вообще памятниковъ древняго Египта мы посвятимъ, согласно нашей программѣ, послѣднія главы исторіи.

въ именахъ царей, на частицу *xeress*, которую они заканчиваютъ: Узерхерсъ, Менхерсъ, Танхерсъ и т. п. Этотъ прилагательный слогъ (подобный слогъ *sar* въ именахъ царей вавилонскихъ) означать или степень спястости царя, или указываетъ на прямое происхожденіе его отъ древняго царскаго рода. Въ послѣднемъ случаѣ нѣтъ ли аналогіи между этою прилагательной частицей и окончаніемъ *вичь* у народовъ славянскаго племени а *son* — племени норманскаго?

Первой царицею Египта была *Нитокрида* — по уму и красотѣ совершенство въ образѣ женщины. Она была возведена на престолъ послѣ сверженія и убійствъ брата ея *Менесуфиса*. Первой мыслию ея, было мнѣніе убійцамъ, которые были утоплены въ подземныхъ галереяхъ дворца во время пируества въ стѣнахъ его. Преслѣдуемая, однако, приверженцами казенныхъ, царица сама лишила себя жизни посредствомъ удушенія въ комнатѣ, наполненной золою (!). Царствовала Нитокрида двѣнадцать лѣтъ и исторія въ сказаніяхъ своихъ сохранила воспоминаніе о красотѣ ея, говоря, что лице ея было золотистаго цвѣта съ яркимъ румянцемъ. Замѣтка, доказывающая, что женщины въ древнемъ Египтѣ ходили съ закрытыми лицами для предохраненія отъ загара, а можетъ быть согласно установленію закона гражданскаго или религіознаго.

Сказанія дѣтисей о царяхъ слѣдующихъ четырехъ династій (отъ VI до X) ограничиваются перечнемъ именъ и означеніемъ продолжительности каждаго царствованія. Хаотическій характеръ неизвѣстности¹ продолжается еще нѣсколько вѣковъ, въ теченіе которыхъ изрѣдка, подобно метеорамъ, являлись цари достопамятные; но и тутъ преданія о нихъ перемѣшаны баснословіемъ, а потому и подлежатъ большому сомнѣнію. Въ этотъ долгій періодъ городъ Мемфисъ окончательно сдѣлался царскою резиденціей, центромъ гражданской и военной администраціи и — по своему великолѣпію, соперникомъ Фивъ, города первопрестольнаго. Соперничество обоихъ

городовъ можно сравнить съ древнимъ соперничествомъ нашей Москвы съ Кіевомъ, а послѣдствіемъ съ Петербургомъ, одержавшимъ надъ нею верхъ. Пространство Мемфиса при покореніи его Камбизомъ персидскимъ равнялось пространству нынѣшняго Парижа а между тѣмъ, съ жалкими его остатками ученыя Европа ознакомилась только лѣтъ семьдесятъ тому назадъ, тогда какъ Фивы — и въ развалинахъ сохранили свое царственное величіе, неподдающееся времени. Отъ рукъ варваровъ Фивы спасло ихъ географическое положеніе, на дальнемъ югѣ...

Не смотря на усиленіе монархической власти, опискіе оеократы не теряли надежды, властвуя на югѣ, прибрать къ своимъ рукамъ и сѣверныя области, возведя на престолъ природнаго описянина и, разумеется, изъ жреческой касты. Эта глупая борьба касты жрецовъ противъ касты воиновъ, эта хитросплетенная политическая интрига служителей храмовъ и капищъ — явленіе знаменательное, повторившееся во все вѣка, повсемѣстно, а въ западной Европѣ продолжающееся и понынѣ. Въ честолюбивыхъ замыслахъ римскаго папы, въ его признанности къ неограниченной, чисто оеократической власти, развѣ видимъ мы не то же самое что было въ Египтѣ за нѣсколько тысячъ лѣтъ до Рождества Христова? Римъ и Турція — вотъ современные Фивы и Мемфисъ.

Египетскіе оеократы были впрочемъ счастливые оеократы римскаго; имъ удалось въ теченіе 757 лѣтъ владѣть престоломъ Мемфиса, въ лицѣ 84 царей, трехъ династій (XI, XII и XIII). Изъ нихъ особенно замѣчательнъ былъ *Сезострисъ I* или древній, великанъ роста, въ теченіе девяти лѣтъ завоевавшій всю Азію и черезъ Фрацію проникшій даже въ Европу. При его наслѣдникѣ *Аиберси*, былъ построенъ знаменитый *лабиринтъ*, для собранія правителей *ноновъ* (областей) и декуратовъ отъ четырехъ народныхъ кастъ: жрецовъ, воиновъ, пахарей и кушеровъ. Съ вцареніемъ XIII династіи, исторія древняго Египта приобретаетъ желанную ясность, хотя сказанія ея о царяхъ ограничиваются справедливыми укоризнами послѣднихъ за ихъ праздность и разпутства. Наконецъ въ XV династіи видныя цари *Озманда*, прославленнаго историками греческими: Гекатеємъ и Діодоромъ сицилійскимъ. Онъ велъ удачныя войны съ Вактрийцами, подымавъ

(¹) Казнь эта существовала и у древнихъ Персовъ, см. Томъ III, Гл. VII, стр. 64.

своимъ воинамъ примѣры личной храбрости при содѣйствіи вѣрнаго своего товарища—ручного льва; основалъ бібліотеку, названную *лекарствомъ для души*, и соорудилъ себѣ, еще при жизни, великолѣпную гробницу. На вершинѣ этой пирамиды былъ поставленъ золотой обручъ въ 365 локтей окружностью (около 500 париж. футовъ) съ обозначеніемъ въ каждомъ отдѣлѣ времени восхода и заката свѣтилъ небесныхъ и перемѣнъ атмосферическиххъ. Такъ какъ дѣленіе круга на 365 отдѣловъ вовсе не соответствуетъ истинной долготѣ солнечнаго года, слѣдательно и движенію свѣтилъ,—то нѣтъ сомнѣнія, что этотъ золотой кругъ или вымыселъ лѣтописцевъ, или буквально понятое ими иносказаніе объ исправленіяхъ въ календарѣ, сдѣланныхъ Осимаидомъ. Одинъ изъ послѣднихъ царей XVI династіи *Озортасенъ* воздвигъ обелискъ, донынѣ сохранившійся въ Геліополисѣ (нынѣшній Матарія), и за многие подвиги удостоенъ посль смерти причисленія къ богамъ. Во время владычества XVI династіи, *евреи*, племя—заселявшее страны, сопридѣльные Египту—вошли въ сношенія съ его обитателями, роднились съ ними. Агарь—рабыня и сожительница Авраама—была египтянка; сына своего она женила на единолемянницѣ своей. Египетъ былъ для іудеевъ прѣбжищемъ въ неурожайные года: голодъ привлекъ сюда семидесяти-пятилѣтняго Авраама вмѣстѣ съ женою его, Сарою. Изъ библейскихъ сказаній намъ извѣстно, что патриархъ,—изъ опасенія покушеній египтянъ на цѣломудріе жены своей, а съ тѣмъ вмѣстѣ и на его жизнь,—выдалъ ее за свою сестру. Сару представили во дворцѣ фараону; но и Авраамъ былъ принятъ ласково и щедро награжденъ; египтяне дали ему овецъ, быковъ, ословъ, работъ, рабынь, ослицъ и верблюдовъ. Вскорѣ гнѣвъ Божій поразилъ домъ царскій, и фараонъ, призвавъ къ себѣ патриарха, сказалъ ему: „зачѣмъ ты сказалъ, будто Сара сестра твоя, чтобы я взялъ ее себѣ въ жены? Вотъ сестра твоя, возьми ее и ступай!“ И Авраамъ возвратился изъ землю ханаанскую съ женою и богатствами, состоявшими изъ золота и серебра.

Это сказаніе служить яснымъ доказательствомъ благосостоянія Египта въ эту эпоху, т. е. въ послѣдніе года владычества XVI

династіи. Теперь посмотримъ, что говорить Манеонъ въ своей лѣтописи.

— Въ царствованіе *Тимаоса*, неіздому за что Богъ протѣвлялся и люди низкаго рода, вторгнувшись изъ-за нѣ въ восточныя области, наводнили Египетъ, проникли внутрь страны и въ короткое время овладѣли ею почти безъ боя: угнали правителей, просто жгли города и разрушали храмы боговъ. Поступая съ египтянами какъ заклятые враги, они увели въ неволю часть женщинъ и дѣтей, и къ довершенію бѣдствій Египта—избравъ изъ своей среды нѣкоего *Салависа*—провозгласили его царемъ. Онъ овладѣлъ Мемфисомъ и, отдѣливъ такимъ образомъ верхній Египетъ отъ нижняго—обложилъ народъ податями, занялъ войсками подходящія къ тому мѣста и особенно укрѣпилъ восточную часть страны. Замышляя походъ на ассирію, отстроилъ Аварисъ, старинный городъ на востокъ отъ бубастическаго рукава рѣки Нила, обнесъ его крѣпкими стѣнами и собралъ до 240,000 войска. Онъ посѣщалъ ихъ въ весеннюю и лѣтнюю пору, кормилъ щедро, награждалъ подарками и занималъ воинскими упражненіями ради внушенія страха народамъ иноплемennымъ. Салависъ умеръ послѣ дватнацатилѣтняго царствованія.

Въ дополненіе къ этому разсказу прибавимъ, что царь Тимаосъ былъ убитъ нѣ однимъ изъ первыхъ граженій съ варварами, около 2082 года до Р. X. (!).

Этихъ варваровъ Манеонъ называетъ *иксосами*, т. е. пастырями; откуда они пришли—объ этомъ нѣтъ достовѣрныхъ свѣдѣній. Иосифъ Флавій, по чувству національной гордости, видитъ въ нихъ іудеевъ—и жестоко ошибается. Шампольонъ Фитакъ, основываясь на сравненіи типовъ іудейскаго и варварскаго, со всею скромностью истиннаго ученаго, предполагаетъ, что пастыри были иародъ или племя скескаго.

Посль смерти Тимаоса знатнѣйшія семейства, страшась иксо-совъ, бѣжали въ Нубію и на берега Чермнаго моря; преемники

(!) Годы въ нашемъ историческомъ очеркѣ показаны по лѣтоисчисленію Петавія, различающагося на 1523 лѣтъ раньше противъ Библіи семидесяти толковниковъ.

царя были государями только по имени. въ сущности же дамиками-грохнухъ имплементниковъ, оставившихъ ничъ въ достоиніе перхній Египетъ и взявшихъ себѣ Мемфисъ со всѣми средними и нижними областями. Властество гисгосовъ продолжалось 260 лѣтъ; слѣдами его остались — развалины, такъ какъ варвары почитали какой то доблестью разрушать всѣ памятники предшествовавшихъ династій. Нашествіе гисгосовъ было для Египта тѣмъ же, чѣмъ былъ для древней Руси разгромъ татарскій: разрушительный ураганъ нещажества, моровое поветріе мракобсія. Освободителями Египта отъ несправедливаго имплементнаго ита были: *Амоносъ* и преемникъ его *Аменомфисъ-Освенносисъ*. Удачными войнами нмъ удалось принудить царей-пастырей къ мирному договору. въ силу котораго варвары черезъ пустыню вышли изъ Египта въ Ассирию со всѣми стадами своими и семьями. При четвертомъ царѣ-пастырѣ *Анофисъ* явился въ Египтъ одинъ изъ іудейскихъ патриарховъ, сперва проданный въ неволю, бывшій потомъ рабомъ, узникомъ и — изъ темницы достигшій высочайшихъ должностей при дворѣ и списавшій титулъ царскаго наперсника. Читатель догадается, конечно, что мы говоримъ объ *Иосифъ*, сынъ Іакова.

Проданный завистливыми братьями купцамъ измалыгяпскичъ, или онъ былъ перепроданъ знатному вельможѣ по имени *Пентефрию* (Пете-фре: посвященный солнцу; на всѣхъ прочихъ европейскихъ языкахъ оно переиначено въ Путифара). Оклеветанный женою своего господина, за свое цѣломудріе, Іосифъ былъ заточенъ въ темницу, гдѣ вскорѣ сдѣлался старостою надъ прочими узниками. Здѣсь онъ объяснилъ царскимъ хлѣбодару и нивочерію ихъ сновидѣнія, и благодаря ходатайству постѣднато, прощенного царемъ, Іосифъ былъ призванъ въ саичому царю для истолкованія ему вѣщихъ сновидѣній о семи жирныхъ и семи тощихъ коровахъ и столькихъ же колосьяхъ, полныхъ и пустыхъ. Событія мудраго юноши о мѣропріятіяхъ на случай предстоявшаго семилѣтняго неурожая были приняты царемъ; онъ далъ Іосифу знатную должность, надѣлъ ему на палецъ свой перстень, на шею золотую цѣпь и облачить его въ одежду изъ виссона; переименовалъ его іудейское имя на египетское, означавшее *спасителя міра*, наконецъ же-

виль на дочери Ассенева, жреца гелиопольскаго. Іосифу было въ ту пору тридцать лѣтъ отъ рожденія.

Греческіе толковники Библии и ученѣйшіе изъ нихъ не отрицаютъ факта, что возмншеніе Іосифа произошло именно при фараонѣ (не природномъ, но имплементномъ) Анофисѣ, въ семнадцатый годъ его царствованія. Сличая эти данныя съ памятниками этой эпохи, Шампольонъ-Фижакъ дѣлаетъ слѣдующій хронологическій выводъ:

— Семнадцатый годъ царствованія Анофиса соотвѣтствуетъ 1967 году до Р. X. Іосифу было 30 лѣтъ; Іакову — въ годъ рожденія Іосифа 91, Ісааку — въ годъ рожденія Іакова — 60, со времени пребыванія Авраама въ Египтѣ — 25 лѣтъ; общая сумма 206. Складывая ее съ 1967 получимъ цифру 2173, соотвѣтствующую году перваго сближенія іудеевъ съ египтянами.

Пророчество Іосифа сбылось; за семилѣтнимъ урожаемъ слѣдовала семилѣтній голодъ, въ первый годъ котораго произошло свиданіе патриарха съ его братьями, а на второй — съ престарѣлымъ отцемъ. Извѣстно изъ сказаній библейскихъ, что израильтяне, потомки двѣнадцати сыновъ Іакова (радушно принятыхъ фараономъ и поселившихся въ Египтѣ), въ теченіе 430 лѣтъ размножились, образовали цѣлый народъ, бывшій до времени Моисея плѣнникомъ и рабомъ народа египетскаго.

Теперь, сдѣлавъ небольшую остановку, мы представимъ читателю бѣлый очеркъ гражданскаго быта страны, ея правовыя, обычаевъ и узаконеній за все время царствованія сѣмилѣтнихъ другъ друга семнадцати первыхъ династій.

Дѣленіе народа на касты, какъ намъ уже извѣстно, существовало въ Индіи съ незапамятныхъ временъ (1), но никакъ нельзя рѣшить, чтобы египтяне заимствовали его у индусовъ. Первобытные жители прибрежій Нила запивались сначала скотоводствомъ, въслѣдствіи — землѣдѣіемъ; черезъ нѣсколько вѣковъ, можетъ быть одновременно, отъ сословія пахарей отдѣлялись кушцы, ремесленники, а тамъ — ученые жрецы и наконецъ воппы. Такъ обра-

(1) См. Томъ I Индіи, Гл. III, стр. 14.
история религіи. Т. IV.

зовались касты, причѣмъ старшія по времени сдѣлались ипшима въ іерархическомъ порядкѣ: жрецы и воины главенствовали надъ пахарями, купцами и ремесленниками, и хотя египтянамъ нѣвѣдомы были ивудскія сказанія о происхожденіи жрецовъ изъ головы божества, воиновъ изъ его рукъ, пахарей и рабовъ изъ погѣ, тѣмъ не менѣе въ Египтѣ каждая каста относилась другъ къ другу именно такъ, какъ относился другъ къ другу члены одного и того же тѣла. Жреческая каста была головой и олицетвореніемъ умственной силы, воинская каста — олицетвореніемъ рукъ, т. е. силы физической, прочія двѣ — силы, призмѣнной къ дѣлу, не истребляющей, но созидающей, покорной головѣ, т. е. разуму. Первоначальное правленіе въ Египтѣ было, какъ и въ каждомъ вновь возникшемъ государствѣ, республиканское-патріархальное: глава семейства былъ въ то же время его повелителемъ и властелиномъ. Постепенно семьи, группируясь вокругъ одной, особенно пользовавшейся почетомъ, образовали цѣлыя селенія; изъ селеній возникали города и здѣсь властителями явились люди ученые, служители божества, истолкователи его вѣщій.. однимъ словомъ — жрецы, и эта каста сдѣлалась главенствующею во всей странѣ. Народъ, повиновавшійся, былъ твердо убѣжденъ, что повинуетъ самому божеству, имевшемъ котораго жрецы повѣлывали, и былъ тѣмъ покорнѣе, чѣмъ былъ невѣжественнѣе. Но это положеніе дѣла не могло продолжаться; противницею умственной силы явилась сила физическая, грубая; возникли распри о первенствѣ между кастами воинскою и жреческою. Ставъ во главѣ первой, Менесъ свергнуть яго ооократизма. Для народа слѣдствія перемены въ образѣ правленія были самыя благотворныя; въ зачѣну наукъ, дѣлъ него покуда еще недоступныхъ (такъ какъ онѣ были достояніемъ однихъ только жрецовъ), явились искусства, ремесла; развилась промышленность, а съ нею появилось доволство. Кастовое дѣленіе осталось безъ измѣненія, но къ четыремъ, уже существовавшимъ сословіямъ, присоединилось пятое, верховное — именно династія царская, возникшая изъ воинской касты.

Закономъ обивалась дѣтей неизмѣнно оставаться въ той кастѣ, къ которой принадлежали отцы — ошибка грубая и непростительная! Слѣдствіемъ этого искусственнаго дѣленія людей на породы

было прегражденіе дороги людямъ даровитымъ и гениальнымъ, имѣвшимъ несчастье родиться въ кастахъ, вѣчнымъ закономъ обреченныхъ на ничтожество... Впрочемъ данно ли въ образованныхъ европейскихъ государствахъ наука дала возможность и простолюдинамъ достигать, благодаря таланту и уму, до сословій привилегированныхъ?

Всѣ Египетъ былъ раздѣленъ на области или *номы*, кровь военныхъ, гражданскихъ и жреческихъ правителей, имѣвшихъ еще депутатовъ или выборныхъ. Подати изыскивались согласно кадастру. Для обсужденія важныхъ государственныхъ вопросовъ или для наложенія на народъ новыхъ, чрезвычайныхъ податей — правители номовъ и выборные съѣзжались на общее собраніе во дворецъ, называемый *лабиринтомъ*. Геродотъ, еще заставшій зданіе это неразрушеннымъ, рассказываетъ о немъ слѣдующее:

— Я видѣлъ этотъ памятникъ, превосшедшій самую молву о немъ. Мнѣ думается, что если собрать всѣ зданія, всѣ художественныя произведенія Греціи — и тутъ онѣ будутъ ниже лабиринта, какъ по изаществу работы, такъ и по своей цѣлности, хотя храмы Эфеса и Самоса пользуются заслуженною славою. Эти храмы превосходятъ все созданное греками, но лабиринтъ во всякомъ случаѣ превосходитъ даже ихъ. Во внутренности его находится двѣнадцать отдѣленій *аулловъ* или *авловъ*, подъ особенными кровлями съ воротами, другъ другу противуположащими: шесть на сѣверъ и шесть на югъ. Всѣ авлы замкнуты въ одной общей оградѣ, образующей вѣшнюю стѣну. Чертоги лабиринта двойные, верхніе и нижніе, т. е. подземные; всѣхъ покоевъ 3000, по 1500 въ каждомъ ярусѣ. Мы коснулись покоя верхняго яруса и говорить о нихъ какъ очевидцы; нижнихъ же не видали по той причинѣ, что сторожа не хотѣли показать ихъ намъ ни за что на свѣтѣ. Въ нихъ, какъ говорить, находятся гробницы царей, строителей лабиринта, и священныхъ крокодиловъ. Говорили объ этихъ покояхъ только то, что о нихъ слышали; верхніе же, видѣнные нами — совершенство, когда либо созданное руками человека. Безконечное множество переходовъ и галерей, сообщавшихъ между собою и ведущихъ въ авлы, поражаетъ посѣтителя на каждомъ шагѣ неожиданностью, ведя его изъ покоевъ на портники, а съ пор-

тиковъ въ другіе, сѣжные съ прежними авт. Потолки всюду каменные, равно какъ и стѣны повсюду украшенны рисунками, рѣзанными внутрь. У каждаго авла особый притворъ изъ бѣлыхъ камней превосходно подобранныхъ. На углу лабиринта высокая пирамида украшенная рѣзными, выпуклыми фигурами; во внутренность ея ведетъ подземная галерея.

Восторженные похвалы Геродота не должны казаться намъ преувеличенными, такъ какъ лабиринтъ почитался однимъ изъ семи чудесъ древняго міра. Страбонъ, видѣвшій въ свою очередь это чудо, отзывается о немъ равнодушіемъ. По его словамъ это дворецъ изъ двѣнадцати отдѣльныхъ дворцовъ (авловъ) составленный.

Законы существовали въ Египтѣ въ глубочайшей древности и не измѣнялись въ своихъ основныхъ началахъ обогащаясь постепенно новыми статьями почти при каждомъ царствованіи. Указываемъ на главнѣйшія ихъ статьи.

Клятвopеcтупленіе наказывалось смертію. Такъ какъ клятва и присяга допускались во многихъ судебныхъ разбирательствахъ, необходимо было упрочить истину ихъ въ гражданскомъ и религіозномъ отношеніяхъ. Каждому гражданину вѣнялось въ обязанность предупреждать преступленія, преслѣдовать преступника. Человѣкъ, въ минуту опасности не подавшій помощи своему согражданину, наказывался наравнѣ съ предумышленнымъ убійцею. Обоюдная защита отъ злоумышленія, содѣйствіе къ отысканію злодѣя для предачіи его въ руки правосудія, были неслѣбными условиями общественнаго спокойствія и благосостоянія. Обида, нанесенная одному лицу, распространялась на все сословіе, къ которому оно принадлежало, и сограждане всегда дружно стояли другъ за друга. Призванный въ свидѣтели, но отказавшійся отъ исполненія этой обязанности, наказывался тѣлесно и подвергался сверху того лишенію лица на трое сутокъ; ложный доносчикъ несъ то самое наказаніе, которое закономъ опредѣлялось за преступленіе, въ которомъ онъ безвинно оговаривалъ согражданина. Египтяне были убѣждены, что наказаніе виновнаго и защищеніе притѣвляемаго — нѣрѣдкіе залогомъ личной безопасности и общественнаго благосостоянія. Не наказанный при жизни наказывался послѣ смерти лишеніемъ погребенія. Обиженный не имѣлъ права прощать обидчику: за-

коуъ карать не за отдѣльный проступокъ, но вообще за поведеніе порочныхъ наклонностей. Воинъ, нарушившій какую-либо статью своего устава, обязанъ былъ загладить это нарушеніе блестящимъ подвигомъ при первомъ же случаѣ. За оскорбленіе женщины виновнаго кастрировали; женщинъ за супружескую нечѣстность наказывали урѣзаніемъ нога, а обольстителей събили. Выдающему государственную тайну урѣзывали языкъ. За обманываніе и обфѣиваніе при продажѣ, за поддѣлку печати царской или частнаго лица, за поддѣлку подписи и искаженіе документовъ — виновному рубили руку. Наказывая за преступленіе однажды совершенное, законъ въ тоже время лишалъ виновнаго возможности совершить его вторично. Физіологи и криминалисты нашего времени могли бы замѣтить, что египтяне принавали врожденныя порочныя наклонности въ человѣкѣ.

За отцеубійство законъ предавалъ виновнаго лютейшимъ пыткамъ и возводилъ его на костеръ. Дѣтоубійцы, отецъ или мать, обязаны были въ теченіе трехъ сутокъ держать трупъ своей жертвы въ объятіяхъ; наказаніе этимъ только и ограничивалось по той причинѣ, что законъ допускалъ давнишъ жизнь отнимать ее. За человекоубійство же вообще полагалась смертная казнь. Предъ уголовнымъ закономъ мужчины и женщины были равны; беременныя женщины подвергались наказанію послѣ своего разрѣшенія за тѣмъ, чтобы невинный младенецъ не раздѣлялъ позора матери — преступницы. Кормить престарѣлыхъ родителей и заботиться о нихъ обязаны были не сыновья, но замужнія дочери. Ежегодно каждый гражданинъ обязанъ былъ представлять правителю города или помя письменныя свѣдѣнія о средствахъ своихъ къ жизни. Ослушниковъ этому установленію наказывали смертію. Такая строгость тѣмъ страннѣе, что за гнусное ремесло вора тотъ же законъ не подвергалъ гражданина никакому преслѣдованію, если только жившій этимъ промысломъ объявлялъ о томъ градоначальнику. Такъ снисходѣтельствуеъ Діодоръ Сицилійскій. Онъ говоритъ между прочимъ, что въ древнемъ Египтѣ существовалъ цѣлый цехъ воровъ, вознагражденныхъ похищеніемъ, если владѣлецъ уплачивалъ имъ четвертую долю стоимости... Трудно какъ-то примирить такую странную терпимость, чуть что не законность преступленій, въ той странѣ,

гдѣ гражданскіе и уголовные законы отличались вообще здравымъ смысломъ и цѣлесообразностью. Сравнительно гражданское общество съ пчелинымъ ульемъ, пазюветъ proverb — грутями, размноженіе которыхъ, рано или поздно, должно вести за собою конечное разорѣніе рои пчель-труженицъ. Египетскій законъ, имѣвшій главной цѣлью охраненіе мирныхъ гражданъ, не могъ въ средѣ ихъ допускать вредныхъ тупеядцевъ, похитителей чужой собственности. Можетъ быть, узаконенія противъ кражи, сравнительно, были снисходительнѣе, но дѣлая эту пощадку ворамъ, законодатели вѣроятно хотѣли заставить гражданъ бытъ бдительнѣе, осторожнѣе и зорко слѣдить за своей движимой собственностью.

Изъ узаконеній, имѣвшихъ прямою цѣлью общественную гигиену, укажемъ на *обрізаніе*, вѣдѣнное каждому гражданину въ непрѣмѣнную обязанность. Эта операція, какъ видно, не сопряождалась у египтянъ религиозными обрядами и законодатели не указывали на нее какъ на велѣніе божіе. Касательно быта семейнаго нельзя рѣшить, допускалось-ли въ древнемъ Египтѣ многоженство и расторженіе брака, узаконенныя во время владычества персовъ и при Птолемеяхъ.

При гиксосахъ (царяхъ-пастыряхъ), властвовавшихъ въ Египтѣ около трехъ вѣковъ, въ тамошнихъ законахъ произошли существенныя преобразованія. Иноплеменникъ и инозѣрецъ Иосифъ, былъ первымъ министромъ фараона Амоса. Библия сохранила сказаніе о распоряженіяхъ патриарха во время свѣршившагося въ Египтѣ семидѣятнаго голода. Въ царскихъ житницахъ лежали огромныя запасы хлѣба, накопленные отъ изыдовъ нѣтой доли урожая со всего царства, за исключеніемъ земель, принадлежавшихъ жрецамъ и храмамъ. Народъ купилъ эти запасы, заплативъ за нихъ золотомъ и серебромъ, сложенными Иосифомъ въ царскую сокровищницу; за слѣдующую сѣву хлѣба народъ отдалъ свои стада... Голодъ не прекращался и тогда несчастные жители уступили казнь свои участки земли и отдали себя въ кабалу фараону! Такъ образовалось въ Египтѣ, вслѣдствіе голода, сословіе крѣпостныхъ рабовъ, исчезающее при освобожденіи страны отъ ига иноплеменниковъ.

Въ отдаленной древности человѣчскія жертвоприношенія въ Египтѣ были невѣдомы; варварство это даже не было введено и

вслѣдствіи, когда къ первобытнымъ догматамъ привышались чужеземцы. Плутархъ говоритъ, будто въ Элеон оивандской (нынѣшній Эль-Кафъ) въ известные дни въ жертву Тифону приносили живыхъ людей, сожигая ихъ на кострахъ и развѣвая по вѣтру ихъ пепелъ. Діодоръ Сицилійскій, ссылаясь на слухи, также упоминаетъ о жертвоприношеніяхъ людей на могилѣ Озириса, подвѣсивъ *цѣпью Тафона*, т. е. рыжихъ и преимущественно изюмцевъ. Сказанія эти однакоже не подтверждаются никакими вещественными доказательствами ни на памятникахъ, ни между найденными остатками орудій и утвари. Шампольонъ-Фижакъ (1) положительнѣе отрицаетъ возможность религиознаго душегубства въ Египтѣ, въ которой на законахъ гражданскихъ и религиозныхъ лежала печать мудрости и человеколюбія. *За убіеніе раба въ древнемъ Египтѣ казнили смертію*. Геродотъ, собиравшій на мѣстѣ всевозможныя свѣденія о древнемъ бытѣ страны, ея религіи, законахъ и т. д., не только не вѣшалъ въ преданіяхъ слѣдовъ человѣческихъ жертвоприношеній, но скорѣе убѣдился въ противномъ. Отрицая вѣдѣную басню о Геркулесѣ, котораго египтяне хотѣли будто бы принести въ жертву своимъ богамъ — Геродотъ говоритъ:

„Этотъ разсказъ ясно доказываетъ, что греки не имѣютъ понятія ни о характерѣ, ни о законахъ египтянъ. Имъ дозволено приносить въ жертву, изъ животныхъ: быковъ, тельцовъ, барановъ; изъ птицъ — гусей, и то въ такомъ только случаѣ, если эти животные и птицы безукоризненно чисты. Могли ли они приносить въ жертву людей?“

Приверженцы мнѣнія противнаго въ опроверженіе словъ Геродота ссылаются на нѣкоторые памятники, на которыхъ изображены цари, рубящіе голову нѣсколькимъ плѣнникамъ, судя по лицамъ и одѣянію — иноплеменцамъ. Доказательство слабое и не выдерживающее никакой критики: цари египетскіе никогда не совѣщались въ лицѣ своихъ должностей жрецовъ, и еще того менѣе — палачей. Плѣнники, обезглавливаемые царемъ, ничто иное какъ сим-

(1) L'Egypte P. 1847 p. 43 b, 44 a.

волицескіи изображенія побѣд иль одержанной или завоеванія чужой страны.

Въ послѣдующихъ главахъ мы поговоримъ о преобразованіяхъ въ законахъ Египта при позднѣйшихъ династіяхъ; теперь же обратимъ вниманіе читателя на права древнихъ царей египетскихъ и быть ихъ семействъ.

Царь былъ первымъ послушникомъ закона, свято соблюдая его въ правленіи въ отношеніи къ подданнымъ и во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ цари другихъ странъ являлись своевольными деспотами. Въ Египтѣ выше цари были законъ. Придворный штатъ состоялъ изъ лицъ разныхъ сословій; главнѣйшія же должности были заняты сыновьями первостепенныхъ жрецовъ. Люди эти при совершеннѣйшемъ образованіи были вѣсныя сѣдущи въ наукахъ умозрительныхъ и отличные правовѣды. Ихъ присутствіе при царѣ, почти безотлучное, не давало ему возможности ни на шагъ уклониться отъ закона или правилъ этикета. Часы дня были закономъ распределены: немедленно вставая отъ сна царь читалъ бумаги, касающіяся до государственнаго управленія; потомъ царь отправлялся въ храмъ, гдѣ слушая наставленій верховнаго жреца, имѣвшія предметомъ напоминаніе царю его обязанностей. Затѣмъ царь кушался, обѣдалъ, отдыхалъ, и тотъ же законъ не только опредѣлялъ время кушанья, обѣда, отдыха, но количество блюдъ и вина, употребляемыхъ за царскимъ столомъ. Будучи, такъ сказать, опекуномъ царя, законъ въ тоже время охранялъ его отъ дурныхъ свѣтънозовъ, удерживалъ отъ своеволия и вѣсь избавлялъ отъ ошибокъ и угрозъ совѣти. Народъ искренно любя царей молился о нихъ постоянно; послѣ смерти достойнѣйшихъ, жрецы причисляли ихъ къ божествамъ и памяти ихъ посвящали одну изъ звѣздъ небеснаго свода. Уцѣлѣвше до нашего времени памятники служатъ ясными доказательствами высокой степени народнаго благосостоянія, наукъ, художества и промышленности во времена древнихъ фараоновъ.

Послѣ смерти цари народъ одѣвался въ трауръ, храмы закрывались и религіозныя празднества прекращались на сорокъ два дня, въ теченіе которыхъ понесу или заукошныя моленія. Независимо отъ траурнаго одѣванія, переполнаго веревкою, егип-

тине обоого пола посылали себѣ головы пепломъ и строго постились, воздерживались отъ мяса, винограда, пшеницы и вина. Этимъ временемъ трупъ царя бальзамировали и приготовляли гробъ, а по окончаніи выставляли мумію его у входа въ пирамиду, назначенную для его погребенія. Всѣмъ и каждому представлялось право, подходя къ труну обвинять покойнаго въ злодѣяніяхъ (если таковыя были совершены имъ при жизни); жрецы съ своей стороны исчисляли его добрыя и славныя дѣянія. Присяжные въ числѣ 42 человекъ разныхъ сословій, сравнивъ добрыя дѣла со злыми, рѣшали великій вопросъ: достоинъ или нѣтъ усопшій фараонъ честнаго погребенія? Въ послѣднемъ случаѣ, мумія царя не только не погребалась, но самое имя его или изображенія на общественныхъ зданіяхъ изглаживались съ камня. Этотъ судъ народа надъ мертвымъ властителемъ имѣлъ глубокое значеніе и даже при жизни боялся его болѣе всякихъ мученій и самаго изгнанія. Суду послѣ смерти подлежалъ вообще и каждый гражданинъ приналежавшихъ кастъ и не безъ разбора удостоивались древніе египтяне превращенія въ мумію и добраго воспоминанія, т. е. сохраненія тѣла отъ тлѣнія, а имени отъ позора. *Судъ надъ мертвыми* далъ древнимъ грекамъ первую мысль объ адѣ съ его судьями и загробными муками, и при обзорѣ греческой міеологіи мы увидимъ, откуда именно греки почерпнули свои сказанія о тартарѣ, Харонѣ, Церберѣ, судьяхъ, фурияхъ и т. п.

Сынъ фараона наследовалъ отцу по праву первороднаго; онъ и остальные братья занимали при отцѣ должности оруженосцевъ, носителей опахалъ и т. д. Облаченіе царей и символы ихъ власти измѣнялись неоднократно, однакоже дѣдица (*иситъ*), украшенная изображеніемъ священнаго асида и скингу, увѣнчанная цвѣткомъ лотоса — остались безъ измѣненія. Коронаванія происходили въ Фивахъ и, не смотря на перенесеніе столицы изъ одного города въ другой, за Фивами до времечъ Птолемеевъ оставалось неотъемлемое право столицы первородной.

Царица соучаствовала со своимъ мужемъ какъ при коронаваніи, такъ равно и во всѣхъ религіозныхъ и гражданскихъ церемоніяхъ. Женщины пользовались равноправностью съ мужчинами; только во время плексосовъ образовалось сословіе рабынь. Женскій вопросъ,

занимающий въ нашъ вѣкъ просвѣщенную Европу, быть рѣшенъ въ древнемъ Египтѣ. Царь и царца, молясь богамъ, вместе съ тѣмъ молились и предкамъ, обоготворя ихъ память. Почитаніе усопшихъ и уваженіе къ старшимъ не могли искоренить въ древнемъ Египтѣ разныя ита иноплеменниковъ, какъ извѣстно всегда губительно вліяющія на нравы страны порабожденной. Во время войнъ, къ богамъ въ храмахъ возносились усиленные моленія и число жертвоприношеній умножалось. Царь становился во главѣ войска; впереди его самого двигалась колесница Амона-Ра съ высокой мачтою, а на ней вызолоченною барашкою головою, окруженною лучистымъ сіяніемъ. За этой колесницей слѣдовалъ царь, окруженный тѣлохранителями. Скромно уклоняясь отъ славы, въ случаѣ одержанія побѣды, цари всегда принимали ея божественному посредничеству. Побѣдитель говорилъ благодарственную рѣчь начальникамъ отдѣльныхъ частей своихъ войскъ, принимая отъ послѣднихъ трофеи, плѣнныхъ и рапорты о числѣ раненныхъ и убитыхъ. Вооруженіе солдатъ состояло изъ щитовъ, копій, копчашковъ, луковъ со стрѣлами и бердышей. При боевомъ порядкѣ въ авангардѣ двигались *гоптиты* — отряды тяжелооруженной пѣхоты; легко вооруженные шли по флангамъ; въ арьергардѣ двигались колесницы; центръ занималъ царь съ отборными дружинами. Въ сраженіяхъ воиновъ, войска сухопутныя занимали берега помогали морякамъ; суда маневрировали на парусахъ и сѣвлялись на абордажъ; для переправы наводили мосты; при осадахъ на суходѣ пути подводили траншеи и дѣлали окопы; принимали отъ непріятелей и посылали къ нему переговорщиковъ.

По возвращеніи въ столицу послѣ побѣды царь всего прежде отправлялся въ храмъ благодарить боговъ за ихъ содѣйствіе, а потомъ, въ назначенный день, праздновалъ побѣду великолѣпнымъ торжествомъ, въ которомъ принимали участіе всѣ народныя касты. Изъ дворца огромной процесіей шли въ храмъ Амона-Ра въ нижеслѣдующемъ порядкѣ:

Музыканты, т. е. трубачи, флейщики, барабанщики и пѣвчіе. Царскіе родственники, жрецы и должностныя лица. Наслѣдникъ престола, вознигая снимаѣ царю побѣдителя, увѣччанному страусовыми перьями, котораго несли въ богатоубранномъ ковчегѣ (*на-*

оса — корабль) двѣнадцать военачальниковъ. Царь сидѣлъ на тронѣ, украшенномъ золотыми крылатыми фигурами: истины и правосудія, сфинкса — символа мудрости и силы, льва — символа мужества. По бокамъ ковчегу шли ошахалосцы; оружіе царское и его скипетръ несли дѣти жрецовъ. За ковчегомъ двигались воины и народъ. По прибытіи къ храму, царь входилъ въ него пѣшкомъ, дѣлалъ возліянія и жегъ благоуханія въ честь божества; свѣча оставалась у входа. По окончаніи моленія выступало изъ храма шествіе жрецовъ, несшихъ изображенія царскихъ предковъ, священные знаки, сосуды, жертвенныя орудія, переносные престолы для предложенія жертвъ. Предшествуемый верховнымъ жрецомъ, шель жиной символъ Амона-Ра — бѣлый быкъ, окуремый еминіомъ, за непрерывнымъ чтеніемъ молитвъ; за нимъ шель царь, за царемъ 22 жреца несли идолъ на носилкахъ, окруженныхъ ошахалами, древесными вѣтвями и цвѣточными гирляндами. По возвращеніи въ храмъ, царь со всею свитою при пѣніи гимновъ подносилъ идолу снопы пшеницы, нажатый имъ свернутою золотымъ серпомъ; затѣмъ всѣ возвращались во дворецъ съ немалымъ противъ прежняго вышнествомъ.

Въ домашнемъ быту древніе фараоны, хотя и стѣсненные правилами придворнаго этикета, могли служить высокими образцами добраго супружескаго согласія и любви родительской. За объѣмомъ имъ прислуживали жсны знатнѣйшихъ вельможъ; столь независимо отъ роскошной, изящной утвари, были постоянно украшаемы жилища цвѣтами. Дворцовые сады были разбиты со вкусомъ, вѣщая въ себѣ обширныя цвѣтники, водоемы, крытыя аллеи и навѣсы. Къ числу царскихъ забавъ кромѣ охоты принадлежали игры въ кости и въ шахматы, или по крайней мѣрѣ подобіе шахматовъ, такъ какъ играли на особой доскѣ многими фигурами двухъ цвѣтовъ. Реннестные поклонники египетскихъ древностей въ недавнее время старались доказать, будто даже картонная игра была изобрѣтена въ древнемъ Египтѣ. Дѣйствительно на нѣкоторыхъ барельефахъ и рисункахъ тамошнихъ памятниковъ встрѣчаются фигуры игроковъ дощечками или листиками папируса. Впрочемъ вопросъ этотъ едва ли можетъ занимать серьезнаго археолога, и насколько сомнительно существованіе игральныхъ картъ въ древ-

немъ Египтъ, настолько несомненно существованіе тамъ гаданія дочечками, весьма похожого на современное, карточное.

Подробный обзоръ жреческой касты и состоянія наукъ и художествъ мы отлагаемъ до обзора религіи и ея обрядовъ, такъ какъ разсказы о томъ и о другомъ почти неразрывно связаны между собою. Возвращаясь къ историческому очерку Египта на изгнаніи гиксосовъ и по освобожденіи страны отъ варварскаго ига.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Восемнадцатая династія. — Истоки Израиля. — Сезострисъ. — Сокровища археологич. и бедность историч. — Бокхорисъ и его законы. — Нашествіе войновъ. — Сабакомъ. — Отмыла смертной казни. — Достопамятныя слова. — Сношенія съ греками при Псамметихъ. — Нехто II. — Нильскій каналъ. — Сношенія съ Иудея. — Априесъ. — Амазисъ. — Идолы отлитыя изъ золотой посуды. — Соловъ. — Тирани Поликратъ и его перстень. — Псамметихъ III. — Покореніе Египта персами. — Рыбы и властители. — Возстанія. — Инаръ. — Амиртей. — Сверженіе ихъ. — Нехтанубъ. — Историчное порабоженіе. — Завоеваніе персидской монархіи Александромъ Македонскимъ. — Освобожденіе Египта и его благосостояніе.

Царствованіе XVIII династіи было ознаменовано, кромѣ сверженія иноплемениаго ига и восстановленія монархіи — сооруженіемъ многихъ великолѣпныхъ зданій въ Фивахъ и Нуби, *исходомъ израильтянъ* предводимыхъ Моисеемъ, переселеніемъ египтянъ въ Грецію, наконецъ многими побѣдами одержанными фараонами надъ сосѣдними народами Африки и Азіи.

Царь *Аменофисъ I* властвовалъ тридцать лѣтъ, въ теченіе которыхъ почти совершенно изгладилъ слѣды ига варваровъ, возвратилъ прежнее величіе власти царской, восстановилъ древніе религіозные обряды, науки, искусства, оживилъ промышленность.

Благодарные подданные, послѣ смерти царя и жены его, воздавали имъ божескія почести. Преемникъ его *Тотемисъ* (сынъ Тота) украсилъ Фивы тѣми величественными зданіями, развалины которыхъ сохранились до нынѣ близъ Мединетъ-Абу и Эль-Ассафи. Тоже можно сказать и о сынѣ его *Тутмосисъ*, которому въ свою очередь наследовала его сестра *Аменсе*, прозванная *солнцемъ служеющимъ правдѣ*, прославившаяся какъ строительница, а главное какъ мать великаго *Мерида* (*Маи-ре*: любимый Богомъ Фре), прославившагося миролюбіемъ и подобно предкамъ, любовью къ архитектурѣ, — строителя множества храмовъ, прописавъ Мемфиса, дворцовъ Карнака, Фивъ, Ибрима и др.

Да не удивится читатель, если мы изъ остальныхъ царей назоемъ *Рамзеса III* или *Сезостриса*, великаго завоевателя, царствовавшего въ 1571 годъ до Р. X. и затѣвъ, минованъ именной перечень фараоновъ-архитекторовъ, перейдемъ прямо къ XXIV династіи, чтобы сказать нѣсколько словъ о единственности по числу и по своимъ дарованіямъ, царь *Бокхорисъ*. Причина этого пропуска — совершенное отсутствіе мало-мальски интересныхъ историческихъ сказаній о нѣкихъ втихъ *Рамзесахъ*, *Менефтиахъ*, *Горусахъ* и т. д. Разсказы у Геродота и Діодора Сицилійскаго наполнены анахронизмами и несообразностями, вѣка отдѣляютъ одну династію отъ другой, каждая наводилась Египетъ исполненными постройками, статуями, обелисками, испещренными іероглифами, которые до первой половины нашего столѣтія остаются загадками, заданными древностью грядущимъ поколѣніямъ. Шамполонъ, какъ новый Эдипъ, разгадываетъ загадку сфинкса Египта: онъ читаетъ іероглифическія надписи на памятникахъ, оказывающіяся надутыми эпитафіями, молитвами и панегириками! Можно сказать, что Шамполонъ засталъ гоноить камни, но отъ этихъ рѣчей вѣтъ именно безжизненности камня и холодожъ могилы. Археологія — вѣрная сотрудница исторіи въ такомъ только случаѣ, когда изысканія ея приводятъ къ познанію истины: археологія — судебный слѣдователь, исторія — судья, въ глазахъ котораго вещественныя доказательства имѣютъ значеніе тогда только, когда ихъ сопровождаютъ акты или протоколъ, составленные на мѣстѣ событія.... Но памятники Египта,

по ихъ отношенію къ исторіи — нѣмныя вещественныя доказательства, не поясняющія сущности слѣдственнаго дѣла; такъ находка окровавленнаго ножа безъ убійцы и жертвы, при совершенномъ отсутствіи факта совершеннаго преступленія, ровно ничего не значить и ни къ чему не ведетъ. Догадки историка, основанныя на памятникахъ, сплошь да и рядомъ ведутъ къ заблужденіямъ и ошибкамъ, да и вообще, думается намъ, въ точныхъ наукахъ догадки неуцѣльны.

Египетскіе жрецы разсказывали Геродоту о подвигахъ великаго завоевателя Сесостриса. Онъ, говорили жрецы — перный изъ царей египетскихъ, плавалъ на длинныхъ корабляхъ по Черному морю и покорилъ прибрежные народы. Достигнувъ какого-то моря, покрытаго отмелями, Сесострисъ принужденъ былъ воротиться, и собравъ сухопутныя полчища пошелъ съ ними на соседнихъ народовъ, покоряя ихъ. Каждую свою побѣду онъ увековѣчивалъ памятникомъ, на которомъ вмѣстѣ съ его именемъ была показана численность войскъ обѣихъ сторонъ. Такимъ образомъ онъ обогатилъ весь древній материкъ, всю Африку, Азію; проникъ въ Европу, покорилъ Силею и Фракію. Изъ этихъ странъ Сесострисъ направилъ свой побѣдоносный путь на берега Фазы....

Всѣ эти историческія событія подтверждаются памятниками, по это можетъ относиться единственно къ царствованію Сесостриса; отъ прочихъ фараоновъ XIX и до XXIV династій остались одни памятники безъ историческихъ сказаній и добытые отъ нихъ историческаго смысла также невозможно, какъ и живаго слова отъ муміи!...

— „Мой родъ мною начинается и оканчивается!“ могъ-бы сказать фараонъ *Бокхорисъ*, единственный представитель XXIV сапсской династіи. Безобразный собою (какъ говоритъ Діодоръ Сицилійскій), этотъ фараонъ своимъ умомъ и блестящими государственными способностями далеко оставилъ за собою всѣхъ предшественниковъ. Онъ царствовалъ 44 года (762—718 л. до Р. Х.) скоропъ послѣ нашествія зоіоповъ и прославился многими мудрыми узаконеніями, между прочимъ касающимися торговли и денежныхъ сдѣлокъ. Искъ заимодавца не признавался уважительнымъ, если должникъ отъ него отрекался подъ присягою. Про-

центы или изда ни въ какомъ случаѣ не должны были превышать суммы данной въ займы. За неплатежъ долговъ у должника описывалось имущество, но личность его всегда оставалась неприкосновенною. Законъ гласилъ, что каждый гражданинъ есть достоиніе общества, а потому никто не смѣетъ — аличности или ненависти ради — лишать общество его члена. Заимодавцамъ разрѣшалось принимать въ залогъ муміи родителей должника: это было, такъ сказать, вещественнымъ залогомъ добраго имени, тѣмъ же заемнымъ письмомъ, драгоцѣннѣйшей движимостью, которую (безъ игры словъ) пельзя было назвать мертвымъ капиталомъ. Охраненіе гробницы съ муміями, отданными въ залогъ, возлагалось на заимодавца и за малѣйшее небреженіе къ залогу онъ подвергался строжайшей ответственности. Несостоятельныхъ должниковъ и дѣтей ихъ лишали погребенія.

Бокхорисъ былъ свергнутъ съ престола и сожженъ на кострѣ предводителемъ зоіоповъ *Сабакономъ*, родоначальникомъ поной XXV династіи. Этотъ иноплеменикъ существенно преобразовалъ уголовное судопроизводство: смертная казнь была уничтожена и замѣнена тяжкими работами на пользу общественную, именно на прорытіе каналовъ и возведеніе плотинъ. Законодатель сказалъ при этомъ слова, черезъ 2480 лѣтъ повторенныя безсмертнымъ *Беккариа* и донынѣ за повось повторяемыя современными гуманстами: *труды преступника отчасти вознаграждаютъ общество за вредъ или причиненный; наказаніе же его самого тѣмъ не менѣе и тяжело, и страшно!*

Объ одномъ изъ преемниковъ Сабакопа, — *Тиракѣ* упоминается въ библейской книгѣ царствъ. Когда Синахерибъ, царь вавилонскій, напалъ на Езекію, царя іудейскаго, зоіоплянинъ Тирака, союзникъ послѣдняго, со своими войсками пришелъ къ нему на помощь. Ангелъ Господень помогъ союзникамъ одолѣть общаго врага и Синахерибъ былъ разбитъ у стѣнъ Іерусалима. Геродотъ, съ своей стороны, замѣчаетъ при этомъ, что богъ Фтеа, покровитель фараона (у Геродота онъ называеъ Сеономъ), ниспослалъ на непріятельскій станъ ночью множество полевыхъ мышей, которыя перергзали у вавилонитъ тетивы луковъ и ре-

ни цитовъ, и обезоруженные враги на утро припуждены были бѣжать. Въ память событія въ храмѣ Фтои была воздвигнута статуя фараона съ полевой мышью въ рукахъ и подписью:

„Взправ на меня поучайтесь чтить боговъ.“

Затѣмъ въ лѣтописяхъ опять хаотическій безпорядокъ и не вырлал на множество памятниковъ—ни одного важнаго событія. Только съ воецареніемъ *Псамметиха* (XXVI династія) по-падеиъ наконецъ на достовѣрныя сказанія.

Этотъ фараонъ, вопреки законамъ или вѣрше обычаямъ старины, отчуждавшимъ Египетъ отъ сообщенія съ другими государствами, вошелъ въ дружескія сношенія съ миострапцами. Онъ привлаъ карійскихъ и іонійскихъ переселенцевъ, отвелъ имъ участіи земли, приписавъ ихъ къ воинской кастѣ, поручилъ имъ воспитаніе и образование юношей, особенно же обученіе ихъ греческому языку. Возникли торговыя сношенія между Египтомъ и Греціей, отнынѣ не прерывавшіяся. Предпочтеніе, оказанное Псамметихомъ иностранцамъ и неисполненіе имъ обѣщанія сѣ-вить въ опредѣленный срокъ военные гарнизоны, находившіеся въ городахъ южныхъ областей, произвели демонстрацію 240.000 войска, выразившуюся ихъ уходомъ въ Эіопію и принятіемъ тамошняго подданства. Значительное уменьшеніе войскъ не помѣ-пало фараону вести войну съ Сиріей, гдѣ онъ безуспѣшно оса-ждалъ городъ Азотъ. Любовь Псамметиха къ грекамъ, ихъ обра-зованію, правамъ и обычаямъ была похожа на любовь пашего Петра Великаго къ иностранцамъ вообще, голландцамъ въ особен-ности. Последствія ослѣпленія везикаго челоѣка въ Египтѣ были тѣ же, что и въ Россіи: народная масса ронтала; прине-женцы національности и прежнихъ порядковъ, особенно жрецы, чуть не открыто возстаали противъ нововведеній. Не смотря на то, преемникъ его Нехосъ или *Нехао II* неуспѣшно слѣдовалъ примѣру отца. При немъ, по словамъ Геродота, были подъяты первые труды для соединенія каналомъ воды морей Средиземнаго съ Чернымъ. Мы возвращаемся къ этому любопытному предмету потому, что вопросъ этотъ, рѣшенный въ наше время Лесенсомъ, еще не успѣлъ утратить характера новизны для каждаго любоз-нательнаго челоѣка.

Работы прорытія производились на кратчайшемъ разстояніи между Ниломъ и Чернымъ моремъ отъ Губаста къ нынѣшнему Уади на востокъ, потомъ черезъ солонча озера къ юго—востоку и наконецъ къ югу, гдѣ и достигали залива Аравійскаго. Длина канала была въ 25 лѣ, весь же его путь съ озерами включи-тельно—до 30 лѣ,—въ четыре дня на вєслахъ или по биче-вику. До ста двадцати тысячъ рабочихъ погябло на первыхъ порахъ начала этихъ гигантскихъ работъ. Ширина канала измѣ-нилась смотря по мѣстности; глубина достаточная для осадки судна отъ 12 до 15 футовъ, впрочемъ измѣнявшаяся, судя по временамъ разлива Нила. Нехао сверхъ того успѣшно воевалъ съ сирійцами и въ одномъ изъ сраженій былъ убитъ царъ іу-дейскій *Іосіа*—союзникъ царя ассирійскаго. Преемникъ Іосіа—Іохаъ былъ свергнутъ фараономъ Нехао; на мѣсто его посаженъ былъ Эліахимъ, при которомъ царство іудейское было обложено данью. Эліахимъ, или Іоахимъ, оставался въ Египтѣ плѣнникомъ или заложникомъ вѣрде до примиренія фараона съ царемъ ва-вилонскимъ Навуходоносоромъ.

При *Псамметихѣ II* дружественныя сношенія Греціи и Египта усилились; оба народа заимствовали другъ у друга нра-вы, обычай и законы, отчасти даже и религіозные обряды. Муд-рецы греческіе пользовались наставленіями жрецовъ египетскихъ. Преплукъ Псамметиха II—*Апріесъ* сражался съ финиціанами и одержалъ надъ ними блестящую морскую побѣду; былъ союзни-комъ *Седекіа*, царя іудейскаго, при войнахъ послѣдняго съ хал-деями и ассирійцами. Помощь фараона была однако же беспо-лезна: Седекія былъ убитъ, Іерусалимъ взятъ иеріицелами и хриѣ разграбленъ. Народъ іудейскій, не слушая увѣщаній пророка *Іе-реми*—переселялся въ Египетъ... Векоръ однако же, по глаголу пророка, Богъ выдалъ Апріеса въ руки его враговъ, „искавшихъ души его.“ Во время похода въ Барку и Киренаику, войска фа-раона были разбиты; уцѣлѣвшіи отъ пораженія вѣзбунтовались. Приблизженный фараона *Амазисъ*, по его порученію, не только успѣлъ призвать вѣшовъ къ долгу присяги, но невольно послу-жилъ орудіемъ ятежа—такъ какъ войска единодушно провоз-гласили его царемъ. За ятежемъ слѣдовало междоусобіе Амазиса

и развѣщаннаго Априеса и первый остался побѣдителемъ. Торжественно вступилъ онъ въ Саясъ и заплъ дворцовъ царскій, раздѣливъ его съ Априесомъ, которому оказывалъ совершенное уваженіе. Народъ, никогда и гдѣ-либо не убѣждающій цѣлѣть великодушія въ побѣдителяхъ, волновался и требовалъ казни недавняго своего повелителя. Амазисъ принесть эту жертву своему честолюбію, и Априесъ, выданный народу, былъ удавленъ. Прозвище *ненавистнаго* (Реместо) заклепало въ памяти народной имя несчастнаго фараона.

Первую пору, за исключеніемъ военной касты, подданные Амазиса не любили его, особенно жрецы и вельможи. Похищеніе власти было явленіемъ тѣмъ болѣе безобразнымъ, что заботы запрещалъ переходы изъ одной касты въ другую. Желая дать чувствительный урокъ своимъ ненавистникамъ, Амазисъ, приказавъ переплавить на идоловъ золотые и серебряные дворцовые сосуды, до тѣхъ поръ служившіе при умовеніи ногъ — пожертвовалъ ихъ въ храмы. Жрецы были довольны подаркомъ; вельможи и народъ поклонялись новымъ кумирамъ съ неизвѣстнымъ благоговѣніемъ, и вида зли Амазисъ сказалъ многимъ изъ придворныхъ:

— Недавно эти самые идолы, которымъ вы теперь поклоняетесь, употреблялись въ видѣ тазовъ и кувшиновъ для умовенія ногъ... Не то-ли самое произошло со мною? Изъ ничтожества я достигъ царской власти: но уменьшилось-ли отъ того ея значеніе и достоинство? Зачѣмъ же вспоминать о томъ, чѣмъ я былъ, не лучше-ли признавать во мнѣ то, чѣмъ я сталъ теперь?

Это остроумное сравненіе примирило съ Амазисомъ многихъ изъ его недавнихъ недоброжелателей; прочіихъ онъ раскормилъ къ себѣ великодушными дѣланіями и подвигами, достойными истинно великаго государя. При немъ Египетъ благоденствовалъ: земля никогда еще не была такъ щедрѣе на произведенія; народъ не былъ никогда такъ богатъ. Въ Египтѣ, въ царствованіе Амазиса насчитывали до 20,000 заселенныхъ городовъ. Похитители власти, вообще, любятъ строматься, какъ мы это уже замѣтили однажды; Амазисъ былъ не чуждъ этой слабости. Кромя постройки новыхъ городовъ, онъ великолѣпно украсилъ Мемфисъ и Саясъ. Въ первомъ онъ соорудилъ богатѣйшій храмъ Изиды и близъ храма

Фтои воздвигъ три гранитныя статуи, изъ которыхъ одна, изображавшая сфинкса, имѣла 7½ сажень длины. Въ Саясѣ созданными Амазиса были пропизен храма Ненон. исполненія статуи, сфинксы, гранитныя обелискы.

Дружественныя сношенія съ греками поддерживались Амазисомъ ревностно; онъ былъ друженъ съ *Солономъ*, однимъ изъ семи мудрецовъ греческихъ, и съ *Поликратомъ*, тираномъ самосскимъ. Извѣстенъ-ли читателю анекдотъ о знаменитомъ перетѣ послѣдняго? Поликрату постоянно везло счастье и все предпріятія его всегда увѣнчивались успѣхомъ. Амазисъ, предостерегая своего друга отъ коварства фортуны, совѣтовалъ ему принести въ жертву богамъ что нибудь особенно драгоцѣнное. Выборъ Поликрата палъ на перстень, съ которымъ онъ никогда не разлучался: тиранъ бросилъ его въ море. Въ тотъ же день рыбаки поймали какую-то чудесную рыбу и представили ее на царскую кухню; поваръ взрѣзалъ ей брюхо и нашелъ въ немъ перстень, брошенный Поликратомъ! Фортуна не приняла жертвы, такъ какъ въ послѣдствіи тиранъ несравненно того дороже полатился за прежнія удачи...

При несчастьемъ преемникъ Амазиса — *Исменитъ III*, въ 525 г. до Р. X., Египетъ былъ покоренъ Камбизомъ, царемъ персидскимъ. О побудительныхъ причинахъ нашествія, древніе историки рассказываютъ нѣсколько небывицъ, о которыхъ однако же считаемъ не лишнимъ сообщить читателю. Говорить, будто Камбизъ, желая породниться съ Амазисомъ, просилъ у него себѣ въ жены одну изъ его дочерей, а фараонъ прислалъ ему вмѣсто своей — дочь убитаго Априеса; по другимъ сказаніямъ, царя персидскаго подстрекующъ идти походомъ на Египетъ врачъ-египтянинъ, подаренный ему фараономъ; третьи историки утверждаютъ, будто онъ мстилъ Амазису за убіеніе Априеса; четвертые — что онъ мстилъ всему Египту за предположеніе, оказанное предъ его матерью Киромъ рабамъ-египтянкамъ. Намѣстныя древнихъ народовъ на сосѣднія царства почти никогда не дѣлались съ видами политическими: какъ гадарка въ своемъ полетѣ опускается на плодородную почву, такъ варварскія племена стремятся

въ государства богатыя и просвѣщенные, руководствуясь единственно алчностью или безразсуднымъ славолубіемъ (*).

Судьбы порабожденныхъ странъ во все вѣка бывали и будутъ одинаковы: уступая грубой силѣ, народъ, прикрывая покорностью непримиримую несправедливость, изыскиваетъ способы къ сверженію ненавистнаго ига и потрясаетъ имъ при каждомъ удобномъ случаѣ, какъ впервые запрыгающій буйволъ своими яремъ. Народъ-властелинъ всегда требуетъ отъ народа-раба — забвенія чувствъ собственного своего достоинства, національной гордости, преданій родной старины и совершеннѣйшаго самоотверженія. Золоты цѣпи, покоритель воображаетъ, что она тѣмъ будетъ сноснѣе для покореннаго; гордо пошная могилы предковъ послѣдняго, онъ воображаетъ, что потомки признаютъ *его* отцовъ и отречутся отъ своего рода и племени... Въ порабоженныхъ народѣ и характеръ какъ-то оподлеваетъ; качества, считающіеся добродѣтелями въ людяхъ свободныхъ, обращаются въ преступленія въ рабахъ. Человѣкъ, на войнѣ отстаивающій родную страну грудью, защищающій честь своей жены и дочерей вооруженною рукою — герой и честный воинъ; но онъ же называется мятежникомъ, если откажется на подобныя попытки въ то время, когда побѣдитель попираетъ его пятою, грабитъ его (по кулачному праву); чуть не при его глазахъ насилуетъ его жену, дѣтей; нарушается пасть святилищъ. И весь этотъ ужасъ рабства, весь позоръ униженія перенесъ Египетъ во время персидскаго ига! Намъ уже извѣстны невостановка Камбиза во время пребыванія его въ Египтѣ (Томъ III, гл. III, стр. 33), но не менѣе было несчастнаго страданія и при его преемникахъ, образовавшихся XXVII династію. Камбизъ рѣзалъ, крушилъ, жегъ, издѣвался надъ религіей и законами покоренной страны; преемники его *Дарій I* грабилъ ее систематически: падалъ жизни, подати, даними и налогами доводя своихъ новыхъ подданныхъ чуть не до голодной смерти... одно другаго стоило! Персидскіе наместники и градоправители въ Египтѣ при взиманіи податей не забывали

и себя; жрецы-мидяне выказывали явное пренебреженіе къ религіи угнетеннаго народа, и хотя ему предоставляли свободу богослуженія и употребленіе священныя письма (іероглифовъ), тѣмъ не менѣе уголовное и административное дѣлопроизводства происходили на чуждомъ для египтянъ языкѣ; на общественныхъ зданіяхъ на ряду съ іероглифами появились клинообразныя надписи. Изъ трудовъ Дарія на пользу общественную нельзя не упомянуть о продолженіи Нильскаго канала, доведеннаго почти до окончанія, но оставленнаго неоконченнымъ, по словамъ Страбона: „изъ боязни, чтобы Черное море, уровень котораго выше уровня рѣки Нила, не затопило Египта.“

Въ послѣдніе годы царствованія Дарія-персидскаго, покоренная имъ Ассирія сдѣлала попытку къ сверженію ига. Такъ называемый мятежъ былъ усмирень, народъ ирригентовъ болѣе прежняго, но примѣръ возстанія напелъ себѣ послѣдователей въ египтянахъ. Весною и лѣтомъ послѣдняго года жизни Дарія Гистаспа они возстали, пользуясь разливомъ Нила. Обстоятельство это было для нихъ тѣмъ благоприятнѣе, что рѣка прервала сообщеніе между городами и затруднила передвиженіе персидскихъ войскъ... Мятежъ былъ усмирень преемникомъ Дарія — Ксерксомъ и сатрапомъ умиротвореннаго края, былъ назначенъ братъ царя *Агеменис*. При жизни деспота египтяне покорствовались, но при воцареніи его послѣдника Артаксеркса соединились съ греками, воевавшими съ нимъ, надѣясь освободиться при ихъ содѣйствіи; надежда эта не осуществилась; иго персидское тяготѣло надъ Египтомъ тяжелѣе прежняго. Сорокъ лѣтъ тишина и порядокъ царствовали въ тѣхъ фараоновъ; не слышно было ни ропота, ни бряцанія цѣпей... „Молчать — слѣдовательно имъ хорошо“ — могъ сказать Артаксерксъ по примѣру многихъ тирановъ, обманутый затихшемъ пердѣ бурною...

О возстаніи *Иисра* намъ извѣстно изъ исторіи Персіи; при *Даріи Повосѣ* во главѣ возстанія всталъ *Амиртей*, уроженецъ саясскій, бывшій наконецъ освободителемъ Египта отъ иноплеменнаго ига, тяготѣвшаго надъ несчастною страню сто двадцать лѣтъ. Въ лицѣ избавителя воцарилась новая династія (XXVIII), ограничившаяся имъ однимъ, владычествовавшимъ шесть лѣтъ

(*) О наместникъ персовъ на Египетъ. См. томъ III, Персія, гл. III стр. 30—33

(404—398 г. до Р. Х.). Въ теченіе этого времени Ахирейскіе возстановили древнее богослуженіе, выстроили нѣсколько храмовъ, исправили храмы древніе, обезображенные и полуразрушенные персами. Годопачальникъ XXIX династіи *Нубфрузф* (по греческому произношенію *Неферитоса*) велъ отчаянную борьбу съ персами, тѣснимый ими со всѣхъ сторонъ и вспомошествоваемый сарматцами. *Гакорс* (Ахорисъ) привлекъ къ себѣ въ союзъ Эвагора, царя кипрекаго, аравитянъ, жителей Тира, степныхъ жителей Барки и благодарилъ ихъ дождавъ персовъ на почтительномъ разстояніи... Къ сожалѣнію, послѣдніе цари этой династіи не имѣли ни дарованій, ни могущества своихъ предшественниковъ; ослабѣвшій при нихъ Египетъ былъ призванъ къ новой жизни *Нектанибомъ*. Отразивъ персовъ, пытавшихся было снова овладѣть Египтомъ, фараонъ посвятилъ всѣ свои труды и заботы благу подданныхъ и упроченію свободы своей родины. Преемникъ его *Тосос* или *Тахосъ*, человѣкъ бездарный и слабый, былъ свергнутъ съ престола, и новымъ царемъ избранъ *Нектанибъ II*, первые годы царствованія котораго были ознаменованы бунтами и неурядицами. Не успѣли они утихнуть, какъ царь персидскій *Дарій-Охъ* съ несметными полчищами двинулся на Египетъ. Неравенство силъ и измѣна грековъ-союзниковъ рѣшили дѣло въ пользу персовъ: Нектанибъ бѣжалъ въ Эфиопію и царство его снова подпало подъ власть персовъ въ 338 г. до Р. Х. послѣ шестидесяти пяти лѣтъ независимости.

Черезъ четыре года Александръ Македонскій — божьей грозой пронесши по всей Азіи, свергая царей съ престоловъ, наволяя на народы ужасъ и невольное благоговѣніе. Рухнуло царство персидское и Египетъ склонился предъ скипетромъ побѣдителя не съ лицемерною покорностью раба, но съ восторгомъ освобожденнаго, съ покорностью человѣка, вполне сознающаго превосходство своего властелина. Девъ по мужеству, Александръ Македонскій былъ львовъ и по великодушію; побѣждая народы оружіемъ, онъ привлекалъ ихъ къ себѣ высокими своими качествами, а главное — вѣротерпимостью, уваженіемъ къ религіи и обычаямъ покоренной страны; юного годами, старецъ умомъ, онъ очень хорошо сознавалъ единство божества и величіе его, не умалявшееся отъ множе-

ства и разнообразія вѣроисповѣданій; онъ не посылалъ ни на пагоды Индіи, ни на алтари Персіи, ни на храмы Іудеи и Египта... Ни отъ одного изъ покоренныхъ имъ народовъ Александръ не требовалъ измѣны вѣрѣ ихъ праотцевъ, зная, что перемѣнникъ и вѣроотступникъ никогда не можетъ быть вѣрнымъ подданнымъ.

Послѣ персидскаго нга, египтянамъ подданство герою Македонскому могло показаться блаженствомъ. Признаніе Александра оракуломъ Аммона, за сына верховнаго божества, не было даже лестию: въ глазахъ благодарнаго Египта герой былъ вполне достоинъ обоготворенія. Между тѣмъ Александръ совершенно неумышленно былъ причиною упадка царства фараоновъ и затмѣнія древней славы великой страны... Цари персидскіе своими грабежами и опустошеніями не нанесли Египту того страшнаго вреда, который нанесъ ему Македонскій основаніемъ *Александріи*.

Плѣненный красотою мѣстности на перешейкѣ, образуемъ на западѣ отъ Нила озеромъ Марейтидою и Средиземнымъ моремъ, герой основалъ городъ, которому далъ свое имя и въ черту котораго включилъ находившееся здѣсь мѣстечко Ракотисъ. Плану новаго города, начертанному самимъ Македонскимъ, дано было очертаніе хлѣбницы (изца); мѣсто и окрестность будущихъ городскихъ стѣнъ было означено посредствомъ насыпки муки изъ воинскаго провіанта; исполненіе работъ было возложено на вѣдчаго Дипарха. Новый городъ быстро возрасталъ, выросъ, заселился и былъ предвѣщенъ великимъ основателямъ служить торговымъ центромъ между народами востока и запада. Остановивъ въ Египтѣ своихъ намѣстниковъ *Клеомена*, Александръ направилъ свой побѣдоносный путь въ Сирію, достигъ крайнихъ предѣловъ Азіи, возвратился въ Вавилонъ, гдѣ посланники всѣхъ народовъ земли воздавали ему достойныя почести, гдѣ онъ схоронилъ друга своего Гестіона, за которымъ вскорѣ послѣдовалъ и самъ, 24 янв 324 года до Р. Х.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Распадение монархii Александра Македонскаго послѣ его смерти. — Птоломей, правитель Египта. — Его подвиги. — Борьба съ соперниками. — Воцареніе. — Торжество коронаціи его сына. — Иноземные обряды. — Птоломей: Филидельфъ. — Эверетъ. Филанаторъ. Эпифанъ, Филометоръ. Евсергій II. Сотеръ II. — Послѣдніе Лавды и ихъ ничтожество.

Чтобы сохранить отъ распаденія громадную монархію Александра Македонскаго послѣ его смерти, преемникамъ его при добромъ согласіи необходимо было имѣть хотя часть великихъ дарованій героя... но принятыми наследниками Александра были: братья его *Филиппъ Аридей* — идіотъ, и сынъ его — младенецъ. Полководцы македонскіе не знали, котораго изъ двухъ признать своимъ государемъ, кому принести присягу на подданство. Пердикка, Леоннать, Антипаторъ, Лизимахъ, Птоломей и Птоломей были главными рѣшителями этого вопроса. На другой же день смерти своего влѣстителя они собрались передъ его опустѣлымъ трономъ, на которомъ лежали знаки царскаго достоинства и заспорили объ избраніи преемника. Кто стоялъ за Филиппа Аридея, кто шелъ противъ него: одинъ присягалъ утробному младенцу вдовы Македонскаго, другой его живому сыну Геркулесу отъ Барсинны, дочери Дарія Кодомана. Большинство признало — Филиппа Аридея.

Черезъ семь дней, одновременно съ балъзамированіемъ тѣла умершаго Александра, въ государственномъ совѣтѣ происходило избраніе намѣстниковъ и правителей въ завоеванныя земли. *Птоломей* былъ назначенъ правителемъ Египта, *Линнъ* и западной Аравіи; до его прибытія Египтомъ управлялъ Клеонъ.

Кротостью и милосердіемъ Птоломей привлекъ къ себѣ сердца всѣхъ египтянъ. Узнавъ о намѣреніи Пердикки — отнять у него силою оружія вѣренное ему намѣстничество, Птоломей сталъ вскорѣ готовиться къ войнѣ и заключилъ союзъ съ Антипаторомъ, попечителемъ туземнаго Филиппа-Аридея; къ нимъ присоединились вскорѣ Кратеръ и Антигонъ. Военныя дѣйствія начались лѣтомъ 321 г.

Отправивъ впередъ себя полководца *Дименія* для прегражденія союзникамъ пути себѣ на встрѣчу, Пердикка со своими войсками прошелъ Сирію и сталъ укрѣпленнымъ лагеремъ въ Пелузѣ, откуда былъ вытѣсненъ внезапнымъ разливомъ рѣки Нила. Почвъ Пердикка отступилъ и на зарѣ стоялъ подѣльными городами, называемого *Верболюксисъ ситною*, гдѣ во главѣ своей конницы находился самъ Птоломей. Сознательная безустыжность огади, Пердикка выскакалъ со своими на одну изъ нильскихъ острововъ противъ Мемфиса съ цѣлю переправиться въ городъ. При переправѣ погибло до двухъ тысячъ воиновъ; остальные взбунтовались и Пердикка былъ зарѣзанъ въ своемъ лагерьѣ. Птоломей немедленно явился въ лагерь македонскаго, предложивъ богатыя дары молодымъ царямъ, сочувствовавшимъ его недавнему врагу, а приверженцамъ его защиту отъ мятежниковъ и свое содѣйствіе къ усмирению мятежа. Цари возвратились въ Македонію; на мѣсто убитаго Пердикки попечителями ихъ были назначены Арридей и Птоломей, и произошли многія перемены въ управленіи областями. Птоломей, удержавъ за собою Египетъ, уклонился отъ попечительства, предпочтя ему учрещеніе своей власти въ древней царствѣ фараоновъ. Къ концу третьяго года путемъ завоеваній Птоломей присоединилъ къ нему Кирену, Сирію, Келе-Сирію и Финикію.

Кассандру, правителю европейскихъ областей монархii македонской, удалось повлечь Птолемея въ союзъ съ собою противъ приверженцевъ царей: Полисперхапа и Емении; послѣдній занялъ со своими войсками Финикію, съ этой стороны угрожалъ Египту. Кровавыя распри Ольмпіи, матери Александра Македонскаго, и Евридика, супруги туземнаго Филиппа-Аридея, окончились казнью послѣдней (въ октябрѣ 318 г. до Р. Х.); черезъ два года погибла и Ольмпія. *Антигонъ Гонимъ* овладѣлъ европейскими областями, *Лизимахъ* — Фракію, *Селевкъ* — Сирію; Птоломей по прежнему неизмѣнно владѣлъ Египтомъ. Принимая участіе въ междоусобицахъ, онъ успѣшно охранялъ своихъ непріятелей, усмирять возстаніе въ некоторыхъ областяхъ и при всемъ томъ вѣновался единственно намѣстникомъ царя Александра, сына героя македонскаго, до самаго его убійства въ 311 г.

Затѣмъ шесть лѣтъ Птоломей боролся съ Антигономъ, сыномъ его — Дмитріемъ-Поліоркетомъ, одержалъ верхъ, окончательно упрочилъ свою власть надъ Египтомъ и въ 305 г. вѣнчался на царство, зачисливъ себя въ годы государственія самодержавнаго 19 лѣтъ наместничества. Онъ былъ основателемъ новой династіи *Лаидовъ*, творцомъ славы и могущества Египта. Лестцы не замедлили сложить о происхожденіи Птолемея аллегорическое, весьма затѣливое сказаніе, будто онъ немедленно по рожденіи былъ на мѣдномъ щитѣ восхпщенъ орломъ, вынянченъ пѣмъ и вскормленъ кровью добычъ царственной птицы. Дѣйствительно колыбелью Птолемею могъ служить щитъ его отца, одного изъ полководцевъ Македонскаго, вѣрнаго его сподвижника, соучастника его славы, получавшаго свою долю и въ военной добычѣ. Аллегорія недурна и довольно поията. Птоломей былъ тѣмъ достойнѣе занять престолъ, что онъ не шелъ къ нему путемъ злодѣйствъ и не запятналъ своей порфиры, подобно Антигону, Кассандру и другимъ, нѣмъ подобнымъ, кровью насѣдѣнцевъ Александра Великаго. Единственной ошибкой царя египетскаго, повлекшей за собою впоследствии распри и неурядицы, было назначеніе имъ себя въ наслѣдники — не старшаго сына *Керауниса* (отъ первой жены Евридики), но младшаго, *Птолемея* (отъ Береники, четвертой своей жены). Отецъ короновалъ его въ 284 году до Р. Х., за два года до своей смерти. Это празднество, подробно описанное Каллимахомъ-Родосскимъ въ его исторіи Александрии, по своему пышному церемонаіу заслуживаетъ вниманія читателя. Торжество происходило въ Александріи — недавней столицѣ Египта, съ участіемъ жрецовъ греческихъ, а не отечественныхъ, такъ какъ Птоломей былъ послѣдователемъ эллинскаго полководца. Жрецы, группируясь на колесницахъ, изображали торжественное шествіе Вакха, побѣдителя міра. Вакханки, полудѣтныя въ тигровыя кожи, увѣнчанныя плющемъ, въ тирисахъ въ рукахъ, плясали и пѣли гимны съ аккомпаниментомъ кинналовъ. За этимъ первымъ отдѣленіемъ шествія слѣдовала огромная четырехколесная колесница въ восемь локтей шириною, влекшая шестьдесятю чело-вѣками. На ней было колоссальное изображеніе города Кны въ видѣ женщины, одѣтой въ желтую, вышитую золотомъ тунику и

ликоонскій плащъ. По временамъ фигура эта, приветавая, дала молоко изъ чаши, которую держала въ правой рукѣ, лѣвая же — была вооружена тирсомъ. Голову статуи украшали вѣнокъ изъ плюща и винограда съ золотыми листьями и ягодами изъ драгоценныхъ камней.

За нею трѣтя чело-вѣкъ везли колесницею въ двадцать локтей длины и шестнадцать — ширины; на этой колесницѣ возвышался наполненный виноградомъ престовальный чашъ. Шестьдесятъ гатировъ давили виноградъ, распѣвая гимны съ аккомпаниментомъ флейтъ, подъ управленіемъ сиlena. Сладкое вино лилось по мостовой, орошая путь дальнѣйшей процессіи, шествовавшей шире-сѣдующимъ порядкомъ:

Носильщики сосудовъ, употребляемыхъ при праздникахъ Вакха: четырехъ золотыхъ кратеръ, опутанныхъ плющемъ; четырехъ метреть коринскаго метала, украшенныхъ барельефами высокой работы. Кроме того несли и четыре золотые тепловника, станку для посуды, украшенную драконѣнными каменьями, чаши изъ золоченаго хрусталя, урны, имфоры и т. п.

Тысяча шестьсотъ дѣтей въ бѣлыхъ туникахъ, въ плющевыхъ и сосиовыхъ вѣнкахъ. Каждый ребенокъ несъ въ рукахъ золотую или серебряную чашу, наполненную виномъ, которыми угощали зрителей. Громадная колесница, запряженная 300 чело-вѣкъ; на ней шецера, сілетепная изъ плюща и украшенная красными тканями. Изъ глубины шецеры во все продолженіе шествія вылетали стан голубей съ лентами, привязанными къ ножкамъ; съ одной стороны былъ фонтанъ молока, съ другой — вина. Нимфы, окружавшія колесницу, были въ золотыхъ вѣнкахъ; между ними шествовала Гермезъ, вооруженный своимъ кадуцеемъ...

Еще колесница съ орудіями Вакха, возвращающагося изъ своего похода въ Индію. Идолъ его въ пурпуровомъ одѣянн, золотомъ вѣнчъ и съ тирсомъ въ рукахъ сидѣлъ на слонѣ въ великолѣпнѣйшей сбруѣ; на мѣстѣ вожака была посажена фигура сатира, трубачаго въ золотой козлиный рогъ. За слономъ шествовало пятьсотъ дѣвочекъ въ красныхъ туникахъ, опоясанныхъ золотыми спурками; за ними слѣдовало 120 сатировъ, вооруженныхъ золотыми и серебряными мечами и копьями. Пять отрядовъ силеновъ

и сатировъ переходъ на ослахъ, въ золотыхъ и серебряныхъ сбруахъ. Двадцать четыре колесницы, запряженные слоноами; шестьдесятъ—козлами въ пару; двѣнадцать—буйволами; семъ—антилопами и пятнадцать—оленими; сверхъ того было еще восемь колесницъ, запряженныхъ парами страусовъ и четыре—парами онагровъ. Во всѣхъ этихъ колесницахъ ѣхали дѣти въ одеждахъ возничихъ; по бокамъ или другіе со щитами и тирсами. Затѣмъ двигались колесницы, запряженные верблюдами и нагруженные драгоценными дарами, прилежными Птолемею подвластными ему народами; тутъ везлось: триста янвъ ладону, двѣсти фунтовъ шафрану, кази, киномона, при и другихъ приностей, высоко цѣнимыхъ въ древности. Жюйюя принесла нѣжные слононые клыки, чурбаны чернаго дерева, золото въ слиткахъ и въ пескѣ. Кромѣ дароносцевъ шли звѣроловы, вооруженные золотыми дротиками, ведшіе за собою на своракъ 2,400 дощировавшихъ собакъ; тамъ въ клеткахъ несли рѣдкихъ птицъ: пугачей, павлиновъ, флазовъ, драхвъ и другихъ. Независимо отъ драгоценностей меалическихъ, составлявшихъ царскую казну, въ торжественномъ шествіи вели стада и царскій звирецъ: 130 барановъ эвопскихъ, 300—аравійскихъ, 20—негропонтичскихъ, 26 бѣлыхъ индійскихъ быковъ... вѣли, кромѣ того, бѣлаго медвѣдя (?), леопарда, пантеры, рысей, камлеонарда и носорога. Шествіе, независно отъ войскъ всякаго оружія, замыкали женщины въ богатѣйшихъ пародахъ со значками, на которыхъ были начесаны имена всѣхъ городовъ, подвластныхъ державѣ Птоломей.

Пзъ этого длиннаго перечня читатель можетъ судить о богатствѣ Египта того времени и о роскоши двора послѣднихъ фараоновъ. Въ отношеніи религіозномъ короованіе имѣло то значеніе, что оно, во первыхъ, происходило изъ Александріи; во вторыхъ, въ немъ преобладали элементъ греческаго язычества, къ нѣкому негодованію жрецовъ древней египетской религіи.

Птоломей I, прозванный *Сотеромъ* (спасителемъ), умеръ черезъ два года послѣ восшествія на престолъ его сына *Птолемея II*. Старшій братъ Керануегъ протестовалъ противъ произвола отцовскаго, рѣшился отстаивать свои права съ оружіемъ въ рукахъ и погибъ въ первой же схваткѣ; другой братъ царя,

обвиненный въ заговорѣ, былъ казненъ... Нарѣдъ, чтобы увѣковѣчить память двухъ братоубійствъ, дати Птолемею II промическое прозвище *Филодедифа*, т. е. дѣтуболюбна. Его наследникъ—Птоломей III *Эвсеретъ* (благоуствитель) восшелъ на престолъ безпрепятственно; сынъ его *Птоломей IV* былъ прозванъ *Филопатроромъ*; отцелюбимъ, за любовь ли къ отцу или, напротивъ, въ насмѣху, такъ какъ навлекалъ на себя подозрѣніе въ тайномъ отцеубійствѣ. Кромѣ того, опасаясь честолюбивыхъ замысловъ брата своего Магаса, онъ его казнилъ.

При первыхъ четырехъ Птолемеяхъ (323—221 г. до Р. X.) Египетъ былъ возведенъ на высокую степень славы и благосостоянія, предшественницею которыхъ была Александрія, украшенная чудесами ваянн, зодчества, но еще того болѣе сокровищами науки: академія, издѣлывая подлѣ именъ *александрійской школы*, и знаменитая бібліотека, основанная Птолемеемъ-Сотеромъ, процвѣтали при его преемникахъ: число томовъ послѣдней возросло до 700,000.

Царствованіе *Птолемея V Эпифана* (славнаго), протекло въ междоусобицахъ. Умирая, онъ завѣщалъ престолъ женѣ своей *Клеопатрѣ* сирійской и малолѣтнимъ двухъ сыновьямъ и дочери. Старшій *Птоломей VI* при воцареніи принялъ прозвище *Филометора* (любимца матери), дѣйствительно заслуженное имъ за свою нѣжную привязанность къ матери своей, Клеопатрѣ и за свое дѣятельное соучастіе съ нею въ дѣлахъ управленія. Послѣ ея смерти онъ былъ вынужденъ вести войну съ Антиохомъ-Евпаторомъ, царемъ сирійскимъ, и войну гибельную, такъ какъ ова окончилась изгнѣмъ Птолемея. Братъ его *Птоломей-Эвсеретъ II*, прозванный также *Фискономъ* (тучнымъ), занявъ упраздненный престолъ согласно волѣ народной. Шесть лѣтъ длилось это междоцарствіе; на седьмой годъ Антиохъ задумалъ свергнуть Эвсерета съ престола, а на его мѣсто посадить своего плѣнника. Птоломей-Филометоръ. Такимъ образомъ явилось два царя, правившіе Египтомъ съ истинно братскимъ согласіемъ до тѣхъ поръ, пока республика римская, възбавившись въ эту безудачицу, не ввалилась въ удѣлъ Эвсерету—Киренянинъ. Птоломей царствовалъ одинъ восемнадцать лѣтъ и умеръ завѣщая престолъ малолѣтнему

смыу своему *Эпипатору* (добрый отецъ) подѣ опекою его матери Клеопатры. Немедленно по полученіи вѣстія о смерти брата, удѣльный князь Киренаиы, Эвергетъ, собравъ войска, вторгся въ области племянника, требуя себѣ тѣла онекупа и правителя царства. Клеопатра уступила ему съ условіемъ, чтобы онъ женился на ней, она же доподилаась ему родной сестрой и сестрой (1). Эвергетъ принялъ это предложеніе и бракъ свой отпраздновалъ убійствомъ своего племянника-младенца; той же участи подвергся и родной его сынъ *Мелитимъ* отъ Клеопатры, которую онъ прогналъ отъ себя, взявъ въ жены родную племянницу свою, дочь Филагора, тоже *Клеопатру*. Отъ нея у Эвергета (прозваннаго послѣ этихъ злодѣйствъ, *Какеретессомъ*, т. е. нечестнымъ) были два сына и три дочери: Тифона, выданная за Антиоха-Иппифана, Клеопатра и Селена. Старшій сынъ былъ вмѣстѣ съ женою (сестрою своею Клеопатрою) составъ на Кипръ; сыну наложницы своей Ирны, Эвергетъ далъ въ удѣлъ Киренаику. Умиралъ, Эвергетъ обильнѣе преемниками своими жену и одного изъ двухъ сыновей по собственному ея выбору. Она призвала старшаго съ условіемъ, чтобы онъ, отпустивъ Клеопатру, женился на младшей своей сестрѣ—Селенѣ. Сынъ покорился послѣ матери и вѣнчался на царство въ Мемфисѣ подѣ именемъ *Птоломея-Сотера II*. Младшему брату Александру онъ уступилъ Кипръ. Черезъ десять лѣтъ Сотеръ бѣжалъ вслѣдствіе мятежа, организовавшаго его матерью, въ пользу младшаго сына, котораго она и вознесла на престолъ, принудивъ жениться на жещѣ царя-бѣгленца, Селенѣ... Пошли неурядицы, усобицы, мятежи: цари и царицы сѣдлались съ быстротою тѣней фантазмагорій, — словомъ обнаружился въ призамѣ близкаго упадка царства. Вотъ перечень владѣтелей Египта отъ Птоломея-Сотера II до Клеопатры, послѣдней царицы, при которой Египетъ былъ присоединенъ къ римской республикѣ.

(1) Запды ввели въ Египетъ кровосмѣсительные брачные союзы, полюбые бракамъ царей персидскихъ. У лавидовъ въ этомъ случаѣ на первомъ планѣ стояли соображенія политическія: они не желали вступать въ родство съ иноземными царями.

Птоломей-Сотеръ II, Александръ, Сотеръ II—вторично, *Береника, Александръ II, Птоломей-Діонисіосъ* (новый Ванхъ), прозванный Авлетегомъ за свою любовь къ игръ на флейтѣ; *Береника* и *Селевкъ-сирійскій* (убить вскорѣ по ея новелѣнью), замѣнившій *Арсимелемъ*, самозванно выдававшимъ себя за сына Митридата-Эвмвтора. *Птоломей-Діонисій* (вторично), *Клеопатра*. Эти десять царей и царицъ сѣдлались на престолахъ египетскомъ въ теченіи семидесяти семи лѣтъ (съ 117 по 30 г. до Р. X.). Династія великихъ царей имѣютъ сходство съ великими рѣками и водопадами: у нихъ рѣкъ истокъ—иногда ничтожное болото, за то устье въ пылкою вереть шириною: у подножія — наоборотъ: шумныхъ, хлопочущихъ водоворотомъ низвергаются они въ своею истокъ, по по мѣрѣ приближенія къ океану-вѣчности, мѣлѣютъ, умяются и превращаются чуть не въ лужицу... Такова была судьба династіи *Лавидовъ* въ Египтѣ!.. Мы не будемъ останавливаться на событіяхъ, ознаменовавшихъ царствованія ничтожныхъ потомковъ великаго Птоломея-Сотера, но не можемъ не дать очерка незабвенныхъ государственныхъ преобразованій, усилъхвъ наукъ и искусствъ, прославившихъ царствованія первыхъ четырехъ Птоломеевъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Цѣлующее состояніе Египта при первыхъ трехъ Птоломеевѣхъ. — Придворные чины и почетные званія. — Служебныя Птоломея и новыхъ вѣнцѣхъ. — Нововведенія въ обрадахъ. — Мѣны на Фаросѣ. — Александрийская школа. — Знаменитые ученые. — Библиотеки. — Музеумъ. — Переводъ Библии семьюдесятью толковниками. — Обожествленіе царей. — Волосы Береники. — Храмы въ ея честь. — Уадокъ религій. — Судности религій древней. — Моноотизмъ. — Космогонія. — Единство божества. — Триады. — Сфинксы. — Небесная триада.

Въ предыдущей главѣ, мы представили обзоръ царствованій Птоломеевъ съ точки зрѣнія политической; теперь прослѣдимъ ихъ

славными деяния и подвиги на поприще гражданского благоустройства, науки, художеств и т. в. великия преобразования, благодаря которым, Египетъ былъ вознесенъ на высчайшую степень могущества.

Основатель династии Лагидовъ, Птоломей Сотеръ, установилъ чиновную иерархію образованную по степенямъ, высочайшею изъ которыхъ былъ царь и его супруга. Изъ предоставленъ былъ титулъ *богинецъ*: царица имъ-полагалась сестрою царя, дѣти — близкими. Великими являлись по достоинству, на царскихъ родственничковъ, первыхъ друзей и друзей, просто. При царѣ состоялъ отрядъ жѣлхранителей, а между чинами двора важнѣйшими почтѣлись чины: начальники жѣлхранителей, великаго дояго и *эпископаграфа* (шесца посланій), чинъ равняющийся должности статс-секретаря. Великими и чиновники награждались ердеями, состоявшими изъ жалованья царемъ почтенныхъ ожерельевъ; удостоенные титула родственничковъ царскихъ почтѣнно послали эти ожерелья. Высокое положеніе этихъ великихъ и ихъ права ближе всего можно сравнить съ положеніемъ и правами венскихъ грандовъ или французскихъ и английскихъ пэровъ. Въ законодательство Птоломей Сотеръ ввелъ многія статьи греческаго кодекса, ввѣривъ судейскія должности грекамъ. Но и те при немъ греческій элементъ замѣтно преобладалъ надъ отечественнымъ, египетскимъ; точно также, какъ при его преемникахъ впоследствии, надъ нимъ преобладалъ элементъ римскій.

Украшая Александрію новыми зданіями, Птоломей соорудилъ нѣсколько храмовъ и, по окончаніи ихъ, не могъ рѣшить, какому божествамъ посвятить ихъ. Тогда, по сказаніямъ исторіи, онъ имѣлъ видѣніе, въ которомъ, какинъ-то невѣдомый боже-ства приказали ему, то свидѣніи съ оракуломъ Аполлона пивейскаго вѣстовать ихъ жителямъ у царя Синоисканаго. Птоломей отплатилъ къ нему послать съ богатыми дарами и три года велъ переговоры: объ этомъ выложу предметъ, однако-же, безуспѣшно.

Изъ этого таинственнаго сказанія видно, что Птоломей ввелъ въ египетское богослуженіе многіе греческіе обряды, имѣлъ намѣреніе совершенно преобразовать религію или замѣнить ее новою... но какую-же именно? Видѣнію подданнымъ своимъ въ не-

прежнюю обязанность, возвести въ религіозный догматъ — обож-твореніе царской особы, Птоломей уже сдѣлалъ религію покорнымъ орудіемъ правительстна. Далѣе этого деспотична идти не могъ и потому невозможно рѣшить, какою новою религію пахѣрчался Птоломей замѣнить негнѣвную ичъ, древнѣйшую религію Египта.

Постройка маяка на островѣ Фаросъ, соединенномъ съ Александріею каменнымъ мостомъ и многіе обеліски сооруженные въ новой столицѣ царства египетскаго, свидѣтельствовавши подданнымъ Птоломей о его любви къ изящнымъ искусствамъ, но по праву бо-лее похвала и удивленія потомства заслуживаетъ онъ за свою любовь къ наукамъ, за основаніе славной библіотеки, академіи (школы) и первого въ мірѣ *музеума* въ стѣнахъ собственнаго дворца.

Птоломей значитъ, что образованіе и просвѣщеніе царства — его сила и пречѣйшая основа его благоденствія. Вокругъ этой мысли онъ создалъ со всѣхъ областей, особенно изъ Греціи, людей ученыхъ, собравъ ихъ въ одну дружную и согласную семью подъ именемъ *школы Александрійской*, которая въ теченіе шести вѣковъ пользовалась заслуженнымъ чтеніемъ метрополіи наукъ и словесности. Александрійская школа, не только обогатила область наукъ новыми открытіями, но сохранила древнѣйшія въ ней знанія ума человеческого спасеніемъ отъ утраты пришедшей Гомера, книгъ астрономическихъ, математическихъ и историческихъ. Не было той отрасли наукъ, которая не процвѣтала бы въ Александрійской школѣ, гдѣ находились космографы, математикъ, естествоиспытатели, врачи и словесники; впоследствии явились и философы... Изъ гражданскихъ крѣпкихъ знаменитой академіи называемъ Дионитріа-фалерскаго, Зеновита. Аристархъ: изъ врачей: Герофила. Эрастрата; изъ астрономовъ: Тимарха. Аристидла, Гиппарха и Птолемея — александрійскаго; изъ географовъ: Евклида, Аполлонія пергамскаго и Діофанта. Эратосфенъ и Страбонъ — географы; Ксизидея, Секетъ — эпирикъ, Потамонъ, Аммоній-Савкасъ — философы, пополняютъ этотъ списокъ славныхъ древнихъ зна-ній и мирныхъ завоевателей въ областяхъ науки. Впоследствии, Александрійская школа сдѣлалась одновременно раздѣлкомъ философіи двухъ діаметрально противоположныхъ вѣроисповѣданій:

Аристотель и Филонъ были представителями иудаизма; святые Климентъ александрийскій и Павлентій — представителями христіанства.

Участь этой академіи и drifting ея состояніе были тѣсно связаны съ участіемъ государства; аютея славы школы александрійской была при первыхъ трехъ Птоломеяхъ.

Люби ученыхъ и философовъ, Птоломей Сотеръ былъ покровителемъ поэтовъ и словесниковъ. Для нихъ собраніи оны отдѣлилъ помѣщеніе въ собственномъ дворцѣ и посвятивъ его музамъ, назвалъ музеемъ. Здѣсь были собраны изысканія произведенія Греціи, Азии и Африки и это былъ истинный храмъ, созданіе котораго приносить Птоломею, конечно, несравненно болѣе славы, нежели сооруженіе ихрамъ или обелисковъ фараонами первыхъ династій. Будучи въ самыхъ привязанныхъ отношеніяхъ и въ переносѣ съ знаменитымъ Теофрастомъ, Птоломей довѣрилъ его ученику, философу Стратону и Филету-Косскому, воспитателю будущаго своего преемника, Филаделфа, наслѣдовавшаго отъ отца его благородную ревность къ наукамъ и пламенную любовь къ изящному; Филадельфъ, рожденіе котораго было посвѣто Теофрасту.

При немъ, *селевкескою толковниками*, іудеями, былъ сдѣланъ переводъ Библии съ еврейскаго на греческій языкъ: событіе мировое, незабвенное въ исторіи человечества! По приказанію того же Птолемея Филаделфа, астрономъ Діонисій преобразовалъ лѣтоисчисленіе, введеніемъ эры діонисіиской опредѣлившей годъ въ двѣнадцать солнечныхъ мѣсяцевъ, соответственно нахожденію солнца въ созвѣздіяхъ зодіака. При Филаделфѣ, державъ царя египетскаго подчинены были Ливія, Эфиопія, Спрія, Финикія, Кипръ съ Кикладами, Аркія, Карія и Памфилія; въ одномъ Египтѣ насчитывали тогда 33,339 городовъ, болѣе или менѣе украшенныхъ великолѣпными зданіями. Въ Александріи Филадельфъ основалъ ботаническій и зоологическій сады; устанавливалъ Аполлонійскія игры, построилъ на островѣ Филз храмъ Изиды, въ которомъ лицу богини было придано сходство съ супругою царя, Арсеніею: такъ Птоломей, вѣрные идеѣ самобоготворенія, заставляли народъ поклоняться себѣ въ лицѣ кузирова. При Птоломей-Евергетѣ, супруга его Береника, во время молитвы въ храмѣ Венеры-Зефириты о дарованіи победы царю, бывшему въ Азіи, остригла свои

прекрасные волосы и положила ихъ на алтарь, съ котораго они исчезли. Астрономъ Кононъ Самосскій объявлялъ, что волосы царицы похищены на небо, гдѣ образовали близъ луны новое созвѣздіе...

Каллимахъ-киринскій, поэтъ греческій, воспѣлъ это чудесное событіе; ему впоследствии откликнулся Катулъ и, такъимъ образомъ, за созвѣздіемъ на вѣки упрочилось имя *волосъ Береники*. Мы заносимъ эти факты на страницахъ нашей исторіи какъ доказательства того искаженія древнихъ религіозныхъ догматовъ, которое было сдѣлано Птоломеями. При нихъ, эллиское многобожіе вмѣстѣ съ обоготвореніемъ царей, окончательно спланилось съ преданіями о первобытныхъ божествахъ Египта. Береника, еще при жизни была причислена къ сонму богинь и для служенія ей. въ храмахъ, были поставлены особенныя жрицы, *атлоторіи*; ея боги и портреты замѣнили прежнія изображенія Ианды-египетской и Венеры-греческой. Въ религіи царя хистъ, о быломъ еократизмѣ и могучемъ вліяніи жрецовъ на народную массу едва сохранились смутныя преданія.

Но, если религіозныя понятія были тогда извращены, за то науки и искусства сіяли въ полномъ блескѣ. Евергетъ тратилъ громадныя суммы на обогащеніе бібліотеки александрійской и на приобрѣтеніе для нея рѣдкихъ книгъ. Хранителями бібліотеки были тогда Аристофанъ-византійскій. Изъ поэтовъ царствованія Евергета прославились Каллимахъ, Ликофронъ и Антолій: астрономія процвѣтала и обогащалась открытіями Аристилла, Конона и Тимохариса. Аристархъ упоминалъ о *двизантійской земли*, чѣмъ и напылъ на себя упреки въ безбожии. Послѣ кончины Евергета начался междоусобіи и кровавыя распри, подчинившія, наконецъ, Египетъ римскому владычеству.

Въ одной древней книгѣ, приписываемой полу-богу Египта Гермесу Трисмегисту, находятъ слѣдующія многозначительныя слова: „О, Египетъ, Египетъ! придетъ время, когда вѣсто религіи чистой и чистѣйшаго богослуженія будутъ властвовать надъ умами сѣмьяныя бжги, недостойныя довѣрія потомства и не останется отъ древняго твоего благочестія ничего, кромѣ словъ начертанныхъ на камнѣ.“

Это время, предшествующее Гермесомъ, пасуило для религии Египта при Птолемеях; но не таковою она была въ началъ бытія великой страны и не таковою сохранялась въ течение многихъ вѣковъ, даже и подъ владычествомъ Персѣвъ.

Нѣкоторые греческіе и римскіе писатели утверждаютъ, что основаніемъ религии древняго Египта было поклоненіе сѣтилами, несемнымъ, животнымъ и произведеніямъ земли. Эти близорукіе историки, понимая только матеріальную сторону богослуженія, не могли проникнуть символическаго его смысла. Другіе, заглянувъ въ обряды, сходство съ небесными явленіями, рѣшили, что эта религія чисто астрономическая и стараясь въ религіозныя символы подводить подъ законы астрономіи, впали въ ошибку не менѣе грубую, какъ и первая. Третьи, наконецъ, судя болѣе безпристрастно, отчасти начали изъ слѣдъ истинъ. Таковыми были: Порфирій, утверждавшій, что египтяне были *монотеистами*, т. е. признавали единого Бога. Геродотъ говоритъ, что египтяне имѣли понятіе о единомъ божествѣ, не имѣющемъ ни начала, ни конца; наконецъ Ямвлихъ, углубившій изслѣдованіе философіи древнихъ вѣковъ, отъ самихъ египтянъ слышалъ о Богѣ единомъ, создателѣ вселенной, который превъше всѣхъ стихій и самъ по себѣ неимѣнственъ, безплотенъ, не созданный, не дѣлимый, не видимый; который *все* umfasst въ себѣ самъ и самъ во всѣхъ пребываетъ. Тѣ же символическія изображенія безчисленныхъ свойствъ, единого по числу божества не могутъ быть названы отдѣльными божествами.

Основываясь на словахъ Ямвлиха, опредѣлять религію древняго Египта такими образомъ: первобытная религія была *монотеизмомъ* (единобожіе), выражавшійся *политеизмомъ* (многобожіе) символическимъ, въ видѣ боговъ или агентовъ второстепенныхъ, повинующихся Единому. Въ этой религіи, особенно вниманіе слѣдуетъ обратить на три пункта: 1) на *догматизмъ*, или нравственный выводъ изъ боговѣданія; 2) на *иерархію* божествъ, т. е. на степень значенія символическихъ изображеній творческой силы божеской; и 3) на *богослуженіе*, т. е. воздаваніе почестей проявленную силу божества, общественное—церковныя—всенародными, или таинственное—въ сѣнахъ храмовъ и капищъ.

Первая мысль о бытіи божіемъ была внушена древнимъ египтянамъ созерцаніемъ міроздавца, и изученіемъ природы: неба съ его сѣтилами и земли со всѣми ея произведеніями. Такъ сложилась *космогонія*, т. е. ученіе о происхожденіи міровъ. Вотъ что говоритъ Диодоръ сицилійскій (кн. I гл. 2) о египетской космогоніи:

— Въ началѣ неа вселенная была погружена въ хаосъ, т. е. представляла смутное сѣшеніе всѣхъ творческихъ силъ природы. Небо и земля сливались въ одну безобразную массу, изъ которой постепенно отдѣлились стихіи, тѣла и наконецъ образовался міръ, видимый нами. Воздухъ подымался непрерывно; живѣйшія и мельчайшія его струи унеслись въ высочайшія области неслезной, гдѣ образовали чистѣйшій огонь неатемимымъ никакими посторонними примѣсями. Солнце и звѣзды, созданныя изъ этого огня, были унесены непрерывнымъ движеніемъ въ огненную сферу. Вещество земли нѣсколько времени еще было сѣшено съ влагою, откуда не стало отдѣлять и отдѣляться отъ послѣдней. Этому отдѣленію способствовало вращеніе ядра, бывшаго основою нашей планеты; вращеніе, вслѣдствіе котораго земля окончательно отдѣлилась отъ воды, хотя еще и имѣла видъ вязкой, полужидкой тины. Солнечные лучи согрѣвая ее произвели броженіе на ея поверхности. Въ самыхъ влажныхъ мѣстахъ появились растенія и крош. того образовались ростки, одѣтыя пленчатой оболочкою подобною болотной бадягѣ. Эти ростки, питаясь парами, отдѣлявшимися отъ земли почвою, постепенно укрѣплялись при солнечныхъ лучахъ; наконецъ достигли зрѣлости, освободились отъ оболочекъ и явились въ видѣ разныхъ животныхъ. Одаренныя особенно жаркимъ сложеніемъ тѣла подыались на воздухъ: это были птицы. Люди, животные четвероногія и пресмыкающіяся остались на поверхности земли; животныя же по воднистому составу и холоду своего тѣла, т. е. рыбы, вали себѣ въ водѣ мѣсто для жилья приличное. Вскормъ земли обсохнувъ окончательно отъ солнечнаго жара и отъ вѣтровъ лишилась способности производить животныхъ, которыя затѣмъ стали размножаться путемъ собственнаго воспроизведенія.

Такова была матеріальная точка зрѣнія, съ которой древніе египтяне болѣе или менѣе основательно смотрѣли на міръ божій.

Видѣли созданіе и желали увидѣть Создателя; видя тѣло, весьма естественно, желали видѣть душу...

Но душа міра недоступна тѣлеснымъ очамъ смертнаго. Человѣкъ можетъ олицетворить себѣ божество, въ болѣе или менѣе вещественной формѣ. Египтяне представляли себѣ Создателя—отцомъ и мужемъ; природу со всѣми ея силами—матерью и жену; созданіе—дѣтищемъ. Такъ сложилось въ понятіи египтянъ первое дѣленіе единого божества на *тріады*, котораго они придерживались и въ послѣдствіи времени. Придавая гробу символу его духовное значеніе, жрецы замѣняли: мужа, жену и сына—мыслью, словомъ и дѣломъ, разлагая таинственную тріаду на три составныя, но нераздѣльныя части. Символическимъ или вещественнымъ изображеніемъ духовной тріады, бывъ у египтянъ, таинственный *сфинксъ*, чудно выражавшій своей фигурой (составленной изъ львиного туловища съ женской или бараньей головою) соединеніе разума, т. е. мысли, слова и дѣла.

Первобытныя хасы жрецы называли *Муосъ*, *Бутосъ*, матерью всего созданія; создателя *Кнуфисомъ*, *Кнефомъ*, *Нефомъ*, *Нуфи* и *Аммономъ*, *Аммономъ-Ра*; дѣтище ихъ, т. е. созданіе, было названо *Хонсъ* или *Фтосъ*. Аммонъ-Ра извергнувъ ртомъ яйце, изъ котораго вышелъ Фтосъ, сынъ его и помощникъ въ великомъ дѣлѣ міроустроенія. Эта небесная тріада являлась на землѣ въ лицахъ: *Озириса*, *Изиды* и *Горуса*.

Исторія этихъ трехъ божествъ заслуживаетъ пристальнаго изслѣдованія.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Земли тріады: Озирисъ, Изиды, Горусъ.—Тифонъ.—Убѣненіе Озириса.—Серписъ.—Гарпократь.—Аписъ.—Примытіе его.—Изиды. — Значеніе миссовъ объ Озирисѣ и Тифонѣ.—Дуализмъ.—Жизнь и смерть.—Паука и невожество.—Божества-планеты.—Тифонъ, Нефтида, Анубисъ.

Озирисъ и Изиды — братъ и сестра, сочетавшіеся бракомъ еще въ утробѣ ихъ матери. По объясненію Плутарха, ими перваго: *многочазный*, намекъ на лучи солнечныя; ими второй: *древенія* — синонимъ души, старѣшаго изъ снѣдиль небесныхъ. Послѣдующія сказынія докажутъ намъ, однако, что Озирисъ и Изиды, олицетвореніе въ миссологіи египетской солнцу и луну, имѣли еще иное таинственное значеніе (*).

Озирисъ и Изиды были просвѣтителеми Египта и основателями въ этой странѣ гражданскаго благоустройства. Озирисъ, отменивъ прежніе варварскіе законы страны, замѣнилъ ихъ кроткими и человѣколюбивыми; обучилъ своихъ подданныхъ земледѣлію; построилъ городъ Фивы съ храмомъ въ честь Аммонъ-Ра. Благоудѣлительствомъ Египетъ, Озирисъ вознаграждался быть благодѣтелемъ всѣхъ странъ земли и съ этой мыслью отправился путешествовать, доверивъ правленіе Изидѣ, давъ ей помощниковъ въ *Гермесъ* (Меркурій) и военачальникъ *Ансомъ* или *Гомъ* (Марсъ или Геркулесъ). Озирисъ странствовалъ съ многочисленной арміей, составленной изъ ученыхъ, поэтовъ, художниковъ и музыкантовъ. Онъ покорилъ силою науки Эфиопію, гдѣ укрѣпилъ берега Нила каменными плотинами; оттуда провѣкъ въ Аравію и въ Индію; былъ во Фракіи и Македоніи, гдѣ поручилъ Трентолему научить азіатцевъ правиламъ земледѣлія.

(*) Объ олицетвореніи въ Озирисѣ — рѣкъ Нила, въ Изидѣ — Египта, въ Нефтидѣ — Ливійской степи, мы упоминали въ гл. I стр. 7.

Изида, сестра и супруга Озириса, сочеталась с ним бракомъ (какъ мы уже говорили) еще въ утробѣ матери. Она была ему вѣрною помощницею въ правленіи Египтомъ и особенно заботилась о развитіи земледѣлія. Она научила людей сѣять ленъ и пшеницу. О подвигахъ ея мы уже говорили въ разсказѣ объ Озирисѣ.

Греческіе и латинскіе писатели приводятъ множество сказаній объ Озирисѣ и Изидѣ, изъ которыхъ по ихъ мнѣнію хранится вся сущность египетской мифологіи. Плутархъ, написавшій объ этихъ богахъ цѣлый трактатъ, говоритъ, что въ Саисѣ въ храмѣ мудрости или Ияиды, находилась ея статуя со слѣдующей надписью: „Я емъ все бывшее, сущее и будущее: донынѣ еще никто изъ смертныхъ не снялъ съ меня покрывала!“ Апулей влагасть въ уста Изиды слѣдующія слова: „Я — природа, мать всего видимаго, повелительница стихій, начало вѣковъ, царица боговъ, царица усопшихъ. Божество мое, само по себѣ единоеобразное, чествуемо подъ различными именами и различными обрядами: Фригійцы зовутъ меня Пессинунтійскою родительницею боговъ, Ассиріане — Мипервою Бекронійскою, Кипріоты — Венерою; Критяне — Діанною Диктиною; Сицилійцы — Прозерпиною; Элевзіицы — древнею Церерою, другіе — Юноною, Веллоною, Гекатонъ, Разнузіею; наконецъ Египтяне и сосѣдніе имъ народы — Изидою и это имя мое настоящее!“

По мнѣнію Геродота Изиды египтяне и Церера грековъ — одно и тоже божество. Прочіе историки утверждаютъ, что Озирисъ — общее названіе вѣхъ боговъ, а Изиды — вѣхъ богинь Египта... совершенно ошибочно; однако же это разнорѣчіе сказаній объ Озирисѣ и Изидѣ послужитъ намъ ключемъ къ разгадкѣ значенія этихъ двухъ таинственныхъ символовъ, или правилыше, первой *триады* мифологической іерархіи Египта, третье лице которой составляли сынъ Озириса и Изиды, Аруарисъ или Горусъ.

Горусъ, сочувствовалъ Озирису въ его походахъ въ Индію и Фракію. Во время предательскаго убійства отца его Тифонемъ, Изиды огладала Горуса на почечіе и охраненіе богини Буто. Горусъ, внаслідствіи собранъ полчища воиновъ, пошелъ на Тифона, побѣдилъ его и взялъ въ плѣнъ, взя котораго Изиды выпустила злодѣя. Разсерженный Горусъ сбилъ съ головы матери двухречіи ея

вѣнцы, но потомъ помирился съ нею и спокойно властвовалъ надъ Египтомъ до той поры, покада титаны не умертвили его и не бросили его трупа въ Нилъ. Изиды, сѣдующая въ медитативъ, оженила трупъ Горуса и даровала ему бессмертіе, научила его искусству врачеванію и вдохновенію. Горусъ начекивалъ вѣнцы въ вѣнцы и народы блаженствовали подъ его владычествомъ.

Въ книгѣ о черной триадѣ таится смыслъ глубокий, далеко не ограничивающійся аллегорическимъ разсказомъ о борьбѣ свѣта, т. е. солнца и луны, олицетворяемыхъ Озирисомъ и Изидою, со мракомъ, въ лицѣ Тифона. Здѣсь не трудно угадать начало ученія *дуализма*, борьбы двухъ началъ добраго и злаго, послужившаго основаніемъ закона Зороастра въ Персіи. Озирисъ и Изиды олицетворяютъ *жизнь*, т. е. душу и тѣло человека, подобно мужу и женѣ, связаннымъ брачными узами: Тифонъ — *смерть*, которая хотя и разрушаетъ тѣло, но не прикасается души; смерть, которая можетъ разлучить мужа (тѣло) съ женою (душою), можетъ иерезать первого, но не можетъ посягнуть на вторую. По убійствѣ Озириса, говоритъ мифологическое сказаніе, Изиды пошли отыскивать его тѣло, нашла его, предала погребенію, но Озирисъ возродился въ Сераписѣ и Аписѣ — двухъ божествахъ, олицетворяющихъ великую мысль воскресенія мертвыхъ. Гарпократъ, рожденный Изидою отъ воскресшаго Озириса, былъ вѣтъ: возрожденіе души въ новомъ, преобразованномъ тѣлѣ, есть тайна безмолвной вѣчности, или мысли о воскресеніи есть таинственный плодъ богочеловѣчія. Древніе египтяне, вѣруя въ жизнь будущую, предпозитали воскресеніе въ одно изъ двухъ нитовъ: или въ прежнее тѣло человека, или въ образъ животнаго. Первое предположеніе заставляло заботиться о предохраненіи мертвыхъ тѣлъ отъ тлѣнія (Балъ замираніе, пренарираніе мумій); второе, напоминающее метисисъ хоу индусовъ, заставляло рождать пленихъ животныхъ въ образѣ Аписа.

Но аллегорическое значеніе Озириса и Изиды въ египетской мифологіи этихъ не ограничивается: богъ и богиня — предстатели добра и блага, борящихся съ источникомъ зла и всякихъ бѣдствій, олицетворяютъ науку и знаніе, борющихся съ невѣжествомъ. Тифонъ, умертвивъ Озириса, бросилъ тѣло его въ Нилъ: оно уды-

вагерь к морю, выбрасывается волнами на берега Виблоса, где по сказаниям уныло в кустах папируса... Самое имя города *Виблоса* означает: кусты папируса указывают на материал, бывший в древнем Египте, так сказать, плотию. Глядя градом искусства рисания. Вникая в архитектуру удивляясь, почти без труда, что как бы шедеврство и яркоеобразие (Тифон) ни архелбодом науки и эрания - он несокрушимо сохранился в памятках, как тело Озириса в Виблосе. Тифон изрежал труп своего врага на куски, по каждому из них Изида придала вид фигуры своего супруга и рассекла их по городам Египта. Не так ли грандиозность распространяется науки, на червь сбитым шедеврством и фанатизмом, боящимся света истины?

Из всего вышесказанного, понятно ли читателю, что Озирис и Изида не были у египтян только символами солнца и луны, как это полагают некоторые недалекондидные историки? Взглянув на этот вопрос с точки зрения христианской, мы угадываем в Озирисе символ Творца, в Изиде - Вечность, в Горусе - всепроникающую Премудрость Божию. Эта великая идея, смутно, как бы зародившаяся в чреве египтян, была введена в науку, по преданию, в котором выражали ее в тысячах символов и аллегоричных, а также и. Не должно забывать, что учеником их был философ, закон иудейского - святой пророк и боговдохновенный *Моисей*. Так, явное значение призвавший разум человека к свету правды...

Что Озирис и Изида не были только олицетворением солнца и луны, мы имеем доказательство этому изречением боготы и богинь, соответствовавших в древнем Египте небесным светилам. Таковыми были: *Фре* (солнце), *Изида* (луна), *Ануке* (Восток), *Гивора* (Венера), *Сук* (Сатурн), *Омт* или *Гермес* (Меркурий), *Анупис* (Сатурн).

Перейдем теперь к другой паре, составившей противоположный полюс с первой и состоявшей из *Тифона* и *Нефтиды* в *Ануписе*, рожденного Нефтидой не от мужа, но от Озириса, а потому божества доброго. Тифон и Нефтида были неплоды и в этом сказании глубокая мысль: это не плодочно.

Тифон, закланный враг своего брата Озириса и супруга его Изиды, властвовал в Ливийской степи. Онкута и сбежал в Египет, но был отражен и обращен в бегство чудотворными *Джочом*. Ночуя на Нефтиду за нечеловечество, Тифон, взяв себя в заложники *Ан*, царю *Эфиопии*. Преступный Горусом, после убийства его отца, Тифон превратился в червь, но в кроводил и себя, семь дней убегал на север. Достигнув озера *Сирбона*, он погрузился в его волны, чтобы скрыть свой позор. Египтяне воздвигали ему малые храмы, которые строили по сохранившимся от храмов Озириса и признавая Тифона истотворителем всех бедствий, приносили ему в жертву ослов и поросят.

Супруга его, *Нефтида* — бесплодная, хотя и рожавшая Ануписа от Озириса — божество пасивное, содействовавшее ему, если можно так выразиться, единственно своим бездействием, по той причине, что не отклоняла это значить ему помочать. После гибели Тифона, она покорилась Горусу, которого тайно любила без всякой с его стороны взаимности.

Анупис, преждевременно рожденный Нефтидой, был огнесень ею в дель, где она оставила его на произвол судьбы. Изида, прощая Озирису его мимолетную нежность, спасла ребенка, отыскав его с помощью нескольких собак, воспитала как родного сына и оставила при себе в качестве прислужника. Он помогал ей отыскать труп Озириса, баллампировать его и предавать погребению; он же собрал в кучку трупа, когда Тифон вырыл его из могилы и изуродовал.

Теперь перейдем к дальнейшему обзору иерархии божеств древнего Египта.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Отец или Гермес Трисмегистос. — Олицетворение жреческой касты. — Погребение науки и письмен. — Книга Гермеса — Декретисес и Памандерг — Извлечения из последней книги. — Божественный разум. — Видение Гермеса. — Душа, мысль и слово. — Мироздание. — Безсмертие души. — Ея заупокойная утешь. — Основные догматы религии древнего Египта. — Прочія повеления. — Покровители народов и городов. — Деканы. — Звѣри и растения, посвященные божествам.

Подъ именем *Оота*, *Оаума* или *Таума*, извѣстенъ фидеиантъ, изобрѣтатель письменъ. Нѣтъ сомнѣнія, что эта личность нѣтъ иной, какъ богъ науки и искусства древнихъ египтянъ, ихъ законодатель, основатель ихъ философіи, въ обобщеніи же тайныхъ знаний, изъ которыхъ первое мѣсто принадлежало философіи герметической или *алхиміи*. По мифологическимъ сказаніямъ овъ, въ отсутствіе Осириса, помогая Изидѣ въ великихъ дѣлахъ правленія Египтомъ и образованія народнаго, обогащалъ языкъ, изобрѣлъ иероглифы, основалъ касту жрецовъ. Въ сущности Гермес-Трисмегистъ или Оотъ - олицетвореніе науки и богъ-покровитель жреческой касты.

По историческимъ сказаніямъ всѣ написанныя имъ книги, были диктованы ему самимъ Богомъ. Этотъ первый Оотъ или Гермес-небесный — первый постигъ величіе сощества и проповѣдывалъ людямъ богопознаніе. Книги свои написалъ онъ на языкѣ божескомъ, *свещенными письмами*, еще до всемірнаго потопа. Богъ, сказавъ падъ обольщеннымъ родомъ человѣческимъ, послать ему Осириса и Изиду, которымъ дать въ помощники Оота и.и. Ооона, въ лицѣ котораго воплотился на землѣ Гермесъ небесный. При поневеніи Осириса, Изиды и Оота на землѣ, языкъ, подобно безсловеснымъ животнымъ, выражалъ радость, скорбь или нужду дикими, безъязыкими криками. Оотъ научилъ ихъ сочетать эти зву-

ки въ слова; словами называть видимые предметы и, такимъ образомъ, люди начали сообщать другъ другу свои мысли. Затѣмъ, чтобы добрыя и полезныя мысли не пропадали безслѣдно или не искажались въ устныхъ преданіяхъ, Оотъ далъ людямъ письмена. Обучилъ ихъ грамотѣ, оиъ далъ имъ въ руководство законы духовные и гражданскіе, научилъ ихъ астрономіи, науку чиселъ, геометріи, употребленію вѣсовъ и мѣръ. Не довольствуясь дѣлать людямъ необходимаго, Оотъ озабочился объ улаженіи ихъ быта — изобрѣлъ музыку, трехструнную лиру; строительное искусство, живопись и скульптуру.

Первый Оотъ или Гермесъ небесный говорилъ языкомъ божескимъ и писалъ такими же письменами; второй Оотъ писалъ *иероглифами*, обучилъ имъ жрецовъ, которымъ и доверилъ на храненіе свои книги, съчетомъ *сорокъ двѣ*, неизвестнующаго содержанія: въ первой заключались гимны въ честь божества; во второй были изложены обязанности царей въ отношеніи къ ихъ подданнымъ; слѣдующія четыре книги (3, 4, 5, 6) состояли изъ свѣдѣній астрономическихъ; седьмая была посвящена наукамъ иероглифовъ. Космографія и географія изложены были въ шести книгахъ (отъ 8 до 13); описаніе устройства храмовъ и правила жертвоприношеній заключались въ трехъ книгахъ (14 — 16). Жрецы, готовившіеся къ занятію высшихъ степеней, обязаны были знать содержаніе слѣдующихъ десяти книгъ (17 — 26), заключающихъ правила: 1) жертвоприношеній, 2) приношеній, 3) гимновъ, 4) молитвъ, 5) церемоній, 6) праздниковъ, 7) посты, 8) правила оищенія, 9) покупки грѣховъ покаяніемъ, 10) погребальные обряды. Десять книгъ (27 — 36) были посвящены законамъ; послѣднія шесть (37 — 42) врачебному искусству.

Книги Гермеса постоянно носили въ духовныхъ пропеченіяхъ: Магическомъ по нарученію Птолемея Филадельфа перевелъ ихъ со священнаго языка на греческій. Ни одна изъ нихъ не дошла до насъ, такъ какъ всѣ погибли въ пожарѣ александрийской бібліотеки, подожженной по повелѣнію Огара въ 641 году по Р. Х. Ими однако же не ограничивались ученые труды Гермеса. До насъ дошли дѣй книги, написанныя жрецами египетскими подъ псевдонимомъ бога науки, озаглавленныя — первая *Памандергъ*, а вторая

Асклепиуса (имя учителя Гермеса). Въ одной говорится о могуществѣ и мудрости божіихъ, въ другой находится наставленія на-рью Амону. Отвѣчалъ, какъ подлежалъ, всѣ книги алхимиковъ-сумасбродовъ, которыя они выдавали за сочиненія жрецовъ, мы, основываясь на отзывѣ Шамполіона-Физака, признаемъ Пинандера и Асклепиуса подлинными. Слѣдующіе изъ нихъ отрывки, всего лучше могутъ ознакомить читателя съ религіозными догматами древняго Египта. Книга *Пинандера* (верховный разумъ) состоитъ изъ разговоровъ *Фота*, или Гермеса земнаго съ *Фотомъ* небеснымъ (Гермесомъ Триместомъ); другими словами, разумъ человеческій соизмѣряется съ премудростію божіею:

— Мысли моей, говоритъ *Фотъ*: — трудно постигнуть Бога, а языку моему — говорить о Немъ. Способами вѣщественными невозможно описать существо безлotosное; вѣчное не легко сочетается со скоро проходящимъ: одно пребываетъ неизмѣнно, другое проходить... Выразить языкомъ можно только понятіе о предметахъ вѣдѣмыхъ и осязаемыхъ, но безлotosное, невѣчное, невещественное — для чувствъ нашихъ неуловимо и я постигаю только одно, что величіе Божіе неизреченно!

— Для многихъ людей смерть есть бѣдствіе, поражающее ихъ ужасомъ... Небѣды эти люди! Смерть неизбежное слѣдствіе дряхлости и ослабленія тѣла, которое умираетъ потому, что не имѣетъ силъ поддерживать бытія и то, что называютъ смертью — только разрушеніе тѣла со всѣми его оуцѣненіями (бытіе, т. е. душа не умираетъ).

— Истинно только то, что вѣчно и неизмѣнно. Изъ всѣхъ благъ міра первѣйшее есть правда, но она не можетъ быть, да и нѣтъ ея на землѣ! Можетъ быть, Богъ далъ нѣкоторымъ людямъ способность, при помыслѣніи о себѣ помыслить и о правдѣ, но ничто не правдиво на землѣ, такъ какъ все на ней существующее отъто перетію, способно измѣняться, поугасить, разрушиться, преобразовываться. Человекъ не есть правда, такъ какъ правдиво и истинно только то, что извлекло естество свое изъ себя самого и остается тѣмъ, что оно есть, неизмѣнно... Но существо, измѣняющееся до такой степени, что не можетъ быть узнаваемо, можетъ ли быть правдой? Правдиво и истинно только то, что вѣще-

ственно: что не заключено въ тѣлѣнную оболочку; что не имѣетъ ни цвѣта, ни формы, будучи неизмѣнно, вѣчно... Всякая вещь, погибающая и разрушающаяся — есть ложь; вся земля ничто иное, какъ непрерывное разрушеніе и возрожденіе. Последнему непрелѣнно прешествуетъ морча и всѣ земные предметы только подражаніи истиннѣ, какъ живое — тѣлѣстности. Вѣни вечныя живы и все вѣчное не есть правда.

Слѣдующія размышленія *Фота* еще того замѣчательнѣе:

— Однажды размышляя о спокойствіи и естествѣ вещей (продолжаетъ онъ). когда я духомъ вознесся на небеса, тѣлесными же чувствами погружался въ усыпленіе, мнѣ явился существо роста леночарнаго, которое одинокую меня по имени, обратилось ко мнѣ со слѣдующею рѣчью: „Что ты желаешь слышать *Фотъ*, что ты желалъ еще знать? Кто ты? спросилъ я у призрака и получилъ въ отвѣтъ: „Я — Пинандеръ, имѣю о могуществѣ божіемъ. Чего ты желаешь? Я помогу тебѣ.“ Желая знать сущность всего сущаго и познать Бога. „Объясни мнѣ свои желанія, отвѣчалъ призракъ, и я все объясню тебѣ...“ Тутъ онъ измѣнилъ видъ свой и открылъ мнѣ все, что я желалъ знать. Очухъ моимъ претставленіемъ зрѣлище чудное: все озарилось свѣтомъ, все превратилось въ свѣтъ чудесный, пріятный и восхищеніе охватило душу мою... Восторъ страшная тѣнь, обремененная сыростью, появилась, произволи грохотъ, при каждомъ движеніи извергая дымъ съ великимъ шумомъ, а изъ этого шума раздавался голосъ... голосъ свѣта, а онъ говорилъ слѣдующее слово!

Слово это неслося надъ влажною лучиною, отдѣлившись отъ себя чистѣйшимъ, легкимъ огнемъ уносившимся въ воздушную высь. Легкій вѣдухъ, подобный духу, занималъ средину между водою и огнемъ; земля и воды такъ тѣсно перемѣшались между собою, что и не было видно суши и частія земли ходили по водной поверхности наволакимы на нее словомъ и духомъ носившимися надъ перъ и тогда Пинандеръ сказалъ мнѣ: „появилъ-ли ты значенія этого зрѣлища? — Подумъ, отвѣчалъ я, а Пинандеръ продолжалъ: „Свѣтъ этотъ — я разумъ, Богъ твой, возрастаетъ дряхлѣе влажнаго дачла исходящаго изъ сумрака (тѣни, хаоса). Я — зародышъ разума, слово лучезарное, сынъ Божества. Послушай же меня: пойми и усвои

разумом то, что ты мыслишь и видишь, то в тебѣ слово Бога, то в тебѣ мысль, которая есть самъ Богъ. *Мысль и слово — неразлучны, нераздѣльны; сочетание же ихъ есть жизнь.* Размышляя о сѣбѣ и стараясь познать его.

— Долго умолялъ я духа показать мнѣ свѣтлое лице свое и когда онъ исполнилъ мое желаніе, въ мысль мою проникъ свѣтъ оруженный безчисленными силами, лучезарными и сіющими огнемъ самобытными. Объясняла отъ удивленія меня пробуждая Писания — словомъ своимъ: „Ты видѣлъ превосходство мысли надъ безконечнымъ началомъ.“ И спросилъ, откуда же вытекаютъ стихіи, составныя части природы? — „Изъ воли божіей“ отвѣчалъ онъ, „воли создающей свое совершенство и соединившей его и стихіями, и зародышамъ (начаткамъ) всего живаго. Разумъ, который есть Богъ, — оплодотворяетъ и зачинаетъ свѣтомъ и жизнью. Словомъ своимъ онъ же создалъ бога огня и бога духа; создалъ семерыхъ дѣятелей въ сферахъ своихъ удивляющихъ вещественный міръ и образующихъ совокупными силами дѣйствіями судьбу или предопредѣленіе. Отдѣляясь отъ стихій, слово божіе съ Богомъ соединилось, предоставляя дальнейшее твореніе и развитіе тварей ихъ собственнымъ средствамъ“ (1).

— Разумъ творческій и слово, увидя въ себѣ всѣ сферы, вращающіяся съ изумительной быстротою, и все зданіе міра вращающееся отъ своего начала до конца, не имѣя ни конца ни начала, такъ какъ послѣднее тамъ же гдѣ и первый. Отъ сочетанія этихъ сферъ, но ведѣ верховнаго разума, произошли стихіи и животныя, не одаренныя разумомъ, птицы послѣдція изъ воздуха, рыбы плавающія въ водахъ. Земля и вода отличаются одна отъ другой свойствами, дѣльными изъ разумахъ. Земля произвела четвероногихъ, змѣй, животныхъ дикихъ и домашнихъ, но Разумъ, отецъ всего живущаго, жизнь и свѣтъ создалъ изъ земли человѣка и позво-

билъ его какъ сына. Первозданный человѣкъ былъ красивъ, ибо походилъ на отца. Благоволи своему любимому созданію, Богъ отдать ему въ обладаніе все созданное. Но человѣкъ не довольствуясь этимъ, пидя творца въ созданіи, задумалъ творить самъ и сталъ проникать въ тайны міроздаиія и заимствовать у семи дѣятелей ихъ творческія силы, а для содѣлствія челоѣку явилось подобіе ему существо другого пола.... Изъ всѣхъ животныхъ земныхъ, только челоѣкъ одаренъ двойственнымъ бытіемъ: конечнымъ въ тѣлѣ, безконечнымъ въ душѣ. Ему, бессмертному подчинено все и его законамъ повинуются всѣ прочія живыя существа. Желая обладать верховными сферами, челоѣкъ подвергся тѣломъ сполнѣ общій участи всего живаго — смерти, но Богъ сказалъ ему: тебѣ дана частца моего разума и потому, вышій въ существѣ свое. Любовь къ тѣлесной оболочкѣ твоей души будетъ причиною смерти тѣлесной... Челоѣкъ, познавшій свое естество, списалъ бессмертіе; привязавшійся же къ тѣлу, былъ свергнутъ въ мракъ смерти.

Стало быть не всѣ люди одинаково одарены разумомъ божіимъ? спрашиваетъ Отецъ. Писандера.

Не всѣ, отвѣчалъ Писандеръ. И удостоенію многихъ собесѣдничествомъ и содѣлалъ только людей добрыхъ, чистыхъ, благочестивыхъ и святыхъ, къ которымъ Отецъ ласковъ и милостивъ. Они славнословятъ его гимнами, не страшатся смерти и чуждаются обманчивыхъ, чувственныхъ наслажденій; обманчивыхъ и смертоносныхъ. Для нихъ разумъ — часовая, охраняющій ихъ душу отъ свѣтей, разлагаемыхъ тѣлесными соблазнами. Я. Писандеръ, удалюсь отъ невѣжды, злыхъ, завистливыхъ, убійцъ и нечестивыхъ и отдаю ихъ дѣлову огню, ихъ показующему.

Но что же будетъ съ душою, которая покинувъ земную оболочку вознесется къ своему отцу? спрашиваетъ Отецъ.

— Оболочка ея, т. е. тѣло, утративъ свой видъ и со временемъ разрушится; чувства, когда-то живыя, возвратятся къ своему источнику и хотя отравленія ихъ не прервутся, но они уже будутъ лишены страстей и вожделѣній и разумъ вознесется на небеса и гармонически соединится съ ними. Душа пронесется чрезъ семь сферъ, оставивъ въ каждой изъ нихъ качества, ею усвоенныя во

(1) Вся платоническая догмата религіи Египта, приписываемые Гермипу Трисметисту сохранились въ теченіе вѣковъ до нашего времени и дошли въ сохранныхъ множествахъ ересей, особенно же ученію *платоническому*, *или платоническому*, *или платоническому* и некоторыхъ сектъ, какъ увидитъ читатель въ послѣдующихъ частяхъ нашего труда.

времени пребывания на землѣ въ тѣлѣ. Въ первой она оставитъ свойство расти и разрушаться; во второй склонность ко злу, обманамъ, прайдности; въ третьей, — побужденія чувственныя; въ четвертой, — честолюбіе; въ пятой, — выгомохріе, гордость, дерзость; въ шестой, — корыстолюбіе и жадность; въ седьмой, — ложь. Очипеленій, такимъ образомъ, духъ, со свойственными ему первобытными качествами и силою соединится съ духами чистыми, повидимому гинчи Создателя мірова, обрадующими силы Бога, чтобы соединиться съ Нимъ...

— Сказавъ это Ипчиперъ скрылся, а я (Оотъ) сталъ научать людей жить благочестиво и заниматься науками. Люди, говорилъ я имъ, живите потерпѣю, убѣгайте обжорства. Забѣвъ вы стрѣнитесь въ смерти, если имѣете возможность заслужить безсмертіе? Вѣрите мрамъ, вѣществу или свѣтъ не снѣтнанаго. Бѣгите порчи и шните безсмертія! Путеводитель и глава рода человеческого и укажу ему путь ко снѣтѣю и наполю слухъ его правилами мудрости.

Въ этихъ извлеченіяхъ изъ книгъ Гермеса-Трисмегиста заключается вся сущность религиозныхъ догматовъ и философія древняго Египта. Оставивъ грубое язычество простому народу, жрецы, въ теченіе многихъ вѣковъ, вырабатывали доктрину чисто спиритуалистическую и свято ее сохраняли, маскируя символами и аллегоріями.

Обязанность Оота земнаго или Гермеса Пенхонима (душеводителя), по сказаніямъ миселогіи, заключалась въ занисываніи допросовъ усопшихъ душъ въ области тѣней (*Анеати*). Изъ остальныхъ боговъ и богинь, или правилище, силъ и свойствъ *единнаго* божества, оипетворенныхъ въсколыми символами назовемъ: *Гопа* или *Джоспа* — силу; *Ноопа* — душу, *Сука* — время. *Оме* — истину или правдоудіе; *Ануке*-Весту, *Илуфи* или *Тне* — небо, *Гаооръ* — любовь, *Незау* — мудрость, *Канопе* — бога воды, *Гарискрата* — скромность, молчаливость, *Агре* — плодородную силу земли. Всѣмъ мірозъ, по понятіямъ египтянъ, управляли божественныя триады, небесныя и соотвѣствующія имъ земныя. (Взирьсь. Имята и Горусъ хранили повсемѣстно порядоки міра подлуннаго, составляя вночо сочетающее небо съ землею. Это были

всенародныя богатства Египта. Кромѣ того, у каждаго неба была своя триада, у каждаго города свой богъ-покровитель. Илуфису и Сате были подчинены Элефантинъ, Сіена, Вехе и все Нубія; Фре — Исабуль, Дерри и Амада; Фотѣ — Хирсе; Ануке — Маснакитъ; Оогу части Нубія-Хобель Аддъ и Давке; Олирсу — Давдуръ; Илтъ Филъ и т. д. Верховнымъ божествомъ міра былъ однакоже ипчипенно Аммонъ-Ра.

Верховнымъ божествамъ въ Египтѣ были подчинены ипчипия символически изображаемыя знаками зодіака. Въ каждомъ созвездіи такихъ божествъ находилось три; всѣ же тридцать шесть назывались *деканали*. Деканъ поневѣвалъ двухъ помощниковъ, а этихъ въ свою очередь поивновались пять прислужниковъ. Въ этомъ громадномъ логіонѣ второстепенныхъ божествъ все труднѣе гадать, звѣзды большой, средней и малой величины. Дѣленіе это поименовываетъ миселогическую астрономію индусовъ и черовъ. Каждый логанъ звѣздывалъ десятию градусами эклиптики, проходившими снѣвременно солнцемъ, реизованнымъ, такъ сказать, области декановъ. Послѣдніе въ минуту рожденія челоука своими сочетаніями съ прочими свѣтилми, предвѣщали счастливую или несчастную участь всей его жизни. Каждая изъ династій царствовавшихъ въ Египтѣ, имѣла своего декана. Ниже мы сообщимъ снѣвность декановъ династическихъ; теперь же, заключимъ перечень божествъ ипчипеніемъ животныхъ, рыбъ, птицъ, прерѣскавшихся и растений, служившихъ живыми символами въ миселогіи Египта. Быки, овцы, шакалы, конни, собаки, выдры: корнувы, бобы, журавли, утцы, турпаны (*Anas tadorna* L.) лжи и крокодилы, ользовались божественными именами во всемъ Египтѣ. Въ Оивандекой области высоко чтли орла и ипчевзона; въ городахъ посвященныхъ Гоу — крысу; землеройку — въ Буте; козу и дораду (рыба: *oryzias* *herring* L.) въ Кангоскъ; козла — въ Моидѣсъ, Фавіеъ, Панополісъ; обезьяну въ городахъ посвященныхъ Гермесу; ястребовъ — въ Гіеранополісъ; совъ — въ Сансъ; окуля (*regia hiatica* L.) въ Латополісъ; карша — въ Мисидотуъ; ичку — въ Оксиринхусъ; снара (рыба) въ Сіенѣ; коровъ и кошекъ — въ Мемфисѣ и Афродитополісъ. Кошка была вообще символомъ Илтъ, ипчипеніемъ — Тишанъ, крокодилъ — рѣки Илтъ, бобы и жукъ — снѣвнотъ (снѣвнотъ

баесть берет 1.) Ошипка и солнца. Изъ священных растений назовем лотусъ, папирусъ, макъ, полбу (Omba 1), поданы. дикумъ горчицу, акацію, лавръ и въ особенности — чеснокъ (Allium 1).

Перейдемъ къ символизму древняго Египта, которая послужитъ намъ истиннымъ къ ознакомленію со священными предметами или иероглифами.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Символика. — Особенности головныхъ уборовъ и ихъ значение. — Ключъ съ крестообразною бородкою. — Ошибки ученыхъ. — Могъ ли быть христіанскій крестъ символомъ у египтян? — Головные уборы богинь. — Боги и богини со змѣиными головами. — Символическіе змѣи. — Декалы-династии. — Распределение династій по знакамъ зодіака. — Астрономическія сочетанія. — Сабизмъ. — Языкъ египетскій. — Особенности словопроизведенія. — Примеры. — Три главныхъ нарѣчія.

I. Изображенія божествъ въ видѣ человеческихъ фигуръ съ особенными головными уборами: Два длинныя прямыя пера, лице синее: *Аммонъ-производитель* (на рисункѣ первая фигура вверху, слева) съ прибавкою одной буквы: *Мендесъ* или *Нанъ*.

Шапка узко надвинутая на голову; лице зеленое, тѣло спеленутое, въ одной рукѣ пшеница, другая опирается на столбъ со шпильками канителями: *Фтаа* (Геданетъ, Вудканъ, отовъ).

Голова безъ шапки, туловище дѣтское, но безобразное; вся фигура зеленая или желтая, стоитъ на крокодилѣ: *Фтаа-Сакхарио*, *Дига*.

Голова украшенная двумя изогнутыми перьями, два рога, въ рукахъ бичъ — тотъ же *Фтаа-Сакхарио*.

Прическа блѣлая, два козлиные рога, лице зеленое: на рогахъ

стоймя два асида, по срединѣ два прямыя пера. *Сунъ* (Хроносъ, Сатурнъ).

Лице зеленое, прическа пестрая, перо слегка изогнуто въ верхней части: *Джамъ* или *Роаъ* (Геркулесъ). Онъ же изображался въ пестрой охвѣтѣ, черной прическѣ и двумя прямыми перьями на головѣ.

Нюаъ (богъ луны) изображался четырьмя способами: 1) въ узкой черной или синей шапкѣ, увѣчанной полукривою съ дискомъ по срединѣ: съ заплетенной бечой закрученной за ухо; съ лицомъ зеленымъ. Изображеніе луны, въ видѣ мужчины или женщины, зависѣло отъ вида этой планеты: назывался *богомъ*, въ первую, которую четверть и при уперѣхъ, послѣдняя луна именовалась *богиней* (1). 2) фигура человеческая со скрещенными на груди руками; въ одной скипетръ или палочку, въ другой ключъ съ крестообразною бородкою. Страшная форма бороды, ключъ въ рукахъ идолотъ и на иероглифатъ египетскихъ, подавала поводъ къ весьма ошибочнымъ и смѣлымъ разсужденіямъ многихъ старинныхъ ученыхъ, а именно, будто бы *крестъ* былъ религиознымъ символомъ въ древнемъ Египтѣ. Если бы въ этихъ дѣлахъ истиннѣе заблужденіе очевидно не доходило до послѣднего, оно заслуживало бы серьезнаго опроверженія. Не беремъ на себя этого труда по той причинѣ, что со слѣдими не спорить о цифрахъ. Въ недавнее время одинъ французскій ученый (M. de Mortill.) написалъ пѣлую диссертацию: *о крестѣ, какъ религиозномъ символѣ, до христіанства* (?!), отвѣчать на которую можно многими словами:

— Если разуму и жизни человеческой положены преѣды, которымъ не можетъ переступить человѣкъ, за то заблужденію его границы не положено. Доказательствомъ чему можетъ служить вышеупомянутая диссертация. Мы далеки отъ того, иныи-иторскаго взгляда на религиозныя убѣжденія человѣка, но логическая ибритерпимость не можетъ простираться до того, чтобы подкапывать сума-

(1) Двойное названіе одной планеты, мужскимъ и женскимъ именами существовало и въ индусской мисологіи. См. Токъ I. Гл. IV, стр. 23.

сбродству. Намъ известно изъ исторіи Персіи, что тамъ, какъ и въ многихъ другихъ царствахъ древности, крестъ, т. е. дѣй до- ны или два столба въ видѣ креста сколоченныя, служили орудіемъ для истязаній: то же было въ древней Греціи, наконецъ въ Ри- мѣ. Свѣдѣніе міра запечатлѣвъ крестною своею смертію божествен- ное свое ученіе, кровавъ своею преобразилъ орудіе мученичества въ символъ спасенія, которымъ и значеніе послѣдователи его ученія, какъ означивались крестомъ первыя распространители хри- стианства. Неужели этотъ фактъ исторіи церковной и всемірной новостію для автора диссертации о *крестѣ до христіанства*? У насъ, въ Петербургѣ, въ сѣняхъ академіи художествъ есть гра- нитная египетская статуя, изображающая какое-то божество съ клю- чомъ въ рукахъ; борозда этого ключа *крестообразная*, по существу символическаго значенія ключа не въ его бороздѣ, а въ самомъ ключѣ, означающемъ время разлива и отлива рѣкъ Нила, какъ бы отмыкаемого и замыкаемого божествомъ. Значеніе ключа въ египетской символистикѣ, какъ видно, тоже невидѣмо нашимъ современникамъ *Геростратикамъ*, воображающимъ, что черковы Христову такъ легко уничтожить, какъ сжечь храмъ какой ни- будь Діаны Эфесской?... Збавіе слыши!

Третій родъ изображенія Бога Нооха сидящими на челнокѣ и окруженными облаками иконоcephалами: наконецъ—4) Нооха путе- водителя души (въ видѣ птицы) въ загробный обителі, представ- ляли держащими обѣими руками надъ головою красный дискъ и окруженными птицами съ человѣческими головами.

Головной уборъ: митра съ двумя привѣсками: тѣло снѣденное, въ рукахъ бичъ съ крѣпкомъ на концѣ — *Озирисъ*, царь подзем- ной обители (Аmenti).

Царскій посохъ (мистра) на головѣ, скипетръ въ рукахъ — египетскій *Марсъ* (рис. 5).

Фигуры чудовищной толщены. съ огромнымъ животомъ — *Ти- финъ* (смерть, божество злое и враждебное людямъ и богамъ).

II. *Особенности головныхъ уборовъ въ кулираго боинъ*:

На головѣ курица съ опущенными крыльями и перьями: лицо желтое: *Неина* (египетская Минерва). Ее-же, Нему — родительницу

изображали со испантомъ на головѣ, съ ястребомъ съ правой сто- роны и львиною головою — съ лѣвой.

Головной уборъ сипій, украшенный перомъ, лице желтое: *Оле* (правда или правосудіе).

Голова увѣнчанная алгаремъ, въ верхней части имѣющимъ видъ чаши: *Нефтида*.

Желтая, дуругалъ митра, лице красное: *Ануке* (Веста).

Два большіе рога съ дискомъ по срединѣ и аспидомъ на збу. *Изида*, сестра и супруга Озириса.

Діадима, украшенная разноцвѣтными листьями, лице желтое: *Тле* (Урація, богиня неба). Она же; въ видѣ лежащей длинной женской фигуры со сѣщенными руками и ногами; на туловищѣ пять дисковъ или звѣздъ.

Головной уборъ: ястребъ въ коронѣ, лобъ опоясанъ лентами. *Гаворъ* (Венера). Она же; 1) въ головномъ уборѣ состоящемъ изъ фигуры курицы, окруженной голубыми цвѣтами; 2) два рога съ краснымъ дискомъ по срединѣ, на шеѣ дощечка.

Перстень украшенный, въ верхней части, желтымъ; лице зеле- ное *Бута* (первобытный хаосъ). Ее же, какъ кормилицу богамъ изображаютъ въ видѣ женщины, дающей грудь двумъ крокодиламъ.

Царскій тронъ: *Изида*.

III. *Божества въ видѣ человѣческихъ фигуръ съ го- ловами животныхъ*:

Сипій овечья голова съ дискомъ и двумя перьями — *Юмтеръ* *Амлонъ*. Она же, зеленая, съ двумя длинными рогами, дискомъ и аспидомъ: *Амлонъ-Кнуфисъ*. Она же, съ длинными рогами, въ нихъ сосудъ со льющейся водою: *Кнуфисъ-Нилъ*.

Голова накала: *Анубисъ*, правитель ада.

Голова бегемота или гиппопотама: *Тифонъ*.

Голова крокодила съ бараньими рогами, дискъ и два пера или два аспиды: *Сукъ* (Сатурнъ).

Голова ястреба увѣнчанная испантомъ съ двумя нестрыми при- вѣсками: *Фети-Сакхарисъ*.

Она же, безъ украшеній: *Горусъ*, сынъ Озириса и Изиды. Увѣнчанная испантомъ съ желтымъ — *Горусъ-Арсези*; украшен- ная полумѣсяцемъ съ дискомъ и двумя аспидами: *Ноохъ-ястре-*
история религий, Т. IV

богавий; съ большимъ краснымъ дискомъ и аспидомъ: *Фре* (солнце);— съ дискомъ аспидомъ и двумя прямыми перьями: *Манду-Ре* (супруга Ахмона, природа);— на туловищѣ державецъ въ рукахъ сосудъ съ водою: *Герисса-Трисметистъ* (небесный Отецъ: наука, знаніе).

Голова ибиса: 1) два длинные рога, два аспидъ и ишметъ— *Отомъ* земной; съ подумасищемъ и дискомъ— онъ же, при сочетании съ луною; безъ украшеній, со скипетромъ оганичивающимъ перомъ: *Отомъ*, почитатель ишметъ, воздушной сферы. 2) на фигурѣ человѣческой съ дощечкой и ишметной тростинкой въ рукахъ: *Отомъ-Исигонилимъ* (душеводитель), записывающій грѣхи въ адекой обители (Аменты).

Голова питалицы или чибиса (*Vanga* L): богъ Бенно. Туловище ишметъ, выѣсто головы, жука стоящаго на заднихъ лапкахъ: *Оуре*, олицетвореніе бога Фгонъ; ишметъ фигурку жука зашвыляли пилотромъ или дискомъ съ двумя аспидами.

IV. *Фигуры богинь съ головами зѣврей*: львиная голова — богиня *Татисъ*; коровья голова, дыкъ и два изогнутыя пера: *Гаворъ* (Венера); астрелиная — на человѣческомъ туловищѣ державецъ въ рукахъ лукъ со стрѣлами: египетская Діана, богиня-родовспомогательница.

V. *Зѣврей — символы боговъ и богинь*: Городаята зѣврей на человѣческихъ ногахъ — *Кнуфисъ-таводэмонъ* (добрый гений, доиовный). Аспидъ узычанный ишметомъ — богъ воздуха. Быкъ съ дискомъ на рогахъ: *Анисъ*. Шакалъ съ бивнемъ въ рукахъ: *Ануписъ*. Олень, съ перьями на головѣ: *Алмонъ-Ра*;— съ дискомъ на головѣ: *Кнуфисъ*. Обезьяна кинокефаль, съ дощечкой и ишметнымъ приборомъ въ рукахъ: *Отомъ*: кинокефаль съ дискомъ или полумѣсяцемъ на головѣ: *Ноотъ*. Жукъ съ головою овна, двумя крестообразными ключами на рогахъ: *Кнуфисъ-Нилъ*. Истребъ со ишметомъ на головѣ: *Иева*, онъ же безъ украшеній: *Горусъ*;— съ дискомъ и аспидомъ на головѣ: *Фре*;— съ краснымъ дискомъ на головѣ, двумя аспидами, железомъ и ключомъ въ потѣхъ: *Герисса-Трисметистъ*;— въ четырехъ-угольномъ: *Гаооръ*;— въ ишметѣ, со многими приѣсками: *Фтѣа Сокхарисъ*... Бѣлый ибисъ: *Отомъ*; корова: *Гаворъ*.

Читатель не посѣтуетъ на насъ за этотъ длинный перечень символовъ древняго Египта: Знакома его съ этими знаками мы даемъ ему ключъ къ разясненію многихъ таинственныхъ рисунковъ, украшающихъ памятники, папирусы и гробницы мумій, которыми возоблужаютъ публичные музеи просвѣщенныхъ столицъ Европы, въ числѣ ихъ и Петербурга. Если всматривался въ таинственные египетскія ишметы, хоть на фрескахъ набережной у нашей Академіи Художествъ, или на гробницахъ мумій, находящихся въ Императорскомъ Эрмитажѣ, любознательный читатель нашъ угадывалъ смыслъ хотя бы двухъ, трехъ знаковъ, не въ правъ-ли мы будемъ тогда ожидать отъ него сознанія, что чтеніе предыдущихъ страницъ было для него не безъ пользы?

Деканы — боги звѣзды, образующіе знаки зодіака и составляющіе іерархію второсортныхъ божествъ, были признаны древними египтянами за покровителей царственныхъ династій, отъ Менеса до Лагидовъ включительно. Располагаетъ списокъ *декановъ-династовъ*, по порядку знаковъ зодіака, съ означеніемъ цифрами тѣхъ династій, которыя пользовались ихъ покровительствомъ. Напоминаемъ, что въ каждомъ созвѣздіи зодіака находилось три декана и нѣсколько помощниковъ этихъ послѣднихъ; пѣлымъ же созвѣздіемъ управляло особое божество и его супруга подчиненные непосредственно своему верховному повелителю — солнцу.

Созвѣздіе Водолея. 1) *Итио* — покровитель XIII, XXII, XXXI и XXXII династій. Его изображали окруженнымъ семью жолтищами человѣческими фигурами, узычаннымъ широкимъ лотомъ съ тремя аспидами; 2) *Азсу* или *Астиро* — женщина окруженная многими лѣбками (XIV, XXIII, XXXII и XXXIII династій); 3) *Итибиу* или *Итебиу-Атембуи*, покровитель XI, XXIII и XXIV династій.

Созвѣздіе рыбъ. 1) *Абиу* или *Абуи* (XVI, XXV, XXXIV династій) изображали въ видѣ челоѣка съ головою шакала, со скипетромъ въ рукахъ. 2) *Археманиасъ* — фигура съ головою шакала; покровитель XVII, XXVIII, XXXV и XXXVI династій. 3) *Атембуи*.

Созвѣздіе Овна. 1) *Шонтаре*: голова ибиса на человѣческомъ туловищѣ; головою уборъ — астребъ; въ рукахъ скипетръ...

Чаще всего, впрочем, этого Декана изображали въ видѣ бога Амона. Онъ покровительствовалъ I, II, XII и XX династиямъ. 2) *Шотакри* въ видѣ лотоса; покровитель II, III, XX и XXXIX династій. 3) *Секетъ*.

Созвѣздіе Тельца. 1) *Шауиъ*: телець увѣнчанный пернатою; покровитель IV, V, XX и XXXI династій. 2) *Вираозъ*: туловище человеческое, голова козляная со стоящею на рогахъ чашею, изъ которой выходятъ пять цвѣтковъ лотоса (V, VI, XXIII и XXXII династій). 3) *Ремфмаръ*: человекъ съ ястребиною головою увѣнчанною пернатою (VI, VII, XXIV и XXXIII династій).

Созвѣздіе Близнецовъ. Изъ трехъ декановъ этого созвѣздія, одинъ только *Теоэма* былъ покровителемъ VII, VIII, XXV и XXXIV династій.

Созвѣздіе Рака. *Сигъ* — геркофеаль (человекъ съ ястребиной головою), увѣнчанный дискомъ съ урной въ рукахъ, покровитель II, XI, XIII и XXIX династій.

Созвѣздіе Льва. 1) *Шариули* — фигура человеческая съ козлиными рогами въ пернатѣ съ двумя асидами; въ рукахъ жезлы; деканъ: I, III, XII, XIII, XIV, XXX и XXXI династій. 2) *Тене* или *Сихиеръ* изображаемый въ видѣ Гарнократа (V, XIV, XV и XXX династій).

Созвѣздіе Двоя. Мзастукати: голова съ козлиными рогами съ двумя древесными листьями (VIII, XVII, XVIII и XXXV династій).

Созвѣздіе Висовъ. 1) *Шинаъ* — голова ястреба, дискъ окаймленный аспидомъ (II, X, XIX и XX династій)... 3) *Шотмаръ*: двуглавая человеческая фигура на чудовищѣ, состоящей изъ туловища свиньи со львиными лапами и скворцовою хвостомъ (IV, XXI, XXII и XXVI династій).

Созвѣздіе Скorpionа. 1) *Семхиеръ* увѣнчанъ пернатою, въ лѣвой рукѣ посохъ, въ правой урна (IV, XIII, XXII и XXIII династій). 2) *Сезле*: изображался тремя вертикальными полосами, пересѣченными одною горизонтальною; сверху человечески руки и голова (V, XIV, XXIII и XXIV династій).

3) *Сисле* — обезьяна надъ скorpionомъ (VI, XV, XXIV и XXV династій).

Созвѣздіе Стрѣльца. 1) *Реоно*. *Рено* или *Реоии*: безголовая человеческая фигура (VII, XVI, XXV и XXVI династій). 2) *Сезле II* или *Сисилъ*: геркофеаль съ дискомъ на головѣ (VIII, XVII, XXVI и XXVII династій). 3) *Нюлне* — фигура увѣнчанная аспидомъ (IX, XVIII, XXVII и XXVIII династій).

Созвѣздіе Козерога. 1) ? (неизвѣстенъ). 2) *Сро* или *Энапосъ*: фигура съ ястребиною головою въ пернатѣ (XI, XX, XXXIX и XXX династій). 3) *Исро* (XII, XXI, XXX и XXXI династій).

Изъ этого списка видимъ, что многія династіи пользовались покровительствомъ нѣсколькихъ декановъ; а изъ послѣднихъ нѣкоторые покровительствовали многимъ династіямъ. Иерцы — астрологи, отъ глубочайшей древности до кончины царства Египетскаго, составляли геросконы не только династій фараоновъ, но каждого царя, царскихъ жещъ и дѣтей. Деканъ, подъ звѣздою котораго рождалась особа царскаго семейства, признавалъ ее покровителемъ на всю ея жизнь. Эта тѣсная связь вѣроуаній астрологическихъ съ религіозными, существующая во всѣхъ религіяхъ древняго міра, составляетъ основной догматъ *сабилизма*, т. е. поклоненія свѣтлымъ небеснымъ. Этому любимому предмету мы посвящаемъ сдѣлающую часть нашего труда, теперь же займемся другъ: въ назидательныхъ и любознательныхъ, именно священныхъ писаніями жрецовъ египетскихъ, такъ называемыхъ — *иероглифовъ*.

Корень египетскаго языка неизвѣстенъ. Находясь на этомъ языкѣ встрѣчается на древнѣйшихъ памятникахъ. Египтяне и Нубіи — и если языкъ, вѣрнѣе съ переселеніемъ народа распространился отъ верховьевъ къ истоку Нила, то несомнѣнно, что корень его должна быть въ той же Нубіи. Въ извѣстныхъ наука до нынѣ, однако же, остались неясными и египтяне когда вымѣтъ уфійягелъ уфійягелъ. Между языками древней Азии и Африки, египетскій совершенно особенный, слѣдъ котораго египетскій *контекст* не встрѣчается ни въ одномъ изъ живыхъ вѣрнѣйшихъ этихъ странъ, но замѣтенъ въ древнихъ *иероглифъ* халдейскомъ, иу-

действом и нравискомъ: неизбежное слѣдствіе близкихъ сношеній между этими странами. Между нынѣшнихъ континентъ и древнимъ египетскимъ языкомъ существуетъ близкое родство, что подтверждается изысканіями Шамполіона младшаго — разница только въ письменахъ: первобытными знаками были іероглифы, замѣненные, въ послѣдствіи, буквами алфавита греческаго, съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ изъ общепарадной египетской азбуки, и нынѣшній континентъ языкъ есть древній египетскій, выраженный вмѣсто іероглифическихъ знаковъ буквами греческой азбуки. Такъ письменный языкъ, выраженный буквами готическими или латинскими, въ сущности одинъ и тотъ же.

Грамматика древняго египетскаго языка могла предохранить его отъ порчи и искаженій, но она не могла устранить введеніе въ разговорный и письменный языкъ словъ иностранныхъ, именно изъ языковъ тѣхъ народовъ, съ которыми египтяне имѣли политическія или торговыя сношенія. Во второй періодъ своего существованія египетскій языкъ, приливъ въ употребленіе иноземныя слова, не подчинилъ ихъ однако же правиламъ своей грамматики. Слова греческія примѣшались къ египетскому языку во время греческаго владычества; техническіе термины учреждений правительственныхъ были приняты въ ихъ настоящемъ значеніи; при Птоломахъ стали употреблять македонскія названія мѣсяцевъ; на памятникахъ греческія слова начертывались буквами египетскими. Египецъ подпалъ подъ власть Рима и лѣтъ черезъ сто послѣ этого пропавшее въ эту страну ученіе Христіанское, распространенія новыя невѣдомыя идеи, должно было для выраженія ихъ ввести новыя, невѣдомыя слова. Книги, которыя переводились тогда въ назиданіе ученикамъ Евангелія, съ греческаго языка на египетскій, были наполнены заимствованиями и цѣлыми греческими фразами, переселити которыми на языкъ египетскій было не подъ силу переводчику. Вліяніе одного языка на другой было, такимъ образомъ, двойное....

Мы выразятъ изложимъ главныя правила египетской грамматики и синтаксиса, каковыми они были въ глубочайшей древности (1).

Въ *первообразныхъ* своихъ словахъ, языкъ египетскій односложенъ; это правило — безъ исключенія и можно сказать положительно, что всякое слово, состоящее изъ двухъ или болѣе слоговъ есть — *сложное*.

Изъ первообразныхъ или корневыхъ словъ, слагаемыхъ выѣтъ или измѣненныхъ въ окончаніи, образуются слова производныя, выражающія мысль полную. Правила для составленія производныхъ словъ единообразны и неизмѣнны. Первобытныя слова съ измѣненными окончаніями можно назвать *корневыми* — *вспомогательными*; производныя же слова дѣлятся на два разряда: 1) слова состоящія изъ сочетанія двухъ корней; 2) изъ нѣсколькихъ корневыхъ-вспомогательныхъ. Смыслъ корневыхъ слова можетъ измѣняться, до сорока двухъ разъ, выражая оттънки одной и той же мысли. Такимъ образомъ отъ одного и того же корня можно получить, кромѣ именъ существительныхъ и прилагательныхъ, — глаголы, причастія и дѣяприсчастія.

Въ словосочиненіи или синтаксисѣ египетскомъ, точно также какъ и во французскомъ, соблюдалась строгая логическая послѣдовательность; предложенія связаны между собою предлогами, союзами; въ каждомъ, непременно есть: подлежащее, сказуемое и связка.

Однѣ изъ отличительныхъ особенностей древняго египетскаго языка — *ономатопей*, т. е. изобиліе словъ звукоподражательныхъ: свойство всѣхъ первобытныхъ языковъ земнаго шара. Имена звѣрей, наприкладъ, дапы были въ подражаніе ихъ крику. Кошку называли: *мун*, быка: *эге*; осла: *и* — *о*; лягушку — *крурэ*; пия: *бурова*; *рурэ*; птицу удода: *петепенэ*; змѣю: *аффо*, *аафэ*. Звукоподражанія придерживались и въ названіяхъ предметовъ неодушевленныхъ и при выраженіи дѣйствій въ глаголахъ. Наприкладъ: звать — *зэнзэнэ*; плавать — *фаетфетэ*; жевать — *уджуджэжэ*; ударять — *килэ*; кивать — *кем-кемэ*; шумѣть — *крезкрезэ*; скрежетъ зубовъ — *креджераджэ*; капать — *теметель*; звонко: *икелкики*; глотать — *омкэ*; тереть, гладить: *роджердэжэ*; хлѣбѣть — *жержерэ*; дуть — *нефэ*, *нифе*.

(1) Champollion Figéac. L'Égypte ancienne. Paris 8° 1847, édition Firmin Didot. p. p. 244 et seq.

Отъ звукоподражанія, египтяне перешли къ *уподобленію*, стараясь опредѣлить свойства предмета или дѣйствія слогами мягкими, плавными; или, наоборотъ, рѣзкими, огрызистыми. Такъ: мгновеніе выражалось словомъ *су-су*; голосъ — *уо*; встать, хватить — *шу-шу*; разрушать — *шершора*; радоваться — *лу-ми*. При дальнѣйшемъ развитіи языка, названія предметовъ и качествъ міра послужили для выраженія идей отлеченныхъ и качествъ умозрительныхъ. Для приѣма беретъ два слова *гетъ* (сердце) и *тотъ* (рука). Словомъ *гетъ* называли и сердце и душу, умъ; прилагая къ нему коренные слоги, египтяне формировали слѣдующія слова: *гет-шетъ*, буквально: малое сердце, т. е. трусливый, подлый (на русскомъ у насъ: мало-душный); *гариш-гетъ*: тяжелое, медленное сердце (геришлый; *саси-гетъ*: высокое сердце (гордый); *сгаб-гетъ*: слабый, дряблый сердце (застѣнчивый); *гет-снау*: двухсердечный (нервительный); *там-гетъ*: твердый сердце (упрямый); *уол-гетъ*: гризущій свое сердце (раскаивающийся... Какая аналогія съ нашимъ словомъ: угрызеніе совѣсти); *ат-гетъ*: безсердечный, безумный. Прибавляя къ этимъ прилагательнымъ частицу *метъ* получали имена существительныя, означавшія эти добродѣтели или пороки. *Мет-гет-шетъ*: трусость; *мет-саси-гетъ*: гордость, высокомеріе; *мет-сгаб-гетъ*: застѣнчивость и т. д. Затѣмъ, какъ много глаголовъ отъ того же самого корня: *эн-гетъ*, буквально: чувствовать приступъ ума, т. е. размышлять, думать; *ка-гетъ* — одать сердце: довериться; *лех-гетъ*, наполнить сердце: удивляться.

Изъ произшедшихъ словъ отъ корня: *тотъ* (рука), узнаемъ на два глагола: *ти-тотъ* — дать руку, помочь и *хи-тотъ* — приложить руку, вѣчать. Кроме того, многія слова, заимствованныя изъ міра вещественнаго, служили для выраженія чисто отвлеченныхъ понятій, наприѣръ: *омер-бали* — острый глазъ, причесанный взглядъ, въ смыслѣ переносномъ означалъ человека безстыднаго; *бали-итъ*, слово въ слово: душа въ глазахъ, т. е. яроостуденный, откровенный; *наит-матъ*: твердо — шейный, крѣпко — вышій, т. е. упрямый.

Эти особенности древняго египетскаго языка пѣтуютъ во многихъ чертахъ разительное сходство съ нашимъ славянскимъ и нынѣшнимъ русскимъ языкомъ. Изъ примѣровъ, приведенныхъ Шампольономъ Фижакотъ, мы именно выбрали тѣ, которые въ буквальной переводѣ на русскій языкъ имѣютъ тоже самое значеніе, какъ и на древнемъ египетскомъ.

Древнѣйшимъ нарѣчіемъ было *саидическое* или *нильское*; за нимъ слѣдовало *мемфисское*, замѣненное впоследствии *башмурическое* или *файумское*. Нарѣчія отличались другъ отъ друга въ выговорѣ духъ, трехъ буквъ или правилѣ въ переходѣ нѣкоторыхъ твердыхъ гласныхъ и согласныхъ въ мягкія. Такъ у нашихъ белорусовъ и малороссовъ: *ь* переходитъ въ *и*; *ф* и *в* въ *у*, твердое *г* въ гортанное *га* и т. п.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Иероглифы. — Начало письма. — Знаки фигуративные. — Символы. — Знаки фонетическіе. — Письмена иероглифическія и демотическія. — Буквы. — Открытіе ключа къ чтенію иероглифовъ. — Шампольонъ младшій. — Клеменъ Розетти. — Полная иероглифическая азбука. — Образчикъ иероглифическаго письма и его разборъ.

Древнія египетскія письма извѣстны подъ названіемъ *иероглифовъ*, т. е. священныхъ знаменъ или священныхъ буквъ, изсѣченныхъ на камнѣ. Смыслъ ихъ не всегда однозначенъ и по очертанію своему они дѣлятся на три разряда, показывающіе начало и постепенное усовершенствованіе графической (грамматной) системы. Что провсходитъ на нашихъ глазахъ у народовъ. Поистѣ Свѣта даетъ намъ довольно близкое понятіе и о древнемъ мірѣ, какъ тамъ возникла идея — знаками выражать устную рѣчь. Какъ и съ чего началась грамотность?

Всего прежде видимые предметы обратили на себя вниманіе человека. ИСТОРИЯ РЕЛИГИЙ Т. IV

ловьяка; онъ всмотрѣлся въ ихъ очертаніе и, желая передать о нихъ понятіе или сохранить ихъ въ памяти, онъ рисовалъ эти предметы и каждый рисунокъ былъ такимъ образомъ буквою, буквою *фигуративною*, изображающую только предметъ, но не идею съ нимъ связанную. Таковы были знаменитыя дикіе племена Океаніи, точно такъ же они были въ древнихъ Перу, Мексикѣ и Бразиліи.

Неудобство этого рода письма не замедлило вскорѣ обнаружиться. Изображая напиримѣръ человѣка, давали понятіе общее о существѣхъ человѣческаго рода вообще, а не объ отдѣльности каждаго-либо индивидуума; тоже затрудненіе встрѣтилось и при графическомъ (письменномъ) означеніи мѣстностей. Необходимость означенія отличительныхъ чертъ отдѣльныхъ личностей или мѣстностей привела къ изобрѣтенію особыхъ знаковъ, замѣстовавшихъ ихъ физическія свойства отдѣльныхъ лицъ, или удобовѣщавшихъ ихъ физическія свойства предметовъ. Эти знаки, уже не фигуративные, были чисто символическими, а потому этотъ разрядъ буквъ называется *тропическими* или *символическими* и служилъ дополненіемъ чисто іероглифической азбуки. Мы видимъ (1) мексиканскія письма, заключающія перечни именъ и мѣстностей: люди означены изображеніемъ человѣческой головы (знакъ фигуративный) съ начертаннымъ около рта изображеніемъ какого нибудь предмета или окружающаго природы или домашнего быта (знакъ символическій). Такого рода письма выражаютъ, что такой-то человѣкъ назывался жабѣю, волкомъ, черепашкою, столбомъ, палкою; или нарицательное замѣняло собственное. Для названія городовъ мексиканцы изображали въ четырехугольникахъ: зѣбѣй, рыбѣ, черепахѣ и т. н., выражая этимъ, что такой-то городъ называется зѣбѣинымъ, рыбѣинымъ или черепашинымъ.

Переходъ отъ изображенія предметовъ видимыхъ къ изображенію предметовъ отвлеченныхъ было исполненнымъ шагомъ въ развитіи ума челоѣческаго, но древніе изобрѣтатели письма совершили и этотъ подвигъ. Знаками же они выражали идеи о бож-

ствѣ, о душѣ, о страстяхъ челоѣческихъ. Хотя знаки эти были часто произвольными или условными и заимствованными изъ божества или менте ибріной аналогіи между міромъ вещественнымъ и умо-зримымъ... Такъ, напиримѣръ, фигурою *льва* выражали идею о *силѣ*. Этотъ новый родъ буквъ, называемыхъ *значительными* (загадочными), употребили въ своихъ письменахъ китайцы и древніе египтяне. Вся система, состоящая изъ трехъ вышеупомянутыхъ разрядовъ письма, называется *идеогрфическою*, т. е. выражающею понятіе о предметахъ, по отнюдь не звуки словъ, которыми предметы эти называются. Эти письма были той же живописью, при которой стѣ вѣрности и правильности рисунка зависла передача болѣе или менте ибріной и правильной понятія о предметѣ и его свойствахъ.

Подобная система письма пригодна была изобрѣтшему ее народу, только въ тѣхъ случаяхъ, когда мысли, выражаемыя письмомъ, не слѣдовало сохранять въ тайнѣ отъ лицъ постороннихъ или народовъ, имѣвшихъ другой языкъ. Лишь только обнаружилась потребность выражать понятіе своему народу о народѣ иностранномъ, или называть ему личности, ему неизвѣстную, тогда всѣ знаки—фигуративные и символическіе оказались недостаточными и слѣдовало приискать новый способъ для письменнаго выраженія *звуковъ*. Это былъ послѣдній шагъ, развивавшейся и совершенной къ преуславленію грамотности.

Азбука обогатилась новыми буквами, или знаками *фонетическими* (звуковыми). Изобрѣтеніе ихъ было не трудно: стоило только изъ фигуративныхъ знаковъ выбрать тѣ, которые изображали предметъ, на разговорившихъ языкѣ выражаемый особеннымъ звукомъ или слогомъ: напиримѣръ, солнечный дискъ назывался *ре*, и самый этотъ іероглифъ послужилъ для выраженія звука — *ре* и т. д. Китайцы придерживаются до нынѣ этого же самаго *силлабическаго* (слогового) способа для выраженія письменными словами и именъ на ихъ языкѣ неизвѣстныхъ. Египтяне, зная же самымъ путемъ, дошли до системы *алфавитной* (буквенной), которую и ввели въ свою азбуку. Въ сгестѣхъ іероглифическихъ писемъ, необходимо обратить вниманіе на двѣ особенности: 1) на очертаніе знаковъ трехъ разрядовъ письма, т. е. *идеоглифическаго*,

(1) Слова Шамполліона: l'Égypte ancienne, pp. 219 a—et seq.

иератическою и *демотическою*; 2) на значение каждого знака отдельно: *фигуративнаго, символическаго и фонетическаго*.

Собственно, такъ называемыя, иероглифическія письма, состоятъ изъ изображеній предметовъ міра вещественнаго, какъ-то звѣдей, звѣрей, растений, геометрическихъ фигуръ и т. п. изображеній, слегка очерченныхъ или тщательно нарисованныхъ, даже раскрашенныхъ, смотря по важности монумента или священнаго предмета, на которомъ сдѣлана иероглифическая надпись. Подобныхъ зна-ковъ въ египетскомъ языкѣ было до восьми сотъ.

Письмена *иератическія* можно назвать сокращеніемъ иероглифовъ (тахиграфіей). Послѣдніе грѣбали отъ песка извѣстной степи узлы въ вѣдѣхъ рѣшотъ или кистей, что для многихъ было затруднительно. Иератическія письма составлены изъ сокращенныхъ, такъ какъ азбука ихъ была составлена изъ сокращенныхъ знаковъ иероглифическихъ, въ родѣ того, напримѣръ, что вмѣсто цѣлой фигуры льва, въ иератической азбукѣ изображалась только задняя ея часть... Понятно, что число знаковъ иератическихъ, со-отвѣствовало числу иероглифовъ.

Письмена *дилотическія* (общенародныя, скорописныя) подобно иератическимъ были сокращеніемъ иероглифовъ, но *число знаковъ для азбуки было меньше*. Разницу между тремя разрядами писменъ, ближе всего можно сравнить съ существующими на всѣхъ европейскихъ языкахъ шрифтами: печатнымъ, рукописнымъ и стенографическимъ.

Изъ всего предидущаго видимъ, что три рода писменъ, въ сущности, въ теоріи были одни и тѣ же и отличались другъ отъ друга только при практическомъ примѣненіи. Иероглифы употреблялись для надписей на монументахъ, на стѣнахъ храмовъ, гробницъ, зданий, даже на утвари и домашнихъ орудіяхъ. Послѣднее обстоятельство служило опроверженіемъ тому распространенному вѣ-рью въ просвѣщенномъ мірѣ, будто иероглифы были достояніемъ только жрецовъ, не допускавшихъ до нихъ изученія людей, непо-священныхъ въ ихъ таинства. Иератическія буквы скорее, нежели иероглифы, были исключительною собственностью жреческой касты, писавшей ими священныя книги, храмовыя акты, документы, уче-

ныя сочиненія. Третій родъ писменъ, легчайшій и общедоступный, употреблялся въ обществѣ. Святой Климентъ александрійскій го-воритъ, что египтяне обучались грамотѣ, начинали съ писменъ де-мотическихъ, затѣмъ переходили къ *иератическому* и оканчи-вали *иероглифами*: гордою совершенно противоположный хро-нологической послѣдовательности изобрѣтенія писменъ, но весьма удобный для учащагося. Въ одномъ и томъ же манускриптѣ встрѣ-чаются иногда всѣ три рода письменныхъ знаковъ.

Фигуративныя знаки, изображающіе предметъ, давали о-немъ при томъ понятіе безъ переносаго смысла. Фигуры льва, ло-шадъ, гробницы, обелиска и т. п. прямо выражали мысль и значе-нію фигуративныхъ знаковъ не подлежитъ иному истолкованію.

Символическія. троичныя, или эпитимическія знаки, вы-ражали мысль отвлеченную изображенною рисункомъ предмета, взя-таго изъ міра вещественнаго, смотря по болѣе или менѣе близко-му соотношенію одной съ другою. Такъ *пчела* была символомъ цари и его власти; *воздѣтныя руки* — символъ приношенія; *сосудъ съ истекающей водою*: возмѣненіе и т. д.

Фонетическія знаки выражали звуки разговорнаго языка и назначеніе ихъ было то же что назначеніе буквъ въ азбукахъ всѣхъ народовъ...

Отличіе иероглифовъ отъ европейскихъ писменъ состоитъ въ томъ, что въ одной и той же фразѣ употреблялись знаменъ и буквы всѣхъ трехъ разрядовъ писменъ; мы же употребляемъ только знаки фонетическія. Не смотря на эту кажущуюся запутанность иероглифическое письмо было понятно всѣмъ и каждому. Для при-мѣра возьмемъ фразу: *Богъ создалъ людей* и выразимъ ее пу-темъ иероглифическимъ. Первое слово изображалось однимъ изъ символовъ божества (змія, лстребъ, быкъ, овенъ, жукъ, ибисъ и т. п.); второе слово: *создалъ* выражалось знакомъ звуковымъ (фонетическимъ); третье слово: *людей* — человѣческою фигурою съ тремя точками надъ головою (знакъ множественнаго числа).

Съ хорошей памятью ученику не трудно было запомнить значе-ніе буквъ или изображеній фигуративныхъ, а равно и символиче-скихъ, что же касалось до знаковъ звуковыхъ (фонетическихъ), имъ обучали въ Египтѣ по нижеслѣдующему способу:

Привыкнувъ къ идеографическому письму, живописца мысль знаками, не передавая звуковъ, египтяне не могли сразу перейти къ употребленію простыхъ буквъ, подобныхъ буквамъ нашихъ азбукъ. Комбинируя новыя знаки съ прежними, т. е. очертаніями фигуръ предметовъ, они не оставили перьобытныхъ писемъ, но раскладывая на особые слоги и звуки слова своего языка, египтяне рѣшили выражать гласный или согласный звукъ фигурою того предмета, начальный слогъ имени котораго соответствуетъ звуку; напримеръ: *Аюмъ* (орелъ) изображалъ букву—*А*; *бербе* (жаровня)—букву *В*; *томъ* (рука)—*Т*; *келебизъ* (топоръ)—*К*; *муриди* (говя)—*М*... и т. д. выбирая рисунки предметовъ самыхъ обыкновенныхъ, общедѣльных. Замѣчательно, что эта система *фигуративной* азбуки, съ незначительныхъ презентъ, существуетъ у всѣхъ европейскихъ народовъ. Изъ чьей читатель можетъ убедиться взявъ въ руки любой дубовый букварь, въ которомъ на первыхъ же страницахъ найдешь: *А*—съ изображеніемъ араба, вербуса или апанаса; *В*—барабана, бѣлки; *В*—кошка, вазы, ворота и т. д. Занимательное это или видуха нужды—повсемѣрно одинаково изобрѣтательная? Вопросъ, на который стоило-бы обратить вниманіе ученымъ филологамъ.

Въ египетской звуковой азбукѣ было нѣсколько знаковъ *и-пофигуративныхъ* (выражающихъ одинаковый звукъ), и это было нѣобходимостью къ вымѣнѣхъ, въ которыхъ сочетаніе и расположеніе знаковъ дѣлались по правиламъ ввѣщенныхъ приличіемъ, требованіями илищаго звука страны, въ которой на памятникахъ и общественныхъ зданіяхъ были начертаны описанія подвиговъ царей, молитвы и г. и. Понятно, что въ послѣднихъ случаяхъ рисунки предметовъ изображавшихъ звукъ должны были быть емѣхъ много ра-бѣра, нежели въ писемнахъ обыкновенныхъ. Звукъ *и*, напримеръ, выражавшійся въ обыкновенной фигуративной азбукѣ фигурою осла, при выраженіи звуковомъ, въ имени бога или царя, замѣнялся другою, бѣдѣе причиною фигурою или знакомъ. Такимъ образомъ, звуковые знаки всегда соотвѣтствовали предмету написи на зданіи или памятникѣ.

Обрѣтеніе иероглифической азбуки было важною, великою эпохою въ исторіи науки... Честь эта принадлежитъ Франціи, въ

лицѣ незабвеннаго — *Шамполіона младшаго* (умершаго въ 1832 году). Подробный расказъ о томъ, какими путями онъ достигъ до этого великаго открытія, заслуживаетъ вниманія каждаго просвѣщеннаго человѣка и мы передаемъ его со словъ его брата, Шамполіона Флѣана (*).

Выучиться какому нибудь неизвѣстному языку можно только при помощи истолкователя, т. е. живаго человѣка, книги или рукописи. Истолкователемъ писемъ древняго Египта для Франціи былъ знаменитый камень розеттскій, съ тремя надписями одного и того же содержанія, на языхъ *греческомъ* и *египетскомъ*, буквами: *греческими*, *иероглифическими* и *демотическими*. Первыми были начертаны персѣю подлинника выраженного двумя разнородными письменами. Надпись на камнѣ Розетты была обнаружена и восторженно принята ученымъ міромъ, но смыслъ ея былъ понятъ послѣ двадцатилѣтнихъ трудовъ и ключемъ къ переводу послужили Шамполіону нижеслѣдующія данныя:

1) Изъ греческаго текста надписи розеттской видно было, что онъ состоитъ изъ похвального манифеста жрецовъ Птолемею Эпифану; 2) имя этого царя и многіе другія собственные имена неоднократно въ немъ встрѣчаются; 3) смыслъ иероглифической надписи былъ понятъ изъ греческаго текста; но имена собственные выражены были знаками звуковыми; 4) до этихъ звуковыхъ знаковъ необходимо нужно было доискаться. Тогда исматриваясь въ надписѣ Шамполіонъ замѣтилъ въ ней группы знаковъ окаймленные эллиптическими рамками; группы эти повторялись неоднократно, столько же разъ, сколько повторилось имя *Птолемея* въ греческомъ текстѣ. Французскій ученый угадалъ—5) что знаки въ рамкахъ изображаютъ имя царя знаками *звуковыми* и принялъ первый знакъ за букву *П*, второй за *Т* и т. д.

При этомъ встрѣтились большія затрудненія. Родился вопросъ, дѣйствительно ли эти знаки выражаютъ имя Птолемея или нѣтъ? Въ первыхъ случаяхъ слѣдовало убедиться въ истинѣ, примѣняя обрѣтенныя буквы къ прочимъ именамъ собственнымъ, начертан-

(*) L'Egypte ancienne p. p. 222 b—et seq.

ныть греческими и иероглифическими письменами. В греческом тексте розеттской надписи, было много собственных имен, но в соответствующих местах иероглифический текст был поврежден, а потому и не было возможности сравнить один с другим... Пришлось оставить безплодные попытки и терпеливо ждать повторных открытий.

Верхотой столб и обелиск, найденный в Хиле знаменитым *Беллзони*, проливал желанный светъ на изученіе египетической грамоты и привели Шампольона къ окончательному и вѣрному разрѣшенію вѣковой загадки, задаваемой древностью грядущему потомству. Надписи на столбѣ и на обелискѣ были то же на двухъ языкахъ: на греческомъ и египетскомъ; послѣдняя надпись египетскими. Въ ней были замѣчены точно такіе же окаймленные группы знаковъ, какъ и на надписи розеттской и именно на строкахъ, соответствующихъ именамъ Птолемея и Клеопатры въ греческомъ текстѣ. Первое имя было изображено точно тѣмъ же знаками, какъ и на камнѣ Розетты. Что вторая группа знаковъ изображаетъ имя Клеопатры, къ этому убѣжденію пришли, слѣдая буквы въ имени Птолемея, причемъ оказалось, что первый знакъ или первая буква въ его имени приходилась птолоу въ египетскомъ;

1 2 3 4 5 6 7 8 4 7 3 1 2

вторая — седьмой; четвертая — вторую (Птоломей — Клеопатра). Таким образом известное уже число букв обогатилось обретеніем новых трех, что съ прежними составляло почти половину фонетической азбуки. Съ этого времени, припавъ за правило, что *на монументальныхъ надписяхъ, группы геролифовъ, обнесенныя рамками, суть собственные имена*, Шамполлионъ, благодаря своему продолжительному уму, терпѣнію и предѣланию, составилъ постепенно полную фонетическую (звуковую) азбуку древняго Египта. Таинственный покровъ — это Изидино покрывало было наконецъ сорвано съ безсмертнаго царства фараоновъ... Какіихъ еще услугъ наукъ въ правѣ быть ожидать ученымъ міръ отъ Шамполлиона. какиихъ еще открытіями онъ обогатитъ бы исторію и археологію, если бы преждевременная смерть не похитила его у Франціи и у всего человечества! Какъ будто въ жизни хотѣла отомстить человѣку, проникавшему въ ея тайны

или по крайней мере паршившему въковое безмозлье Египта и заставившему заговорить его камни. Санскский ююпта, у Пинлера, сорвать покрывало Иизды и опѣмѣть... такъ и Шамполіонъ, открывшій тайны Египта, отомнувший уста его гранитныхъ кумировъ, — самъ навѣенъ сомкнулъ уста. Разумъ человѣческій въ лицѣ многихъ искотѣній, подобно народу израильскому, пытался проникнуть въ область древней исторіи, до открытій Шамполіона недостижимую, блуждалъ въ цугствѣ догадокъ и вреднодоженій... овъ, какъ новый Моисей, довелъ паугу до рубежа обывающей земли и почилъ на этомъ рубежѣ, исполнивъ высокое свое назначеніе!...

Платовъ, Тацитъ, Плиніи, Плутархъ, Діодоръ Сицилійскій и Варроутъ принимаютъ Египту честь изобрѣтенія буквъ или письменныхъ знаковъ; этого не отрицаетъ и современная историческая критика... Но когда именно возникла грамотность въ Египтѣ, гдѣ первые шаги, гдѣ путь, по которому она въ теченіе многихъ вѣковъ шла къ усовершенствованію? На эти вопросы еще нѣтъ пріямыхъ отвѣтовъ. Пирамиды Мемфиса были сооружены въ тѣ времена, когда письмена еще не были изобрѣтены, они появляются только при XVI династіи, за 2,300 лѣтъ до Р. Х., по сѣ этого времени до покоренія Египта римлянами остаются безъ измѣненій.

На прилагаемом рисунке (рис. 2) изображена *египетская азбука*, составленная Шамполлионом. В первой графь буквы греческого алфавита, во второй *знаки демотические* (письменные), в третьей *иероглифы*. С помощью этого ключа, можно разобрать надписи на древних египетских памятниках, т. е. читать их вслух с правильным выговором. Напоминаем читателю, что это иероглифы фонетические, т. е. передающие звуковое сочетание букв в словах, как ноты сочетание звуков в музыкальных аккордах.

Письмена почти всех народов востока начертываются и начертывались обыкновенно *от правой руки к левой*; египетские же иероглифы писались справа влево и с левой направо; от второй же руки следовало читать, в ту сторону были обращены головы человеческих и звериных фигур на надписи.

Прилагаемый весьма древний иероглифический рисунок (рис. 3) может служить образчиком письма и вместе с тем и их чтений.

Въ двухъ строкахъ, какъ видитъ читатель, восемь группъ соединенныхъ знаковъ и четыре знака отдельныхъ. Головы фигуръ человеческихъ и животныхъ *обращены вправо* — следовательно читать слѣдуетъ отъ правой руки къ лѣвой.

Въ первой группѣ два знака: 1) символъ бога Хонса — изъ чего явствуетъ, что въ данномъ предложеніи, богъ Хонсъ, есть подлежащее и что вся фраза паднущая, относится главнымъ образомъ къ нему. 2) знакъ фонетическій *ти* или *тити*: дать, даю.

Вторая группа тоже фонетическая: *исл* или *ше чел*: идти.

Въ третьей фигура царя съ фонетическимъ знакомъ (предлогъ).

Все вместе выговаривается *неф-тити*: его величество.

Слѣдующій знакъ буква Л — соответствуетъ предлогу: въ.

Пятая группа верхней строки, заглавнымъ образомъ, та же буквою, которая показываетъ, что говорится о собственномъ имени страны — выговаривается: *Басментъ*.

Первый знакъ нижней строки имѣетъ смыслъ предлога: для.

Слѣдующая фонетическая группа выговаривается *ногелъ* — освободитель.

Получуругъ — буква Т (см. азбуку) русъ — буква С. Первый знакъ членъ (article) женскаго рода, второй — сокращеніе слова *Си*: есть, дитя... слово въ слово: *она сынъ*, т. е. дочь.

Ломанная ливія — буква Н; выговаривается *ан*, имѣетъ значеніе члена (article) или соответствуетъ русскому употребленію: чей. чья?

Фигура человеческая съ посохомъ въ рукѣ (знакъ символическій) означаетъ начальника, повелителя, предводителя.

Послѣдняя группа нижней строки та же что и верхней; мы уже знаемъ, что это имя страны: Басментъ.

Переведемъ теперь всю фразу въ слово: *Я, богъ Хонсъ, даю его величествомъ отъ Басментъ, освободить дочь начальника Басментъ* — т. е. «Я богъ Хонсъ, позволяю начальнику Басментъ для освобожденія дочери тамошняго начальника.»

Рисунокъ 4 иероглифовъ, снятый съ обрывка древняго папируса, заимствованъ нами изъ сочиненія Шамполіона-Физака.

Не осмѣливаясь думать, чтобы нашъ слѣдующій очеркъ исторіи иероглифическихъ писемъ давалъ читателю полное о нихъ понятіе; но не можемъ не высказать признанія, что для нагляднаго знакомства съ иероглифами, свѣдѣній сообщенныхъ нами, достаточно.

ГЛАВА ОДИНАДЦАТАЯ.

Нумерация и численные знаки. — Липсовая пирамида. — Висъ. — Монетная система. — Ассирия. — Золотая монета. — Временичисленіе и календарь. — Названія десятилетій, месяцевъ. — Времена года. — Совѣщательскій періодъ. — Эра Пабонассара. — Эра Августа. — Праздники. — Изясненіе рисунковъ.

Судя по даннымъ, найденнымъ на памятникахъ древняго Египта, можно заключить, что счисленіе и арифметика въ этой странѣ были столь же мало усовершенствованы, какъ и въ Греціи. Египтянамъ необходимо было значеніе *нуля* и правила нумерации, вслѣдствіе чего они крайне затруднились при цифровомъ выраженіи большихъ чиселъ.

Цифровые знаки и численные имена въ древнемъ Египтѣ, раздѣлялись на количественныя и порядковыя, какъ и во всѣхъ европейскихъ грамматикахъ. При иероглифическомъ изображеніи чиселъ (см. рис. 5), *единичныя* выражались соответствующимъ числомъ вертикальныхъ черточекъ отъ 1 до 9; для изображенія *десятокъ* употреблялся знакъ въ видѣ удлиненной дуги и повторился до десяти разъ съ прибавленіемъ, соответствующаго надобности, числа единицъ. Такъ, чтобы написать число 99 — писали девять знаковъ десяточныхъ и девять единичныхъ. *Сотни* изображались косыми черточками съ перпендикулами, закрученными въ ви-

дѣ спиралю; *тысячи* — знакомъ въ видѣ меча, съ крестообразной рукояткой обращенной книзу и остремъ, на которомъ горизонтально наставленъ овалъ или эллипсисъ съ выемкою; для изображенія *десяти тысячъ* употребляли вертикальную полосу вверху согнутую тушамъ угломъ. На рисункѣ для образца изображено иероглифами сложное число 50,314, состоящее изъ четырнадцати знаковъ. Для иероглифическаго изображенія текущаго 1870 года нужно было бы поставить знакъ одной тысячи, сотенный знакъ съ восемью подѣлами единичными знаками, или восемь сотенныхъ; наконецъ — семь десятичныхъ.

Въ иератическихъ пи-меняхъ были особые знаки для 1, 2, 3, 4 и 9 прочие же числа (5, 6, 7, 8) изображались соединеніемъ первыхъ (3 и 2, 3 и 3, 3 и 4, 4 и 4). Особенный знакъ *десяти тысячъ*, какъ и въ иероглифахъ до 90 повторялся соответствующее число разъ; то же самое было съ сотнями, тысячами и десяти тысячами, но для высшихъ количествъ — знаками выражали всю сумму, по старымъ ея частямъ: миллионъ, миллиардъ, изображались знакомъ десяти тысячъ повтореннымъ его разъ. На рисункѣ 6 изображены *иератические* и *демотические* знаки, изображавшіе число мѣсяца отъ 1 до 30.

По отзывамъ многихъ ученыхъ, заслуживающихъ полной вѣры, задолго до Александра Македонскаго (300 лѣтъ до Р. X.) многие древніе народы успѣшно занимались астрономію, составляли описаніе земли съ опредѣленіемъ четырехъ странъ свѣта. Наблюденія свои они подтверждали вычислениями, съ выраженіемъ мѣры погонныхъ или линейныхъ. Слѣдуетъ допустить, что мѣры эти были систематически опредѣлены древними, составляя дробныя части земнаго градуса. Годъ и день древнѣйшіе астрономы дѣлили сперва на три части; потомъ на двѣнадцать, на тридцать на шесть, наконецъ въдесятеро противъ послѣдняго числа — на 360. Дѣля свой годъ на три времени, по наученію Оота, египтяне руководствовались идеей религиозной, не упуская изъ виду божественной триады. Давъ имъ правильное дѣленіе времени, Оотъ научилъ ихъ употребленію мѣръ: линейныхъ: поземельныхъ и вѣсовыхъ. Единицею мерныхъ были принимать, такъ называвшія *царскія локоты*, раздѣленные на *шесть пальцевъ* въ четыре пальца каждая. По

точнымъ вычисленіямъ локоть равнялся 444 французскимъ миллиграммъ. Изображенная нами на рисункѣ 7 (фиг. 1) часть локтя содержитъ въ себѣ точную длину двухъ пальцевъ съ однимъ пальцемъ. Она была срисована съ найденной въ Египтѣ деревянной полосы или линейки въ родѣ нашихъ торговыхъ аршиновъ. Линейка эта, разграфленная горизонтально на три части содержала въ себѣ дѣленіе на пальцы (верхняя часть), на половины, трети, четверти, $\frac{1}{5}$, $\frac{1}{6}$, $\frac{1}{7}$, $\frac{1}{8}$, $\frac{1}{9}$ и 0,1 доли каждаго пальца (нижняя часть). Каждый палецъ пальмы былъ посвященъ особому божеству, символъ котораго изображенъ на нашемъ рисункѣ. Надпись на средней полосѣ соответствовала буквамъ, С. Т. П. сокращеніе слова *су-тенъ* царей. Подобныя линейки, или аршины древняго Египта, деревянные и каменные сохранились во многихъ европейскихъ музеумахъ. Длина ихъ и дѣленіе неперемѣнно одиакъ и тѣ же, что и заставляегь остановиться на убѣжденіи, что *локоть* былъ въ Египтѣ единицею линейныхъ мѣръ, и если вѣрять сказаніямъ, первую мысль о нихъ подаде Гермесу или Ооту мѣрная пестушь птицы ибиса (*).

Что касается до *веса* бывшаго въ употребленіи у древнихъ египтянъ, мы имѣемъ единственный образчикъ вѣсовой мѣры въ видѣ гирыки изъ зеленого базальта, изображенной на рис. 7 (фиг. 8). Вѣсъ гирыки 62½ грама и на ней есть знакъ цифры 5 — доказывающій, что эта единица дѣлилась на 5 частей и вѣроятно имѣла еще дальнѣйшее дробное дѣленіе.

Монетная система въ древнемъ Египтѣ подвергалась неоднократнымъ измѣненіямъ, хотя обращеніе вещественныхъ знакомъ стоимости нѣсколькихъ вѣковъ ограничивалось предѣлами царства фараоновъ. Памполіонъ-Фижаки полагаегь, что въ древнемъ Египтѣ существовало пѣчто въ родѣ асигнацій или *денегъ бумажныхъ* протогиповъ нашихъ башковыхъ и кредитныхъ билетов (**);

(*) Достоинъ вниманія, что у насъ въ простонародіи называютъ землѣбраны тѣхъ червей, съ показаніи на передней и на задней частяхъ безногатаго туловища, которые передвигаясь съ мѣста на мѣсто изгибаются въ видѣ дуги, отыгрывая, такимъ образомъ, пространство.

(**) Египте ancienne p. 232 v.

для облегчения же размена была монета звонкая — *скарабеи*, имевшая видъ жуковъ или клоюмо съ ихъ изображеніемъ; звонкую же монету зашибали золотыя и серебряныя кольца. Нигдѣ, ни въ одномъ изъ ученыхъ сочиненій о древнемъ Египтѣ не давалось намъ отыскать подтвержденія слыханной фантазіи одного русскаго ориенталиста (умершаго лѣтъ двѣнадцать тому назадъ), будто въ древнемъ Египтѣ ходячею монетою были — *ю.товки чеснока*. Впрочемъ, господить этотъ дивный вообще относиться къ наукамъ съ мутовой точки зрѣнія и прославился именно своимъ умъньемъ писать учения *народни*, имѣвшія значеніе диссертаций въ глазахъ малограмотной толпы. Не записуемъ этимъ дивамъ своихъ муравейниковъ — ученыхъ въ кругу невѣждъ, невѣждамъ въ кругу истинно ученыхъ людей; этимъ претендентамъ на званіе энциклопедистовъ — въ сущности же морочивамъ и шарлатанамъ!

Во время персидскаго владычества, Дарій Гистасъ ввелъ въ обращеніе въ покоренномъ Египтѣ червонцы, названные по его имени *дариками*. По его примѣру правитель Египта Ариандесъ сталъ чеканить монету серебряную — *ариндики* и за это самоуправство былъ казненъ Даріемъ. При Александрѣ Македонскомъ въ Египтѣ ходила монета греческая и ея системы придерживались Птоломеи, при которыхъ чеканили деньги золотыя, серебряныя и бронзовыя съ означеніемъ года чеканки и портретомъ царя. Отъ начала римскаго владычества до Діоклетіана курсъ египетской монеты сталъ постепенно упадать, проба понижалась и дошла наконецъ до того, что въ египетскихъ городахъ не чеканили другихъ денегъ кромѣ бронзовыхъ и мѣдныхъ. Деньги — кровь государственнаго организма, торговли и промышленности — его кровообращеніе, кредитъ — біеніе пульса: паденіе курса — только болѣзнь, но совершившій его упадокъ, предвѣстникъ гибели, ведутъ смертельный, разложеніе крови. Таковы были удѣлы египетскаго царства,

Времечисленіе и календарь явились въ Египтѣ съ первыми же лучами цивилизаціи. Въ глубочайшей древности годъ состоялъ изъ 360 дней просныхъ и *пяти* добавочныхъ (*эпаноменосъ*) на *двѣнадцати мѣсяцахъ*. Этотъ періодъ въ 365 дней по соответствовалъ, однако, истинной долготѣ солнечнаго года, будучи четвертью сутокъ его короче. Такимъ образомъ, отста-

вая отъ точнаго теченія времени, годъ египетскій, въ четыре года отставалъ на цѣлыя сутки, въ 120 лѣтъ — на мѣсяцъ; 1480 лѣтъ на цѣлый годъ. Эти послѣдствія ошибокъ первыхъ астрономовъ могли повлечь за собою важныя перенороты въ дѣлахъ государственныхъ, обрядовъ религиозныхъ и народныхъ обаяхъ — но, по свѣдѣтельству древности, этого не было. Страбонъ гороритъ, что египскіе жрецы были весьма свѣдущи въ астрономіи и потому възбръяли мѣсяцы не по видамъ луны, но по кажущемуся движенію солнца и вступленію его въ созвѣздія зодіака. Прибавивъ къ двѣнадцати тридцатидневнымъ мѣсяцамъ пять *эпаноменосовъ* (добавочныхъ дней) и зная, что при этомъ дѣленіи отъ годичнаго періода все-таки будутъ оставаться дробныя частицы времени — жрецы установили многолѣтній періодъ, въ суммѣ своихъ годовъ и дней умѣщавшій дни остаточные. Тотъ же Страбонъ гороритъ, что Платонъ и Евдоксій, проведеніе нѣсколько лѣтъ въ Геліополѣ въ сообществѣ жрецовъ астрономовъ, узнали отъ нихъ о нѣкоторыхъ теоремахъ, изобрѣтенныхъ ими въ наукѣ времячисленія и между прочимъ о разпорѣчій, на $\frac{1}{4}$ сутокъ, между годомъ астрономическимъ и гражданскимъ. Египетскому календарю послѣдовали римляне, принимая годичный періодъ въ 365 полныхъ дней, съ отбросомъ дробныхъ частицъ. Годъ этотъ назывался *блуждающимъ*, такъ какъ онъ отставалъ отъ теченія солнца; двѣнадцать же мѣсяцевъ его составлявшихъ именовались у египтянъ: 1) *Вотгъ*, 2) *Иаофи*, 3) *Аюргъ*, 4) *Июгилъ*, 5) *Таби*, 6) *Мешургъ*, 7) *Фаленосъ*, 8) *Фермугъ*, 9) *Иамошгъ*, 10) *Ианинъ*, 11) *Энифи*, 12) *Мезори*. Добавочные дни, состоявъ пять, назывались по порядку: *первымъ*, *вторымъ* и т. д. и записывались собою этотъ годъ, гражданскій.

На рисункѣ 8 изображены іероглифы, соотвѣтствующіе названію cadaго мѣсяца. Изъ нихъ можно видѣть, что мѣсяцы раздѣлялись на *три серіи*, изъ четырехъ мѣсяцевъ каждая, образовывавшая такимъ родомъ *эремена года*, которыхъ у египтянъ было три: 1) время цвѣтенія; 2) жатвы и 3) разлива рѣки Нила. Всмотрѣвшись въ іероглифы, читатель легко можетъ понять, что первые четыре мѣсяца *весны*, помѣченные знаками: I, II, III, IIII, изображались одинымъ и тѣмъ же знакомъ, въ видѣ полумѣ-

сица рождкамв обращеннаго книзу, а подѣ нимѣ цифры и трехъ цвѣтовъ и двухъ распуколовъ священнаго лотоса, расположенныхъ поочередно. Въ знакахъ для четырехъ послѣдующихъ мѣсяцевъ времени жатвы — цвѣты завѣшены символическими изображениями вѣлки въ снопахъ; въ четырехъ послѣднихъ — символами разлива въ видѣ трехъ вертикальных струйчатыхъ линий. Въ нижней части рисунка иероглифъ пераго знамена, послѣдующіе четыре помѣчались цифрами: 2, 3, 4 и 5. Годъ начинался съ марта мѣсяца (Оотъ); у каждаго мѣсяца было свое божество, а равно и у каждаго дня. Подвижныхъ религіозныхъ праздниковъ въ египетскомъ календарѣ не было.

Подѣ именемъ *соиическаго* или *киническаго* (собачьяго, песьяго) періода, астрономамъ и хронологамъ извѣстенъ періодъ въ 1460 лѣтъ, въ теченіе котораго, изъ четвертой доли сутокъ, на которую истинный солнечный годъ превосходилъ гражданскій, образовывался цѣлый годъ, двѣнадцатилѣтний. Названія періода заимствованы отъ звѣзды Сіріуса, главной въ созвѣздіи Большаго Иса (по гречески: *киносъ*), называемой египтянами Соисъ, а также *Изидиною звѣздою*. Эта звѣзда, въ теченіе болѣе трехъ тысячъ лѣтъ до Р. Х. и нѣсколькихъ столѣтій по Р. Х., восходила въ Египтѣ неизмѣнно въ одинъ день (20 іюля) и египтяне, называя ее свидѣтельницею міроздавія, новолѣтницею всѣхъ созвѣздій — обращали на движенія ея особенно пристально вниманіе. Еще того вѣроятнѣе, что съ угренимъ восходомъ Изидиной звѣзды, у египтянъ было связано начало мѣсяца Оота, первого въ году. Вотъ что говоритъ объ этомъ Шамполіонъ — младшій.

— Я видѣлъ астрономическую картину, вырѣзанную на потолкѣ залы Рамсессуа (въ Омвахъ), построенной при XVIII династіи. Сіріусъ или Соисъ, изображенъ надъ символомъ мѣсяца Оота, въ нѣтъ женщины съ головнымъ уборомъ изъ перьевъ, звѣздочкою надъ головою и названіемъ Изиды-Оотъ. Это общее названіе звѣзды Сіріуса... На астрономическихъ картинахъ въ Омбосъ, Дендера, Эсе — или Оота со звѣздочкою начертано надъ фигурою короля, лежащей на баркѣ (наметъ на *теченіе* свѣтилъ небесныхъ) и имѣющей между рогами изображеніе звѣзды. На прямоугольномъ зодіакѣ въ Дендера, фигура богини съ короною — на-

звана также Изидою-Оотомъ, и соединеніе этихъ двухъ именъ звѣзды и мѣсяца встрѣчается на всѣхъ астрономическихъ памятникахъ древняго Египта.

Восходъ Сіріуса совпадаетъ со временемъ прибытія воды въ Нилъ и вотъ почему звѣзда эта заслуживала въ Египтѣ такихъ привлекательныхъ наблюденій. Послѣдніе привели къ открытію, что Сіріусъ, одинъ годъ восходящій въ первое число мѣсяца Оота, черезъ четыре года восходилъ во второе число, черезъ слѣдующіе четыре — въ третье и т. д. Египетскіе астрономы поняли, что это кажущееся замедленіе происходитъ отъ добавочной $\frac{1}{4}$ сутокъ истиннаго солнечнаго года и тогда ввели въ календаръ два — разряда годовъ: *блуждающій* или *испорченный* въ 365 дней и — *точный* въ 365 дней съ четвертью, наипача какъ тогъ такъ и другой неизмѣнно со дня восхода Сіріуса. Лунный періодъ состоялъ изъ 309 видоизмѣненій планеты въ теченіе 25 лѣтъ. Былъ еще малый, семидневный періодъ и великій — тридцатилѣтній, праздновавшійся подѣ именемъ *осликига пастирій*. Блуждающій годъ назывался *священнымъ*, а точный былъ годомъ астрономическимъ и точное лѣтисчисленіе его было основано на періодическихъ равноденствіяхъ и солнцестояніяхъ.

Совпаденіе начала обоихъ годовъ въ одно и то же число, — случившееся черезъ 1461 годъ, было достопамятною эпохою въ лѣтоисчисленіяхъ Египта. Послѣднее празднованіе начала соиическаго періода было 20 іюля 139 года по Р. Х., предшлущія относились въ 1322, 2782 и 4242 годамъ до Р. Х. Но когда же именно началось лѣтоисчисленіе по соиическимъ періодамъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ теряется во мракѣ вѣчности. Календаръ египетскій существовалъ со временъ незапамятныхъ, и основной періодическій годъ послужилъ основнымъ же для знаменитой *эры Птоломеевой* — первый день которой соотвѣтствовалъ 26 февраля 747 года до Р. Х. До римскаго владычества календаръ оставался безъ измѣненій.

Октавій Августъ — первый сдѣлать въ немъ великія преобразованія. Исправивъ римскій календаръ, по указаніямъ Солггена-александрійскаго, Августъ ввелъ его въ Египетъ, превративъ всѣ блуждающіе года въ точные, прибавленіемъ одного дня къ 365 днямъ каждые четыре года. Въ эпоху установленія высочайшихъ

годовъ первое число египетскаго мѣсяца *Оота* соотвѣствовало 29 августа юліанскаго календаря; это продолжалось въ теченіе четырехъ лѣтъ (25, 24, 23 и 22 г. до Р. Х.); эпоха же введенія новаго календаря называлась была *августовскою* или *эпохою Августа*.

Не можемъ умолчать о священномъ календарѣ и праздникахъ древнихъ египтянъ, дѣлившихся на *всобщіе* и *мѣстные*; въ первыхъ принималъ участіе весь Египетъ, во вторыхъ только пѣ-которые города, въ которые однако же стекались тысячи окрестныхъ жителей на богомолье. Такъ какъ каждый день мѣсяца отъ 1 до 30 числа былъ посвященъ какому нибудь божеству, то понятно, что даже и ежедневно бывали праздники; изъ мѣстныхъ, однако же, *шесть* — заслуживаютъ особеннаго вниманія: въ Бубастѣ — (въ честь дочери Озариса и Изиды: Бубастисъ или Пупасти — Луны); въ Бузирисѣ (въ честь Изиды), въ Сакисѣ (храмъ Неймы); въ Гелиополисѣ (храмъ Солнца); въ Бутесѣ (храмъ Буты); въ Папиремисѣ (храмъ египетскаго Марса).

Объ обрядахъ главнѣйшихъ праздниковъ поговоримъ подробно въ одной изъ слѣдующихъ главъ; эту же закончимъ истолкованіемъ іероглифовъ на приложенныхъ къ ней рисункахъ.

Рис. 7 фиг. 1 изображеніе линейной мѣры локтя съ ея подраздѣленіями; 2) знакъ *часа*, преимущественно почного, т. е. времени восхода звѣзды или луны; 3) знакъ для изображенія *дня*; 4) — мѣсяца, 5) — *года*; пальмовая вѣтвь и солнце, въ знакъ того, что на пальмѣ ежегодно пароятся новыя вѣтви, 6) знакъ тридцатилѣтняго періода панегирческаго, 7) знакъ скопированный съ надгробной надписи и выражающій число лѣтъ покойника (77), мѣсяцевъ (9) и дней (20). Восьмая фигура — изображеніе вѣсвой гирьки.

Рисунокъ 6 изображаетъ *іератическія* и *демотическія* цифры, означающія числа мѣсяца. Судя по ихъ очертанію можно заключить, что древніе египтяне выговаривали числа точно такъ же какъ ихъ писали, т. е. слагаемое вмѣсто сумми; множителя и служили основными для изображенія и выговора остальныхъ: пять — писалось и выговаривалось: три — два ($3+2=5$), шесть — ($3+3$)... двадцать — *десять десять* ($10+10$) и т. д.

Рис. 1. Головные уборы кумировъ.

Египетская азбука Шамполіона.

	Зн. Демотические.	Зн. Героглифические.
A	У	А
B	Г	Б
Г	В	Г
Д	Д	Д
Е	Е	Е
З	З	З
О	О	О
Н	Н	Н
И	И	И
К	К	К
Л	Л	Л
М	М	М
Н	Н	Н
Э	Э	Э
О	О	О
П	П	П
Р	Р	Р
Σ	Σ	Σ
T	T	T
Y	Y	Y
Ф	Ф	Ф
X	X	X
Ψ	Ψ	Ψ
Ω	Ω	Ω
TO	TO	TO

Рис. 2. Египетская азбука.

Рис. 3. Древніє ієрогліфи.

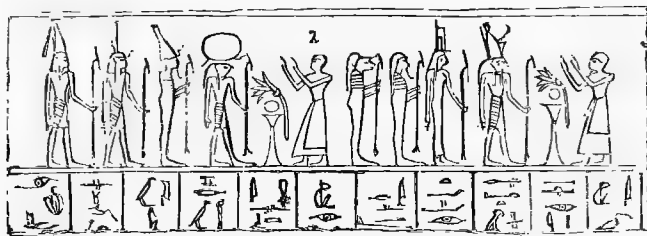

Рис. 4. Обривокъ древняго папируса.

Численные знаки.			В. Числа мѣсяца.		
	1. 2. 3.		Гиратич.	Демотич.	Значе- ние.
	10. 11. 12.				1
	20. 33.				2
	100. 200. 222.				3
	1,000 2,000. 112,000.				4
	10,000. 20,000 50,314				5
					6
					7
					8
					9
					10
					11
					12
					13
					14
					15
					16
					17
					18
					19
					20
					21
					22
					23
					24
					25
					26
					27
					28
					29
					30

Рис. 8. Мѣсяцы.

Рис. 6. Иероглифическія
числа мѣсяца.

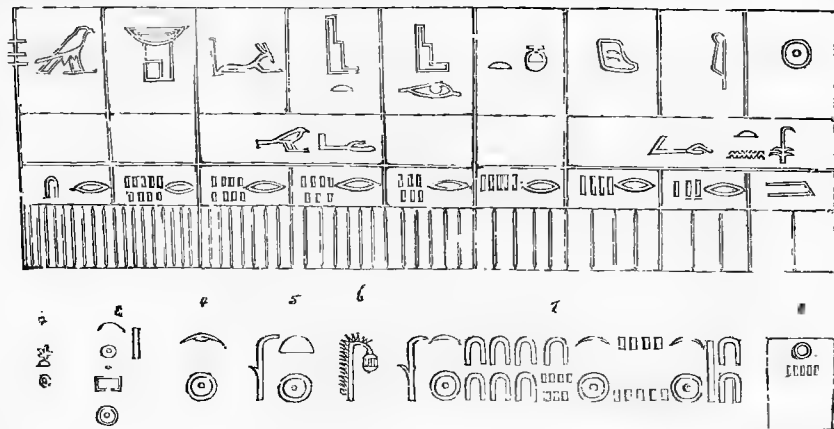

Рис. 7. Локоть, астрономические знаки и вѣсь.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Каста жрецовъ. — Ея права и преимущества. — Доходы и подати. — Обязанности. — Верховный жрецъ. — Состояніе наукъ. — Астрономія. — Планеты. — Сфера и ея омыленіе. — Дѣйствительное вліяніе свѣтилъ на землю. — Ею предвѣдъ. — Связь физическаго съ духовнымъ. — Древніе астрологи. — Суеверіе римлянъ. — Тинъ и комета. — Гороскопъ вселенной. — Гороскопъ Антонина. Астрологическій рисунокъ. — Таблица вліянія планетъ на тѣло. — Знаки зодіака.

Каста жрецовъ древняго Египта, была расадникомъ всѣхъ наукъ этой страны, вотъ почему приступая теперь къ обзору касты, мы вмѣстѣ съ тѣмъ представимъ очеркъ состоянія наукъ и умственнаго развитія въ царствѣ фараоновъ — отъ его основанія до покоренія аравитянами въ VII вѣкѣ по Р. Х.

Первоначальная повелительная страсть, жреческая каста, по возникновеніи царской власти, занявшая въ правленіи второстепенное мѣсто, счужла сохранить за собою вліяніе на народъ и отстоять неприкосновенность поземельныхъ своихъ имуществъ и привилегій. Во время семилѣтняго голода, при царяхъ египетскихъ Іосифъ, патриархъ, пріобрѣти въ обмѣнъ за хлѣбъ — луга и поля частныхъ землевладѣльцевъ, не прикоснулся къ полямъ жрецовъ, которыхъ фараонъ снабдилъ хлѣбомъ изъ государственныхъ житницъ безвозмездно. Владѣя недвижимостью, жрецы всегда были изъяты отъ податей и налоговъ. Благодаря этимъ преимуществамъ и щедрымъ пожертвованіямъ на храмы, жрецы были всегда богатѣйшимъ сословіемъ въ Египтѣ. Независимо отъ пожертвованій добровольныхъ, храмы получали съ землевладѣльцевъ постоянные законопные вклады зерновымъ хлѣбомъ, плодами и деньгами, въ размѣрѣ опредѣляемомъ указами царскими. Громадный доходъ доставляли владѣльца, т. е. пещеры въ горахъ, въ которыхъ рядами устанавливались гробы съ муміями. Родственники покойниковъ, удостоен-

нихъ этой чести, платили — ежегодно опредѣленной суммъ за ихъ похѣщеніе. Такимъ образомъ, жрецы буквально брали свое и съ живыхъ и съ мертвыхъ. Последнихъ, можно было назвать оброчными крѣпостными жреческой касты, или пожалуй — ея *мертвыми душами*, дававшими доходу побойке многихъ *живыхъ*. Пользуясь всѣми вышеупомянутыми доходами, жрецы не мало обогащались еще продажей драгоцѣнной ткани — виссона, которую выдѣлывали въ мастерскихъ, принадлежавшихъ храмамъ. Овредѣленное число кусковъ ткани, въ видѣ дара, они обязаны были ежегодно доставлять царю, но обязательство это не слишкомъ строго соблюдалось и богачи-жрецы не стыдились записывать этихъ взносовъ или вовсе его утѣплатъ. Фараоны, всего чаще, слатали эту недоимку. Вообще въ своихъ дѣйствіяхъ, касавшихся ихъ личной прибыли, египетскіе жрецы ничѣмъ не отличались отъ браминновъ Индіи и жадность и корыстолюбіе были главными характеристическими чертами ихъ касты. Отстоявъ тѣ статьи закона, которыя ограждали ихъ денежныя интересы, жрецы, не могли однако же не подчиниться узаконеніямъ царей, требовавшимъ отъ нихъ покорности воли послѣднихъ. Такъ, напримѣръ, при переходѣ изъ высшихъ степеней въ высшія и при посвященіи въ таинства, жрецъ обязывался платить царю извѣстную пошлину. Другая статья, при Птолемеяхъ, ввѣняла жрецамъ въ непререкаемую обязанность ѣздить ежегодно водою, въ Александрію, побывавъ передъ тѣмъ въ Оивахъ и въ Мемфисѣ. Повинуясь велѣніямъ царей, жрецы во все время политическаго бытія Египта сохранили свое могущественное вліяніе на народъ, питавшій къ нимъ неограниченное благоговѣніе и готовый, по первому слову, отстаивать ихъ не щадя своего живота. Во время иноземнаго владычества, египтяне покорялись завоевателямъ и перепослали тяжесть ига почти безроотно, до тѣхъ поръ, покуда иноземники не покушались на неприкосновенность религиозныхъ установленій или на права жрецовъ. Малѣйшая обидя закону религиозному, въ лицѣ жреца, было поводомъ къ возстанію.

Организация касты, въ которой сынъ наследовалъ отцу, разрывала жрецамъ вступленіе въ бракъ. Громадные средства жреческой касты давали возможность жрецамъ, даже при многочисленныхъ семействахъ, давать дѣтямъ воспитаніе, соответствовавшее

ихъ званію. Будто родные братья, жрецы стояли другъ за друга, въ особѣ *верховнаго жреца* имѣя надежнаго защитника и покровителя.

Верховный жрецъ, постѣ царя, занималъ первое мѣсто въ гражданской іерархіи. Сыновья его воспитывались вмѣстѣ съ царскими дѣтьми и занимали при дворѣ знатнѣйшія должности. При множествѣ храмовъ, изобилии обрядовъ и пышности церемоній, члены жреческой касты не были враздѣлы и, будучи раздѣлены по чинамъ и занимая соответствующія должности при храмахъ или въ судахъ, они всѣ, до единого, прилежно занимались науками, по черная свою силу — въ знаніи; вліяла на народъ не вслѣдствіе суеты послѣднихъ, но вслѣдствіе очевиднаго и такъ сказать осязаемаго своего превосходства надъ нимъ. Жрецы-астрономы ввѣщали народу, отъ имени божества, точную эпоху наступленія благотворнаго нильскаго разлива, дни затмѣній, измѣненія въ фазисахъ луны и т. п.; жрецы-медики и хирурги — въ стѣнахъ храмовъ исцѣляли больныхъ, давалъ имъ гигиеническіе совѣты черезъ уста кумировъ-оракуловъ; жрецы, знакомые съ законами физики и химіи удивляли или ужасали народъ нумными чудесами, будто бы творимыми божествомъ... Здѣсь, всего приличнѣе, разсказать читателю о состояніи наукъ, въ древнемъ Египтѣ, доведенныхъ жрецами до высокой степени совершенства.

Обширныя свѣдѣнія ихъ въ *астрономіи* намъ уже отчасти извѣстны, а рано и тѣсная связь этой науки съ религиозными догматами. Измѣреніе времени годами, мѣсяцами, днями и часами — вотъ первая и незабвенная услуга, оказанная человечеству жрецами египетскими. Отъ нихъ, европейскіе народы, заимствовали знаки зодіака и научились первымъ правиламъ лѣтосчисленія. Число дней недѣли было установлено жрецами сообразно числу звѣздныхъ тогда платеть, сообразно порядку астрономическому, т. е. 1) Луна, 2) Меркурій, 3) Венера, 4) Солнце, 5) Марсъ, 6) Юпитеръ, 7) Сатурнъ. Древній авторъ Діонъ Кассій поясняетъ, что египтяне дѣлили день на четыре части, посвящая каждую покровительству особаго божества, самый же день называли именемъ божества покровителя его первой части. Дню Луны покровительствовали кромѣ ея Меркурій, Венера и Сатурнъ; но онъ назывался

луннымъ потому, что первой его четверти покровительствовала эта планета. Следующій день былъ посвященъ: *Марсу*, Юпитеру, Сатурну и Лунѣ; третій—*Меркурію* и т. д.

Египетская астрономическая сфера, по словамъ ученыхъ Фурье и Біо (Biot) была известна за 2500 лѣтъ до Р. X., что подтверждается рисунками на памятникахъ. За 3285 л. до Р. X. египтяне опредѣлили уже истинное мѣстоположеніе созвѣздія весенняго и осенняго равноденствій и лѣтняго солнцестоянія; въ 1780 г. до Р. X. замѣтили въ этихъ созвѣздіяхъ значительное перемѣщеніе. Діодоръ сицилійскій говоритъ: жрецы учатъ дѣтей своихъ математикѣ и геометріи, последней въ особенности потому, что Нильскія наводненія, ежегодно заглаживають пограничныя межи, вѣдѣніе чего бывають частые споры между землевладѣльцами, — разрываемые геометрическими выкладками. Эта же наука весьма пригодна, занимающаяся *астрологіею*—существовавшая въ Египтѣ съ незапамятныхъ временъ. Египтяне слѣдятъ не только за движеніемъ, положеніемъ и соотнѣшеніемъ планетъ, но наблюдаютъ также и за ихъ вліяніемъ на бытіе существъ подъ ними рожденныхъ, вліяніемъ временныхъ или пожизненныхъ. Порфирій зналъ отъ жрецовъ, что часть ночи они обыкновенно посвящали астрономическимъ наблюденіямъ; Страбонъ видѣлъ зданіе обсерваторіи въ Гелиополисѣ, а Діодоръ утверждаетъ, что жрецы предсказали будущее посредствомъ *звѣздословной науки*... Наконецъ, св. Климентъ александрійскій, исчисляя чины жреческой касты, упоминаетъ о жрецахъ, *составителяхъ гороскоповъ*. Отличительными знаками его достоинства во время процессій были песочные часы и фигура птицы феникса (символа астрологіи), держащая въ клювъ астрологическія книги Фота, въ числѣ четырехъ: 1) о порядкѣ блуждающихъ звѣздъ, 2) о сочетаніяхъ солнца и луны, 3) и 4) о ихъ восходѣ и закатѣ. Чинъ жреца-гороскопа былъ однимъ изъ высшихъ во всей іерархіи.

И такъ, египтяне, при всемъ своемъ умственнымъ развитіи не миновали на пути науки, извивистой и опасной для ума тропинки, проторенной заблужденіемъ; — и они не были чужды тѣмъ фантастическимъ вѣрованіямъ, которыхъ придерживались Индія, Китай, Персія и Халдея. Однако же вникая въ это вѣрованіе, нельзя не

признать, что основаніе его не только не совершенно нѣтъ, но что въ немъ есть капля правды, разбавленная конечно, ложными умозаключеніями. Спросивъ у современной науки: вліяютъ-ли сѣтила на видимый міръ? мы, безъ сомнѣнія получимъ отвѣтъ утвердительный; собственными глазами можемъ убѣдиться въ этомъ вліяніи на все живущее въ природѣ—отъ былинки до человека; но въ то же время не можемъ не сознаться, что вліяніе это чисто *физическое*. Такъ же точно вліяютъ затмѣнія солнца и кометы на климатъ, на растительность; въ большинствѣ случаевъ—предоизвольно. Нельзя не согласиться со справедливостью словъ Плинія: „Кометы своими появленіемъ не предвѣщаютъ бѣдъ, но послѣднія почти всегда бывають послѣдствіями явленій кометъ.“ При этомъ эти бѣдствія, единственно *въ физическомъ смыслѣ*, назывъ ихъ: засухами, наводненіями, землетрясеніями, моровыми поветріями и оишь спросимъ у науки: до какой степени физика вліяетъ на мораль? На этотъ разъ положительный отвѣтъ, тоже несомнѣнный, можетъ послужить важнымъ аргументомъ въ защиту астрологическихъ теорій. Можемъ ли мы отрицать, что кромѣ эпидемій уже извѣстныхъ медицинѣ, нѣтъ еще другихъ, поражающихъ *тело*, но вѣдѣтъ съ нимъ и *душу* человека? Въ наше время, въ послѣднія сорокъ лѣтъ текущаго столѣтія, холерная эпидемія (1831 и 1848 года), въ оба свои появленія, сопровождалась волненіями политическими. Можно ли а priori отрицать существованіе какой-то таинственной связи между ними и эпидеміею? Другой примѣръ можемъ взять изъ современнаго нашего быта, указавъ на прогрессивно возрастающее у насъ, въ Россіи, число самоубійствъ, преимущественно между молодыми людьми. На это грустное явленіе, мы освѣтляемся смотрѣть не съ юридической, но чисто съ фیزیологической точки зрѣнія и въ твердой убѣжденности, что это *своего рода эпидемія*, во имя человѣчества требуемъ отвѣта у медицины и фیزیологіи. Микроскопъ химическимъ реторта, всѣ возмозжные реактивы, гальвано-электрическій аппаратъ, словомъ всѣ орудія науки должны быть употреблены въ дѣло для отысканія физической причины неразъясненнаго до нынѣ феномена моральнаго! Простое, грубое вскрытіе трупа самоубійцы никогда не приведетъ къ заключенію, которое могло бы быть при-

иято за аксіому фізіологіческую: пуля, прекращающая существование страдальца, может поразить именно тот из внутренних органов, в котором глѣзилась болѣзнь и такимъ образомъ настоящая причина пѣдуга ускользнетъ отъ вниманія апатома. Вопросъ этотъ отвѣтъ намъ отъ предмета, о которомъ мы пожелали рѣшъ съ читателемъ, именно отъ астрологій и чтобы возвратиться къ нему скажемъ, что повсемѣстное вѣрованіе древняго міра во вліяніе свѣтила небесныхъ, *до известной степени*, на бытъ людей было не лишено основанія.

Объ астрологіи у египтянъ Геродотъ говоритъ: „Имъ сдѣлаво множество открытій и, между прочимъ, найдены способъ опредѣлять, во тому дню, въ который родился человѣкъ, грядущія событія его жизни, роль смерти, которому онъ умретъ, его характеръ и наклонности.“ Древнѣйшими авторами по части астрологій были *Петозирисъ* и *Неценсо*, жившіе, по словамъ Прокла и Птолемея, въ глубочайшей древности. Егидокій, учившійся астрологій у жрецовъ, отрицалъ ее, называя сумасбродствомъ и она дѣйствительно впадала въ сумасбродство, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда подчиняла участь человѣка вліянію звѣздъ, подъ которой онъ родился. Тутъ астрологія дѣйствительно дѣлалась: „сумашедшей дочерью умной матери“, какъ называлъ ее славный Кеплеръ. О связи астрономіи съ климатическими переворотами писали: Оалесъ, Пинагоръ, Егидокій, Эвктемонъ, Каллимахъ, Метонъ и Гиппархъ, и плодомъ трудовъ ихъ были *паранелии*, или каталоги климатическихъ и метеорологическихъ явленій въ ихъ связи съ восходомъ и закатомъ планетъ и звѣздъ, но, по видимому, они не занимались сочиненіемъ гороскоповъ. Астрономы вели въ Египтѣ ожесточенную борьбу съ астрологами и побѣда вѣроятно осталась бы за первыми, если бы ложная наука астрологій не нашла себѣ приверженцевъ и защитниковъ въ лицѣ римлянъ. Астрологія пользовалась особеннымъ почетомъ у великаго народа, въ высшей степени суевѣрнаго. Другъ Цицерона Нигидій Фигуль вѣрилъ всевозможнымъ гаданьямъ по звѣздамъ, метеорамъ и внутренностямъ жертвъ: другой другъ великаго оратора Луцій Таррувій самъ занимался астрологіею и составлялъ гороскопы по всѣмъ правиламъ египетской науки. У Марка Антонія и Клеопатры были неизмѣнными

совѣтниками астрологовъ, съ которыми они обо всемъ совѣщались. Оеогентъ по повелѣнію Августа составилъ ему гороскопъ; Тиверій, Домиціанъ, Веспасіанъ и даже Адріанъ благоволили жрецамъ египетскимъ, занимавшимся астрологіею, шадъ которому такъ остроумно сдѣлался Титъ еще за нѣсколько часовъ передъ смертію. Придворные сообщали ему опасенія за его жизнь, такъ какъ на небѣ явилось *погонія* (бородатая комета). „Она не имѣетъ съ моею смертію ничего общаго! засмѣялся цесарь я лысъ и безъ бороды.“

Памятниками заятій астрологіею древняго Египта, кромѣ рисунковъ іероглифическихъ, сохранились до нашего времени многіе гороскопы и въ томъ числѣ—*гороскопъ вселенной*, на которомъ показаны сочетанія планетъ въ день сотворенія міра. Окажется, что луна выходила въ знакѣ Рака, солнце—во львѣ, Меркурій—въ Дѣвѣ, Венера—въ Вѣсахъ, Марсъ въ Скорпіонѣ, Юпитеръ—въ Стрѣльцѣ, Сатурнъ—въ Козерогѣ. Этотъ гороскопъ былъ изображенъ по приказанію Антоніана на монетахъ восьмью года его царствованія въ Египтѣ. Кромѣ этихъ монетъ есть два напурса, заключающіе въ себѣ гороскопъ самаго Антоніана, съ перваго же года его вцаренія въ первый часъ 18 дня мѣсяца Тиби, нижеслѣдующаго содержанія:

— Первый годъ Антоніана Цесаря нашего государя, отъ 8 дня Адріанова мѣсяца, по календарю валинскому; по древнему же отъ перваго часа дня 18, мѣсяца Тиби.

— Солнце въ Стрѣльцѣ, 13 градусъ 23 минуты, въ домѣ Юпитера на рубежѣ областей Венеры.

— Луна въ Водолѣѣ (3 гр. 6 мин.) на востокѣ дома Сатурна у предѣловъ Меркурія.

— Сатурнъ въ Водолѣѣ во второй тверди у предѣловъ Меркурія.

— Юпитеръ въ знакѣ Овна (2 гр. 44 мин.) въ домѣ Марса... и т. д.

Изъ всѣхъ вычисленій явствуетъ, что владычествующею гороскопа была Венера.

На стѣнныхъ рисункахъ храмовъ, пирамидъ, обелисковъ и т. п. фантазія астрологовъ постоянно примѣшивается къ формуламъ астрономическимъ. Вотъ любопытное описаніе рисунковъ на гроб-

видѣ Фараона-Рамлеса въ долинѣ Бибал-эль-Молукъ, близъ Оивъ, заимствованное нами изъ сочиненій Шампольона младшаго:

— Небо, въ видѣ женщины, у которой все тѣло усыпано звѣздами съ трехъ сторонъ, занимаетъ фонъ всей картины. Туловище растянuto во всю ея длину, голова обращена къ западу, а руки и ноги раздѣляютъ всю картину на двѣ части: верхнюю и нижнюю. Въ верхней изображенъ небосклонъ и на немъ мѣстоположенія солнца во время двѣнадцати часовъ дня; въ нижней — онъ же въ часы ночи.

На восточной части фигуры, т. е. около нижнихъ частей ея живота, изображено рожденіе солнца въ видѣ ребенка, заключеннаго въ красную дѣку; его припичаетъ на руки богъ *Меун* (египетскій Геркулесъ), стоящій въ ладѣ. Солнце — дѣти злыетъ въ этой ладѣ по небесному океану съ постака на западъ, гдѣ изъ большого озера изливаются струи рѣки нижней области — отъ изъ большого озера изливаются струи рѣки нижней области — отъ запада къ востоку. Каждый часъ дня обозначенъ краснымъ дискомъ на туловищѣ богини неба, а на картинѣ — двѣнадцатью ладьями (*бари*), окруженными каждою особою свитою. Въ первой ладѣ солнце стоитъ на палубѣ (*наосѣ*), богиня *Сери* сидитъ на веслахъ, а *Сесв* (*Сатурнъ*) съ зайцемъ головой держитъ въ рукахъ ладный листъ для прозвѣстовъ глубины. *Горусъ* исправляетъ должность капитана *Гаке-Озрисъ*, спутникъ солнца — должность помощника; на рулѣ *Гаоу* — божество съ ястребиной головой; при немъ богиня *Неб-аи* и богъ, хранитель тропиковъ. По берегамъ стоятъ боги или духи часовъ дня, преклоняющіеся предъ плывущимъ солнцемъ.

На второмъ часѣ, на встрѣчу солнцу шествуютъ души царей, предводимыя Рамзесомъ; на 4, 5 и 6 часахъ отъ лѣвѣтъ съ богами воюетъ съ *Анобисомъ* (*Тифономъ*), выходящимъ изъ океана. На 7 и 8 часѣ небесная ладья достигаетъ жилищъ блаженныхъ, гдѣ подѣ тѣми цвѣтущихъ деревьяхъ ходятъ боги и чистыя души... Солнце направляетъ свой путь къ западу: Сатурнъ дѣлаетъ цѣлѣры; боги, стоящіе по берегамъ, охраняютъ ладью отъ мелей. Обогнувъ озеро, она волеяется на нижней рѣкѣ, по которой ее тянутъ бычешникомъ толпы духовъ. На ладѣ не видѣно уже ни солнца, ни его спутниковъ; остался только корабль и

съ нимъ богиня *Олея* (правосудіе), вѣстительница подземной области.

Надъ каждымъ рисункомъ поясненія іероглифическими письменами. На потолкѣ гробницы тексты, имѣющие прямую связь съ рисунками. Это таблицы созвѣзій съ исчисленіемъ ихъ вліянія на каждый часъ года. Вотъ образчикъ текста, относящагося до второй половины мѣсяца *Томъ*.

Мѣсяцъ *Томъ*, послѣдняя половина.

Оріонъ вліяетъ на лѣвое ухо. 1 часть: созвѣздіе *Оріона* на лѣвую руку. 2 часть: созвѣздіе *Сиріуса* на сердце; 3 часть: начало созвѣздія *деуаъ западъ* (близнецовъ) — на сердце; 4 часть: полное созвѣздіе близнецовъ на лѣвое ухо; 5 часть: звѣзды *Рыбки* (млечнаго пути) на сердце; 6 часть: звѣзды головы *Льва* — тоже; 7 часть: *Сиріуса* на правый глазъ; 9 часть: нижняя часть созвѣздія *Менне* (морского льва) на лѣвую руку; 10 часть: *Менне* — на лѣвый глазъ; 11 часть: звѣзды *Менне* на лѣвую руку и 12 часть: нога *Свиньи* — тоже.

Золотой кругъ Озимайда, о которомъ говорятъ Клеодоръ-Спиццеліесъ, состоятъ вѣроятно изъ подобныхъ же таблицъ.

На пирусѣ, найденномъ въ гробницѣ муміи *Нематиснофа*, сына свисаго архонта во времена Трояна, шходится тоже роспись планетнаго вліянія на части тѣла Нематиснофа. Волосы его подѣ покровительствомъ небснаго Пила (млечнаго пути); голова подѣ покровительствомъ солнца. Затѣмъ глаза охраняетъ Венера; уши — Мацда; лѣвый високъ — духъ солнца, правый Аммонъ; носъ и губы — Анусетъ; зубы — богиня Сельтъ; бороду — Маццо; плечо — Изидъ; локти — богъ Гель; снгу — Сисно; органы нижнія Озирисъ; бедра — богъ Бальгоръ (глазъ Горуга); ноги — Пестифидъ; слѣды ногъ — Фина, ладни ногъ — богини.

На кругломъ зодіакѣ въ Дендера представлены всѣ знаки, принятыя для изображенія созвѣзій среднѣювыми астрологами, а послѣдствіемъ ученою Еврономъ. *Левъ*, сопровождаемый женщиною, воиращающею ногами змѣю; за ними слѣдуетъ: *Дѣва* съ колосомъ въ рукахъ; *Виски* съ двумя чашами, *Скорпионъ*, *Сиріусецъ* въ видѣ крылатаго кентавра, *Козерогъ* — полу-козель, полу-рыба. За ними видѣтъ *Водолей*, извергающій воду изъ двухъ сосу-

довъ; *Рыбы*, соединенныя трехугольникомъ надъ струйчатой линіей, изображающей воду: *Овцы*, *Телецъ*, *Влизнецы*, *Ракъ*.

За астрономіей или астрологіей, священныя науки въ Египтѣ признавались: *Алхимія* (химія), *Магія* (науки естественныя, физика) и обширный ея отдѣлъ, заключавшій въ себѣ всевозможныя гаданья. Всѣ три науки заключаются въ подробнаго озора.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Алхимія и ея начало.—Первые алхимики, ученики египетскихъ жрецовъ.—Моисей, Демокритъ, Останесъ, Памменесъ, іудейскія Магія.—Комазія.—Синезій.—Гипатія.—Диоскоръ.—Химія металлургическая.—Ученіе жрецовъ.—Синнапная кислота.—Креозотъ.—Магія.—Волхвы и чудотворцы.—Толкованіе сновъ.—Разныя роды гаданій.—Вліяніе Египта на цивилизацію Греціи.—Погребальный обрядъ.—Рисунки заробныхъ странной души.—Мистическіе писатели.—Три степени жрецовъ.—Чины.—Образаніе.—Одьянія.—Утварь и принадлежності богослуженія.—Таинство.—Догадки о томъ, въ чемъ именно они состояли.—Злоупотребленія полезныя знаньями.—Наука и шарлатанство.—Жрецы.—Пища жрецовъ.—Запрещеніе употреблять въ пищу рыбу и бобовъ.—Сказанія о свойствахъ бобовъ.—Причины признанія ихъ нечистыми.—Жреческія коленъ.

Средневѣковые алхимики, а за ними и позднѣйшіе историки науки *химіи*, признали Египетъ ея колыбелью, ссылались на конское имя страны *Хемъ*. Ученый Ленгле-Дюфренуа, авторъ изысканной исторіи герметической философіи, собравъ въ свѣдѣнія о состояніи алхиміи въ древнемъ Египтѣ, заслуживающія вниманія читателя (*).

(*) Lenglet-Dufresnoy: Histoire de la philosophie hermétique. La Haye 1742, 3 vol. tome I, chap. IV, VI, IX, XV.

Изобрѣтателемъ алхиміи онъ называетъ *Гермеса Трисмегиста*, царя египетскаго, жившаго будто бы за 1900 л. до Р. Х. Давъ своимъ подданнымъ законы, научилъ ихъ всѣмъ наукамъ, въ томъ числѣ и *алхиміи*, т. е. наукѣ превращать въ золото и серебро другіе металлы, Гермесъ удалился въ уединеніе, гдѣ все время свое посвящалъ изученію природы. Жрецы, ревностно занимавшіеся алхиміей, научили ей и *Моисея* (см. кн. Исхода гл. XXXII ст. 20). Доказательствомъ познаній законодателя народа израильскаго можетъ служить сожженіе въ печь золатаго тельца, отлитаго въ пустынѣ іудеями, издумавшими въ отсутствіи св. пророка возстановить у себя поклоненіе египетскому Аппсу. По отзыву Зосимы, Евгенія и Синезія въ мифическомъ храмѣ Вулкана (Гѣфастоса, Фтона) была устроена лабораторія для занятій жрецовъ алхиміей. Здѣсь этой наукѣ обучался *Делокритъ-Абдеританинъ* (за 500 л. до Р. Х.), посвященный жрецами во всѣ ихъ таинства, нарочно для этого подвергшійся обрѣзанію. Кромѣ Демокрита въ храмѣ Вулкана обучались священныя науки *Останесъ*, *Памменесъ* и іудейка *Магія*. Въ одно изъ своихъ посланій, Сенека, упоминая о Демокритѣ, говоритъ, что онъ умѣлъ изъ простыхъ голышей дѣлать изумруды, красить драгоценныя камни во всякіе цвѣта и размягчать слоноподобную кость (*). Покоренные греками, а послѣдствіемъ римлянами, египтяне (т. е. жрецы ихъ) не переставали заниматься опытами превращенія металловъ; *Калопатра* училась алхиміи у жреца *Комазія*; безъ обширныхъ познаній въ священной наукѣ, она не могла бы растворить въ ваннѣ драгоцѣнной жемчужины на знаменитомъ своемъ пришествіи. Искусственное золото давало египтянамъ возможность часто возставать противъ римлянъ. Желая окончательно лишить ихъ средствъ, *Диоклетианъ* приказалъ сжечь всѣ алхимическія книги, хранившіяся въ храмахъ (**). Сами римляне однако обучались этому тайному знанію у жрецовъ египетскихъ. *Калпула*,

(*) Seneca, Lib. XIV, epist. 91.

(**) Paulus Orosius: Lib. VII Histor. Cap. 16.

по словам Плиния (1), умѣлъ превращать металлы, хотя безъ особенной прибыли, а скорѣе съ огромными убытками.

Гониміе Діоклетіана въ 284 г. по Р. Х., воздвигнутое на жрецовъ, нанесло жестокий ударъ священнѣйшей наукѣ въ Египтѣ, но ей учились прилежно греческіе переселенцы при Константинѣ. Таковы были: *Синезій*, бывшій въ 410 г. епископомъ Птолемаиды, *Зосима*, *Олимпіодора*, *Останеса* — египтянинъ, *Стефанъ* александрійскій и *Иероней* (въ VII вѣкѣ). Современница и наставница Синезія, красавица и умѣйшая женщина своего времени. *Гипатія* была тоже весьма свѣдуща въ алхіміи; она обучалась въ Александріи философіи платонической, имѣла тысячи слушателей и хотя не возмущала ихъ противъ проповѣдниковъ евангелія, но тѣмъ не менѣе навлекла на себя гнѣвъ послѣднихъ. Въ противность ученію христіанскому, внушающему людямъ любовь и всепрощеніе, александрійскіе христіане въ одномъ изъ многочисленныхъ своихъ мѣтежей въ 415 г. послѣ страшныхъ истязаній, которыми подвергли Гипатію, истерзали въ куски ея трупъ. Кромѣ Синезія ученикомъ Гипатіи былъ *Диоскоръ*, жрецъ Сераписа. Всѣ эти адепты написали много книгъ, разсужденій, руководствъ, даже поэмъ съ изложеніемъ тайнъ алхимическихъ, которыя, впрочемъ, навѣвъ тайнами и остались, такъ какъ изложены загадочнымъ языкомъ. *Евсевій Сальвертъ* (2) объясняетъ нѣкоторыя операціи жрецовъ египетскихъ, касающіяся металлургической химіи, но всѣ эти омыты, чудесныя въ древности, въ наше время извѣстны любому ученику средняго класса гимназіи. Во всякомъ случаѣ познанія жрецовъ въ химіи достойны удивленія, какъ опередившія свое время. Добыча *креозота*, который въ балъзамизировался муміи, составы прочныхъ красокъ для тканей и живописи, прочная поволока, составы окисей, разнообразныя металлическіе сплавы, можетъ быть даже фосфоръ — все это было извѣстно жрецамъ, возбуждало удивленіе въ профанахъ. Мы можемъ упомянуть еще объ одномъ открытіи, хотя и сомнительномъ, однако же и не совсѣмъ

нейфронтнымъ. Перспекковыя листокъ были посвящены богу молчанія *Гарпократу*; за нестроимость или разглашеніе тайнъ, посвященному угрожали *персиковыми листками*. Сохранились преданія, что сѣдланіе по приказанію жрецовъ персиконѣ листки — ушпрати, будто пораженные громомъ. Опыты новѣйшей химіи доказываютъ, что въ персиковыхъ листьяхъ, зернахъ вишни, горькаго миндаля, лавровой вишни и во многихъ другихъ произведеніяхъ растительныхъ, содержится значительное количество *синеводистой* или *синильной кислоты*, убивающей мгновенно.

Химія, физика и естественныя науки въ многообразныхъ примѣненіяхъ, обличенныя таинственностью, образовывали такъ называемую — *магію*, служившую въ рукахъ жрецовъ египетскихъ такимъ же могучимъ оружіемъ, какъ и у жрецовъ древняго Вавилона. Она же была тѣсно связана и съ *гаданіемъ* и, такъ называемымъ, *чародѣйствомъ*. Тайнѣ весьма серьезно повѣствуютъ о чудесахъ въ Александріи во время пребыванія тамъ Веспасіана, между прочимъ о томъ, какъ императоръ, силою бога Сераписа, самъ испѣлялъ слѣпыхъ и разслабленныхъ. Вселѣдствіи жрецовъ *Ариуфаса* вызывалъ дождь и по своему произволу низводитъ на землю дождь. Самое христіанство при возникновеніи своемъ въ Египтѣ по въ состояніи было разогнать этого суевѣрія. *Оригенъ* утверждаетъ истину чародѣйственной науки съ ея заклинаніями, доказываетъ дѣйствительность талисмановъ, аутологъ, зельевъ приворотныхъ и т. п. Въ книгѣ Исхода священнаго писанія сохранились сказанія о борьбѣ Моисея и Аарона съ волхвами египетскими. Когда Ааронъ, бросивъ жезлъ на землю, превратилъ его въ змѣю, тоже сдѣлали и волхвы, хотя змѣя Аарона тотчасъ же пожрала змѣй чародѣевъ. Тоже повторилось при превращеніи въ кровь водъ рѣчныхъ и при нападеніи лягушекъ и жабы на землю египетскую... Но магія уступила высшей силѣ при совершеніи Моисеемъ и Аарономъ послѣдующихъ чудесъ.

Вѣрованіе въ сны было распространено въ Египтѣ точно такъ же какъ и во всѣхъ перпобытныхъ царствахъ древняго міра; жрецы были спотолкователями. Изъ библейскихъ сказаній намъ извѣстно, что Иосифъ искалъ себѣ благоволеніе и милости фараона истолкованіемъ ему вѣщихъ сновидѣній о семилѣтнемъ го-

(1) Плиній. Ист. міра, кн. XXXIII гл. 4.

(2) Eusebe de Salvertes: Essai sur les sciences occultes, P. 1857. 8°.

лодѣ. Онъ же передъ тѣмъ поспѣшилъ виночерпію и хлѣбодару ихъ пророческіе сны.

Гаданія о грядущей судьбѣ совершались *десятью* главнѣйшими способами: 1) по зѣздамъ, 2) по примѣтамъ, 3) *чарами* (буквально: сосудами съ водой), 4) заклинаніями, 5) призываніемъ духовъ, 6) сповѣдываніями, 7) вызываніемъ усопшихъ, 8) волшебнымъ жезломъ или прутомъ (*рабдомансія* и *беломансія*, подобіе пылѣвшихъ вертящихся столовъ, къ стѣнѣ нашего времени пѣвущихъ не мало приверженцевъ) и 9) по внутренностямъ жертвъ. Последний способъ пошелъ въ употребленіе въ эпоху римскаго владычества, заимствованный жрецами у авруссинцевъ.

Всѣ, такъ называемыя, *тайныя знанія* древняго Египта относятся къ наукамъ, точно такъ же, какъ таинственные іероглифы къ письменамъ. Іероглифы, благодаря трудамъ Шампольона утратили свою таинственность; тайныя знанія, въ глазахъ современной науки, перестаютъ быть тайными и всѣ минимы чудака жрецовъ могутъ быть подведены подъ законы физики, физиологіи, химіи, механики и т. д.

Древній Египетъ имѣлъ неотъемлемое право на названіе прародины Греціи. Мифологія последней почти вся заимствована изъ мифологіи египетской. Орфей заимствовалъ у греческихъ таинствъ празднества Осириса и Изиды и перенесъ ихъ на родину въ видѣ праздниковъ Вакха и Цереры. Греческій адъ—символическое истолкованіе египетскихъ погребальныхъ обрядовъ; *Некромія* Гезіода проникнута религіозными идеями египтянъ. *Кекропсъ* и *Данай* за 1560 г. до Р. X. переселившійся изъ Египта первый въ Аттику, второй въ Арголиду, ввели въ эти страны законы, науки и земледѣліе. Впоследствии, *Соломонъ* и *Визессъ* милетскій и *Платонъ*—проезжавшіе въ Египтъ: учителями послѣднего были: архи-пророчатель *Сонхрисъ*, и жрецы: *Натенселевъ*, *Озанисъ*, *Эпимонъ*, и *Семнуфисъ*. Товарищемъ Платона былъ *Евдоксій*. Оба они правили въ Египтѣ тринадцать лѣтъ, въ теченіе которыхъ свисками совершенное расположеніе жрецовъ и научились псытъ наукамъ подъ клятвеню, однако, не расточать своихъ знаній недостойнымъ и хранить въ тайнѣ все что по закону религіозному должно быть сокрыто отъ

непросвѣщенной черни. Идѣ, если не въ Египтѣ, могъ почерпнуть Платонъ великую мысль о единствѣ божества и безсмертіи души? Самое ученіе о переселеніи души, что оно, если не символическое изображеніе постепеннаго самоусовершенствованія человека? Сводъ религіозныхъ и философическихъ догматовъ Египта изложенъ обстоятельно въ книгѣ *проявленій солнца* или такъ называемомъ *погребальномъ обрядникѣ*, написанномъ на длинныхъ свѣткахъ папируса, которые обыкновенно клались въ гробницы мумій. Полный экземпляръ подобной подорожной находится въ луврскомъ музеѣ, онъ добытъ изъ гробницы мумій жреца-грамматиста по имени Непотена. Судя по нему, а равно и по другимъ свѣткамъ того же содержанія видно, что по ученію жрецовъ, душа умершаго первоначально поклоняется богамъ и постепенно черезъ восемь областей воздушныхъ проходитъ въ Аменти (адъ), гдѣ является на судъ Осириса, богини Омеи (истины и правосудія), Оута, Горуса и сорока двухъ асистентовъ. Египетскій адъ—протогипъ греческаго тартара и Ада—*днѣтоскаго*, этого чудовищнѣйшаго порожденія отъ сочетанія чисто языческой фантазіи съ католическимъ аскетизмомъ. Рисунки египетскаго ада и входящей въ него *психостазисъ*, т. е. суда надъ душою, изображаютъ дворецъ верховнаго судьи подземной области. Осирисъ, съ бичемъ въ рукахъ, воссѣдаетъ на тропѣ, окруженный приношеніями въ память усопшаго и въ числѣ ихъ видны дѣлты лотоса—символа вещественнаго міра. У преддверія Аменти лежитъ чудовище *Омсъ*, представляющее въ своей фигурѣ смѣсъ крокодила съ гиппопотамомъ. Омсъ, или, *собака Тифона*—египетскій Церберъ. Эгиптъ же самъ именемъ жрецы называли и создадіе Большой Медвѣдницы. Справа отъ Осириса—Омея, сопровождаемая фигурами истины и правосудія, держащая въ рукѣ вѣсъ съ крестообразною бородкою (символъ небесной жизни). Обязанность ея въ адѣ усовѣщевать и ободрять души усопшихъ, приходившія на судъ. Помощниками при Омеѣ находятся сорокъ два судьи, въ два ряда воссѣдающіе на скамьяхъ. Фигуры этихъ судей различны; одни изображены въ образѣ людей, у другихъ головы: крокодила, аспиды, ома, ястреба, ибиса, шакала, гиппопотама, льва и кивкефала. *Горусъ*, *Ани* и *Анубисъ* вызываютъ добрыхъ и злыхъ

дѣла предстоящей души на вѣсахъ. Первые, т. е. добрые дѣла складывавшаяся въ правую чашку вѣсовъ изображены въ видѣ перьевъ; вторые — въ видѣ глиняныхъ сосудовъ. Понятный намекъ на ту мысль — какое огромное количество добрыхъ дѣлъ събудетъ съдѣлать человѣку, чтобы искупить одно, злое. Вотъ, съ головою писца, записывать отвѣсы добрыхъ и злыхъ дѣлъ рѣшающей будущую участь души. По приговору Озириса она: 1) возвращается на землю, возрождаясь въ тѣлѣ того животного, котораго животныя наклонности въ ней преобладали; или — 2) идетъ въ преисподнюю область, на муки; или, наконецъ: 3) отирается въ обитель блаженную, жилище свѣта и радости. Бытіе душъ праведныхъ, какъ изображаютъ рисунки, самое привольное: онѣ занимаются полевыми работами, играютъ, рѣзвятся, кунаются въ струяхъ небеснаго Нила.

Преисподняя область представляетъ новую картину. Она населена душами черными, съ головами хищныхъ звѣрей и птицъ. и эти души мучатся тамъ непрерывно за содѣянные или преступленія. Муки и истязанія весьма разнообразны и не слишкомъ-то говорить въ пользу добраго и милосердаго Озириса. Однѣ души привязаны къ столбамъ и злые души ежеминутно потирали мечами вспоминантъ имъ о ихъ злодѣяніяхъ; другія похвачены головою вилъ; третьи ходятъ влѣдъ и впередъ съ связанными за спиною руками и отрубленными головами; четвертые тащатъ за собою собственныхъ сердца, выранные изъ ихъ груди... вярятся въ котлахъ, жарятся на раскаленныхъ сконородахъ. Символическа Египта всегда изобилѣла, въ этомъ случаѣ, муками тѣлесными желала выразить загробныя мученія грѣшной души, греческая мифологія заимствовала у Египта свои сказанія объ адѣ приняла символы и аллегоріи въ буквальный смыслъ. не отдѣлила *идеи* невѣстической и духовной отъ ея *матеріальнаго* выраженія. Такъ и всѣ языческія вѣрованія можно назвать — неспешнымъ выраженіемъ духовнаго и повѣстическаго.

Ученіе Гора о безсмертіи души и загробной ея участи, имѣло въ Египтѣ многочисленныхъ комментаторовъ. Фараонъ *Аммон* написалъ въ глубочайшей древности разсужденіе о Горѣ; жрецъ *Битас* напелъ въ храмѣ саисскомъ истолкованіе ученія Три-

мегиста: о вѣстности душъ къ Вогу и другое сочиненіе: объ истинномъ благѣ. Программать *Эпис* написалъ любовитное разсужденіе: о символахъ, переведенное на греческій языкъ Аріемъ-гераклеполитскимъ. Сочиненій Петозириса: о богахъ и таинствахъ пользовались болѣе угаженіемъ. Анулѣй, Азміанъ Марпеллингъ, Ахилъ Тацій, Дамасій, въ особенности же Ямвлихъ, писавшій о таинствахъ египетскихъ, называютъ многихъ мистическихъ авторовъ, произведенія которыхъ не дошли до насъ. Большая часть мистическихъ книгъ, по повелѣнію императора Александра Сера, была взята изъ храмовыхъ каппъ и сложена въ Александрію въ гробницу Александра Македонскаго; остальные сдѣлались добычею пламени при пожарѣ бібліотеки. Въ числѣ ихъ находилась *божественная книга* или *соегонія*, написанная жрецомъ Аполлономъ Орапосомъ, о которой упоминаетъ Феофілъ, патріархъ антиохійскій.

Каста жрецовъ дѣлилась на множество чиновъ, представляла такимъ образомъ длинную, почти безконечную іерархію. Каждое божество, имѣло особые храмы, имѣло особыхъ своихъ жрецовъ. Само собою разумѣется, что жрецы верховныхъ божествъ имѣли огромныя преимущества надъ жрецами божества второстепенныхъ. Таковы были жрецы: Аммона, Гап-му (Нила) Озириса, Фтои, Гору, Гора и богини: Нейон, Фмев, Вубастиды и Изиды.

Верховныхъ жрецовъ было *три степеней*: жрецы служители бога и совѣтники царя; жрецы царскіе и отцы или причетники. За ними слѣдовали *гѣрофантамы* — священные писцы; *архипроризатели* боговъ и богинь; хранители храмовъ; *сфариасты*, или регистраторы жертвъ; жрецы городовъ; *гѣракофоры*, участвовавшие исключительно въ погребальныхъ обрядахъ; *лианофоры* — приносили благоуханій; *спондисты* — присутствованіе при возліаніяхъ; наконецъ факлоносцы, иѣтцы, прислужники. *Тархесты*. *Нарасисты* и *Холгиты* — зашивали балъ-заживаніемъ мумій: черные пренаривали трупы патровъ и целовали ихъ; вторые дѣлали вскрытіе; третьи занимались набивкою труповъ душистыми смолами, травами и окончательною укладкою въ гробницы. Однѣ и тотъ же жрецъ могъ занимать нѣсколько должностей, пользуясь всѣми имъ соотвѣствующими при-

выглядами. При процессиях соблюдалось строжайшее чинопочитание, которое вѣрше всего можно охарактеризовать нашими русскими названіемъ вѣстничества.

Каждый классъ имѣлъ свое особенное одѣяніе, съ подраздѣленіями и сеобепными знаками по чинамъ. Общее правило для всѣхъ чиновъ было бритье, стрижка и выщипка волосъ каждые три дня. Это свидѣлствуютъ Геродотъ и Евдоксій, обрившій себя брови и бороду, ради доущенія себя въ храмъ, что сдѣлалъ и императоръ Коммодъ, чтобы участвовать въ празднествахъ Изиды и вести идолу Алуписа. Цѣль этой мѣры была единственно опрятность и гигиеническая предосторожность, равно какъ и *обризаніе*, въведенное жрецамъ въ первѣйшую обязанность наравнѣ со всѣми прочими гражданами. Вещество ткаки для одѣянія, ея доброты, цвѣтъ были съ древѣйшихъ временъ существеннѣйшими вѣщными отличіями чиновъ между собою. Кровъ льняныхъ тканей жрецы не должны были употреблять никакихъ другихъ для своего одѣянія. Переть, волость, говорилъ законъ—добываются отъ животныхъ путемъ убійства, лепъ родится изъ безсмертной земли. Цвѣтъ одѣяній былъ преимущественно бѣлый — символъ чистоты духовной возбуждающій въ массѣ особенное уваженіе. На шеѣ жрецы имѣли изображенія боговъ или богинь; въ рукахъ — символическіе значки или эмблемы ихъ должности. Птерограмматъ былъ неразлученъ съ палитрою, сверткомъ пapyrusа и *кашеи*зъ, очищенной для письма тростинкой. Последнюю, всего чаще, птерограмматъ носилъ за ухомъ: обычай перешедшій чрезъ многіе десятки вѣковъ къ писарямъ всего вѣстичаго міра.

Одѣяніе жрецовъ состояло изъ короткаго, низкаго хитона (*сиенна*) и широкаго плаща или хлябиды (*кализирис*), носимой сверху. Кожа пантеры, носимая на туникѣ, была отличительнымъ знакомъ жрецовъ Озириса; прочіе носили нагрудники съ изображеніемъ: священнаго конега солнца (*иаоса*), жука, символъ жизни, вѣчности (звѣя кусающая свой хвостъ) и т. д. Ожерелья украшали шею жрецовъ, перстни ихъ пальцы; обувь состояла изъ сандалій или лантей съ острыми носками, свѣтлыхъ или стѣблелъ пapyrusа или пальмовыхъ листьевъ.

Просимъ читателей сравнить одежду жрецовъ египетскихъ съ одеж-

дою индійскимъ браменомъ и жрецовъ буддійскихъ (см. *толмъ I*: гл. 7, 12, 13. *Буддизмъ*: гл. 2, 4 и *толмъ II*: гл. 21, 22, 23). Сходство поразительное, заимствованіе почти несомнѣнно, а между тѣмъ на чьей сторонѣ данность? По египетскимъ сказаніямъ, эта страна начала свое существованіе за 36,525 лѣтъ до Р. Х., Индія считаетъ свое бытіе сотнями тысячъ лѣтъ... Задача неразрѣшимая!

Во многихъ европейскихъ музеяхъ сохраняются *орудія* и *утварь*, употреблявшіяся египетскими жрецами при богослуженіи. Благоуханія созигались на кадильницѣ *амшир*зъ, въ видѣ бронзовой чаши, которую держитъ рука, выходящая изъ цѣпка лотоса... символъ многозначнаго: лотосъ — изображеніе всего видимаго міра; дымя восходящій къ небу изъ кадильницы былъ какъ-бы олицетвореніемъ и единого дыханія, оживляющаго міръ и единоподушной хвалы Богу міромъ возносимой. Рукоятка кадильницы оканчивалась ястребиной головою, ручка же была всегда деревянная, украшенная рѣзбою. Ладанъ и пахучія смолы сохранялись въ ларцахъ драгоцѣннаго дерева и слововой кости; ложки для насыпки курона на уголья дѣлались изъ пелъ же или изъ серпентина, цѣпной глины, эмалевата сланава. Форма ихъ была всего чаще въ видѣ лотоса, собаки, гуся или газели орикса. Жертвы приносимыя въ храмъ помѣщались *печатами*, большими и малыми; ножи, сосуды, столы выдѣлывались изъ камня и бронзы. Изъ сосудовъ наибольшіе были съ ручками и въ нихъ при церемоніяхъ носили нильскую воду... Кровъ вышеупомянутыхъ принадлежностей богослуженія у египтянъ были переносные кончеги съ фигурами боговъ, значки, жезлы, наутины со священными изображеніями и безчисленное множество золотыхъ, серебряныхъ, бронзовыхъ, костяныхъ и деревянныхъ фигурокъ, насаженныхъ на длинные шесты и служившихъ символическими знаками.

Кромя празднествъ общенародныхъ, въ древнемъ Египтѣ существовали таинственныя собранія жрецовъ и посвященныхъ, извѣстныя подъ именемъ *таинствъ*, изъ которыхъ славнѣйшими были таинства Изиды и Озириса. Отъ глубочайшей древности до нашего времени о нихъ далися сотни книгъ, разсужденій, изслѣдованій и т. п., и, все таки, до нынѣ таинства эти такъ и остаются

ся таинствами. Состояли ли онѣ изъ ученыхъ засѣданій жрецовъ, занимавшихся опытами алхиміи и магіи, изобрѣтавшими эксперименты для выдачи ихъ народу за *чудеса*, или эти таинства были первообразами греческихъ вакханалій и римскихъ оргій? Занимствовало служеніе Осирису у египтянъ и обожалъ его подъ именемъ *Вакса*, греки безъ сомнѣнія заимствовали у нихъ же и обряды, которыми чествовали это божество, либо пли тайно. Изъ всѣхъ догадокъ и предположеній о египетскихъ таинствахъ, остановимся на томъ, что онѣ были чѣмъ-то въ родѣ ронетій чудесъ, приготовляемыхъ для зрѣлища народу. Жрецы чревоушители, отыщавшіе на вопросы, задаваемые оракулу, жрецы — химичи и широтехники готовившіе разнообразные огни и гремучіе составы для изображеній грома и молніи; механики, посредствомъ пружинъ устанавливавшие идоловъ кивать головами и вращать глазами — словомъ всѣ эксплуататоры народнаго суевѣрія на таинствахъ готовились къ торжественному представленію въ стѣнахъ храма или капища. Предоставимъ же чтеніе разсужденій Ливиха и ему подобныхъ мистиковъ любителямъ скажано-чудеснаго и не будемъ останавливаться надъ предметомъ, въ сущности не заслуживающимъ пристальнаго вниманія. Писатели вервыхъ вѣковъ христіанства называли таинственныя сходки жрецовъ въхъ совѣщаніями съ бѣсами или нечистою силою и, принимая послѣднее слово въ его *переносномъ смыслѣ*, мы пожалуй согласимся съ ними. Силы природы, изучаемыя жрецами, могли быть названы *чистыми* или *нечистыми*, сужая во употребленію своему на добро или на зло людямъ. Профессоръ физики, читающій на кафедрѣ о силѣ паровъ, электричествѣ или магнетизмѣ — добрый и честный служитель истинны, т. е. Бога. Этимъ именемъ нельзя назвать шарлатана, показывающаго фокусы, или злоупотребляющаго законами науки, выдающаго себя въ глазахъ темныхъ людей за лица дѣйствующее по волеиію сныне, съ помощью силъ небесныхъ. Таковы были *таинствурри* волхвы — чудодѣи древности, таковы были *Аноллоній Тиискій*, *Манегс*, *Мавметс*, *Старецъ Гори* и цѣлый легіонъ морочилъ, длинный списокъ которыхъ можемъ закончить какимъ нибудь современнымъ вертунгомъ стволотъ или симротомъ. Наука, какъ истина не вуждается въ одѣяніи, всего же

жеиѣ въ нестрыхъ лохмотьяхъ балаганнаго фигляра или въ длинномъ балахонѣ магаика-чудодѣя.

Были ли жрицы въ древнемъ Египтѣ? На этотъ вопросъ Геродотъ отвѣчаетъ отрицательно, хотя памятники доказываютъ противное. На розеттскихъ вадлисахъ поименованы: *Пирра*, жрица богини-царицы Веревникъ, *Арейя* и *Прина* жрицы Аренионъ. При богиницъ Муотесъ и Гауоръ состояли тоже жрицы, дочери жрецовъ съ дѣтства обрѣченныя на служеніе богиницъ подѣ именемъ ихъ *рабыни*. Умершія дочери и жены фараоновъ, послѣ смерти своей удостоивались титула: *супругъ Аялона*. Можно предполагать, что жрицы храмовъ Венеры (Гауоръ) не отличались строгою нравственностію, угердно служа богинѣ и духомъ и тѣломъ.

Въ доводеніе обзора обязанностей и быта жрецовъ приведемъ слова Геродота: „Жрецы въ заѣвну многочисленныхъ своихъ обязательствъ пользуются многочисленными выгодами. Они не заботятся о дѣлахъ домашнихъ и избавлены отъ всякихъ издержекъ: питаются жертвенными приношеніями и ежедневно *апплотъ эи своимъ столомъ вволю говядину и гусиницу* (1); сверхъ того имъ доставляютъ вино и виноградъ; только *рыбная пища имъ запрещена* (2). Египтяне никогда не сѣютъ овощи на своихъ поляхъ; если же таковыя вырастутъ сами собою, они не сѣютъ бѣтъ ихъ ни сырыми, ни вареными. Жрецы ихъ видѣтъ не могутъ и пошгаютъ нечистою овоцнцъ.“

Видѣніе этого отвращенія египтянъ, Платонъ, заимствовавшій свое ученіе у жрецовъ египетскихъ, запрещалъ бѣтъ собы своимъ ученикамъ. Не можемъ не привести еще духъ старинныхъ предположеній о причинахъ этого страннаго запрещенія. Первое говоритъ, что предостерегая учениковъ отъ этой овоци, Платонъ хотѣлъ сказать этиахъ, чтобы они не принимали участія въ дѣлахъ судобныхъ, или на выборахъ, при которыхъ на базотирон-

(1) Исключительная привилегія жрецовъ; не только прочицъ настамъ, но даже царю мясца пища жертвъ была строго запрещена.

(2) Въ воспоминаііе рыбъ съѣвшихъ часть тѣла Осириса; въ сущности же въ предосторожность отъ ляхорадки, которой много способствуетъ рыбная пища, особенно на болотистой почвѣ.

кахъ, голоса подавались въѣсто бѣлыхъ или черныхъ шаровъ — *бобовыми зёрнами*. Второе предположеніе основано на свойствахъ сумчатыхъ овощей, въ южномъ климатѣ, обременять желудокъ, нагонять сонъ (по словамъ *Плинія*, сопровождаемый страшными видѣніями, преимущественно мертвецовъ (кн. XX гл. 30). Бобовую похлебку у грековъ, а впоследствии у римлянъ, поминали усопшихъ родителей (*паренталии*) именно съ тою цѣлю, чтобы видѣть ихъ и бесѣдовать съ ними во снѣ; пноагорецы говорили, что въ бобовыхъ зёрнахъ скрываются души усопшихъ. Это странное свойство невинной овощи (если только оно дѣйствительно въ ней есть) заставляло древнихъ вообще почитать ее какъ имъ то волшебнымъ растеніемъ и *гаданіе на бобахъ*, существующее съ незапамятныхъ временъ, служить тому доказательствомъ. Доискивался однако же до болѣе простыхъ причинъ отвращенія отъ бобовъ служителей египетскихъ храмовъ, мы остававшись на одной ментѣ фантастической, а потому, можетъ быть, болѣе вѣроятной. Бобы, горохъ и вообще сумчатые овощи во всякомъ климатѣ составляютъ пищу неудобоваримую, ослабляющую желудокъ и производящую въ немъ обильные газы. Жрецы, строго соблюдавшие правила гигиены, обратное и приличіе, избѣгали пищи, послѣдствіями употребленія которой могло быть разстройство желудка, сопровождаемое довольно грязными и неурядочными симптомами.

Заключимъ эту замѣтку о бобахъ повѣрьемъ древнихъ греческихъ врачей, будто бы цѣлѣ бобовые сводя къ женщинъ съ ува. Поддѣшніе коментаторы не поняли истиннаго смысла этихъ загадочныхъ словъ: древніе хотѣли сказать ими, что въ лѣтнее время, именно когда начинаютъ цвѣсти бобы, женщины преимущественно чаще бывають подвержены истерическимъ припадкамъ или кратковременному сумасшествію (!).

Въ сказаніяхъ Геродота, египетскіе жрецы обучались въ осо-

быхъ коллегіяхъ, подвѣдомственныхъ верховному жрецу, имѣвшему мѣстопробываніе въ окрестностяхъ храмъ Аммона. Этотъ жрецъ былъ царемъ касты съ правами престолонаслѣдія, предоставленными старшему сыну. Въ храмахъ сохранились родословныя таблицы, портреты и статуи верховныхъ жрецовъ, за нѣсколько тысячелѣтій.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Погребальные обряды. — Причины моровыхъ повальнѣхъ въ Египетъ. — Приготовленіе мумій. — Совершеннѣйшій способъ бальзамированія. — Гробы. — Катакомбы. — Сфинксы. — Пирамиды. — Муміи животныхъ. — Муміи въ Новомъ Свѣтѣ. — Касты воиновъ. — Ея права. — Погребальный надѣлъ. — Знамена. — Вооруженіе. — Символы. — Военные званія и поселенія. — Отношенія воинской касты къ народу.

Погребальные обряды египтянъ можно назвать мудрымъ соединеніемъ релігіозныхъ догматовъ съ требованіями гигиеническими и знаменитыя *муміи* — эти трупы, отнятыя наукою у вѣскокрущающаго времени, могутъ быть названы памятниками разумной предусмотрительности древнихъ законодателей Египта.

Послѣ отливки нильскихъ водъ, почва оставалась открытою влажнѣе, зловоніемъ плоти, въ которой разлагались трупы людей съ разнѣхъ кладбищъ, мелкихъ животныхъ и рыбъ, разнесенныхъ паводненіемъ по полямъ. Слѣдствіемъ этого была болѣзнь частію моровая язва и чума паводненіе было обширнѣе, тѣмъ лѣтѣ было повальнѣе. Правители страны, обративъ на это обстоятельство должное вниманіе, приняли мѣры къ устраненію смертоносныхъ миазмовъ, введеніемъ въ релігію установленія объ обязательномъ бальзамированіи человеческихъ и даже животныхъ труповъ. Сожженіе ихъ было бы болѣе рациональнымъ мѣромъ, но законодатели знали, что совершенное уничтоженіе трупа, полезное въ отношеніи гигиеническомъ, можетъ гибельно вліять на народную

(!) Въ приготовляемой нами для изданія въ свѣтъ Исторіи египтянъ мы излагаемъ подробно мѣологическую и мистическую ботанику древняго и новаго міра

правственность, подрывая уважение къ памяти правителей и ослабляя родственный связи.

Съ VI вѣка по Р. Х. до начала текущаго столѣтія дѣлаемы были многочисленныя наблюденія надъ морowymi язвами и наблюденія эти привели къ неопровержимому убѣжденію, что колыбель морowych повѣтрій—Египетъ, въ которомъ въ древнія времена о нихъ почти не было и слѣду. Проповѣдники христіанства, въ особенности же св. Антоній, умершій въ 356 году, строжайше запретили обращеннымъ слѣдовать языческому уставу бальзамирования „яко дѣлу Божескому“... Неофиты повиновались — и въ 543 году въ Египтѣ, послѣ долгаго, двадцатилѣтняго отсутствія, снова возникла чума, распространившаяся по всему старому свѣту и поглотившая милліонами людей, и съ тѣхъ поръ, послѣ наводненій Нила, рѣдкій годъ не сопровождался этихъ страшныхъ чудовищемъ, котораго можно было назвать возродившимся Тифономъ. Такого мнѣнія доктора *Паризе* (Pariset), принятое за авторитетъ ученымъ европейскимъ міромъ.

Вотъ подробный разсказъ Геродота о погребальныхъ обрядахъ Египта и о приготовленіи мумій, сохраняющихся въ наше время во всѣхъ европейскихъ музеумахъ и, между прочимъ, у насъ въ академіи наукъ и императорскомъ Эрмитажѣ.

По кончѣ главы семейства, женщины покрывъ себя лица грязью, распустивъ волосы, съ воплями и рыданьями бѣжали по городу; мужья, потерявшіе женъ, точно также выражали свою скорбь. Послѣ того тѣло отдавали бальзамировщикамъ — *тарихестамъ* и *голистами*, съ которыми заблаговременно условливались въ цѣнѣ, судя по степени пренарировки и чистоты похоронъ. Бальзамированіе бывало нѣсколькихъ родовъ. Самый простѣйшій состоялъ въ набивкѣ внутренности трупа дешевыми смолами и травами, въ его высушкѣ посредствомъ семидесятидневнаго погруженія въ *натронъ* (*). Послѣ этихъ приготовленій, трупъ

запихивали въ грубый саванъ и клали въ общественныя катакомбы, т. е. кладбища въ пещерахъ. При болѣе сложной, а потому и болѣе цѣнной бальзамировкѣ, внутренность трупа очищали кедровыхъ масломъ, тѣло высушенное въ натронѣ пеленали по частямъ, или все сплошь, въ холщевыя полосы, пропитанныя тѣмъ же масломъ или другимъ, противуположнымъ, смолистымъ растваромъ. Затѣмъ его клали въ гробъ, болѣе или менѣе изукрашенный рисунками; на перелой части гроба начерчивали имена матери покойнаго, его самого и званіе, которое онъ имѣлъ при жизни. Гробы простыхъ гражданъ дѣлались изъ дерева сикоморы; гробы царей и верховныхъ жрецовъ высѣкались изъ гранита или базальта.

Пріемы египетскихъ прозекторовъ были слѣдующіе:

Прежде всего, кривокопатымъ жолобомъ они сквозъ ноздри трупа извлекали мозгъ; въ опростанный черепъ вливали жидкое твердѣющій растворъ смолы. Изъ головы многихъ мумій, были вынуты куски въ видѣ слѣшковъ, отлитыхъ по формѣ мозговыхъ чашекъ. Глаза выпинались изъ орбитъ и замѣнялись эмалевыми; волосы у мужчинъ загибались, у женщинъ залетались въ косы и надобно отдать справедливость египетскимъ парикмахерамъ: ихъ произведенія смѣло могутъ потягаться съ косами и шиньонами новѣйшихъ парижскихъ куаферовъ. На лѣвомъ боку туловища остремъ каменечъ дѣлали надрѣзъ, сквозъ который вынимали грудныя сосуды, желудокъ и кишки. Полости грудную и брюшную промывали отваромъ благоуханій въ пальмовомъ винѣ, до суха вытирали душистыми травами и начиняли миррою, оилками душистаго дерева съ примѣсью металлическихъ или каменныхъ фигурокъ божествъ или символическихъ звѣрей. Семидесять дней тѣло лежало въ натронѣ; мясо и мускулы истѣвлялись и отъ всего трупа оставались только кости и кожа. Иногда вмѣсто набивки трупа въ его артеріи вливали извлеченной крови вливали химическій составъ, придававшій кожѣ натуральный цвѣтъ, а членамъ гибкость и упругость. Вынутыя внутренности варили въ смолѣ; сердце и печень завертывали отдѣльно въ целую и складывали въ четыре сосуда, заливая смолою. Сосуды эти называются *капотапи* и выдѣлывались они изъ разныхъ веществъ—отъ простой обожженной глины до

(*) Подъ именемъ натрона въ старину предположали селитру. По новѣйшимъ изысканіямъ этихъ веществъ древніе называли самороднымъ дууглекислымъ натрѣ (соду).

драгоценнаго посточнаго *алавестра* ⁽¹⁾ и гравита. Они имѣютъ видъ опрокинутого конуса, и на крышкахъ нарисованы головки: человека, шакала, ястреба и кинокефала, изображающіи четырехъ адскихъ духовъ: Ахсета, Хани, Сумаутфа и Хебхсива.

Послѣ осушки въ натронѣ, тѣло предавалось погребенію. Каждый палецъ отдѣльно забинтовывался тесемками, кисть руки и вся рука особо: такъ же поступали съ ногами, туловищемъ и въ особенности съ головою. Ближайшею оболочкою тѣла служили: виссонъ, тончайшій холстъ или кисей; на нихъ постепенно накладывались слои другихъ болѣе грубыхъ ситальниковъ, вся же ихъ масса прилегалъ къ лицу такъ плотно, что по снятіи ея съ муміи, въ нее какъ въ скульптурную форму можно было отливать гипсъ и получить, такимъ образомъ, маску съ лица покойника.

У нѣкоторыхъ мумій этого разряда на почтѣхъ рукъ и ногъ замѣчена позолота; встрѣчались экземпляры съ позолоченными глазами, ртомъ и даже цѣлою головою. Тѣла царей вообще завертывали въ куски золотой фольги или листового золота. Передъ бинтованіемъ рукъ имъ придавали узаконенное положеніе: руки женщинъ скреплялись на животѣ, руки мужчинъ вытягивали вдоль боковъ, иногда же скрепляли на груди, такъ что кисти рукъ приходились на плечахъ. Пальцы труповъ украшали кольцами; въ гробы клали символическія фигуры и свитки папируса съ изображеніемъ загробныхъ скитаній души... Окончательной операціей было погруженіе трупа въ расплавленную смолу, которая пропитывала его до мозга костей и заставляла превращала его въ кукулу или статую—вѣчную, несокрушимую. Такъ надъ пирамидами Египта, въ которыхъ покоились муміи, происелись вѣка, унесшіе на своихъ крыльяхъ сотни тысячъ поколѣній; созидались и разрушались царства, киѣли войны, свирѣпствовали землетрясенія — а муміи остались чѣмъ были и нынѣ—сохраненныя въ европейскихъ

(1) Не должно смѣшивать алавестра древнихъ съ нынѣшнимъ алабастромъ. По новѣйшимъ изысканіямъ, этотъ камень былъ или полевой шпатъ или лабрадоръ, отличающіеся превосходными радужными переливами. Сосуды изъ этого камня употреблялись преимущественно для богослуженія, и у египтянъ обычай этотъ былъ принятъ іудеями.

музеяхъ, онѣ могутъ быть болѣе подвержены порчѣ, нежели въ стѣнахъ родимыхъ пирамидъ или катакомбахъ.

При укладѣ труповъ въ гробы, съ ними выѣстъ клали атрибуты званія покойныхъ: съ кувцами складные аршины (локты), съ шкестелями свитки папируса, тростинки; со жрецами — жезлы и орудія богослужебныя; наконецъ, съ дѣтьми — ихъ игрушки.

Родственники и друзья усопшаго сопровождали его трупъ до послѣдняго жилища. При погребеніи въ изголовьи гроба ставили канопы со внутренностями и цѣлый ящикъ, наполненный статуями и бастами похороненнаго съ подписями его имени и званія. У гробницъ ставили также *погребальные стѣны* — картины извѣстныхъ или нарисованныхъ на каменной плитѣ съ изображеніемъ проводовъ, портретами родныхъ и спискомъ сдѣланныхъ ими приношеній. Гробницы ставили или въ общія катакомбы или въ отдѣльный семейный склепъ; знаменитыя пирамиды ничто иное какъ царскіе склепы. Въ верхнемъ Египтѣ катакомбы извѣсны въ скалахъ горы Ливійской и муміи сложены тамъ, какъ деревянные полѣны въ громадномъ количествѣ, не смотря на то, что окрестные жители истребляютъ ихъ на хозяйственныя потребности — именно на топливо для кухни... *Оларз*, истребившій Александрійскую бібліотеку всегда найдетъ достойныхъ себя преемниковъ! Кочевые бедуны употребляютъ вѣсто дровъ египетскія муміи, а потомки древнихъ грековъ и римлянъ выдѣлываютъ себя чаши для умыванья изъ обломковъ мраморовъ Фидія и Праксителя — одно другаго стоятъ!

За похороненіе трупа въ катакомбахъ жрецамъ платили ежегодную подать; муміи принимались въ залогъ заимодавцами вѣсто векселей: невыкупившій заложенной муміи навлекалъ на себя неизгладимое безславіе. Иностранцевъ, умершихъ въ какой нибудь изъ областей Египта, хоронили съ подобающими почестями на общественный счетъ... Кромѣ того извѣстно, что во время пишествъ въ столовую вносили гробъ съ муміею или мнѣйшаго ея подобіе. Неосновательно полагаютъ, будто это дѣлалось для побужденія гостей къ щедрому веселію: несеніе муміи вокругъ стола было напоминаніемъ о предкахъ и объ уваженіи къ ихъ памяти, такъ какъ за чашею вина человекъ всегда способенъ совершить посту-

почт недостойный себя, а потому и безславный для своего рода и племени.

Независимо от бальзамирования человеческих трупов, египтяне бальзамировали трупы символических зверей, птиц, рыбъ и пресмыкающихся: быковъ, барановъ, кошекъ, ихиеняоновъ, собакъ; птицъ, ястребовъ; змѣй и крокодиловъ... даже трупы жуковъ — скарибеевъ, пропитанные смолою и креозотомъ, сохранялись въ глиняныхъ урнахъ, какъ то доказано многими находками. На прилагаемомъ рисункѣ (9) изображены двѣ головы мумій и гробница съ рѣзнымъ изображеніемъ покойнаго на крышкѣ. Форма египетскихъ гробовъ имѣла обыкновенно видъ футляра человеческой фигуры съуженнаго и — округленнаго въ головѣхъ, широкое въ плечахъ и постепенно суживающагося къ ногамъ. Рѣзба и живопись, поражающія законченностью, а послѣдняя — яркостью и прочностью красокъ, могутъ быть названы своего рода совершенствомъ. Рисунокъ не всегда правдивъ, но за то вѣрно изображаетъ мысль художника, посылемуую, пророчитъ, письменами. — Обычай бальзамировать трупы, первый примѣръ котораго являеть намъ Египеть, — *въ древнемъ мірѣ*, существовалъ можетъ быть одновременно и *въ новолѣтн свѣтѣ* — въ Перу, Мексикѣ и Бразиліи. Намъ, европейцамъ, существованіе этихъ странъ извѣстно только съ первой половины XVI вѣка, какъ будто знаменитые разбойники и кровопийцы *Пизарро* и *Кортесъ* основали — а не открыли ихъ... Нѣтъ! бытіе Перу и Мексики, древностію своею поспорить съ Египтомъ и эти два царства, такъ называемаго, новаго свѣта, для Африки тоже, что Индія и Китай для Азіи, Египеть для Америки и Европы; изысканія новѣйшихъ археологовъ, безъ сомнѣнія, приведутъ къ точному оцѣнѣнію эпохи, начала гражданскаго быта Америки, эпохи отдаленной отъ нашего времени, конечно не однихъ тысячелѣтій.

Ознакомивъ читателя съ кастою жрецовъ Египта, со всѣми до нея относящимися подробностями, переходимъ къ *кастѣ воиновъ*, занимавшей послѣ жреческой первое мѣсто. Изъ нея возникла первая династія царей, сѣдѣвшихъ правителей обократовъ, съ предоставленіемъ имъ единственно духовной власти, безъ вѣнчательства въ строй гражданскій и военный.

Организація касты воиновъ была основана на тѣхъ же самыхъ началахъ, какъ и касты жрецовъ. Зналъ, что воинъ безъ осядлости, бездомный, безземельный — въ мирное время только бремя государству и довольно безвредный паразитъ для согражданъ, древніе законодатели закрепили воинскую касту за землею, свабивъ воиновъ пахатными участками. Мѣра тѣмъ болѣе целесообразна, что воинъ, защищающій родину отъ вторженія иноплемениковъ, отстаивалъ ее не въ видахъ самолюбія, а просто въ видахъ личнаго интереса, какъ неотъемлемую свою собственность. Надѣлъ землею, какъ можно предполагать, былъ не менѣе шести французскихъ арпановъ (12 *арпуровъ*) на семью, чего конечно было недостаточно, но государственная казна помогала воинской кастѣ, облегчая сверхъ того изысканія отъ поземельнаго налога (?). Во времена Геродота (484 г. до Р. X.) численность военныхъ силъ Египта простиралась до 410,000 человѣкъ, собранныхъ съ двухъ половъ царства и раздѣленныхъ на два отряда: *кализиревъ* и *гермотибеевъ*. Въ отдаленнѣйшія времена, при Сезострисѣ въ особенности, число войскъ было, конечно, втрое больше. Отрядъ тѣлохранителей фараоновъ состоялъ изъ двухсотъ человѣкъ, получавшихъ, независимо отъ душевнаго надѣла, ежедневно: литъ фунтовъ хлѣба, два — мяса и двѣ мѣры вина. Для пущаго прикрѣпленія воиновъ къ землѣ и осядлости — женитьба была для нихъ обязательна. Семейный человѣкъ плохой воинъ въ войнѣ наступательной, за то благоудежнѣе безсемейнаго бобыля — въ оборонительной войнѣ.

Тактика и стратегія древнихъ египтянъ не измѣютъ къ предмету нашего труда ни малѣйшаго отношенія, а потому, не распространяясь объ этихъ военныхъ наукахъ, скажемъ только, что конницы у египтянъ не было; ее, и ивышнюю артиллерию замѣняли боевые колесницы. Пѣхота по вооруженію раздѣлялась на легкую и тяжелую, были также отряды стрѣлковъ. У каждого полка были свои *знамена* или *значки* на высокихъ древкахъ и состоя-

(1) Шесть арпановъ французской поземельной мѣры равняются 1,87764 русской десятины.

Бъ стр. 152.

Рис. 9 (а). Головы мумий.

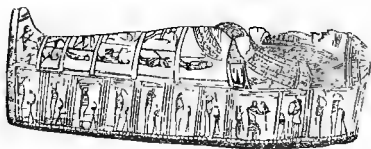

Рис. 9 (б). Гробница мумии.

ние изъ изображеній боговъ и символическихъ зѣрей. Въ Оивахъ, на барельефахъ Рамессеума, сохранилось до нашего времени множество картинъ изъ военного быта, изображающихъ битвы морскія и сухопутныя, и дающія самыя обстоятельныя свѣдѣнія о бытѣ военной касты въ Египтѣ. Начало военного флота относится ко временамъ Селостриса, бывшаго для Египта тѣмъ же, тѣмъ были Киръ для Персїи; Александръ — для Греціи.

Царь былъ всегда и главнокомандующимъ, имѣя поцъ своимъ начальствомъ предводителей большихъ отрядовъ; а эти, въ свою очередь — малыхъ. Чины и званія отличій существовали съ подраздѣленіемъ на многія степени. Оружія состояли изъ стрѣловыхъ луковъ съ тетивами изъ животныхъ кишечъ, изъ стрѣлъ и дротиковъ съ костяными и бронзовыми наконечниками, тростяныхъ копій съ наконечниками каменными (кремневыми); изъ мечей, кинжаловъ, бердышей, щитовъ, латъ и шлемовъ — кожаныхъ и меднѣлоческихъ. Музыкальные инструменты состояли изъ барабановъ, киялазовъ и флейтъ. Плутархъ говоритъ, что перстни членовъ военной касты были украшены изображеніемъ *жсук-скарабея* (scarabaeus sacer L.), по той причинѣ, будто въ этой породѣ насекомыхъ вовсе нѣтъ самокъ; главнѣйшими же символами касты были: *ястребъ* и *коршунъ*. Въ Египтѣ существовало погѣрье, что коршунъ за недѣлю до сраженія кружитъ надъ мѣстомъ предстоящей битвы; онъ же поворачивается головою въ ту сторону, въ которой войска потерпятъ пораженіе. Передъ началомъ битвы, египетскіе *авиуры* (птицегадатели) предвѣщали побѣду по этимъ признакамъ; на барельефахъ, изображающихъ битвы, ястребъ или коршунъ изображался надъ головою царя, летающимъ на неприятельскія полчища.

Славолюбивую воинскую касту и ея подвиги чествовали въ Египтѣ вѣнцами, живописью, воспеваніи и поэзіе; послѣдніе точно также щедрѣлись на похвалы и на предреканія побѣдъ (богѣе или менѣе несбыточные) какъ и римскіе поэты нашего времени. Каста воинская, подобно жреческой, не только не имѣла съ народною ни чего общаго, но обладала отдѣльными городами и жила въ отдѣльныхъ селеніяхъ, въ родѣ знаменитыхъ нашихъ — арачческихъ. Тѣмъ не менѣе, вопреку древняго Египта, грозный вѣншему вра-

гу, никогда не бывалъ обидчикомъ мирныхъ своихъ земляковъ пашей касты и не отличался, пользуясь безнаказанностію — ни ухарствомъ, ни молодечествомъ, ни озарничествомъ, которыми отличаются защитники отечества во многихъ современныхъ государствахъ гуманной и цивилизованной Европы.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Каста народная. — Правы и обычаи. — Пищъ. — Нанятки. — Земледѣліе и полководство. — Скотоводство. — Искусственная выведенная домашняя птица. — Мастерство: тончайшее, литейное и кузнечное, ткацкое, столярное. — Туровля. — Ярмарки. — Праздники Озириса и Изиды, Бубастиды. — Самоубийства. — Праздники домашнихъ. — Значеніе огня въ религіозныхъ обрядахъ. — Его вліяніе на человѣческой ортонизмъ. — Драки на праздникахъ Гома. — Идолы асломанъ. — Вывосаніе Эоипіи. — Солнце и коршунъ. — Религіи народовъ соседнихъ египтянамъ.

Египтянинъ, не принадлежавшій ни къ жреческой, ни къ военной кастѣ, причислялся къ третьей и послѣдней кастѣ — *народной*, заключавшій въ себѣ, врозь земледѣльцевъ: купцовъ и ремесленниковъ. Народъ, хотя и ограниченный во многихъ правахъ, пользовался правомъ голоса на выборахъ и при посмертномъ судѣ надъ царемъ. Въ послѣднемъ случаѣ, по безапелляціонному приговору народному, царь не только зпмался погребальныхъ почестей, но самое имя его сглаживалось съ памятниковъ и публичныхъ зданій, воздвигнутыхъ въ теченіе его царствованія. Слѣды исполненія приговоровъ народныхъ надъ памятью фараоновъ до нынѣ сохранились на многихъ барельефахъ и надписяхъ ⁽¹⁾.

При благодатномъ климатѣ, мудрыхъ законахъ, врожденной своей вротости и нелицемѣрной набожности — народъ египетскій не могъ называться счастливымъ. Въ семейномъ быту соблюдался ласковость со стороны старшихъ къ младшимъ и глубокое уваженіе послѣднихъ къ первымъ; старики пользовались всеобщимъ уваженіемъ, а

⁽¹⁾ См. выше: глава III, стр. 41.

равно и женщины. Воспитаніе дѣтей женскаго пола возложено было на матерей семействъ; отцы были наставниками мальчиковъ и первыми ихъ учителями въ своихъ ремеслахъ. Обязательное воспитаніе профессіи отца и невозможность изъ нижней касты переходить въ высшую, являл тѣ полезныя послѣдствія, что способствовали усовершенствованію ремеселъ и искусствъ, развитію торговли.

Приступая къ описанію народнаго быта, мы начнемъ съ самаго существеннаго, именно съ *пищи* древнихъ египтянъ. Мясо: бычачье, козляное и овечье было во всеобщемъ употребленіи. Послѣ того что мы говорили о символическихъ животныхъ, читателю безъ сомнѣнія покажется страннымъ употребленіе ихъ въ пищу. Надобно полагать, что египтяне употребляли мясо палыхъ животныхъ и едятъ ли рѣшались посягать на ихъ жизнь. Свиныня была закономъ запрещена и свинопасы почитались отщепенцами, не смѣвшими входить въ храмы. При погребѣхъ со свиннымъ стадомъ, египтянинъ бѣжалъ къ рѣкѣ и немедленно омылся. Хлѣбъ пекли изъ муки ямса или *сорго* (*holcus sorghum* L.) въ видѣ лепешекъ, или чурена (какъ у насъ на Кавказѣ), называемыхъ *киллеманли*. Фруктовъ и овощей было такое обиліе, что ими одними можно было бы довольствоваться круглый годъ. Евреи въ пустыни сожалѣли о покинутыхъ ими рыбной пищѣ и овощахъ, дыняхъ, арбузахъ, мушъ, порей, чеснокъ — пользовавшемся у туземцевъ особеннымъ уваженіемъ ('). Плоды пальмъ думь, мироболаны, крупный виноградъ, лотосъ, грепавды, смоквы. финики до озвляли длинный списокъ растительныхъ силъ царства фараоновъ. Изъ властныхъ растений назовемъ: клещевину (*Ricinus communis* L), доставлявшую масло для освѣщенія; пряности, смолы. Изъ ячменныхъ зеренъ египтяне варили пиво, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ былъ недостатокъ въ виноградѣ. Впрочемъ при всей возможности египтяне мало пользовались и винами и ихъ суррогатами: пивнотъ и жидкихъ медотъ. Любимѣйшимъ напиткомъ всей страны, отъ царя до послѣдняго нищаго, была вода рѣки Нила, вода которую до-

(') Щука проправленная чеснокомъ и самый чеснокъ повсемѣстно составляютъ любимыя блюда еврейской кухни. Нѣтъ ли связи между этими блюдами и отдаленнѣйшими преданіями о бытѣ этого народа?

ставляли царямъ даже во время ихъ походовъ въ чужія страны. Во время разливовъ она становилась мутна и получала непріятный вкусъ, тогда ее очищали процеживая сквозь толченый горный миндаль или бросая въ нее куски дерева олеандра (*Nerium oleander* L.). Этихъ же самымъ способомъ и Моисей, по сказаніямъ библейскимъ, очистилъ горную воду, обрѣтенную въ пустынь израильскими скитальцами и сдѣлать ее годною къ употребленію. Для сохраненія воды сыжею и холодною, египтяне употребляли большіе сосуды изъ пористой глины, называемыхъ *куз*.

Земледѣліе, тѣсно связанное съ разливами Нила, было доведено въ Египтѣ до высокой степени совершенства. Для удержанія воды были водосемы, каналы; для предохраненія земли отъ размытыхъ наводненіемъ, поля обсаживали кустарниками, а прибрежныя луга густыми тростниками. Искусственное орошеніе полей было извѣстно со временъ незапамятныхъ. Обработка земли производилась на быкахъ; плуги и сѣхи были деревянные, такъ какъ при рыхлости почвы не было надобности прибѣгать къ металлическимъ орудіямъ. На засѣянную полосу (какъ показываютъ рисунки на древнихъ памятникахъ), пускали стадо овецъ или козловъ „для углубленія въ землю посѣянныхъ зеренъ,“ какъ полагаютъ иные комментаторы; на сажахъ же дѣлѣ можетъ быть для удобренія. При жатвѣ участвовали женщины и дѣти; хлѣбъ жали длинными серпами, похожими на наши косы; левъ вырывали съ корнемъ. При открытіи полевыхъ работъ, фараоны подобно импѣраторамъ китайскимъ ('), проводили сохою по одной полосѣ собственнаго своего поля, доказывая тѣмъ свое уваженіе къ чистѣйшему и благороднѣйшему изъ всѣхъ ремеселъ — земледѣлію. На картинахъ изображающихъ обитали блаженныхъ душъ, послѣднія занимаются тамъ земледѣльствомъ, точно также какъ и во время пребыванія своего въ подлунномъ мірѣ въ тѣлесной оболочкѣ.

Послѣ и уборка сѣна и *виссона* (хлопчатникъ: *Gossypium* L.) производилась точно такимъ же порядкомъ, какъ и шитье; о видѣхъ тканей изъ этихъ растений мы поговоримъ при обзорѣ про-

(') См. Томъ II Китабъ: гл. XII, стр. 186.

мышленности древняго Египта. Огороды и фруктовые сады, а равно и виноградики щедро вознаграждали земледельцев за их труды. Из овощей особенно славилась въ Египтѣ корнеплодная и луковичная, пользовавшаяся (какъ мы уже замѣчали) репутаціею растений священныхъ, конечно за свои полезныя въ гигиеническомъ отношеніи свойства. Геродотъ и Плиній говорятъ, будто при постройкѣ Хеопсовой пирамиды, на продовольствіе рабочихъ потреблено было на шесть сотъ серебряныхъ талантовъ (около *двухъ миллионовъ рублей серебромъ*) только одной рѣпы и чесноку. Эта замѣтка древнихъ историковъ, если только она правдива, заслуживаетъ вниманія единственно въ томъ отношеніи, что даетъ понятіе о громадной массѣ работниковъ, въ теченіе многихъ лѣтъ, трудившихся надъ сооруженіемъ высочайшаго зданія въ мірѣ.

Первобытные зѣбрыоны — египтяне, начавъ заниматься земледѣліемъ, прилежно занялись и *скотоводствомъ*. Стада въ глубочайшей древности были главнымъ богатствомъ народовъ. Не исключая породъ домашнихъ животныхъ, но не можемъ не замѣтить, что лошади египетскія славилась статностью и силой, и изъ тамашнихъ заводовъ доставляли коней для войскъ Соломона, царя іудейскаго. Между тѣмъ у савихъ египтянъ конныхъ войскъ не было, а равно имъ не было извѣстно употребленіе верблюда при перевозкѣ путешественниковъ и тяжестей. По крайней мѣрѣ на древнихъ памятникахъ, до нынѣ еще не найдено рисунка съ изображеніемъ нагруженнаго верблюда. Что было причиною этого пренебреженія египтянъ къ услугамъ добраго животнаго, такъ вѣрно охарактеризовавшаго названіемъ *корабли пустыни*? Призывая послѣднюю жилищемъ Тифона и питая къ ней суровое отвращеніе и ужасъ, египтяне могли бы боялись верблюда, какъ животнаго, такъ легко переносящаго всѣ тягости пути сквозъ несущая раскаленные волны, выдерживающаго смертоносное дыханіе самума и хаменна... Не признавали-ли египтяне бѣднаго верблюда животнымъ, особенно любимымъ Тифономъ?

Одинъ изъ отдѣловъ скотоводства, именно разведеніе домашней птицы заслуживаетъ особаго вниманія, потому что въ Египтѣ съ древнѣйшихъ временъ было извѣстно *искусственное высиживание цыплятъ* въ печахъ особаго устройства, подробно

описанное Аристотелемъ, Діодоромъ-сицилійскимъ и Плиніемъ. Для этой высижки строились теплицы, отопляемые спизу съ сохраненіемъ неизменно одного и того же градуса теплоты, необходимаго для успѣшнаго результата. Въ каждой теплицѣ выводилось за разъ до пяти тысячъ цыплятъ, въ узаконенный двадцатипятидневный срокъ. При тщательномъ уходѣ и пропитаніи, выводки росли и развивались съ самымъ незначительнымъ процентомъ убыли. *Отъ Сикаргъ*, посѣтившій Египетъ въ прошедшемъ столѣтіи, видѣлъ тамъ цыплячи теплицы, устроенныя по образцу древнихъ и отопляемыя кизякомъ и сухенымъ камышомъ. Число цыплятъ, искусственно выведенныхъ, достигало ежегодно до ста миллионовъ головъ при 400 теплицахъ. Въ древности число это было конечно гораздо значительнѣе. Точно такія же искусственные способомъ разводили утокъ, гусей и прочую домашнюю птицу. Послѣдствіями этого полезнаго изобрѣтенія были: изобиліе и дешевизна пищи, доставлявшихъ вкусную и здоровую пищу — благо не послѣднее въ странѣ, гдѣ климатическія условія положительно запрещаютъ употреблять въ пищу мяса другихъ животныхъ, отчасти даже и рыбъ.

Перейдемъ теперь къ обзору промышленности. Начнемъ съ мастерства *гончарнаго*, доказательствомъ блестящаго положенія котораго служатъ безчисленное множество вазъ, сосудовъ, всякаго рода посуды, лѣпныхъ фигурокъ и украшеній, найденныхъ и паходимыхъ въ этой неистощимой могилѣ бывшихъ вѣковъ, называемой Египетомъ. Мурринскія вазы, которымъ за громадную цѣну вывозились въ Римъ изъ Персіи, преносходно выдѣлялись въ Фивахъ, гдѣ заводчики умѣли подѣлывать то вещество, изъ котораго приготавлились настояція мурринскія вазы; вещество это, по изысканіямъ г. *Розгера*, было полевой ипатъ. Изъ сосудовъ, выдѣлываемыхъ изъ разнородной глины, нельзя не упомянуть объ урнахъ, чашкахъ, вафрахъ, украшенныхъ рисунками одноцѣпными (вохрами), арабесками, наветенными эмалью и лѣпными фигурками. Этрусскія вазы древней Италіи можно назвать копіями вазъ египетскихъ, безъ сомнѣнія послужившихъ оригиналами для первыхъ. Кромѣ глины, матеріалами для выдѣлки посуды служили: алавастръ, змѣвикъ, бѣлый известнякъ, грантъ, базальтъ, хрусталь, разнородное стекло. Упомянувъ о стеклѣ, эмали и посудной да-

зурн, перейдемъ къ мастерству *литейному* или металлургіи со всѣми ея отраслями. Дѣловое желѣзо, бронза, мѣдь, золото, серебро, окраска тканей и сплавовъ металлическими окисями, были извѣстны съ Египтѣ съ незапамятныхъ временъ. Подданные фараоновъ умѣли очищать золото свинцомъ, плавить золото и серебро, золотить амальгамой, сплавлять золото съ бурой, цинять, лудить, вытраивать насажку, тянуть проволоку, бѣлить ткани сѣрыми парами и т. д. и т. д. Можно сказать безъ всякаго преувеличенія, что въ Египтѣ положительно всѣ ремесла были не далекі до того совершенства, до котораго они достигли въ наше время послѣ многихъ извѣстовъ улучшеній. Современная техника утратила только тѣ процессы и приемы, которые у египтянъ были сопряжены съ великими трудностями. *Ткацкое мастерство*, наприимѣръ, судя по образцамъ, находящимся во всѣхъ европейскихъ музеумахъ, было доведено до крайняго предѣла искусства и изящества. Египтяне выдѣлывали буажныхъ, крашеныхъ ткани; ковры, холсты и полотна, кисею и, наконецъ, виссонъ — мягкостью и нѣжностью не уступавшій кисей индійской. Да не удивитесь читатель, если мы скажемъ, что *столлярная издѣлка* египтянъ: мебель разнообразнѣйшихъ фасоновъ съ рѣзбовою, позолотой, наклеюйкой и мозаикой, могла бы занять не послѣднее мѣсто на любой изъ современныхъ промышленныхъ выставокъ. На древнихъ рисункахъ находимъ изображенія удобныхъ креселъ со спинками, на ливневыхъ ножкахъ, ящики и ларцы съ шкрустациями, табуреты, софы въ видѣ львовъ, тигровъ и т. п. Послѣ египетскаго похода Наполеона I, въ первые годы текущаго столѣтія, во Франціи вошли въ моду мебели, бронзы и столовая посуда въ древнѣе египетскіе стилѣ и старая эта повесть была съ удовольствіемъ принята почти повсемѣстно, и самые строгіе цѣнители изящнаго не могли сдѣлать ни малѣйшаго упрека этимъ подражаніямъ глубокайшей старины: они удовлетворяли самому утонченному вкусу. Не можемъ сдѣлать втораго опредѣленія блестящему состоянію ремеселъ въ древнемъ Египтѣ, сказавъ, что тамъ не было ремесленниковъ, а были художники, къ дѣлу своему относившіеся съ горячею любовью и неустаннымъ стараніемъ: живопись и скульптура были неизбѣжными спутницами каждаго ремесла.

Говоря объ источникахъ народнаго благосостоянія, нельзя не сказать о *торговлѣ*. Египція, Финикія, Ассирія, Іудея, Аравія, Индія и Китай развивались стоици природными и мануфактурными сокровищами съ Египтомъ, доставляя ихъ моремъ и сухимъ путемъ. Для склада товаровъ существовали гавани и торговые города, гдѣ въ извѣстное время бывали ярмарки. Отъ сосѣднихъ африканскихъ народовъ, египтяне получали: золото, черное дерево, Аравія снабжала ихъ своими благоуханіями; Индія — тканями, жемчугами и драгоценными камнями. Такова была внѣшняя торговля Египта, но и внутренняя была въ хорошемъ состояніи. Главнымъ центромъ внутреннихъ торговыхъ сношеній были Оивы, городъ свѣщенства, соединявшій въ извѣстныхъ эпохахъ въ стѣнахъ своихъ празднества религіозныя съ интересами торговли. Празднованіе *папетирій* въ Оивахъ, сопровождалось ярмарками, богатствомъ превосходившими нату макариевскую. Достойно замѣчаніи, что на древнемъ востокѣ повсемѣстно, торговыми пунктами были мѣста богомоля, прославленные богатствомъ храмовъ или чудесами кузировъ и оракуловъ. Въ этомъ случаѣ, священные города, давая вѣренной пріютъ торговлѣ, брали съ нея порядочную подать, въ отплату за свое гостепріимство. Египетъ не отставалъ отъ Индіи и Китая, и жрецы его, заботясь объ успѣхахъ торговли, не забывали и себя.

Упомянувъ о празднествахъ папетирій, считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о религіозныхъ праздникахъ и церемоніяхъ древняго Египта. Послѣ религіи браминовъ и буддизма религія страны фараоновъ могла назваться богатѣйшею по части праздниковъ. На нихъ стекались многіи тысячи народа и если жрецы готовились къ нимъ предварительными моленіями, то простодушны ожидали ихъ какъ дней веселія и — распутивна. Мы уже говорили о празднествахъ Аписа, когда бѣднаго быка, выслужившаго свой срокъ при храмѣ, топили въ Нилѣ и на его мѣсто выбирала другаго. Первое событіе сопровождалось всеобщей скорбію, второе — весельемъ, переходившимъ наконецъ въ неудержимый разгулъ. Соправдано поздравляли другъ друга съ обрѣтеніемъ по-

ного Аписа, пришествию вселеніе души Озириса въ четвертогого избранника — роскошными обѣдами и обильными волліями.

Процессія Озириса и Изиды, во дни воспоминаній о томъ, какъ она его искала, нашла и предала погребенію (13 побѣры и 2 января по нашему лѣтоисчисленію) совершались съ нескладной роскошью и ослѣпительнымъ великолепіемъ. Кучиры бога и богини вѣдѣли съ ихъ сиволоми песни на особыхъ раззолоченныхъ паланкинахъ, называвшихся ковчегами (*наос*). Всѣ присутствовавшіе жрецы или съ обрѣзаннымъ головой; волосы жрицы были распущены. Тѣ и другіе отличались отъ народа бѣлыми касъ съ бѣлыми височными оцѣпками, цѣпочными вѣнками и гирляндами. Звукъ флейтъ, трубъ, кимваловъ и барабановъ оглашалъ воздухъ, слѣвались съ громами возгласаніи ликующаго народа. Геродотъ (кн. 4) упоминаетъ объ одной процессіи въ честь Изиды, при которой статуи богиши везли жрецы на четырехколесной колесницѣ. Св. Клементъ, александрійскій упоминаетъ о другой процессіи, на которой несли въ процессіи двухъ золотыхъ собакъ, петрѣба и ибиса; онъ же приводитъ слова Менандра, издѣвавшася надъ этими странствующими божествами, которымъ не сидится на одномъ мѣстѣ (*).

На *праздники Бубастиды*, въ городѣ Бубастѣ, пріѣзжали жители всѣхъ городовъ Египта. Рѣка Нилъ, въ продолженіе нѣсколькихъ дней была покрыта сплошной флотиліей лодокъ и барокъ великолѣпно изукрашенныхъ, наполненныхъ богомольцами обоего пола и музыкантами. По берегамъ тѣнились безчисленные впртели, развѣтвившіеся съ вѣхами по рѣкѣ въ лодкахъ, на смѣшкахъ и бранью, причѣмъ слышны въ лодкахъ женщины обнажали себя самымъ непристойнымъ образомъ. Для пріюта богомольцамъ, на берегахъ Нила и въ окрестностяхъ Бубаста устраивались временныя гостиницы; число же богомольцевъ на праздникъ Бубастиды, кромѣ дѣтей, превышало 700,000; вина въ одинъ день выпивалось равно столько же, сколько его потребляли въ Бубастѣ въ теченіе цѣлаго года.

На празднествахъ Нилы въ Бузирисѣ, жертвоприношенія сопровождались *самобичеваніемъ* всѣхъ присутствующихъ. При этомъ, особеннымъ усердіемъ отличались карійскіе греки, посланцы, которые не довольствуясь полсоставіемъ своихъ ситѣй и плечъ, — до крови расцарапывали себѣ кожу на лбу. Читая древніи сказанія объ этихъ бѣснующихся или однако же сомнѣваясь въ ихъ истинѣ и думая, что Геродотъ, нѣсколько частныхъ фактовъ принявъ за общее и неизвѣстное правило. Религія Египта требовала отъ человека умерщвленія плоти, правда! но умерщвленіе это должно было совершаться постепенно и постоянно, а не разъ въ годъ; — силой духа торжествующаго надъ животными побужденіями тѣла, а волею или *дисциплиною*. Фанатизмъ и мучѣны, конечно, могли быть и между египтянами, но египтяне таковыя жрецы возводили въ догматъ нѣтъ, физическое самониставленіе.

На праздникахъ Ниломъ (Мисерисъ) въ Сансѣ, весь городъ изукрашивали миллионами лампадъ; кипенныя возможности присутствовать на праздникѣ зажигали лампады у себя дома. Это напоминаетъ намъ индійскіе и китайскіе праздники (*) въ этомъ же родѣ, но не зная положительно, на чей сторонѣ старшинство, мы и не беремся рѣшать вопроса: Египетъ-ли заимствовалъ свой праздникъ у Индіи и Китая, или послѣдніе — свои празднества у Египта. Какъ-бы то ни было, у всѣхъ древнихъ народовъ, отдаленныхъ другъ отъ друга, являлись — разобщенныхъ другъ съ другомъ — морями, цѣпами высочайшихъ горъ или непроходимыми песчаными пустынями — яркіе огни факеловъ и лампадъ были всегда спутниками религіозныхъ празднествъ. Въ этомъ случаѣ человеку мысль: свѣтъ чествовать божество — источникъ свѣта, зрѣлище пламени возбуждалъ себя въ веселью. До сихъ поръ отъ вниманія физиологовъ ускользаетъ какъ-то одна, довольно странная особенность человѣческаго организма — именно вліяніе на него яркаго огня, сопровождаемое болѣе или менѣе сильной напряженностью нервовъ. Вѣрный помощникъ, человека во всѣхъ его трудахъ и

(*) S. Clem. Alexandr. Strom. Lib. V et Protrep.,

(*) См. Т. I гл. XIX, стр. 152, — Т. II, стр. 176.

въ большей части произведений рукъ его, *огонь—суррогатъ солнца, ильетъ свойство вселить человека*, точно такъ же какъ сумракъ и тьма ильютъ совершенно обратныя свойства. Справедливость этой зачѣтки можемъ подтвердить двумя, тремя примѣрами. Читателямъ, безъ сомнѣній, по собственному опыту известно, что въ ярко освѣщенной комнатѣ охотнѣ бѣгутъ и плещутъ нежель въ полу-тьнѣ, гдѣ самое излившее блудо кажется мѣтѣ вкусымъ, гдѣ и застоявшаяся бесѣда рѣдко бываетъ олуменелая и веселая. Фойершери—забавя разорительная, поглощающая безвозвратно большіе деньги, а между тѣмъ доставляющая большое удовольствіе не только простовѣдникамъ, но и большинству людей образованныхъ сословій; иллюминаціи—неизбѣжная спутница каждаго народнаго праздника, пошлѣнство. Странное, необъяснимое наслажденіе, доставляемое зрѣнію человека зрѣющимъ яркаго пламени побуждаетъ весьма многихъ, преимущественно женщинъ и дѣтей посѣщать пожары... Изъ числа зпкомыхъ нашихъ есть ислѣпольно люди. людей солидныхъ лѣтъ, ильютыхъ привычку, даже въ глухую почую пору ѣздить на пожары, чтобы любоваться картиной, въ сущности вовсе не веселой. Такъ называемая *пироманія*—непреодолимая склонность къ поджигательству, нѣрѣдко замѣчаемая въ дѣтяхъ и женщинахъ, есть конечно та же любовь къ огню, доходившая до безумной страсти. У насъ бывали, и до сихъ поръ бываютъ, привычки поджоговъ, совершаемыхъ малолѣтними, которые показавъ первоначально на допросахъ, что ихъ подучали взрослые, впоследствии признаются, что совершили преступленіе *по собственному побужденію*. въ которомъ не могутъ дать пѣрнаго отчета не только судьѣ, но даже и себѣ самимъ: видѣ пѣрнаго пламени доставляетъ нѣтъ наслажденіе, заглушающее чувства жалости и ужаса при видѣ бѣдствія, по ихъ видѣ постигающаго родныхъ и единокровныхъ...

II. это ли самое чувство побуждало Нерона съездъ Римъ, а Мавродонцевъ — Персеполь, не оно ли побуждало завоевателей бѣднѣхъ вѣрнѣе пыжнать покоренные или города, празднующіе победы лѣками страшными иллюминаціями?

III. Намѣреніемъ были празднества Гома или Дюма (Марса), на которыхъ статуя божества, запертую въ раззолоченномъ шка-

фѣ, везли на колесницѣхъ жрецы. При ихъ приближеніи къ храму иль загораживали дорогу другіе жрецы, вооруженные палками и начинали съ ними испугочное побоище: дѣло рѣдко обходилось безъ увѣчныхъ и раненныхъ. Ослабленные фанатизмомъ, египтяне вѣрили впрочемъ сами, и увѣрили другихъ, что отъ разъ и увѣчныхъ, нанесенныхъ на праздничныхъ Гома, никогда и нико не умираютъ... Не велика однако же и радость считать изувѣченною на всю жизнь!

Иль Курцій, а за нимъ и япотіе другіе историки рассказываютъ, что оракулы Ампота, веземый жрецами на колесницѣхъ, отвѣчали на задаваемые ему вопросы *движеніемъ рукъ и голоса*. Для лучшаго уразумѣнія этого чуда, просимъ читателя взглянуть на дѣтскую игрушку: зайчика играющаго на барабанѣ въ то время, когда дитя везетъ его на тележечкѣ... Точно такой же механизмъ приобщилъ въ движение и знаменитый оракулъ древности, принадлежавшаго Александра Македонскаго своему сыноу.

Кромѣ оракулотъ-автоматовъ и говорящихъ иологовъ, въ Египтѣ были кушеры, свавѣвшие болѣе хитрыми хекапизмомъ. Нѣкоторые изъ нихъ вращали глазами, крестѣли, встопали благоуханія, извергали жгучія пскры при малѣйшемъ прикосновеніи... Всѣ эти *фокусы*, величавые въ древности чудеса, подтверждаются только все сказанное нами выше о жрецахъ, свѣдущихъ въ химіи и физикѣ въ тѣ времена когда науки были достоинствомъ немногихъ избранныхъ.

Объяснивъ общіе религіи древняго Египта — до перехода къ численію его храмовъ и памятниковъ, мы не можемъ обойти вниманіемъ религіи *Зоіопіи*, религіи отчасти започтованной у египтянъ, а также и религіозныхъ вѣрованій африканскихъ народовъ, сѣднѣхъ Египту.

— Иль Зоіопіи, говоритъ *Страбоу* (кн. XVII)—признать одного, безсмертнаго Бога, начало всего видимаго, и другаго Бога, смертнаго и безличнаго. Кромѣ того, богами пошече они называютъ своихъ благодѣтелей и людей знатнаго происхождения. Живущіе на вѣднѣхъ въ тѣ лѣтѣ безбожниками, на томъ основаніи, что они пеняли на солнце и при восходѣ свѣтила омынаютъ его проклятіями по той причинѣ, что оно все пожнгаетъ своимъ пошемъ и заставляетъ жителей искать пріюта во влажныхъ

и божественных мѣстахъ. Жители Мероа поклоняются *Геркулесу*, *Нану* и *Изидь* и еще одному племенному божеству. Нѣкоторые изъ нихъ брасаютъ жертвенновъ стоишь въ воду; другіе же хранятъ ихъ у себя дома въ большихъ стеклянныхъ сосудахъ; третьи, наконецъ, хоронятъ покойниковъ близъ храмовъ въ гробахъ изъ обожженной глины. За исключеніемъ воиновъ — египетскихъ, всѣ прочіе жители сѣверныхъ и среднихъ областей страны поклоняются верховному божеству *Ассабину* (солнцу), называющему гречами и римлянами *Юпитеромъ ионическимъ*. Этому божеству въ Эіопіи былъ посвященъ кипчакъ (коричневое дерево: *persea cinnamomum* L.), которымъ жители пели важный торжъ съ чужими краями. Сборъ корицы или кипчака, предоставленный жрецамъ, сопровождался странными религиозными обрядами. Начинать сборъ слѣдовало до восхода, а оканчивать его до заката солнца. Все собранное количество, особенно священною стрѣлою, дѣлилось на три доли: двѣ трети уносили жрецы, а третью оставляли солнцу, которое, въ знакъ своего удовольствія, возлагало оставленную жрецами корицу. *Теобристы*, упоминая объ этомъ называютъ это сожженіе бациномъ, по *Плинію* (Ист. міра кн. XII гл. 19) и *Солнцу* (гл. XXXI) не выражаютъ даже и малѣйшаго сомнѣнія. Само собою разумѣется, что жрецы передъ уходомъ съ мѣста сбора, приносили къ оставленнымъ связкамъ корицы какой-нибудь горючій составъ, все что легко воспламенившись подъ жгучими лучами африканскаго солнца... Пшеница востая, на которую однако же во многихъ странахъ востока и запада подбѣвали легковѣрныхъ во времена и не настолько отдаленныя.

Правленіе въ Эіопіи почти поголовно было оскотическое и власть жрецовъ простиралась географичено даже на тамошняго царя. Жрецы Мероа, по преданію угоднаго имъ срока, обязывали царя отъ имени боговъ счестьный приговоръ, которому онъ непремѣнно обязанъ былъ повиноваться. Такъ случилось во времена Филаделфа съ *Эриксеномъ*, царемъ эіопетскимъ, который однако же, вмѣсто повиновенія, собралъ войска, осадилъ жрецовъ въ неприступномъ *золотомъ храмѣ* и овладѣвъ имъ перерѣзалъ невинныхъ оскотичей. Жрецы повторяли въ Эіопіи то, что въ древнемъ Египтѣ сдѣлалъ Менесъ.

Жители Ливійскихъ сазисовъ поклонялись почти исключительно *Аялону*, не питая особеннаго уваженія къ прочимъ божествамъ Египта. По мнѣнію стариннаго ученаго *Фосса* (*), ливійскій Аялонъ былъ нѣкто ирой, какъ *Хангъ*, печетивный сынъ Поя — патриарха. Сходство имело: Ханъ и Хаммонъ или Гаммонъ придаетъ этой догадкѣ нѣкоторое вѣроятіе. По словамъ Помпонія Мона — *Авиглы* или *Авигилы*, народы соседніе гарамантамъ и троглодитамъ, не вѣдя ни о какихъ божествъ кромѣ своихъ усопшихъ предковъ: или они вѣрили и соотвѣчали съ ними, почуя на ихъ могилкахъ; или пріепитившіе покойниковъ отыскали на задуманные вопросы (**). Жители Киренаки божотворили *Ваттуса*, уроженца острова Феры и основателя первой колоніи или царства Ливійскаго. Божествомъ его провозгласилъ по повелѣнію оракула жители Мавританскіе *Асмонаксъ*. Въ области, лежавшей между Киренакою и Мавританіею, былъ вождь *Монсуръ*, участвовавшій въ походѣ аргонавтовъ; тамъ же почитали въслѣдствіи божескаго почести императору *Септимію Северу*.

Жители Мавританіи поклонялись своимъ царямъ живыми и жертвами; изъ нихъ первое мѣсто принадлежало знаменитому *Шалъ*. Кромѣ того, по сказаніямъ Тертуліана, у нихъ было двѣ богини: *Версониа* и *Целеста* (небеса). Есть нѣкоторое основаніе предполагать, что первая была планета Венера, а вторая — Луна.

О религіи *атлантидовъ* — жителей западныхъ береговъ Африки мы расскажемъ въ слѣдующемъ отдѣлѣ нашего труда, посвященномъ описанію *сабизма*, или обоготворенію небесныхъ силъ, стихій и самой земли съ ея произведеніями.

(*) Vossius: de Idolatria, Lib. I, cap. 32.

(**) Pomponius Mela: Lib. I, cap. 8.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Планировка храмовъ. — Характеристика памятниковъ. — Преодоленіе техническихъ трудностей. — Познания древнихъ египтянъ въ механику. — Пирамиды. — Размѣры пирамиды Хеопсовой. — Сравненіе ея высоты съ некоторыми зданіями въ Европѣ. — Астрономическіе открытія. — Сфинксы. — Колоссы Мемнона. — Сказаніе объ извѣстномъ имъ звукахъ. — Свидѣтельство древнихъ. — Естественная причина чуда. — Особенности барельефовъ. — Обелиски. — Расаженіе ихъ въ роупеями. — Обелискъ Луксорскій и его высота. Громадное количество памятниковъ. — Александрія. — Медина въ Абу. — Дендерахъ. — Фивы. — Карнакъ. — Омбосъ. — Фивы. — Элефантина. — Нубія — Заключение.

Группируя своихъ боговъ и богинь на триады, египтяне при построеніи своихъ храмовъ, планировали ихъ на три отдѣла, посвящая первый богу; второй богинѣ, его супругѣ; третій ихъ дѣтищу. Эта пристройка къ главному зданію храма называлась *лестницей отпорожденія* или отдѣленіемъ родительныхъ (*намлиза*). Картины и барельефы, украшавшіе внутреннія и наружныя стѣны этого зданія, изображали съ весьма живыми деталями появленіе божественнаго поврощеннаго на свѣтъ. Високоудивленіи времени, когда первобытный, чистый деизмъ перешелъ въ боготвореніе царей и царичъ, египтяне изображали въ храмахъ рожденіе ихъ дѣтей, при содѣйствіи богинь: *Совены* или *Нилы* (родовспомогательницы), *Буты* (кормилицы боговъ) и *Нехемь* (илиньи). Въ Гермодионѣ, при Клеопатрѣ были сооружены храмъ бога *Мануа*, жены его богини *Риоо* и сына ихъ *Горфаре*. Подъ ихъ изображеніемъ была представлена царича египетская разрывавшаяся отъ бремени Птоломеемъ Цезаріемъ, рожающимъ ея отъ Юлія Цесаря. Тутъ же были начертаны и роскошь новорожденнаго съ самыми благопріятными для него пред-

вѣщаніями. Подобные храмы находятся въ Фивъ, Омбосѣ и Луксорѣ.

Переходя теперь къ описанію памятниковъ древняго Египта, дадимъ понятіе о характеристическихъ чертахъ египетской архитектуры. При первомъ взглядѣ на зданіе и памятники чужеземной страны, зрители поражаются ихъ громадными размѣрами, законченностью и изяществомъ отдѣлки при совершенномъ отсутствіи легкости и граціи. Въ памятникахъ Индіи преобладаетъ округленность; храмы украшены куполами; шортики, окна илафоны выведены сводами; въ египетскихъ же бросается въ глаза угловатость, прилизанность и въ отсутствіе свода, поведеніе которыхъ египтянамъ было неведомо. Это незначіе они выкупали героическимъ преодоленіемъ новыхъ трудностей строительнаго искусства, на которое древніе индусы почти не отваживались. Последніе съ удивительнымъ терпѣніемъ, въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, сѣпаясь сотнями поколѣній, выдавливали свои храмы и пагоды въ природныхъ скалахъ, не перенося строительныхъ матеріаловъ съ мѣста на мѣсто. Но то было у египтянъ. Вырубая и обтесывая гранитныя глыбы за нѣсколько десятковъ верстъ отъ постройки они переносили ихъ въ лугуны и здѣсь, складывая груды камней въ одно стройное цѣлое, создавали искусственныя горы, извѣняли поверхность земнаго шара. Постройки египтянъ — работы титановъ. Прочезидшихъ одну гору на другую, чтобы достигнуть до неба! Перевозка лугогого обелиска въ Парижъ и поставка его на площади Согласіе въ 1836 году, въ наше время, надѣлала шуму во всей Европѣ и сдѣлала извѣстными именъ морскихъ плавателей, Мимероли и Лебѣ. Доставка въ Петербургъ грома-каменя для pedestala статуи Петра Великаго (въ 1777 году) и юмента для Александровской колонны (въ 1830 г.) прозвала имена Ласкари и Яковлева. Не осмѣливаясь умалить заслугъ вышеупомянутыхъ даровитыхъ людей, но еще того же, не осмѣливаясь сравнивать ихъ подвиговъ съ подвигами египтянъ на подвигѣ строительнаго искусства, египтяне воздвигнувшихъ аниманды, плавалихъ сфинксовъ, статуй Мемнона; построившихъ множество храмовъ, водружившихъ сотни обелисковъ, изъ которыхъ нѣкогіе расхищены

Къ стр. 169.

Рис. 10 (а). Архитектурныя детали.

Въ стр. 169.

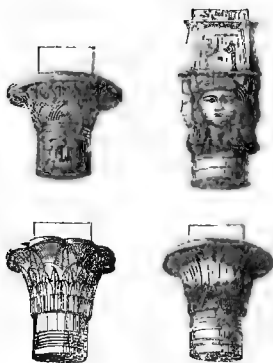

Рис. 10 (b). Архитектурныя деталн.

еще со времени римского владычества по разным столицам Европы. В наше время при содействии паровой силы, при совершенстве механизмы, легко перевезти из-за тридцати морей какой угодно памятник; в наше время при продолжении железных дорог приближают и сближают пыльные горы, засыпают пропасти, осушают болота, переносывают мосты, строят виадуки, водопроводы—скоро и безъ особенныхъ затруднений... Но все-таки тысячъ лѣтъ тому назадъ, подобные сооружения требовали не только времени и соразмерно тому чуждымъ рабочимъ рукъ, особенно при такихъ неблагоприятныхъ условияхъ для построекъ, при какихъ находились египтяне.

Первое мѣсто, межъ нами никаки древняго Египта, принадлежатъ, разумеется, *пирамиды*. Безсмертная дарственная гробницами. „строить горамъ постройку чуждымъ“ какъ называлъ ихъ знаменитый французскій поэтъ (1). Сооруженіе ихъ относится къ вѣрецамъ царствованія трехъ первыхъ царей четвертой династіи (5121—4673 г. до Р. X.): *Сфрисъ, Сенсуфисъ и Мантсересъ*. Около трехъ главныхъ Джизийскихъ пирамидъ разбросано нѣсколько другихъ, гораздо меньшихъ. Эта группа находится не въ дальнемъ разстояніи отъ пирамидъ Сакхары, входящихъ на сѣверъ и отдѣленныхъ отъ Джизийскихъ—пустыней. Въ Сакхарѣ находится древнее кладбище Мемфиса, называемое *равниною мумій* и усыпальнице малыми пирамидами и гробницами. Видъ этой равнины угрюмой, печальной. Гробницы, въ теченіе вѣковъ пощаженные временемъ, болышею частью разрыты руками алчущихъ или любознательности. Все почти покрывае песчанымъ холмами, на которыхъ бѣлѣются кости и останки бывшихъ покаяннѣй.

Ни кисть, ни перо, ни фотографія не могутъ дать точнаго понятія о громадѣ пирамиды Джизийской или Хемсеновой. главное изъ трехъ; ее подобно вѣдѣть и не одинъ разъ, чтобы вполне оцѣнить это чудо древняго міра. Фундаментовъ самого низкаго

ряда камней служить скала, срубанная, сработанная и выдолбленная на глубину свыше полуфута, срубанная гнѣздою для впадения основныхъ камней. Надъ этимъ рядомъ она обрѣчена въ видѣ правильнаго покоя въ 5 футовъ и 8 1/2 дюймовъ вышиною. высота всей скалы около 100 футовъ надъ горизонтомъ Нила при наибольшей разливі; углубляется эта скала въ землю болѣе нежели на 200 футовъ... Это островъ изъ камня посрединѣ вселеннаго моря. Отъ втораго покоя, постепенно суживающаго къ вершинѣ, въ видѣ ступеней, возмывающа 203 рядъ камней, образуя высоту, по вертикальной линіи, въ 478 футовъ 3 дюйма и нѣсколько линій (68 сажень 2 фута съ четвертью), вышѣ на самой вершинѣ пирамиды не достаетъ двухъ рядовъ, что уменьшаетъ первобытную ея высоту почти на двѣ сажени; при всѣмъ томъ Джизийская пирамида — *высочайшее зданіе въ мірѣ*. Она вдвое выше башни собора Парижской богородицы (Notre Dame de Paris). Высочайшія зданія у насъ въ Россіи, ниже его: пилица Петропавловскаго собора въ Петербургѣ, на 17 сажень, куполь Исаакіевскаго собора на 24 сажени, колокольни Ивана великаго въ Москвѣ—на 30 сажень...

Материалы для постройки служили главы бѣлаго известняка изъ каменоломни Торра на правобѣ берегу Нила, нацуренный Мемфиса. Огески камней и правильность кладки—верхъ совершенства. Существуютъ преданія, отъ древнѣйшихъ вѣремъ, будто болшая пирамида снураси была еще облицована гранитными плитами, отравленными въ видѣ трехъ-угольныхъ призмъ. Обложки гранита, во множествѣ находимые у подножіи пирамиды, вполне подтверждаютъ эти преданія. Независимо отъ архитектурнаго своего совершенства, Джизийская пирамида замѣчательна еще въ томъ отношеніи, что четыре ея угла безукорыненно правильно обращены на четыре страны свѣта. Благодаря такой постановкѣ (конечно не случайной) было сдѣлано открытіе весьма важное для физической исторіи нашей планеты, а именно, что *въ теченіе многихъ тысячелѣтій, земная ось почти не измѣнила своего положенія*. Большая пирамида единственный памятникъ въ мірѣ, давшій возможность дѣлать наблюденія, для этого открытія необходимыя.

(1) Викторъ Гюго въ первомъ стихотвореніи *Fun du Ciel* своихъ *Œuvres*

Trois monts bâtis par l'homme au loin perçaient les cieux
D'un triple angle de marbre, etc.

Бъ стр. 170.

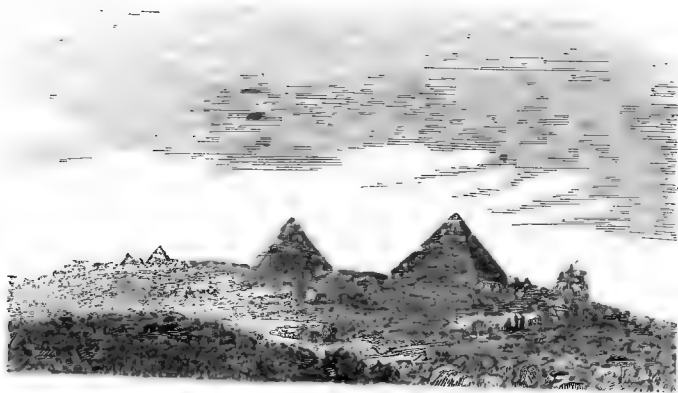

Рис. 11. Джебійскія пирамиды.

На северо-восточномъ фасѣ пирамиды находится отверстие, служащее входомъ въ ея внутренность, открытое случайно. Оно ведетъ въ узкую галлерею съ наклоннымъ поломъ, вымощеннымъ плитами, длиною въ двѣнадцать туазъ и три фута. Эта галлерея примыкаетъ къ другой съ постепенно возвышающимся поломъ. Мѣсто соединенія обѣихъ галлерей заложено огромной гавбой ограненнаго гранита. Справа отъ входа во вторую галлерею находится колонна, извѣщенный въ скалѣ и тутъ-же идущъ поперечная галлерея, ведущая въ таѣ же называемую комнату царицы; на другомъ концѣ галлерей находится комната царя. Высота ея 18 футовъ, ширина на сѣверной сторонѣ 32, а на западной 16 футовъ. Стѣны облицованы гранитными плитами, превосходно отшлифованными: на западной стѣнѣ стоитъ гранитный саркофагъ, пустой съѣзъ крышки.

На восточной оконечности ливневой горной цѣпи лежить знаменитая фигура *Сфинкса* извѣстная изъ цѣлой скалы. Высота этого колосса 51 футъ ($7\frac{1}{2}$ сажень). длина 117 (16 сажень 5 футовъ), окружность головы 81 футъ ($11\frac{1}{2}$ сажень). На макушкѣ углубленіе въ нѣсколько футовъ, въ которое вѣроятно вставлены были орнаменты головного убора. Во время египетской экспедиціи Наполеона I (въ 1798 году) наука археологін обогащалась драгоценными открытіями въ странѣ фараоновъ, а изысканія спутниковъ завоевателя обратили на нее особенно пристальное вниманіе ученаго міра. Ученые сподвижники Наполеона между прочимъ задѣй части туловища колосса открыли входъ въ подземную галлерею, которая вела во внутренности пирамиды. Такимъ образомъ сфинксъ служилъ какъ-бы подлѣзкомъ погребальному склепу фараоновъ, со всѣхъ четырехъ фасовъ задѣланному наглухо. По сказаніямъ арабскихъ историковъ, во внутренности большой пирамиды было найдено множество разныхъ драгоценностей и даже золотыхъ монетъ. Преданіе слишкомъ недавнее, чтобы можно было ему вѣрить и сами арабы, ознаменовавшіеся съ Египтомъ гораздо позже грековъ, едва-ли могли найти такіаго либъ сокровища, вѣроятно похищеннаго (если только они были) чужеземцами или персами.

Ни на внутреннихъ, ни на наружныхъ стѣнахъ пирамиды, да-

же на находящійся въ ней саркофагъ, не замѣтно ни малѣйшихъ слѣдовъ надписей: неспорное доказательство, что сооруженіе пирамидъ и сфинкса относится ко временамъ, предшествующимъ изобрѣтенію письма. Но къ какой же именно эпохѣ можно отнести построеніе пирамидъ? Поставляясь, основываясь на нѣсколькихъ историческихъ фактахъ, разъяснить этотъ вопросъ (*). Геродотъ строителемъ пирамидъ называетъ фараона, царствовавшего послѣ одного изъ Сезострисовъ и пятью царствованіями предшествовавшаго Сабакону. О которомъ же именно Сезострисѣ, говоритъ греческій историкъ? Сезострисъ или Сезоорисъ по собственному имя, но прозвище, которое дано было завоевателемъ. Если Геродотъ подразумеваетъ Сезостриса Рамзеса III, тогда время построенія пирамидъ слѣдуетъ отнести къ періоду отъ 1500 до 800 лѣтъ до Р. X., что было бы лишено всякаго основанія. Мы будемъ всего ближе къ истинѣ, если полагаемся на сказаніи Малебона, отнесемъ время построенія пирамидъ къ эпохѣ владычествія четвертой династіи, какъ намъ уже было сказано выше.

Послѣ пирамидъ и сфинкса, третье мѣсто между важнѣйшими памятниками Египта принадлежатъ *колоссамъ Мемнона* на рѣпинкахъ сивекскихъ. Это двѣ, одинаковой вышины (8 сажень 4 фута), сидячія статуи фараона Аменхотипа III, съ іероглифическими надписями на рукавахъ ихъ троновъ, свѣдѣтельствующими, что эти колоссы „изъ чистаго камня“ воздвигнуты фараономъ въ честь его родителей, бога Аммопа. Кромѣ того, подножія колоссовъ покрыты греческими и латинскими надписями, подтверждающими правдивость древняго сказанія о чудесномъ свойствѣ статуй Мемнона издавать звуки при восходѣ солнца. Въ Иліадѣ Гомеръ разсказываетъ о силѣ Авроры, Мемнонъ, пришедшій на помощь къ Пріаму съ 10,000 эоиплянъ и убитомъ Ахиллесомъ. Юпитеръ, желая утѣшить мать героя, увѣковѣчилъ его память ежегопнымъ посвистомъ на его могилѣ въ Тріадѣ и создалъ истребъ особой породы птицъ мемнонидъ. Эоипляне въ честь царя воздвигли въ верхнемъ Египтѣ статую, прославившуюся тѣмъ,

(*) Champollion Figeac: l'Egypte ancienne p. 283—b.

Къ стр. 172.

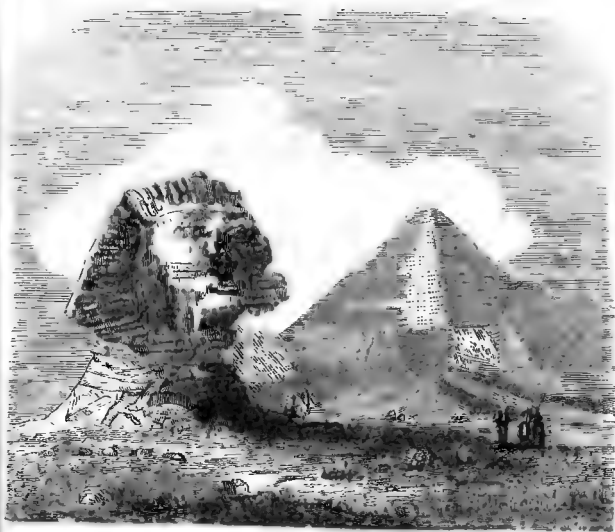

Рис. 12. Сфинксъ.

Къ стр. 173.

Рис. 13. Колоссы Мемнона.

что она на зарѣ (при появленіи Авроры) издавала звуки мелодическіе, а при закатѣ солнца печальныя. Такъ говорить мифологія, но и правдивая исторія, устами Страбона и Павзанія, подтверждаетъ это чуждо.

И видѣть въ Фивахъ, говоритъ Павзаній, колоссальную сидячую статую, изображающую бога солнца, хотя и вообще называемую Мемнономъ; бывшие же видѣть въ ней своего царя Фараона. Камбизъ приказалъ ее разбить и верхняя часть статуи лежать на 3 мѣ. Другая же уцѣлѣла и ежедневно при восходѣ солнца издавать звукъ, который всего ближе можно уподобить звуку лопавшейся струны на кинарѣ или на лирѣ.

Греческія и римскія надписи на подножіи статуи въ разное время были сдѣланы поѣзителями. отовсюду стекавшими къ статуѣ, какъ на богомолье. Вотъ нѣкоторые изъ этихъ надписей: „А. Батудей Тонаксъ, примипалій XII легіона; Кай Валерій Прискъ, центурионъ XXII легіона и Луцій Квинтіи Вiatorъ декуріонъ—слышали Мемнона въ 11-е лѣто царствованія Нерона, государя нашего, въ 12-й день апрѣльскихъ календъ, въ часъ (15 марта 64 г. по Р. X.). „Титъ Юлій Луцъ, префектъ Египта, благоволючно слушалъ Мемнона въ первомъ часу.“—„Д. Юлій Калпавъ, префектъ округа Бореники слышалъ Мемнона вмѣстѣ съ моею женою Рустиною въ апрѣльскія календъ 4 года императора нашего Веспасіана Августа (1 апрѣля 73 года по Р. X.).“—„Маркъ Аппій Веръ III корсарскаго легіона слышалъ Мемнона.“ (съ 72 по 73 годъ по Р. X. четырнадцать разъ). Кромѣ именъ этихъ свидѣтелей на pedestalѣ статуи находятся стихи, хвалѣбныя гимны; нѣкоторые изъ постигателей вмѣсто звука слышали слова, даже чутъ не фразы; наконецъ Мемнона видѣть и слышать императоръ Адрианъ, почитанный чудесную статую вмѣстѣ со своей супругою Сабіною... Несомненно, что статуя Мемнона дѣйствительно обладала свойствомъ, которое приписывали ей Гомеры: она вливѣствовала восходящее солнце звукомъ, или, что одно и то же, подавала голосъ... Подобныхъ чудесъ не бывало ни въ Индіи, ни въ Китаѣ, ни въ Персіи.

Средневѣковыя ученые, не отрицая факта, ссылались на божественное навазденіе. Этотъ способъ объясненія страннаго феномена

былъ тѣмъ удобнѣе, что не требовать отъ истолкователя ни изученія предмета, ни догадливости и тогда многіе премудрые мужи ставъ въ тупикъ предъ какими нибудь научными вопросами ссылались на бѣса и тѣмъ кончали дѣло, коротко хотя и вѣрно не ясно. Имякавія французскаго ученаго нашего времени Г. Дартра привели наконецъ къ разгадкѣ египетскаго чуда.

Фараонъ Аменофисъ III изъ XVIII династіи царствовалъ за 1680 лѣтъ до Р. X. Онъ возвелъ въ Фивахъ великолѣпный дворецъ, развалины котораго сохранились донынѣ, съ удѣльными на нихъ надписями. Главный входъ во дворецъ, по обыкновенію существовавшему въ Египтѣ, былъ украшенъ двумя колоссальными статуями стропоты. Воздвигнутые Аменофисомъ колоссы, посвященные изъ цѣльныхъ монолитовъ слоистаго мрамора, были поставлены, одинъ на сѣверной, другой на южной сторонѣ дворца. До персидскаго нашествія обонъ колоссы, сына Амона, воздавали божескія почести и жрецамъ не приходило даже на мысль перенести ихъ въ Мемноновъ, сыновей греческой Авроры. Камбизъ персидскій, разоривъ Фивы, могъ разумеется разбить и колоссы Аменофиса, но именно на это святотатство онъ почему-то не помыслилъ. Колоссы оставались не поврежденными, какъ жрецы говорили Страбону, до землетрясенія разрушившаго Фивы въ 27 году до Р. X. Упомянутая объ этомъ, древній географъ не говоритъ ни слова о музыкальныхъ способностяхъ статуи. Павзаній, видѣвшій колоссы черезъ 140 лѣтъ послѣ Страбона, не нашелъ въ нихъ никакой черевны, однако же упоминаетъ объ издаваемыхъ звукахъ однимъ изъ колоссовъ, именно стоящихъ на сѣверъ. Начало извѣстности статуи современно царствованію Нерона, ее видѣли и описали Ювеналь, Діонъ Хризостомъ, Лукіанъ, Павзаній, Птоломей; основанныя на ихъ отзывахъ Плиній, Тацитъ, Діонисій Перизетъ подтвердили, что статуя Мемнона, согрѣтая солнечными лучами издаетъ звуки. Императоръ Адрианъ, какъ мы уже сказали выше, былъ неоспорително свидѣтелемъ чуда; при Антонинахъ оно еще продолжалось, но впазанію прекратилось при Септиміи Северѣ, приказавшемъ возобновитъ разрушенный колоссъ и тѣмъ лишившемъ статую ея удивительнаго свойства. Это событіе было тѣмъ досаднѣе для цеса-

ря, что онъ возобновляя *говорящую* статую Мемнопа, думалъ чудесами горящаго камня нанести жестокой ударъ распространившемуся тогда по Египту страданію ученому христіанскому. Сентимъ падался отвѣчать отъ новой религіи всѣхъ, жаждавшихъ слышать слово Божіе. Возобновленная статуя состояла не изъ одного монолита, по изъ пяти кусковъ связанныхъ скрѣпами и озагодаря этой новои своей композиціи умоляла на вѣки.

Детронъ и Розеръ вѣтъ секретъ чуда объясняютъ тѣмъ, что слоистый араморъ, гранитъ и нѣкоторые виды базальта, при атмосферическихъ перемѣнахъ имѣютъ свойство трескаться болѣе или менѣе звучно. Статуя Мемнопа, когда она еще не была передѣлана, состояла изъ цѣльнаго куска арамора, который — ночью спрѣзъ и холодился отъ росы, а утромъ, по мѣрѣ нагрѣванія воздухомъ созвужъ — а вмѣстѣ съ тѣмъ — и трескался... Вотъ и вслѣдствіе этого чуда колесо Мемнопа! Оно основывалось на тѣхъ же физическихъ законахъ, вслѣдствіе которыхъ целенають и коробятся обои на горячей стѣнѣ, трещатъ паркетъ, мебель, въ жарко напояненной комнатѣ, или заборъ и стѣны деревянныхъ строеній во время сильныхъ морозовъ. Изъ древнихъ сказаній извѣстно, что въ храмахъ и капищахъ египетскихъ также бывали поющія, говорящія статуи, но это было дѣломъ жрецовъ, притаившихъ во внутренности пустыхъ статушечъ или снабжавшихъ ихъ затѣливыми механизмами, о чемъ мы уже говорили, при обзорѣ соотопія паукъ и художествъ въ жреческой кастѣ.

Приступая къ дальнѣйшему обзору памятниковъ древняго Египта, считаемъ не лишнимъ обратить вниманіе читателя на одну изъ характеристическихъ особенностей египетскаго зодчества и вышнпн.

Рѣзба на камнѣ раздѣляется на оброчную или сканную, т. е. на изсѣченіе фигуръ выпуклыхъ (барельефовъ) или углубленныхъ врызанныхъ ввутьрь. Последний родъ рѣзбы, тотъ самый, который употребляется граверами печатей на камняхъ и металлахъ. Рѣзба рельефная тѣмъ труднѣе, чѣмъ тверже камень... Египтяне при своихъ постройкахъ и скульптурныхъ украшеніяхъ, преимущественно и всего чаще употребляли гранитъ, порфиръ, агатъ, сіенитъ и другіе изъ подобные твердые камни. Вслѣдствіе этого

имъ было крайне затруднительно изсѣкать изображенія рельефныя (выпуклыя) и они, болѣею частью, употребляли рѣзбу сканную, т. е. углубленную. Этотъ приемъ египетскихъ ваятелей, облегчающій работу, имѣлъ то преимущество надъ работой оброчною, что врызанные изображенія сохранялись гораздо долѣе выпуклыхъ, болѣе способныхъ лопаться, обиваться или осыпаться отъ времени. Чтобы убѣдиться въ превосходствѣ скульптурныхъ работъ сканныхъ, надъ оброчными стоитъ только сличить любой изъ древнихъ мраморныхъ барельефовъ ваянія греческаго съ древнѣйшими египетскими. Изъ первыхъ, едва ли найдется хоть одинъ, который сохранился до нашего времени безъ поврежденія и не представлялъ на своей поверхности болѣе или менѣе безобразныхъ ябинъ, выемокъ и трещинъ; по то съ барельефамъ египетскими. Взгляните на іероглифы, которыми покрыты цоколи у сфинксовъ на левской набережной у нашей академіи художествъ: едва можно повѣрить, что іероглифы эти иссѣчены нѣсколькими тысячами лѣтъ тому назадъ!

Независимо отъ пирамидъ, колоссовъ, сфинксовъ, существуетъ еще одинъ родъ монументовъ, изобрѣтенный египетскими ваяніемъ — *obelisks*. Такъ называются призматическія четырехгранныя и трехгранныя колоны изъ цѣльнаго камня, служившія украшеніями преддверій дворцовъ и храмовъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, поимено монументальнаго своего значенія, обелиски въ древнемъ Египтѣ, на обширныхъ площадяхъ, служили пиюнами, т. е. исполненными стрѣлами солнечныхъ часовъ, которыхъ квадраты изображались самими площадями. Сооруженіе перваго обелиска относится къ 1822 г. до Р. Х. Августъ цесарь римскій, первый подалъ дурной примѣръ перевозки египетскихъ обелисковъ въ Европу, перевезъ изъ Геліополиса въ Римъ два обелиска; тоже сдѣлалъ Кайъ Каллигула и, такимъ образомъ, во времена цесарей до одиннадцати памятниковъ переслано было кромя Рима, въ Везлетри, Венецію, Флоренцію, Катапу и Арль. Константинъ и Феодосій украсили двумя обелисками дворцовую площадь (нынѣшній Атъ Мейданъ) въ Константинополѣ.

Слово *obelisks* — греческое, уменьшительное отъ *obelos*: *вертикаль*, данное греками этимъ памятникамъ Египта, будто изъ истории религий. Т. IV.

с്മишку. Одинъ изъ нихъ воздвигнутъ при Клеопатрѣ, извѣстенъ подъ другимъ, не менѣе прозаическимъ именемъ *иллы*. Знаменитѣйшій изъ нихъ *Луксорскій* изъ розоваго сіенскаго гранита имѣетъ 70 футовъ 3 дюйма, 5 линій (свыше 10 сажень) высоты при ширинѣ отъ 7 до 5 футовъ. Онъ четырехгранный и сверху до низу покрытъ іероглифами, повѣствующими потомству о воянскихъ подвигахъ Сесостриса. Съ 1836 года онъ украшаетъ площадь Согласія въ Парижѣ. О перевозкѣ его въ Европу, поставкѣ на мѣсто, красотѣ и изяществѣ этого памятника написано множество брошюръ и ученыхъ диссертацій... Главное же, единственное достоинство Луксорскаго обелиска — его древность; въ отношеніи же изящества скульптурнаго и преодоленія трудностей при перевозкѣ и постановкѣ его далеко оставляетъ наша Александровская колонна, превосходившая обелискъ высотой на 85 футовъ.

Развалины храмовъ и дворцовъ древняго Египта — и Нубинъ безчисленны. О количествѣ ихъ читатель можетъ судить самъ, если мы замѣтимъ, что съ 5867 по 331 г. до Р. X. (отъ начала монархіи до нашествія персидскаго) въ теченіе 5536 лѣтъ царствовало до четырехсотъ фараоновъ и каждый изъ нихъ ознаменовалъ свое царствование сооруженіемъ въслѣдъ своихъ зданій или памятниковъ, долженствовавшихъ увѣковѣчить его названіе въ позлѣйшемъ потомствѣ. По всему извѣстному теченію Нила, отъ его устья въдалеко за Асуанъ (до деревушки Калабехехъ у тропиковъ), отъ западнаго берега Черчнаго моря до Ливійской пустыни — нѣтъ города, деревни, мѣстечка, въ которыхъ бы археологъ не нашелъ любопытнѣйшихъ предметовъ для изученія! Нельзя не пожалѣть, что донынѣ (сколько намъ извѣстно) еще не составлено *археологической географіи* земнаго шара, съ перечисленіемъ всѣхъ памятниковъ и остатковъ древности, разбѣланныхъ по лицу земли — отъ пирамидъ Египта до кургановъ понаго свята: одна страна фараоновъ, сама по себѣ могла бы доставить матеріаловъ на пополненіе двухъ, трехъ томовъ.

На прилагаемыхъ рисункахъ изображены образцы каменелъ и базисовъ египетскихъ востѣй, видъ Джезейскихъ пирамидъ. Сфинксы и Колоссы Мемнопа. Вотъ краткій перечень главнѣйшихъ памятниковъ Египта, достойныхъ вниманія не только ученаго архео-

лога, но и каждаго любознательнаго человека. Въ *Александріи* находится обелискъ, называемый Клеопатринымъ иглою; а на островѣ Фаросѣ видны остатки башни, построенной при Птоломѣ Соторѣ и служившей маякомъ. Кромѣ Джезейскихъ пирамидъ таковыя же находятся у Миссены, Медуна между деревнями Ригга и Кафр-эль-Рискъ, при впадѣніи въ Файюмъ или Меридионое озеро. Дворецъ въ *Мединет-Абу* (на прилагаемомъ рисункѣ изображены его пропилеи) принадлежать къ числу зданій, особенно хорошо сохранившихся. Надъ окнами и воротами, какъ и вообще на памятникахъ, видны символы божества въ видѣ крылатаго шара окаймленнаго двумя змѣями. Все строеніе изъ розоваго гранита превосходной отески; іероглифы покрывающіе нижнюю терасу, замѣчательны своими громадными размѣрами. Въ *Дендерахъ* обращаетъ на себя вниманіе портикъ храма съ шестью колоннами съ женскими головами вѣсто каппелей и свѣщенными іероглифическими изображеніями по стѣнамъ. Между барельефами всего чаще попадаются на глаза стоячая и сидячая фигура Изиды. Мѣстечко *Рамессеумъ* близъ Фивъ изобилуетъ гробницами, вырытыми въ скалахъ (снесокъ); изъ послѣднихъ замѣчательнѣйшій снесокъ коптскій, какъ чистѣйшій образецъ египетской скульптуры. Природная скала облицована плитами бѣлаго известняка, образующими сплошную стѣну, украшенную карнизомъ и величественными портикомъ, ведущимъ во внутренность ищера. Въ *Карнакѣ* отъ великолѣпнаго дворца сохранились колоннады, покрытыя іероглифами и съ каппелями въ видѣ развѣтвляющихся свои лепестки цвѣтовъ лотоса. Развалины храмовъ *Денъ*, *Дифу* въ равной степени отличаются изяществомъ архитектуры и въ красотѣ убранствъ. Въ *Сакисисѣ* остатки древнихъ каменелочевъ. Развалины храма въ *Омоосѣ*, издали кажущіся безобразными громадами, при болѣе пристальномъ обзорѣ представляютъ ряды исполненныхъ колоннъ, очертаемыхъ паломышьямихъ произведенія зодчества древнихъ вудсовъ: та же несоразмѣрная вышняя толщина колоннъ, у которыхъ каппели закрываютъ болѣе гречи всей вышины. Острова *Физъ*, *Засфатина* — неизтопимыя сокровищницы для археологів. Въ Нубинъ, по словамъ Денюла, сопровождалаго французовъ въ египетскую экспедицію, кромѣ храмовъ Исаамбуль-

Къ стр. 179.

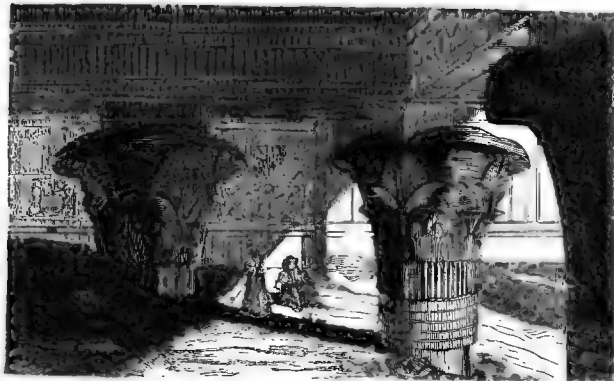

Рис. 15. Храмъ въ Эдфу.

Къ стр. 179.

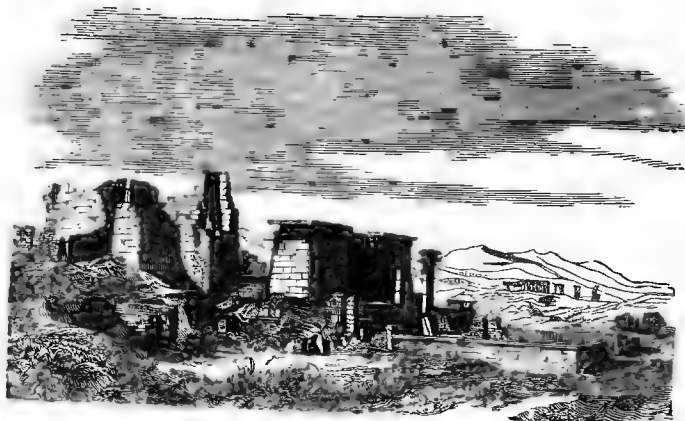

Рис. 14. Дворецъ Мединетъ-Абу.

еких вѣтъ деревушки, которая не изобиловала бы развалинами древнихъ дворцовъ, храмовъ, капищъ и памятниковъ.

Это изобиліе богатствъ археологическихъ, изъ которыхъ малѣйшій обломокъ достоинъ подробнаго и всесторонняго описанія, крайне затруднительно для бѣлаго очерка, стѣсненнаго предѣзными рамками. Многие десятки вѣковъ провелись надъ Египтомъ, какъ вѣроятно пронесутся еще многіе, но эта страна съ теченіемъ времени пріобрѣтаетъ права на тѣмъ большее уваженіе, будетъ предметомъ удивленія позднѣйшаго потомства. Считаю себя застрахованнымъ отъ упрековъ со стороны читателя за сухой перечень мѣстностей и недостатокъ описаній памятниковъ. Причины этому, повторяю, ихъ безчисленное множество и предѣлы предначертанные нами въ нашемъ трудѣ отъ настоящаго предмета, котораго описаніе археологическія увлекутъ бы насъ слишкомъ далеко.

Содержаніе

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Сущность религіи сабизма. — Ея различіе отъ фетишизма. — Мировое значеніе юго-западной Азии. — Ассирія и Вавилонъ. — Періоды ихъ исторіи. — Личночисленіе халдеевъ. — Десяти царей исланиновъ. — Огнись. — Космогонія. — Андронины. — Сказаніе о потопѣ. — Ксикусероса. — Ноа.

Изъясненіе первобытныхъ народовъ древняго міра и современныхъ намъ дикарей всего земнаго шара можно раздѣлять на два вида: *сабизмъ* или *сабсизмъ* и *фетишизмъ*. Первый состоитъ въ обоготвореніи свѣтила небесныхъ, стихій, атмосферическихъ явленій и производительныхъ силъ природы; второй — въ поклоненіи произведеніямъ земли, животнымъ и рукотворнымъ идоламъ. Въ обоихъ случаяхъ человѣкъ приписываетъ созданію за Создателя и тѣмъ впадаетъ въ болѣе или менѣе грубое заблужденіе. Сабизмъ будучи разумнѣе фетишизма имѣетъ надъ нимъ то великое преимущество, что признаетъ себѣ жилищемъ божіимъ, видитъ Бога въ свѣтлѣхъ ликѣ животворнаго дневнаго свѣтила, слышитъ его голосъ въ громахъ, чувствуетъ его дуновеніе въ вѣтрѣхъ, вихряхъ и буряхъ. Этотъ взглядъ на природу присущъ, врожденъ человѣку, такъ перфектно олицетворялъ себѣ Бога вдохновенный имъ даръ неимощецъ; такъ смотритъ на Невидимаго простой народъ въ дѣтскомъ своемъ вѣрованіи. Сабизмъ можно называть первообразами всѣхъ позднѣйшихъ вѣрованій и первой ступенью той лѣ-

ственицы, по которой человечество вьками и мало по малушло к истинному богопознанию.

Окончив обзор религий древнего Египта, мы теперь от берегов Нила переходим к жьстанъ не менше достопамятныхъ въ исторіи всемірной — на берега Тигра и Евфрата, къ колыбели рода человеческого: въ страны, въ которыхъ, по словамъ бытописанія, находился жилище перваго человѣка, возникли первыя царства земли. Передъ нами великій участокъ азиатскаго материка, ограниченный съ запада Архипелагомъ, Средиземнымъ и Чернымъ морями: съ юга, водами морей Аравійскаго, Персидскаго и сомменнаго послѣднему залива; съ востока — Персею; съ сѣвера — горами Кавказскими и Черными морями. По роковому, таинственному предопредѣленію, эта часть Азіи, съ пезначитныхъ времь служила и служить театромъ великихъ міровыхъ событий, жестокихъ войнъ и переворотовъ нравственныхъ, вліявшихъ на судьбы всего рода человеческого. Находившіеся здѣсь царства — то уживавшія, то расширившія свои предѣлы, дробившія на части или сливавшія въ одно цѣлое подъ мечами царей Вавилона, Кира, Александра Македонскаго, цесарей римскихъ, халифовъ магрикскихъ, хановъ монгольскихъ, султановъ турецкихъ. Здѣсь проложены слѣды славифицизма завоевателями давно минувшихъ и недавнихъ времь — отъ героевъ Иліады до Наполеона I. Мы, русскіе, не забудемъ Чесмы, Синопъ, Эривани, Кавказа... и кто знаетъ, не на поляхъ ли Азіи окончательно будетъ разрѣшенъ вопросъ объ участи христіанства на востокѣ?

Не отвѣщая, однако, воспоминаніями о великихъ подвигахъ предковъ и мечтами о будущемъ, мы вьглянемъ на азиатскую Турцію съ религіозно-исторической точки зрѣнія. При обзорѣ религий Индіи, Китая, Персіи, Египта мы называли: Индъ, Тангъ, Брахмануру; горы Меру, Дачавендъ; рѣку Нилъ... теперь упомянемъ о Тигрѣ и Евфратѣ, по чьмъ эти рѣки переходъ *Горданию*, что эти горы переходъ горю *Ваворю*, которому *Синою* (не въ орафическомъ, а религіозномъ смыслѣ) служить подножіемъ? Сирія и Палестина — святы для іудеевъ и христіанъ какъ Аравія — для послѣдователей Корана. Окаймивъ вьзгляномъ, на картѣ юго-западной Азіи, пространство отъ Тавра до Арарата, отъ Арарата

до Пять-Эль-Араба, отъ послѣдняго къ Меккѣ и наконецъ отъ Мекки по восточному берегу Чермнаго моря до Тавра — читатель замечетъ въ эту рамку, за исключеніемъ религий, о которыхъ мы уже говорили ⁽¹⁾, всѣ вѣрованія древности: греческій *полиеизмъ*, *сабизмъ*, *фетишизмъ*, *магомбетство*, *іудейство* и *христіанство*. лучезарнымъ солнцемъ выдѣляющеся изъ хаотическаго сумрака болѣе или менше несомнѣвательныхъ понятій о Богѣ. Покуда ограничивались только сабизмомъ — предметомъ предстоящаго обзора, мы начнемъ его съ Месопотаміи или земли Халдейской, въ которой около 3000 лѣтъ до Р. Х. возникли первыя царства: *Ассирійское* и *Вавилонское*. Исторія того и другаго замѣчательна въ томъ отношеніи, что матеріалами для нея служатъ источники диаметрально противоположные одинъ другому. Изъ сказаній Абыдены и Веросіи-вохва (извѣстныхъ намъ, по отрывкамъ въ твореніяхъ Іосифа Флавія, Епсевія и Спеллеса) мы черпываемъ свѣденія о космогоніи и временахъ доисторическихъ. Геродотъ, Маневоъ, Ксенофонтъ, Діодоръ-сикцилійскій, Левъ-африканецъ и многіе другіе даютъ исторію древняго Вавилона, перемѣшанную съ баснословіемъ, для отдѣленія котораго отъ правды необходимо обратиться къ книгамъ священнаго писанія.

Неуклонно придерживаясь порядка хронологическаго, приступая къ историческому обзору царства Ассирійскаго, мы принуждены опредѣлять три періода его бытія, согласно тремъ главѣйшимъ эпохамъ, съ которыми тѣсно связаны судьбы этой первой монархіи азиатскаго материка. *Періодъ первый*, доисторическій: отъ вьцаренія перваго *исполнителя* вьстителя земли до потопа, бывшаго при его десятиомъ пресмникѣ (съ 3196 по 2297 годъ до Р. Х.). *Періодъ второй*: отъ основанія монархіи до ея распада на три царства — Ассирійское, Вавилонское и Мидійское (съ 2235 по 770 г. до Р. Х.). *Періодъ третій* отъ вьцаренія *Фуи* въ Ассирію, *Велесиза* въ Вавилонъ до покоренія царствъ Кироомъ — персидскимъ, при *Валтасарѣ* (съ 770 по 540 годъ до Р. Х.).

(1) То есть *Браммизма*, *Буддизма* (Томъ I). *Батая* (Томъ II). *Персіи* (Томъ III). и *Египта* (см. выше первую половину Тома IV).

Измѣрии возрастъ міра, подобно индусамъ, китайцамъ и персамъ десятками тысячелѣтій, халдеи разлагали эти массы лѣтокъ на — *сары, перы и созы*. По толкованіямъ Синкелла, сара или саръ есть періодъ въ 3600 лѣтъ, пера — въ 600, а соза, какъ китайскій цикль — въ 60 лѣтъ. Французскій ученый нашего времени Фортіа д'Юрбана ограничиваетъ сару однимъ десятилѣтіемъ (*). Не беремъ думать, что онъ въ этомъ случаѣ слишкомъ скупится и одва-ли не на столько-же, на сколько Синкеллъ — щедрится. Изъ нижеслѣдующаго списка династій десяти исполнителей, допотопныхъ обладателей земли, явствуетъ, что отъ воцаренія перваго изъ нихъ до всемірнаго потопа прошло 400,500 лѣтъ. Цифры въ скобкахъ показываютъ годы до Р. Х. согласно вычисленіямъ Фортіа д'Юрбана.

- 1) *Алоръ*, царствовалъ въ продолженіе десяти саръ, т. е. 36,000 лѣтъ (3696—3396).
 - 2) *Аласпаръ*—три сары, 10,800 лѣтъ (3396—3366).
 - 3) *Амелонъ* — тринадцать саръ, 46,800 лѣтъ (3366—3236).
 - 4) *Амелонъ* — двѣнадцать саръ, 43,200 лѣтъ (3236—3116).
 - 5) *Металаръ*—восемнадцать саръ, 64,800 лѣтъ (3116—2936).
 - 6) *Даонъ*—двадцать девять саръ, 104,400 лѣтъ (2936—2837).
 - 7) *Эвсдоракъ*—восемнадцать саръ, 64,800 лѣтъ (2837—2657).
 - 8) *Амфидъ*—десять саръ, 36,000 лѣтъ (2657—2557).
 - 9) *Ориаргъ*—восемь саръ, 28,800 лѣтъ (2557—2477).
 - 10) *Кинсуероръ* — восемнадцать саръ (2477—2297).
- По сказаніямъ Абишена и Версіа-волхва, при Алорѣ изъ

(*) См. Fortia d'Urban, Tableau historique et géographique du Monde. P. 1810 in 8° tome I p. 106. Онъ считаетъ въ саръ, вмѣсто 3600 лѣтъ, — 3600 дней (тоже X p. p. 232—241). При обзорѣ халдейской астрономіи, мы подробно поговоримъ объ этихъ періодахъ.

возле Эрирейскаго моря выплыло чудовище невиданное, полу-человѣкъ, полу-рыба, одѣтый чешуею, двухглавый, рыба голова подъ человѣческой, одаренный разумомъ и способностью устно объясняться съ людьми. Звали его *Оаннесомъ*. Днемъ, не принимая никакой пищи, онъ обучалъ жителей Халдеи письменамъ, наукамъ, искусствамъ, а на ночь, одновременно съ закатомъ солнечнымъ, погружался въ пучины морскія. Этотъ Оаннесъ сообщалъ людямъ, что до созданія рода человѣческаго земля была погружена въ прахъ и вся была залита водою, а въ ней кишми-кишили и клубились страшныя чудовища: четырех-хвостыя собаки, рыбы съ козлиными головами, человѣческія головы на воловьихъ туловищахъ.. Были тутъ и люди о двухъ и четырехъ крыльяхъ, состоявшіе изъ двухъ сросшихся туловищъ мужскаго и женскаго. Міромъ тогда повелеваемо управляла женщина, *Оморка* (море). Разгнѣванный *Бель* (творецъ) разрубилъ ее пополамъ и создалъ изъ одной половины ея тѣла небо, изъ другой — землю. Послѣ того Бель расхлѣбъ прахъ, сотворилъ дневной свѣтъ, отъ котораго всѣ чудовища ослѣпли и переколябли. Бель, видя землю опустѣвшюю, приказалъ подвластнымъ ему богамъ отрубить себѣ голову, кровь скатилась съ землею и изъ этого мѣсива вылѣпить новыхъ людей и животныхъ. Заселивъ ими землю Бель довершилъ міроздавіе, сотворилъ свѣтила небесныя, большія планеты и малыя звѣзды.. Такъ образовывая людей, Оаннесъ рассказывалъ имъ о первыхъ вѣщеніяхъ бытія. Кроме его, при исполнѣхъ Амелонъ и Даонъ, Халдею носѣтили еще три чужеземца, подобные Оаннесу: *Эневбалъ*, *Эневбалъ* и *Амеломъ*.

Такова халдейская космогонія, имѣющая нѣкоторое сходство съ индусскою и персидскою, точно такъ-же какъ Оаннесъ съ китайскими и японскими драконами (*). Въ немъ нѣкоторые компетиторы видятъ чужеземца (*онедо*, на халдейскомъ языкѣ означаетъ путешественника), приплывшаго *на ладнѣ* и основавшаго первыя поселенія на берегахъ Евфрата и Тигра. По другимъ, менѣе

(*) См. Томъ II *Китай* гл. I. стр. 6—7 *Японія* гл. III стр. 274 гл. XI стр. 334—335.

вѣроятнымъ истолкованіямъ, Оаннесь одна изъ первыхъ планетъ, по движеніямъ которой халдеи измѣряли время, или наблюдая которую, ознакомились съ астрономіею. Оба объясненія далеко неудовлетворительны... несравненно удачнѣе историками и учеными истолкованы символы космогоніи. Расчлене тѣла Оморей — отдѣленіе души отъ воды, свѣта отъ мрака. Тѣла людей изъ крови божества и земной персти — весьма понятная аллегорія двойственности естества человека, состоящаго изъ души и тѣла. Что же касается до первозданныхъ двойней обоего пола, сросшихся туловищами, это сказаніе породило у древнихъ грековъ басню объ *андрогинизмѣ* (двухполыхъ людяхъ), дошедшую до насъ въ діалогѣ Платона, подъ заглавіемъ „Пиръ“. Первозданные люди, говоритъ философъ, были двойни, мужчина и женщина сросшіеся грудью. Одаренные непогрѣбной силой они держали обаянныя войну богамъ. За это Зевсъ хотѣлъ сначала истребить ихъ какъ онъ истреблялъ титановъ, но едучался и вмѣсто того отрубилъ двойней другъ отъ друга убавилъ въ нихъ силу на половину. Таки одинъ полъ былъ отдѣленъ отъ другаго. На томъ мѣстѣ живота, гдѣ туловища были соединены, у послѣдующихъ поколѣній обоимъ половъ осталась неизгладимая мѣтка (пухлякъ) и на вѣки сохранилось инстинктивное влеченіе другъ къ другу, называемое *любовью*. Кромѣ грековъ, повѣрье о томъ, что первобытные люди были двойни разнаго пола въ родѣ сіамскихъ близнецовъ сросшіеся — имѣло послѣдователей между нѣкоторыми изъ еврейскихъ раввиновъ, въ искаженномъ видѣ объяснявшихъ сказаніе книги Бытія о созданіи первой жены изъ ребра Адамова; тоже самое находимъ и въ заколѣ Зороастра (1).

Исполныи, вѣстители земли, развратились, забыли боговъ и поклепи на себя ихъ праведный гнѣвъ. Послѣдній изъ нихъ исполнивъ Киксусорось былъ единственный, въ которомъ еще сохранилось богопочитаніе и за это снискалъ особное благоволеніе Сатурна. Явился Киксусорось въ сповидѣніи богъ объяснялъ ему, что въ пятнадцатое число мѣсяца Дезія, родъ человѣчскій бу-

детъ истребленъ потопомъ; что онъ, Киксусорось обязанъ описать всѣ событія, совершившіяся на землѣ отъ ея начала до дня потопа и зарыть свои рукописанія въ землю близъ *Синарры*, города солнца. По другому повелѣнію Сатурна, Киксусорось построилъ крытый корабль въ пять стадій длиною и двѣ стадіи шириною, нагрузилъ его всякими припасами и поспѣшилъ въ немъ со всеми спосми родичами, друзьями, а также птицами и четвероногими. Едва онъ успѣлъ окончить всѣ эти приготовленія какъ вся земля съ живущими на ней людьми и животными была потоплена разливами находившихся на поверхности ея источниковъ, рѣкъ, озеръ и морей. Плыя на своемъ кораблѣ, Киксусорось замѣтивъ черезъ нѣсколько времени, что вода была, выпустилъ изъ корабля нѣкоторыхъ птицъ, вскорѣ прилетѣвшихъ къ нему обратно, такъ какъ онъ не нашолъ еще себѣ ни пристанища, ни пищи. Птицы, выпущенныя черезъ нѣсколько дней послѣ того возвратились съ ножками вынужденными плыть; выпущенныя въ третій разъ уже не возвратились вовсе. Заключивъ изъ этого, что земля обнажилась съ покрывавшихъ ее водъ потопа, Киксусорось пробилъ отверстіе въ кровлѣ своего корабля и увидѣлъ, что онъ остановился на вершинѣ горы. Тогда Киксусорось, взявъ съ собою жену, дочь и корычаго вышелъ на землю, воздалъ ей поклоненіе, воздвигъ алтарь и принесъ благодарственную жертву богамъ. Оставшіеся еще во штуртениности корабля родные и друзья Киксусороса, замѣтивъ что онъ долго не возвращается, рѣшились выйти сами и пошли на поиски. Голодъ съ неба возвѣстиялъ, что Киксусорось, за свое благочестіе восхощенъ на небо и излѣтъ съ женою, дочерью и корычаго причисленъ къ богамъ; что она всѣ прочіе оставшіеся на землѣ должны отрыть рукописи Киксусороса близъ Синарры, возстановить города, засеять ихъ и чтить боговъ. Родоначальники новыхъ, грядущихъ, поколѣній повиновались небесному голосу (1).

(1) Для сравненія халдейскихъ сказаній о всемірномъ потопѣ со сказаніями прочихъ, указываемъ читателю на Томъ I гл. II стр. 8, Томъ II гл. II стр. 22 и Томъ III гл. XV стр. 163—173.

Эти сказанія о всемірном потопѣ собраны Александромъ Поллиторомъ изъ сочиненій халдеевъ, Абидена и Анзодора. Версий-полхивъ въ первыхъ трехъ книгахъ о древностяхъ вавилонскихъ рассказываетъ о потопѣ нѣсколько иначе, замечуясь большею частью изъ книги Ветія пророка Моисея.

— Онутошенію вселеной потопомъ, говоритъ Версий— предшествовало великое множество вѣковъ, о которыхъ между халдеями сохранились достопріимыя преданія. Въ тѣ времена близъ Ливанскихъ горъ находился обширный городъ *Эноа*, населенный исполинами, которые владѣли землею надъ всей землею, отъ востока до запада. Пользуясь высотой своего роста и необыкновенной силой, исполины, изобрѣтеными ими оружіемъ, угнетали прочихъ людей. Независимо отъ оружія, исполины въ угоду своимъ страстямъ изобрѣли боевыя шатры, музыкальные орудія и выдумывали всякія затѣи и прихоти. Питаясь человѣческими мясами, они изгоняли утробные плоды женщины для приготовления кушанья; блудно сожителствовали съ родными матерями, сестрами, дочерьми, мальчиками и животными; не уважали боговъ, не поклонились имъ и творили всякія беззаконія. Тогда многіе люди увѣщевали исполиновъ, проповѣдывали, призывали: начертывали для каменныхъ пророчество о грядущей участи міра... но исполины, не отставая отъ своихъ гнусныхъ обычаевъ издѣвались надъ пророками и вѣщцами ихъ рѣзали. Боги, за нечестіе и злобу исполиновъ, затѣвывали имъ разумъ. Только одинъ изъ исполиновъ чтилъ боговъ и былъ совершенно разуменъ и прозорливъ. Онъ жилъ въ Сири; имя ему было *Ное*. четырехъ его жеть называли *Тимзю*—великомъ; *Нандорою*, *Ноздою* и *Нозалою*; сыновей — *Саломъ*, *Янетомъ* и *Хеломъ*. Угадывая по расположенію небесныхъ свѣтилъ, что міру угрожаетъ конечная гибель, Ное за 78 лѣтъ до потопа началъ строить крытый корабль, подобный ларцу и окончилъ его черезъ семидесять лѣтъ. Тогда океанъ внезапно выступилъ изъ береговъ моря, находившіяся на лицѣ земли, озера, источники, рѣки вскинулись отъ поверхности до дна, разлились по землѣ и затопили ее до вершинъ высочайшихъ горъ. Въ то же время съ неба шхинули съ стремительностью необычайной цѣлые потоки воды въ ви-

дѣ дождевыхъ ливней. Весь родъ человѣческій былъ поглощенъ водою, крокъ Ное и его семейства, спасшихся на кораблѣ. По-слѣдній, носимый во волнахъ, съзъ какъ бы на мель на вершину горы *Гардіа* (Арабата), гдѣ поплывъ сохраняются его останки, источающія смолу, собираемую окрестными жителями и употребляемую ими при богослуженіи. Семейство Ное, спасшееся отъ потопа, было разсѣяно по родоначальниковъ всѣхъ народовъ нынѣ населяющихъ землю. Въ разныхъ ея странахъ возникли величайшія царства: въ Азій *Вавилонъ*; въ Африкѣ *Египетъ* и *Ливія*; въ Европѣ царства: *Кельтибрійское* (нынѣшній Великобританія и Франція тогда еще соединенныя перетейкою на мѣстѣ Падекло), *Италиское* (Италія), *Тунисское*, отъ рѣки Рейна до Понта Эвксинскаго (Германія, Австрія, Дунайскія княжества) и *Ионійское* (Балканскій полуостровъ).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Родъ человѣческій послѣ потопа. — Его размноженіе. — Начало Арменій. — Первобытныя религіи. — Книи Ное и жерцы. — Ное-Нусъ, просвѣтителъ людей. — Винодѣліе. — Хелмъ. — Первые царства и заселеніе земли. — Различные хронографіи. — Толкованія Библии и Псалмовъ. — Синхроническая линия отъ ея начала до распада.

Ное, прозванный *Янусомъ-Омисомъ*, крокъ трехъ сыновей, послѣ потопа имѣлъ ихъ еще тридцать восемь и четырехъ дочерей. Версий перечисляетъ ихъ всѣхъ поименно вмѣстѣ съ ихъ внуками и правнуками. Между этими именами, крокъ лицъ греческой мифологіи встрѣчаются названія земель, рѣкъ и народовъ. Таковы: *Проклестъ*, *Тимши*, *Оксанъ*, *Геркулесъ*, *Тунисъ* (родоначальники германцевъ и сарматовъ), *Вандакъ*, *Гуниъ*, *Нандора*, *Оетидъ*, *Араксъ*, родившая *Скива*. Въ

числѣ пяти сыновей Сааа былъ *Ассирій*; между восемью сыновьями Ифита находили: *Магаса, Фоселла, Ювала*. Изъ многочисленныхъ потомковъ Хема, Кама, или Кавелеса, назовемъ *Озириса, Фазтона, Кура, Арабса, Сава* носителя ладанъ, *Пелмерота, Гоа* отца Ганга и Инда; наконецъ *Феникса*. Потомки котораго заселили Финикію или землю Хаанаанскую.

По прекращеніи потопа, когда земля обсохла и обогрѣлась, Ное со своимъ семействомъ спустился съ горы Горгіа, на долину, покрытую трунами утопшихъ и по этой причинѣ поднесъ называемую *Мири-Адаи* (долиною раздутыхъ труновъ). Здѣсь Ное на камнѣ начерталъ описаніе недавняго бѣдствія въ назиданіе потомству (*). Дѣти, рожденныя у Ное послѣ потопа, были двойни обоего пола, которые вхомя въ возрастъ сожительство-вали, производя на свѣтъ, въ свою очередь, новыхъ двойней. Быстро размножившіеся люди заселили *Арменію*. Ное обучилъ своихъ внуковъ и правнуковъ истинному богопочитанію и правиламъ мудрости, позволивъ имъ писменнѣ, буквами, новыя только возхвавъ сисюевъ арменійскихъ. Кромѣ вохвовъ никто не смѣлъ читать ни священныхъ книгъ Ное, ни его наставленій. Вохвы эти были прозваны *сааири*, т. е. жрецами жертвоприносителями и въ числѣ прочихъ наукъ были свѣдущи въ зѣздобловіи, наблюдалъ движеніе зѣзды и извѣрилъ время по видамъ души періодами въ двѣнадцать частей, названныхъ мѣсяцами. По зѣздамъ саги знали заранѣе всѣ грядущія событія на цѣлый двѣнадцатилѣтній періодъ. Благодарные великому Ное за открытіе имъ этихъ таинъ и признавалъ его соучастникомъ въ дѣлахъ Божіихъ, саги прозвали его *Олабалою* и *Аргомъ* (небомъ и солнцемъ) и посвящали его имени многіе города. Когда Ное изъ Арменіи удалился въ Китай, люди полагая, что онъ вознесся на небеса, стали воздавать ему божескія почести. Изъ же удостоился Ное и въ Китайѣ, гдѣ жители называли его небомъ, солнцемъ, хаосомъ; сатурномъ; бѣженемъ чира; отцомъ боговъ; душою всего живущаго; хранителемъ и подателемъ всего

добраго, полезнаго; гонителемъ и истребителемъ всего злаго и вреднаго. Какъ въ Арменіи, такъ и въ Китайѣ Ное изображали, при поклоненіи ему, въ видѣ *солнца, луи* или *жвезды*, которымъ онъ гналъ изъ общества злодѣевъ и нечестивцевъ, полагая первыми условіями счастья земнаго—цѣломудріе тѣлесное и чистоту душевную, называя эти качества двумя ключами къ истинному богопознанію. Не менѣе Ное народы земли чествовали Титану или Тивою, жену его, называнную послѣ смерти *Арстиею* (землею) и *Эсию* (огнемъ), такъ какъ она научила молодыхъ дѣвственницъ обрядамъ жертвоприношенія и сохраненію священнаго огня на алтаряхъ.

Покидая Арменію, Ное обучилъ тамошнихъ жителей земледѣлію, искусству верховному, смягчающему нравы людей, сближающему ихъ съ богами и удерживающему отъ глѣи и роскоши, развивающихъ въ людяхъ порочныя нравы и страсти, противныя божествамъ. Ное первый посадилъ виноградную лозу, извлекъ сокъ изъ ея плодовъ, но еще не зная силы и свойствъ вина отвѣдалъ его въ неизбренномъ количествѣ, охмѣлялъ и упалъ безъ чувствъ на землю непристойнымъ образомъ. Младшій изъ его допотопныхъ сыновей, Хемъ, злой и завистливый, не выдержавъ отца, братьевъ и занимался чародѣйствомъ и приготовленіемъ ядовъ, за что былъ прозванъ *Зороастромъ*. Увидя отца въ безпамятствѣ и пользуясь случаемъ повредить ему, Зороастръ или Хемъ, прикоснувшись къ нѣкоторымъ частямъ его тѣла, произнесъ заклинанія, навсегда лишившія Ное воспроизводительной способности. Жители Арменіи узнавъ о преступленіи Хема, искренно сожалѣли о несчастномъ отцѣ, котораго, въ благодарность за изобрѣтеніе вина, прозвали *Янусомъ*, т. е. виноградаремъ. Повредивъ отцу, Хемъ началъ развращать людей, проповѣдуя имъ распутство и грѣхи противу-естественныя, тѣ самыя, за которые люди были истреблены пото-помъ. Ное-Янусъ. погоду на сына, прозвалъ его *Хемесену* (нечестивымъ, безстыднымъ, развратителемъ). Египтяне признали Хемесену богомъ, поклонялись ему подъ именемъ *Сатурна* и въ честь его основали городъ *Хем-минъ*, давшій прозвище всей странѣ египетской. Хемъ водворилъ на землѣ гнусный обычай братьямъ жевать на родныхъ сестрахъ.

(*) См. Китай, томъ II, стр. 27—28 о наводненіи Ю.

Вследствие чрезвычайного размножения люди принуждены были селиться въ повыхъ, еще необитаемыхъ странахъ. Руководя переселенцами Нои-Янусъ обучилъ ихъ строительному искусству. Три части свѣта, Европу, Азію и Африку, онъ размѣжовалъ между людьми и тогда, кромѣ бывшихъ уже царствъ, явились новыя. *Немвроту* отданъ былъ въ обладаніе Вавилонъ, *Хелъ* занялъ Египетъ; *Тритонъ* Ливію и Кирену; *Имтисъ-Амаласъ* остальную часть Африки. *Гангъ* поселился въ восточной Азіи; *Савгъ*, носящій ладакъ, въ счастливой Аравіи, *Петрей* — въ Каменистой; *Нана* занялъ страну отъ Дамаска до окраинъ Палестины. Въ Европѣ *Туисконъ* или *Оуисконъ* овладѣлъ странами, лежащими между рѣками Танаисомъ (Дономъ) и Рейномъ; *Комеръ-Галла* Италію, *Юаолъ* страну Кельтиберійскую (Пиренейскимъ полуостровомъ). По повелѣнію Нои-Януса основатели городовъ означали ихъ мѣста высокими башнями, вокругъ которыхъ размѣщались поселенцы на своихъ *кубиткахъ*, закрывавшихъ имъ дома. Первый городъ съ постоянными, недвижимыми домами былъ построенъ Немвротомъ. Этотъ первый царь вавилонскій, переселяясь со своимъ сыномъ *Беломъ* изъ Арменіи на берега Тигра и Евфрата, похитилъ книгу обрядовъ, написанную Нои. Въ 131 годъ послѣ потопа Нимиротъ, въ долинѣ Синаарской, водвигъ высокую башню, въ теченіе нѣтъ-лишести лѣтъного его царствованія, достроенную до вершинъ горъ, хотя еще и не оконченную. Башня эта должна была служить памятникомъ славы, величія и могущества царства Вавилонскаго, первого изъ всѣхъ царствъ земли. За свое благочестіе Нимиротъ былъ восхваленъ богами на небеса.

Здѣсь мы оканчиваемъ выписки изъ книгъ Веросія и вѣстѣтъ съ тѣмъ обзоръ доисторической эпохи. Не впадемъ въ подробный разборъ противорѣчій Веросія со свѣдѣніями библейскими и греческими историками — это увидитъ самъ читатель изъ послѣдующихъ нашихъ разсказовъ. Въ политическомъ отношеніи, отчасти и въ географическомъ, Ассирію и Вавилонъ можно угодить лодливъ-двойнымъ халдейской космогоніи. Въ памяти человѣчества, оба царства составляютъ нѣчто нераздѣльное и имена Нименія и

Вавилона такъ же неразлучны, какъ имена библейскихъ Содома и Гоморры.

Мы уже неоднократно говорили, что въ лѣтосчисленіи бытія міра, отъ его сотворенія до потопа и отъ потопа до Рождества Христова, существуетъ разность на нѣсколько лѣтъ между годами принятыми историками восточной и западной Европы. Мы слѣдуемъ лѣтосчисленію семидесяти толковниковъ Библии: западные европейцы — лѣтосчисленію хронографа *Петавію* (род. 1583 ум. 1652 г.). По первому, отъ сотворенія міра до потопа прошло 2262 года; по Петавію — 1656 лѣтъ. До Рождества Христова мы считаемъ 5508 лѣтъ, западные европейцы 3983 года. О томъ, чье счисленіе вѣрнѣе, написано безчисленное множество ученыхъ диссертаций, трактатовъ, мемуаровъ и т. д. но, не смотря на то, вопросъ этотъ не рѣшенъ до и едва-ли когда можетъ быть рѣшенъ окончательно. Вследствіе разнорѣчій хронографовъ не возможно опредѣлять съ точностью годовъ основанія первыхъ царствъ. Согласно предположеніямъ Фортія д'Юрбена, годовъ всемірнаго потопа мы припили 2297 до Р. X., годовъ основанія Ассирійской монархіи 2235 годъ. Последний противъ лѣтосчисленія библейскаго болѣе на 104 года. Такимъ образомъ продолжительность бытія древней Ассиро-вавилонской монархіи до ея распадѣнія колеблется между 1484 и 1125 годами.

Сказанія Веросія-волхва и Мансоона о первомъ династии царей и размѣжеваніи земли между населенными ею племенами, по своей хаотической запутанности, могутъ быть названы картиною „смѣшенія языковъ“ послѣ вавилонскаго столпотворенія. Тѣмъ не менѣе онѣ достойны вниманія читателей, такъ какъ даютъ нѣкоторое понятіе о синхроническомъ соидаженіи событій, постепенномъ политическомъ развитіи первобытныхъ народовъ, а также и объ измѣнчивости предѣловъ первобытной Ассиро-вавилонской монархіи. Въ теченіе 1465 лѣтъ ея существованія ею управляли въ числѣ 41 слѣдующіе цари, имена которыхъ приводимъ вѣдѣ за годовъ вцаренія каждаго:

2235 г. до Р. X. *Ассуръ* съ подвластными ему племенами изъ Арменіи переселяется въ страну Синаарскую, между Тигромъ

и Евфратомъ. Основаніе Вавилона *Импродонъ* (?) 2229 г. *Белъ* наследуетъ Ассуръ. Расширеніе Вавилона, установленіе рядовъ богослужбыныхъ. Коверъ Галъ обучаетъ жителей Италіи строенію городовъ. Основаніе Тира въ землѣ Ханаанской (въ Финикіи). *Белъ* присоединяетъ къ своему царству страны, лежащія на сѣверо-западѣ отъ Арменіи до предѣловъ земли Сарматской (Кавказъ, нынешнія низовыя губерніи, земля войска Донскаго, Новороссію, Украину).

2174 *Нинъ*. Исполнитъ египетскіе дасть законы гарматамъ, живущимъ на берегахъ Рейна, а Ювалъ — кельтамъ. Помилеваніе Януса въ Италію. Вовареніе Озириса въ Египетъ.

2164. *Семирамида*. Прѣтущее состояніе монархій, увеличеніе и украшеніе Вавилона, возведеннаго на степень первѣйшаго города въ мірѣ. Изйда, супруга Озириса, вѣстѣ съ нимъ просвѣщаетъ Египетъ. Супруга Януса, Веста основываетъ въ Италіи богослуженіе огню; начало земледѣлія въ этой странѣ.

2108 *Ниній* преемникъ Семирамиды украшаетъ храмы и особенно покровительствуетъ волхвамъ. Смерть Януса въ Италіи, гдѣ онъ причисленъ къ богамъ. Озирисъ египетскій научаетъ земледѣлію жителей Палестины; изобрѣтаетъ соху, просвѣщаетъ всѣ страны міра и подчиняетъ ихъ себѣ, за исключеніемъ Вавилона. Сарронъ въ землѣ кельтовъ изобрѣтаетъ для нихъ письмена.

2042 *Арій* присоединяетъ къ Вавилону страны Бактрианскую и Прикаспійскую (нынешнюю Грузію и сѣверныя области Персіи). Начало могущества Ливійскаго царства.

2012 *Аралій* вводитъ въ Вавилонъ въ употребленіе драгоценныя камни для храмовыхъ украшеній и парадовъ жемчужныхъ. Въ странѣ кельтовъ, вовареніе Барда изобрѣтается стихословеніе и музыка. Въ Италіи изверженіе огнедышащихъ горъ въ трехъ мѣстахъ (Эгна, Везувій и вулканы на берегахъ нынѣшней Истріи).

1972 *Балей-ксерксъ* (побѣдитель) расширяетъ предѣлы цар-

ства вавилонскаго до Индіи и удваиваетъ пространство своихъ владѣній.

1942 *Арманиеретъ*, царь празднолюбецъ. Въ двадцатый годъ его царствованія Лигуръ, Кидпъ, Эриданъ, ихъ дѣти и внуки заселяютъ сѣверную Италію, до Истріи. Деавій открываетъ золотыя рудники въ горахъ Пиринейскихъ.

1904 *Белохъ* или *Белъ II* соединяетъ въ своемъ лицѣ власть царя и санъ верховнаго жреца; особенно прилежно занимается волхваніемъ. Македонъ, сынъ Озириса, даетъ свое имя сѣверо-восточной странѣ Греціи. Озирисъ усмирять взбунтовавшихся великановъ, распространяетъ свое владычество до береговъ Истера (Дуная) и овладѣваетъ всею Италією. Въ послѣдніе годы жизни Белохъ въ Атигѣ было страшное наводненіе.

1869 *Балей*, славнѣйшій изъ вѣстителей вавилонскихъ послѣ Семирамиды, завоевалъ часть Индіи и обложилъ ея жителей данью. Озирисъ, по возвращеніи своемъ въ Египетъ, воздвигаетъ памятники во славу своихъ побѣдъ. Кельтесъ, обладатель земли Кельтійской, даетъ вслѣдствіе лѣсныхъ пожаровъ на пагорьяхъ имя Пиренею горамъ, отдѣляющимъ Иберію отъ Галліи. Убіеніе Озириса Тифономъ. Геркулесъ-линійскій, сынъ убиеннаго, ведетъ войны съ убійцею и прославляется подвигами. Его стараніями мѣста, болотистыя и покрытыя водою, становятся годными къ заселенію.

1817 *Севосъ* или *Атиадесъ* въ теченіе 32 лѣтъ царствованія не думалъ ни о чемъ иномъ, кромя удовольствій. Геркулесъ умираетъ въ Иберіи и жители воздвигаютъ храмы въ его память.

1785 *Мамитъ* вѣдъ войны съ жителями Сиріи и Египта. Ему наследовалъ *Манталей* (1755), при которомъ ядъ кельтами царствовалъ Лугдъ, назвавшій своимъ именемъ области Галліи (нынѣшній Ліонъ).

1727 *Сферъ*; 1705 — *Мамилъ*. Прибытіе въ Италію египтянки Іо. 1675 *Спаратъ*. Въ его царствованіе Кекроисъ египтянинъ основалъ въ Греціи Аонию; фараонъ Хемкресъ погибъ въ волнахъ моря вѣстѣ со своими войсками, преслѣдуя іудейскихъ плѣнниковъ. Междоусобіе въ Италіи между Дарданомъ и Міаіемъ. Въ Фессаліи землетрясеніе, потопъ, а при арабійскомъ дарѣ Фараонъ — опустошительныя лѣсные пожары.

(?) Еще неразрѣшенный вопросъ. Нинъ и Нингоодъ два разныхъ лица, или одно и то же?

1633 *Аскамада* вкоряється в Сирію і Фінікію. Почало ввійдіння в Грецію. Основаніє царства Троїанського Дарданіюмъ. Корибантъ и Цибелла, поручивъ управленіе Італією дванадцати правителямъ отираються, въ Фригію.

1595 *Алинта*; 1550 *Белла II*; 1495 *Белопаретъ* или *Лаллантидій*, сиреніиши критскаго царя Міноса. Виходять съ береговъ Чорнаго моря Кадіъ и Феникъ овладѣвають Сидонь, откуда першій черезъ семь дѣтъ переселяється въ Грецію для ся образованія.

1463 *Созаретъ*; 1445 *Дамириетъ*. Основаніе Галатіи.

1415 *Ниній*. Въ Троѣ царствуетъ Лаохелонъ. Рожденіе Гержулеса, сына Алфитріона, 1370 *Созарилъ*; 1348 *Мюрей*; 1321 *Тевтавъ* или *Таутанетъ*. Смерть Гержулеса, славѣйшаго изъ вонтелей морскихъ; онъ погибъ въ огнѣ. Въ 1295 году разрушеніе Трои и паденіе царства троїанскаго (*); Эней переселяется въ Італію. Воцареніе Аскавія въ землѣ латинской.

1289 *Тевтей*. Лидійцы владычествуютъ на юркахъ. Сожженіе храма Діаны Эфесской амазонками. Съ 1245 по 787 годъ Манеонъ насчитываетъ тринадцать царей, называя ихъ содершено по именамъ какъ прочіе историки; *Сардинапала* онъ называетъ Онусъ-Колколерусъ и ограничиваетъ его царствованіе 17 годами. Основываясь на этомъ, годомъ распадація Ассиро-вавилонской монархіи полагаемъ 770 г. до Р. Х.

Порейдежъ теперь къ болѣе или менѣе достовѣрнымъ скамліяль историковъ греческихъ и имѣеть съ тѣмъ книгъ Манеонныхъ и пророковъ, предшественниковъ и современниковъ „плѣненія на вавилонскаго“.

(*) По нашему зѣтосчисленію изаніе Трои соотвѣтствуетъ 1185 году до Р. Х. Убавая показанія нами года на 110 лѣтъ читатель можетъ возстановити синхроническіи порядки, согласны съ 70 толковниками.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Нимродъ. — Нинъ. — Семирамида. — Ниній. — Пророкъ Іона въ Ниневіи. — Сардинапала. — Три новыя царства. — Мидія. — Ново Ассирія. — Вавилонъ. — Вѣсны съ іудеями. — Изчистство въ Іудей. — Самматассиръ. — Селлахерибъ. — Саседжунъ. — Хамаладанъ. — Присоединеніе Ассиріи къ Вавилону.

По несомѣнному свидѣтельству книги Бытія (Гл. X, ст. 8—12) Нимродъ правнукъ Хама — „началъ бытъ силовъ на землѣ; былъ сильный звѣровъ передъ Господомъ... Царство его вначалѣ составляли: *Вавилонъ*, Эрехъ, Аккадъ и Халне въ землѣ Синааръ. Изъ сей землѣ вышелъ Асуръ и построилъ *Ниневію*, Реховою-пръ, Калахъ и Ресенъ между Ниневією и между Калахъ; это городъ великій...“

Нѣкоторые хронографы перечисляютъ цѣлую династію царей *вавилонскихъ* до присоединенія этого царства къ *Ассиріи* при Белъ, сынѣ Асура. Во избѣжаніе утомительныхъ для читателя хронологическихъ сопоставленій, остановимся на томъ предположеніи, что оба царства слились въ едино при Нимродѣ, а Асуръ основатель Ниневіи, былъ однимъ изъ его потомковъ, можетъ быть даже и не весьма отдаленныхъ. Выше Асура, *Нинъ* прославился завоеваніями, присоединивъ къ своей державѣ всѣ азіатскія царства отъ Чорнаго моря до Индіи. Съ огромными полчищами онъ вступалъ въ царство Бактріанское и осадилъ Бактры, его столичный городъ. Въ числѣ полководцевъ Нина былъ ибѣто Менонесъ, женатый на уроженкѣ сирійской, *Семирамидѣ*. Скупая по жель, Менонесъ вынуждъ ее въ Ниневіи въ лагерь подъ стѣнами Бактры, куда Семирамида прибыла переодѣтая въ мужское платье. Красавица собою, одаренная необыкновенными способностями, она осмугрѣвъ укрѣпленію осажденнаго города дала совѣтъ Менонесу нанять на Бактры со стороны наименѣе укрѣпленной. Для успѣшнѣйшаго осуществленія своего плана, Семирамида сама

приняла начальство надъ передовымъ отрядомъ и овладѣла городомъ. Нинъ, въ восторгѣ отъ побѣды, козела въ видѣ героиню и влюбился въ нее съ перваго же взгляда. Онъ предложилъ Мелонсу руку своей дочери Лозаны, если тотъ согласенъ уступить ему Семирамиду. Мелонсъ отъвѣчалъ отказомъ и тогда Нинъ пригрозилъ ему казнью. Предугадывая безуспѣшность борьбы съ царемъ, несчастный мужъ удавился и тогда Семирамида сдѣлалась женою Нина, которому родила сына *Нинія*. Коварная и властолюбивая она всячески помогала верховной власти и для овладѣнія престоломъ употребила хитрость. Однажды обольстивъ Нина своими ласками, она довела его до опрометчиваго обещанія исполнить безпрекословно первую оя просьбу. Семирамида попросила Нина позволить ей сдѣлаться царицей на пять дней. Вѣрный своему слову, Нинъ утѣчалъ ее своей тiarой, далъ въ руки жезлъ, приказалъ придворнымъ безпрекословно ей повиноваться, во все продолженіе выговореннаго ею срока. Первые два дня царица удивляла царя и всѣхъ вельможъ мудрой распорядительностью по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія; на третій и на четвертый день она списалась неограниченную преданность войскъ, а на пятый — повѣлила обезглавить Нина, что и было исполнено. Похоронивъ мужа въ стѣнахъ дворца и воздвигнувъ надъ его прахомъ великолѣпную башню съ террасами, Семирамида въ первые же годы своего вцаренія, украсила Вавилонъ зданіями приващными чудесами свѣта и обнесла столпу высокими каменными стѣнами, дѣлавшими ее непреступною. Желая узнать грядущую свою участь, царица совѣщалась съ оракуломъ и получала въ отвѣтъ, что сынъ ея Ниній будетъ виновникомъ ея смерти. Въсѣдствие этого предсказанія Семирамида отдала Нинію отъ престолонаследія и даже, по нѣкоторымъ сказаніямъ, удалила его изъ Вавилона. Силою оружія великая царица распространила предѣлы своей монархіи до Инда, обладала четырьмя морями: Средиземнымъ, Каспійскимъ, Чернымъ и Чернымъ. Въ ея царствованіе Вавилонъ достигъ высшей степени могущества, славы и благоденствія. Послѣ 42 лѣтъ владычества Семирамида уступила престолъ Нинію, а сама удалилась въ удивленный дворецъ, изъ котораго повѣдомо куда исчезла. По сказаніямъ греческихъ историковъ, она

въ видѣ голубки улетѣла на небо. Основаніемъ этой послѣдней сказки послужило имя Семирамиды, на халдѣйскомъ языкѣ означающее голубку. Изъ благоговѣнія къ памяти великой царицы жители Сиріи, Вавилона и сосѣднихъ областей питали къ голубкѣ религиозное уваженіе... Греческіе же историки утверждаютъ, что Семирамида посѣтъ смерти воздавала божескія почести.

Отъ Нинія до *Дарниала* или *Дарциала* (2108—1053) изъ 29 царей ассирійскихъ, не было ни одного, который уподобился бы Ницу или Семирамидѣ. Всѣ они были изнѣженные тупеядцы, утопавіе въ распутствѣ и удивлявшие міръ своими безобразными выходками. Держали быть тотъ самый царь, при которомъ въ Ниневіи появился пророкъ Іона, предвѣщавшій гибель царству, если властитель его и всѣ ему подвластные не принесутъ истинносердечнаго покаянія. Держали спявъ царскія одежды, облачались во иретище, посылалъ голову вполоть и смирался предъ Богомъ... Гибель Ниневіи во времени была отсрочена. Въ религиозно-историческомъ отношеніи проповѣди Іоны пророка въ стѣнахъ нечестиваго, языческаго города имѣютъ то великое значеніе, что Іона былъ какъ бы миссіонеромъ среди язычниковъ—мгновеннымъ лучемъ свѣта въ темномъ царствѣ. При *Сардананалѣ* произошедъ тотъ великій переворотъ, вслѣдствіе котораго громадная Ассирійская монархія распалась на три новыя: Ассирійскую, Вавилонскую и Мидійскую, управленіемъ *Фуломъ*, *Белезисомъ* и *Арколомъ* главнымъ виновникомъ возстанія, стоившаго жизни безлугному Сардананалу. Ослабленный въ своемъ великолѣпномъ дворцѣ, не жала сдаться врагамъ и въ разумномъ предвидѣніи насильственной смерти, Сардананалъ сложилъ громадный костеръ изъ своихъ сокровищъ изомель на него вѣстрѣ съ наложницами и погибъ въ пламени. Сумасбродъ этотъ замѣчательно только тѣмъ, что за четыреста лѣтъ до Эпикура проповѣдывалъ его правила, домыслъ имѣющія многочисленные послѣдователи: „ѣшь, пей, веселись и болѣе ни о чемъ не думай“!

Костеръ Сардананала, какъ будто разгоняетъ хракъ баснословія въ исторіи первыхъ царствъ древняго міра. Вѣсто гадательныхъ цифръ находимъ наконецъ правильное лѣтосчисленіе; рассказы о событіяхъ не приращенные фантастической мишурой; по-

руками за ихъ достоверности служатъ книги Царствъ и лѣтописи народа іудейскаго.

При раздѣленіи Ассирійской монархіи Арбакъ взялъ себѣ область Мидію на сѣверѣ отъ Вавилона (804 г. до Р. X.), *Фраортъ*, сына его преемника Дейока присоединилъ къ своему царству Персію и вознамѣрился завоевать также Ново-ассирійское царство. Царь Навуходоносоръ, разбивъ Фраорта на голову, овладѣлъ Экбатаномъ, столицею Мидійскаго царства, и взялъ въ плѣнъ самого царя, который былъ разстрѣлянъ дротиками. При его сынѣ и преемникѣ *Циаксарѣ*, скифы, жители побережья вѣнчанаго Азовскаго моря, перешли Кавказскія горы и вторглись въ Мидію.

Послѣ тщетныхъ попытокъ изгнать иноземниковъ, Циаксаръ покорился имъ, для того чтобы пользоваться доверчивостію побѣдителей, предательски истребить ихъ. Послѣ того, соединивъ съ правителемъ царства вавилонскаго *Ноболомассаромъ*, Циаксаръ помогъ ему присоединить къ своей державѣ ново-ассирійское царство. Преемникомъ Циаксара былъ Астиагъ, дѣдъ Кира; послѣдній въ 560 году до Р. X. присоединилъ Мидію къ своей громадной монархіи.

Дальнѣйшему обзору Ассиро-вавилонской монархіи предпосылаемъ слѣдующій списокъ ея царей, отъ *Фула* до *Валтассара* (съ 770 по 538 г. до Р. X.).

770 *Фула*, *Пула* или *Сардиннапа II*. По сказаніямъ Священнаго писанія (Четвертая Книга Царствъ, гл. XV, ст. 19, 20) онъ по приглашенію Менаима, царя израильскаго, за тысячу серебряныхъ талантовъ привелъ въ повиновеніе ему возмущившихъ подданныхъ.

742 *Тиглатъ-Фалассаръ*. *Тиглатъ-Ниласаръ* (Оглагофеллассаръ). Сюзанка Ахаза царя іудейскаго. Рецилъ царь сирійскій и Фаей царь израильскій осадили Ахаза въ Иерусалимѣ. Оглагофеллассаръ былъ призванъ послѣднимъ на помощь, за что получилъ заранѣе все золото и серебро, собранное царемъ іудейскимъ въ храмъ и собственныхъ сокровищницахъ. Оглагофеллассаръ овладѣлъ Дамаскомъ, переселилъ жителей его въ Киръ и умертвилъ

Рецина (?). По довольствіи данью Ахаза, царь ассирійскій грабежами своими навелъ ужасъ на всю Сирію и Палестину.

724. *Салманассаръ* обложилъ данью Осію, царя израильскаго, введшаго въ тайныя сношенія съ Сигоромъ, царемъ милетскимъ и умышлявшаго въ союзѣ съ послѣднимъ свергнуть ассирійское иго. Осія былъ заочненъ въ темницу; Салманассаръ занялъ его владѣнія и послѣ грехѣтвей осады овладѣлъ Самарією, переселялъ израильтянъ въ Ассирію въ числѣ десяти тысячъ, гдѣ они впади въ идолопоклонство, а на ихъ мѣсто водворилъ въ Самаріи вавилонскихъ переселенцевъ. Тревожимые набѣгами львовъ и другихъ хищныхъ звѣрей и идя изъ томъ наказаніе божіе, переселенцы послѣдовали закону Моисею, вытѣсь съ тѣмъ не оставивъ и поклоненія идоламъ (?). Строили капища кумирамъ и воздвигали алтари истинному Богу... Такъ образовалось между самарянами сѣшанное ифросповѣданіе — неяскаемый источникъ распріи между ними и племенами народа іудейскаго. Салманассаръ, независимо съ побѣдъ своихъ надъ царями іудейскимъ и израильскимъ вѣль успѣшная война съ финикійцами, помогая кипрскимъ поселенцамъ въ ихъ возстаніи противъ тирскаго царя Адуделя.

712 г. *Сеннахерибъ* или Сеннахеримъ. Въ его царствованіе Езекиа, царь іудейскій, уклонился отъ платежа дани и подобно Осію вошелъ въ союзъ съ царемъ египетскимъ. Сеннахеримъ овладѣлъ всѣми укрѣпленными городами іудейскаго царства и обложилъ Езекию данью въ 300 талантовъ серебра и 30 золота. Не довольствуясь этимъ, Сеннахеримъ подступилъ къ Иерусалиму и черезъ пословъ своихъ дерзко наругался надъ царемъ и надъ его упованіемъ на помощь Божію. Внѣвъ возити Езекиа Богъ Израилевъ въ одну ночь истребилъ въ ставѣ ассирійскомъ 185,000 человекъ. Сеннахеримъ принужденъ былъ отступить и возвратился въ Ниневію, гдѣ былъ убитъ въ храмѣ Нисроха своими сыновьями Адраелехомъ и Шарадеромъ, бѣжавшими изъ Архонію (?).

(?) См. Четвертую книгу Царствъ. Гл. XVII ст. 1—6.

(?) См. Тамъ же. Гл. XVII, ст. 24—41.

(?) См. Четвертую книгу Царствъ. Гл. XVIII до XXI.

710 г. *Асардан* (Ассахаддонъ, Асенафаръ) въ 680 году присоединилъ къ своей державѣ Вавилонъ. Черезъ семь лѣтъ войска его заняли Іудею при царѣ Манассіи, поклонившемся Астар-тѣ. Взятый въ плѣнъ, Манассія былъ освобожденъ черезъ годъ; іудеи же были переселены за Евфратъ.

667 г. *Синдубинъ* (по книгѣ Юдифи *Повсудодносора* 1). Възъ войны съ Фраортамъ вавилонскій, приславшаго завоевателями софедальныхъ своему царству областей, а также и жестокостями. Онъ поручилъ военачальнику своему Олоферну покорить всю Іудею, въ 655 году. Убіеніе послѣдняго Юдифью спасло Іудею и народъ Божій.

648 г. *Хиналадинъ* или *Саракъ*, послѣдній царь ассирійскій — олицетвореніе всѣхъ пороковъ и чудовище распутства. Халдѣйскій сатрапъ Набополассаръ овладѣлъ Нишею и присоединилъ Ассирію къ царству Вавилонскому.

Теперь мы принуждены представить перечень царей ново-вавилонскихъ до слияніи монархій подъ скипетромъ Набополассара, которому наследовалъ знаменитый Навуходоносоръ, снискавшій себѣ прозвище — *великаго*.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Велесизъ. — *Эра Набополассара.* — *Навуходносоръ.* — *Взятіе Иерусалима.* — *Плененіе Вавилонское.* — *Сноудиніе Навуходносора.* — *Пророкъ Даніилъ.* — *Погонимъ Навуходносора.* — *Землетрясеніе.* — *Нерилессоръ.* — *Дибирозаргара.* — *Валтассаръ и царица Нитокрида.* — *Царь Валтассаровъ.* — *Мочи-вакель-форесъ.* — *Изясненіе этихъ словъ пророкомъ Даніиломъ.* — *Взятіе Вавилона.* — *Общій очеркъ религіи.* — *Планеты Божіи.* — *Белъ или Вавалъ.* — *Храмъ солнца.* — *Терифимы.* — *Значеніе этихъ нумеровъ.*

Велесизъ, союзникъ Фула и Арбака, овладѣлъ Вавилономъ, изъ котораго въ 759 году до Р. X. образовалъ отдѣльное независимое царство. Воспеліе на престолъ его преемника *Набополассара*, 26 февраля 747 года, считалось эрой, отъ которой

вавилоняне вели свое лѣтоисчисленіе. Онь царствовала четырнадцать лѣтъ и преемники его были: *Надійъ*, *Хинзирій*, *Поръ*, *Юдей*, замѣчательные развѣ только по непродолжительности и безцѣлности своихъ царствованій. *Мардокемнадъ*, называемый въ четвертой книгѣ царствъ *Бородахъ-Баладатъ*, другъ и союзникъ царя Езекіи, приславшій къ нему послонъ съ поздравленіемъ о чудесномъ его исцѣленіи, совершенномъ пророкомъ Исаіею, а равно и для развѣданія о сопровождавшемъ чудо уклоненіи солнечной тѣни на десять ступеней Ахазовыхъ (IV кн. Цар. XX, ст. 6---13).

Царь ассиро-вавилонскій Набополассаръ, воль войны съ фараономъ египетскимъ Нехао, одержавъ надъ нимъ постоянныя побѣды. Волстаніе Сиріи и Палестины побудили Набополассара передать военачальство сыну своему Навуходоносору. Преемникъ Набополассара отнялъ у египтянъ всѣ ихъ владѣнія въ Іудеѣ до береговъ Евфрата; осадилъ Иерусалимъ, ограбилъ храмъ, взявъ въ плѣнъ царя іудейскаго Іехонію со всѣми его вельможами и посадилъ ва его мѣсто дядю своего Матеанію, прозваннаго Седекіею. По примѣру всѣхъ своихъ предшественниковъ, Седекія, снчала исправный данникъ царя вавилонскаго, вдумался уклоняться отъ платежа, а наковецъ и совершенно уклониться отъ нга. Тогда Навуходоносоръ осадилъ Иерусалимъ, обложивъ его окопами. Осажденные, томимые голодомъ, дѣлали безуспѣшныя вылазки и въ одну изъ нихъ Седекія со своими сыновьями былъ взятъ въ плѣнъ. По повелѣнію Навуходоносора послѣдніе были умиротворены, Седекія былъ ослѣпленъ и заключенный въ цѣли отравленъ въ Вавилонъ. Навузардатъ, начальникъ тѣлохранителей царя вавилонскаго съжегъ въ Иерусалимѣ храмъ Бога Израилева и дворецъ царскій, по расхищеніи изъ перваго всѣхъ священныхъ сосудовъ, свѣтильниковъ, чашъ, кадильницъ и всѣхъ металлическихъ украшеній. Жители были уделены въ плѣнъ, двинувшійся 70 лѣтъ и извѣстный въ священнои исторіи подъ именемъ „плененія вавилонскаго“ (609 л. до Р. X.).

Послѣ того побѣдитель народа божія обратилъ свое оружіе на Финікій и осадилъ Тиръ (598), развалинами котораго овладѣлъ послѣ тринадцатилѣтней осады. Украсилъ Вавилонъ, сдѣлавшійся

вскорѣ столицей всего міа. Съ высоты величій, могущественный, всюду прославляемый Навуходоносоръ — перстомъ божіимъ низведенъ на степень безмысленнаго животнаго. Въ книгѣ пророка *Даніила* сохранилось сказаніе объ этомъ событіи. За годъ до своего отступленія Навуходоносоръ видѣлъ во снѣ огромное дерево, вѣтви котораго, отягощенные плодами, возносились до небесе. Подъ его тѣнью насылились всевозможныя звѣри земли и безчисленныя стаи птицъ гнѣздились въ листьяхъ. Тогда раздался грозный, звучный голосъ, какъ бы выходившій съ неба: „Срубите это дерево по самый корень; отбейте вѣтви, размочите его плоды по землѣ, въ корни оставьте. Окуйте это дерево цѣпями средъ полевой травы, пусть оно пасется на ней подобно дикимъ звѣрямъ, выщипте изъ него сердце человѣческое и дайте ему на семь лѣтъ сердце животнаго!“

Пробудившійся царь въ смущеніи и страхѣ послалъ за волхвами-свотлователями, но они не могли дать ему никакого объясненія. Одинъ только Даніилъ, юный израильтянинъ, извѣстивъ недавно спасенный чудомъ божіимъ изъ рва львиного, могъ отвѣтить Навуходоносору, что сонъ предвѣщаетъ ему семилѣтнее помѣшательство, во время котораго онъ, подобно быку, будетъ жевать траву, а вмѣсто разумной человѣческой рѣчи издавать бессмысленное мычаніе. Навуходоносоръ посягнулся пророку, но именно черезъ годъ внезапно лишился разсудка и въ теченіе семи лѣтъ ползалъ на четверенькахъ, грызъ траву, чудовищно обросъ волосами, вмѣсто ногей отростили когти хищной птицы. Прижѣры подобнаго идиотизма очень рѣдки, но въ нѣсколько лѣтъ однажды встрѣчающіеся случаи подтверждаютъ истину древняго библейскаго сказанія о Навуходоносорѣ (1). Этотъ страшный видъ идиотизма послужилъ вѣроятно основаніемъ повѣрья объ оборотняхъ и порченыхъ.

Во время недуга Навуходоносора, царствомъ управлялъ сынъ

(1) Лѣтъ пять тому назадъ въ Петербургѣ одно очень важное лице за годъ передъ смертію впадо въ идиотизмъ, до послѣдней минуты удобовѣряясь борону. Оно принимало пищу не иначе какъ палъ лохачей и валилось въ нечистотѣхъ.

его *Эвильмеродахъ*, освободившій плѣннаго іудейскаго царя Іехонію изъ тѣмницы и давшій ему приличное помѣщеніе и содержаніе. Навуходоносоръ принеженный въ себя царствовать до 562 года. Наслѣдовавшій ему Эвильмеродахъ, вѣнавистный народу и войску за свое распутство, былъ убитъ своими же зятемъ *Нериглиссаромъ* или *Нергисомъ-астромъ*, восшедшимъ на престолъ. Увлекался пагубной страстью къ завоеваніямъ, онъ предложилъ царю лідійскому Крезу соединенными силами овладѣть Мидіей. Цансаръ встрѣтивъ союзныя войска разбилъ ихъ на голову и Нериглиссаръ палъ въ битвѣ. Наслѣдовавшій ему *Лаборозорходъ*, бездѣшныи тиранъ, былъ причиною близкой гибели царства вавилонскаго. Онъ умертвилъ сыновей двухъ своихъ поеноначальниковъ Габріи и Годата; первого за превосходство пасть собою въ стрѣльбѣ изъ лука, втораго за наружность, поправившійся его палочникѣ. Габріи и Годатъ вошли въ тайныя сношенія съ Киромъ царемъ персидскимъ, помогши ему овладѣть многими областями, а Лаборозорхода загнать въ Вавилонъ, гдѣ царь, надѣясь на прочность стѣнъ и укрѣпленій, провелъ остатокъ дней въ лѣтѣхъ и чувственныхъ наслажденіяхъ. Послѣднимъ царемъ вавилонскимъ былъ *Валтассаръ*, называемый Набонидомъ, Лабининомъ у Геродота и Набонидеми у Флавія Іосифа. Предоставивъ управленіе царствомъ своей матери Нитокридѣ, желищивъ умной, одаренной качествами истинной героини, Валтассаръ проводилъ время въ пошлѣйшей праздности. Крезъ лідійскій предложилъ ему союзъ противъ Кира: побѣда персидскаго завоевателя надъ нимъ одержанная при Омфрѣхъ отдала ему во власть всѣ страны, лежащія между Евфратомъ и Чернымъ моремъ. Побѣдитель двинулся къ Вавилону и осадилъ его. Валтассаръ извѣщенный въ невозможности опладѣть столицю, снабженную избыткомъ продовольствіемъ, полагаясь на распорядительность Нитокрисы, тѣшилъ широкими и праздничными. Осада Вавилона длилась два года (540—538). Навалившій его взятіи во дворѣ Валтассара былъ великолѣпный пиръ, на которомъ восточная роскошь и распутство заходили далеко за предѣлы безумія. Потѣхи ради, Валтассаръ велѣлъ принести въ залу пира снѣдства золотые священные сосуды, посвященные Навуходоносоромъ изъ храма іерусалимскаго. Изъ нихъ Валтассаръ и его

собесѣдники пили вино при грохотѣ музыки, пѣніи сражныхъ пѣсней и любясь плясками полунагихъ невольницъ. Въ это время на стѣнѣ появилась огненная рука и начертала волшебными письменами три непонятныя слова: *Мани, бакель, фаресекъ*. Устрашенный видѣніемъ, царь спросилъ волхвовъ что они думаютъ о немъ и могутъ ли перевести таинственныя слова на языкъ общепонятный? Волхвы сложили въ пѣвѣніи. Тогда Валтасаръ, по примѣру Навуходоносора, обратился къ нѣбному іудею Даниилу, который объявилъ, что три слова начертанныя огненной рукою предвѣщаютъ паденіе царства вавилонскаго. Оправившійся отъ испуга Валтасаръ нѣще прежняго предался веселью и вѣдній голосъ пророка былъ заглушенъ звономъ чашъ и звуками музыки...

Покуда во дворцѣ лились рѣки вина, Киуръ, посредствомъ канала, проведеннаго къ Евфрату, отвлекъ его теченіе въ сторону и по обмелѣлому руслу, пользуясь темнотою и безпечною осажденныхъ, проникъ въ стѣны Вавилона. Мгновенно огни пируества смѣшались заревомъ пожара, недавніи пѣсни воляжи ужаса и начался пиръ смерти, разгулъ меча и насилия: Вавилонъ палъ и имѣя этого проклятаго города, переходя изъ рода въ родъ къ позднѣйшему потомству, сдѣлалось синонимомъ вертепа всѣхъ возможныхъ распутствъ, грѣховъ чудовищныхъ и противустественныхъ. Развратъ былъ религіознымъ догматомъ этого царства, жители котораго поклонялись псу и его свѣтили, въ то же время косясь на жизни грубѣйшаго матеріализма, низводя достоинство человѣческое на степенъ безмысленнаго животнаго. Скотообразный идіотизмъ Навуходоносора — символическое изображеніе царства Вавилонскаго въ послѣдніе годы его бытія.

Окончивъ обзоръ исторической, переходимъ къ религіи древнихъ халдейскихъ царствъ.

Халдея (т. е. Ассирія и Вавилонъ) колыбель сабизма. По отрывкамъ изъ космогоніи Веросія, намъ уже извѣстно, что первобытные ея жители происхожденіе всего видимаго въ природѣ приписывали двумъ началамъ: 1) действительному, *онлодотворяющему* и — 2) страдательному, *онлодотворяемому*; первыя они признавали небо, вторыя землю и воду. Изъ всѣхъ свѣтилъ

небесныхъ, солнце, само собою было божествомъ верховнымъ и ему поклонялись подъ именемъ *Бела* или *Ваала*. Всюдѣствій времени это имя изъ собственнаго сдѣлалось нарицательнымъ и имъ называли не только прочія планеты, но и присоединяли его къ именамъ царей. Луна называли *Дерсито* или *Атаргадидою*, Меркурія *Наво*, *Небо* или *Набо*, Сатурна — *Реминилъ*, Венеры *Астартю*, *Бельмигою* или *Милиттою*, Марса *Адрю*, *Ариснолѣ*, *Баролѣ*, *Меродахомъ*; Юпитера *Местою*. Посвящая покровительству этихъ церковныхъ божествъ города, халдеи присоединяли ихъ имена къ именамъ своихъ царей въ ихъ лицѣ обоготворяя планету. При Семирамидѣ списокъ боговъ вавилонскихъ увеличился присоединеніемъ къ нимъ многихъ божествъ сирійскихъ, а при Навуходоносорѣ всѣ ему подвластныя страны исповѣдывали одну религію, въ составъ которой, кромѣ первобытныхъ халдейскихъ божествъ вошли божества Сиріи и Финикіи. Въслѣдствіе этого смѣшенія божествъ разныхъ странъ, отдѣльной халдейской космогоніи нѣтъ и къ описанію обрядовъ Ассиріи и Вавилона у всѣхъ историковъ прилетены (иногда совсѣмъ не кстати) обряды Сиріи, Финикіи, даже Египта и древней Греціи. Многіе изъ нихъ, или нарицательное приписываютъ за собственное или названіе одной и той же планеты на разныхъ языкахъ за нѣсколько различныхъ божествъ. Геродотъ и Діодоръ сиракузскій, по чувству національной гордости воображая, что Греція древнѣе Халдеи, безъ ослѣпчивостей переплюновали боговъ вавилонскихъ въ греческихъ, называя халдейскихъ своихъ Зевсовъ, Діалѣ, Ангеловъ, о которыхъ они и не помышляли. О празднествахъ Бела, греческіе историки говорятъ какъ-то вскользь, ограничиваясь извѣстіемъ, что праздники эти вполнѣаются двѣнадцатью днями, сообразно числу мѣсяцевъ года и сопровождаются процессіями, при которыхъ посятъ идола. Праздники Милитты по ихъ-же отзывамъ отличаются самыми безстыдными сценами. По закону, каждая женщина, какова-бы она ни была званіи, была обязана разъ въ годъ посѣщать храмъ Милитты и тамъ за деньги продавать свои ласки преимущественно иностранцамъ; той же богинѣ дѣвственницы жертвовали своею невинностію. Игреца Бела были составителями гороскоповъ и прорицателями; даръ пророчества

нисходилъ на нихъ въ особенности, во время процессій ношенія золотыхъ идоловъ Бела... Подробностей о храмахъ и богослуженныхъ обрядахъ по обрѣтается въ книгахъ священныхъ историковъ.

Иосифъ Флавій, основываясь на сказаніяхъ Веросія описываетъ храмъ солнца, начатый Беломъ (царемъ) и оконченный Ниномъ, его преемникомъ. Храмъ этотъ, званіемъ *столабъ*, о которомъ упоминается въ Книгѣ Бытія (гл. XI ст. 1—8), имѣлъ въ окружности до трехъ съ половиною верстъ и состоялъ изъ восьми башенъ постепенно уменьшавшихся и воздвигнутыхъ одна на другую. Двери были изъ литой бронзы, а во внутренности стояли идолы чистаго золота. Ладану и благоуханій сожигалось ежегодно до ста тысячъ талантовъ въсѣмъ. Въ самой верхней башнѣ находился спальный чертогъ съ золотымъ ложеи, на которое, по выбору жреца, каждый вечеръ приходила избранная нмъ изъ среды горожанокъ дѣвственница и оставалась до утра. Страстнымъ ея собесѣдникомъ во время ночи, по увѣренію жрецовъ, былъ нпсто иной какъ самъ богъ Бель.

Кромѣ божествъ первостепенныхъ, т. е. планетъ, у халдеевъ были второстепенныя, которыя они называли *терафимами*. Это были небольшіе идолы, отлитые изъ металла и исправлявшіе у халдеевъ должность домашнихъ боговъ, въ родѣ заръ и пенатовъ у римлянъ. Они же въ видѣ стрѣлъ служили для гаданія волхвачъ и по этому случаю находимъ весьма любопытное сказаніе у пророка Езекии (гл. XXI ст. 21). Царь Навуходоносоръ, оставившись на перекресткѣ двухъ дорогъ, спрашивалъ у терафимовъ, по которой изъ двухъ слѣдовало ему идти со своими войсками. Терафимы и *стрѣлы* указали ему дорогу къ Иерусалиму... Это гаданіе стрѣлами указующими дорогу напоминаетъ китайскія колесницы съ таковыми же идолами, бывшими, какъ мы говорили, путеводными компангами (¹). Не были ли магнитная стрѣлка извѣстна халдеанамъ? Что же касается до терафимовъ, ихъ отливали изъ металловъ, соотвѣтствовавшихъ семи планетамъ. По вѣрнію старинныхъ еврейскихъ раввиновъ терафимы древнихъ халдеевъ состояли изъ отрубленныхъ головъ, которыхъ подъ языкъ

клали пластинку металла, посвященнаго которой нбудь изъ планетъ и этимъ способомъ заставляли ихъ говорить. О гаданіи этого рода мы читали въ сочиненіяхъ Вира и Бодена (¹), утверждавшихъ, что подобный опытъ въ ихъ время какой-то колдунъ показывалъ польскому королю Сигизмунду Августу... Вадоръ несомнѣнный, по поводу къ подобнаго рода сказкамъ подали вървотъно древнія изображенія терафимовъ въ видѣ человѣческихъ головъ съ крыльями вмѣсто туловища.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Обожаніе сна.—Идолы.—Созвѣздія.—Халдеи —Астрономія и Астрологія. — Утомоны и лексионры. — Дрепности астрономическихкихъ наблюдений.—Медицина.—Земледѣліе. — Гаданіе.—Чародейство.—Вызваніе усопшихъ.—Жрецы и жрицы.—Безсиліе религій противъ распутства.—Отсутствіе попятій и безсмертіе души. — Сказки о гробницѣхъ Бела и Семирамиды. — Дрепности и ихъ характеристика.—Примѣры вліянія строительныхъ матеріаловъ на архитектуру.—Кирпичи, плетенныя лодки и сосуды.—Стѣны Вавилона.—Високіе сады.—Общій видъ города.—Пыльница азиатскія области на мнѣніи Ассирій и Вавилона.—Памятники халдейскіе и персидскіе. — Ихъ различіе.—Причины ихъ наложенія въ одной и той-же местности.

Въ дополненіе къ сказанному нами о Белѣ прибавимъ, что живымъ символомъ этого божества былъ огонь, кумиры же его представляли въ видѣ молодого человѣка съ бичемъ возничаго въ правой рукѣ, съ громами и пучкомъ колосьевъ въ лѣвой; или же въ видѣ дракона со львиной головой. Жертвы ему приносили, годовые оны и телата, сожигались на кострѣ и пѣтъ сомнѣнія, что кромѣ упомянутыхъ животныхъ идолу приносили въ жертву дѣтей, доказательствомъ чему служатъ сказаніе пророка Давида о трехъ отрокахъ, ввергнутыхъ въ печь по повелѣнію царя ва-

(¹) Wier, les cinq livres de l'impureté et tromperies des Diables P. 1569 in 8. Bodin: Démonomanie des Sorciers 1580 in 4.

(¹) См. Китай. Томъ II, гл. II, стр. 15.

вилонского. Ровъ дивный, въ который былъ заточенъ проектъ, принадлежалъ вѣроятно ко храму Бела, которому эти вѣтри бѣли посланы. Приписанныя ко храмамъ поля, луга, сады и селенія почитались собственностью божества. Кроме главнаго праздника Бела, т. е. солнца, ежемѣсячное вступленіе планеты въ знаки зодіака торжествовали въ Вавилонѣ разнаго рода процессіями и обрядами. Дванадцать соотвѣдствій, приписанныхъ божествамъ второстепенными, удостоивались также божескихъ почестей и болѣе или менѣе пышныхъ праздниковъ. Изъ соотвѣдствій особеннѣе почетомъ пользовались: *Нибла* (Оріонъ), *Несра*, *Несрош* (Корпусъ), *Аморан*, *Суккот-бенноа* (Плѣды), *Дувон* (Большая Медвѣдница) *Тинин* (Малая медв.) и *Фигарес* (Цѣфей).

Халдейскіе поэмы, или какъ ихъ называли *халдеи*, признали изобрѣтателями астрономіи, а съ нею и астрологіи. Первенство халдеевъ надъ индусами и китайцами весьма сомнительно, однако же нельзя не допустить, что и они, подобно упомянутымъ народамъ, занимались астрономическими наблюденіями въ глубочайшей древности и могли быть одновременно съ ними. Плиній въ VII кн. 56 сл. исторіи міра говоритъ, что письменна и науки существовали въ Ассиріи съ незапамятныхъ временъ; башня храма Вала служила халдеямъ обсерваторіею. Каллисесъ доставилъ Аристотелю ихъ астрономическія наблюденія, дѣланные за 1903 года до Александра Македонскаго, самая же наука, по отзывамъ халдеевъ, существовала у нихъ уже 473,000 лѣтъ! Самый величій потокъ не помѣшалъ имъ заниматься астрономическими наблюденіями, такъ какъ нѣкоторые изъ жрецовъ училились для этого благопріемно на вершинахъ Кавказскихъ горъ... Свѣдѣніе было-бы вѣрить этихъ баснословныхъ цифръ, доказывающихъ только, что каждый народъ древности, ревнуя о своемъ старшинствѣ, ни мало не стѣбился правдоподобіемъ при своихъ лѣтосчисленіяхъ. Изъ астрономическихъ открытій древнихъ халдеевъ самая важная, безспорно, изобрѣтенные ими солнечныя и лунныя часы (эпенхидры), употребленіе которыхъ изъ Вавилона перешло къ грекамъ. Что же касается до астрологіи, т. е. собранія въ одинъ сводъ, всѣхъ фантастическихъ бредней о связи судьбы че-

ловческой съ теченіемъ и сочетаніемъ планетъ, то мы забыли, что эта живая, чтобы не сказать ложная наука, существовала въ Индіи, Китаѣ и Египтѣ гораздо ранѣе своего появленія въ Халдеѣ. Она не была занесена туда изъ вышеупомянутыхъ странъ, но возникла сама собою будучи, такъ сказать, теологіею сабизма.

Въ медицинѣ халдеи были мало свѣдущи, что доказывается обыкновеніемъ, существовавшимъ въ Вавилонѣ, выносить больныхъ на площадь, гдѣ каждый проходящій не только имѣлъ право, но обязанъ былъ давать враческіе совѣты. Последнему обстоятельству много способствовали обширныя ботаническія познанія народа, который довелъ земледѣліе до высокой степени совершенства. Искусственное орошеніе имѣлъ безплодныхъ, капализация дренажъ въ мѣстахъ болотистыхъ были и вѣсны въ Вавилонѣ еще въ глубочайшей древности. Геродотъ упоминаетъ объ астрономическихъ познаніяхъ жителей Халдеи рассказываетъ, между прочимъ, о ихъ способѣ оплодотворять финиковую пальму посредствомъ привязи къ безплодному дереву женскаго пола прѣгнутую вѣвь мужскаго. Эти бракосочетанія деревьевъ доказываютъ, что халдеи имѣли извѣстныя познанія духиальности растеній и богатѣйшая морфологія. Горючими жидкостями лѣвовъ, плодовъ и овощей, щедро вознаграждали труды земледѣльца, а извѣстныя врачевныя растенія, о полезныхъ свойствахъ которыхъ переходили преданія отъ одного поколѣнія къ другому, при благодарствѣннѣ климатѣ, давало странѣ Синаарской нѣкое право на древнее ея прізвище рай земнаго. Въ закнѣ медицинѣ, знающей простодѣлать и неизменно отъ запятій астрологіею, халдеи съ незапамятныхъ временъ сичали славу сыновъ-исцѣлителей, вызывателей мертвыхъ, гадателей, однимъ словомъ, чародействъ. Предметъ сличенія любопытнѣй, чтобы не войти въ нѣкоторыя подробности.

О гаданіи посредствомъ терафиновъ и стрѣлъ мы говоили въ предыдущей главѣ. Кроме этого способа, халдеи вопрошали судьбу о будущемъ, наблюдая измѣненія атмосферическія, дѣлая опыты надъ огнемъ, водою, землею и ея произведеніями, ископаемыми и растительными. Признаніе, въ которыхъ вожди заставляли вѣрить народъ — безчисленны. Великое множество ихъ,

переходя от одного народа къ другому, от древних въкомъ къ новымъ, проникло даже къ новѣйшимъ народамъ. Гаданіе халдеи въводу и отвѣтъ зашнѣють первое мѣсто въ длинномъ перечислѣи въсѣхъ прочихъ. Для перваго, волхвы наполняли водою сосуды или *чары* (отсюда слово — чароудѣйство) и всматривались въ глубину ихъ, или держали надъ поверхностью воды кольцо, привѣшавшее на нить и по числу его ударовъ о края сосуда давали отвѣты вопрошавшимъ ихъ о будущемъ. Историки первыхъ въкомъ христіанства утверждали, будто въ сосудахъ съ водою скрывались демоны, разговаривавшіе съ волхвами и повиновавшіеся имъ... Отъ комментаріевъ воздерживаемся, но не можемъ не обратить вниманія читателя во первыхъ на то, что въ число вашихъ святочныхъ гаданій входитъ смотрѣніе въ ставанъ воды, на дно которыхъ опущено обнаружалось кольцо; во вторыхъ — на записки современниковъ знаменитаго Каліостро, который посредствомъ графина съ водою дѣлалъ множество удивительныхъ, неразгаданныхъ опытовъ (1). Гаданіе *огнемъ* состояло въ наблюдѣи формы пламени и направленія дыма, также въ пристальномъ всматриваніи въ самую глубину пламя, въ которой гадателю мерещились разныя видѣнія. Къ этому разряду гаданій можно причислить и *вызываніе усопшихъ*, посредствомъ куревовъ, одурявшихъ зрители, какъ вѣроятно чинились съ Саулъ въ аспірокея волшебница, вызвавшая еху тѣнь пророка Саула. Древесная мѣтва, сорванная съ особыми сорданами и заклинаніями, приващавшая въ лонныхъ рукахъ халдеевъ въ волшебный желѣзъ, своими колебаніями и поворотами въ разныя егороны, отвѣчавшій на задаваемые ему или задаваемые вопросы. Присвоивъ себѣ роль посредниковъ между богачи и людьми, халдеи, подобно всѣмъ жрецамъ языческаго міра, молили людей, поддерживая въ нихъ по вѣру, по суевѣрію своими мнимыми чудесами. Характеристичны этихъ пройдохъ, жрецовъ египетскихъ и брашмовъ индійскихъ одна и та же, не смотря на существенную разницу ихъ вѣроис-

повѣданій. При столкновѣніяхъ этихъ обманщиковъ съ пророками и чудотворцами народа іудейскаго, неоднократно обнаруживались ихъ плутни и хитрости, сѣрдѣю довольно грубыми. Жрецы Египта состязались съ Моисеемъ, творившимъ чудеса, халдеи же не отвѣщивали на состязаніе съ Давидомъ пророкомъ и не въ силахъ были уронить его по мѣтви Панахонносора.

Для служенія Милиттѣ и поддержанія священнаго огня на ел алтаряхъ, въ Вавилонѣ, со времени Сирамиды существовали *Жрицы*, чествовавшія богию возмущающею развратомъ. Вообще нравы жителей странъ халдейскихъ въ ихъ распутствѣхъ доходили до чудовищности; Вавилонъ и Ниневія отъ сего основанія до разрушенія были достойными пресмыкаема Содома и Гоморры и подобно этимъ двумъ были въ нравственномъ отношеніи двумя гнилыми язвами древняго міра, заражавшими соседнія страны и разаращавшими народы, которые имѣли съ ними нѣдѣйшее соприсовѣніе. Религіи Индіи, Китая, Египта имѣли въ основаніи глубоководно-нравственныя идеи, указывая людямъ путь къ самоусовершенствованію и предлагая ему всѣ средства къ терпѣнью духа надъ перестію; въ законѣ Зороастровомъ есть многіи статьи, дѣлающія честь уму и чувствамъ законодателя. Въ сабитъ халдейскомъ не находимъ ничего подобнаго и тысячи посыланий, испещривавшихъ эту религію, являютъ намъ стадами безсмысленныхъ животныхъ, полагавшихъ всѣ блага жизни въ ѣдѣ, питьи и грубыхъ чувственныхъ наслажденіяхъ. Изъ была невѣдома утѣшительная мысль о бытіи загробномъ и погребальныя ихъ обряды не сопровождалась никакимъ символическимъ выраженіемъ вѣрованія въ жизнь будущую. «Они бы извѣщивали своимъ мертвецомъ, заливая ихъ тужи медомъ» — вотъ и все, что говорить Геродотъ объ этомъ важномъ предметѣ. Есть еще два преданія о гробницахъ Вела и Семирамиды, открытыхъ Ксерксомъ, за святотатство будто бы наказанныхъ, но эти оба сказанія, какъ видно, сочинены дѣскими сказочниками и съ ихъ дѣломъ записаны левковѣрными греческими историками.

Первое преданіе гласитъ, будто Ксерксъ пыталъ на гробницѣ Семирамиды надикъ о несмѣтныхъ съ немъ погребенныхъ сокровищахъ. Царь персидскій велѣлъ открыть гробницу, въ которой на-

(1) Подобныя свѣдѣнія о магическихъ, древнихъ и новыхъ, войдутъ въ составъ Исторіи суевѣрія.

шесть одних мертвых кости, а вместо золота вѣдную доску съ десятинами, басальными правоучениями: — „Еслибы ты не былъ немощно ацены, тогда не превознѣ бы покой мертвыхъ.“ Тотъ же Песеръ открылъ гробницу Бела, напелъ въ ней пышное предложение наполнить ее елеемъ, помянувши, въ случаѣ случанія, гнѣва боговъ и великихъ бѣдствій. Считая это дѣломъ удобоподобиимъ, царь персидскій вѣлъ въ гробницу нѣсколько вѣдъръ требуемаго ела, утекашаго невѣдомо куда и въ досадѣ отказался отъ продолженія опыта... Изъ этого событія, греческій рассказчикъ не выводитъ даже и правоученія, что по правдѣ сказать, дѣйствительно мудро немыслимо.

Не безслѣдно исчезли Ассирія и Вавилонъ съ лица земли: нашедшие и до нынѣ находящіеся памятники, на вѣстахъ, гдѣ четыре тысячи лѣтъ тому назадъ существовали эти царства, свидѣтельствуютъ о высокой стѣнѣ, до которой доведены въ нихъ были зодчество и ваяніе. Стиль построекъ, статуи, барельефы и рисунки напоминаютъ древности персидскія или, вѣрнѣе сказать, они послужили послѣднимъ образцами. Между статуями найдены бронзовые львы и каменные *сфинксы*, крылатые быки съ человѣческими головами, удивлявшими титрами въ видѣ башенъ и съ бородами тщательно завитыми въ длинные локоны; фигуры геніевъ, подобно персидскихъ и ждѣтъ (*), въ видѣ четверокрылыхъ мужичковъ. Большая часть построекъ произведена была изъ кирпича, отменно обожженаго; вместо извести его скуплялся горною золою. Архитектура ирвовитныхъ персовъ, въ прямой зависимости отъ строительныхъ матеріаловъ обитаемыхъ ими странъ. Въ Индіи. Египтѣ и Персіи при изобиліи гранита, мрамора и прочихъ горныхъ породъ, для дворцовъ и храмовъ возводились, съ вѣдущихъ временъ, каменные: изъ этихъ странъ въдреле были искусство каменотѣвъ. Въ Китаѣ суровость камня способствовала развитію изобрѣтенія гончарнаго, плотничнаго и столярнаго. У и въ Древней Руси, при отсутствіи горъ и обиліи лѣсовъ, изъ дерева создавались цѣлые города и таинствъ образовъ возмала своеобразна.

характерная русская архитектура съ ея сѣвепчатными стѣнами и рѣзными украшениями; топоръ, стругъ и долото въ рукахъ нашихъ предковъ были при постройкахъ таковы же могучими орудіями какъ каменные молоты и пилы у египтянъ и индусовъ. Ассирія и Вавилонъ не изобиловали ни горами ни лѣсами, но въ заплну камня и строеаго дерева жители выдѣлывали кирпичъ, а изъ тростниковъ и камышей Евфратскихъ сизетали водонепроницаемые плоти, лады и цѣлыя баржи, не уступающія судамъ, строенымъ изъ лѣсу; тѣ же растенія служили изъ для плетенія сосудовъ и такъ искусно, что чрезъ ихъ стѣпки не просачивалось ни капли воды. Кремни Ипперіи и Вавилона, террасы (паче сады) послѣднего выдѣлены были изъ кирпича, но при всемъ томъ, стѣны были такъ толсты, что на нихъ могли прохзати рядомъ три колесницы, а развалины дворцовъ и храмовъ еще не съвѣтъ исчезли и до настоящаго времени. Вавилонъ простирался на 12 географическихъ миль (84 персты) и при Сеширахъ былъ обнесенъ стѣнами, съ башнями въ родѣ шибилыхъ бастіоновъ. Знаменитыя *висячіе сады*, одно изъ семи чудесъ древняго свѣта, были ничто иное какъ террасы дворца, огазешные деревьями и украшенные цѣточными клумбами. При Валагарахъ, по повелѣнію его матери Нитокриды берега Евфрата были обожжены камнемъ, подобно великолѣпнымъ набережнымъ нашей Невы. Видъ города, по сказаніямъ очевидцевъ, былъ поразителенъ: бѣлая башня дворцовъ и храмовъ, рѣзко отдѣляясь отъ аспій лазури, бли обраламы неувядающей зеленой садовъ, насажденныхъ яворами, кипарисами, сикоморами и раскидистыми пальмами. Таковы были Вавилонъ старуши и издали, общественнымъ же еволямъ бытомъ напомиравшіи тѣ плоды прелестныя на видъ, а внутри наполненные сырдною гнилью, которые, по словамъ Исаіи, возросли на вѣстахъ, гдѣ существовали сжженные огнемъ небеснымъ Содомъ и Гоморра.

Нынешнія области азіатской Турціи — Курдистанъ и Иракъ-Араби, состояющіе изъ четырехъ нацѣльковъ (Діарбекира, Ракки, Мосула и Багдада) можно назвать настоящими сокровищницами ассирийскихъ и вавилонскихъ древностей. Развалины и остатки памятниковъ, находимыя въ сосѣднихъ областяхъ принадле-

(*) См. томъ III Персіи гл. XXXI стр. 288 и 299.

лежать, болѣею частью временами персидскаго владычества. Эта связь останковъ двухъ эпохъ, отдѣленныхъ одна отъ другой 2000 лѣтъ и памятниковъ двухъ монархій отличавшихъ одна отъ другой религіями, нравами и обычаями, вводила въ заблужденіе археологовъ лигуэзскаго столѣтія, которые къ древностямъ вавилонскимъ причисляли персидскія и наоборотъ. Дѣйствительно архитектурѣ тѣхъ и другихъ почти одна и та же, разительно сходная между собою иванія, барельефы, рисунки; но существенная разница въ письменныхъ надписяхъ: персамъ точно такъ же незнакомы были *сирійскія* и *халдейскія* буквы, какъ письмена *зандъ* и *ишмаи* неведомы были халдеямъ. Жрецы Зороастра заимствовали у послѣднихъ только каллиграфическія или гнозисобразныя письмена. Что же касается до смѣшенія памятниковъ обоехъ народовъ въ одной и той же мѣстности — въ этомъ нѣтъ ничего загадочнаго и объясненіе этому факту весьма просто. Были времена когда въ составъ вавилонской монархіи входила область, изъ которой впоследствии образовалась монархія персидская, замыкавшая первую въ свои обширныя предѣлы. Боли Нинъ, Сепирамидъ, Набонисаръ и Навуходонсоръ, ревнуя о славіи своей, воздвигали памятники въ подвластныхъ имъ государствахъ, почему же того же сакаго, въ свою очередь, не могли дѣлать Киръ, Ксерксъ и Дарій Гистаспъ, въ странахъ ими завоеванныхъ? Памятники римскаго владычества разсыяны по всему свѣту, а друидскіе дольмены и промехи встрѣчаются какъ во Франціи, такъ и въ Великобританіи. Что персы заимствовали архитектурный стиль у халдеевъ, въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія и для этого достаточно исполнить, что изъ развалинъ ассирійской монархіи образовалась мидійская, а уже изъ небольшой области послѣдней — громадная персидская монархія. Древній царства нечаянно и возникали на землѣ подобно рѣкѣмъ: изъ малыхъ образовались болѣе, болѣе же всегда дробились на малыя, подобно рѣкѣ, разбѣгающейся при своемъ устьи на множество вѣтвей.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Армнія. — Смѣсь разнородныхъ вѣрованій. — Хайкъ и его потомки. — Арей и Семирамида. — Сказаніе о ней и о Зороастрѣ. — Анушаванъ-Созъ. — Разіей. — Силботъ родоначальникъ Багратидовъ. — Тиринъ I. — Чудесный сонъ Астіана. — Царица Тиранія. — Богатырь Ваганъ. — Расходія о его рожденіи. — Происхожденіе Млечнаго пути. — Валарсакъ. — Преображеніе въ царствѣ. — Вагариакъ. — Буддисты. — Божество греческаго идолослуженія. — Аваръ. — Первый проблескъ христіанства.

Древняя Армнія, заселенная послѣ потопа потоками Тасфета, въ самомъ началѣ своего политическаго существованія состояла изъ многихъ удѣльных княжествъ, понижавшихся и платившихъ дань царямъ ассирійскимъ и вавилонскимъ и только при распаденіи древне-ассирійскаго царства на три новыя монархіи (въ 770 году до Р. Х.) изъ Армніи образовалось отдѣльное царство, пользовавшееся самобытнымъ существованіемъ до временъ Кира. Эта страна, щедро надѣленная самыми роскошными дарами природы, но по мѣстоположенію своему не могущая быть государствомъ независимымъ отъ государствъ ей сопредѣльныхъ, была постоянно поработана иноплемениками, испытывая на себѣ всю тяжесть иго позорнаго рабства. Вслѣдствіе этого, въ характерѣ армянъ, съ вѣками, угасли чувства собственнаго достоинства, развелись и укоренились пороки, свойственные народамъ униженнымъ, угнетеннымъ: трусость, корыстолюбіе, рабское смиреніе передъ сильными и жестокость съ слабыми, издѣвательность и коварство. Покоряясь иноплеменикамъ своимъ влѣстителямъ Армнія усвоивала ихъ нравы, обычаи, повѣрья — самую религію. Во время владычества ассирійцевъ, армяне поклонялись нѣкоторымъ божествамъ халдейскимъ; покоренные персами, они переняли отъ нихъ служеніе огню и ученію дуализма; впоследствии времени — греческій политеизмъ напалъ въ

Арменія великое множество погледователей, точно также какъ и ереси первыхъ вѣковъ христіанства. Шаткость и измѣнчивость религиозныхъ убѣжденій въ народѣ, какъ и въ отдѣльно взятомъ человѣкѣ — плохая порука за ихъ добрыя качества.

Современникъ Бела и Навхвота, *Хайкъ*, внуки и правнуки котораго заселили Арменію и построили въ ней города, вель продолжительныя войны съ Беломъ и взятый послѣднимъ въ плѣнъ былъ уведенъ въ неволю. По рожденіи здѣсь сына, *Арменика*, Хайкъ со своими женами, пельовниками и вѣсьмъ имуществомъ возвратился въ страну араратскую и распространивъ предѣлы своихъ владѣній отложился отъ Ассиріи. Белъ, отправивъ къ нему въ качествѣ посла своего сына, предлагалъ Хайку миръ и доброе согласіе, но вѣстители Арменіи отбѣчали отказомъ вѣдѣстие котораго Белъ объявилъ ему войну. Битва между ассирійцами и армянами проходила на берегахъ Солянаго озера, была одинакова яростна съ обѣихъ сторонъ, откуда Хайкъ, отличный стрѣлокъ, не сражалъ Бела мѣтками выстрѣломъ изъ лука. Тогда ассиріицы бѣжали, а побѣдитель на рубежѣ Арменіи и Ассиріи построивъ крѣпость и Хайканъ удалился въ Гаркію, гдѣ и скончался. Памятуя его великіе подвиги, армяне причисляли его къ богамъ и поклонились Хайку, одицетворяя его себѣ въ яркой звѣздѣ *Оріона*.

Царствовавшее послѣ Хайка одинъ за другимъ девять князей, его внуки и правнуки были всѣ исполнены, богатыри, храбрыя воины, строители городовъ и крѣпостей. Изъ сказаній Моисея хоренскаго видно, что всѣ они продолжали быть дикими Ассиріи и только *Арамъ*, девятый князь, отважился свергнуть его при царѣ Нинѣ, мужѣ Семирамиды. Арамъ взявъ въ плѣнъ сатрапа Мидіа *Нугаръ-Мада* и окованнаго цѣпями заточилъ въ башню, находившуюся въ Армавирѣ, стоицѣ княжества; отнявъ у Нина часть Ассиріи и всѣ свои владѣнія раздѣлялъ на четыре части. Сынъ и преемникъ Арама, красавецъ *Арей*, славился храбростію на войнѣ, мудростію въ правленіи. Супруга Нина, Семирамида, наслышавшись о красотѣ князя армянскаго, плѣнилась имъ и чрезъ пословъ предлагала ему раздѣлить съ нею власть и вѣстѣи съ державой ассирійской принять ся руку; Арей отказался. Оскорбленная царица, собравъ многочисленное войско пошла на Ароя

войной съ мыслью взять его въ плѣнъ и во всемоу случаѣ склонить къ взаимности. Военачальникамъ своимъ Семирамида повѣла во время битвы щадить жизнь ея возлюбленнаго и оладѣть имъ здоровымъ и невредимымъ. Не смотря на это Арей, не падавшій собственной жизни, наль на позѣ сраженія и въ обладаніи царствѣ достался его трупъ, который принесли въ шатеръ Семирамиды и положили на ея пыльное ложе. Всѣ попытки царицы, посредствомъ чаръ, возвратитъ жизнь Арю остались тщетными; напрасно она молила боговъ, не внявшихъ ея молитвамъ; вѣето оживленія трупъ началъ гнить и Семирамида принуждена была предать его погребенію. Желая однако же увѣковѣчить память Ароя, она велѣла отлить изъ золота его изображеніе и причислила князя армянскаго къ богамъ. Въ покоренной ею странѣ она возела плотину на Евфратѣ, построила чудесный дворецъ для своего лѣтняго въ немъ пребыванія, украсила города и повсюду соорудила памятники во славу своихъ подвиговъ. Проведя зиму въ Вавилонѣ, Семирамида прѣѣзжала на лѣто въ Арменію, поручая правленіе царствомъ мидійскому вохву *Зороастру*. Женщина непасытно страстная, она окружала себя постоянно любимцами, которыхъ награждала знатнѣйшими должностями. Дѣтей своихъ, кромѣ Пинія, она умертвила за ихъ справедливыя укорины въ распутствѣ; мужъ ея Пинъ, уступивъ ей царскую власть, принужденъ былъ бѣжать на островъ Критъ. Вѣдѣстие возмущенія Зороастра Семирамида удалилась въ Арменію, гдѣ была настигнута и умерщвлена сыномъ своимъ Ниніемъ. При немъ княземъ Арменіи былъ сынъ Ароя, *Анузавинъ* (2725 л. до Р. Х.), посвященный съ молодыхъ лѣтъ въ вохвы священнои тополещей родли и прозванный *Сосомъ*. Изъ его преемниковъ называемъ: *Зарлера*, друга и союзника Пріама, царя троянскаго, *Нерсія* — современника Давида, царя іудейскаго; *Нарера*, союзника Арбака, сатрапа мидійскаго, свергнувшаго Сарданпала. При раздѣленіи ассирійской монархіи Арбакъ призналъ независимость Арменіи, а повелители ея царемъ (770 г. до Р. Х.).

При царѣ *Разіелѣ*, Навуходолосортъ вавилонскій овладѣлъ Іерусалимомъ. Дружный съ нимъ царь армянскій выпросилъ у него изъ числа іудейскихъ плѣнниковъ, мудраго и благочестиваго *Сал-*

боти, которому назначили въ удѣлъ одну изъ своихъ областей и постоянно оказывать призывъ и уваженіе. Этотъ Самботъ былъ родоначальникомъ царственной династіи Багратовъ. Сыновья и убійцы Сенахерима, царя вавилонскаго, Адрагелехъ и Шаредеръ (см. IV Кн. Цар., гл. XIX, ст. 37) также нашли себѣ приютъ въ Арменіи, гдѣ получили удѣлы и стали вѣрными друзьями царя.

Современникомъ Астиага мидійскаго былъ знаменитый *Тигранъ* — слава и гордость Арменіи. Онъ обогатилъ царство, увеличилъ и преобразовалъ его военныя силы введеніемъ конницы и новаго оружія для пѣхоты, былъ дружескъ съ Астиагомъ, но еще того болѣе съ его внукомъ Киромъ, правителемъ Персіи. Этотъ союзъ двухъ героев казался опаснымъ Астиагу, особенно послѣ вѣщаго сновидѣнія бывшаго ему однажды. Снился царю мидійскому, будто на свѣтовой вершинѣ Арарата стоятъ женщина необычайной красоты въ багряномъ хитонѣ и синемъ плащѣ, мучится родами и одновременно производитъ на свѣтъ трехъ великановъ. Одинъ изъ нихъ верхомъ на львѣ понесся къ западу; второй, на леопардѣ — къ сѣверу; третій, на драконѣ — къ югу. Астиагъ сталъ на дворцовой терасѣ и взирая на это чудо приносилъ жертвы сонму боговъ, стоявшихъ передъ нимъ на облакахъ небесныхъ. Сыгъ красавицы, летѣвшій на югъ, напалъ на нихъ, и драконъ, у котораго явились огромныя орлиныя крылья, сбилъ опрокинуть боговъ Астиага съ ихъ подножія. Царь мидійскій, вооружась копьемъ, вступилъ съ третьимъ сыномъ женщины въ единоборство; они поранили другъ друга; изъ ранъ того и другаго полились рѣки крови и образовали цѣлое кровавое море... Тогда Астиагъ пробудился съ сердцемъ оледенѣлымъ отъ ужаса.

Въ отвѣтъ на этотъ разсказъ, волхвы и царедворцы мидійскіе посоветовали Астиагу избавиться отъ опаснаго ему Тиграна, по силою оружія, но хитростью, взявъ себѣ въ жены сестру его, Тигранію. На сватовство царя мидійскаго Тигранъ отвѣчалъ согласіемъ и выдалъ за него свою сестру. Астиагъ любилъ, уважалъ ее, всячески ей угождалъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, пажогами и клеветами старался вооружить Тигранію противъ брата и жены его Заріи. Мудрая царица уведомила Тиграна о промислахъ его зятя и тогда царь армянскій, собравъ союзниковъ ему иверійцевъ (гру-

зиявъ) и албаницевъ, вторгся въ Мидію и въ жестокой битвѣ умертвилъ Астиага. Сестру свою онъ увелъ обратно въ Арменію, давъ ей удѣлъ, а другую жену царя мидійскаго Анузію, вмѣстѣ съ 10,000 вѣннскихъ, подворилъ въ странѣ, лежащей на востокъ отъ горы Араратской, гдѣ впоследствии образовалось княжество драконовъ — «не чудовищъ», поясняетъ Моисей хоренскій, но потомковъ *Андака* (Астиага), имя котораго на языкѣ армянскомъ, означаетъ дракона.

Съ своей стороны прибавимъ, что Тигранъ былъ тотъ самый царь армянскій, котораго помиловалъ Киръ персидскій, и которому онъ помогъ отразить халибовъ, разорившихъ Арменію (см. томъ III, Персія, гл. II, стр. 16—17).

Изъ сыновей Тиграна, армянскіе лѣтописи особенно превозносятъ богатыря *Вахагна* или *Вагениа*, туземнаго Геркулеса. О появленіи его на свѣтъ, во времена Моисея хоренскаго (въ V вѣкѣ по Р. X.), армянскіе расказы расцвѣтали съ accompagnementъ зурны любопытную истію. При рожденіи Вахагна мучились родами и земля, и небо, и Красное (Черное) море. Изъ моря выростъ красивый тростникъ, изъ тростника — пламя, изъ пламени явился богатырь съ волосами какъ огонь, съ бороною какъ пламя, съ глазами подобными двумъ солнцамъ. Вахагнъ истребилъ хищныхъ звѣрей, побѣдилъ драконовъ; восходилъ на небо, гдѣ похитилъ у бога *Воршилий* охапку соломъ. Растерянные Вахагомъ по дорогѣ соломинки, образовали на небѣ *Млечный путь*, называемый въ Арменіи «слѣдомъ соломоврада». Послѣ смерти своей Вахагнъ удостоился божескихъ почестей не только въ своемъ княжествѣ, но и въ Иверіи (въ Грузіи). Мы подробно поговоримъ объ этомъ полу-богѣ армянскомъ при обзорѣ мифологіи этой страны; возвратимся къ сказаніямъ лѣтописей. О времени македонскаго владычества онѣ не распространяются, ограничиваясь немногими словами о раздѣлившихъ Арменію междоусобицъ царей, властвовавшихъ одновременно на востокѣ и западѣ царства. *Валарсакъ*, вошедшій на престолъ черезъ 60 лѣтъ послѣ смерти Александра македонскаго, не въ успѣшныя войны съ его врсешниками, покорилъ Понтъ, Фригію, обложилъ данью народы кавказскіе и дѣлательно занялся внутреннимъ благоустрой-

ством своего царства. Учредил префектуры, строил города, прорывал каналы, разводил сады. Баграту, потомку иудея Самбачи, даровал титулы коронователя царского, съ предоставленіемъ права ему самому и преемникамъ носить діадиму, низанную изъ жемчуга. Дворъ царскій при Валарсакѣ былъ увеличенъ учрежденіемъ новыхъ, до того времени еще не бывавшихъ должностей начальниковъ охоты, сокольниковъ (*аруниссовъ*), кравиныхъ (*чиновъ*), птицеводовъ, сборщиковъ лѣда, енуховъ и дворянской дружины тѣлохранителей. Всѣ подданные царскіе раздѣлены были на четыре касты: жрецовъ, воиновъ, гражданъ и простолюдиновъ, съ предоставленіемъ каждой изъ нихъ особыхъ правъ и привилегій. Особеннаго вниманія заслуживаютъ преобразование въ судебной части и учрежденіе Валарсакомъ должностей *уемцателей* при судахъ и при царскомъ совѣтѣ. Обязанность ихъ состояла въ ходатайствѣ за преступниковъ и склоненіи судей и царя къ милосердію. Воздвигнувъ въ Армавирѣ великолѣпный храмъ солнцу, Валарсакъ особенно покровительствовалъ жрецамъ и склонался къ отступничеству Багратидовъ, оставшихся однако же вѣрными закону Моисееву. Преемники Валарсака вели успешныя войны съ Селевкидами сирийскими и отняли у нихъ многія области. Въ 150 г. до Р. X. при царѣ *Вагаршакѣ* нашли себѣ пріютъ въ Арменіи два выходца изъ Индіи, Гисане и Деметръ, основавшіе себѣ городъ Випашъ, а впоследствии переселившіеся въ Антипашъ. Здѣсь, пользуясь предоставленной имъ свободою служенія своимъ богамъ, они построили храмъ, въ которомъ поклонялись идоламъ Будды и проповѣдью его ученіе обратили нѣкоторыхъ жителей въ свой законъ. Сыновья ихъ оставили на горѣ Карне двухъ бронзовыхъ идоловъ въ 12 и 15 локтей вышиною, въ честь не прелитствовавшъ царь Вахаршакъ.

Мишуа длинный рядъ царей, изъ которыхъ каждый, если вѣрить лѣтописямъ, былъ герой и великій завоеватель, мы перейдемъ къ царствованію *Тиграна-средняго*, при которомъ въ Арменіи введено было поклоненіе поламъ греческимъ, вывезеннымъ изъ мало-азійскихъ колоній. Тиграномъ, крохъ того, перенесенъ былъ изъ Месопотаміи въ Торданъ идолъ Вахагна, выточенный изъ сло-

новой кости, хрустали и серебра. Тиграпъ принималъ участіе въ междоусобицѣхъ первыхъ триумфировъ римскихъ: Кесари, Помпея и Красса, одерживалъ побѣды надъ римлянами въ Сиріи, обложилъ данью Іудею и отнялъ сокровища, награбленныя ими въ Іерусалимѣ. Всѣ эти подвиги Тиграна не воспрепятствовали однако римлянамъ завоевать часть Арменіи, а при царѣ *Автарѣ* сдѣлать ее окончательно данницею всемірной державы: присланныя въ Арменію при Октавіанѣ-Августѣ его литыя и живописныя изображенія повелѣно было поставить на ряду съ богами въ тамошнихъ храмахъ. Автаръ велъ войны съ Иродомъ іудейскимъ; основалъ на Евфратѣ городъ Эдессу, куда перенесъ ялъ Низбы идоловъ Набога, Бела, Ватникала и Оарата; былъ другомъ и союзникомъ персидскаго царя Артаса. Изъ всѣхъ событій царствованія Автара достопамятѣйшимъ было, безъ сомнѣнія, появленіе христіанства въ Арменіи, о чемъ повѣствуютъ: Моисей хоренскій въ своей лѣтописи (книга II, гл. XXIX), Евсевій въ исторіи церкви и Прокопій въ исторіи персидскихъ войнъ (кн. II, гл. XII). Преданіе слишкомъ любопытное, чтобы передавать его вкратцѣ, а потому и передаемъ его изъ лѣтописей Моисея-хоренскаго, по возможности со всѣми подробностями.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Сказаніе Моисея хоренскаго. — Посланіе царя Асирии къ Іисусу Христу. — Отвѣтъ. — Прибытіе св. апостола Фаден. — Христіанство. — Анаг и Саянцрукъ. — Первые мученики. — Эрландъ. — Дворцы его. — Биспа о его глазахъ. — Сосрѣщеніе самозванца. — Артагъ. — Знаки отманѣи. — Церемоніалъ погребенія. — Царская свадьба. — Артаваздъ и его цари. — Обычай кузнечовъ. — Судьбы Арменіи. — Божества этой страны. — Арамездъ. — Арсан-акъ. — Мухра. — Анагидъ. — Планины. — Аргилия и злые дузи. — Драконы. — Араезы. — Каджи. — Вода. — Негри. — Ен провсозможденіе. — Билый топи. — Гаданіе лисьями. — Солнечныя рожи. — Храмы и идола. — Жрецы. — Праздники Мисры. — Пляска вокругъ островъ. — Секта Арев-ардинъ.

Римскимъ проконсуломъ Сиріи, Палестины, Месопотаміи и сбор-

ищкомъ податей съ этихъ и сосѣднихъ странъ былъ въ тѣ времена Маринъ, къ которому Авгарь отправилъ пословъ своихъ для переговоровъ о платѣ дани цесарю римскому. Успѣшно исполнивъ возложенное на нихъ порученіе, послы посѣтили Іерусалимъ, гдѣ удостоились видѣть Іисуса Христа, проповѣдывавшаго тогда божественное свое ученіе любви, милосердія и всепрощенія; были свидѣтелями многихъ чудесъ Сына Божія и обращенія на истинный путь къ царствію небесному язычниковъ и грѣшниковъ. По возвращеніи въ Армоцію, послы Авгаря передали ему все ими видѣнное и слышанное, совѣтуя царю для излеченія отъ мучившаго его тогда недуга, отъ котораго онъ безуспѣшно пользовался семь лѣтъ—обратиться къ помощи Того, который разверзалъ очи слѣпыхъ, исцѣлялъ прокаженныхъ, воскрешалъ усопшихъ. Авгарь, пораженный удивленіемъ и восторгомъ, отправилъ въ Іерусалимъ новое посольство съ собственноручнымъ посланіемъ къ Іисусу Христу. Въ подтвержденіе этого сказанія, Моисей хоренскій указываетъ на главу XII, ст. 20 и 21 Евангелія отъ Іоанна, гдѣ дѣйствительно упомянуто о пришедшихъ на поклоненіе въ праздникъ „ѣфъ-которыхъ еллинахъ“, желавшихъ видѣть Іисуса, но нигдѣ не сказано, что это были именно послы Авгаря. Письмо послѣдняго было слѣдующаго содержанія: „Авгарь, сынъ Арсама, удѣльный князь, привѣтствуетъ Іисуса благотворнаго спасителя. Дожло до моего слуха, что Ты возвращаешь зрѣніе слѣпымъ, возстановляешь хромыхъ, исцѣляешь прокаженныхъ, изгоняешь ѣсовъ, избавляешь отъ долговременныхъ болѣзней, воскрешаешь мертвыхъ. Узнавъ объ этомъ полагаю, что Ты—либо самъ Богъ, сошедшій на землю, либо Сынъ Божій, а посему прошу посѣтить меня и избавить отъ моей болѣзни. Еще знаю я, что іудеи, злоумышляя на Тебя, угрожаютъ Тебѣ казнью и на это скажу, что у меня есть городокъ, въ которомъ нашь съ Тобою не будетъ тѣсно.“ Посолъ армянскій *Инаиз* передалъ это посланіе Іисусу Христу, отъ котораго привѣзъ Авгарю слѣдующій отвѣтъ: „Блаженные не видѣвшие и вѣровавшие, такъ какъ писано обо Мнѣ: видящіе Меня не вѣрятъ, а невидящіе увѣруютъ и оживутъ. Касательно пріественія моего къ тебѣ, слѣдовало бы прежде спросить Меня, для чего Я пошлю къ Іерусалиму? По совершеніи предначиннаго, Я вознесусь къ

пославшему Меня, а по вознесеніи пошлю къ тебѣ одного изъ учениковъ, который исцѣлитъ тебя отъ болѣзни и дастъ жизни тебѣ и твоимъ ближнимъ.“

Видѣвъ съ письмомъ Аванъ вручилъ Авгарю и живописное изображеніе Іисуса Христа, перенесенное въ Эдессу. Вскорѣ въ Іерусалимѣ послѣдовали распятіе, крестная смерть, воскресеніе и вознесеніе Спасителя міра, послѣ котораго къ царю армянскому явился посланный божественнымъ Учителемъ своимъ апостолъ *Таддей* и согласно обѣщанію Сына Божія исцѣлилъ Авгаря, а видѣвъ съ нимъ и Патагра, сына царедворца Авдія. Тогда къ проповѣднику Евангелія со всѣхъ концовъ царства начали стекаться люди знатные и простые, богатые и бѣдные для исцѣленія отъ недуговъ и возвращенія отъ смерти язычества къ вѣчной жизни познанія Бога истиннаго. Храмы были посѣщаемы немощными; златокованные идолы были тогда закрыты связками тростника и соломы. Воспринявшій ученіе Христова Авгарь вошелъ въ переписку съ Арсакомъ персидскимъ и съ Тиберіемъ, императоромъ римскимъ, ходатайствуя за христіанъ и прося о наказаніи ихъ гонителей. Переписка эта могла-бы имѣть самыя благотѣлныя послѣдствія для церкви, если бы не пресѣклась съ кончиною Авгаря.

Политическое положеніе Арменіи было тогда самое плачевное. Порабощенная иноплемениками, раздробленная на удѣлы, раздираемая междоусобіями она напоминаетъ нашу Русь во время монгольскаго ига. Сказанія лѣтописей отрывчаты и мѣстами крайне сомнительны. По чувству народной гордости лѣтописцы не хотѣтъ называть иноплемennыхъ деспотовъ порабителами Арменіи, князей ея ихъ дашниками и рабами: „дашь“ называется подаркомъ, „завоеванію области“—союзомъ, „подчиненность“—дружбою. *Аванъ*, преемникъ Авгаря въ Эдессѣ, и племянникъ его *Савитрукъ*, обладатель всей Арменіи, данникъ Рима, отъ христіанства обратились въ язычество, а Савитрукъ воздвигъ даже грошеіа на послѣдователей Евангелія. Жертвами языческой его ярости были родная его дочь Сандухта, св. апостолы—Ондей въ Артазѣ, Варооломей въ Аревбагѣ и златодѣлатель Ацдей, за отказъ царю сдѣлать ему тіару для вѣнчанія на царство. Савозвицъ *Эруандъ*

(50 г. по Р. Х.) изъ племени арзакидовъ истребилъ все семейство царское кромя *Артаса*, спасеннаго кормилицею и вмѣстѣ съ однимъ изъ Вагратидовъ Самбатомъ бѣжавшаго въ Персію. Эруандъ *уступилъ* Риму всю Месопотамію и обязался платить дань вдвое противу прежней. Эдесса сдѣлалась складочнымъ мѣстомъ для подаей собираемыхъ императоромъ римскимъ со всѣхъ азиатскихъ владѣній. Столица была перенесена въ основанный Эруандомъ Эруандасатъ, городъ великолѣпно украшенный зданіями и садами. Унесительный дворецъ Эруандакеръ былъ чудомъ своего времени; сады окружавшіе его распланированы были въ видѣ женскаго лица, на которомъ цвѣтники окаймлявшіе два дворца изображали рѣсницы, рожи—брови, поля—лапы, рѣка—уста. Вельможи, граждане, войско и весь народъ трепетали передъ Эруандомъ, страшнымъ не только въ тѣхъ, но даже въ спокойномъ состояніи имѣвшимъ ужасную способность умерщвлять взглядомъ. Царедворцы являвшіеся къ царю съ докладами клали передъ его глазами камни, которые ломались въ куски подъ взоромъ Эруанда и это нѣсколько ослабляло смертоносное его дѣйствіе на людей. „Это, я полагаю, сказка“, простодушно замѣчаетъ Моисей хоренскій, занося въ свои лѣтописи это преданіе. Царь персидскій, при дворѣ котораго Артасъ и Самбатъ съ ихъ приверженцами нашли себѣ пріютъ, великодушно далъ имъ свои войска, съ которыми они двинулись къ предѣламъ Арменіи. Эруандъ съ своими войсками и многочисленнымъ ополченіемъ выступилъ къ нимъ на встрѣчу, но разбитый въ первомъ же сраженіи бѣжалъ въ свой городъ, гдѣ былъ убитъ въ стѣнахъ дворца, и законный царь въ лицѣ *Артаса* взошелъ на престолъ армянскій. Первой мыслію Артакса было достойно наградить своихъ союзниковъ и друзей. Одному изъ нихъ, Аргаму, онъ пожаловалъ діадыму, украшенную гіацинтами, золотыми серьгами въ оба уха, красную туфлю на одну ногу и разрѣшилъ ему устрѣблять за столомъ золотую посуду и приборъ; тѣмъ же, за исключеніемъ туфлей и серегъ, былъ награжденъ Самбатъ; сынъ царской кормилицы Гисакъ былъ произведенъ въ главные начальники всѣхъ армянскихъ войскъ. Царю персидскому Дарію Артасъ послалъ всѣ сокровища, принадлежавшія Эруанду, брату Эруанда, бывшему вер-

ховнымъ жрецомъ. Столицею царства назначенъ былъ вновь основанный городъ Артаксатъ, въ который изъ прежней столицы перенесены были всѣ идолы и въ числѣ ихъ кумиръ греческой Діаны. Слава и могущество Артаса гремѣнія по всему свѣту не избавили его однако отъ платежа тяжелой дани римскому императору и царю персидскому. Аргамъ и Самбатъ не долго пользовались милостями царя: по наговорамъ его сына *Артавазда*, первый изъ нихъ по отнятіи удрѣ былъ убитъ, весь его родъ истребленъ, а второй принужденъ былъ бѣжать въ Месопотамію. Последніе годы царствованія Артаса протекли въ войнахъ съ Домиціаномъ; вмѣсто сверженія римскаго ига, царь только ухаживалъ и безъ того незавидную участь Арменіи. Онъ умеръ, какъ надобно полагать, въ началѣ II вѣка по Р. Х. и былъ погребенъ на золотомъ одрѣ, покрытомъ тонкимъ пологомъ, на который возложены были всѣ царскія регаліи; въ процессіи принимали участіе войска, шествовавшіе за носилками съ музыкою; за ними слѣдовала толпа молодыхъ дѣвушекъ въ траурномъ одѣяніи. Вотъ все что можемъ узнать изъ лѣтописей о погребальныхъ обрядахъ древней Арменіи. Тѣ же самыя лѣтописи, повѣствуя о бракосочетаніи Артаса съ дочерью аланскаго царя Сатинникомъ, говорятъ, что при шествіи молодыхъ изъ храма они бросали народу золотыя монеты, а по прибытіи во дворецъ Сатинника была съ головы до ногъ осыпана жемчугомъ. Оба эти обычая, несомнѣнно заимствованы у индусовъ (см. томъ I, *Индія*, гл. VIII стр. 61). *Артаваздъ*, проименку Артаса, былъ по преданіямъ народнымъ изъ племени драконова, славившагося своими близкими сношеніями со злыми духами. Царица Сатинника родила сына, вмѣсто котораго женщины изъ племени драконова подкинули ей Артавазда. Неужелимо-лютый онъ при воцареніи изгналъ изъ своихъ владѣній всѣхъ прочихъ дѣтей Артаса, и во все продолженіе царствованія обнаруживалъ несомнѣнное упомишательство. Онъ погибъ на охотѣ, узнавъ вмѣстѣ съ конемъ въ рѣку, въ которой тѣло его не было отыскано. Вслѣдствіе этого въ народѣ сложилось сказаніе, что царь не умеръ, но схваченный духами прикованъ къ стѣнамъ подземной пещеры, изъ которой силится вырваться на свободу и для этого неустанно грызеть свои дѣти — несокрушимыми. Эта сказка поро-

дла между армянскими кузнецами обыкновенію, передъ началомъ работы ударить молотомъ по наковальнѣ, приговаривая: „Ради прочности цѣпей Артавазда!“

Здѣсь мы прекращаемъ обзоръ древнѣйшей исторіи многострадальнаго царства армянскаго, такъ какъ дальнѣйшая его судьба не имѣетъ никакого отношенія къ настоящему предмету нашего труда. Скажемъ только, что въ 428 году Армения была озарена свѣтомъ христіанства, вѣтвѣвшимъ самое благотворное вліяніе на умственное ея развитіе, по и съ этого же самого времени страна эта сдѣлалась добычею завоевателей, исторгавшихъ ее изъ рукъ другъ у друга и, подобно стальмъ коршуновъ или хищныхъ звѣрей, терзавшихъ ее и упивавшихся кровью ея дѣтей. Сассаниды, императоры византійскіе, аравитяне, сельджукиды, курды, турки, монголы, персіане съ VI по XIX вѣкъ ризорили Армению, часть которой наконецъ въ 1829 году по договору туркманчайскому, на вѣчныя времена была уступлена Персіею Россіи. Во время войнъ предъидущихъ вѣковъ города обращались въ развалины, бытописанія гасли въ огнѣ, частія землетрясенія измѣняли самую поверхность земли армянской; возможно ли при этихъ условіяхъ требовать отъ этой страны обстоятельной исторіи, точныхъ свѣдѣній о ея первобытной религіи или искать въ ней памятниковъ времени давно минувшихъ? Вотъ самыя уважительныя причины краткости и отрывчатости извѣстующей армянской мѣтологіи. Верховнымъ божествомъ, творцомъ міра и подателемъ всѣхъ благъ, древніе армяне признавали *Арамзда* или *Ахура-Мадза* (могосъздущаго), олицетворяя его себѣ въ видѣ небснаго свода. Вѣбствъ съ поклоненіемъ Арамзду связано было обожааніе солнца — *Арегак-акна* (обо Арегна), Арева и сына Арамзда, *Мигра* (Миоры у персовъ). Матерью боговъ и всѣхъ свѣтилъ армяне называли *Анагиду* (Бельтиду ассирійцевъ и Милитту вавилонянь). Ей посвящена была *Лус-ина* (луна) или огонь женскій. Дочерями Арамзда и Анахиды были *Астхика* и *Нане* — планета Венера, въ двойственномъ своемъ появленіи въ видѣ утренней или вечерней звѣзды. Супругомъ Астхики называли *Ватака* (армянскаго Геркулеса), онъ же планета Юпитеръ. Планету Марсъ именовали они *Баръ* или *Нинъ*. Въ *Баршмийи* (блго-блестя-

щій), у котораго Вахагитъ похитилъ солому, образовавшую на небѣ „млчный путь“ (см. выше стр. 221) можно предпологать планету Сатурна. Меркурій — *Тиръ*, планета, несносилующая вѣщія сновидѣнія, писецъ Арамзда (*Дебуръ*), спотолкователь, проводникъ душъ былъ покровителемъ жрецовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ пользовался у армянъ репутаціею хитраго и вороватаго, а прозвище его *Іерагъ*, донынѣ служить браннымъ словомъ въ родѣ нашего „дукаваго“ или „нечистаго.“ Символомъ Тира былъ треугольный ваконачникъ стрѣлы, который носили при себѣ постоянно волхвы-спотолкователи на шеѣ или на запястьяхъ. Созвѣдіе Дѣвы армяне именovali *Аманоръ* и *Ванатур-дикъ*, т. е. новымъ годомъ, подателемъ плодовъ, пріотодателемъ и въ мѣсцѣ *нависарданъ* (въ августѣ) чествовали его шестидневными празднистами. Кромѣ боговъ были еще духи добрые (подвластные Арамзду) и злые, подчиненные заплоту его врагу *Ахриману* или *Харимани*, владычествовавшему въ преисподней (*Сандараметъ*). Добрые духи, *аралезы* (лизуны) и *каджи* (храбрые) были хранителями воиновъ; первые, являясь въ видѣ собакъ, зализывали пль раны и тѣмъ возвращали къ жизни. На небѣ, этихъ духовъ изображали созвѣдія Большаго и Малаго Пса. Главными подземными духами были: *Сандараметъ* и *Сандаранетъ*, покровительствовавшие особенно колдуньямъ, гадалыщницамъ. Еще въ IV вѣкѣ по Р. Х. армяне-язычники поклонялись двумъ чернымъ драконамъ (*вишанимъ*), которымъ приносили въ жертву молодыхъ дѣвицъ и юношей. Символами злыхъ духовъ были ядовитыя пауки, фаланги, скорпіоны, жабы и змѣи; къ этимъ насѣкомымъ и пресмыкающимся армяне питали точно такое же отвращеніе какъ и персы къ своимъ *харфбестерамъ*.

Водѣ (*дэжуръ*) и въ особенности рѣкѣ Евфрату, называвшейся святою, армяне воздавали почести какъ благодѣтельному божеству и приносили ей въ жертву коней. *Нефть* и *горни слюла* пользовались также великимъ уваженіемъ, служа для поддержки огня на престолахъ Мхитры, солнца и луны. Эти оба горючія вещества, по древнѣйшему повѣрью, о которомъ упоминаетъ Веросій, армяне называли смолою, источасмою остатками Ноева ковчега, паходящимися на вершинѣ Арарата. Изъ растеній армяне призна-

нали священными всѣ смолистые деревья и кусты, въ особенности *бѣлый тополь* (*Populus alba* L), въ вѣтвяхъ котораго будто бы жили свѣтлые духи, отвѣчавшіе волхамъ на задаваемые имъ вопросы шестомъ листьевъ. Бѣлымъ тополемъ (*бартъ*) въ Арменіи засаживали цѣлыя рощи, при которыхъ находились жрецы или волхвы, гадавшіе по листьямъ, т. е. истолковывавшімъ благопріятный или зловѣщій ихъ шестъ и оборотъ листьевъ ихъ перхней стороной или бѣловатой изнанкой. *Плиний* (Ист. міра, кн. II, гл. 41) имѣ и бѣлому тополю приписываетъ свойство свертывать листья во время лѣтняго солнцестоянія. Несомѣнно, что это свойство было въ древней Арменіи также одною изъ главныхъ причинъ посвященія бѣлаго тополя солнцу. Первая тополева роща посажена была Араманіакомъ, сыномъ Хайка, за 2026 лѣтъ до Р. X. на берегу Аракса. Волхвы, древогадатели составляли особую касту, принятіе въ которую было сопряжено со многими испытаниями и называлось *посвященіемъ въ таинство*.

Храмы *мехянів*, по словамъ лѣтописей, отличались богатствомъ и обладали несмѣтными сокровищами; статуи изъ золота или серебра не считались даже особенными рѣдкостями. Непременной принадлежностью каждаго храма былъ жертвенникъ (*бачинъ*) съ неугасимымъ огнемъ. Всѣ жрецы повиновались одному верховному (*керманетъ*), назначенному изъ царскаго рода и должность его была наследственная. Керманетъ имѣлъ собственныя войска и земли, городъ Атшинатъ былъ его резиденціею и метрополіею всего царства. По своимъ правамъ и преимуществамъ Керманетъ напоминалъ тибетскаго далай-ламу.

Изъ праздниковъ армянскихъ извѣстны только *празднества Мизры* и новаго года. Первые сопровождались плясками вокругъ разведеннаго костра, совершающимися вонитъ и въ христіанской Арменіи въ день Срѣтенья Господня (2 февраля). Изъ вѣка въ вѣкъ, отъ одного поколѣнія къ другому языческіе обряды перешли къ христіанскимъ народамъ почти безъ измѣненія и нынѣшніе пляски вокругъ огня въ Арменіи вѣроятно тѣ же, какими были три тысячи лѣтъ тому назадъ. На церковныхъ дворахъ во время вечерней службы складываютъ костры изъ удобовоспламеняемыхъ древосныхъ вѣтвей преимущественно изъ терновника съ

плодами и кизиля (*пенитъ*). Дѣвицы и молодыя женщины вьются за руки образуютъ вокругъ костровъ хороводы. Огонь подкладываетъ молодой человекъ и по мѣрѣ того, какъ разгорается пламя, хороводъ кружится, сначала медленно, потомъ быстрее и быстрее съ вѣтрнымъ притоптываніемъ. Когда костры обратятся въ уголья, черезъ нихъ прыгаютъ юности и молодые женатые люди, когда же уголья совершенно угаснутъ, черезъ нихъ опять перелѣзаютъ дѣвицы и молодыя женщины. Этотъ же обычай соблюдается и въ Ирландіи куда занесенъ первыми поселенцами острова, выходцами изъ Арменіи (!).

Служеніе солнцу жизненно для (*Ареву*), сохранялось въ Арменіи до VIII вѣка по Р. X. Преданіе ему образовали особую секту, названную *Арев-ардишъ* (бѣсовыми дѣтми). Къ ней принадлежали преимущественно старухи-ворожен, продавальщицы волшебныхъ амузетокъ, приворотныхъ корешковъ и зельевъ, вѣрованіе въ которые не искоренило на востокѣ какъ магометанскіе, языческіе, такъ равно и христіанскіе.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Аравія.—*Географическій очеркъ страны и ея раздѣленіе.*—*Первобытныя жители.*—*Произведенія Счастливой Аравіи.*—*Важнѣйшія сказанія древнихъ.*—*Первобытныя племена и цари.*—*Адъ.*—*Шедадъ.*—*Докманъ.*—*Построеніе плотины.*—*Оамудитъ.*—*Тасма и Джади.*—*Области Іемени и первые цари Гиліапириты.*—*Хатаняне и измаилитяне.*—*Сабейцы.*—*Царница саавская.*—*Изанинъ.*—*Самаръ.*—*Его подвиги и прозвѣща.*—*Абу-Малекъ.*—*Амранъ и Амру.*—*Сноивидныя царицы.*—*Предназначенія разрыва плотинъ.*—*Быство Амранъ.*—*Заселеніе новизъ областей.*

Полуостровъ Аравія, составляющій окраину юго-запада азіатъ

(!) Н. Эминъ. Очеркъ религій и вѣрованій языческихъ армянъ. Москва 1864 г. т. 8, стр. 62.

скаго материка, можно назвать кускомъ Египта, отторгнутымъ отъ Африки Чернымъ моремъ. Онъ занимаетъ пространство въ 57373 квадратны мили на сѣверѣ сопредѣльное Сиріи и Месопотаміи, а съ запада, юга и востока омываемое водами Чернаго, Аравійскаго морей и Персидскаго залива. Древнее дѣленіе Аравіи на Каменистую, Пустую или Пустынную и Счастливую даетъ возможность какъ нельзя вѣрнѣе характеризировать разнообразіе климата, почвы и произведеній этой страны! Каменистая Аравія—ничто иное какъ песчаная степь, окаймленная скалистыми горами, между которыми особенно замѣчательны *Синай* и *Хоривъ*. Пустынную называютъ равнина между Іеменомъ и берегами Евфрата; восточные и юго-восточные берега Чернаго моря называются Аравією Счастливою и въ глубочайшей древности пользовались славою рая земнаго и сказачнаго *золотого дна* за изобиліе драгоцѣннѣйшихъ произведеній царства растительнаго и ископаемаго. Пустынная Аравія была жилищемъ идумейцевъ, моавитовъ, мадианитовъ, амалекитовъ и въ теченіе сорока лѣтъ—израильтянъ, которыхъ Моисей велъ въ землю обѣтованную.

О растительныхъ богатствахъ Счастливой Аравіи, снабжавшей весь древній міръ пряными кореньями и ароматами, Диодоръ Сицилійскій, Теофрастъ, Страбонъ, Плиній рассказываютъ множество сказокъ, одна другой чудеснѣе. Главнѣйшими произведеніями Аравіи Плиній называетъ мирру и ладанъ, родящимися преимущественно въ странѣ Савской (кн. XII, гл. 30). Правомъ собирать эти школы, но его словомъ, пользуются 3000 семействъ, по этой причинѣ называемыя священными. Большой или меньшій сборъ высылать отъ болѣе или менѣе строгаго соблюденія сборщиками традиціонныхъ условій, изъ которыхъ сѣное первое: идучи за ладаномъ или миррою быть чистымъ, воздерживаясь отъ сообщенія съ женщиною и отъ присутствія на похоронахъ. Десятую долю сбора аравитяне обязаны жертвовать въ храмъ верховнаго ихъ божества *Сабиса* (солнца). Мирра, ладанъ, ствркса водятся въ Аравіи въ такомъ изобиліи, что вѣтви ладаносныхъ деревьевъ употребляются тамъ на кухонныхъ очагахъ, причемъ для ослабленія благоуханія жители прижигиваютъ къ дровамъ куски козлиной кожи (кн. XII, гл. 40). Корицу находятъ въ гнѣздахъ птис-

и феникса на вершинѣ неприступныхъ скалъ (!); казія же (*Lagopus casia L.*) родится на болотахъ, охраняемыхъ крылатыми змѣями и страшными летучими мышами. Крошѣ пряностей и благоуханій, Аравія изобиловала золотомъ, ониксами, рубинами, сапфирами и прочими драгоцѣнными камнями. Всѣ эти произведенія бывались аравитянами финикійскимъ купцамъ въ обмѣнъ на ткани и другія мануфактурныя издѣлія.

Вотъ что повѣствуютъ арабскіе лѣтописцы о первобытномъ заселеніи ихъ родины:

При смѣшеніи лымкомъ послѣ вавилонскаго столпотворенія, *Адо* поселился въ пустынѣ Эль-Асафъ, лежащей на самой срединѣ Аравійскаго полуострова. Сынъ его *Шедадъ*, покоривъ соседнія племена и увеличивъ свои владѣнія, вздумалъ построить дворецъ и развести сады, подобныхъ которымъ, до того времени, еще не бывало на свѣтѣ. Стѣны дворца сложены были изъ золотыхъ кирпичей, а въ садахъ, вмѣсто плодовыхъ деревьевъ и цвѣточныхъ кустарниковъ, посажены были растенія, выкованные изъ золота, съ плодами и цвѣтами изъ драгоцѣнныхъ камней. Гордыя несметными своими богатствами, Шедадъ повелѣлъ своимъ подданнымъ воздавать себѣ божескія почести и тѣмъ навлекъ на себя наказаніе отъ истиннаго Бога. Въ ту самую минуту, когда онъ вступалъ во дворецъ, онъ былъ убитъ громомъ и жилище его и сады сдѣлались пенимыми. Послѣ смерти Шедада племя *адо*во заселило Гадрамахъ и впало въ идолопоклонство. Чтобы образумить нечестивцевъ, Богъ послалъ имъ пророка Гуда, внушеніямъ котораго потоки Ада не только не вили, но глумясь надъ пророкомъ, высклани его лозами. За это страна гадрамахская поражена была засухой и истребляема. Чтобы умиротворить

(1) Ссылаясь при этомъ на Геродота, Плиній подмучиваетъ надъ его легковѣріемъ; но гнѣзда фениксовъ изъ корицы издуманы самимъ Плиніемъ, вслѣдствіе грубой ошибки переводчика съ греческаго текста, изъ котораго Плиній дѣлалъ выписки. Геродотъ сказалъ, что корицу финикіане возятъ на своихъ корабляхъ. Въ переводѣ или народа превратилось въ феникса, а корабли въ гнѣзда и вышла бессмыслица! См. Guérin du Rocher: Histoire véritable des temps fabuleux.

разгнѣваннаго Бога, жители избрали изъ среды своей 70 богомольцевъ и подъ предводительствомъ старшинъ Мартхада и Кида, отправили ихъ на богомолье въ храмъ Каабы. Царь Меджаза по имени, Моавія, милостиво ихъ принялъ въ своихъ владѣніяхъ, разрѣшилъ принести жертвы Богу, но не могъ не замѣтить, что едва ли онъ будучи угодны и что было бы гораздо разумнѣе вмѣсто всякихъ жертвоприношеній повиноваться пророку, Богомъ посланному. Киль остался заложникомъ у Моавія, а Мартхада съ богомольцами прибылъ въ Каабу и принесъ жертву въ тамошнемъ храмѣ. Во время молитвы на небѣ явилось три облака: бѣлое, красное, черное и громкій голосъ съ неба спросилъ Мартхада, которое изъ трехъ онъ выбераетъ? Старшина богомольцевъ, въ полной увѣренности, что черное облако разрѣшится благотельнымъ ливнемъ, указавъ на него. Тогда поднялся ужасный ураганъ, страшныя молніи разразились надъ жилищами гадоматцевъ и всѣ они погибли кромѣ мудраго *Локмана*, родоначальника новаго племени, жившаго на землѣ семь орынныхъ вѣковъ. Во время его владычества, войны изъ его племени вторглись въ Египетъ, овладѣли этой страной и царствовали въ ней.

Локманъ владычествовалъ въ области Савской, часто опустошаемой потоками съ сѣверныхъ горъ. Чтобы сохранить свою страну отъ наводненій, Локманъ оградилъ ее плотиною (*Аримъ*) со шлюзами, для орошенія садовъ и полей во время засухи. Слѣдствіемъ этого мудраго распоряженія было несбыточное изобиліе Савской области, въ короткое время покрывшей роскошными пивами, пастбищами, цѣлыми лѣсами финиковъ, фикусовъ, ладану, мирры, алоэ, корицы и гвоздикомъ.

Этимъ временемъ потоки *Филуды* поселились въ Каменистой Аравіи, гдѣ разрушили себѣ жилища въ ущельяхъ и подобно покорѣннымъ рабамъ служили идоламъ. Богъ послалъ къ нимъ пророка *Салега*. Вразумляя самулитовъ, Салехъ сотворилъ чудо: онъ ударилъ жезломъ въ скалу, которая разсѣлась, исушивъ изъ своей внутренности верблюжью сажу, тотчасъ же родившую маленькаго верблюда. Оамудиты умертвили мать и дѣтенца и за это Богъ наказалъ ихъ землетрясеніемъ, опрокинувшимъ каменные утесы, а съ ними жилища нечестивцевъ. Оамудитовъ събили со-

языка племени *Тасма* и *Дожади*, сначала дружныя и покорныя старшинамъ, но впоследствии въбунтовавшіеся и умертвившіе одного изъ нихъ за его самовластіе.

Всѣхъ племенъ, первоначально заселившихъ Аравію, историкъ Желъ-аль-Эдлинъ-аль-Софутъ насчитываетъ девять: *Адъ*, *Фамуда*, *Умайсиля*, *Абили*, *Тасма*, *Джада*, *Амликъ*, *Аджурзумъ* и *Вабаръ*. Родоначальникомъ ихъ онъ называетъ Арама, сына Симона. По свидѣтельству книги Бытія (гл. XVI, XVII, ст. 20, XXV, ст. 13, 14, 15, 16, XXXVI, 16—19) Измаиль, сынъ Авраама отъ рабыни его Агари, былъ родоначальникомъ двѣнадцати племенъ, поселившихся и кочевавшихъ въ Аравіи и происшедшихъ отъ сыновей Измаила: *Навасаа*, *Кедара*, *Адбеела*, *Мивсала*, *Мисима*, *Думы*, *Массы*, *Хадада*, *Фелы*, *Іетура*, *Нафиша* и *Кедлы*. Страну иудейскую или Эдомъ (Синайскій полуостровъ, Каменистую Аравію) впоследствии заселили потомки Исана.

На юго-западной оконечности Аравіи въ Іомей изъ поселеній сѣверныхъ аравитянъ образовалось царство *миларитовъ*, но когда именно? Продолжительность его бытія, отъ начала до времени Магомета, опредѣляють разное: отъ 4000 до 1500 лѣтъ; европейскіе ученые ограничиваютъ девятисотлѣтнимъ періодомъ. Мѣстныя сказанія — пострая мозаика изъ преданій разныхъ восточныхъ народовъ, собранныхъ безъ всякаго вниманія къ хронологіи. Эрою, отдѣляющею времена баснословныя отъ временъ историческихъ, служитъ *разрывъ плотины (силь-эль-аримъ)*, построенной Локманомъ. Преданія объ этомъ событіи отчасти напоминаютъ всемірный потопъ, и связанія о немъ, безъ сомнѣнія, послужили тѣмъ, на которую аравитскіе историки написали злѣйшья варіанія. Они говорятъ, что Аравію съ незапамятныхъ временъ владѣли два народа: *хатаниты* и *измаильяне*. Первые поселившіеся въ Аравіи Счастливыя застроили ее городами и занялись земледѣліемъ; вторые обладатели Каменистой и Пустынной — занялись скотоводствомъ и торговлею. Хатаниты, величалъ себя чисто крошными потомками Измаила (*Арѣба*), называли измаильянъ *милариба*, т. е. происшедшими отъ жемскаго колѣна. () нравахъ ихъ царей повѣствуютъ различно. Стра-

богъ говорить (кн. XVI). что преемниками царей были не перво-родные их сыновья, но дѣти ближайшихъ родственниковъ, родившіяся въ первый годъ воцаренія. Агатахридъ, отрицая это, утверждаетъ, что власть царская была наследственная и неограниченная, а Дюдоуль Сицилійскій (кн. III, § 17) присовокупляетъ, что царь обязанъ былъ безысходно жить въ своемъ дворцѣ и народъ въ случаѣ его появленія на улицѣ имѣлъ право побивать его камнями.

Сыновья, Хаташа *Гилгирс* и *Каланс*, основали въ странѣ Савской два царства, слившіеся воедино при царѣ *Харитвалъ Рашиль*, который распространить завоеванія свои до Индіи принялъ титулъ пессаря (*Тобба*). Сынъ его *Дуль Харниинъ* (двурогій) покорилъ весь свѣтъ. Вавукъ, *Дуль Менаръ* завоевалъ Африку и во время своего владычества въ этой странѣ разставилъ въ пустынь сторожевыя вышки и маяки для указанія дороги черезъ степи. Слѣдующіе два царя, подобно предшествовавшимъ, были великіе завоеватели. Царица *Белькисъ* или *Белькида*, дочь Халдада, знаменитая царица савская, супруга Соломона царя іудейскаго (*) подновила плотины Марекъ возведенную Докшаномъ. Дядя ея *Язининъ*, прозванный обогатителемъ (*иашир-эль-иалъ*) черезъ песчаную степь водилъ свои войска въ Вавилонъ, до котораго однако же не достигъ вслѣдствіе гибели большей части своей арміи въ зыбучихъ пескахъ. Въ предостереженіе потомкамъ, Язининъ поставилъ въ пустынь мѣдную статую съ надписью воспрещавшей идти далѣе, безразсудно податаясь на свою отчающую и слѣпую удачу. *Самар-арашъ-абу-Кирибъ*, современникъ персидскаго царя Дарія Гистаспа, покорилъ его и изъ Персіи повелъ въ *землю синюю* (Монголію или Китай). Жителямъ Согдианы окочавшимъ высокимъ валами въдузали преградить путь побѣдителю, но за эту дерзость были всѣ перерѣзаны, а городъ ихъ разрушенъ. Въ память этого со-

бытія вся область Согдианы была названа *Самар-кандолъ* (разгромъ Самара). Герой, перетагнувъ черезъ трупы и развалины, вступилъ въ землю синюю. Визирь тамошнато царя изуродовавъ себя явился къ Самару и вылезалъ быть проводникомъ его полчищъ. Не подозрѣвая предательства Самаръ довѣрился ему и злодѣй завелъ аравитиитъ въ пустыню, гдѣ они погибли (*). Самару дано было два прозвища: *Ярашъ*, трасуиіей, вслѣдствіе ностояннаго дрожанія его тѣла (не вѣрнѣе ли, вслѣдствіе наводимаго имъ трепота?) и *Харниинъ*, двурогій, за то что онъ заплеталъ волосы свои въ двѣ косы. Последнее, какъ мы видѣли, приложено было и къ другому царю, который вѣдѣтъ съ Самаромъ любимый герой сказокъ, богатырь въ родѣ нашего Ерусалана Лазаревича. Обоимъ царямъ приписываютъ аравитяне всѣ подвиги, совершенные Киромъ и Александромъ Македонскимъ.

При преемникѣ Самара *Абу Малекъ*, въ землѣ египетской открыты были изумрудныя копи. Царь отправившійся туда умеръ на дорогѣ. На престолъ взошли два брата *Алривъ* и *Алру*. Первый былъ волхвомъ и чародемъ, а второму дано было прозвище *лазанкинъ* (рвущій платье) за то, что онъ каждый вечеръ рвалъ свою одежду въ куски, чтобы на другой день обзачесть въ новое платье. При нихъ случилось разрывъ плотины Марекъ, отъ гибельныхъ послѣдствій котораго цари спаслись чудеснымъ образомъ. Жена царя Аврана *Дорифа-эль-Харъ* видѣла по свѣ страшную тучу, разрывившуюся надъ Іерусаломъ страшною грозой и линемъ заточившимъ всю страну и предупредила мужа, давъ ему совѣтъ собираться къ бѣгству. Черезъ нѣсколько дней, гуляя съ нимъ и двумя дочерьми въ саду, Дорифа указала имъ на трехъ кротовъ, бѣгавшихъ на заднихъ лапкахъ по черепашу, которая выскакивъ изъ бассейна и упавъ на спину силсилась встать на ноги и поднимала сильную пыль. „Все это знаменіе близкаго бѣдствія“, сказала царица своему мужу; — „иди къ плотишѣ Марекъ и посмотри что тамъ дѣлается?“ Авранъ пошелъ тѣмъ путемъ, подпавшійся подъ огромный камень, который съ трудомъ могли бы сдвин-

(*) Отъ города Савы или Сабъ произошло названіе религіи сабизма. Жители Абиссиній, въ свою очередь, бабейскаго царицы савскою называютъ свою царю, а потомки ея и царя Соломона, своихъ погусовъ.

(*) Исторія Аврана въ Персіи; см. томъ III, гл. II, стр. 21

нуть пятьдесятъ человекъ. „Наводненіе наступитъ тогда“, сказала Дорифа „когда рухнетъ этотъ камень!“

Цари, не откладывая долѣе, собрали всѣ драгоцѣнности, но не желая павлечь подозрѣніе внезапными бѣгствомъ употребилъ хитрость. Заблаговременно условившись съ сыномъ, Амрапъ задать великолѣпный пиръ старшинамъ, подвластныхъ ему племенъ и на этомъ пиру, заспоривъ о чѣмъ-то съ сыномъ, дать ему пощечину... Сыны отвѣчали отцу тѣмъ же и тогда царь объявлялъ, что послѣ этого оскорбленія уже не можетъ жить въ странѣ Савской и на вѣки ее покинетъ. Распродавъ свои поля и усадьбы, Амрапъ со всѣми женою, дѣтьми, рабами и стадами переселился въ страну племени Аккъ и отсюда сыновья и внуки Амрана разошлись въ разныя стороны Аравіи еще не заселенныя. Каждому изъ сыновей и внуковъ вѣщій Амрапъ указалъ на достоинства и недостатки странъ, въ которыя они шли, и на показаніяхъ Амрана они основывали свой выборъ.

Разсказъ объ этомъ новомъ переселеніи аравійскихъ племенъ очевидно заимствованъ въ искаженномъ видѣ изъ библейскаго сказанія о будущности двѣнадцати сыновъ Израиля, предначенной имъ на смертномъ одрѣ Іаковомъ (См. кн. Бытія, гл. XLIX, ст. 1—27) и Моисеемъ (Второзак. Гл XXXIII ст. 1—25).

Послѣдующая исторія Іемена становится правдоподобнѣе, хотя и въ ней разсказъ не обходится безъ примѣся сказочнаго элемента.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Годъ разрыва плотины. — Царь Шергабилъ, современникъ Рождества Христова. — Волхвы въ Вавилонъ. — Сказанія о нихъ. — Асид-абу-Карибъ. — Походъ въ Индію. — Рабіа-бен-Нисръ. — Вліяніе солг. — Междоусобія. — Походъ въ Мекку. — Крещеніе Абу-Кедла. — Тобба. — Осада Мекки. — Камень Каабы. — Переходъ Тоббы въ иудизмъ. — Испытаніе огня. — Четыре вироисподанія. — Дзу-Шенатиръ. — Его пороки и злодѣянія. — Дзу-Навасъ. — Христіанскіе мученики. — Царь огненной меча. — Ошибки хронографовъ. — Нашествіе абиссинцевъ. — Ариатъ. — Абраха. — Церковь въ Санъ. — Чудесная жемчужина. — Походъ въ Мекку. — Чудеса. — Истребленіе войскъ Абрахи. — Эра билана слона. — Рожденіе Магомета. — Исламизмъ. — Участи прочихъ царствъ Аравіи. — Политическій ея составъ.

По мнѣнію большинства новѣйшихъ историковъ-ориенталистовъ, не смотря на сходство разсказа со сказаніями о всемірномъ потопѣ, эта разрыва плотины относилъ къ 30 году до Р. Х. Изъ династій Гемаритовъ, царь *Шергабилъ* вошелъ на престолъ въ 1 годъ христіанской эры и вѣроятно былъ однимъ изъ трехъ волхвовъ, ходившихъ въ Вавилонъ, на поклоненіе родившемуся тамъ божественному младенцу, будущему Спасителю міра Іисусу Христу (*). Вѣстницею Рождества Христова была звѣзда засіявшая на востокѣ, замѣченная волхвами, бывшая ихъ путевождительницею. Дары волхвовъ состояли изъ главнѣйшихъ трехъ произведеній Счастливой Аравіи: золота, ладана и смирны. Преданія церкви католической сохранили имена трехъ царей — волхвъ въ

(*) См. отъ Матвея гл. II, ст. 1—12. Волхвы видѣлись съ Пророкомъ, поручавшимъ имъ подробно разсказать о младенцѣ, но они: „получивъ по сѣбѣ откровеніе не возвратиться къ Пророку, инымъ путемъ отошли въ страну свою“ (гл. II, ст. 12).

Гаспара, Мельхиора и Валтасара; въ вѣльскомъ соборѣ донынѣ показываютъ золотой ковчегъ съ головами ихъ, о которыхъ существуетъ множество легендъ. Но распространяясь о нихъ, мы замѣтимъ только историческій фактъ *поклоненія волж-вова* Спасителю міра, фактъ свидѣтельствующій, что Аравія, послѣ пастырей правящихъ въ Рождество Христово, была, въ лицѣ трехъ волхвовъ, первою странною востока поклонившеюся Сыну Божію.

Между царствованіемъ Шерхабіа и воцареніемъ *Асад-абу-Кариба* (190—220 по Р. Х.) протекло около двухъ вѣковъ, не ознаменованныхъ ни однимъ важнымъ событіемъ. Асады, увлекаемый духомъ завоеванія, овладѣлъ Теганомъ, которую обложилъ тяжелымъ данью и Адербижаномъ. Одинъ изъ индійскихъ царей, устрепанный угрозками Асада, отправилъ къ нему пословъ съ богатѣйшими дарами, въѣсто умягченія сердца завоевателями распалившими въ немъ чувства пепасытной алчности и мысль присоединять Индію къ своей державѣ. Собралъ ополченіе изъ тысячи знаменъ, по тысячѣ воиновъ подъ каждымъ знаменемъ, Асадъ выступилъ въ походъ и оставилъ на границахъ Тибета запасный корпусъ изъ 12000 человекъ перешелъ китайскую великую стѣну и черезъ западную Татарію вторгнулся въ Индію, гдѣ нагналъ несметныя сокровища. Походъ продолжался семь лѣтъ и наконецъ на Асада ронютъ войскъ и народа. Составился заговоръ къ низверженію царя, въ который злоумышленники старались вовлечь старшаго его сына Гассана. Царевичъ съ негодованіемъ отказался отъ этого гнуснаго предложенія, но тѣмъ не снѣвъ отца, павшаго жертвою яростнаго народа. Престоловъ повзномъ Гассана и братьевъ его Ану и Зару овладѣлъ *Редіа-бен-Насръ*. Въ первый же годъ своего воцаренія онъ видѣлъ сонъ, будто на Тегану падаетъ съ неба горячій уголь и выжигаетъ всю область со всѣми ея городами и жителями. Призванный къ царю волхвъ объяснилъ ему, что сонъ предвѣщаетъ пашествіе иноплемениковъ и порабощеніе ими всей страны. Редіа отослалъ дѣтей своихъ въ Цранъ, откуда они пробрались въ Хиру, гдѣ и основали особое царство; самъ же Редіа, мучимый предчувствіемъ скорѣй умереть. Законный наследникъ престола Гассанъ, наследовавшій похитите-

лю власти, казнилъ убійцу своего отца, но самъ былъ убитъ братомъ своимъ *Ану* (238—250) и тогда начались распри и неурядицы, безъ которыхъ въ древности было немислимо существованіе какого бы то ни было царства на востоцѣ. Съ 250 по 272 г. одновременно управляли царствомъ четыре царя вѣдѣтъ съ ихъ сестрою *Адхано*. Они совершили походы въ Менку, для похищенія изъ тамошняго храма *каліа Кавби*, перваго жертвенника, воздвигнутаго Авраамомъ одному Богу. Походъ былъ не удаченъ; царя погнанъ, а преслѣдовавшая имъ Адхана властвовала одинъ годъ и десять дней. Преемникъ ея *Аббъ-Келалъ* (272—273) исповѣдывалъ вѣру христіанскую, въ которую крестился не столько по искреннему убѣжденію сколько изъ политическихъ вѣдѣтъ. *Тобба* (297) покоривъ Медину (*Ятребъ*) началъ въ ней сына своего намѣстникомъ. Скорѣй по удаленіи царскихъ войскъ, павѣстивъ этотъ былъ убитъ и Тобба желая отомстить убійцамъ осадилъ Менку, давъ клятву не оставить въ городѣ камня на камнѣ. Въ числѣ жителей находилось нѣсколько еврейскихъ семействъ, выселившихся изъ Іерусалима; между ними значительнѣйшими были Бену-Каранза и Бену-Малхиръ. Два депутата первой семьи отказались придти къ Тоббѣ для предупрежденія о неминуемой его гибели, такъ какъ по древнему пророчеству, овладѣвшій Менкою долженъ былъ умереть отъ руки божіей, охраняющей городъ. Особенная же милость божія надъ Менкою была вслѣдствіе грядущаго въ ея стѣнахъ рожденія великаго пророка изъ племени коренитовъ. Бесѣды царя съ іудеями свѣтчили его гнѣвъ и вѣдѣтъ съ тѣмъ побудили его принять законъ Моисеевъ со всѣми своими войсками. Слѣдомъ за іудейскими депутатами, къ царю въ лагерь, пришли армяне, предлагавшіе ему сокровища, находившіеся въ храмѣ, но іудеи предупредили его, что прикосновеніе къ этимъ запечатлѣннымъ сокровищамъ равно гибели, какъ и овладѣніе городомъ и что именно для этого армяне предлагаютъ царю храмовыя сокровища. — „Для отвращенія опасности,“ предложили іудеи Тоббѣ — „обойдите събѣ голону, обойдите вокругъ храма и преклонитееъ переди его святинею...“

— Но если мѣсто это такъ свято, возразилъ царь, зачѣмъ же вы сами не ходите въ храмъ на поклоненіе?

— Мы бы ходили, отвѣчали іудеи, такъ какъ камень Каабы есть поистинну жертвенникъ, сооруженный Богу праротцемъ нашимъ Авраамомъ; не ходимъ потому, что жители Мекки разставили вокругъ храма 360 идоловъ, которымъ приносятъ кровавыя жертвы!

Тобба послѣдовалъ совѣту іудеевъ, поклонился храму, священику его камню; а въ теченіе шести дней раздавалъ богомольцамъ пищу и щедрія милостыни. Вслѣдствіе таинственнаго сповѣдья, Тобба пожертвовалъ на кровлю храма драгоценный нарчевой покровъ и отступивъ съ миромъ отъ города возвратился въ свои владѣнія. Здѣсь, подданные встрѣтили его лютеемъ, за его отступленіе отъ вѣры предковъ и за его переходъ въ законъ Моисея. Предоставляя самому Богу указать, которое изъ двухъ вѣроисповѣданій Ему угодно, Тобба предложилъ царю подвергнуть *испытанію огнемъ* жрецовъ языческихъ и раввиновъ іудейскихъ. На вершинѣ горы близъ Сашы тогда горѣлъ неугасимый огонь, сквозь который всѣ несправедливо обвиняемые проходили безвредно, преступники же всегда гибли. Жрецы-язычники, вывѣвъ идоловъ и всѣ принадлежности своего богослуженія, стогрѣли выѣсть съ ними; раввины, несше въ рукахъ книги закона своего, прошли сквозь огонь цѣлы и невредимы (1). Тогда въ іудейство перешли многие изъ подданныхъ Тоббы.

Такимъ образомъ, въ началѣ IV столѣтія по Р. Х. въ Аравіи было четыре вѣроисповѣданія: 1) *сабиизмъ* — поклоненіе свѣтлалъ, которому слѣдовали преимущественно кочевыя племена; 2) *идолопоклонство* — религія аравитовъ осѣдлыхъ, между которыми были исповѣдники — 3) *христианства* и 4) *іудаизма*. Послѣдній законъ какъ-бы сливался съ язычествомъ въ стѣнахъ меккскато храма.

Минуя царствованія *Мортнеда* (321 г.) и *Вакіи* (345 г.), ничѣмъ не замѣчательныя, мы назовемъ царя *Абраху* (370 г.) прославившагося мудростію и пророчествами о томъ, что преем-

никами гизаритовъ послѣ иподеменнаго ита будутъ возлюбленны Богомъ корейиты. Съ 399 по 480 годъ смѣнились четыре царя, изъ которыхъ *Дху-Шенатиръ* прославился тѣми мерзостями и противустественными грѣхами, за которые огонь Божій истребилъ Содомъ и Гоморру. Это нравственное уродство свойственно всему Востоку какъ языческому, такъ и магометанскому. Грѣхъ, за который по закону Моисею предавали смерти, терпимъ закономъ Магомета... Не распространяется болѣе о мерзостяхъ, низводящихъ человѣка морально и физически на степень скота, да еще и изъ скотовъ-то выбраннаго, и въ скотахъ-то занимающаго послѣднюю степень тупости и скверности! Жертвъ своего сластолюбія Дху-Шенатиръ рѣзалъ, по одна изъ нихъ, нѣкто *Дху-Навасъ* (вудравій), позвапный къ Дху-Шенатиру, умертвилъ это гнусное животное и былъ провозглашенъ царемъ на его мѣсто (480—482 г.).

Дху-Навасъ, покровитель іудеевъ, былъ гонителемъ христіанъ. Ижелая обратить въ законъ Моисея всю область Неджранъ, царь встрѣтилъ упорство со стороны тамошнихъ христіанъ и ихъ епископа *Абдалла-бен-эль-Темара*. Дху-Навасъ предлагалъ имъ на выборъ: смерть или отреченіе отъ Христа и они выбрали первую. По повелѣнію царя епископъ и съ нимъ *двадцать тысячъ* христіанъ ввергнуты были въ кистры, разожженные на днѣ громаднаго оврага. За это Дху-Навасъ получилъ прозвище *царя огненной могилы*. Днесь и годовъ ваши христіанъ греческіе лѣтоисписы и составители католическихъ святцевъ показываютъ 24 октября 523 года, что рознитъ отъ лѣтоисписъ арабскихъ на 39 лѣтъ болѣе: доказательство, какъ еще мало разработана сравнительная хронологія древней исторіи и какъ еще ошибочны многія ея цифри! Изъ всѣхъ христіанъ приговоренныхъ Дху-Навасомъ къ смерти спаси только одинъ и напелъ прійти въ Константинополь у императора *Лео Арагінина* (или у *Анастасіа*, если вѣренъ годъ греческихъ лѣтоисписъ). Императоръ, выслушавъ ужасный разсказъ бѣглеца, рѣшился защитить арабскихъ христіанъ отъ дальѣйшихъ гоненій и по невозможности располагать собственными войсками предложилъ Негусу абиссскому (христіанину) объявить войну Дху-Навасу. Негусъ аб-

(1) Для сравненія см. возстаніе Зороастра съ персидскими царями. Томъ III, Персія, гл. XIV, стр. 134.

сирийский, поручивъ 30000 войска полководцу своему *Ариату*, приказавъ ему, при овладѣніи царствомъ Дху-Наваса, опустошить одну треть городовъ и селеній, перебить одну треть арабійскихъ воиновъ и взять въ неволю одну треть общаго числа жещинъ и дѣтей, подданныхъ Дху-Наваса. Разбитый Ариатомъ на голову послѣдній утонулъ въ морѣ. Съ нимъ прѣсѣклась династія гаміаритовъ и началось владычество воиновъ.

Покоривъ Іеменъ и распространяя тамъ христіанство, Ариатъ навлекъ на себя всеобщую ненависть, разбѣившійся заговоромъ и мятежами, которыми руководилъ *Абраха*, одинъ изъ военачальниковъ абиссинскихъ. Пялая кровь человѣческую, Ариатъ предложилъ своему противнику покончить дѣло соединкомъ, чѣмъ было принято Абрахою. Противники вступили въ бой на мечехъ и перьевъ, видимо были на сторонѣ Ариата, умерщвленного рабомъ, напавшимъ на него съзади. Падалъ, Ариатъ еще успѣлъ отрубить носъ Абрахѣ, за это прозванному *эль-ас-грамомъ* (безносый). Подобно своему предшественнику Абраха покровительствовалъ христіанамъ и старался всѣми силами обращать язычниковъ, савитовъ и іудеевъ къ ученію евангельскому. Видя, что число ходящихъ на богомолье въ Мекку не уменьшается, Абраха построилъ въ Санѣ великолѣпную церковь, въ которой надъ алтаремъ привѣсилъ безцѣнную жемчужину необыкновенной величины, извѣстную свойство свѣтиться ночью. Это чудо привлекало въ христіанскую церковь многихъ аравитянъ, пробуждая въ язычникахъ неукротимую ненависть. Два корейшита, тихонько забравшись въ церковь и оставивъ тамъ на ночь осквернили ее покрывъ жемчужину нечистотами. За это Абраха далъ клятву разорить Мекку и разрушить храмъ Каабы. Предводительствуя 40000 воиновъ, верхомъ на бѣломъ слонѣ, Абраха вступилъ въ текамскую область, а въ Таифѣ захватилъ стадо и верблюдовъ, принадлежавшихъ *Абу-эль-Мотталибу*, одному изъ старшихъ Мекки. Абу-эль-Мотталибъ, пройдя въ лагеря къ Абрахѣ, просилъ его о возвращеніи захваченныхъ верблюдовъ.

— Не лучше ли было бы просить пощады городу? замѣтилъ Абраха.

— Стадо—моя собственность, отвѣчалъ Абу-эль-Мотталибъ, а

городъ собственность божія. Я защищаю свое, а боги защитятъ Мекку!

Абраха возвратилъ Абу-эль-Мотталибу его стадо и верблюдовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ приказалъ войскамъ готовиться къ вступленію въ беззащитный городъ. На томъ же бѣломъ слонѣ Махмудъ, Абраха тронулся въ путь, но слонъ не доходя до города, нѣсколько разъ останавливался или сворачивалъ въ сторону, не взирая ни на какія усилія вожака; передъ храмомъ Каабы слонъ преклонялъ колѣна... Въ это же самое время черная туча занесла все небо; изъ нея вмѣсто дождя, вылетѣли безчисленные стаи птицъ, съ ласточекъ величиною. Каждая птица выбрасывала изъ клюва небольшіе камни, пробивавшіе шлемы на головахъ абиссінцевъ и пронизывавшіе ихъ тѣла насеквозъ. Абраха съ немногими спутниками едва спасся бѣгствомъ въ Сану, гдѣ скоропъ умеръ отъ ужаснаго недуга.

Чудесное пораженіе абиссінскихъ войскъ, случившееся въ годъ рожденія *Магомета* (571 г.), названо въ арабскихъ лѣтописяхъ *эроу билаа слона*, отъ которой аравитяне до *этры* (т. е. до бѣгства Магомета изъ Мекки въ Медину, въ 622 году) вели свое лѣтоисчисленіе. Дальтѣйшій образъ исторіи аравитянъ мы представляемъ читателю въ исторіи *исламизма*, религіи міра поваго, догматы которой составлены изъ разнородныхъ элементовъ, заимствованныхъ изъ сабизма и закона Моисея съ самой незначительной примѣсью правилъ ученія христіанскаго. Въ особенности обращаетъ вниманіе читателя на предопредѣленіе или *фатализмъ*, составляющій одинъ изъ основныхъ догматовъ закона Магомета.

Царство *Хири* самообитно существовало до 605 года, когда оно было завоевано персами. *Гассаниды* владѣли на юго-востоку отъ Дамаска на рубежахъ Сири съ 206 по 528 годъ и весь политическій составъ Аравіи до ея объединенія подъ державою халифовъ въ VII вѣкѣ представлялъ нѣсколько отдѣльных царствъ, въ родѣ нашихъ удѣльных княжествъ и вмѣстѣ съ тѣмъ множество группъ кочевыхъ племенъ, раскидывавшихъ свои кочевья на разныхъ урочищахъ пустынной Аравіи и отчаянно отстаивавшихъ свою независимости.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Библейскія сказанія объ Измаилѣ. — Первобытныя религія. — Планеты. — Три знои. — Жертвенные камни. — Веишь. — Религіозное значеніе камней. — Сказаніе Геродота. — Гора Адзарсвъ. — Восточныя сказанія о камнѣ Каббѣ. — Храмы Мекки. — Зодіакъ и созвѣздія. — Басия о созвѣздіи Пса. — Длѣніе года. — Святые мѣсяцы. — Идолопоклонство. — Га балъ. — Асафъ и Нахла. — Прочіе идола. — Изображеніе пресвятой Дѣвы во храмѣ Каббѣ. — Нравы аравитянъ. — Позвѣя. — Женицы. — Ворожби. — Гаданье стрѣлами. — Серымъ.

По библейскимъ сказаніямъ, въ истинѣ которыхъ мы не осмѣливаемся сомнѣваться, родоначальникомъ племени, заселившихъ Аравію, былъ *Измаилъ*, сынъ патриарха Авраама и рабыни его египтянки Агарь. Последняя, беременная и притѣсняемая Сарою, бѣжала въ пустыню, гдѣ ангелъ божій предрекая ей о будущей участи Измаила сказывалъ: „Онъ будетъ между людьми какъ дикій оселъ; руки его на всѣхъ и руки всѣхъ на него“ ⁽¹⁾. По рожденіи же Измаила, Авраамъ изъ устъ божіихъ услышалъ: „Я благословлю его и возраду его, и весьма размножу; двѣнадцать князей родятся отъ него; и я произведу отъ него великій народъ“ ⁽²⁾. Тринадцатилѣтній Измаилъ вѣстѣ съ Авраамомъ былъ обрѣзанъ; искорѣ носѣ того, вѣстѣ съ Агарью изгнанный, онъ выросъ въ пуганѣ, сдѣлаясь стрѣлкомъ изъ лука, жилъ въ пустынѣ Фаронъ и мать его взяла ему жепу изъ земли египетской ⁽³⁾. Последнее сообщеніе можно отнести. на основаніи достовѣрнѣйшихъ данныхъ, къ 1590 г. до Р. X. Несомнѣнно, что Измаилъ слѣдовалъ религіи отца своего, т. е. поклонялся единому Богу, приносилъ ему жертвы и подвергалъ обрѣзанію своихъ сыновей; но мать и жена его

оставались идолопоклонницами, что разумеется не могло не имѣть вліянія на нравы, обычаи и богослужебные обряды въ семействѣ Измаила. Черезъ два или три вѣка послѣ его смерти, аравитяне поклонились камню, служившему Измаилу алтаремъ, и построенной имъ банѣ *Агарь* или *Алькисбилай*; бога же Авраамова олицетворяли себѣ въ солнцѣ, Уроталѣ, Сабсѣ, которому воздавали божескія почести. Это былъ первый шагъ аравитянъ къ сабизму и къ фетишизму. За поклоненіемъ *Уроталу* или Сабсѣ слѣдовало поклоненіе *Азилатъ*, *Алитъ* или *Милатъ* (Дунѣ), *Дзолу* (Сатурну), *Алокаръ* (Венера), *Моситаръ* (Юпитеру), *Авариду* (Меркурію), *Алидебарану* (звѣздѣ первой величины въ главѣ зодіакальнаго Тельца), *Соханию* (созвѣздію Арго), *Алобуру* (Свиріусу), *Алишертъ* и *Альгомеизъ* (созвѣздіямъ Большаго и Малаго Пса), *Януо* (Плѣдашъ) и т. д. Обожанію свѣтилъ, т. е. чистый сабизмъ, можно называть религію *второй эпохи* бытія аравитянъ, длившейся нѣсколько вѣковъ; поклоненіе предкамъ и богамъ въ лицѣ кумировъ каменныхъ и металлическихъ было религіею *третьей эпохи*. Аравитяне слѣдовали высокой идеи богопознанія въ обратномъ порядкѣ, т. е. отъ доктрины, сначала чисто духовной, постепенно перешли къ матеріальной и въ своемъ матеріализмѣ несомнѣтельно грубой. Первоначально они поклонялись Богу *невидимому*; потомъ, Богомъ созданнымъ свѣтиламъ; наконецъ идоламъ изваяннымъ или отлитымъ руками человеческими. Идолы аравитянъ въ ихъ глазахъ не были даже символами: имъ молились потоки Измаила въ полной увѣренности, что это идолы дѣйствительно боги, способные исполнять желанія людей за приносимыя имъ жертвы, способные творить чудеса.

Предметъ обожанія всѣхъ трехъ эпохъ измѣнчивой религіи аравитянъ заслуживаетъ внимательнаго изслѣдованія. Прежде всего посмотримъ, какіе образцы чистое, разумное богопознаніе Авраама, завѣщанное имъ своему сыну, могло перейти въ сабизмъ, изъ сабизма въ безсмысленный фетишизмъ.

Намъ извѣстно изъ книги Бытія ⁽¹⁾, что сыновья Адама, Каинъ

⁽¹⁾ Кн. Бытія, гл. XVIII, ст. 12.

⁽²⁾ Тамъ же гл. XVII, ст. 20, гл. XXI, ст. 13.

⁽³⁾ Тамъ же гл. XXI, ст. 20 и 21.

⁽¹⁾ Кн. Бытія, гл. IV, ст. 3 и 4.

и Авель уже приносили жертвы Богу, отъ плодовъ и отъ первородныхъ изъ стада. Нѣтъ сомнѣнія, что приношенія эти были возлагаемы не на землю, но на камни, бывшіе первообразами жертвенниковъ и алтарей. О жертвенникѣ впервые упоминается въ книгѣ Бытія при повѣствованіи объ исходѣ Ноя изъ ковчега ⁽¹⁾; затѣмъ жертвенные камни воздвигались были: Авраамомъ ⁽²⁾ и Іаковомъ ⁽³⁾ и одинъ изъ нихъ, положенный послѣднимъ на мѣстѣ его свидѣнія и явленія ему Бога, названъ былъ *Вевилемъ*. Этими же самыми именемъ жители Сиріи и Финикіи называли *аэролиты* (камни падающіе съ неба), которыми воздавали божескія почести, какъ увидимъ въ послѣдующихъ главахъ. Жертвенники сооруженные патриархами были выстѣ съ тѣмъ и маматиками великихъ событий, преимущественно ознаменованныхъ проявленіемъ божественной благодати. Заблуду Измаила: поклоняться единому Богу и приносить Ему жертвы на каменномъ алтарѣ, слѣдовали аравитине, сохраняя затѣмъ и передавая его отъ одного поколѣнія другому все болѣе и болѣе въ искаженномъ видѣ. Десятое поколѣніе Измаила въ жертвенномъ камнѣ хотѣло видѣть уже самое божество и отсюда произошло начало *обоготворенія жертвенныхъ камней*, сохранявшееся независимо отъ поклоненія свѣтиламъ небеснымъ и идоламъ до временъ Магомета. Геродотъ, разсказывая о древнихъ правилахъ-сбитахъ (кн. III, гл. 33), говоритъ между прочимъ: „Нѣтъ въ мірѣ народа, который бы такъ свято соблюдалъ данное слово какъ аравитине; слово же свое они даютъ такимъ образомъ: Договаривающіеся стороны избираютъ посредника, который острыми камнемъ дѣлаетъ у нихъ надрѣзы на ладоняхъ; потомъ обмакиваетъ въ кровь края ихъ одежды. Кровью этой посредникъ натираетъ *сень камней*, разложенные между ними, призывая при этомъ имена Ціонісія, Вахха (Солнца) и Ураіи (Луны). Кромѣ этихъ божествъ аравитине не признаютъ никакихъ другихъ. Они подбриваютъ себѣ волосы на

вискахъ и стригутъ ихъ кругомъ, говоря, что такова была прическа Вахха. Они называютъ его *Уроталомъ*, Ураію же *Амлатомъ*, *Милитомъ*.“ Поклоненіе жертвеннымъ камнямъ и первобытнымъ алтаремъ единого Бога началось вѣроятно въ Каменной Аравіи, вслѣдствіе изобилія предметовъ этого рода идолопоклонства. Племя дузореицевъ признавало своимъ богомъ-покровителемъ гору *Дузорецъ* или *Дизарецъ*. Въ жаломъ видѣ его изображалъ черный четырехугольный камень на золотомъ пьедесталѣ и этому камню жители Петры приносили человѣческія жертвы. Главнѣйшимъ же кумиромъ аравитянъ или вѣрнѣе камнемъ, возведеннымъ на стень божества, былъ знаменитый *камень Каабы*, долгие сохраняемый въ Меккѣ, камень, на который самъ Магометъ не только не осмѣлился посягнуть, но который послужилъ треугольнымъ камнемъ исламизму. Нижеслѣдующее преданіе о построеніи мекккаго храма и о камнѣ Каабы перешло къ магометанамъ отъ ихъ предковъ изъ глубочайшей древности:

За 2000 лѣтъ до сотворенія міра по повелѣнію Божию въ раю построенъ былъ храмъ, въ которомъ поклонились Единому сонми ангеловъ. Первый человѣкъ, при исходѣ изъ рая перенесъ этотъ храмъ изъ рая на землю, именно въ Мекку. Прошли вѣка, наступило новое заселеніе земли, но обновленное человечество уже не нашло и слѣдовъ отъ чудснаго храма, называвшагося *Каабю* или домомъ божіимъ. Рабыня Авраама Агарь, изгнанная своимъ влаетелиномъ вывѣтъ съ отрокомъ Измаиломъ въ пустыню, близъ самого мѣста находсна Каабы, обрѣла по указанію англа, родникъ чистой воды, колодезь *Зелизель* ⁽¹⁾, вода котораго спасла Измаила отъ мучительной смерти отъ жажды. Вслѣдствіи надъ колодеземъ Авраамъ, по повелѣнію Божию, началъ строить храмъ и при ритіи фундамента нашелъ остатки древней Каабы. По порученію отца, Измаилъ пошелъ въ Джебель Косепру за камнемъ, которымъ надобно было на углу создаемаго храма означать мѣсто откуда Богомольцамъ слѣдовало начинать

(1) Кн. Бытія, гл. VIII, ст. 20.

(2) Тоже, гл. XII, ст. 7. XXII, 9.

(3) Тоже, гл. XXVIII, ст. 18 и 19. XXXIII, 20. XXXV, 7, 14, 15.

(1) Въ книгѣ Бытія (гл. XVI, ст. 14) негодникъ Агарь названъ Бевралахъ-рон (Источникъ Живаго, выдающаго мѣня).

обходо (туафъ). Измаилъ, на его пути, остановилъ посланный Богомъ архангелъ Гавріилъ и подаль ему камень, свѣтлый и лучезарный, впоследствии почернѣвшій отъ дозбай и прикосновенія къ нему грѣшниковъ. Камень этотъ былъ знаменитый камень Каабы. Пыжвалъ окончить храмъ Мекки, быть въ немъ первосвященникомъ; женился на дѣвицѣ изъ племени Бену-Джорхотъ и опочилъ на 137 году отъ рожденія. При *Набитъ* или *Насаотъ*, сынѣ Измаила, камень Каабы достался въ обладаніе племеню бениджорхотъ. По разсказамъ путешественниковъ, камень Каабы овальной формы отъ 6 до 7 дюймовъ въ поперечникѣ, цвѣта изкрасна-чернаго; по мнѣнію ученыхъ это кусокъ лавы или базальта, а всего вѣрнѣе — *аэролитъ*, т. е. сплавокъ атмосферическаго жезла, упавшій съ неба въ черныя вѣка заселенія Аравіи, жители которой сложили о его паденіи чудесную легенду. Поклоненіе камнямъ (или обломкамъ скалъ, или аэролитамъ) сохранилось до времени Магомета и особенно унизилось при властителяхъ Мекки, Азру (въ III вѣкѣ по Р. X.).

Счастливая Аравія была разсадникомъ сабизма. Жители ея, какъ мы уже говорили, первоначально поклонялись только солнцу (*Сабисъ*, *Урагалъ*) и лунѣ (*Алиттъ* или *Милиттъ*). Первому были посвящены рощи балзаническихъ деревьевъ; приношенія же состояли изъ ежедневнаго сожженія ладану и мирры. Впоследствии, кромѣ солнца и луны, аравитяне начали поклоняться планетамъ, созвѣздіямъ и нѣкоторымъ звѣздамъ двухъ первыхъ величинъ. Каждое племя избрало себѣ звѣзду покровительницу; не замедлило распространиться вѣрованіе во вліяніе свѣтилъ на событія естественнымъ, политическія и на участь людей... Астрономія слилась съ астрологіей. Аравитяне приняли созвѣздія зодиака и дѣленіе года на двѣнадцать лунныхъ мѣсяцевъ. Зодіакъ назвали они *обручемъ дванадцати укрянелій* (Фалекъ-аль-Баруги, Миптака), давши слѣдующій именъ: 1) *Овнъ* (Эль-гамель, Хемаль, Ашмаю); 2) *Телецъ* (Алтауръ, Атауръ, Туръ). Находящаяся въ этомъ созвѣздіи *Пленида*: Альтораія, Атаурія, Бенат-альгнашъ, признавае быти покровительницами кахарей, мотеходовъ и вступавшихъ въ супружество. Въ дѣтствіе послѣднего поутра аравитяне называли Пленю *дѣвяти союза* (Бе-

нат-эль-вауши). Изъ купы *Гиадъ* особеннымъ уваженіемъ пользовался Аль-деборахъ, *глизъ телца* (Деборахъ, Анн-эль-Торъ). 3) *Близнецы* (Таваянъ, Аль-гезъ, Эльгезъ); 4) *Ракъ* (Сертанъ, Сартавъ); 5) *Левъ* (Асцитонъ, Алзетъ, Асадъ); 6) *Дѣва* (Заадари, Сунбала); *кологъ*, належащійся въ этомъ созвѣздіи, назывался Сумбеда. 7) *Висъ* (Аль-визанъ); 8) *Скорпионъ* (Акрабъ); 9) *Стрѣлецъ* (Алькуръ); 10) *Козерогъ* (Гиедъ); 11) *Водолей* (лопакъ съ двумя ведрами: сакиб-аль-ма, Делу, Аль-делу) 12) *Рыбы* (Хутъ, Салака, Хаутъ). О созвѣздіяхъ Большаго и Малаго Пса, у аравитянъ съ незапамятныхъ временъ сложилось любовитное сказаніе. У сестеръ *Альперы* и *Альголеизы* былъ братъ *Согиль* (созв. Аргъ), женившійся на *Альлузъ* (Оріонтъ). Умертвивъ жену, онъ бѣжалъ въ Полярную звѣзду, преслѣдуемый *Алобурро* (Сириусъ). Сестры, видя бѣдствія брата, плакали и у Альголеизы отъ слезъ потекли глаза... Подобнаго рода сказанія о движеніи звѣздъ, ихъ сочетаніяхъ, измѣненіяхъ въ цвѣтѣ — въ арабической астрологической мифологіи существуетъ великое множество. Забѣлимъ при этомъ, что отъ народовъ древняго востока греки и римляне приняли обихованіе, олицетворять въ свѣтилахъ небеснымъ своихъ боговъ и душъ героевъ и, наоборотъ — о феноменахъ астрономическихъ слагать басни и эпосы, забывая въ разсказѣ человѣческими личностями планеты и звѣзды.

Лунный годъ аравитянъ начинался, въ древности, какъ начинается и понынѣ въ исходѣ марта или въ началѣ апрѣля мѣсяца. Имена мѣсяцевъ слѣдующія: 1) *Мохаррежъ* (мартъ-апрѣль или апрѣль-май), 2) *Сабаръ*, 3) *Рейн* первый, 4) *Рейн* второй, 5) *Джеулада* первая, 6) *Джеулада* второй, 7) *Реджебъ*, 8) *Шабанъ*, 9) *Рамаданъ*, 10) *Шеввалъ*, 11) *Дхуль-каде*, 12) *Дхуль-хиджа*. Изъ нихъ: Мохаррежъ, Реджебъ, Дхуль-каде и Дхуль-хиджа назывались *святымъ*; въ теченіе ихъ аравитяне не смѣли вести войны или какима ибудъ инымъ образомъ проливать кровь. Имена этихъ четырехъ мѣсяцевъ напоминали аравитянамъ ихъ обязанности, такъ какъ слово Мохаррежъ, значить: *ненарушило святой*, реджебъ: *высоко чтимый*, дхуль-каде: *отдыгъ*, дхуль-хиджа: *вознесеніе на богомоле*. Изъ

остальных мѣсяцевъ, пять заключали въ спокѣхъ именахъ опредѣленіе времени года: *Реби* означаетъ первую зелень и весенніе дожди, *Дасулида*—жара и засуху, *Рамиданъ*—зной. Знаки зодиака, соответствующіе мѣсяцамъ, были ихъ покровителями и, кромѣ того, у каждаго дни была своя звѣзда, добрая или неблагопріятная, а исцѣденье этого дни дѣлилось на счастливые и несчастливые, или легкіе и тяжелые. Во времена Магомета, когда къ сабизму аравитянъ приближалось идолопоклонство, вокругъ Мекканскаго храма, по свидѣтельству историковъ, разставлено было 360 идоловъ, безъ всякаго сомнѣнія боговъ, покровителей каждаго дня. Чистый сабизмъ оставался владычествующею религіею Аравіи Пустынной до распространения Корана между ея кочевыми племенами, донынѣ еще исполнѣе оторвавшимися отъ древняго вѣровавія въ звѣзды и отъ поклоненія имъ.

Идолопоклонство, какъ мы уже говорили, возникло въ Аравіи въ III вѣкѣ по Р. X. Амру-бен-амеръ, влатель Мекки, вывезъ изъ Сиріи идола *Габали* и, поставивъ его на кровлѣ храма, приказалъ своимъ подданнымъ поклоняться ему, присоединивъ къ этому кумиру еще двухъ *Асафи* и *Наилу*, два камня, подобные человѣческимъ фигурамъ, Асафъ и Наила, по сказаніямъ аравитянъ, были когда-то живыми людьми, но окаменѣли за то, что въ стѣнахъ Мекканскаго храма осквернились предаваться любовнымъ наслажденіямъ. За первыми тремя идолами поспѣдовали многіе другіе у каждаго племени. Племена Кореншитовъ, Кенаана и Гекатфамы, признали своимъ божествомъ *Аль-Дзуу*, которой приносили въ жертву молодыхъ дѣвственницъ. Племя Гекатфамы олицетворяло себѣ эту богиню въ видѣ финиковой пальмы. Адиты признали своимъ богомъ-покровителемъ *Хафедгу*; племя Кольбъ поклонялось фигурѣ человѣческой *Вуду* или *Вуду* (имя, напоминающее Будду). Были идола, изображавшіе: кони (*Яукъ*), орла (*Насрѣ*), льва (*Якутѣ*) и т. п. Но въ числѣ множества кумировъ, находившихся въ храмѣ Мекки и истребленныхъ Магометомъ, находилось изображеніе Пресвятой Дѣвы Маріи съ Божественнымъ младенцемъ на рукахъ, котораго аравитяне называли *Аисоу*... Такимъ образомъ въ стѣнахъ Мекканскаго храма при помыслии Магомета убѣдились всѣ вѣрованія древняго міра, меж-

ду которыми, будто свѣточъ во тьмѣ—находилось даже христіанство, исчезнувшее въ пламени фанатизма, разожженномъ основателями магометанства!

Свѣденія о нравахъ и обычаяхъ древнихъ аравитянъ немногочисленны и отрывчаты. Намъ извѣстно только, что народъ этотъ съ незапамятныхъ временъ славился своимъ гостепріимствомъ и глубокимъ уваженіемъ къ хлѣбу-соли, преломленіе котораго связывало аравитянъ между собою неразрывными узами дружбы. Домъ обѣдлаго жителя Счастливой Аравіи и шатеръ кочеватаго сына степей, былъ надежнѣйшимъ убѣжищемъ даже для ихъ враговъ; особа гостя была неприкосновенна... Черта тѣмъ болѣе достойная удивленія въ народѣ метельномъ и въ ярости своей неуеримомъ. Страстные и вмѣстѣ съ тѣмъ поэтически мечтательные аравитяне питали глубокое уваженіе къ женщинамъ, первыми достоинствами которыхъ полагали стыдливость, цѣломудріе и супружескую вѣрность. Дѣвственницы пользовались особеннымъ почетомъ и каждый влюбленный, до сочетанія бракомъ съ избранницею сердца, былъ самымъ скромнымъ и платоническимъ обожателемъ своей возлюбленной, воспѣвая ей прелести, вдохновляясь красотою и чистотою душевною... Аравія колыбель пѣсаней, любовной поэзіи и пѣсней аравитянъ можно назвать образцами греческихъ эротическихъ стихотвореній и нѣжныхъ романсовъ средневѣковыхъ трубадуровъ и миннезингеровъ. Любовь повсемѣстно была неистощимымъ источникомъ вдохновенія и человекъ, подобно соловью, тѣмъ слаще пѣлъ, чѣмъ сильнѣе томился страстью, но интѣ на востокѣ поэзіи такъ не чувствовала женщины, какъ въ Аравіи. Изъ великаго множества древнихъ и новѣйшихъ произведеній этой страны, мы приведемъ для образца только одно. романсъ или наргатъ, не знаешь какъ называть. Молодой аравитянинъ пристально взглянулъ на молоденькую дѣвушку и смуглая ея щечка покрылась яркимъ румянцемъ... „Красавица,“ сказалъ ей юноша, „взгляди мой! посылай пышныя розы на твоихъ ланитахъ, позволь же мнѣ устами собрать жатву?“ Сколько дѣвственной прелести въ этихъ немногихъ словахъ!..

Впрочемъ, аравитяне, вдохновляясь красотою, были совершенно правы, такъ какъ аравитянки, за весьма немногими исключеніями,

могут служить тиномъ безпорочной женской красоты, будучи обаятельно прелестны. Дѣйствуя на пылкое воображеніе первыхъ послѣдователей своего ученія, Магометъ не даромъ обобщалъ ихъ урэмъ, населеннымъ *цуряни*, неудачными красавицами, обаяты которыхъ будутъ наградою правотѣрныхъ въ вѣчности. Отвергая въ женщинѣ бѣгъ души *на землѣ*, основатель исламизма въ ласкахъ женщины полагалъ вѣчное блаженство *на небесахъ*... Странное противорѣчіе! Скажемъ въ заключеніе, что до исламизма арабійская женщина не была рабою; въ числѣ правителей страны бывали царицы; въ богослужебныхъ обрядахъ, во многихъ храмахъ, принимали участіе дѣвушки.

Были у арабитяи-язычниковъ и женщины *мѣция* или колдуньи, съ которыми совѣщались цари въ затруднительныхъ обстоятельствахъ. При осадѣ Мекки Абрахъ въ 571 году, одинъ изъ правителей города Абу-эль-Мотталиби, намѣревался принести въ жертву богамъ своего сына, но по совѣту колдуньи замѣнилъ его сотнею верблюдовъ и съ того времени арабитяне опредѣляли этия количество головъ животныхъ стоимостью жизни человѣческой или *цѣну крови*, которою убійца могъ откупиться отъ мщенія родственниковъ человѣка имъ убитаго.

Гаданія по звѣздамъ, воздушнымъ явленіямъ, по полету птицъ, огню, водою, растеніями, камнями, существовали у арабитяи какъ и у всѣхъ прочихъ народовъ востока. Особенно вѣрили они *гаданію стрѣлами и летанію жребя*. Первое состояло въ томъ, что на нѣсколькихъ стрѣлахъ надписывали предполагаемое рѣшеніе задуманнаго дѣла, счастливое или несчастное; стрѣлы перемѣшивали и выдѣрживали изъ нихъ одну, дававшую отвѣтъ благопріятный или зловѣщій.

Изъ обыкновеній, безъ сомнѣнія тѣсно связанныхъ съ религіозными вѣрованіями древнихъ арабитяи, укажемъ на *ношеніе серегъ* мужчинами и женщинами, заимѣвшее пѣть амулетки и талисманы, введеніе въслѣдствіи также во всеобщее употребленіе. Судія народа израильскаго *Гедонъ*, одержавъ побѣду надъ мадаанитами, обложилъ ихъ данью по одной сергѣ съ человѣка. „Ибо“, сказано въ книгѣ Судей (гл. VIII, ст. 24), „у неуря-

телеѣ много было золотыхъ серегъ, потому что они были измалы-тѣне.“

ГЛАВА ОДИНАДЦАТАЯ.

Язычество израильтянъ въ пустыни. — Златой телецъ. — Уклоненія Моисея притиснута до олопоклонства. — Идоломъ златый. — Символическое ея значеніе. — Идола Пегушати. — Языческіе народы Палестины и ихъ божества. — Ваалъ. — Астирта. — Даниэль. — Малохъ. — Ею идола. — Прочія божества. — Бисы и сатиры. — Волхвы и паданія.

Къ обзору религіи *Палестины*, до занятія ее народами израильтянъ, мы приступимъ тѣмъ же самымъ путемъ, которымъ народъ божій шелъ изъ Египта въ землю Обѣтованную, именно, черезъ служившую ей преддверіемъ, пустыню Каменистой Аравіи, въ эпоху сорокалѣтняго скитанія іудеевъ по этой пустынѣ.

Долговременное пребываніе въ странѣ фараоновъ, въ кругу язычниковъ, не могло не имѣть вѣснаго вліянія на нравы и религіозныя вѣрованія сыновъ Израиля. Они до такой степени привыкли къ своимъ цѣлымъ и позорному рабству, что не понимали и не цѣнили достойно подвигъ ихъ богоупокоившаго освободителя Моисея. Очевидная благодать Господня изъ сопутствовавшей, многочисленной чудеса пророка не удержали іудеевъ отъ попоры, наконецъ и отъ идолопоклонства, въ которое они впали въ то самое время, когда Моисей на горѣ Синайской, внимая гласу божію, начертывать на скрижаляхъ законъ, увѣщенный въ десять заповѣдей. Сопѣщаясь въ продолжительномъ отсутствіи законодателя іудеи потребовали у Аарона, чтобы онъ „сдѣлалъ имъ бога“, который бы велъ ихъ и Ааронъ изъ серегъ женъ, дочерей и сыновей отлитъ и обдѣлалъ рѣзномъ золотого телца, увидя котораго іудеи воскликнули: „вотъ богъ твой, Израиль, который вывелъ тебя изъ земли Египетской“ (1).

(1) Исходъ, гл. XXXII ст. 1—6, 19.

Этому телцу (спинку съ египетского *Аписа*), Ааронъ поставилъ жертвенникъ; народъ принесъ всесожеженія и жертвы мирныя; ѣлъ, пилъ передъ нимъ и чествовалъ его изясками и играми. Въ наказаніе за отступничество, Моисей, по возвращеніи своемъ въ станъ, разбивъ скижалъ завѣта, заставляя іудеевъ выпить золу сожженного имъ телца и казнить руками левитовъ, около трехъ тысячъ человекъ. Грѣвъ божій выразился моровымъ повѣтріемъ, поразившимъ израильтянъ⁽¹⁾. Изъ книги Левита, Числа, Второзаконія видимъ, что Моисей особенно внушалъ іудеямъ гнушаться идолопоклонствомъ, чудодѣянъ не только его обрядовъ и обычаевъ, но и всякаго сообщенія съ язычниками (*Левитъ*, гл. XVIII, ст. 21—24; XIX, 4. XX, 2—6; XXVI, 1; *Числа*, гл. XII, 1—12; XXVI, 1—9; *Второзаконія*, гл. IV, 16—19; V, 7, 8; VII, 25, 26; IX, 16, 17; XII, 2, 3; XIII, 1—18; XVII, 2—4; XVIII, 10, 14; XXX, 17; XXXII, 16, 17). Мудрый законодатель воспрещалъ народу божию не отдавать дѣтей своихъ на служеніе Молоху; не совершать „мерзостей противъ естественныхъ“, которыми окверняютъ себя народы Палестины; не отливать себѣ идоловъ металлическихъ и не вырубать каменныхъ, изображающихъ людей, звѣрей, птицъ, *пресмыкающихся*; не обращаться къ вызывателямъ мертвыхъ, волшебникамъ, *сновидцаламъ и обаятелямъ*: въ знакъ траура по умершемъ не выстригать себѣ волосъ и не дѣлать надрѣзовъ на тѣлѣ и т. д. Всѣ эти заблужденія, отъ которыхъ Моисей предостерегаетъ іудеевъ, свойственны были языческимъ племенамъ, жившимъ въ Палестинѣ. Однако же израильтяне при прибытіи въ страну Ситтимъ вошли въ преступныя связи съ мовитянами, принимали участіе въ ихъ жертвоприношеніяхъ и прильпились къ *Вала-Фегору*. За это, руками священниковъ, нѣбито было двадцать четыре тысячи человекъ (*Кн. Числа*, гл. XXV ст. 1—9).

Кромѣ этихъ случаевъ идолопоклонства іудеевъ въ бытность ихъ въ пустынѣ, не можемъ мы указать на *претій*, нѣмнѣйшій таинственное пророческое значеніе. Послѣ смерти Аарона, во

время своего пути отъ горы Оръ, минуя землю Едома, народъ сталъ малодушествовать и роптать на Бога и его избравника. Тогда Господь послалъ на людей ядовитыхъ змѣевъ, жалившихъ народъ и умерло множество израильтянъ. Оставшіеся въ живыхъ рассказали и обратились къ Моисею, умоляя его поволѣнъ Богу объ удаленіи змѣевъ. Законодатель по повелѣнію божию сдѣлалъ *меднаго змѣя* и вставилъ его на знамя: *оцѣлнвшій на него хотя-бы укушенный останется живъ*⁽¹⁾. По истолкованію христіанской теологіи медный змѣй былъ пророческимъ символомъ распятія Спасителя міра, взирая на которое каждый человекъ хотя и укушенный грѣхомъ находитъ свое спасеніе. По таинственный символъ понятный пажу, христіанамъ, для іудеевъ былъ только идоломъ, которому они еще поклонялись во времена царей, до истребленія его по повелѣнію *Васкиа*, сына Ахаза, царя іудейскаго. „Онъ отжѣлалъ высоты⁽²⁾, разбилъ статуи, срубилъ дубраву и истребилъ меднаго змѣя, котораго сдѣлалъ Моисей; потому что до самыхъ тѣхъ дней сыны Израилевы кадили ему и называли его Нехуштанъ⁽³⁾.“ Это событіе, невольно падаетъ намъ на мысль о тѣхъ недостаточныхъ самозванныхъ служителяхъ церкви Христовой (хотя бы о первосвященникахъ римскихъ), которые эксплуатировавъ невѣжество и суевѣріе народное, придавали чуднымъ христіанскимъ символамъ значеніе языческихъ кушировъ, низводя чистое ученіе Иисуса Христа на стенью идолопоклонства. *Медный змѣй* *не воображалъ Распятія, черезъ волею въковъ послѣ Моисей препратился у іудеевъ въ языческой куширъ, названный даже особеннымъ плечемъ. *Ученіе савителское*, точно также, черезъ нѣсколько въковъ послѣ Иисуса Христа, въ нечистыхъ и окровавленныхъ рукахъ ересарховъ и инквизиторовъ уже приняло видъ грубѣйшаго язычества. Такъ называемые *престолы походы* — эта выгоднѣйшая спекуляція папъ: Урбана II, Евгения III, Иннокентія III, Григорія IX развѣ не

⁽¹⁾ Книга числа, Гл. XXI, ст. 1—9.

⁽²⁾ Атари и жертвенники на горахъ.

⁽³⁾ Четвертая книга Царствъ, гл. XVIII, ст. 4.

⁽¹⁾ То-же, гл. XXXII ст. 19, 20, 26—28, 35.

глумленіе надъ свитымъ крестомъ Господнимъ; а всё эти альбигоицы, пастушки, тахиеры, илюмнаты, хлысты, скакуны, скопцы и весь легіонъ сумашествующихъ и бѣснующихся зѣбрей въ образъ человѣческаго развѣ можно назвать стадомъ божественнаго пастыря? Костры *инквизиціи* конечно было бы гораздо приличнѣе воздвигать передъ какимъ нибудь Вааломъ, Молохомъ, Ваал-Фегоромъ или Ваал-збукомъ нежели передъ святымъ символомъ спасенія и воспріищія!

Изъ книгъ священнаго писанія намъ извѣстно, что Палестина или земля обѣтованная, до заселенія своего двѣнадцатымъ козѣнами Израиля, принадлежала многимъ народамъ, съ которыми израильяне вели продолжительныя войны. Кромѣ эдомитич., потомковъ Исавъ, кочевыхъ арабійскихъ племенъ на югѣ Палестины, въ этой странѣ жили тогда: 1) *модитичи*, потомки Авраама и рабыни его Кeturы; 2) *моавитяне* и 3) *аммонитяне*, происшедшіе отъ племенъ Моавъ и Бен-Амми сыновей Лота, рожденныхъ отъ него его двумя дочерьми, младшею и старшею (1); 4) *амалекиты*; 5) *филитимляне*. Слѣзая объединенный съ долопковствомъ былъ религіозъ этихъ народовъ и богъ ихъ были тѣ же что въ Сиріи и Финикіи (?). *Баалъ*, *Ваалъ* или *Белъ* (Вседержитель) и *Астартъ*, *Астара*, *Асворетъ* или *Ваала* (Шарица неба), т. е. солнце и луна, а послѣдствіемъ планеты Венера — были верховными божествами всѣхъ народовъ Сиріи, Финикіи и Палестины. Идолы перваго божества назывались *Галимилъ* и имъ особенно посвящены были колѣсницы, запряженные конями. Имена Ваала у народовъ Палестины измѣнялись, судя по тому подъ каимъ видомъ обожали солнце. Какъ источникъ плодородія и размноженія живыхъ существъ, Ваалу давали имя *Ваал-фегора* или *Ваал-неора* и поклонялись его изображенію въ видѣ приапа (индійскій *лишамъ*, см. томъ I, гл. I стр. 5). Этотъ видъ божества пользовался особеннымъ почетомъ у

моавитянъ. Служеніе ему въ капищахъ состояло изъ возмутительнѣйшихъ безчинствъ и мръзостей; гнусное изображеніе Ваала-неора и дочери моавитянъ носили на сергахъ и ожерельяхъ. Аккарониты особенно уважали *Ваал-збука* или *Вал-звукъ* (бога—мукогонителя), называемаго въ книгахъ священнаго писанія царемъ духовъ тьмы. Ему особенно молялись филистимляне въ лѣтніе жары объ истребленіи мухъ и мошекъ крайне безпокойныхъ въ знойномъ климатѣ Палестины. Наконецъ Ваала, какъ покровителя всѣхъ царствъ земнаго шара, называли *Ваал-Бериволъ*, т. е. богомъ союза.

Служеніе Астарты (буквально: *звезда*, а во множественномъ числѣ въ книгахъ священнаго писанія — *планеты*, вообще) богинѣ или царицѣ неба олицетворенной луною или планетою Венера — было неразлучно съ поклоненіемъ Ваалу. Куниръ ея изображалъ женщину съ рогами телца, а приношенія ей состояли изъ ладону, мучныхъ лепешекъ и вина. Кромѣ алтарей Астарты священны были рощи, въ которыхъ совершались празднества, запечатлѣныя страшнымъ цинизмомъ. Дѣвственницы и юности въ жертву Астартѣ приносили свою невинность, продавая ласки свои за деньги, которые послѣ отдавали жрецамъ на содержаніе капища. Жрецы Астарты татуировали себя, накалывая на рукахъ изображенія древесныхъ вѣтвей; на празднествахъ они плясали, рѣвѣли, обсыпались и при этомъ дѣлали себѣ надрѣзы на тѣлѣ. Филистимляне приносили въ храмы Астарты оружіе и головы своихъ враговъ. Такъ по сказаніямъ первой книги Царствъ, оружіе Саула было отнесено филистимлянами въ храмъ Астарты, а тѣло его было повѣшено на стѣбѣ Вео-сана (1 кл. Цар. гл. XXXI, ст. 10, 11).

— *Дягонъ*, богъ филистимлянъ, о которомъ особенно часто упоминаетъ священное писаніе, былъ богомъ плодовъ земныхъ и ихъ размноженія, что по толкованію комментаторовъ доказываетъ его имя, на финикійскомъ языкѣ означающее *миссицу*. Толкованіе это, впрочемъ, довольно сомнительно, такъ какъ имя бога, могло происходить отъ еврейскаго *дагъ* — рыба и самый куниръ Дягона изображалъ челоука съ рыбьимъ хвостомъ. Сдвинувшій его храмъ, находившійся въ Галъ, былъ разрушенъ Сампсономъ.

Служеніе Ваал-тору и Астартѣ, т. е. развратъ, обложенный въ

(1) См. книга Бытій. гл. XIX, ст. 31—38.

(2) О божествахъ евро-финикійскихъ мы поговоримъ подробнѣе въ послѣдующихъ главахъ: здѣсь упоминаемъ только о тѣхъ изъ нихъ, которымъ поклонялись народы Палестины.

религиозную форму, имѣлъ при всей своей мерзости ту пользу, что его послѣдствіемъ было размноженіе людей; по что сказать о поклоненіи *Молоху*, верховному божеству аммонитянъ? Въ жертву чудовищному идолу Молоха (вѣдному изваянію человѣка съ воловьей головой и вытянутыми впередъ руками) приносили младенцевъ⁽¹⁾. Ихъ клали въ руки идола и разводили костеръ у его подножія: струи пламени будто огненные языки лизали и опалили младенцевъ, которые наконецъ, скатывались въ огонь. Былъ еще другой родъ идоловъ Молоха, состоявшихъ изъ громадныхъ печей съ семью отдѣленіями въ видѣ шкафовъ: въ первое клали муку, во второе забирали живыхъ голубей, въ третье — овецъ, въ четвертое — оленя, въ пятое — телца, въ шестое — быка, въ седьмое — ребенка. Независимо отъ жертвоприношеній, аммонитяне при празднествахъ *проводили длгтей сквозь огонь костровъ*, для очищенія. Между этими празднествами и служеніемъ Мноры въ Персін (см. томъ III, гл. XXVІІ, стр. 237) существуетъ весьма близкая связь; различіе только въ томъ, что Мнора былъ символомъ планеты Сатурнъ, планеты злойшей, смертоносной, для умилоушенія которой безумные язычники жгли дѣтей. Объ *Адонисѣ* или *Θαμνιστѣ*, *Деркетѣ*, *Маріѣ* (Юпитеръ) мы поговоримъ подробно при обзорѣ религій Сиро-Финикій, теперь же изъ божествъ языческихъ племенъ Палестины назовемъ *Хамоса* (въ которомъ не трудно отгадать египетскаго Аммона); *Ремфаана* (планету Сатурнъ); *Нерала*, бога огня кутицевъ; *Хаманина* (Солнце), *Ашилму* (Козла, Пана, Мендеса) емаевъ; *Нивгаза* и *Туртака* (Тифона) аввийцевъ; *Адрласелега* и *Аналегега* (Луна и Солнце) сепаримцевъ, которымъ они приносили въ жертву своихъ дѣтей⁽²⁾.

Кромѣ служенія планетамъ и идоламъ жители Палестины поклонялись бѣсамъ (*Шедимъ*) и сатирамъ (*Сеуриамъ*), жителямъ пустынь Мертваго моря. Почитателямъ послѣднихъ

называли *Азаселя* и представляли его себѣ точно такъ же какъ и греки, своихъ сатировъ — въ видѣ рогатаго, одѣлага шерстью человѣка на козыхъ ногахъ. Вѣрованіе въ этихъ таинственныхъ жителей пустыни донынѣ сохраняется между жителями Курдистана и Месопотаміи, утверждающими будто сатиры и пустынные бѣсы особенно часто встрѣчаются на развалинахъ Вавилона и Ниневіи.

Жрецы или волхвы (*Когены*) языческой Палестины, раздѣлялись на нѣсколько разрядовъ, смотря по важности идоловъ и служебнымъ своимъ обязанностямъ. Между ними были *вызыватели усонитъ*; *заклинатели змѣй* (⁽¹⁾), гадавшіе по движеніямъ этихъ пресмыкающихся (*Обб*); гадатели по движенію и омертанію облаковъ (*Мекастефила*); гадатели по внутренностямъ жертвъ (*Коусимилъ*) и чревоѣдатели (*Идеонилъ*). Кромѣ капищъ, храмовъ и священниковъ лѣсовъ язычники Палестины воздвигали своимъ богамъ на горахъ алтари и жертвенники, называемые *Валовъ*.

(¹) О нихъ упоминается въ LVII псалмѣ, ст. 5 и 6 «... какъ ядъ змѣи, какъ слухаго аспіда заграждающаго ухо свое. Который не слышитъ словъ обаятеля, заклинателя искуснаго въ заклинаніяхъ».

(1) Идолъ Молоха съ воловьей головой послужилъ гренамъ тѣмою для сочиненія басни о Минотаврѣ, поправшемъ дѣвѣ и коношѣ.

(2) IV кн. Цар., гл. XVII, ст. 30—32.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ.

Изъяснение иудеевъ по возвращеніи ихъ въ землю обѣтованной. — Служеніе Астартъ, Астароту, Ваалу и Ваалвернеу. Жртвоприношеніе Гифоаи. — Милх и ея идола. — Паденіе ковчега Божія филистимлянами. — Паденіе идола Дагона. — Бидствіе страны. — Золотые сляки нажеженныхъ паростовъ и полевыхъ мышей. — Саулъ. — Аздорская болѣшевица и тѣль Самуила. — Дѣйствіе одуряющихъ ядовъ на организмъ. — Саломонъ. — Золотые тѣлца Геровама. — Аса. — Иосафатъ. — Ахазъ. — Іосія. — Казнь язычниковъ. — Ахазъ и Іезовель. — Пророкъ Ілія. — Состязаніе его съ змѣецами Ваала. — Ихъ казнь. — Частое отсутствіе древнихъ иудеевъ. — Постепенное измѣненіе народнаго изъ характера. —

Изъясненіе, иудейство, христіанство.

О возвращеніи израильтянъ въ обѣтованную землѣ, ихъ войнахъ съ тамошними народами, о началѣ царства іудейскаго, его расширеніи и покореніи иноплеменниками мы поговоримъ подробно въ исторіи *иудаизма*. Предметъ настоящаго нашего обзора: столкновенія израильтянъ съ язычниками и случаи отсутствія первыхъ отъ закона Моисея.

Послѣ кончины пророка, во главѣ народа всталъ новый избранникъ божій *Иисусъ Навинъ*, подъ предводительствомъ котораго израильтяне перешли чрезъ Іорданъ и вступили въ протораго Палестину, овладѣли Герихономъ, землею царя Гайскаго, поработили аморіевъ и завоевали наконецъ всю землю обѣтованную, разжеванную на удѣлы между двѣнадцаты колѣнами Израиля. Предсмертнымъ завѣтомъ Иисуса Навина было отреченіе израильтянъ отъ чужихъ боговъ и служеніе Единому истинному (1), не смотря на это, вскорѣ послѣ его смерти сыны Израи-

левы стали служить Астартъ, Астароту и богамъ окрестныхъ народовъ и предавъ ихъ. Господь въ руки *Елени* царя моавитскаго и сѣмъ владѣлъ ими осмнадцать лѣтъ (1). Это иго свергнуто было судьей *Аодомъ*; но тѣмъ не менѣе израильтяне сдѣлались снова данниками *Лавина*, царя ханаанскаго; потомъ, мадьянскія, отъ которыхъ народъ божій былъ освобожденъ *Гедеономъ*. Послѣ его смерти сыны Израиля обратились къ Ваалу и Ваалвернеу (2). Послѣ *Иаира* число идоловъ умножилось богамъ арамейскими, сидонскими, моавитскими, аммонитскими и филистимскими. Жртвоприношеніе *Гифоаи*, который въ благодарность Богу за побѣду, одержанную надъ аммонитянами, возвелъ на костеръ свою дочь, служить доказательствомъ, что тогда у израильтянъ существовала даже этотъ гнусный обычай перенитий у язычниковъ. *Милх* житель горы Ефремовой отливъ серебрянаго кумира, сдѣлалъ *ефодъ* и *терафиновъ*, и одного изъ своихъ сыновей сдѣлалъ священникомъ своей домашней молебни, присоединивъ къ нему левита, котораго пригласилъ за годовое жалованье. Израильтяне изъ колѣна Данова отлили у *Михи* серебрянаго идола. Богослужебны принадлежбны и левита, основали новый городъ, въ которомъ поставили истукана и поклонились ему, въ то самое время, когда истинный домъ божій — *скиніи завѣти* находилась въ Сидонѣ (3). Такимъ образомъ во все продолженіе періода, судей израильскихъ видѣтъ отсутствіе, идолослуженіе и наконецъ, вопреки закону Моисееву — образованіе секты, представляющей пеструю смѣсь идолослуженія съ обрядами иудаизма. Единственнымъ блюстителемъ чистоты завѣта божія, былъ пророкъ *Салулъ*. Въ одну изъ битвъ съ филистимлянами израильтяне были разбиты на голы, а ковчегъ божій былъ взятъ неурядителами въ плѣтъ и перенесенъ изъ Авенсера въ Азотъ, гдѣ его поставили въ храмѣ рядомъ съ идоломъ Дагона. На слѣдующее утро, жители Арта напли кумира своего лежащимъ ля-

(1) Кн. Иисуса Навина, гл. XXIV, ст. 20—23.

(1) Тамъ же, гл. XXIV, ст. 36, кн. Судей, гл. II, 12; III, 6—7.

(2) Судей, гл. VIII, ст. 33—35.

(3) Кн. судей, гл. XVII, ст. 1—43 и гл. XVIII, ст. 1—31.

цель къ землѣ предѣ ковчегомъ Господнимъ. Они поставили истукана на прежнее его мѣсто, но утромъ на слѣдующій день онъ опять пайдеитъ бытъ на полу, голова же его, руки и ноги отрубленные лежали на порогѣ храма. „По сему“ сказано въ первой книгѣ Царствъ (гл. V, ст. 5) „жрецы дагоновы и всѣ приходящіе въ капище Дагона въ Азотъ, не вступаютъ на порогъ Дагоновъ до сего дни (а переступаютъ чрезъ него).“ Вслѣдъ за этимъ чудомъ, Господь поразилъ жителей Азота мучительными накожными наростами, а на поля ихъ посѣлалъ неликое множество мышей. Рассказывая въ святотатствѣ, азотяне отправили божій ковчегъ въ Геетъ, но и тамъ обнаружилась та же накожная эпидемія. Жители Аскалона при перенесеніи къ нимъ ковчega, пораженные ужасомъ, видѣли въ немъ вѣстника общей гибели, и предчувствія не обманули ихъ: тѣла жителей покрылись наростами, а поля ихъ безчисленнымъ множествомъ мышей. Семь мѣсяцевъ пребывавшій ковчегъ въ землѣ филистимской былъ семью мѣсяцами болѣзней, голода и всеобщаго отчаянія. Жрецы и пририцатели, на вопросъ филистимлянъ какъ отпустить ковчегъ Божій въ прежнее его мѣсто отвѣчали, что него прежде слѣдуетъ привести ему жертву повинности въ видѣ отлитыхъ изъ золота пяти полевыхъ мышей и пяти золотыхъ же слѣзкомъ съ накожныхъ наростовъ (*). Ковчегъ вмѣстѣ съ этими приношеніями былъ поставленъ на колесницу, запряженную двумя первородными коровами, которыя прибыли съ нимъ сперва изъ Венамистъ, а потомъ въ Киріаотаримъ. Послѣ этого израильтяне отступились отъ служения идоламъ и обратились къ единому Богу (**).

Саулъ, помазанный на царство пророкомъ Самуиломъ (1119 г. до Р. X.) изгналъ изъ своихъ владѣній волшебниковъ и гадалей, однако же вслѣдствіи самъ, во время войнъ съ филистимлянами, гадать *чрезъ уримъ* и совѣщался съ аздорской волшебницей, вызывавшей ему тѣнь Самуила. Царь переодѣтый пришелъ къ ней, но когда былъ узнавъ ею, то далъ слово, что

она не будетъ въ отвѣтъ за свое чародѣйство. Изъ сказаній Священнаго Писанія (первая кн. Цар., гл. XXVIII) о явленіи тѣни, можно понять, что волшебница дѣйствовала посредствомъ какого-то одуряющаго курева. Испуганный видѣніемъ и услышаннымъ изъ устъ его пророчествомъ о близкой своей гибели Саулъ лишился чувствъ и силъ, которыя однако же возвратились къ нему, *когда* по предложенію волшебницы *онъ поѣлъ мяса и хлеба*.

Въ одной старинной книгѣ о чудесахъ бѣлой и черной магии мы нашли рецептъ приготовления курева для вызыванія тѣней усопшихъ и наставленія о всѣхъ приемахъ, которыми обуславливается успѣхъ опыта. Послѣдній можетъ быть удаченъ только тогда, когда пациентъ истощенъ продолжительной діетой, а въ самый день эксперимента не вкушалъ никакой пищи. По окончаніи опыта, напротивъ, непременно *слѣдуетъ закусить* во избѣжаніе послѣдствій весьма губительныхъ для здоровья. Саулъ изуренный голодомъ, полупомѣшанный, удрученный грустными предчувствіями во всемъ своемъ организмѣ представлялъ самые благоприятные задатки для успѣшнаго опыта и для морочившей его аздорской волшебницы былъ самымъ подходящимъ субъектомъ. Прізракъ Самуила, хотя и говорившій Саулу отъ имени божія, былъ сновидѣніемъ на яву, отголоскомъ совѣсти и собственныхъ предчувствій несчастнаго Саула.

Съ воцареніемъ *Давида* (1097 г. до Р. X.), который возмелъ свое царство на высокую степень славы и могущества, водворилось истинное богопочитаніе и служеніе идоламъ на время исчезло. Говоримъ „на время“, потому что сынъ и преемникъ Давида, *Саломонъ* (1030 л. до Р. X.), стротель храма іерусалимскаго, въ послѣдніе годы жизни окруженный наложницами язычницами, совратился съ истиннаго пути и впалъ въ идолопоклонство. Онъ сталъ служить „мерзостямъ“ Астарты и Милхома, построивъ капища Хамосу и Молоху (*). Раздѣленіе монархіи Саломона между его сыновьями *Ровоамомъ* и *Іеровоамомъ* (999 л. до Р. X.) на царства *іудейское* и *израильское*,

(*) Первая кн. Цар., гл. VI, ст. 2—10.

(**) Тамъ же, гл. VIII, ст. 2, 3, 4.

(*) III кн. цар. гл. XI ст. 1—8.

ИСТОРИЯ РЕЛИГИЙ. Т. IV.

было неомыслимым признаком близкаго паденія обоихъ государствъ и ихъ порабощенія иноплеменниками. За разъединеніемъ политическимъ не замедлило разъединеніе религіозное. Храмъ іерусалимскій, въ который стекались сыны Израиля обоихъ царствъ въ одну дружную семью быть помѣхою властолюбивымъ замысламъ Іеровоама и недостойный впускъ Давида не задумался надъ принесеніемъ въ жертву своей политикѣ вѣры пророковъ. Онъ отдалъ двухъ *золотыхъ тельцовъ* и повелѣлъ израильтянамъ поклоняться имъ вмѣсто единого Бога, поставивъ одного въ Веоилѣ, а другого въ Данѣ. Богослужебные обряды идоловъ совершались по примѣру обрядовъ храма іерусалимскаго и праздники бездушныхъ истукановъ въ Веоилѣ по царскому повелѣнію были установлены въ одинъ день съ праздникомъ Господу Богу въ Іерусалимѣ. Примѣру брата послѣдовали и Ровоамъ въ своемъ іудейскомъ царствѣ, и въ угоду своей матери аммонитикѣ *Нааилѣ* устраивалъ жертвенники на горахъ, ставилъ идоловъ, насаждалъ священныя рощи. Изъ книгъ ветхаго завета видимъ впрочемъ, что въ царствѣ іудейскомъ еще сохранялось истинное богопочитаніе въ то время, когда цари израильскіе косили въ грубѣйшемъ идолопоклонствѣ. *Аса*, царь іудейскій, преемникъ Аніа (979 г. до Р. Х.), ревни о возстановленіи закона Моисеева, отвергъ идоловъ; мать свою *Ану* лишилъ званія царицы за то, что она сдѣлала негуканъ Астарты, котораго онъ изрубилъ и сжегъ у потока Кедрона (*). Преемники его: *Іосифатъ*, въ особенности же *Іудъ* усердно искореняли язычество въ Палестинѣ. Послѣдній пригласивъ на праздникъ всѣхъ жрецовъ Ваала приказалъ ихъ перерѣзать, идоловъ сечь, а капище превратить въ мѣсто пещистоты... и при всемъ этомъ самъ продолжалъ поклоняться золотымъ тельцамъ! *Іосафъ*, *Амасіа*, *Азарія*, *Озіа*, *Іосафатъ* — „творили удобное въ очахъ Господнихъ,“ какъ сказано о нихъ въ писаніи, но при *Ахазѣ* возникло опять идолослуженіе въ царствѣ іудейскомъ съ прежнею силою. Опять появились идолы, капища, священныя рощи, самъ царь проходилъ сына своего черезъ огонь и во многомъ неспасалъ и не-

реиначилъ обряды, заповѣданные Моисеемъ народу божію. Изъ предшественниковъ *Седекіа*, при которомъ царство іудейское покорено было Навуходоносоромъ (609 л. до Р. Х.), назовемъ *Езекиа* и *Іосіа* ревностныхъ возстановителей древняго благочестія. Іосіа отставилъ жрецовъ служителей Ваала, солнца, луны, созвѣздія: вынесъ Астарту изъ дома Господня за Іерусалимъ, сжегъ ее у потока Кедрона и золу развѣлъ на кладбищѣ. Онъ же разрушилъ дома блудилщныя, бывшіе при храмѣ Господнемъ, гдѣ жепщины ткали одежды для Астарты; разрушилъ жертвенники на горахъ; запретилъ проводить дѣтей черезъ огонь въ честь Молоху; отменилъ копей посвященныхъ солнцу и сжегъ посвященные ему колесницы; вырубилъ дубравы, разрушилъ капища и возстановилъ повсемѣстно празднованіе Пасхи, котораго не соблюдали израильтяне со времени судей и во все продолженіе періода царствъ (*).

Царство израильское отъ самого своего основанія до порабощенія ассирійцами при *Осіа* (въ 739 г. до Р. Х.) оставалось гнуснѣйшимъ вертепомъ идолослуженія и вѣхъъ жерзостей сопряженныхъ съ его обрядами. *Ахавъ*, женатый на *Іезавелі*, дочери Боваала цари сидонскаго, поставилъ жертвенникъ Ваалу въ Самаріи и посвятилъ этому богу дубраву. Жена цари — не женщина, а какое-то чудовище распутства и нечестія, преслѣдовала, потребовала жрецовъ закона Моисеева и содержала на свой счетъ 450 волхвовъ Вааловыхъ и 400 волхвовъ дубровныхъ; народъ ревностно служилъ идоламъ. Поборниковъ истины явился тогда святыи пророкъ *Иліа*, назвавшій языческихъ жрецовъ на состязаніе, исходъ котораго долженъ былъ рѣшить, Ваалу или Богу одному долженъ былъ поклоняться народъ израильскій? Языческіе жрецы положивъ на жертвенникъ тельца тщетно призывали Ваала, умоляя его зажечь дрова и испепелить жертву; тщетно скакали они у жертвенника ожидая чуда. Огонь сошелъ съ неба на жертвенникъ, сооруженный пророкомъ Іліею и поглотилъ дрова, жертву, камни и прахъ, не смотря на то, что на нихъ вылило было четыре ведра воды. Тогда языческіе жрецы по повелѣнію Іліа были заколоты

(*) Тамъ же, гл. XV ст. 12, 13.

у потока Киссона (¹). *Оаозин*, сын Ахава, во время своей бо-
лѣзни отправилъ пословъ въ капище *Везишевула* божества ак-
каронскаго для совѣщанія съ оракуломъ, и за это услышалъ свой
смертный приговоръ изъ устъ Илиіи пророка...

Изъ всѣхъ вышеприведенныхъ фактовъ явствуетъ, что народъ
израильскій — отъ вступленія своего въ землю обѣтованную до плѣ-
ненія вавилонскаго — постоянно спрашивался съ истиннаго пути и
выпадалъ въ идолопоклонство. Отъ извѣдья закона Моисееву во
всѣхъ тѣхъ случаяхъ когда входилъ въ мирныя или враждебныя
снотенія съ сосѣдними языческими царствами; причинами отступ-
ничества израильтянъ были ихъ родственныя связи съ дочерьми
иноверцевъ, или страхъ и рабство передъ иноплемениками
поработителями. Эта патность и извѣстность убѣжденій исчезла
однако же съ вѣками и въ древности слабый характеръ племени
еврейскаго мало по малу закалился въ желчи безысильной злобы, въ
слезахъ страданія и въ крови истязаній. Царь Саломонъ мудрый
и могущественнѣйшій изъ всѣхъ государей своего времени, на
старости лѣтъ въ угоду своимъ наложищамъ, отступилъ отъ
служенія Іеговъ и воскурилъ огнемъ Астартъ и Молоху, т. е.
другими словами, отвернулся отъ правды и обратился ко лжи;
этому гибельному примѣру послѣдовали, за немногими исключеніи-
ми, его преемники... Прошли вѣка; потомки подданныхъ Соломо-
на сдѣлались рабами римлянъ, затѣмъ разбѣгавшіе по лицу земли
безпріютныя скитальцы, сдѣлались они рабами жителей всѣхъ тѣхъ
странъ, гдѣ только находили себя пришельцы... Презираемые язы-
чниками, магометанами, христіанами, они тысячами гибли на ко-
страхъ инквизиціи, подъ мечами рыцарей-крестоносцевъ, подъ ята-
ганами турокъ, подъ саблями пашахъ православныхъ гайдамаковъ
и, при всѣхъ томъ, немногіе изъ нихъ рѣшались выкупать жизнь
свою цѣною отступничества отъ вѣры праотцевъ. Твердость без-
спорно геройская, но совершенно неумѣстная — въ отношеніи къ
ученію христіанскому, которое, сравнительно съ закономъ Моисе-
евымъ тоже, что въ свою очередь законъ Моисеевъ въ сравненіи
съ язычествомъ или — выражаясь точнѣе: язычество — *ночь*, иудей-

ство — *разсвѣтъ*, христіанство *день*, ясный, свѣтлый, огаренный
Солнцемъ Правды!

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Сирія. — *Мелехи.* — *Историческія судьбы страны.* — *Древоны-
ше ея раздѣленіе.* — *Области и главнѣйшіе города.* — *Рыки
Кадиснагъ и Адонисъ.* — *Ливанскіе кедръ.* — *Божества Си-
ріи.* — *Дернство.* — *Рыбы и глубли.* — *Причины запрещенія
рыбной пищи въ Сиріи.* — *Басня о Сепирамидѣ.* — *Созвѣз-
дія.* — *Мелехи.* — *Моаизинъ.* — *Марта.*

Сирія, нынѣшняя область Азіатской Турціи, въ составъ кото-
рой вошла и древняя Финиція, состоящая изъ четырехъ пашалыковъ:
Амелискаго, Триполійскаго Акрескаго и Дамаскаго
называлась въ глубочайшей древности *Арамъ*, состояла тогда
изъ многихъ царствъ одно отъ другаго независимыхъ и управ-
ляемыхъ *мелехами* (государями). Эти мелехи (¹) вели жесто-
ченныя войны съ іудеями, особенно при царяхъ Саулъ, Давидъ
и Соломонъ. То побѣдители, то побѣжденные, сирійскіе мелехи
при пораженіи царствъ израильскаго и іудейскаго ассириянами
и Навуходоносоромъ вавилонскимъ сдѣлались данниками сперва
однихъ, потомъ другаго и владѣнія ихъ вошли въ составъ об-
ширной вавилонской мовархіи. При завоеваніи послѣдней Киромъ,
Сирія превратилась въ область царства персидскаго; тамъ вы-
стъ съ нимъ сдѣлалась добычею Александра Македонскаго и толь-
ко черезъ двадцать одинъ годъ послѣ его смерти, въ 302 г.
до Р. X. изъ нея образовалось могучее и независимое царство
селевкидовъ, въ 69 г. до Р. X. покоренное римлянами... Въ
540 г. по Р. X. Сирія была завоевана Хозроемъ персидскимъ;

(¹) Подобно вавилонскому саръ, слово мелехъ, какъ видно изъ
чтенія священнаго писанія, соединялось съ собственными именами ца-
рей сирійскихъ, въ видѣ придаточной частицы впереди или сзади име-
ни. Напримѣръ: Мелхи-селекъ, Ани-мелехъ, Ара-мелехъ и т. д. Соб-
ственное имя еврейское. Мелхъ или Малхъ, заимствованное у сирій-
цевъ въ переводѣ значить — царь, подобно греческому Василій.

въ 633 году—аравитянами, а затѣмъ переходила изъ рукъ въ руки завоевателей востока: крестоносцевъ 1096 г., а послѣ нихъ турокъ, при Саладинѣ. Этотъ длинный, безконечный рядъ политическихъ переворотовъ не могъ не отразиться на религии сирійцевъ. Сабизъ, которому они слѣдовали въ древности, перешелъ при селевкидахъ въ полиеизмъ сперва греческій, потомъ римскій; учение Евангельское, сначала встрѣченное въ Сиріи съ глубокимъ сочувствіемъ, нашло тамъ же и яростныхъ противниковъ изъ ливъ великаго множества ересей архонъ... однимъ словомъ, всѣ религии древняго и новаго міра находили и находятъ въ Сиріи послѣдователей и противниковъ, слѣдствіемъ чего являлись и являются распри и усобицы донынѣ потрясающія эту неутомимую страну. Какъ будто вторя волненіямъ политическимъ, надъ Сиріей отъ глубочайшей древности тяготѣютъ два бича божіихъ: наводны саранчи и землетрясенія, донынѣ обращающіе въ нѣсколько часовъ плодородныя вѣвы въ голыя степи, а города—въ груды развалинъ.

Въ древности Сирія раздѣлялась на *верхнюю*, заключающую въ себѣ сѣверныя области до горъ Ливанскихъ, и *нижнюю*, южную, или, какъ ее называли—пустую (полую): Келесирию. При завоеваніи этой страны Александромъ Македонскимъ она была раздѣлена на четыре области: Антиохію, Селевкию, Анамею и Лаодикею; но, при селевкидахъ Сирія состояла изъ слѣдующихъ десяти провинцій:

1) *Коммисена*, съ городами Самосатомъ, Германніей и Антиохіей при Таврекой (нынѣ Анатакія). 2) *Киррестика*, съ Геранолисомъ (Бамбикю), Мабогонъ, въ которомъ находились храмы солнца и луны, привлекавше изъ всѣхъ окрестныхъ странъ богомольцевъ (*зеунта*); и Берсею (Алеппо). Послѣдній городъ отъ глубочайшей древности пріобрѣлъ печальную извѣстность спиритической въ немъ народной болѣзнію, называемой европейцами *прищелью*, а туземцами—головнымъ вередомъ (*жабаб-эль-сенъ*). Причину этого недуга приписываютъ водѣ находящимся близъ города источниковъ Хаялонъ. Эпидемическая навозная болѣзнь, которую Господь покаралъ филистимлянъ за лѣзненіе ковчега (см. выше гл. XI, стр.), была, безъ сомнѣнія, этотъ самый адепскій прищель. 3) *Перрія* съ городомъ Миріандромъ впоследствии

Александреттою (нынѣ Искендерунъ). Этотъ городъ донынѣ славится во пернхъ, ручными голубями, посредствомъ которыхъ еще не очень давно поддерживались почтоныя сообщенія съ Алеппо; во вторыхъ гостепріимствомъ окрестныхъ жителей, простирающимся со стороны женщинъ до забвенія стыда и страстнаго самоубійства. Голуби Искендеруна потомки птицъ священныхъ для древнихъ сирійцевъ, а перилличныя ласки женщинъ гостямъ—остатокъ древняго обычая страны или, вѣрнѣе сказать, обряда служенія богинѣ Астартъ. 4) *Селевкида*, съ городомъ Селевкиею. 5) *Каллицидика* съ Хальдисомъ и Акрою (Арко). 6) *Халибонитида* съ городами Халибономъ и Фансакомъ. 7) *Пальмира*, въ древности Фадморъ, основанный Соломономъ, царство Зиновій, покоренное римлянами при Аврелианомъ (272 г. по Р. Х.). Развалины Пальмиры и города Геліополиса находятся нынѣ близъ Бальбека и Дамаска. Ни время, ни политическіе и геологическіе перевороты не могли уничтожить и стереть съ лица земли этихъ развалинъ, имѣющихъ полное право на почетное прозвище совершенна древняго зодчества. Портикъ храма солнца съ великолѣпною колонадой близъ Бальбека, еще въ теченіе многихъ вѣковъ будетъ предметомъ удивленія каждаго, мало мыслски одареннаго эстетическимъ тактомъ и сочувствіемъ къ изысному. По отзывамъ путешественниковъ древнихъ и новыхъ времени; видѣвшихъ храмы Пальмиры въ полномъ ихъ блескѣ и въ разныхъ степеняхъ разрушенія, эти зданія по красотѣ не имѣютъ себѣ подобныхъ. 8) *Лаодикея* съ городомъ Рамидою, переименованнымъ Селевкомъ Никаторомъ въ Лаодикею (нынѣ Латакія). 9) *Аномена* (Фаміа) съ Эмезою (Хеисъ), въ которой находился знаменитый храмъ Ваала. 10) *Антиохія* съ городомъ того же имени и Дафною, прославленной свѣщенной лавровой рощею и храмомъ Аполлона, сдѣлавшимся добычею пачени въ 362 г. по Р. Х.

Изъ прочихъ городовъ Тринопійскаго и Акрескаго папалыкомъ, построенныхъ на развалинахъ древнихъ городовъ: сиріо-финикійскихъ, назовемъ: *Триполи* (Тараболосъ) у подножія Ливана на рѣчкѣ *Кадемахъ* (святой), въ древности называвшейся Холусъ. Воды этой рѣки были священны для древнихъ сирійцевъ, а по-

дивимся въ ней рыбахъ они воздавали божескія почести. *Бет-руисъ* и *Джебанъ*, древніе Ботрисъ и Библосъ. Вблизи послѣдняго находится рѣка Ибрагима-паши, имѣющая свойство дважды въ годъ принимать красноватой, кровавой цвѣтъ отъ растворяющейся въ ней желѣзной окиси (охры). Этотъ феноменъ, какъ увидимъ, играетъ важную роль въ мифологическихъ сказаніяхъ о сиро-финикійскомъ божествѣ *Адонистъ*. Нынешніе *Суръ* и *Судъа* — древніе Тиръ и Сидонъ; *Байрута* — Беритъ или Беритусъ... Но что въ сравненіи съ остатками городовъ и ихъ развалинами безсмертные современники Соломона и Хирима цари финикійскаго *ливаискіе кедры*, на которые съ одинаковымъ благоговѣніемъ взираютъ магометаннѣ, еврей и христіаннѣ? Немного удѣлѣно этихъ исполиновъ растительнаго царства, отъ которыхъ выстѣтъ съ смолистымъ ароматомъ вѣетъ таинственностью, библейскимъ величіемъ, святостию; немного ихъ, но нѣтъ сомнѣнія, что ихъ еще долго пошадитъ всеокружающее время!

Изъ исторіи древней Сиріи намъ особенно любопытенъ ея первый періодъ отъ пачала первыхъ ея царствъ до основанія монархіи Селевкидовъ въ 302 г. до Р. X. Къ сожалѣнію всѣ сказанія объ этомъ періодѣ такъ тѣсно связаны со сказаніями первыхъ двухъ книгъ царствъ народа іудейскаго, что намъ пришлось бы независимо отъ протранныхъ заимствованій и выносокъ изъ Библии, впадать въ повторенія предыдущаго. Въ религіозной исторіи древней Сиріи тоже видимъ хаосъ, домыслъ еще неразъясненный и путаницу, домыслъ еще нераспутанную даровитѣйшими историками. Сирійская овогонія — цѣстрая смѣсь гѣброваній халдейскихъ, финикійскихъ и египетскихъ. На первомъ мѣстѣ видимъ неизбѣжныхъ: *Ваала* (Ваал-фегоръ, Ваал-забутъ, Ваал-гадъ то-жъ), *Молота* (Мелеха), *Аммаса* (Аммона, Хамоса), *Адона* (Адониса) *Валамуса*; *Астарту* (Астароа, Азиту, Милитту), т. е. тѣ же солнце и луну подъ разными наименованіями, которымъ поклонялись халдеи, аравитяне, жители Палестины, финикинѣ и карфагеняне, о которыхъ рѣчь еще впереди. Каждый разъ, при обзорѣ страны, поклонявшейся божествамъ своихъ сосѣднихъ царствъ, представлятъ читателю списокъ однихъ и тѣхъ же божествъ подъ разными именами, было бы невыносимо утомительно и намъ самимъ и читателямъ.

Во избѣжаніе этого, мы признаемъ всего удобнѣе упоминать только о божествахъ, особенно чувственихъ въ странѣ, о божествахъ покровителяхъ. Таковыми въ Сиріи были *Дерцето* или *Атератида* и *Моазина*, изображенный царемъ Антиохомъ въ угоду его господству и повелителямъ римлянамъ. Въ связи съ обожаніемъ первой находится уваженіе сирійцевъ къ рыбамъ и голубямъ. Не осылавшая братъ на себя ответственности передъ читателемъ, за разрѣшеніе вопроса о причинахъ обожанія Дерцето въ Сиріи — мы представляемъ на его благоусмотрѣніе слѣдующую выписку изъ превосходной исторіи *абата Банье* (*).

— Не смотря на мнѣніе многихъ ученыхъ, *Дерцето* или *Атератида* и *Астарты*, одно и тоже лице, я основываюсь на словахъ Лукіана, весьма свѣдущаго въ религіи сирійцевъ, полагаю, что между обоими божествами есть существенная разница. Утверждая, что храмъ Дерцето въ Гіермолисъ былъ построенъ Семирамидою, Лукіанъ говоритъ, что една ли Дерцето была матерью знаменитой вавилонской царицы. „Я видѣлъ въ Финикіи“ продолжаетъ онъ, „кумиръ Дерцето, изображающій женщину съ рыбьимъ хвостомъ, но влохъ храма Гіермолиса состоитъ изъ цѣлной женской фигуры.“ Брозъ Лувіана, Діодоръ Сицилійскій (кн. II, гл. 5), повѣствуетъ, что въ сирійскомъ городѣ Аскалонѣ на берегу большаго озера, изобилующаго рыбою, есть храмъ, посвященный богинѣ, называемой Дерцето. Идолъ ея состоитъ изъ рыбей фигуры съ женской головой. Причину подобнаго изображенія богини, сирійцы объясняютъ тѣмъ, что Венера, разсерженная царицею Дерцето, внушила ей пылкую страсть къ молодому красивому жрецу. Дерцето родила отъ него дочь, но до того устыдилась своей слабости, что удалила куда-то молодого жреца, дочь свою снесла въ пустыню, покрытую скалами, сама же бросилась въ озеро, гдѣ тѣло ея было превращено въ рыбу. Вотъ почему сирійцы домыслъ не употребляютъ рыбной пищи и воздаютъ рыбахъ божескія почести.

(*) Abbé Banier: la Mythologie et les fables expliquées par l'histoire. Paris, 1739 in 12 tome III. livre VII, ch. 3, pp. 47-56.
история религий. Т. IV.

Древние писатели единогласно подтверждают факт, что сирийцы не бдѣли рыбы, хотя причину тому объясняютъ очень рано. Ксенофонтъ, Діодоръ и Климентъ Александрійскій видятъ въ этомъ догматѣ религиозный; Аосней, ссылаясь на Антипатра и Мнесей говоритъ, будто сирийская царица Атергатида, очень лакомая до рыбы, запрещала своимъ подданнымъ ѣсть ее. Послѣ смерти Атергатиды, народъ причислялъ ее къ сонму божествъ, посвятивъ ей памятн. созвѣздіе (Андромеда), соорудилъ въ честь ея храмы украшенные изображеніями золотыхъ и серебряныхъ рыбъ; храмы, въ которыхъ въ жертву богинѣ приносили живую рыбу. По другимъ сказаніямъ, Держета, бросившаяся въ озеро, была спасена отъ поглотенія рыбами. Порфирій, ссылаясь на Менандра (De Abstin. lib. IV), говоритъ, что въ запрещеніи сирийцамъ вкушать рыбную пищу, была чисто гигиеническая цѣль: въ Сиріи рыбе мясо, употребленное въ пищу, производить болѣзнь печени. По прикѣру законодателей всѣхъ странъ, волхвы сирийскіе позволили гигиеническую мѣру въ религиозный догматъ (*). Дочь Держето, прижитая ею отъ жреца, была знаменитая Семирамида. Найденная пастухами, она была вскормлена женою одного изъ нихъ Симою, давшей ей имя Семирамиды, на сирийскомъ языкѣ означающее голубку. Вотъ источникъ сказки, будто царица вавилонская была вскормлена голубями, вотъ причина религиознаго благоговѣнія къ этимъ птицамъ у жителей Аскалона. Изъ множества вариантовъ на эту тему, укажемъ еще на басню, будто Семирамида родилась изъ яйца, выношеннаго рыбами со дня озера на берегъ и насыженного голубями. Такимъ образомъ, въ Аскалонѣ рыба и голуби были живыми символами божествъ и жители разводили во множествѣ тѣхъ и другихъ при храмахъ Держето.

Дагонъ филистимляны, тоже самое божество, что и Держето, только мужескаго пола.

Французскій ученый исхода мнѣвашаго столѣтія Дюпонъ, въ любопытной своей книгѣ (†) доказываетъ, что Держето сирийцевъ

и Дагонъ филистимлянъ, ничто иное какъ зодіакальное созвѣздіе рыбъ, изображенное въ видѣ идоловъ. Это предположеніе кажется намъ тѣмъ основательнѣе, что въ Сиріи каждая область почитала себя подъ покровительствомъ котораго нибудь изъ созвѣзій зодіака. Изображенія рыбъ, овна, тельца, льва, дѣвы, козерога, чаще всѣхъ прочихъ знаковъ служили украшеніями сирийскихъ храмовъ. Здѣсь кетатп представляетъ читателю сирийскія названія двѣнадцати мѣсяцевъ, начиная съ марта. Имена эти, за немногими измѣненіями, почти тѣ же, что и въ европейскомъ календарѣ: 1) *Низанъ*, 2) *Исрѣ*, 3) *Керинонъ* или *Когинъ*, начинавшійся со дня лѣтняго солнцестоянія; 4) *Оамузъ*, 5) *Объ*, 6) *Элуль*, 7) *Оисри I*, 8) *Оисри II*, 9) *Коннуз I*, 10) *Коннуз II*, 11) *Шебатъ*, 12) *Адаръ*. Сообразно вступленію солнца въ соответствующій мѣсяцу знакъ Зодіака, каждый городъ, находившійся подъ покровительствомъ послѣдняго, чествовалъ его божественными молебствіями и процессіями.

Богъ *Моазинъ*, о которомъ упоминается въ книгахъ пророка Давида, получилъ право гражданства между прочими сирийскими богами при Антиохѣ-Эпифанѣ, установившемъ служеніе Моазину, въ угоду римлянамъ, такъ какъ Моазинъ сирийскій, нѣко другой какъ римскій *Марс*. По мнѣнію нѣкоторыхъ старинныхъ комментаторовъ, кумиры Моазина изображали римскаго орла, которому поклонялись сирийцы, работавшія въ орудіяхъ побѣдителями.

Мариъ, богъ покровитель Газы у филистимлянъ пользовался великимъ почетомъ и вообще въ Сиріи. Это божество планета Юпитеръ. Въ честь его у сирийцевъ въ опредѣленные времена года бывали игры и бѣги колесницъ. Въ какомъ видѣ изображали его идоловъ положительнаго неизвѣстно.

(*) См. томъ I, гл. VII, стр. 56—58; Буддизмъ, гл. VI, стр. 220. Томъ II, гл. XI. Японія, гл. XVII, томъ III.

(†) Dupuis: Origine de tous les cultes. P. 1794 in 4 tome II, p. 231—254.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Гераполис.—Сказанія Лукіана о храмі гераполісскомъ. — Девкаліонъ. — Возстанія въ его память. — Атисъ и Рея. — Галлы-самосжигатели. — Древность скопической секты. — Битви при входѣ въ храмъ гераполісскій. — Жрецъ оракулъ. — Уявленіе скорпіономъ. — Солнце и скорпіонъ. — Символическое его значеніе. — Главные идолы. — Четыре изображенія солнца. — Идолъ автомата. — Снятый идола и его рыбы. — Пловучій алтарь. — Жертвоприношенія. — Брачный обрядъ. — Роженіе волосъ. — Замѣтки о значеніи ихъ въ религіяхъ древняго міра. — Обязанности богомольцевъ. — Исприкосновенность голубей. — Оскверненія. — Праздникъ огня. — Самобичеватели. — Кастраціи жрецовъ и ихъ пересидыванье. — Жрецы, изъ ряды и одянія. — Мерзости идолопоклонства. — Языческіе обычаи у народовъ христіанскихъ. — Погребальныя обряды.

Во второмъ вѣкѣ по Р. Х. греческій писатель *Лукіанъ* посѣтилъ Гераполисъ, бывшій тогда метрополіею сабизма въ Сиріи и со всѣмъ подробностію описалъ знаменитый храмъ этого города. Хотя религія сирійцевъ и представляла тогда странную смѣсь обрядовъ и догматовъ сабизма, полиеизма и даже іудейства, но, какъ бы то ни было, сказанія Лукіана заслуживаютъ вниманія потомства.

Гераполисъ, т. е. священный городъ или городъ таинствъ, лежалъ на берегахъ Евфрата и почитался великолѣпнѣйшимъ и богатѣйшимъ во всей Сиріи. Кумиры этого храма, кромѣ золотыхъ и серебряныхъ статуй, состояли изъ автоматовъ, двигавшихся посредствомъ силы магнетической или посредствомъ искусно скрытаго механизма: кумиры сами сходили со своихъ шедеталей, движеньями рукъ и головы отбѣгали на предлагаемыя имъ вопросы, моргали глазами, раздвигали ротъ и даже, по словамъ Лукіана, лица ихъ въ виду зрителей покрывались каплями пота. Богомольцы въ храмъ Гераполиса стекались не только со всѣхъ концовъ Си-

рии, но даже и изъ Аравіи, Финикіи, Вавилона, Каппадокіи и Киликіи. При немъ находились огромныя магазины для склада припошений, состоявшихъ изъ ароматовъ, драгоценныхъ тканей, золота, серебра, слоновой кости и т. п. Праздники отличались пышностью и торжественностью. Независимо отъ сказаній о Дерцето и Семирамидѣ, Лукіанъ слышать отъ жрецовъ, будто храмъ Гераполиса построенъ склепомъ *Девкаліономъ*, въ память освобожденія земли отъ потопа, падъ той самой развѣлиной въ землѣ, въ которую стекали воды. Въ ознаменованіе этого событія, въ храмѣ гераполісскомъ дважды въ годъ, были прииднества, состоявшіе изъ переливанія морской воды въ находящуюся въ храмѣ развѣлину на поверхности земли. Каждый богомольецъ приходилъ въ храмъ съ сосудомъ наполненнымъ водою и зачатаннымъ восковою печатью. Поклонясь алтарю онъ передавалъ свой сосудъ жрецу; тотъ по прочтеніи молитвы снималъ печать (за это получалъ съ каждаго богомольца особую плату), передавалъ сосудъ богомольцу, который выливалъ изъ нея воду въ развѣлину. По другимъ сказаніямъ, строителемъ храма былъ не Девкаліонъ, но *Атисъ*, влюбленный въ Рею или Цибеллу и за это ею кастрированный. Убѣжавъ изъ Греціи послѣ этой операціи, Атисъ скитался по Фригіи, Лидіи и Самодракіи, повсюду строя храмы и учреждая таинства въ честь своей богини. Жители Сиріи отнергли ученіе Атиса о поклоненіи Реѣ и онъ построилъ храмъ на границахъ Ассиріи, являя при немъ должностъ верховнаго жреца, хотя и одѣвался постоянно въ женское платье. Кумиръ богини изображалъ женщину, сидящую на львахъ, убѣзанную короною изъ видъ башни, съ головою окаймленную лучистымъ сіяніемъ. По примѣру Атиса, всѣ жрецы храма Рен, называвшіеся галлами, были скопками. По разрушеніи этого храма, супруга цари Антиоха сирійскаго, *Стратоника* построила на его мѣстѣ новый, назначивъ верховнымъ жрецомъ при этомъ храмѣ своего сына, оскопившагося изъ любви къ своей мацѣхъ (1). И такъ, вотъ гдѣ колыбель этого безум-

(1) Исторія говоритъ другое, Сынъ Селевкѣ сирійскаго дѣйствиительно изволился въ мачуху и вналъ въ сухотку. Лечение его греческій врачъ

наго самоистязаніи въ угоду божеству; вотъ откуда оно распространилось по древнему востоку, проишло въ Грецію, а уже изъ Греціи и къ намъ на святую Русь, гдѣ въ лицѣ раскольниковъ нашло и даже по сіе время находитъ многочисленныхъ послѣдователей.

Вопросъ о скопческой сектѣ въ Россіи, въ недавнее время (по поводу дѣла моршанскаго епископа *Платицына*) обратившій на себя общественное вниманіе, какъ намъ кажется, еще недостаточно разработанъ съ исторической точки зрѣнія. Есть нѣсколько данныхъ, довольно вѣроятныхъ, на основаніи которыхъ можно отнести начало скопческой секты къ первымъ временамъ крещенія Руси, т. е. въ X вѣку, когда предки наши вошли въ близкія, дружественныя сношенія съ Византією. Что секта скопцовъ существовала въ христіанской Греціи, въ этомъ не можетъ быть и сомнѣнія, равно какъ и въ томъ, что въ Греціи эта секта была *остаткомъ язычества*. Доказательствомъ же, что скопцы были не только терпимы въ Восточной имперіи, но занимали тамъ и у насъ на Руси высшія, не только гражданскія, но и духовныя должности, служить назначеніе въ 1089 году митрополитомъ кіевскимъ *Іоанна* скопца, за которымъ дочь великаго князя Всеволода, Лика, ѣздила въ Константинополь (1).

При входѣ въ храмъ Гераклеяскіе сооружены были двѣ высокія башни—символы Пріама (индійскій лингамъ), посвященные Юнонѣ или париялыѣ луиѣ, покровительницѣ Сиріи. Два раза въ годъ, на вершину одной изъ этихъ башенъ восходилъ жрецъ и оставаясь тамъ семь дней, изрекалъ пророчанія приходящимъ къ подножію башни богомольцамъ. Это восхожденіе совершалось въ память спасенія Девкаліона отъ потопа на вершинѣ горы. Пророчество, находившемуся на башнѣ во все продолженіе семи сутокъ, вѣнялось въ непремѣнную обязанность не смыкать глазъ,

Зрѣястра въ угатаѣ причину болѣзни, сообщилъ царю и Селевкѣ великодушное уступилъ сыну его мачиху Стратонну, на которой тотъ и женился.

(1) См. *Карамзина* Пет. Госуд. Росс. (изданіе Смирдина), томъ II, стр. 100.

подъ опасеніемъ заслушаніе быть узакленнымъ *скорпіономъ*, насѣкомымъ идовитымъ, враждебнымъ Белу или Ваалу, т. е. солнцу. Источникъ этого поверья о враждѣ скорпіона съ солнцемъ прямо заимствованъ изъ астрономическихъ наблюденій; это повтореніе символу персидскаго Мноры (см. т. III, гл. XXVII, стр. 237): тамъ скорпіонъ, являющій быка, изображалъ осень, т. е. вступленіе солнца въ знакъ скорпіона; точно такъ и въ Сиріи издревле уверено было въ то, что скорпіонъ—врагъ солнца.

Алтарь храма гераклеяскаго былъ обращенъ на востокъ и такимъ образомъ, чтобы первые лучи восходящаго солнца проникали внутрь храма. Украшенный золотомъ и драгоценными камнями, при яркомъ солнечномъ освѣщеніи храмъ производилъ на посетителя впечатлѣніе невыразимое. Воздухъ его былъ до такой степени пропитанъ благоуханіями, что они проникали ткань одеждъ богомольцевъ и очень долго изъ нея не выдыхались. Лѣтнія золоченныя украшенія храма состояли преимущественно изъ изображеній рыбы, овецъ, быковъ и львовъ (символы весеннихъ и лѣтнихъ мѣсяцевъ). Идолы солнца, кромѣ главнаго (котораго Лукіанъ называетъ *Юпитеромъ*), было великое множество. Между ними были: *Аммонъ*, *Аполонъ*, *Бахусъ* и *Девкалионъ* (солнце весеннее, лѣтнее, осеннее—способствующее созрѣнію плодовъ и оно же иссушающее воду). Кукуруза *Юноны* (луны) съ прялкою и скипетромъ въ рукахъ, отлитый изъ чистаго золота, былъ кромѣ того украшенъ дѣвятидцатью драгоценными камнями, изъ которыхъ каждый соотвѣтствовалъ одному изъ дѣвятидцати мѣсяцевъ. Полную луну изображали статуи женскія, но первую и четверть и ущербъ олицетворяли фигуры мужскія. Одинъ изъ идоловъ Аполлона былъ автоматъ и вмѣстѣ съ тѣмъ оракулъ. Эта кукла сидѣла на тронѣ и въ извѣстные праздничные дни мотала головою жрецамъ, какъ бы подзывая ихъ къ себѣ. Если они медлили, кукла сама вставала со своего трона, причежь лице ея покрывалось потокомъ; когда же жрецы брали ее на плечи она сама подталкивала ихъ или *показывала рукою въ ту сторону куда она шла шествовать*. Богомольцы, чрезъ верхняго жреца задавали автомату вопросы. Утвердительный отвѣтъ состоялъ въ томъ, что кукла подталкивала своихъ носильщиковъ, *оста-*

вантъ висящую въ воздухѣ (!). Кроме этихъ идоловъ, Лукіанъ видѣлъ въ храмѣ статуи почти всѣхъ боговъ Греціи, божества и статуи жрецовъ, царей, царицъ — и въ числѣ послѣднихъ статую Семипрамиды.

Во дворѣ храма содержалось множество лошадей, овецъ, быковъ и ручныхъ оленей посвященныхъ солнцу и луиъ. Неподалеку была *священный прудъ* съ разведенными въ немъ рыбами, которыя вслывали на голоса жрецовъ, окликавшихъ этихъ рыбъ, каждую по данному ей имени. По срединѣ пруда, на видѣ островка изъ цвѣтовъ съ постоянно курящеюся благоухающими жаровнею находился *пловучій алтарь*, на который богомольцы клали въ немъ, достигая до него влады. Разъ въ годъ къ священному пруду изъ храма отправлялись торжественныя процессіи, въ которыхъ несли всѣхъ идоловъ. Впереди всѣхъ прочихъ несли идола Юноны, покровительницы рыбъ. „Если бы“ — объясняли жрецы Лукіану — „наши рыбы когда нибудь прежде богини увидѣли Ваала, то непременно бы непременно.“ Въ этомъ повѣртіи опять была частичка правды: въ знойное лѣтнее время, особенно подъ палицами лучами солнца восточныхъ странъ, рыба засыхаетъ и такъ же вступленіе солища въ созвѣздіе рыбъ совпадаетъ съ наступленіемъ весны. Такимъ образомъ (какъ мы уже говорили) во всѣхъ древнихъ царствахъ, въ которыхъ исповѣдывали сибизмъ, каждый праздникъ былъ символическимъ изображеніемъ явленій астрономическихъ.

Въ храмѣ гираполискомъ дважды въ день совершалась жертвоприношенія солнцу и луиъ, т. е. Юпитеру и Юнонѣ; въ первомъ случаѣ при обрядѣ наблюдалось строжайшее безмолвіе; во второмъ, напротивъ, обрядъ сопровождался музыкой, пѣніемъ и плясками. Въ жертву приносили быковъ, овецъ, козловъ и лошадей. Приноситель вель жертву свою къ алтарю, украшенному цвѣтными гирляндами: жрецъ, зарѣзавъ ее, жаривалъ мясо на огнѣ алтаря, голову же и копыта клалъ на голову колѣнопрестолениому приносителю, послѣ того жаркое разрывалось на куски и раздава-

лось всѣмъ присутствовавшимъ. Кроме закланія были еще другой способъ убіенія жертвы; ее стаскивали или сбрасывали съ высокой наперти храма. Иногда вмѣсто быка къ алтарю подводили на закланіе раба, завернутого въ полую кожу; при этомъ видѣ жертвоприношенія, приносившій раба обязанъ былъ говорить: „это быкъ, а не человѣкъ!“ Помимо этихъ жертвоприношеній юноши и дѣвственницы, вступая въ брачный союзъ, стригли себѣ волосы и клали ихъ на алтари какъ приношенія Астартъ (Юнонѣ, луиъ). Изъ сказаній греческихъ историковъ видимъ, что мужчины въ языческой Сиріи не стригли себѣ волосъ отъ самаго рожденія до бракосочетанія; таковъ былъ законъ, которому слѣдовали неуклонно. При этомъ нельзя не припомнить библейскаго сказанія о *Саломѣ* (Кн. Суд., гл. XVII ст. 17, 18) и о чудесной, таинственной зависимости его необыкновенной силы отъ его волосъ, силы уничтоженной пожницами коварной Далилы. Не существовало ли тогда обыкновеніе и между парайтанами не стричь дѣтей мужскаго пола до ихъ совершеннолѣтія или до вступленія въ бракъ? Здѣсь, кстати, обращаемъ вниманіе читателя на важную роль, которую играли волосы почти во всѣхъ религіяхъ древняго востока, въ среднѣвѣковомъ европейскомъ язычествѣ, магометанствѣ, іудействѣ, даже въ христіанствѣ. У насъ при Петрѣ Великомъ, раскольники за свои Сороды жертвовали головами, и въ этомъ случаѣ не далеко отступали отъ магометанъ, для которыхъ борода неприкосновенная святость. Пейсмъ у мужчинъ и бритыя головы у замужнихъ женщинъ предписаны законами Моисеевыми. Повинуясь заветамъ Брами и Кунгъ-фу-си брить себѣ головы индусы и китайцы. У многихъ африканскихъ и американскихъ племенъ, у дикихъ островитянъ всего земнаго шара причеши замиляютъ европейскія вѣшніе знаки отличія и власти. Бритье головъ сылаемыхъ въ каюту домиль составляетъ одну изъ степеней наказаній, палачамъ уголовнымъ законами пѣкоторыхъ европейскихъ государствъ...

Въ Сиріи богомольцы шествовавшие въ Геліополь съ обязанью были, во первыхъ: брить себѣ головы; во вторыхъ, не употреблять для питья холодной воды; въ третьихъ, во все время пребыванія въ Геліополѣ — не спать на мягкой постели или на какой нибудь подстилкѣ, но непременно на землѣ или на голыхъ доскахъ,

(!) Въ эти фокусы заставляють подозрѣвать участіе магии. См. Томъ II Китай, гл. II, стр. 15.

или наконецъ, па камняхъ. При отбѣтѣ богомольцевъ въ обратный путь, жрецы накладывали имъ тавра, т. е. крѣпа на руки и на шею. Такими были обязанности богомольцевъ; всѣмъ же сирійцамъ безъ изъятія, законъ запрещалъ не только убивать рыбу и голубей, но даже прикасаться къ нимъ, такъ какъ тѣ и другіе признаны были священными. Прикосовеніе къ трупу, падая и къ свинѣ или борову оскверняло человѣка и требовало немедленнаго его омовенія, временнаго удаленія отъ храма и принесенія очистительной жертвы. Изъ всего этого явствуетъ, что въ древней Сиріи существовали религиозные уставы, очевидно заимствованные отъ египтянъ, евреевъ и иудеевъ.

О *праздникахъ* сирійскихъ сабитовъ, хотя почти и нѣтъ никакихъ подробныхъ свѣдѣній, но можно предполагать, что важнѣйшимъ изъ нихъ былъ весенній *праздникъ оня*, время котораго совпадало со вступленіемъ солнца въ зодіакальный знакъ весенняго равноденствія. На этотъ праздникъ въ Геліополисъ сходились не только жители Сиріи, но и многія сосѣднія племена изъ Финикіи, Ассиріи, Палестины и Аравіи. Передъ храмомъ складывали въ огромную груду нарѣзанныхъ деревьевъ, преимущественно хвойныхъ, какъ посвященныхъ солнцу. Вѣтви ихъ богомольцы обвивали кусками тканей, золотыми, серебрянными украшениями, лепешками испеченными изъ муки, цѣнтами, плодами и т. п. Кроме этихъ украшеній къ древеснымъ вѣтвямъ призывали живыхъ овецъ, телятъ, козъ и птицъ — за исключеніемъ голубей, разумеется. Жрецы великолѣпной процессіей выходили изъ храма, неся идоловъ, обходили вокругъ деревьевъ и потомъ зажигали всю ихъ груду съ четырехъ сторонъ.

Праздникъ *самобичеванія*, въ которомъ принимали участіе преимущественно жрецы, сопровождался пѣснями, плясками и разными неистовствами, во время которыхъ жрецы били другъ друга бичами, вѣтвями колючихъ кустарниковъ, хвойныхъ деревьевъ и тростями. Въ этотъ же день происходили выборы въ жрецы изъ среды кандидатовъ, на мѣсто увольняемыхъ въ отставку прежнихъ жрецовъ. Избранные обязывались собственноручно совершить надъ собою гнусную операцію: оскосненія и класть на алтарь ампутированную часть; послѣ того, снявъ эти приношенія

съ алтара, они, окровавленные, бѣжали въ городъ, гдѣ бросали ихъ женщинамъ, а тѣ изъ послѣднихъ, которыя удостоивались получить подобно подарки, обязаны были снабдить будущихъ жрецовъ полнымъ женскимъ одѣяніемъ, такъ какъ, послѣ кастраціи, кандидаты навсегда облачались въ женское платье. Въ храмахъ солнца, на оборотъ, женщины приносили жертвы падъбвали мужской костюмъ. Тайнственный смыслъ этихъ религиозныхъ перооднаний заключался въ напоминаніи молящимся въ храмахъ о сочетаніи во едино двухъ разныхъ половъ, подобномъ сочетанію солнца съ землею.

Жреческая каста раздѣлялась на нѣсколько степеней, различавшихся одна отъ другой цѣнотъ мантий и нѣкоторыми особенностями въ одѣянн. Верховный жрецъ носилъ пурпуровый хитонъ и золотую тѣлу; младшіе жрецы одѣвались въ бѣлое. При каждомъ обрядѣ были особые жрецы, и такимъ образомъ они дѣлились на: 1) *заклателей* рѣзавшихъ жертвы; 2) на жрецовъ для возліаній; 3) на *кадилычиковъ*; 4) на смотрителей храма. За ними слѣдовали музыканты, пѣвцы, обсыпующіе (*галлы*) и женщины-кликуши или пророчательницы. Не безъ основанія въ книгахъ нѣкаго завѣта сирійскіе богослужебные обряды названы „жестокостями“: ни одинъ изъ нихъ не обходился безъ сценъ сногсбныхъ возмутить самаго законсблага циника. На праздникахъ Астарты богомольцы обоего пола не только предавались порывамъ неукротимаго сладострастія *естественнаго*, но въ какомъ-то оняненіи распутства *буквально* нисходили до животныхъ... Не распространяется, предоставляя остальное догадливости читателя. Всѣ эти неистовства отъ язычниковъ ностока перешли къ грекамъ, отъ нихъ къ римлянамъ подъ именемъ *вакханалій, оргій, сатурналій* и *луперкалій*: проникли въ язычество нероботныхъ европейскыхъ народовъ, а впоследствии подъ левиннымъ именемъ *обычаевъ* и въ нѣсколько смлгченнои формѣ примѣшались къ нѣкоторымъ праздникамъ Церкви Христовой. У насъ, напричмъ, свитые дни Рождества Спасителя міра сопровождаются пѣтвымъ маскарадомъ — *святками*; пѣдѣля сыростуял, такъ называемая масляница *прогонитъ* повсемѣстно въ обжоретѣхъ и пьянствѣ... Ночь на Иналовъ день,

доставъ у насъ и въ католическомъ мірѣ сопровождается гадающими, играми, плясками вокругъ огней и тому подобными глупостями, только профанирующими праздникъ Предтечи Христова. И есть люди, которые еще говорятъ, что обычаи народные не прикосновенны, на томъ основаніи, что они «завѣтъ старинъ»... Но разумно ли слѣдовать *этиль* заветамъ тѣмъ народамъ, которые исповѣдуютъ иной заветъ, заветъ Божественнаго учителя?

О *погребальныхъ обрядахъ* Сиріи, по недостатку свѣдѣній, мы можемъ сказать весьма цѣнное. Жрецовъ хоронили ихъ товарищи на тридцатый день; обыкновенныхъ же гражданъ хоронили на седьмой. Друзья и родственники въ знакъ траура брили себѣ головы и дѣлали надрѣзы на лицѣ. Трупъ, завернутый въ подеяны пропитанными дупистыми смолами, выносили изъ дому въ назначенное мѣсто; клали тамъ на землю и накрывали на него камнями, покуда изъ нихъ не образовывался высокий курганъ. Участвовавшимъ въ погребальной церемоніи на семь дней воспрещался входъ въ храмы и по истеченіи срока, они обязаны были подвергнуться омовенію и окуриванію благоуханіями.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Финикия. — Народный характеръ. — Гирь и священные рынки. — Изобретеніе стекла. — Главные города. — Санхоніатонъ, его переводчики и комментаторы. — Космогонія. — Первоначальные люди, ихъ открытія и изобретенія. — Начало религіи, науки и искусства. — Псаломны и библѣскіе псалмы. — Заимствованія Санхоніатона изъ книги Бытія. — Потомки исполиновъ. — Мизоръ. — Зинкъ. — Уранъ и Гея. — Хроносъ. — Демаросъ. — Прочіе боги и богини. — Мелицуртъ. — Убіеніе Урана. — Астарта и Адодъ. — Обращеніе. — Удѣлы боговъ и богини. — Изобретеніе писменъ Оанутомъ. — Изображеніе Хроноса. — Продолжительность доисторической эпохи.

Сирія, въ глубочайшей древности, раздѣлялась по вѣстополюженію своему на двѣ части: *исторію* или страну Арабъ и

измѣненію — Хапанъ. Въ послѣдней, на восточныхъ берегахъ Средиземнаго моря находился небольшой участокъ длиною въ 17½ верстъ, шириною около 40 верстъ, снѣсавшій себѣ въ исторіи громкую извѣстность подъ именемъ *Финикии* ⁽¹⁾. Жители этого микроскопическаго царства были властителями морей всего древняго міра, обладателями всѣхъ его торговыхъ путей, колонизаторами и просвѣтителями Греціи, Италіи, Испаніи и Сѣверной Африки. Въ древности финикіане играли ту же самую роль, которую въ средніе вѣка играла Венеція, въ XVII вѣкѣ Голландія, въ наше время играетъ Великобританія. Земледѣліе, первое изъ искусствъ, съ которыми ознакомились первобытные люди, въ Финикии было почти невѣдомо; скудная почва отказала финикійскимъ земледѣльцамъ въ вознагражденіи при первыхъ попыткахъ къ ея обработкѣ. Бросивъ плугъ, они ухватились за кормила кораблей; вмѣсто земли избрали поприщемъ своей дѣятельности море, и оно сдѣлалось главнымъ источникомъ обогащенія и благосостоянія Финикии. Можно сказать безошибочно, что если Халдеи колыбель рода человеческого, Индія и Египетъ его просвѣтители, колыбели наукъ и искусствъ, то Финикия колыбель промышленности и торговли морской и сухопутной, а жители ея мирные запозеватели древняго снѣгъ. Неустойчивая дѣятельность, терпѣніе, муравьиное трудолюбіе, алчность къ паживѣ, заглушавшая природную трусость, таковы добродѣтели и пороки финикійцевъ завѣщанные имъ, по праву близкаго сосѣдства и даже единокровнаго родства, сынамъ Израиля. Если читатель желаетъ имѣть самое точное понятіе о народномъ характерѣ финикійцевъ, ему достаточно всмотрѣться въ характеръ современнаго еврея. Нельзя не выразить твердой убѣжденности, что если бы безпріютные скитальцы, потомки Израиля, имѣли на землѣ небольшой участокъ для постоянного жительства, они въ нѣсколько десятиковъ лѣтъ превратили бы его въ центръ кипучей торговой и промышленной дѣятельности, центръ, изъ котораго въ видѣ излу-

⁽¹⁾ Это имя данное землѣ ханаанской въ позднѣйшіи времена греками, происходящее отъ финиковой пальмы, считавшейся или принадлежавшей герцога города Тира.

чистых нитей испанской саутины во все концы света разбегались бы пути сообщения и возникали бы богатейшие колонии, армарки и торговые склады.

Из горь древней Финикии назовем *Ливан* и *Кармил*, которым первобытные жители страны воздавали божеские почести. Между рѣками, таковым же почетомъ пользовались *Кизон* (Циссу) и *Белл* (Наида или Паида). Последняя достойна внимания, какъ въ религіозномъ, такъ и въ промышленномъ отношеніяхъ. О происхожденіи ея финикиане рассказывали будто она была первоначально выпита *Матросомъ*, богомъ-покровителемъ города Берита, проглотившемъ *бемиль* или *всемиль* (аэролитъ). Послѣ того опять наполнившись водою, рѣка была названа рѣкою бога (Беломъ). Въ этой сказкѣ не трудно отгадать истинное преданіе о какомъ-то геологическомъ переворотѣ: около источника рѣки могъ упасть громадный аэролитъ, вслѣдствіе чего рѣка могла обмѣлѣть на время болѣе или менѣе продолжительное. Другое сказаніе о рѣкѣ, находимъ у Плинія (Ист. міра, кн. XXXVI, гл. 26). „Въ этой части Сиріи, говорятъ онъ, который называется Финикией, между скалами горы Кармила есть болото *Цендевін*. Изъ него вытекаетъ рѣка Белл, на протяженіи 5000 шаговъ и впадающая въ море близъ Птолемаиды. Теченіе Бела тихое, вода вредна, хотя почитается святою, употребляется при религіозныхъ обрядахъ. Во время убыли воды на берегахъ находятъ песокъ тонкій, чистый, блестящій, изъ котораго финикиане выплавляютъ стекло. Обрѣтеніе его было случайное. Купцы, высадившіеся около устья Бела, раздели огонь на прибрежномъ пескѣ, употребивъ вмѣсто дровъ куски селитры, которую везли на своемъ кораблѣ. Песокъ сперва растаялъ, а потомъ изъ него образовался слѣзъ, давшій финикиянамъ первую мысль о выдѣлкѣ полезнаго вещества называемаго стекломъ. Сказаніе любопытное, но весьма сомнительное.

О городахъ Тиръ, Сидонъ, Беритъ, Виблосъ, Триноли, Лаодикея, Акръ, мы упоминали при географическомъ обзорѣ Сиріи. Присоединивъ къ этимъ именамъ города: *Азот* (нынѣшній Эздукъ), *Арадъ* (Рудъ) и *Аскалонъ*, прибавимъ, что имя *Тира* происходитъ отъ еврейскаго слова *теуръ* (скала), а время по-

строенія города отнесется къ 3500 г. до Р. Х., имя же *Сидона*—отъ сидонъ (рыбная ловля), такъ какъ основателями его, за 3000 лѣтъ до Р. Х. были рыболовы. О колоніяхъ финикийскихъ въ южной Европѣ и сѣверной Африкѣ будемъ упомянуто подробнѣе при обзорѣ торговли и промышленности знаменитой страны. Эти колоніи были рассадниками многихъ мисологическихъ преданій, которыми греки обогатили свою мифологію... Напомнимъ еще читателю, что финикиянамъ: *Кадму* (1550 лѣтъ до Р. Х.) и *Пелопсу* Греція обязана началомъ своего гражданскаго благоустройства и общественнаго образованія. Первый изъ нихъ ознакомилъ жителей Беотіи съ кузнечнымъ мастерствомъ и изобрѣлъ письмо, за что удостоился быть признаннымъ за полу-бога.

Перейдемъ теперь къ космогоніи и теогоніи древней Финикии. * *Санхоніатонъ* жрецъ Берита, жившій какъ полагаютъ до троянской войны, единственный писатель финикийскій, трактовалій о происхожденіи міра и боговъ. Евсевій, сдѣлавшій изъ сочиненій его многіе выписки (1), говоритъ, что Санхоніатонъ заслуживаетъ довѣрія какъ историкъ, а въ сочиненіяхъ *Порфирія* находимъ, что „Санхоніатонъ собралъ о іудеяхъ весьма достоверныя и правдивыя свѣденія частью изъ книгъ ихъ лѣтописцевъ, частью же и изъ рассказовъ Іеронима жреца *Іево* (Іеговы). Трудъ свой Санхоніатонъ посвятилъ финикийскому царю Абисалу (или Авиваалу), по повелѣнію котораго книги были разсматриваемы свѣдущими людьми, подтверждавшими истину сказаній Санхоніатона. Кромя того матеріалами ему послужили лѣтописи городовъ и документы сохранявшіеся въ храмовыхъ архивахъ.“ *Филонъ* вѣдскій переводчикъ Санхоніатона, при императорѣ Антонинѣ, говоритъ, что главнымъ матеріаломъ для финикийскаго автора служили книги Таута, изобрѣтателя письма и перваго въ мірѣ лѣтописца. Ни переводъ Филона, ни подлинникъ Санхоніатона не дошли до насъ и комуто приходится довольствоваться отрывками сохранными въ сочиненіяхъ Евсевія.

Основнымъ началомъ вселенной (по мнѣнію Санхоніатона) былъ

(1) Eusebii Prepar. Evangel. Lib. I.

воздухъ, сгущенный въ хаотическую *млу*. *Духъ*, сочетаясь съ этою мглою, произвелъ *Моту* или *Моду*, т. е. иль или вязкую тьму, отъ которой произошли пачаки всѣхъ существъ, намоляившихъ вселенную. Сначала появились животныя безчувственныя, а послѣ отъ нихъ произошли одаренные разумомъ *зофеземинны* (созерцатели небесъ). Послѣ *Моты* появились солнце, луна, планеты и звѣзды засіяли постепенно на небѣ. Бѣдствие снѣга и жара разлившихся въ воздухъ, на поверхности земли и моря произошли вѣтры и появились тучи въ воздухъ, разбѣшавшіяся дождями. Отъ дождей орошавшихъ землю образовались испаренія, вытягиваемыя солнцемъ; эти испаренія сгущались въ облака, которыя сталкиваясь одно съ другимъ въ воздухъ производили молніи и громы, грохотъ которыхъ пробудилъ зофеземинновъ и они получили способность двигаться на землѣ и въ морѣ. Первые мужъ и жена назывались *Протогонъ* и *Эона*; послѣдняя научила мужа питаться плодами земли. Дѣтьми первой пары людей были *Генусъ* и *Генеа*, поселившіеся въ Финикіи. Во время страшной засухи, постигшей эту страну, они водѣли руки къ солнцу, которое называли богомъ и царемъ небесъ *Ванасалиномъ* (Белъ-ваминомъ). Впослѣдствіи у Генуса и Генеи родились сыновья: *Фосъ* (свѣтъ), *Ниръ* (огонь) и *Флоксъ* (пламя). Они изобрѣли способъ добывать огонь посредствомъ тренія одного куска сухаго дерева о другой. Дѣти ихъ, исполныя провозились на вершинахъ горъ и дали горамъ свои имена; такъ провозили горы *Аванъ*, *Антиливанъ*, *Браомъ*, *Кассій* и др.

Изъ дѣтей исполиновъ особенно были славны: *Мемрумъ* и *Гипсураній*. Послѣдній жилъ въ Тирѣ, гдѣ изобрѣлъ искусство строить хижины изъ камыша, тростника и папируса; брать его, несогласно жившій съ нимъ, научилъ людей одѣваться въ звѣриные кожи. Отъ тренія деревьевъ колесбесныхъ вѣтровъ, въ Тирѣ произошелъ пожаръ и тогда Гипсураній срубивъ одно пылавшее дерево бросилъ его въ море: видя что оно не тонетъ, онъ придумалъ способъ строить изъ дерева плоты и суда для плаванія. Въ память этого великаго событія, Гипсураній воздвигъ два камня въ честь вѣтра и огня, поклонился имъ и принесъ въ жертву нѣсколько животныхъ. Дѣти Мемрума и Гипсуранія поклонялись —

крѣпъ этихъ камней, древеснымъ чурбачкомъ, горныя скаламы и установили для принесенія имъ жертвъ ежегодныя празднества. Они же начали воздавать божескія почести своимъ усопшимъ предкамъ. Послѣ этого шестого поколѣнія исполиновъ жили въ Финикіи *Аррей* и *Галией*, изобрѣтатели рыбной и эфирной ловли. У нихъ были два сына, изобрѣтатели кузнечнаго мастерства. Одинъ изъ нихъ *Хризуръ* (Гуфинстъ, Вулканъ) заимался кромъ того чародѣйствомъ и волшебничествомъ; выдумалъ рыбный крючекъ, уду, рыбацѣй челнъ и нагуса. Послѣ его смерти люди поклонялись ему какъ богу, называя его *Зевсомъ-Маскиемъ*, т. е. богомъ-механикомъ. Полагаютъ, что Хризуръ и братья его научили людей и выдѣлкѣ кирпича. Пресаживали ихъ были: *Тегинъ* и *Геній-Аутоконтъ*; имя первого значащее художника, а втораго — рожденнаго въ вѣдрахъ земли. Они обрѣли искусство выдѣлки кровельной черепицы, сѣбявшая съ глиною соломѣ и потомъ пропущивая на солнцѣ выдѣляя изъ этого мѣсива. Сыновья Тегинта и Генеа *Аргис* (полевой) и *Арготъ* (сахаръ) записывались земледѣльемъ и вѣдровничествомъ; ихъ же называли *Агестами* и гитанами. Родоначальниками десятаго поколѣнія исполиновъ были *Алинь* и *Мавъ* (противники волхвовъ и обаятель), при которыхъ люди начали жить въ селеніяхъ и заниматься скотоводствомъ. Современниками ихъ были жившіе банъ Библиоса: *Эзюсъ* или *Гинсисъ* (высочайшій), жена его *Верноа*, дѣти ихъ: сынъ *Энигъ* (впослѣдствіи Уралъ) и дочь *Генъ*. Именами послѣднихъ греки называли небо и землю. Послѣ смерти своей Гинсисъ, погнѣнный на охотѣ, былъ причисленъ къ богамъ; въ память его приносили жертвы и совершали возданія. Урагъ изстѣдовавшій отцу явился на своей сестрѣ Гетъ и изгнѣлъ отъ нея сыновей: Хроносъ или Сатурна, Веелъ, Дагона и Атлагъ.*

На эти сказанія Савихоніатона абагъ Ватле (*) дѣлаетъ четыре любопытныя комментаріа. 1) Савихоніатонъ при исчисленіи десяти первобытныхъ поколѣній, заселявшихъ землѣ, упоминаетъ исключи-

(*) Abbé Baniac: Mythologie et les fables expliquées par l'histoire. P. 1748 en 12, tome I, livre II, chap. II, pp. 160—162.
история религий. Т. IV.

тельно о потомках Каина; 2) ни слова не говорит о потомках; 3) въ потомствѣ Каина онъ насчитываетъ десять поколѣній, тогда какъ въ книгѣ Бытія пророкъ Моисей упоминаетъ только о восьми (переходя отъ Эноха къ Праду); десять поколѣній онъ исчисляетъ въ потомствѣ *Сина*; 4) изъ чего явствуетъ, что Санхоніатонъ, заимствовавшій свои сказанія изъ книги Бытія, перемѣшалъ имена родоначальниковъ и приписалъ изобрѣтенія однихъ, другимъ. Что касается до Гипсиса, онъ, по мнѣнію некоторыхъ комментаторовъ, нѣкто другой какъ Ной — патриархъ. Вотъ какими образомъ абатъ Банье противопоставляетъ сказанія библейскія сказаніямъ Санхоніатона:

- I. Адамъ и Ева Протогонъ и Эона;
- II. Каинъ Генуегъ и Геленъ;
- III. Энохъ Фосъ, Паръ и Флоксъ;
- IV. Кассій и Ливанъ;
- V. Мелрунъ и Узоръ;
- VI. Прадъ Арей, Гайзей;
- VII. Меліазъ Хризоръ или Гефангъ;
- VIII. Маусалъ Телситъ, Гезенъ;
- IX. Малехъ Арай и Аротъ;
- X. Тасилъ, Тувалканъ, Аминъ и Магъ.

Нельзя не замѣтить, однако, что абатъ Банье дѣлаетъ при этомъ весьма важную ошибку: Овогъ или Тувалканъ былъ пернотъ ковалей оружія изъ мѣди и желѣза (кн. Бытія гл. V, ст. 22), а у Санхоніатона изобрѣтенію кузнечнаго мастерства приписано Хризору или Гефансу (*Вуакану* — грекомъ). Последнее имя очевидно переименовано изъ еврейскаго *Туалканъ*), а Хризоръ, по толкованію абата Банье соответствовать Меліазу... Было бы несправедливо правдивѣе признать имена десяти исповѣдниковъ Санхоніатона къ нижеприведеннымъ именамъ десяти потомковъ Адама отъ Сина: 1) Адамъ, 2) Сивъ, 3) Эносъ, 4) Каинъ, 5) Малезель, 6) Иредъ, 7) Энохъ, 8) Маусалъ, 9) Малехъ, 10) Ной.

Во всякомъ случаѣ изъ еогоніи Санхоніатона извѣствуетъ до осязаемости, что имена библейскихъ патриарховъ переплаченные, искаженные, были именами первыхъ боговъ финикійскихъ. Нево-

горны же сказанія о нихъ, въ видѣ явности, впоследствии примѣшались къ еогоніи греческой. Затѣмъ Санхоніатонъ въ дальнейшихъ своихъ повѣствованіяхъ впадаетъ въ баснословіе и замѣтно отдалека отъ первоначальнаго источника. Не упоминая ни слова о вѣснрнотѣ потомъ, онъ переходитъ къ потомству Аяна и Мага.

— Ихъ сыновьями были *Мизоръ* (Свободный) и *Зидакъ* (Правосудный), научившіе людей употребленію соли для приправы кушанья. У Мизора былъ сынъ *Эмидъ*, изобрѣтатель шпатель; дѣи же Зидака назывались *Кабирили* (мощными). Они усовершенствовали кораблестроеніе, а некоторые изъ нихъ потомъ первые занимались врачеваніемъ отъ укушенія и уязвленія зѣбрышъ, вреднѣйшихъ травъ, сидовой, а также и усталыхъ *заговоромъ* и *напечиваніемъ*.

Уранъ, наследовавшій отцу и женившійся на своей сестрѣ Гей, имѣлъ отъ нея (какъ мы говорили выше): Хроноса, Вонла, Атласа, Дагона или Ситона, прозваннаго *богомъ-земледѣльцемъ* (Зенъ-Аротръ) за то, что обучилъ людей обрабатывать землю и сѣять хлѣба и овощи. Кровавъ мѣлъ сыновей отъ жены у Урана было еще много дѣтей отъ наложницъ. Гей, недозволая неспоконъ-анствомъ мужа, часто ссорилась съ нимъ и довела его своимъ упреками до того, что онъ ее прогналъ отъ себя; впоследствии однако же одумавшись, воротилъ Гю изъ изгнанія, опять сожителствовать съ нею, но поумался на удержаніе вновь рожденныхъ ею дѣтей. Хроносъ, раздѣлая недовольное матері, заключивъ союзъ съ Оаутомъ или Гермесомъ (Триглавъ считали и Меркурій грекомъ) изгналъ Урана изъ его царства и пригласилъ себя верховную власть. Въ одномъ изъ граженій Хроноса съ Ураномъ, любимая наложница послѣднго, беременная попала въ плѣнь и Хроносъ выдалъ ее за Дитю, которому она вскоре родила сына, называвшаго *Истерисомъ*. Для совершенной безопасности Хроносъ окружилъ ной двоимъ каменной стѣной и основалъ городъ Виблосъ, первый въ Финикіи, строенный изъ камня. Подозрѣвая брата своего Атласа въ замышлѣніи, Хроносъ по совету Оаута бросилъ его въ пропасть; онъ же назвалъ сына своего *Сидида* и одну изъ дочерей обезглавлялъ. Дочери Хроноса на-

вынахились: *Персефона* и *Авени* или *Авнина*; первая умерла действительницею... Боги (*эллоны*) съ удивленіемъ и недоуманіемъ взирали на злодѣяства Хроноса. Этихъ вренелъ кабиръ, отпавшіеся на первое пороко- путешествие, были бурю выброшены на морской берегъ у горы Касія, на которой соорудили первый храмъ.

Уранъ, желая отомстить Хроносу за свое униженіе, задумалъ тайно его умертвить и съ этой цѣлью подсылалъ къ нему своихъ дочерей: *Астарту*, *Рену*, *Діону*, *Пларисну* и *Геру*; но Хроносъ, задержавъ ихъ у себя въ пещерѣ, сдѣлалъ ихъ своими наложницами. Отъ Астарты онъ имѣлъ семь дочерей, названныхъ Титанидами или Ариемидами и двухъ сыновей *Навоса* и *Эреса* (страсти и желаніе). Отъ Рен у Хроноса было семь сыновей, изъ которыхъ младшій посвящалъ себя на служеніе богамъ, т. е. былъ жрецомъ; наковени въ Черѣхъ снѣжской жили еще три сына Хроноса: *Хроносъ*, *Зевесъ-Богъ* и *Аполлонъ*. На одной изъ Титанидъ женился Зидигъ и отъ этого брака родился Асклепій. Кромѣ этихъ боговъ и полубоговъ владѣствовали въ Финикіи еще: *Неритъ*, сынъ его *Нерей* и *Тифонъ*. У Поппа былъ сынъ *Нисейдоль* (Нептунъ) и дочь *Сидонна*, одаренная чуднымъ голосомъ; первая сочинительница музыкальных одъ и гімновъ. Сыномъ Денароона былъ *Меликеръ* или *Мелицеръ* (Геркулесъ). Уранъ, въ союзѣ съ Демароопомъ, изгналъ Поппа изъ его владѣній и во время этой войны Хроносъ, спрятавшись въ засаду въ роуфѣ, орошающіи многими источниками и ручьями, подстергъ Урана и собственноручно окончилъ его... Кровь Урана, векову непустившаго духъ, окрасила воды ручья. На самомъ хѣстѣ отцеубійства (звѣзѣ чашѣ Санхоніатонъ) люди построили храмъ въ честь Урана; ручьи же навѣгда пріобрѣли свойство, въ извѣстное время года превращаться въ кровь.

Преемниками Хроноса были *Астарти* и *Адовъ* царь боговъ. Астарты, въ знакъ своего достовѣрства падѣвала себѣ на голову черепъ тельца съ рогами (поволуніе). Странствуя по своимъ владѣніямъ она однажды нашла звѣзду, упавшую съ неба и перенесла ее въ городъ Тиръ. Удѣляя Авени Хроносъ называлъ *Аттику*. Въ послѣдніе годы его царствованія голодъ и чума сви-

рѣствовали въ Финикіи. Видя въ этихъ бѣдствіяхъ наказаніе за отцеубійство, Хроносъ, посвятивъ на служеніе въ храмъ Урана сына своего Сидида, подвергся обрѣзанію, повелѣвъ сдѣлать тоже самое и вѣмъ своимъ воинамъ. Изъ удѣловъ прочихъ дѣтей Хроноса городъ Виблосъ принадлежалъ Ваалти-хъ или Діонѣ, Беритъ достался Нептуну, Кабирямъ и Агротамъ (ворячамъ и земледѣльцамъ). Въ это же время Аааутъ изобрѣлъ письмены, взявъ за образецъ божьи портреты боговъ: Хроноса, Діона и другихъ. Перваго онъ изобразилъ съ четырьмя глазами въ знакъ его неуемной дѣятельности, т. е. покуда одна пара глазъ спитъ, другая бодрствуетъ; къ плечамъ Хроноса Аааутъ точно также пририсовалъ четыре крыла, выражая тѣмъ, что покуда два распростерты, другіе два спокойно сложены. Приложивъ еще два крыла къ головѣ Хроноса, Аааутъ выразилъ тѣмъ быстроту мысли этого божества. Въ вознагражденіе за всѣ услуги, оказанныя Аааутомъ Хроносу, послѣдній отдалъ ему въ обладаніе Египетъ. Съ впаденіемъ потомковъ Хроноса началось время историческія; боги же и полубоги отъ Діона до Хроноса владѣствовали на землѣ, по словамъ Санхоніатона, 30000 лѣтъ.

Теперь перейдемъ къ обзору религій, обрядовъ и праздниковъ Финикіи.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Божеества Финикии. — Верховный триадъ. — Вааль. — Астарта. — Мелькарта. — Герикулес. — Басия и финикейск. — Ея обличеніе. — Богъ союзъ. — Эл. — Валамидъ. — Адонисъ. — Кабиры и Патеры. — Хузоръ. — Хузариона. — Фалатъ. — Адобъ. — Деморъ и Анаретиади. — Греческіе дѣскеры и ихъ значеніе. — Эсмунъ. — Сотисъ. — Луна и ея фазисы. — Прогія планеты. — Ихъ раздѣленіе на добрыя и злыя. — Вадъ. — Славенныя рѣки и озера. — Омонъ. — Фосъ. — Паръ и Флоксъ. — Падающія звѣзды. — Аэролиты. — Омонъ св. Эльма. — Въздухъ. — Символическіе звѣри. — Змыи. — Автодемонъ и Какодемонъ. — Солнечныя растенія. — Вальзамъ и Адонисъ. — Кедръ.

Боготъ и богинь Сиро-Финикии можно раздѣлять на два ряда: *верховныхъ* и *второстепенныхъ*. Къ первому ряду принадлежатъ яномъ и ихъ кумпры; къ второму соотвѣствующія имъ планеты, а равно стихіи, метеоры, звѣри и растенія, посвященные богамъ.

Первое мѣсто между божеествами верховными принадлежитъ триадѣ, образуемой *Вааломъ*, *Астартой* и *Мелькартомъ* (у египтянъ это Амонъ, Ра, Мутъ и Хонсъ, или Озирисъ, Изисъ и Горетъ).

Вааль (на еврейскомъ, финикійскомъ и халдейскомъ языкахъ: владѣтель, обладатель) назывался также *Гваалъ* — верховнымъ божеествомъ, царемъ боговъ, а съ прибавкою слова *Силиа* — царемъ небесъ и всей вселенной. Кромѣ того ему падали прозвища: востерителя (*Ваал-атана*), вѣчнаго (*Ваал-рапа*), повелителя духовъ (*Ваал-зубута*), судя по тому, въ какомъ видѣ его себѣ изображали. Изъ всѣхъ боготъ Сиро-Финикии Вааль былъ единственнымъ, которому приносили въ жертву дѣтей; котораго храмы (*вез-шавалы*) пользовались особливою репутаціею святости, а жрецы его особеннымъ уваженіемъ... Нужно ли прибавлять къ этому, что между планетами Ваала изображали солнце?

Астарта, супруга его (луна и планета Венера), царица неба, была обожаема въ двухъ видахъ какъ Астарта небесная (*Тани-та*) и земная (утренняя и вечерняя зѣиза). Въ первомъ случаѣ при обрядахъ соблюдалось строгое приличіе; во второмъ — жрицы богини у подножія алтаря предавались неистовому распутству.

Мелькарта или *Ваал-мелкартъ*, сынъ Ваала и Астарты былъ покровителемъ города Тира и вмѣстѣ съ тѣмъ богомъ купленъ и промышленниковъ. Послѣ царя, жрецъ Мелькарта былъ въ Финикии первымъ лицомъ. Богъ Мелькартъ, кромѣ того, былъ спутникомъ солнца во время его теченія по двѣнадцати областямъ небеснымъ и регуляризаторомъ временъ года. Его изображали въ дѣлахъ, въ зпакѣ зависяности отъ солнца; въ жертву Мелькарту приносили переселокъ. Купимъ молель ему называли его *Гароке-ломъ*; греки, впоследствии, переименовали это имя въ *Геркулеса*. Въ Сиро-Финикии планетою Мелькарта былъ Меркурій; въ Кароагенѣ — солнце. Во время осенняго равноденствія тамъ въ его честь сооружали громадный костеръ, изъ котораго выпускали орла, представлявшаго *финикса*, будто бы возрождавшагося изъ своего пепла. Забѣлтъ дѣлтъ, что фантастическое сказаніе о финиксѣ, въ Финикии, Кароагенѣ, а впоследствии въ Греціи зачисновано прямо на астрономическаго годичнаго круговорота: съ декабря по юнъ, чѣмъ солнце съ каждымъ днемъ все долѣе и долѣе остается на небесной тверди; слѣдствіями успѣшной дѣятельности тепла и свѣта наступаетъ весна, свѣтлѣеетъ лѣтомъ... затѣмъ, начинается уменьшеніе дней; осенній холодъ, зимній суровый вѣтухъ начинаютъ въ свои права: солнце лишаетъ силы, какъ будто умираетъ, погружается въ усыпленіе, чтобы въ опредѣленный срокъ пробудиться, воскреснуть, ожить и пробудить и воскресить землю отъ ея зимней летаргіи. Эта ежегодная свѣта смерти живиго, жизни — смерти дава поводъ къ сложенію баянъ о финиксѣ, сожигающемъ себя на кострѣ, а потомъ воскресающемъ изъ своего пепла. Дѣйствительно: вѣмортитесь весной въ молодую, сочную изумрудную травку, прорѣзающуюся изъ подл порыжѣлой прошлогодней травы и блеклыхъ листьевъ; вѣмортитесь въ зеленый пухъ деревень, прислушайтесь къ рѣзвому чирканью, щебетанью и свисту птичекъ, ко-ромъ поощитъ привѣтственный гласъ воскресшей природы и со-

знайтеся, что въ мноѣ о финикѣхъ скрывается мысль глубокая, чудная, поэтическая. На праздникъ божества въ Кареагенѣ изъ всѣхъ его колоній съѣзжались депутаты для принесенія присяги на вѣрность и доброе согласіе и тогда Мелькарта называли *богомъ союза* (Ваал-веритъ или Ваал-беритъ). На алтаряхъ этого бога горѣли неугасимые огни, въ жертву ему, по словамъ Плинія (Ист. міра, кн. XXXVI, гл. 5), приносили живыхъ людей. На Фаросѣ, Мелькарта называли *избавителемъ*, а изъ Кареагена, вѣровавіе въ него распространилось по всей Испаніи.

Въ областяхъ сѣверной Финикіи верховная триада состояла изъ *Эла* (Сатурнъ), *Валатиды* (созвѣздіе рыбы) и *Адониса* (солнце). Эла называли первымъ строителемъ и покровителемъ городовъ. Валатида, родившаяся изъ пѣны морской, была основательницей Борита. Ей были посвящены рыбы и обожали ее подлѣ пменами Венеры озера Афайя и Венеры Архитиды. Первая была извѣста, найденная на землѣ Астартой и принесенная въ Тиръ. Ею называли также *Вервуню*, т. е. богиню кипариса, такъ какъ дерево это было ей посвящено.

Адонисъ (царь, господинъ) олицетворялъ плодотворную силу солнца и почитался покровителемъ посѣва и жатвы. Его называли также *Гадасомъ* (высочайшимъ) и *Зерагомъ*. Посѣднее имя означало восходящее солнце. При обзорѣ праздниковъ Адониса, котораго кромѣ Финикій чествовали въ Сиріи, въ Египтѣ, въ Греціи, мы расскажемъ подробно о всѣхъ басняхъ, сложившихъ объ этомъ божествѣ. Имя его, въ смыслѣ парадетельности, прилагалось въ Финикіи къ нѣкоторымъ царскимъ именамъ (Аногирамъ), подобно честицамъ: вавль, шабо въ Вавилонѣ, мелхъ въ Сиріи и т. д.

Вторую группу божествъ финикійской мифологіи, послѣ верховныхъ триадъ составляли *Кабиръ* (сильные, мощные) и *Патекъ*. Кабиръ (въ числѣ посмы) были покровителями горожанъ и въ особенности мореходовъ; рѣзными изображеніями ихъ финикійцы украшали носовыя части своихъ кораблей; патекъ, дѣти старшаго кабиръ Хузора (Вулкана, бога огня) были хранителями домашнихъ очаговъ, первообразами римскихъ ларъ и пенатовъ. Вотъ перечень восьми кабировъ:

1) *Хузоргъ Фтоа, Хлоргъ* (Вулканъ) божество порядка и гражданского благоустройства. Онь разбилъ первобытное яиче, изъ обѣихъ половинокъ котораго образовались небо и земля. Символомъ Хузора былъ фаллусъ. Кромѣ Финикій и Кареагена его особенно чтяли въ Пелопоннѣ. Супругою его была: 2) *Хузарида* (законъ). Храмы ея находились въ Тирѣ, Сидонѣ, Беритѣ, на островахъ Кипръ и Габатъ. Въ послѣднемъ городѣ ее называли *Дово* и въ храмѣ его хранили ея фату или вуаль. Хузарида истолковала людямъ книги Фаваста или Гермеса и была хранительницею дѣтокъ сей небесныхъ: Ай-л-Офитъ и Уломъ; ее же какъ богиню разума чтяли подлѣ имени *Онки*. 3) *Астарта*, переименованная въ Кабиръ, была покровительницею земли. 4) *Фавастъ, Таутъ* или *Гермесъ* изобрѣтатель медицины, писемъ и металлургіи. Онь научилъ жителей Фракіи искусству выплавлять золото изъ ея руды, а боотійцамъ показать секретъ составлять бронзу. 5) и 6) *Ададъ* и *Деморгъ* (созвѣздіе близнецовъ; у грековъ діоскуры, т. е. Касторъ и Поллуксъ), и 7) жена перваго изъ нихъ *Атаргатида*. Символами Адада и Демора были столбъ и пальма, сами же они были олицетвореніемъ двухъ началъ всего живущаго: жара и влаги... Атаргатида была ихъ покровицею и безъ нея оба кабиръ не могли ничего создавать. Мы уже не одинъ разъ замѣчали, что язычество вообще, а сабизмъ въ особенности, ни мало не стѣснялись прилагать въ своей символистикѣ; постараемся же дать попятъ читателю (хоть слабыми) что именно разумѣли финикійцы подлѣ триумвирата Адада, Демора и Атаргатиды. Греки называли своихъ діоскуровъ *Касторомъ* и *Поллуксомъ*, сестру ихъ — *Геленою*; она и братья ея родились изъ яича Леды... Назвавъ Кастора и Поллукса близнецами или *близнятами*, мы остановимся, въ полнѣйшій увѣренности, что читатель нашъ понялъ (1). 8) *Эрмунъ* (восьмой) кабиръ покровитель Берита, особенно обожаемый на Кипрѣ, въ Кареагенѣ и Испаніи.

(1) Два слова, знакомыя не только врачамъ, но и людямъ хотя незначительно знакомымъ съ медициною: *castratio et pullutio* заимствованы отъ собственныхъ именъ греческихъ діоскуровъ.

Теперь перейдем ко второму разряду божеств финикийских, т. е. планетамъ, стихіямъ, символическимъ зѣмлямъ и растеніямъ.

Солнце. Поклоненіе дневному свѣтлу изъ Хадди перешло въ Сирію и Финикію, гдѣ особенно славится посвященный ему храмъ Гелиополя. Жрецы его назывались *абдессеями* (у грековъ гелиодулами); зблженіемъ солнца были столбы, *халланимъ* (отъ слова халосъ — солнечный зной); въ финикийскихъ принадлежностяхъ храмовъ солнца — колесницы запряженные четырьмя конями. Колесницею, на которой солнце ѣздило по небу, по сказаніямъ финикийской мифологіи, управляли Мелькартъ. Помощниками дневного свѣтила были: Меркурій, Венера и Марсъ.

Луна — царица ночного неба, какъ солнце царь дневного. Ее признавали доброю или злою, смотря по размѣрѣмъ ея фазисовъ. Колесницу, на которой богиня являлась на небѣ, вели три быка. Смотра по фазисамъ ея: луну называли: *Онкаю*, *Менелю* и *Луносомъ*. Въ послѣднемъ случаѣ она превращалась въ мужчину (жѣвца).

Сатурнъ (Эль) по финикийской астрологіи былъ правителемъ судебъ людей; онъ располагалъ звѣзды и планеты въ благоприятныя или злобныя купы, въ мигнуты рожденія человека. **Венеру** называли матерью всего живущаго (Изначомъ); она покровительствовала оцѣдовренію и зачатію; возбуждая въ людяхъ чувства любви и какъ бы распадая изъ нихъ кровъ своими алмазными лучами при пожеланіи по востокѣ утромъ, на западѣ вечеромъ. Планету **Меркурій** (Моникъ или Моникъ) финикийцы поносили прозвищемъ коварнаго; **Юпитеръ**, зѣзда Ваала, почитался напротивъ особеннымъ уваженіемъ. Сл. племень **Марса** (Лавса) неразлучно была связана мысль о алѣ и разрушеніи.

Наконецъ планеты раздѣлялись на *добрыя*, *посредственныя* и *злыя*. Къ первымъ принадлежали Юпитеръ и Венера; ко вторымъ — солнце, луна и Меркурій; къ третьимъ — Марсъ и Сатурнъ.

Изъ стихій въ пользованіи одинаковымъ уваженіемъ въ Финикіи. **Водѣ** — жилищу Посейдона, Понта, Океана, Негелъ и Тифона (морской туманъ) приписали жертвы. Кроваго названнаго имени священныхъ рыбъ были еще другія священныя. Въ озеро Афи-

ки богемолцы бросали приношенія Венеры: Мертвое море и рѣки Палестины именовались *саятими*, перьямъ финикийцевъ клились какъ гуски Стиссомъ и Ахеропомъ. Въ море, передъ отплытіемъ въ далекое путешествіе, клыали кровь жертвъ, а въ озера и пруды при храмахъ Астарты въ Гелиополѣ и Аскалонѣ жрецы бросали на свѣченіе рыбамъ вынутыя изъ части саженистелатей. Въ Тирѣ ежегодно совершалось празднество въ память союза Нентуна съ иняфамъ. Заключили въ заключеніе, что въ Финикіи впервые познаны глупый обычай во время бури бросать въ море для его утихомиренья кого нибудь изъ ачинатъ корабля по жребію. Поклоненію *оню* въ видѣ тріады: **Фоса**, **Нира** и **Флокс** было посвящено въ Финикіи Узоромъ или Таисураниемъ. Съ обожаніемъ она связано было воспоминаніе о пещи и о Мелькартѣ. Въ Афинѣ въ метеоры: огненные шары, падающія звѣзды пользовались особеннымъ уваженіемъ; именно осенью, когда явленіе падающихъ звѣздъ было особенно обильно, въ Афинѣ были праздники посвященные безчисленному множеству богемолень. Кроваго жрецы свѣдили за надеженіемъ аэрологамъ (*сесоней*); эти найденные жрецами или вѣтъ бы то ии было воздушные камни складывались въ храмахъ Астарты на алтари и въ нихъ пароды обожали свенкъ нерукотворныхъ кузровъ. Метеоры, называемый въ западной Европѣ *огни* **Св. Эльма**, и мочь ускользнуть отъ вниманія первыхъ жеренлателей финикийцевъ. Извѣстно ли читателю что такое огонь св. Эльма? Въ открытій жрецы, передъ грозою на корабельныхъ мачтахъ и рѣяхъ появлялись иногда фосфористыя искры, сопровождаемые зѣтливъ перерывистымъ трескомъ, похожимъ на издаваемый пороховыми зѣрнами, брошенными на горячіе уголь. Древніе римляне называли эти огоньки Касторомъ и Подлуксомъ и появленіе ихъ на корабельныхъ мачтахъ почитали добрымъ предзнаменованіемъ. Это помысли въ грекамъ и римлянамъ занесено было въ Финикіи: финикийцы въ этихъ случаяхъ выдѣли тоже нѣчто божественное и почитали въ нихъ глубокое уваженіе. Нѣтъ сомнѣнія, что большая часть суевѣрныхъ причѣтъ, которыми вѣрали моряки древняго міра (даже вѣрали моряки міра новаго) получили свое начало въ Финикіи.

Воздух и всё случающееся съ нимъ переменъ: т. е. затишье, вѣтеръ противный или попутный, вихрь, ураганы и т. п. какъ въ Финикии, такъ и въ Карфагѣ почитались проявленіями таинственной, божественной силы. Ихъ выманивали у боговъ жертвами и молитвами и въ восторгѣ, случаясь особенно щедро вознаграждали жрецовъ за полезное содѣяніе. Чтобы читатель могъ достойно оцѣнить значение вѣтра въ финикійской хронологіи, мы напомнимъ ему только, что для германск. мореплавателей вѣтеръ былъ тѣмъ же, что для насъ людей, XIX вѣка, могучій паръ: огненно влажное дыханіе торговли, промышленности, мореплаванія; словомъ жизни каждаго здороваго государственнаго организма.

Изъ *животныхъ*: быки были посвящены Астартѣ, кони Адонису, львы Деоу. Собака и борзъ были символами Ваала: вѣтъ одна изъ причинъ, почему употребленіе въ пищу свинаго мяса было запрещено въ Финикии. Овцу, поборѣтателю, посвященъ вѣтъ въ символистку змѣй (*танниисъ*) и съ того времени эти пресмыкающіеся пользовались въ пародѣ великимъ уваженіемъ. Символомъ міра была змѣя кусающая свой хвостъ (у грековъ вѣчності); жезлъ кабира Яммуна былъ обитъ змѣею. Безвредный ужъ олицетворялъ добраго домашняго гения (*Анвандемона*), ядовитая змѣя олицетворяла злаго (*Викодемона*). Рыбы и голуби посвященные Астартѣ пользовались и въ Финикии какъ во всей Сиріи особеннымъ почетомъ и правами первокровности: послѣднихъ особенно почитали въ Аскалонѣ.

Вѣтъ деревья хвойныя и источающія смолу были посвящены солнцу. Достойно замѣчанія, что финикійское имя *ааа-садина*, *баазаина* или *баазаина* перешло въ видѣ названія душистой древесной смолы въ ботаническую терминологию всѣхъ европейскихъ народовъ; тоже можно сказать и объ *адонисѣ*, который до нынѣ называютъ растеніе, дающее цвѣты весной и осенью (*Adonis aestivalis* L. A. vernalis L.). Финикійск. пальма, лавръ, хлѣбныя злаки и латука (*Lactuca sativa* L.) играли также не послѣднюю роль на праздникахъ Адониса. Греческая символическая ботаника обогатилась въслѣдствіи многими заимствованіями изъ финикійской. Въ предыдущей главѣ мы упоминали о *лионскихъ кедрахъ*: они, какъ извѣстно, послужили матеріаломъ для

построенія храма Соломонова и вѣтъ сомнѣніи, что другъ и созидатель царя іудейскаго — Хирамъ, царь финикійскій, доставлялъ Соломону, руководимый идеею религіозною: бѣдры принадлежали къ числу деревьевъ, посвященныхъ Ваалу. На дѣготъ и смолу, источаемыя хвойными деревьями, судостроители финикіане смотрѣли какъ на драгоценнѣйшіе дары Божіи.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Алтари. — Храмы. — Ихъ устройство. — Святѣище. — Идолы. — Столбы огня. — Всени и абадиръ. — Терамоморфізмъ. — Жершвы. — Человѣческія жертвоприношенія. — Факии изъ библейскихъ сказаній. — Распутство жрицъ. — Стрижка ковъ. — Обриваніе. — Раздѣленіе праздниковъ. — Праздники Геркулеса. — Сборъ винограда. — Бракосочетаніе юды. — Праздники луны. — Адоніи. — Мигъ объ Адонисѣ. — Афричмискъ. — Каритисъ. — Связь обрядовъ сабизма съ индійскими.

Въ древней Финикии, какъ и во всѣхъ странахъ, изъ которыхъ происходили сабизмъ, сооруженіе алтарей предшествовало построенію храмовъ. Алтари воздвигались преимущественно на горныхъ вершинахъ, какъ будто люди думали, молясь на высотѣ, быть ближе къ божеству или къ свѣтиламъ — предметамъ обожанія. Первобытные нагорные алтари были ничто иное какъ неотесанные обломки скалы или асириты (*осени*), положенные на груды камней. Въслѣдствіи времени, жители Финикии начали обносить алтари изгородями, ставить надъ ними навѣсы, окружать ихъ стѣнами и такимъ образомъ, возмани наконецъ храмы, называемые *божисли* (всепль. или бет-иль), будучи буквально мѣстомъ помѣщенія кумира, но не собранія мѣстомъ богомольцевъ... напротивъ, храмъ почитался неприступною святыней, отъ которой люди отдаляли страхъ и таинственность. Только при оконча-

тельным гражданским устройством городов финикийских в них появились храмы, при них жрецы и установились обряды богослужения, молитв и жертвоприношений. Храмы состояли из двух отделений: *сантилища*, доступ в которое кроме жрецов быть воспрещен и собственно храма с святилищем. В святилищах сохранялись ковчег и идола, носимые в религиозных процессиях, угварь и оруди, употребляемые при богослужении. Тут же находились арканы храмовых таинств, сокрытие которых было возложено на жрецов, а также помещалась химическая лаборатория для приготовления разного рода чуждым в роду громовым, сиянию и прочим шротехническим фокусам, которыми жрецы морочили богослуживших... Одним словом, это святилище было жреческой магической или бутафорской, из которой выносили все погребное для обрядов в переднюю часть храма. Здесь обыкновенно стоял посредник идолу; перед ним воздвигался алтарь с курищами на нем в благоуханиями и жертвенник для принесения жертв безкровных. Алтарь для принесения на нем в жертву живых существ стоял у входа в храм, где помещались также чаша для омовения и жаровня с неугасимым огнем. Вокруг некоторых храмов бывали рощи, насажденные священными деревьями или пруды и рыбные сады, как например в Аскалоне, Африке и Мабофе.

Идолы были первоначально статуи каменные (*лати-боты*), изображавшие богов и деревянные (*асиатра*), олицетворявшие богинь. Солнцу, Ваалу и спуту посвящали столбы (*галам-ниис*), украшенные на вершине подобием пламени в виде еловой или кедровой шишки. Забывая здесь, что сходство идолов хвойных деревьев с огнем, форму свою действительно на оминающих спокойно горящее пламя с незапамятных времен отражало на себя влияние фантазии и сабигонь вообще, они видели в нем таинственный наезд бога людьми на то, что хвойные деревья ему особенно удобны. В тирском храме Мельбарты, Геродот видел столб выточенный из цельного изумруда, изъясняя свойство сиять ночью. Слыша заблужд, в виду восстановления истины, что должность изумруда исправляло простое зеленое стекло, и чудесный столб был вытесан другим, как фаварем, внутри которого на ночь заставляли несколько лампад.

Кроме столбов, в храмах, на алтарях лежали *сони* (арголиты), которыми особенно поклонялись в Картаге, где их называли *абавирани*, а теперь *сакандрани*. При входе в храмы во боках дверей стояли также столбы, символы оруди плодотворной силы фаллуса (инд. лингалы). Впоследствии, когда финикийцы познакомились с искусством египтян, они начали изображать своих богов в виде крылатых фигур человеческих и завириных, давая Ваалу четыре крыла, причисляя богами только два. Большая часть идолов представляла чудовища, со зверскими головами на человеческих туловищах, или наоборот. Этот характер языческой символической можно назвать *тератоморфизмом*, т. е. олицетворением божества в виде чудовища. Изображение богов в виде людей, или *антропоморфизм* не всегда принадлежал древней Греции, с идеею о божестве неразлучно соединявшей мысль о крайности пластической.

Жерты (заклать) у каждого кушра были особые. Быков, баранов, козлов и птиц (не семейства) приносили в жертву преимущественно Ваалу и Геркулесу; коров и телят щадили и мяса их не употребляли в пищу: последние непременно кастрировали, сжигая отрубленную часть на алтарях Венеры (Астарты). Жрицы последней дарили козлов всь тг, которыми они в честь богини продавали свои ласки... Стыдясь выговаривать на праздниках Астарты жрицы ее скотоложничали с козлами. Из птиц в жертву Мельбарту приносили куропаток и перепелок, даже *олуний*, во многих финикийских городах кроме Аскалона. Человеческие жертвоприношения Ваал-саяну, Астарте и Муве совершали в самых жестоких случаях, выбирали для этого по указанию жребия юной или девственниц, непременно красивых собою и преимущественно периферидых в семействе. Дарив первенец почитался особенно удачною жертвою. Этот гнусный обычай существовал не только в Финикии и Картаге, но и по всей Сирии. Человеческое жертвоприношение было неизбежной принадлежностью каждого великого торжества, например, благодарственного моления за одержанную над врагами победу, выступления на войну, а также и заклинанье городов. Кипа ли мы ошибаемся, если подтверждаем дошедшему видный в греческой

книгъ Царствъ, гл. XV, ст. 34. Въ царствованіе Ахана, поглаголаго въ ахмествѣ „Ахилъ Всевластный построилъ Тирхонъ: на первенца своего Асиртиса, онъ положилъ основаніе его а на младшемъ своемъ сынѣ Сегубѣ, поставилъ ворота его...“ При общественныхъ бѣдствіяхъ: во время войны, голода, моровой или человѣческія жертвоприношенія также призывали необходимо. Карагачине во время войны съ римлянами тайно принесли дѣтей въ жертву Сатурну. Во время чумы въ Сициліи *Илизваръ*, кромя младенца сожженного на алтарѣ Сатурна, принесъ многочисленныя жертвы Нептуну, утопивъ въ морѣ множество взрослыхъ людей. Отчаянные воили сожигаемыхъ младенцевъ заглушались пѣснями жрецовъ и звуками трубъ, кизилаловъ и барабановъ. По судорогамъ жертвы, по степенямъ исеченія, волхвосты или обугленія пхъ труповъ жрицы сушили объ хвѣстѣхъ или пелу задуманнаго предпріятія или объ исполненіи желаній. Сожженіе дѣтенышковъ на кострахъ Ваяла и Молоха въ Финикіи и Карагачѣ было самымъ обыкновеннымъ дѣломъ.

Выговорить онажалъ о безумномъ раскутѣхъ жрицъ Астарты, доказавъ все что надъ еще нещитно о гнусномъ служебнѣ этому мерзкому кулиру. Дѣтвеннички до выхода замужъ обязаны были приносить богинѣ въ жертву свою непорочность въ рощахъ близъ ея храмовъ, черезъ символы оплодотворенія (см. рисунокъ 16) изображеніемъ на каменѣ. Обычай этотъ особенно строго соблюдался въ Геліополисѣ, гдѣ въ храмахъ Астарты открыто продавались разврату дѣвцы, женщины и дѣти — и не иначе какъ съ чужеземцами. Со временемъ, однако же, это мерзкое обыкновеніе было замѣнено для женщинъ *стризкою волосъ*, которые складывались на алтарь богини сластолюбствъ. Въ Тирѣ и Африкѣ (въ Финикіи) и въ Спекъ-Вингѣхъ (въ Карагачѣ) жрицы посредствовали мужинами предавались нечестовому раскутству и злѣхъ сносохъ служебнѣ Астарты существовали въ Сиріи и по всей малой Азіи до III вѣка по Р. Х. Въ Беритѣ, въ храмахъ Эла и въ Вилдосѣ юности совершали надъ собою обряды *обрязанія*, складывая на алтари лоскуты кожи (агаритинъ), символически изображающія ювенскую непорочность, принесенную въ жертву верховному божеству.

Приступая теперь къ обзору *праздниковъ*, мы раздѣлимъ ихъ на второстепенные или *стисійные* и первостепенные или *алистные*, пачиная обзоръ пашъ со второстепенныхъ. Таковыми были: 1) праздники весны или воскресеніе Геркулеса; 2) праздники *самосожженія*; 3) сборъ винограда или праздникъ осени и 4) бракосочетаніе морской воды съ прѣсною.

Праздникъ весны былъ установленъ царемъ Хирамомъ (980—947 г. до Р. Х.) въ память воскресенія Геркулеса (Мелькарта). Финикійскій богъ, послѣ шестидесятихъ непрерывныхъ побѣдъ надъ Тифономъ былъ наконецъ умерщвленъ послѣднимъ и похороненъ своимъ сподвижникомъ Юласемъ. По прошествіи шести мѣсяцевъ Юлай воскресилъ Геркулеса, давъ ему понюхать перенелку. Праздникъ въ память этого событія происходилъ въ Финикіи во все продолженіе мѣсяца, *неритинъ*, т. е. съ 16 февраля по 17 марта. Такова басня; посмотримъ, какаа истина скрывается подъ ея личиною?

Въ теченіе шести мѣсяцевъ весны и лѣта, земли постепенно достигаетъ высшей степени своей плодотворной дѣятельности; впрочемъ послѣдующихъ шести мѣсяцевъ она ослабѣваетъ и погружается въ зимній сонъ. Въ Юлаѣ и Геркулесъ финикійне олицетворяли весну и лѣто; въ Тифонѣ — осень и зиму. „Юлай воскресилъ Геркулеса, давъ ему понюхать живую перенелку,“ т. е. во время прилета птицъ, весной — пробуждается земля и начинается ея плодотворная дѣятельность...

Тотъ же Геркулесъ, сожигающій себя на кострѣ, подобно фениксу (см. гл. XV стр. 295), символическое изображеніе весны снѣняющей зиму, новаго года воскресающаго изъ пелу стараго. Напоминаемъ читателю, что Мелькартъ въ Финикіи былъ въ одно и тоже время олицетвореніемъ солнца вліяющаго на землю, и земли оживляемой небеснымъ свѣтломъ. На праздникахъ воскресенія Геркулеса ему приносили въ жертву перепеловъ, на праздники же *самосожженія* на кострѣ сожигали живаго чловека. Такъ финикійне и жители Сиріи въ одно и тоже же торжествѣ умѣщали высокую поэтическую мысль и самый варварскій матеріализмъ. Впрочемъ, что такое и все язычество, если не грубое чувственное выраженіе идеальнаго и духовнаго? Кромя

Къ стр. 304.

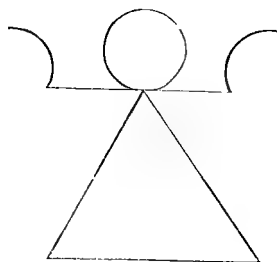

Рис. 16. Символь Астарты.

выпущенныхъ здѣсь праздниковъ, Геркулеса чествовали еще торжествами, въ родѣ греческихъ олимпійскихъ игръ, по прошествіи каждаго шестилѣтія.

При всей скудости почвы древней Финикіи, жители ея успѣшно занимались винодѣліемъ и вина тирскія составляли важную статью внѣшней торговли. Въ преданіяхъ, греческій выходецъ *Діонисій* (Вакхъ) обучилъ финикійцевъ искусству разводить виноградъ и выдѣлывать вино изъ его сока: въ память этого события *сборъ винограда* былъ въ Финикіи праздникомъ, на которомъ Діонисія чествовали играми и плясками.

Мы уже говорили выше, что близъ города Тира находилась колодезь прѣсной воды, имѣвшій странное свойство принимать кровавый цвѣтъ въ сентябрь мѣсяцѣ. Жители объясняли этотъ феноменъ очень грубо, до того матеріально, что мы умолимъ о сказаніяхъ ихъ про чудесный колодезь, который они называли *невстою*, а море *женигола* и сочетали ихъ бракомъ. Праздникъ этотъ состоялъ въ томъ, что въ колодезь вливали нѣсколько ведеръ морской воды и тогда колодезная опять становилась прозрачною и годною для употребленія. *Бракосочетаніе воды прѣсной съ морскою* совершалось и обратныхъ порядкомъ, т. е. въ море вливали воду прѣсную. Легко можетъ быть, что въ этомъ праздникѣ и скрывался какой нибудь аллегорическій смыслъ, но какъ бы то ни было, оно напоминаетъ поговорку о цеслеваніи изъ пустаго въ порожнее. Греческіе историки видятъ въ семъ праздникѣ соединенія Нептуна съ нимфами и это объясненіе едва ли не самое разумное. Праздники планетные, само собою имѣли предметомъ чествованіе *луны* и *солнца* или Астарты и Адониса. Кромѣ *поволуній* (у грековъ — неоменій), праздновавшихся двѣнадцать разъ въ году, были еще праздники *бытства* или *исчезновенія Астарты*, т. е. уцѣлбовъ луны и исчезновеніе ея съ небеснаго свода, когда по объясненію самихъ „богѣвъ“ отиравалась на поиски за Адонисомъ, своимъ супругомъ.“ Праздники послѣдняго *Адониса* были самыми важнѣйшими религіозными торжествами не только въ Финикіи, но одновременно въ Сиріи, Халдееѣ и Египтѣ; впоследствии перешли въ Грецію гдѣ сложилось прелестное граціозное сказаніе

объ Адонисѣ и Венерѣ. Здѣсь мы разскажемъ только о мифѣ сиропфинкійскомъ и его праздникѣ.

Подобно египетскимъ Озирису и Изидѣ, Адонисъ и Астарта братья съ сестрою и имѣли супруги. *Киннира* или *Киннирасъ*, дѣждь Адониса, однажды выпивъ не въ мѣру вина, уснулъ и раскинулся непристойнымъ образомъ. *Мора* или *Мирра* супруга его сына Аммона (Хаммонъ, Хамъ), увидѣвъ свекра въ этомъ положеніи, влинула своего мужа и оба поспѣшили надъ спящимъ Киннирою. по пробужденіи, проклялъ сына съ невѣстою и они бѣжали въ Аравію, гдѣ Мирра родила *Адониса*. Изъ Аравіи они переселились въ Египетъ, гдѣ Адонисъ воспитывался, обучалъ людей земледѣлію и далъ имъ мудрые законы. Помощницею его была сестра и имѣла супругу *Астарту*, нѣжно имъ любимая. Прослѣтивъ Египетъ, Адонисъ съ Астартою отирались въ Сирію, гдѣ Адонисъ, охотясь на Ливанскихъ горахъ былъ рапленъ дикимъ боровомъ (вепремъ) и умеръ отъ рапы, а потомъ воскресъ. Въ память этихъ событій Астарта установила два ежегодные праздника: *смерти* и *поисковъ* и *обрученія* и *воскресенія Адониса*. Египтяне въ день кончины своего Озириса, опускали въ море осмоленую корзину съ письменнымъ извѣстіемъ, что Озирисъ воскресъ. Корзина эта приплывала въ финикійскій городъ Виблосъ именно къ тому дню, когда всобщее сѣтованіе о кончинѣ Адониса смѣнялось радостью о его воскресеніи. Такимъ образомъ праздники Адониса въ Сиро-Финикіи и Озириса въ Египтѣ совершались въ одинъ и тѣ же дни. По слову Лувіана, близъ Виблоса находилась та самая рѣка, въ которой Астарта обмывала рапы Адониса; рѣка, воды которой принимаютъ кровавый цвѣтъ именно въ тѣ дни, когда Адонисъ былъ рапленъ и когда въ Финикіи оплакивали его смерть. При первыхъ праздникахъ крови въ рѣкѣ Адонисъ, весь городъ Виблосъ облакался въ трауръ; арецы и жрицы брили себѣ головы, вопили и стегали парочка себя потяжи лице. У домовъ выставляли скульптурныя или живописныя изображенія мертвеца, по улицамъ ходили длинныя процесіи, участвовавшіе въ которыхъ несли въ рукахъ дѣйствительныя горшки (съ посѣянными въ нихъ и давшими всходъ хлѣбнымъ зернамъ), а также и пучки латука (изъ кусачихъ

котораго Адонисъ былъ найденъ Астартою). Эту первую часть Адоний, Лукіанъ называетъ *Афаниагмосъ* или днемъ сътованія по умершемъ Адонисѣ. Точно такъ же праздновали этотъ день въ Вавилонѣ, въ Сиріи, Аравіи и въ Палестинѣ во времена владычествовавшаго тамъ язычества. Въ книгахъ пророка Іезекіиля (гл. VIII) Адонисъ названъ *Олимусолъ*, по имени жѣсяца соотвѣтствующаго июню, т. е. времени вступленія солнца въ знакъ Рака и началу убывающаго дня.

Корзинка съ извѣстіемъ о воскресеніи Озириса изъ Египта приплывала въ Вавлонъ; жрецы вынувъ ее изъ воды возвѣщали жителямъ о воскресеніи Адониса и тогда наступало торжество *обритенія* (Евргиясъ): всеобщая радость и ликованія длившіяся восемь дней. Въ разсказѣ Лукіана находимъ только одну недомолвку: онъ не опредѣляетъ ни мѣсяца, ни времени года, въ которые именно праздновалось воскресеніе Адониса. Если плачь о его кончинѣ происходилъ въ юнѣ, то воскресеніе должно было праздноваться въ декабрѣ—въ эпоху вступленія солнца въ знакъ Козерога... Или праздникъ Афаниагмосъ совпадалъ съ осеннимъ, а Евргиясъ съ весеннимъ равноденствіемъ?

Обращаясь за объясненіемъ къ древнимъ и стариннымъ комментаторамъ находимъ путаницу и противорѣчіе вълѣдствіе того, что къ мнѣу сиро-финикійскому они приписали мнѣу греческіе и сказанія Овидія. Остановимся же на томъ, что сирійскій Адонисъ и его похожденія—символъ солнца и времени года, т. е. равноденствій или солнцестолній. Намъ еще придется довольно подробно поговорить объ Адонисѣ при обзорѣ греческой мифологіи, теперь же закончимъ разсказъ о немъ указаніемъ на одинъ изъ атрибутовъ его погребальной церемоніи, имѣвшаго на *посыпання въ горшкѣхъ жита*: явное заимствованіе изъ обрядовъ брамаистовъ (см. томъ I *Индія*, гл. XI, стр. 86—88, 89. гл. VII. *Буддизмъ* гл. VII стр. 222).

ГЛАВА СЕМИНАДЦАТАЯ.

Четыре періода. — Хронологія. — Авианалъ. — Хирамъ. — Дружба съ Соломономъ. — Ира въ заидки. — Сыны Авдемо. — Библейскія сказанія. — Адониримъ. — Время заложенія и освещенія храма іерусалимскаго. — Хирамъ-тифейскій. — Столбы Іазанъ и Воазъ. — Мисонскіе символы. — Вѣтка икацій. — Легенда объ Адониримѣ. — Сходство именъ. — Преемники Хирама. — Стратонъ. — Восходъ солнца на западъ. — Астармъ. — Астаримъ. — Евоалъ. — Родство съ Азавомъ. — Пималионъ и Элисса. — Ея бластво. — Прибытіе въ Африку. — Волчья кожа. — Основаніе Кароаса. — Предназначенія при рытьѣ фундамента. — Смерть Элисса. — Ошибочныя прозванія Дидоны и Анны. — Алагронизмъ Виргилія въ Энеидѣ. — Пуны.

Исторію Финикіи дѣлятъ на четыре періода. *Первый*, отъ начала царства—правильнѣе: отъ сотворенія міра до времени основанія Сидона или древняго Тира (до 2760 или 1600 г. до Р. X.). *Второй* періодъ отъ основанія Сидона до сверженія иа снхистскаго, или періодъ иноземнаго владычества (1600 до 1100 г. до Р. X.). *Третій*—періодъ славы и могущества Финикіи (1100 г. до 826 г. до Р. X.). *Четвертый*—періодъ упадка (826—332 до Р. X.). За достовѣрность хронологіи не ручаемся. Руководствуясь библейскими сказаніями находимъ, что царь *Хирамъ*, современникъ Соломона взомель на престолъ въ 993 г. до Р. X.; у Фортии д'Юрбена годомъ его вцаренія показанъ 1026; у Гефера (?) 980 годъ. Сообразно этому династическій списокъ царей древней Финикіи до Хирама можетъ быть составленъ слѣдующимъ образомъ (?):

(1) L'Univers ed. Firmin Didot 1847. 8 Phénicie.

(2) Первая цифра по Фортии д'Юрбену; вторая по Библии; третья — по Геферу.

Основание Сидона или древнего Тира съ храмомъ Геркулесу Мелькарту: 2760—2728—2715 г. до Р. X.

Агасифъ, липицъ, строитель новаго Тира: 1590—1558—1545 до Р. X.

Основание Гадеса финикийцами: 1250—1218—1213 г.

Хирамъ I: 1057—1025—1012 г. до Р. X.

Авиваалъ, царь Тира и Сидона: 1041—1008—995 г. до Р. X.

Хирамъ II другъ Соломона: 1026—993—980 г. до Р. X.

Принявъ это тройственное лѣтоисчисленіе, мы намѣрены придерживаться оного въ нашемъ историческомъ обзорѣ. Первые два періода бытія Финикіи: ея основаніе и поработеніе египтянами и царями Ассиріи или Вавилона—непроницаемый хаотическій вѣкъ, въ которомъ будто въ хаосѣ космическомъ, вѣсто чудовищъ тѣсится невѣроятная басня и исполнитыя аллегорическія сказавія. По сверженіи племенинаго ига, Финикія въ политическомъ своемъ составѣ представляла республику, управляемую двумя *субфедами* и сенатомъ, подобно Кароугену, основанному въспѣшествіи *Элиссю*, царицею финикийскою. *Авиваалъ* замѣнилъ правленіе республиканское монархическимъ, соединивъ въ своемъ лицѣ власть цари и должность верховнаго жреца. О сынѣ его *Хирамъ* (I или II, и это положительно неизвѣстно) сохранились сказанія въ Библии и у греческихъ историковъ Менаандра и Діа. Онъ увеличилъ и украсилъ Тиръ, соединилъ городъ посредствомъ плотины съ островкомъ, на которомъ находился храмъ Юпитера. Въ немъ Хирамъ воздвигъ золотой столбъ; установилъ праздникъ Геркулеса; построилъ новыя храмы Геркулеса и Астарты изъ кедроваго и кипарисоваго лѣсу, срубленнаго на Ливанѣ. Другъ и вѣрный союзникъ царя іудейскаго *Соломона*, Хирамъ игралъ съ нимъ въ притчи или загадки. Цари положили между собою условіемъ, что проигравшій въ эту игру, т. е. не разгадавшій заданной ему загадки, долженъ на извѣстное число лѣтъ быть данникомъ другаго. Въ первый разъ проигралъ Хирамъ и за это, вѣсто дани, снабдилъ Соломона строительными матеріалами для сооружеія послѣднихъ храма іерусалимскаго. Заданныя Соломономъ загадки во второй разъ, не только были разгаданы про-

зорливымъ юношей, сыномъ *Авделона*, но и самъ царь Соломонъ принужденъ былъ сознаться, что онъ не въ состояніи разгадать загадокъ, предложенныхъ ему въ свою очередь сыномъ Авделона... Такъ повѣствуютъ Менаандръ и Діа. Вотъ что мы находимъ въ третьей книгѣ Царствъ (гл. V—VII).

Царь тирскій Хирамъ, услышавъ о воемствіи на престолѣ Соломона, отправилъ къ нему пословъ для поздравленія и скрѣпленія ихъ дружбы и пріязни, связывавшихъ его, Хирама, съ покойнымъ царемъ Давидомъ. Соломонъ съ своей стороны, также чрезъ посланниковъ сообщилъ Хираму о своемъ намѣреніи приступить къ построенію храма, задуманному еще царемъ Давидомъ, но не совершенному по причинѣ войнъ съ окрестными народами. Соломонъ вѣсть съ тѣмъ просилъ Хирама о доставленіи ему кедровъ съ Ливана и рабочихъ, за определенное вознагражденіе. Хирамъ съ радостью исполнилъ желаніе Соломона, отправилъ къ нему плоты кедровыхъ и кипарисовыхъ бревенъ, ежегодно получалъ за это отъ Соломона пшеницу и оливковое масло. Тридцать тысячъ дровосѣковъ подъ начальствомъ *Адонирама* отравились на Ливанъ для рубки лѣсу и занимались ею десять мѣсяцевъ; изъ двѣнадцати образующихъ годъ два мѣсяца давались имъ на отдыхъ. Заложеніе храма произошло въ 480 году по истеченіи израильтянъ изъ Египта, въ четвертый годъ царствованія Соломона въ мѣсяцъ Зифъ⁽¹⁾, а на одиннадцатомъ году въ мѣсяцъ Вулъ храмъ былъ оконченъ и все построеніе его длилось семь лѣтъ (981 по 974 до Р. X.).

Хирама, цари финикийскаго, не должно смѣшивать съ другимъ *Хирамомъ*, сыномъ тирянина, женатаго на израильтянкѣ изъ колѣна Неффаимова (III Кн. Цар. Гл. VII ст. 14—51). Этотъ Хирамъ искусный литейщикъ и золотыхъ дѣлъ мастеръ украсилъ своими художественными произведеніями храмъ іерусалимскій и дворецъ царя Соломона. Онъ, между прочимъ, въ притворѣ храма

(1) III Кн. Цар. Гл. VI ст. 1. Годомъ похода Паравія приписываемъ 1464 до Р. X. Слѣдовательно храмъ заложенъ былъ въ 983, Соломонъ воцарился въ 485 г. до Р. X., а Хирамъ въ 993.

поставил *два столба*, назвав поставленный справа — *Иахин*; а слева — *Воаз*: оба украшения очевидно были заимствованы у языческих храмов Ваала или Мелькарта, но, как бы то ни было — Храмъ-литейницъ, поставленные имъ столбы и Адонирамъ, начавшись надъ работами иерусалимскаго храма, играютъ весьма важныя роли въ сказаніяхъ многихъ сектъ *вольныхъ каменщиковъ* или *масоновъ*, связанныяхъ, съ которыми считаемъ не лишнимъ ознакомить читателей.

Столбы Иахинъ и Воазъ, молотокъ, ватерпасъ (отвѣсъ), лопаточка и вѣтка акаціи — служатъ символами почти всѣхъ масонскихъ общинъ, напоминая сектаторамъ о строителяхъ храма иерусалимскаго, а вѣтка акаціи о плачевной участи Адонирама. Для соблюденія порядка при расчѣтѣ съ легіонами мастеровъ, подмастерьевъ, мастеровыхъ и простыхъ учениковъ, Адонирамъ раздѣлялъ ихъ на группы, давъ каждой, вмѣстѣ съ особннымъ одѣяніемъ, свои пароли и лозунги. Мастерские, завидуя мастерамъ и желая получить большую противъ заслуженной плату, задумали образовать отдѣльную шайку, костюмированную подобно мастерамъ, дабы получить отъ Адонирама болѣе нежели имъ слѣдовало. Измѣнить одежду было не трудно; главное препятствіе было въ пароли и лозунги мастеровъ, простымъ мастерскимъ невѣдомыхъ. Принужденные вслѣдствіе этого отказаться отъ хитрости, мастерские рѣшились тайно убить Адонирама и ограбить казну, бывшую на его попеченіи. Первое изъ удалось — они умертвили Адонирама, но не могли доискаться гдѣ у него были спрятаны деньги, assignованныя на жалованье рабочимъ. Досада на неудачу и раскаялся съ напрасномъ преступленіи, мастерские зарыли трупъ Адонирама въ грудь щебенъ и извести, помѣтивъ это мѣсто *выткой акаціи*, затѣмъ чтобы послѣ похоронить убитнаго. На другой день, при первомъ слухѣ объ исчезновеніи Адонирама, царь Соломонъ разослалъ на поиски за нимъ парочныхъ во всѣ концы своего царства, еще не зная жалѣть ему о вѣрномъ слугѣ или негодовать на него, какъ на вора. Въ это самое время левиты, пришедшіе къ царю, доложили ему, что на мѣстѣ строенія храма совершилось чудо: за ночь, на грудѣ сухаго щебенъ выросъ и разцвѣлъ большой кустъ акаціи... Дѣйствительно, къ удивленію всѣхъ

рабочихъ и къ ужасу убійцъ, вѣтка акаціи, которою они помѣтили мѣсто погребенія Адонирама, въ одну ночь дала корень и разрослась кустарникомъ. Царь Соломонъ съ левитами и вельможами придя на мѣсто не могъ не подивиться, какими образомъ на сухомъ щебенѣ и известкѣ могло явиться дерево; желая убѣдиться съ корнемъ ли оно, царь приказалъ разрыть щебеню... Сочные корни далеко разбѣгались въ глубину достигали самаго трупа Адонирама! Всѣ присутствовавшіе оцѣнѣли отъ ужаса, а одинъ изъ левитовъ, взявъ мертвеца за руку, почувствовалъ, что она оторвалась отъ туловища, такъ какъ тѣло отъ пребыванія въ извести начало тлѣть:

— *Макъ бен-акъ!* воскликнулъ левитъ и слова эти означали: тѣло отдѣляется отъ костей.

Винными были отысканы и казнены; царь долго оплакивалъ Адонирама, что же касается до восклицанія левита *макъ бен-акъ* — оно сдѣлалось съ того времени условнымъ лозунгомъ каменщиковъ и, такимъ образомъ, черезъ двѣ тысячи лѣтъ дошло до масоновъ, придающихъ этимъ словамъ особенное, таинственное значеніе.

Не лишнимъ считаемъ еще замѣтить, что Храмъ-царь, Храмъ-литейницъ и Адонирамъ, о которыхъ упоминаетъ третья книга царствъ, легко могутъ быть припаты за одно лице, такъ какъ Адонаи-гирамъ или Адон-хирамъ на финикійскомъ языкѣ означаетъ и царь и господинъ Хирамъ. Что же касается до сказаній масонскихъ, то само собою разубѣдится они основаны на вымыслѣ и истинны въ нихъ только имена. Такъ, царя Соломона называютъ сочинителемъ гадательной книги, о которой ему никогда и во снѣ не грезилося.

Хирамъ царствовалъ тридцать три года (993—960 по блбл.; 980—947 до Р. Х. у Гефера) и завѣщалъ свой престолъ сыну своему *Валасарту* или *Валасастарту* (959—953 или 946—940 г. до Р. Х.). Послѣ этого царя осталось четыре сына: *Адастартъ*, *Астартъ*, *Астириль* и *Феласъ*. Преемникомъ отца былъ старшій (952—944, или 939—931 г.), убитый сыномъ своей кормиллицы, который и овладѣлъ престоломъ.

Этот похититель власти был, как полагают, *Стратон*, о котором рассказано у Юстина (1).

По словам этого историка, Авдартар погиб во время мележа рабов, выведенных из терриция тиранством их господь. Вельможи гибли в жестоких истязаниях или, цѣлыми семьями бѣжали въ чужіе края. Стратонъ, любившій своего стараго господина, не желая быть убійцею потому только, что могъ бы имъ быть безнаказанно, скрылъ старика и его сына отъ пародной ярости и во все время бунта обходился съ ними кротко и почтительно. Удовлетворивъ месть, рабы рѣшились избрать новаго царя изъ своей среды. Уговорились возвести на престолъ того, кто первый увидитъ восходящее солнце.

Въ числѣ множества соискателей царской власти явился и Стратонъ, къ всеобщему удивленію вставшій на сборномъ мѣстѣ лицей не на востокѣ, а на западѣ, и пристально уставившій глаза на вершину горы. Не отвѣчая ни слова на распросы о причинѣ этой странности, Стратонъ, черезъ нѣсколько минутъ первый привѣтствовалъ восходящее дневное свѣтло, озолотившее своими лучами горную вершину и единогласно былъ провозглашенъ царемъ. Недавніе товарищи, теперь подданные Стратона, хвалили его за необыкновенную догадливость, но онъ, скромный въ самомъ величіи, сказалъ, что дѣйствовалъ такъ по совѣту бывшаго своего господина, жизнь котораго и на этотъ разъ была пощажена и самъ онъ занялъ по царѣ первое мѣсто въ государственномъ управленіи.

Между тѣмъ вельможи-эмигранты, при содѣйствіи иноземныхъ войскъ, вторгнувшись въ предѣлы Финикій, свергли съ престола Стратона, или сына кормилицы и возвели на его мѣсто втораго сына Вадезара, по имени *Астарты* (931—919 или 918—907 г. до Р. Х.), а такъ какъ дѣти его были недостойны наслѣдовать престолъ, то въ преемники Астарты былъ избранъ братъ его — *Астариелъ* (918—910, или 907—898 г.), убитый братомъ *Филессомъ*, царствовавшимъ восемь лѣтъ и

въ свою очередь убитый родственникомъ царскаго семейства *Еованномъ*, верховнымъ жрецомъ Астарты (909—878, или 897—866 г. до Р. Х.). Новый царь, укравшій городъ Вогрисъ со стороны Сиріи отъ набѣговъ тамошнихъ кочевыхъ племенъ, породнился съ царемъ израильскимъ *Ахазомъ*, выдавъ за него свою дочь, развратницу *Изабелъ*. Кромѣ того при Еоваалѣ число колоній финикійскихъ умножилось основаніемъ новыхъ поселеній на берегахъ сѣверной Африки и города Анпа въ Мауританіи. Преемниками Еоваала были его сыновья: *Валлзоръ* или *Вадзоръ* (877—870 или 865—858 г.) и *Муттонъ* (869—861 или 857—833 г. до Р. Х.). Братъ его *Акербатъ* — верховный жрецъ Мелькарта женился на дочери его *Элиссъ*; сынъ же Муттона, *Пигмалионъ*, былъ его преемникомъ. До беззаконности жадный и завистливый Пигмалионъ въ надеждѣ овладѣть сокровищами Акербата приказалъ его умертвить, ту же участь готовъ и Элиссъ. Проникая злодѣйскіе умыслы брата, Элисса объявила ему, что желаетъ навсегда покинуть свой дворецъ и переселиться къ нему, Пигмалиону со всѣмъ своимъ имуществомъ. Обрадованный Пигмалионъ отправилъ къ ней вельможъ для содѣйствія при переселеніи. Элисса, еще до ихъ прибытія, нагрузивъ корабль драгоценностями въ присутствіи пословъ приказала побросать въ море множество мѣшочковъ будто бы набитыхъ золотомъ (на самомъ же дѣлѣ — пескомъ), объявивъ, что дѣлаетъ это въ память несчастнаго Акербата. Изъ пословъ Пигмалиона многіе изъявили желаніе сопровождать Элиссу, которая вмѣстѣ Тира вышла въ открытое море и поплыла къ остроу Кипру, бывшему тогда финикійской колоніей. Здѣсь верховный жрецъ Юпитера объявилъ Элиссѣ, что по волѣ боговъ, онъ будетъ ея проводникомъ въ тотъ край, въ которомъ она будучи внѣ всякихъ преслѣдованій будетъ основательницею новаго, могучаго царства. Въ вознагражденіе за эту услугу, жрецъ выговорилъ у Элиссъ право, быть верховнымъ жрецомъ въ новомъ царствѣ, съ предоставленіемъ этого сана на вѣчныя времена старшему въ его родѣ. Элисса, видя во всемъ этомъ предпріятіи вышнее, охотно согласилась, и жрецъ со всѣмъ своимъ семействомъ переехалъ къ ней на корабль, готовый къ отплытію въ дальнѣйшій путь. Кромѣ жреца, Элисса взяла съ собою двухежъ, при-

(1) Iustinus XVIII. 3.

бывших на Кипр для принесения жертв Киприде (Венере). В последнем случае, Элиссю руководила мысль, по прибытии к цѣли своего путешествія, выдать этихъ дѣвушекъ замужъ, съ тѣмъ, чтобы эти семьи были разсадниками будущихъ жителей царства, основаніе котораго было задумано Элиссю. Узнавъ о бѣгствѣ сестры, Питмаліонъ собравъ войска вздумалъ было ее преслѣдовать, но отказался отъ этого намѣренія уступая мольбамъ своей матери и угрозамъ волхвовъ, убѣдившихъ Питмаліона, что онъ не долженъ осмѣливаться идти наперекоръ волѣ боговъ, опредѣлившихъ Элиссѣ быть основательницей новаго могущественнаго царства.

Между тѣмъ корабли Элисы прибыли къ берегамъ сѣверной Африки, жители которыхъ приняли парну съ большимъ радостію и подобающими почестями. Элисса попросила у нихъ продать ей участокъ земли пространствомъ въ *волловую кожу* и жители съ радостію согласились. Тогда хитрая Элисса приказала паръвать воловью кожу на тонкіе ремеша и употребивъ ихъ какъ землемѣрную цѣнь отмежевала себѣ пространство достаточное для поселенія нѣсколькихъ тысячъ семействъ. Это поселеніе, названное *Биззою* (волчья кожа), сдѣлалось вскорѣ ярмаркою, на которую отовсюду наѣхали купцы для продажи товаровъ поселенцамъ. Изъ Утики явились къ Элиссѣ депутаты съ предложеніемъ основать истинный городъ; къ нимъ присоединились и сосѣдніе жители. Тогда Элисса, прибавивъ къ отмежеванному ей пространству земли еще нѣсколько участковъ, приступила къ заложенію *Картагена* съ условіемъ платить сосѣднимъ жителямъ ежегодную земельную подать. Когда начали рыть фундаментъ для городской стѣны, въ землѣ нашли бычачій черепъ. По объясненію волхвовъ, это было знаменіемъ, что почва будущаго города не скудна, но требуетъ постоянной обработки, а жители города будутъ, подобно волу носящему ярмо, постоянно повинены иноземнымъ царямъ. Эти проорочества не поправились Элиссѣ, но найденный въ другомъ мѣстѣ лошадиный черепъ, по объясненію тѣхъ же волхвовъ, предвѣщавъ, что жители новаго царства будутъ люди воинственные и неукоренно племенникамъ. Эта находка утѣшила Элиссу и городъ сталъ, по сказочному, возрастать, расширяться не по днямъ, а по чѣ-

самъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ Картагенъ сдѣлался богатѣйшимъ торговымъ пунктомъ.

Хиарвасъ или *Ярбъ*, царь сосѣдняго народа макситанскаго, до котораго дошли слухи объ умѣ и красотѣ Элисы, вызвать изъ Картагена десятерыхъ депутатовъ и потребовалъ отъ нихъ, чтобы они, отъ его имени, предложили Элиссѣ быть его женою, въ случаѣ же отказа готовиться къ войнѣ. Депутаты по возвращеніи домой, не желая огорчать царицу, сказали ей, что Хиарвасъ предлагалъ имъ переселиться въ его царство для образованія и просвѣщенія макситанъ, но что они, депутаты, отказались и тѣмъ разсердили царя. „Вы должны были пожертвовать собою для блага моего царства“, сказала имъ на это Элисса. Депутаты, въ свою очередь спросили ее: готова ли она сама пожертвовать собою для пользы подданныхъ? и на утвердительный отвѣтъ рассказали Элиссѣ всю правду. Не выразивъ ни согласія, ни отказа на предложеніе Хиарваса, Элисса потребовала отъ него три мѣсяца сроку на убежденіе этого важнаго дѣла. Картагеняне неотступно просили ее выйти за царя макситанскаго или вмѣсто него взять себѣ другаго супруга... По истеченіи срока, Элисса объявила, что она согласна *соединиться съ супругомъ*, но не иначе, какъ по принесеніи жертвы памяти перваго своего мужа Акербата, убитаго Питмаліономъ. По приказанію царицы за чертой города сложили огромный костеръ, явились жрецы, велиможи, за ними пришла Элисса и весь народъ собрался на торжество. Тогда основательница Картагена, послѣ молитвы богамъ, приказала разжечь костеръ и когда его охватило пламя, Элисса объявивъ, что она въѣхала слову *соединиться съ супругомъ*, закололась кинжаломъ и упала на огонь. Таковъ былъ конецъ знаменитой основательницы Картагена.

Греческіе и римскіе историки, назвавъ Элиссу *Дидоною* и *Анною* впали въ грубую ошибку, принявъ за собственные имена *прозвища* богини Астарты. *Дидо* или *Дидона* по финикійски значить *планета*, а *гани* или *анна* — „прелестная;“ эпитетъ прилагавшійся къ имени планеты Венеры. Анахроническая ошибка Виргилія въ его Энеидѣ известна всѣмъ и каждому: великій поэтъ представилъ современниками другъ другу Дидону и Энея, тогда какъ первая жила черезъ четыреста лѣтъ слишкомъ

послѣ второго, такъ Эней жилъ во времена разоренія Трои, то есть въ 1185 г. до Р. X.

Римляне весьма основательно, принимая Кароагенъ за финикійскую колонію, жителей его называли *пуниами* или *пеннами* (руні, росні), именемъ, очевидно происходящимъ отъ слова „Финикія“ или „Феникія...“ Отсюда названіе войнъ римлянъ съ карфагенянами — войнами *пуническими*.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Затрудненія въ хронологіи. — Ничтожество скивоовъ. — Женскій недугъ. — Эноррейцы. — Финикійскіе цари послѣднѣмъ періода. — Ошибки хронографовъ. — Упадокъ Финикіи. — Науки и искусства. — Пуриургъ. — Его обривеніе. — Коппасъ. — Соленіе мяса и рыбы. — Монета, мѣра и вѣсъ. — Азбука. — Алфавитъ еврейскій. — Зодчество и вавиліе. — Египетъ, Финикія и Греція.

Что дѣлалось въ Финикіи во время основанія Кароагена и его постепеннаго возвышенія на степень самостоятельной республики, кто былъ преемникомъ Пигмаліона? На эти вопросы нѣтъ отвѣтовъ въ исторіи и выѣсто отвѣтовъ находимъ пробѣлы или отрывчатныя сказанія безъ всякихъ хронологическихъ данныхъ.

Пигмаліонъ воцарился въ 860 или 882 году до Р. X. (*), бѣгство Элиасы могло быть въ 858 или 830 (у Фортія д'Юрбена въ 882 г.), но какіе были преемники у Пигмаліона въ теченіе двухъ вѣковъ? На это исторія отвѣчаетъ молчаніемъ... Ниже

мы попытаемся по возможности доискаться до хронологическаго порядка. Въ теченіе этихъ двухъ вѣковъ, по мѣрѣ возвышенія и усиленія Кароагена, упадали и ослабѣвали Тиръ, бѣднѣла Финикія. Осглафелассаръ, царь асирійскій, покоривъ Сирію завоевывалъ часть Финикіи; онъ и его преемникъ Салманассаръ безуспѣшно, однако же пытались овладѣть Тиромъ. Не задолго передъ тѣмъ скивы, опустошившіе Сирію, овладѣли Аскалономъ и ограбили тамошній храмъ Венеры — Ураніи. За это святотатство богили наказала скивоовъ *женскимъ недугомъ* (періодическимъ кровотеченіемъ), вслѣдствіе чего они были прозваны *эноррейцами* (кровоточивыми). Такъ повѣствуетъ Геродотъ (ист. кн. I, § 105), историкъ великій, но мало знакомый съ патологіей и принявшій (съ позволенія сказать) *геморой* за какую-то чудесную болѣзнь, которую Венера наказала грабителей своего храма. Можетъ быть даже, что скивы страдали и не гемороємъ, а инымъ отвратительнымъ недугомъ одноименнымъ богинѣ любви, но уже отсюда не могли быть превращены въ женщинъ. Послѣ скивоовъ властителями Финикіи были египтяне.

Отъ воцаренія Еоваала II, до покоренія Финикіи Навуходосоромъ великимъ, при Хирахѣ II (съ 670 по 620 или съ 656 по 606 годъ до Р. X.), въ теченіе пятидесяти лѣтъ смѣнилось десять слѣдующихъ правителей: 1) *Еоваалъ II* (670—656 или 656—642 г. до Р. X.); 2) *Ваалъ, Балъ* (656—646 или 642—632 г.); 3) Судія или суффетъ *Эхиоваалъ* (три мѣсяца 645 или 631 г.); 4) *Хембесъ* (десять мѣсяцевъ 645—644 или 631—630 г.); 5) Верховный жрецъ *Авваръ* (три мѣсяца); 6—8) Царь *Валавооръ* при двухъ суффетахъ *Митонъ* и *Герастратъ* (644—638 или 630—624 г.); 9) *Мерсиалъ* (638—634 или 624—620 г.) и 10) *Хириалъ II* (634—620 или 620—606 г. до Р. X.). Цифры эти правдоподобны, но за несомнѣнную ихъ достовѣрность не можемъ поручиться. Основываясь на сказаніяхъ библейскихъ, получимъ періодъ съ 600 по 550 годъ; Фортія д'Юрбенъ (*) опре-

(*) Фортія д'Юрбенъ показываеъ 895 годъ (Tableau historique et géographique du monde, Paris 1810, tome I, p. 137).

(*) Tableau historique etc. tome I, p. 138.

за образец, въ чемъ читатель легко можетъ убѣдиться изъ прилагаемой при семь таблицъ, изображающей буквы финикійской и еврейской азбукъ (см. рис. 17). Не думаемъ сдѣлать ошибки, если скажемъ, что азбука была извѣстна финиціанамъ за 1600 л. до Р. Х., къ языку же еврейскому она примѣнена была не ранѣе 1450 г. до Р. Х. и скрижали закона Моисеева можно безошибочно назвать первыми письменными памятниками народа божія.

Произведенія финикійскаго *зодчества* и *ваянія*, находятъ во многихъ мѣстностяхъ азіатскаго материка и южной Европы. Если они не поражаютъ громадностью размѣровъ подобно индускимъ или египетскимъ, за то обладаютъ извѣстной степенью изящества и составляютъ какъ бы переходъ отъ грубаго камнетеснаго мастерства первыхъ вѣковъ бытія человечества къ художественному совершенству зодчества и ваянія греческаго. Храмы іерусалимскіе, въ построеніи котораго финикіане принимали столь дѣятельное участіе въ архитектурномъ отношеніи, занимаютъ среднее мѣсто между пагодой индійскою, капищемъ египетскимъ и акрополісомъ афинскимъ. Точно такой-же переходъ къ изящному находятъ въ идолахъ сиро-финикійскихъ отъ каковаго нибудь монументальныхъ рѣзцовъ Фидія и Праксителя.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Историческій очеркъ Картегена. — Разномысліе латонисцевъ о времени его основанія. — Сицилійскія войны. — Малагуза. — Матеевъ войско. — Бѣзнь Картегона. — Паденіе Малагузы. — Маюга. — Битва Филаса. — Азруба и Амилкаръ. — Дѣти ихъ. — Учрежденіе сената. — Осада Африкана. — Чума. — Паденіе Амилкара. — Миръ съ Діонисіемъ. — Грабежъ зрамова. — Новое положеніе морской лавы. — Алтари Цереры и Прозерпины. — Успѣхи Діонисія. — Тимолеонъ. — Заговоръ Ханиона. — Мавога. — Победы его. — Бомилкаръ. — Пуническая кланва. — Борьба съ Фарсомъ и Героломъ. — Столкновеніе съ Римомъ.

Въ дополненіе къ разсказанному нами объ основаніи *Картегена* (финицій Тунисъ), прибавимъ, что многіе историки не только оспариваютъ честь его основанія у Элисы, сестры Пигмалиона, но и противорѣчатъ другъ другу въ опредѣленіи года основанія этой знаменитой республики. Проконій, латонисецъ византийскій говоритъ будто основателями Картегена въ 1590 г. до Р. Х. были сирійскіе и финикійскіе переселенцы, бѣжавшіе на берега сѣверной Африки отъ побѣдопобитаго оружія Іисуса Навина. Аппіанъ, Евсевій и св. Іеремій называютъ основателями Картегена, Заруса и Кармедонъ, другіе, вѣруя въ непогрѣшимость Варгилія утверждали, что Дадона (г. с. Элисы) дѣйствительно была сопрежешницею Эней и жила въ 1255 г. до Р. Х. (между тѣмъ годовъ паденія Трои, вѣроятно всѣхъ прочихъ, иррадио спятъ 1185 г.) Преданіе о воловьей кожѣ, давшей имя *Бирсу*, поному крѣпко, остроумному Элисею, многіе отвергаютъ, предлагая вмѣсто бирса читать *берси*, что на древне сирійскомъ и еврейскомъ языкахъ означаютъ: крѣвость. Какъ бы то ни было, по со времени Элисы до 513 г. до Р. Х. въ лѣтисчислахъ Картегена находятъ пробѣтъ, сличкомъ въ 300 лѣтъ, въ тепеніи которыхъ

Буквы финикійскія.	Еврейскій алфавитъ.	Русскія буквы.
א	א алефъ	А
ב	ב бевъ	Б
ג	ג гимель	Г
ד	ד далесъ	Д
ה	ה хе	Х (Н)
ו	ו вау	В (W)
ז	ז заннъ	З
ח	ח хевъ	Х
ט	ט тетъ	Т
י	י юдъ	І
כ	כ кофъ	К (Q)
ל	ל ламедъ	Л
מ	מ мемъ	М
נ	נ нунъ	Н
ס	ס самехъ	С
ע	ע аинъ	Э
פ	פ фе	Ф
צ	צ цаде	Ц
ק	ק кафъ	К
ר	ר решъ	Р
ש	ש шинъ	Ш
ת	ת тау	Θ

После Адрибады осталось три сына: *Нимильконь*, *Ханнонь* и *Гисконь*, после Амилкара: *Аниибальз* (Анивалль). *Адрибальз II* и *Синфо* (160—110 л. до Р. X.). Все четверо были правителями республик, усердно послав с Магринтами и Нумидией, во имя обуздания их властолюбия, караванцы укрепили *сенат* из сотни членов, которым суфеты обязаны были отдавать отчет во всех своих действиях. В 110—130 годах, Нимильконь одержал несколько блестящих побед в Сицилии, но чужа в его войсках, а победы за тайн в Карфаген, принудила его к несорному отступлению. В 110 году Аниибальз собрал огромное ополчение, взял в Сицилии Селлонтю и Гимеру, ограбил оба города, разрушил их, не оставив камня на камне и зарыл в 3000 пленных в живые гибель своего отца. Основав на север Сицилии город *Вермесс*, Аниибальз возвратился в Карфаген с торжеством и песнотными сокровищами. В 107 г. он снова появился в Сицилии вместе с Нимильконом и осадил Агригенту. Овладев предместиями города с находившимися там кладбищами, Аниибальз надвигался падею жертвенных вестей разрыть могилы, а приятники употребил на возведение выжогого окопа (*атера*). Жестокая чужа была неизбежна вследствие этого свирепства: говоряще, «неизбежна», так как в числе трудностей, вынуждая из метал, были многие поссоренные во время последней морской а. н. Однако же как греки, так и карфагеняне видели в появлении чужа несомненный знак богов, караванцы свято-татей тайн больше, что сач Аниибальз был одою из первых жертв яви. Воин его думали уклонить богов, приноси жертвы Сатурну и Нептуну, сжигая на кострах или тая в жертв живых людей... Было бы, конечно, гораздо рациональнее жечь труны заключенных, но этого карфагенянам не пришло в голову. Чужа не утихла; война убивала и кажда-дущих людей: на помощь Агригенту прибыли из Сиракуз сиб-зия робота и тогда Нимильконь сам был вынужден выдерживать осаду из своей укрепленной лагерь. Из бедствия чужа приспособилось новое—голод, и все войско карфагенское было на-вдоль от кончала истреблений. Ни-нино в это время Нимиль-

конь совершил подвиг безпримерный в летописях военного искусства. Замыслив в море караван судов, шедших в Агригенту с продовольствием, Нимильконь начал на него в рало-лах, овладел всеми грузами и таким образом подверг го-роду всею ужасам осады голодом. Жители Агригента брош-жены были вскоре наступить из города и оставить его на разграбление Нимилькону... Сокровища найденные им вознагра-дили его и все войско за все страдания и бедствия лишения. Оста-вив на зиму в Агригенте, Нимильконь весною 104 г. до Р. X. овладел Гелю и Кохарину. Чужа, бороться с которым было кажется на рогу написано карфагенянам, охватила воин-ский выль Нимилькона. *Дионисий* сиракузский заключил с ним мирный договор, по которому греки уступили Карфагену в Сицилии: область синайицев, Селлонтю, Агригенту, Гимеру, Гелу и Кохарину. Уступивший лаврам, с бесчисленными сопро-вощами Нимильконь возвратился в Карфаген, в который вме-ст с последним занес в морскую язву.

Пользуясь бедствиями республики, Дионисий сиракузский собрал флот (399 г. до Р. X.) возмущил жителей Сиракуз, перер-завших всех карфагенских купцов, и осадил Мотию, главную цитадель карфагеняв в Сицилии. После отчаянной защиты, ст-ны Мотии были разрушены ст-лобитами жителями и греки, овла-див городом, перенесли всех его жителей (397 г.). В от-жжение Дионису за это вбромство, Нимильконь осадил Сира-кузы, истребить тамошний флот; овладел Мотиею, Эриком. Мотиею, Палермо—наконец осадил Сиракузы с суши, Ма-гошь II—с моря. Овладев предместиями, Нимильконь вместе боевого шатра поместился в храм Юпитера; ограбил до чн-ста храмы Цереры и Прозерпины и по плутому, идиотическому примеру Аниибала, разрыл кладбища, особенно наружась в их прахот Гелюа и жепи его Демаретии... Вреня было зноее, для чужа самое благоприятное и она не замедлила своим появлением... На этот раз, по сказаниям историков, лютость морской язвы превосходила все преддущия эпидемии. Кроме чужих буб-нов, разрывающихся парвами, сопровождаемых автономиям от-пех, у зараженных обнаруживались признаки бешенства и бред,

сопровождаясь страшными избиениями; смерть — хотя и скорая была соединена с мучениями невыносимыми. Дионисий этимъ временемъ съелъ карфагенскій флотъ: Имилконъ бросилъ свои войска на произволъ судьбы, окончатъ жизнь въ безвѣстности и нищетѣ — едва-ли не самоубійствомъ, какъ утверждаютъ греческіе историки. Войска, въ особенности же союзники карфагенцевъ, пунидцы, испугавшись Имилкона, покинули Сицилію, осажденную Карфагеномъ (395 г.) и жаждали столицы республикѣ испытать всѣ мученія голода, сопровождаемаго моральною жаждою. Жители Карфагена рѣшились прибѣгнуть къ помощи неба и подвинули алтари Цереры и Прозерпины, обижавшихъ въ Сициліи, признавъ ихъ за богинь: жгя дѣтей на жертвенникахъ Сатурна. Могущая война и пунидцы, послѣдствіе несогласій въ своемъ лагерьѣ, сняли осаду Карфагена. Намѣстие Магона на Сицилію (395—383 г.) окончилось миромъ, черезъ девять лѣтъ нарушившемъ. Въ 383 г. Дионисій разбилъ карфагенцевъ наголову подъ Кибаленомъ; Магонъ былъ убитъ и по договору карфагеняне обязались вовсе оставить Сицилію и признать ея независимость. Съ 382 по 368 годъ въ пестротѣ Карфагена не находили ничего иного кромѣ скаканій о неудачныхъ войнахъ, внутреннихъ мятѣжахъ и мерзкихъ неурядицахъ... Въ 352 г. Карфагенъ возобновилъ мирный договоръ съ Римомъ и въ то же время возмущившіеся жители Сиракузъ начали изъ города Дионисія младшаго. При содѣйствіи коринфянъ и подѣ предводителейъ *Тимоклеона*, сиракузские отряды карфагенцевъ, предводимыхъ Магономъ и Икегомъ; первый изъ нихъ закололся съ отчаяніемъ, второй бѣжалъ. Точно такую же неудачу въ 346 году потерпѣли изъ Сициліи *Амилкаръ II* и *Амилонъ II*, разбитые на сушѣ и на морѣ. Въ послѣднѣмъ случаѣ гремя вихоромъ страшная буря, потрепившая флотъ карфагенскій. Въ 338 году республика заключила миръ съ Тимоклеономъ, привалившимъ ея владычеству всѣмъ колоніямъ Сициліи до рѣки Галина. Войны неурядицы на время утихли; ихъ замѣнили безпорядки внутренніе. Знаменитый гражданинъ *Аминонъ*, задумавъ присвоить верховную власть, рѣшился неурядице сенаторовъ и подкупивъ войска и народъ превозгласить себя царемъ Карфагена. Двѣтъ исполненія своего умысла

Ханнонъ назначилъ день свадьбы дочери, въ который желалъ дать пиръ съпугу въ всему городу. Сенаторы узнавая намѣреніе Ханнона, издали законъ опредѣлявшій цифру свадебныхъ издержекъ съ строжайшимъ запрещеніемъ превосходить ее. Видя, что строгость не у мѣста, Ханнонъ рѣшился сыграть въ открытую и вернувшемъ 20,000 талантовъ поднять знамя мѣтежа. Граждане и воины не приняли его стороны и Ханнонъ принужденъ былъ отступить и укрѣпиться въ предместьяхъ. Выданный сенату союзникъ же, онъ послѣ жестокаго бичеванія съ выколотыми глазами и раздробленными членами былъ распятъ на крестѣ. Все его семейство пошло въ жестокихъ истязаніяхъ (337 г. до Р. X). Водворилась тишина, предвѣстница бури и помылъ кровопролитійныхъ расстройствъ *Агасоклъ*, тираномъ сиракузскимъ.

Агасоклъ (319—289 г. до Р. X.) биографіей своей напоминаетъ Крошеля, Пугачева и обоихъ Наполеоновъ (г. е. IV III) или вѣрнѣе сказать, совмѣщаетъ въ своей личности всѣ главнѣйшіе черты этихъ похитителей власти, отдѣленныхъ отъ него двумя тысячелѣтіями. Сынъ простаго торговщика, онъ поочередно исправлялъ должности публичной женщины, былъ сводникомъ, разбойникомъ и солдатою. Въ послѣднемъ званіи достигъ чина, сперва сотника, потомъ тысячскаго (*хилиарха*). Стремясь въ верховную власть *Агасоклъ* осадилъ Сиракузы съ помощію Амилкара II. Постыдный случай принудилъ гражданъ съ *Агасокломъ* въ помощь ему достигнуть престола. За это новый тиранъ сиракузскій далъ клятву Амилкару быть неизменно вѣрнымъ союзникомъ Карфагена и на первый же случай объявить республикѣ войну, если будто бы сенату за притѣсненіемъ Амилкара. Послѣдній осадилъ Сиракузы, но *Агасоклъ*, въ свою очередь, благополучно миновалъ флотъ карфагенскій, выходя на берегахъ Африки, разбилъ *Ханнона*, *Бомилкара* и осадилъ Карфагенъ. Города, лишенные защиты, прибѣгнувъ къ помощи боговъ и въ одинъ день съжегъ на алтарѣ Сатурна (Молоха) до двухсотъ младенцевъ, выбравшихъ изъ знатнѣйшихъ семействъ. Амилкаръ погнавъ Сицилію поспѣшилъ на помощь къ Карфагену, а *Агасоклъ* между тѣмъ, овладѣвъ Адрметомъ, Осиномъ и Тунисомъ... Заключивъ союзъ съ *Обельпатономъ*, царемъ Киренакии (котораго

впоследствии онъ предательски умертвилъ), Агаокла нанесъ еще нѣсколько ударовъ республикѣ и поручилъ дальѣйшее веденіе войны ему своему *Архатаму* возвратился въ Сицилію. Къ довершенію сдѣланныхъ въ сѣвѣхъ ослабленнаго Картагена возникнулъ митяжъ *Бонилькара*, который пользуется вероломствомъ, измучить превратить республику картагенскую въ монархію. Сначала одержавъ верхъ надъ сопротивлявшимся ему гражданами, Бонилькаръ вскорѣ со своими приверженцами принужденъ былъ выступить изъ города. Сенаторы опасались, чтобы онъ не соединился съ сиракузцами, клятвенно убѣдили Бонилькара въ прощеніи, лишь бы только онъ возвратился. Вѣра сенату, митяжники сдѣлали и истерзаннныя пытками были тотчасъ же рабства на кресты! Это коварство картагенскаго сената было первымъ дѣйствіемъ такъ называемой *пунической войны*, которая у римлянъ была синонимомъ измѣны, подлости и вероломства... Чистосердечные римляне, вѣруя въ неслучайность даднаго слова, конечно не думали, что пуническая война въ XIX вѣкѣ до Р. X. будетъ основными дѣятелями подлостей многихъ европейскихъ народовъ.

Сенатъ картагенскій для отраженія Архата назначилъ военачальниками *Андербага* (Ахерваала) *Ханнона* и *Пинилькона*. Сынъ Агаокла былъ вскорѣ отпущенъ ими отъ Картагена къ Тунису, но прибытіе тирана сдѣлало измѣнить ходъ войны. Доведенные до послѣдней крайности картагеняне заключили миръ и не нарушали его до самой смерти Агаокла въ 289 г. до Р. X.

Поблудившие отъ опаснаго прата, картагеняне не замедлили нарушить миръ и снова прибѣгнуть къ рукамъ сицилійскихъ колоній. Въ 278 г. они предлагали свое сдѣлать римлянамъ, соединившимъ тогда съ *Пирромъ*, иппирскимъ царемъ, желавшимъ на дочери Агаокла, *Ланиссы*. Походъ его въ Сицилію казался должнымъ быть положить конецъ альянсу картагенянъ: одну за другою Пирръ огнялъ у лѣвъ всѣ колоніи, за исключеніемъ *Меліи*. Безпокойный однако съ моря флотъ картагенскихъ пѣхотѣ съ тѣмъ тревожнымъ митяжамъ во многихъ городахъ Сициліи, Пирръ былъ вынужденъ покинуть этотъ островъ и произнесъ при этомъ пророческія слова: „чуждый край! обширная арена для борьбы между *Римомъ* и *Картагеномъ*!“ Эпирскій царь былъ

иранъ, близилось время войнъ пуническихъ; окончившихся паденіемъ неугомоннаго Картагена. Еще за шесть лѣтъ до перваго своего столкновенія съ Римомъ картагеняне, все изъ за той же Сициліи, вели ожесточенную борьбу съ *Гирономомъ* сиракузскимъ (275—268 л. до Р. X.). Эта была борьба двухъ титровъ, прекратившаяся при первомъ рычаніи *тибрскаго льва*, будущаго обладателя всего древняго свѣта, могучаго Рима!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Первая пуническая война. — Ея причины. — Мамертинцы. — Победы римлянъ надъ Гирономомъ. — Консулы Пизаннуидъ. — Флотъ у римлянъ. — Ауній. — Битва при Эпиолѣ. — Грехъ Каннионга. — Шлихъ Регулъ. — Переговоры о мирѣ. — Казнь Регулъ. — Особа Аннибала. — Битва у Дрантиса. — Победы Луция Катула. — Миръ. — Бунтъ наемныхъ войскъ. — Особа Карвинея. — Взорван пуническая война. — Разореніе Сиракузъ. — Ахиллѣсъ съ Пиндіей. — Тесино, Требія и Траянмне. — Фабій кукутатора. — Каяны. — Канни. — Сиртисонъ. — Соезъ римлянъ съ Масиниссомъ. — Сраженіе при Замъ. — Уступленіе мира. — Потребленіе Флора. — Антихъ сиріейскій. — Смерть Аннибала.

Ослабленіе между Римомъ и Картагеномъ обнаружилось еще во время войны перваго съ Пирромъ и обѣ республики искали только благоуднаго предлога къ разрѣшенію вопроса о первенствѣ и всемирномъ владычествѣ силою оружія. Случай не замедлялъ представиться. Наемная войска Агаокла, оставшіяся въ Сициліи (орда буйной солдатчины, для которой грабежъ и насиліе составляли вѣчную потребность), овладѣли Мессиною. Величественныя разбойниковъ составляли бродяги, пѣзъ людей, величавшихъ себя въ честь бога войны Мамерта (Марса) *мѣммертинцами*. Одновременно съ захватомъ Мессины этики разбойнички, богатыя гражданинъ Канни

Другой Ювентий, ограбив Реджіо, вторгся въ Сицилію и овладѣлъ нѣсколькими городами, принадлежавшими республикѣ карфагенской. Этого злодѣи, по распоряженію сената римскаго, были жестоко наказаны; зачатые его шайкамы города были освобождены и возвращены Карфагену, однако же кромѣ Мессины, въ которой властвовали жамертинцы. Сенатъ карфагенскій рѣшилъ вытѣснить ихъ и послать войска для осады Мессины. Жамертинцы отправили пословъ въ Римъ, съ просьбою о помощи и тѣмъ поставили таковой сенатъ въ крайне двусмысленное положеніе: помогать разбойникамъ было дѣломъ недостойнымъ великаго народа; но и содѣйствовать карфагенянамъ въ ущербъ собственнымъ интересамъ было не расчетливо... Этимъ неосторожнымъ образомъ на обезуденіе народу, который рѣшилъ его въ пользу жамертинцевъ. Тогда началась *первая* пуническая война, продолжавшаяся двадцать четыре года (262—238 г. до Р. X.), съ обѣихъ сторонъ ознаменованная яркими великими подвигами, но еще того болѣе существенными потерями, какъ для Рима, такъ и для Карфагена.

Вести войну не имѣя флота, съ державою, владычествовавшей на моряхъ, было со стороны римлянъ весьма опрометчиво. Римскія войска подъ предводительствомъ *Аппія Клавдія* прибыли въ Реджіо и на рыбачьихъ лодкахъ переправились чрезъ Мессинскій проливъ, но были отбиты отъ берега карфагенянами и ихъ союзниками *Гиронами*. Аппій едва успѣлъ убѣжать въ Реджіо, откуда намѣревался и еще выступить обратно въ Римъ. Обрадованные успѣхомъ карфагеніе снали осаду Мессины и тогда-то Аппій, вторично переправившись изъ Реджіо на острова, высадился у береговъ Мессины, разбилъ Гирона и принудилъ его бѣжать въ Сиракузы: вытѣснивъ карфагенянъ изъ ихъ укрѣпленнаго лагеря, а затѣмъ осадилъ Сиракузы.

На слѣдующій годъ (261) въ Сицилію, подъ предводительствомъ двухъ консуловъ отправлено было 32,000 воиновъ и 3,600 человекъ конницы. Въ короткое время шестидесять семь городовъ сдались добычею римлянъ и Гиронъ принужденъ былъ выступить съ ними въ мирные переговоры. Римляне уступили ему часть Сициліи, взявъ съ него сто талантовъ (137,500 руб. сереб.)

военныхъ издержекъ. Анибалъ шедшій съ флотомъ изъ Карфагена на помощь къ Гирону принужденъ былъ возвратиться. Въ 260 году консулъ *Постумій* овладѣлъ Агригентомъ послѣ семимѣсячной осады, потерявъ подъ его стѣнами до 30,000 воиновъ... Флотъ былъ насущной потребностью римской республики и она явилась, будто по завованію золотого жовна! Вуря загнала къ берегамъ Италіи карфагенскую галеру и она посажена на образцовъ для постройки 120 военныхъ судовъ, сооруженныхъ въ два мѣсяца времени. Начальство надъ сухопутными войсками вѣрено было консулу *Дуилию*; надъ морскими силами *Корнелию*. Послѣ пораженія послѣдняго у Липары, Дулій сдѣлъ предпримчивость трибуна, принявъ начальство надъ флотомъ и двинулся съ нимъ къ Мель (Меллицо) на встрѣчу карфагенскому флоту, который командовалъ *Анибалъ*. Схватясь надъ отлогою римлянъ повичковъ на морѣ, Анибалъ былъ увѣренъ въ побѣдѣ: она однако же вѣдѣла ему, благодаря изобрѣтеннымъ Дуліемъ крыжамъ (версакъ), которыми римскій консулъ схватился съ карфагенянами на бордажъ и одержалъ надъ ними блестящѣйшую побѣду: 130 кораблей были потоплены и Анибалъ едва спасся бѣствомъ. Оттѣснивъ карфагенянъ отъ Сегеста, Дулій овладѣлъ Меллицою. Въ 257 г. для отлученія римлянъ отъ Сициліи Анибалъ отправился на Сардинію и Корсику, но разбитый нѣсколько разъ *Корнелиемъ Сципиономъ*, онъ былъ распятъ на крестѣ собственными позвухившимися войсками. Корсика и Сардинія были заняты римлянами. Несравненно успѣшнѣе дѣйствовали въ Сициліи *Атильаръ*, овладѣвшій Эннопю, Комариною, Эрпикомъ и Дренаномъ и съиринившій, наконецъ, предъ римскими легионами, предводителями консуломъ *Флорусомъ*. Въ 256 г. Атилій Колатинъ и Сулпитій Пагеркулъ отняли у карфагенянъ въ Сициліи Гипнопю, Комарину и выжили до тла Мисстратъ. За всѣ эти потери враги римлянъ вознаградили себя пораженіемъ Атилія въ морской битвѣ у острововъ Липарскихъ. Римляне рѣшились перенести театръ войны въ Африку и въ 254 году флотилию ихъ, 330 кораблей подъ начальствомъ *Регула* и *Манія*, сразилась съ претраждавшими ей путь 250 неприятельскими кораблями предводимыми *Амилкаромъ* и *Ханнономъ*. Одержавъ надъ ними

морскую победу при Эпикоме, Регулъ высадился на африканскій берегъ и овладѣлъ Клипею (нынѣшня Калубія). Сенатъ римскій убителный въ усѣбѣхъ своихъ и слабости перипята, отозвалъ Манлиа, препоручивъ одному Регулу продолжать борьбу въ предѣлахъ республики карфагенской. Онъ сдѣлалъ не только все что могъ, не смотря на неравенство силъ, но обложилъ Аддисъ, овладѣвъ Тунисомъ и укрѣпившимъ лагеремъ карфагенскимъ, разбивъ на голову полководцевъ Аздрубала, Амилкара и Востира. Непритель вступилъ съ Регуломъ въ переговоры; побѣдитель требовалъ уступки Сардинии и Сициліи, безплатной выдачи пѣнннхъ и тажкой, ежегодной дани... Сенатъ карфагенскій не согласился на яръ, основанный на такихъ постыдныхъ условіяхъ, не смотря на отчаянное положеніе республики. Тогда, благодаря цѣлствамъ, совершавша переротъ въ пользу послѣдней и счастье измѣнило Регулу. Это страшное событіе напоминаетъ намъ позорный подвигъ Сардиніи противъ Россіи во время крымской пачинаи: сардинцы не постыдились продать свои услуги англо-французамъ, осаждавшимъ Севастополь, точно такъ же, какъ лакедемонянинъ предлагалъ карфагенянамъ иной планъ войны, съ условіемъ довѣрить ему одному начальство надъ войсками. Благодаря превосходству силъ, а главное — слонамъ, сившимъ римскіе легіоны, Ксантинъ одержалъ надъ Регуломъ блестящую побѣду и взять несчастнаго проволочилъ въ плѣнъ! Радость карфагенцевъ не вышла границъ: она выражалась народными празднествами, религиозными процессіями и позорною выставкою славнаго пѣнника въ вопсечомъ триумфѣ Ксантина. Получивъ условленную цѣну крови, злотъ гадъ, доведываясь этихъ единственныхъ подвигомъ, увелъ во своемъ.

Вѣсть о сдѣлкахъ Регула принудила сенатъ римскій послать въ Африку флотилію съ консулами *Маркомъ Эмилиемъ* и *Сирциемъ Флавіемъ*. Одержавъ побѣду у мыса Гермеума, они у береговъ Сициліи потерпѣли страшное крушеніе и изъ 350 кораблей едва уцѣлѣло 50. Въ 252 году, почти вся Сицилія была отнята у карфагенянъ: слѣдовавшее затѣмъ два года римляне блокировали африканскіе берега, но у мыса Палипура захваченные

страшной бурей, опять потеряли почти весь флотъ и убѣдились наконецъ, что сплывае и могучіе на сушѣ, они позожительно неспособны быть мореходами. Кроме потери городовъ, кораблей и десятковъ тысячъ воиновъ, Карфагенъ истощилъ всю казну на веденіе войны, конца которой не предвидѣлось въ близкомъ будущемъ. На просьбу республики о выдачѣ ей 2000 талантовъ, Птоломей Филиadelphъ отычалъ отказомъ: строго соблюдая нейтралитетъ, онъ сказалъ, что не омышается помочь одному своему другу противъ другаго. Доведенные до крайности карфагеняне отправили въ Римъ посольство для мирныхъ переговоровъ, поручивъ вести ихъ пѣннику Регулу, съ котораго взяли честное слово, во всякомъ случаѣ возвратиться въ тѣнищу по окончаніи переговоровъ... Кому изъ насъ не извѣстенъ подвигъ незабвеннаго мученика чести! Регулъ, прибывшій въ Римъ не только не склонилъ гражданъ къ миру, но упорно настаивалъ на продолженіе войны. Его друзья и семейство умоляли Регула остаться; верховный жрецъ разрѣшалъ ему нарушить слово, данное карфагенянамъ...

Но Регулъ былъ непоколебимъ и сопровождался слезами народа римскаго, отыналъ обратно въ свою тѣнищу. По этому подвигу можно судить о великодушіи великаго народа римскаго, а по лютымъ истязаніямъ и казни — которымъ Регула подвергли въ Карфагенѣ — о низости, безчеловѣчии и злѣствѣ карфагенцевъ! Историки упрекали *Катона-цензора* за его пастойчивыя требованія о разрушеніи Карфагена: по разореніе этого гнѣзда торгашей, продажныхъ и низкихъ душъ, было только справедливымъ возмездіемъ за смерть Регула. Карфагеняне, вырѣзавъ ему глаза и зѣны, ибсколемъ дней кряду выводили его на знойное солнце, оборащывая лице его къ валамъ лучамъ; сѣкли его бичами и наконецъ вложили въ ящикъ, внутренность котораго была обита гвоздями. Въ этихъ пыткахъ характеръ народа карфагенскаго высказывается много и тутъ же у мѣста пи разглагоствования, ни сгованія... Пуническая война называлась борьбою двухъ могучихъ республикъ изъ за обладанія древнимъ міромъ; такъ, это само по себѣ, но кроме того, ихъ можно назвать борьбою тьмы со свѣтомъ, низости съ благородствомъ, зла съ добромъ. Что было

бы съ человечествомъ, если бы вмѣсто римлянъ, карфагеняне были пластичными свѣтя?

Въ 218 году римляне безуспѣшно осаждали Лилию; замиравшую *Лилиюнополъ*. Неугомонная дѣятельность этого полководца, удачныя вылазки, сожженіе нѣхъ осаждаемыхъ машинъ у осаждавшихъ, довели ихъ до отчаяннаго положенія, а облеженіе ихъ лагеря Аппималомъ и Адрибаломъ, нѣдлю слѣдствіемъ жестокой голоди, принудившій римлянъ отступить. Флотъ, посланный изъ Рима подъ начальствомъ консула *Нубіа Клавдія Пульгера*, потерпѣлъ пораженіе близъ Дренанта, потомъ у Лилии, гдѣ окончательно былъ истребленъ бурей. Въ 216 году, главнокомандующимъ морскими и сухопутными силами карфагенянъ былъ *Аннибалъ-Барка*, отецъ героя второй пунической войны — Аннибала.

Аннибалъ опустошилъ берега Италіи, занявъ гору Эрате у Палермо, овладѣвъ Эриксомъ, въ которомъ держался два года, не смотря на всѣ усилія облегчавшихъ его двухъ арій римскихъ. Въ 241 году *Гутатій Кантулатъ* съ помѣхъ флота разбилъ карфагенянъ у острововъ Эгатискихъ и принудилъ ихъ къ миру на тѣхъ сѣмыхъ условіяхъ, которыми подлѣ стѣнами Кароагена предлагалъ изъ Регуля. По договору, карфагеняне отступались отъ всякихъ притязаній на Сицилію; обнзывались не воевать съ союзниками Рима; выдать ему всѣхъ плѣнныхъ безъ выкупа; въ вознагражденіе же за военные убытки, заплатить одновременно 1,000 талантовъ золота (137,500,000 руб. сер.) и 2,200 талантовъ серебра (2,750,000 руб. сер.) съ разрѣшомъ на децать лѣтъ. Такъ окончилась первая пуническая война, съ окончаніемъ которой не прекратились однако же бѣдствія республики карфагенской.

Сенатъ республики: собрание торгашей, способныхъ при случаѣ на мошенничество, вмѣсто выдачи жалованья наемнымъ воинамъ, по пенсійной денегъ, изымалъ отъѣхавшихъ обидчавшимъ, посулами, наконецъ, безъ зазрѣній охотѣ сдѣлать просятъ у наемниковъ услуги, т. е. скидки со слѣдующей нѣхъ платы. Наемники справедливо обижаясь, выбутовались и предводные *Магосолъ* и *Спендіелъ*, опладѣли Тунисомъ (237 г.), Гиппонамъ, Утикою; умертвили полководца *Гискона*, посланнаго къ нимъ для пере-

говоромъ, наконецъ осадилъ Кароагенъ. Не мало времени, трудовъ, а самое главное — издержекъ, потребовали усмиреніе мятежа и спасеніе республики, или, выражаясь точнѣе, не спасеніе, а отсрочки ея гибели.

Желая вознаградить себя за потерю Сициліи, карфагеняне рѣшились загосовать Испанію. Римская республика не препятствовала имъ, но позволила предлѣзъ ихъ владѣній рѣку Эбро и объявила городъ *Сагунтъ* своимъ союзникомъ. Не видя на это, можетъ быть даже умнзленно бравирова Ричъ, полководецъ кароагенскій *Аннибалъ* разорилъ Сагунтъ, и римляне не замедлили отправить въ Кароагенъ консула *Фабіа* требовать удовлетворенія за нарушеніе договора.

— Война или миръ? спросилъ Фабій у сенаторовъ кароагенскихъ.

— Выбирайте сами! отвѣчала сенаторы.

— Въ такомъ случаѣ война! объявилъ Фабій. — Война началась.

Аннибалъ, облеченный званіемъ главнокомандующаго перешелъ черезъ Эбро, Пиринейскія горы, Рону и Альпы и продолжала на каждомъ шагѣ естественныя преграды вступилъ въ предѣлы Италіи. О походѣ кароагенскаго героя существуетъ великое множество правдивыхъ и баснословныхъ сказаній, надъ которыми мы однако же не остановимся, чтобы не отвлекаться отъ обзора военныхъ его дѣйствій. Тремя побѣдами надъ римлянами, Аннибалъ заслужилъ бессмертную славу: *Тессино*, *Тревіа* и *Тразимене* — имена незабвенныя въ лѣтописяхъ военного искусства (217 л. до Р. X.). Черезъ 2016 лѣтъ на этихъ же сѣмыхъ мѣстахъ *Суворовъ* воскресилъ въ намяти Европы подвиги Аннибала, давъ стратегическій шахъ и мать войскамъ французской республики на тѣхъ же сѣмыхъ клѣткахъ и тѣмъ же сѣмымъ ходамъ.

На мѣсто побѣжденнаго консула *Фаллиция*, римляне избрали диктатора *Фабіа*. Условившись отъ битвы, послѣдній рѣшился утомлять Аннибала безпрестанными передвиженіями и остался неизмѣнно вѣренъ этому плану, не обращая вниманія на розовыя войска, согражданъ и на оскорбительное званіе *диктатора* (медлителя), данное ему ради укоризны въ изпавшей осторож-

сти, чуть ли не въ измѣнѣ... Такъ дѣйствовала съ Наполеономъ I палль Барклая де Толли, подобно Фабию точно также не списывавший себѣ ничего, кромѣ общаго и оскорбленія! Римскій сенатъ недовольный дѣйствіями купителя далъ ему въ сподвижники *Минувикъ*. Послѣдній, желая на опытѣ доказать всю слабость тактики Фабиа, вступилъ въ бой съ Аннибаломъ и былъ бы разбитъ поголову, еслибъ его не спасъ благоразумный Фаби. Побѣда его надъ Аннибаломъ не заставила заключать недоброжелателей и начальство надъ римскими войсками извѣрно было *Энлио* и *Варрону*, чередовавшимся въ предводительствѣ. Варронъ сразился съ карфагенянами при *Каннахъ* (216 л. до Р. X.) и потерпѣлъ поражение, до того времени безпримѣрное въ лѣтописяхъ римскихъ! Изъ влчцему ужасенію Варрона, Аннибалъ даже не преслѣдовалъ разбитыхъ, обращенныхъ въ бѣгство, приказавъ своимъ воинамъ падать ихъ!

Ярость римлянъ и единодушная готовность мстить врагу возростали вмѣстѣ съ неудачами. Отвергая всякую попытку къ миру, великій народъ возсталъ поголовно, давъ клятву своей кровью смыть позоръ и униженіе. Торжествующій Аннибалъ занявъ Кампанію вознамѣрился зимовать въ *Канну*. Здѣсь его воины, поздравляя себя за продолжительныя лишенія бивачной жизни, ударились во всевозможныя расхуство; изнѣжались, обѣщались, обезсѣялись. Тщесно ожидая всемогательныхъ войскъ изъ Карфагена, Аннибалъ удалился въ южную Италію и принялъ систему войны оборонительной. Между тѣмъ новый полководецъ римскій *Сципіонъ* овладѣлъ Испаніею, а *Маркеллъ*, прозванный „мечемъ римскимъ“, занялъ Сицилію (212 г.). Подобно громовымъ тучамъ римскіе легіоны облегли Аннибала и положеніе его становилось почти отчаяннымъ. Побѣды Сципіона въ Африкѣ доставили римлянамъ сильнаго союзника въ лицѣ нумидійскаго царя *Масиниссы*. Вызнавший въ Карфагенѣ Аннибалъ съ грустью выступилъ изъ Италіи. Сенатъ карфагенскій требовалъ потоптаться, чтобы онъ вступилъ съ римлянами въ рѣшительный бой и далъ Сципіону генеральное сраженіе. Повинуясь волѣ сената, Аннибалъ выразилъ желаніе свидѣться съ римскимъ полководцемъ. Въ смутномъ предчувствіи проигрыша герой Карфагена, указавъ Сципіону на непо-

стоянство воинскаго счастья, предложилъ ему честный миръ: Сципіонъ отвѣчалъ отказомъ и участь Карфагена была рѣшена на поляхъ *Замы* (202 г. до Р. X.). Одержавъ надъ Аннибаломъ рѣшительную побѣду, Сципіонъ предъявилъ карфагенянамъ условія мира: 1) отреченіе ихъ отъ всехъ африканскихъ владѣній; 2) уплату римлянамъ 10,000 талантовъ серебра (12,500,000 руб.); 3) призваніе Масиниссы владѣтелемъ всей Нумидіи; 4) повиновеніе во всехъ своихъ государственныхъ дѣлахъ волѣ Рима, и 5) выдачу римлянамъ всего карфагенскаго флота, состоявшаго изъ 500 кораблей... Послѣдніе были сожжены въ виду Карфагена! Разоренная, уничтоженная, раздавленная республика похожа была на живой трупъ человѣка разбитого параличемъ; дальнѣйшее ея существованіе было уже не жизнью, не агоніей.

Преслѣдуемый проклятіями согражданъ и непогодившемъ римлянь, Аннибалъ удалился ко двору Антиоха III сирійскаго и уговорилъ его объявить войну республикѣ римской. Разбитый при *Магнези*, Антиохъ уступилъ ей часть Малой Азіи по сѣ сторону Таура и согласился выдать Аннибала (190 г. до Р. X.). Послѣдній бѣжалъ въ Вавилонъ, гдѣ окончилъ скитальческую и опустынную жизнь самоубійствомъ (въ 183 г. до Р. X.).

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ, ВТОРАЯ.

Состояніе Карфагена послѣ второй войны. — Катоны ценсоръ. — Виттика словеса. — Борьба Карфагена съ Масиниссой. — Третья пуническая война. — Разрушеніе Карфагена. — Ею сравненіе съ Римомъ. — Религія. — Духовство, основаніе ея догматовъ. — Молюхъ. — Геркулесъ — Пилубонъ. — Ахилларъ. — Обычай самоубійствъ. — Били Грегинъ. — Связь сабизма съ язычествомъ древней Европы. — Письмена. — Ихъ преимущества передъ прочими письменностями. — Терпимый. — Меланъ.

Пятьдесятъ три года существовала карфагенская республика послѣ второй пунической войны, подобно ядовитой змѣѣ, у кото-

рой вырваны зубы: не только Риму, но и слабейшим державам. Карфагенъ уже не могъ быть опасенъ. Лининий сѣлъ, морскихъ и сухопутныхъ, онъ павѣи отказался отъ завоеваній и обратился къ мирнымъ источникамъ обогащенія: къ торговлѣ и промышленности. Преданія о борьбѣ съ римлянами были незначительно сѣсны въ памяти народной и съ именами Фаbia, Думиia, обоеихъ Scipionovъ (африканскаго и азиатскаго) перазрывно связаны были проклятія и ужасъ... Однако же изъ вѣствъ враговъ республики карфагенской, конечно ни одинъ не былъ такъ страшенъ, какимъ явился новый врагъ, виновникъ ея гибели, знаменитый *Катонъ-ценсоръ*. Олицетворенный цинцишъ, безжалостный какъ топоръ налача, неутомимый какъ идолъ и подобно идолу бездушный, Катонъ заданъ ужасной мыслію, что для упроченія могущества и славы республики римской уничтоженіе Карфагена необходимо и единственное успѣіе. „Карфагенъ долженъ быть разрушенъ! (Delenda est Carthago!)“ повторилъ ценсоръ сенату и голосъ его звучалъ какъ неутомимый погребальный звонъ надъ головою человека, приготовленнаго къ смерти. Для Карфагена три слова Катона-ценсора: Delenda est Carthago были тоже роковое значеніе, какъ *Мани воакъъ фаресъ* для Вавилона; устами ценсора сама судьба возвышала римлянамъ свой непреложный законъ. Пливій рассказываетъ (Исторію міра, кн. XV. гл. 20), что однажды суровый ненавистникъ Карфагена явился въ сенатъ съ вѣстію сѣблѣть споконъ и спросилъ сенаторовъ: могутъ ли они оттадать, давно ли и гдѣ именно эти излоди сорваны? и на отрицательный отвѣтъ, сказать имъ, что споконъ сорваны три дня тому назадъ въ Карфагенѣ и прибавилъ при этомъ:

— Вотъ какъ блико отъ Рима живутъ его заклятые враги и вы терпите, нимало не тревожась этимъ близкимъ и опаснымъ соседствомъ!

Участъ Карфагена была рѣшена и правдолюбивые, честные римляне на этотъ разъ не постыдились придаться къ ничтожному новоду, чтобы объявить несчастной республикѣ третью и последнюю войну. Манинесса, союзникъ Рима вторгся въ области карфагенскія и жители дерзнули защищаться. Сенатъ римскій вѣхался въ это дѣло и предложилъ свое посредничество для при-

миренія воевавшихъ сторонъ, вѣдѣвъ за посольствомъ своимъ отъправилъ въ Африку 84,000 войска. Карфагеніе въ ужасѣ являли желаніе принять римское подданство; сенатъ согласился, но по отобраніи оружія у карфагеніи объявили имъ, что по волѣ пародіи Карфагенъ долженъ быть разрушенъ. Это вѣроломство побудило въ карфагеніахъ отчаянную рѣшимость отстаивать до послѣней капли крови свободу и независимость. Они приступили къ приготовленіямъ для послѣдней борьбы, не щадя имущества для сооруженія новаго флота и выдѣлки оружія. На выковку послѣднего пошла металлическая домашняя утварь и земледѣльческія орудія; женщины посла изъ кузницы свои золотыя и серебряныя записки, кольца, серьги, ожерелья... Рѣзали и отдавали свои носы на илестіе вораблѣнныхъ снастей; собственноручно помогали строителямъ. Въ эти минуты жители Карфагена имѣли полное право на лестное прозвище нации великой, являясь не серебролюбивыми торговцами, каковыми были до сихъ поръ, но людьми воодушевленными благороднѣйшимъ чувствомъ любви къ отечеству! Исходъ трехлѣтней, послѣдней пунической войны (149 — 146 г. до Р. X.) оттадать было не трудно, однако же и римлянамъ не малаго труда стоило сломить отчаяннаго врага.

Scipionъ Эмилианъ овладѣвъ Карфагеномъ и не смотря на врожденное великодушіе обязанъ былъ повиноваться волѣ сената: Карфагенъ былъ превращенъ въ груды развалинъ, а изъ 700.000 жителей этого города уцѣлѣла *одна четырнадцатая доля*, прочія погибли отъ меча и огня! Карфагенская республика была превращена въ римскую провинцію.

Сравнивать карфагеніанъ съ римлянами было бы слишкомъ лестно для первыхъ и унижительно для вторыхъ. Личные, жестокие, вѣроломные карфагеніе только въ послѣдніе три года существованія ихъ республики загладили минувшее беззачіе подвигами геройства, напоичная человека, всю жизнь свою дѣлавшаго зло и низости, по онемившагося въ минуту копичны или погибшаго смертью мученика. Историкъ Геринъ (Gérin) выразился съ поразительной точностью, сказавъ, что онемившія могуществу римскому служили гранитный утѣсь, а карфагенскому — золотой песокъ... Развалины Карфагена сохранились донынѣ въ окрестностяхъ Ту-

вися; останки павшихниковъ. храмовъ, црковъ и водопроводовъ кароагенскихъ встрѣчаются въ Испаніи, на островѣ Сициліи и на сѣверныхъ прибрежьяхъ Африки... Не распространялся о нихъ потому, что отношенія ихъ къ исторіи вѣрованій народныхъ ничтожны, въ отношеніи же художественныхъ памятники эти не представляютъ никакихъ особенностей стиля, такъ какъ изицныя произведенія, ваяніе и водчества Финикій и Кароагена были подражаніями произведеніямъ Ассирій, а въслѣдствіи Греціи, подобно религиознымъ ихъ вѣрованіямъ.

Пованія кароагенцевъ о божествѣ могутъ быть названы жалкими, даже возмугительными. Для нихъ божество всегда являлось какимъ-то чудовищемъ, жаждущимъ крови, постоянно каряющимъ людей и млдующимъ ихъ, не внако какъ за обязательныя злодѣйства, въ видѣ человеческихъ жертвоприношеній. Постигало ли страпу какое бѣдствіе: моровая изва, голодъ, война и знатѣльнѣи кароагенскія семейства вели и несли дѣтей своихъ въ храмъ Молоха, гдѣ бросали ихъ на костеръ въ полной утѣренности, что ученическаа смерть младенцевъ умиловитѣльнѣе разгнѣваннаго бога. И такъ, можно безошибочно сказать, что ужасъ и душегубство были основными догматами религіи древняго Кароагена.

Божества этой страны могутъ быть распрѣдѣлены на три группы. Къ первой, мы причислимъ боговъ и богинь сиро-финикійскихъ; ко второй, героевъ Кароагена, послѣ смерти признавшихъ за боговъ; къ третьей группѣ принадлежатъ боги и богини Греціи и Рима, служеніе которыхъ было заимствовано кароагенцами у ихъ сосѣдей. Въ послѣдніе годы существованія республики ея религія была сущью сабизма съ полнеенномъ (многобожіемъ).

Верховнымъ божествомъ неизмѣнно оставался *Молохъ* (Сатурнъ), служеніе которому, какъ мы уже говорили, состояло изъ дѣтубійствъ. Это обикновеніе укоренилось въ Кароагенѣ, не взирая на всѣ усилія завоевателей этой страны. Дарій Гистасъ, царь персидскій, настоятельно требовалъ отъ кароагенцевъ прекращенія гнусныхъ жертвоприношеній. Молоху, по требованія его не исполнялись. Геловъ, тиранъ сиракузскій, заключая мирный договоръ съ республикою кароагенскою, первымъ условіемъ положилъ то же самое, чего требовалъ отъ нея и персидскій царь; кароагеняне и

на этотъ разъ отфлался общаніями. Тиверій, по словамъ Тертуліана, издавъ указъ — въ провинціи кароагенской вѣшать жрецовъ, увеличенныхъ въ приношеніи дѣтей на жертву Молоху. Эта рѣшительная мѣра принята императоромъ римскимъ (хотя и не оглашеннымъ особеннымъ хлгосердіемъ) отчасти ослабила пезійный фанатизмъ кароагенцевъ. Послѣ Молоха главѣйшимъ божествомъ былъ *Гераклесъ*. Изъ героевъ или полубожествъ пазовели: царю *Элису*, обоимъ братьямъ *Филсеномъ* (см. выше стр. 325), *Амилкара*, *Бомилкара* и *Имилкоа*. Амилкаръ, какъ повѣствуетъ Геродотъ, побѣжденный Геловомъ сиракузскимъ, безъ вѣсти пропалъ съ поля сраженія и всѣ ровски побѣдители остались тщетными. Кароагеняне, свято чтущіе его память, говорили, что во время битвы, Амилкаръ оставался въ лагерѣ принося въ жертву богамъ всевозможныхъ животныхъ и увидя бѣгство своихъ войскъ самъ бросился на костеръ. Въслѣдствіи, ему въ память, кароагеняне воздвигли алтари и приносили жертвы какъ божеству. Самоожженіе этого героя, равно какъ и оженательница Кароагена Элисы или Дидоны наводитъ насъ на мысль о возможности существованія въ этой республикѣ обичая индуискаго, перенятаго кароагенянами у гимнософистовъ. Элиса происходила па костеръ для *соединенія своего съ супругомъ* напомнимъ героевъ Бенареса и Малабара, отважно ишихъ на самоожженіе вѣзѣть съ трупами ихъ мужей.

Изъ боговъ греческо-римскихъ, кароагеняне поклонялись *Нептуну*, покровителю мореходовъ; *Аполлону*, которому былъ воздвигнутъ великолѣпный храмъ въ Кароагенѣ; *Марсу*, котораго особенно чтили Амилкарь; *Меркурію* (Сусеу), *Плутоу* (Тису) и *Эскулпу*. Изъ богинь — кароагеняне поклонялись: *Венерѣ*, *Юнонѣ*, *Церерѣ* и *Прозертинѣ*.

Если бы мы въ трудѣ нашемъ не садовали хронологическому порядку, мы вѣдѣть за обложоя боговъ Финикій и Кароагена должны были бы перейти къ религіи жителей Иберіи (Испанія), Галліи и Британіи, такъ какъ религіи перскихъ и *друидизмъ*, образовались изъ догматовъ сабизма финикійскаго и кароагенскаго. Изъвне предвзятой нами прогнѣвъ ограничиваемся только этою замѣткою, и о связи религіи древняго и новаго міровъ поговоримъ

подробнее в последующих точках. Не смотря на шаткость своих религиозных убеждений и на склонность увеличивать число своих богов богами индусскими — кароагеняне, вследствие обширных торговых сношений с прочими народами, много способствовали распространению азычества в южной и западной Европѣ. Путешествия торговцев религіи сабиана изъ Азии и Африки проникла на берега пыллившей Франціи и Великобританіи, можетъ быть даже Пруссіи и Швеціи. Въ последующихъ частяхъ нашей исторіи, знакомясь съ религіями *друидовъ, норланновъ, скандинавовъ* и *славянъ* самъ читатель замѣтитъ разительное сходство мисологіи народовъ восточныхъ и западныхъ.

Закопчимъ настоящимъ обзоръ религіи древняго Карфагена изображеніемъ драгоценнѣйшаго памятника этой страны; памятникъ несокрушимого, живаго... Говоримъ о *письменнѣхъ* кароагенскихъ, въ очертаніи своемъ представляющихъ, какъ видятъ читатели, извѣщеніе буквъ финикійскихъ, послужившихъ кароагенскимъ письмамъ основнымъ типомъ. По крайнему нашему разубѣженію, въ глазахъ каждаго просвѣщеннаго человѣка, изображеніе азбуки народа исчезающаго съ лица земли гораздо любопытнѣе рисунка какой нибудь развалины; въ сравненіи съ поспѣднимъ буквы то же, что живой человѣкъ въ сравненіи съ остономъ. Письмена — плоть и кровь мысли; лоскутъ древней картинъ для историка драгоценнѣе какой нибудь руины или статуи обезображенной временемъ; любой памятникъ безъ надписи — тѣло безъ души. Какія мысли можетъ пробудить въ зрителѣ рисунокъ развалины древняго храма, или монумена невѣдомо кому и невѣдомо за что воздвигнутаго? Пробудитъ ли онъ хоть сотую долю тѣхъ чувствъ, которыя овладѣвають душою путешественника влищаго, осматривающаго подлинникъ? Разучится лѣтъ... Соевѣтъ иное должно ощущать человѣкъ мыслящій, при взглядѣ на письмена древняго народа; хотя бы тѣхъ же кароагенянъ, азбуку которыхъ прилагаемъ (см. рис. 18). Соедините эти буквы въ слоги, составьте изъ нихъ имена *Элисса, Илилькона, Аннибала*, всмотритесь въ нихъ и подумайте только, что двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ этими же самыми знаками кароагеняне письменно выражали свои мысли, начертывали законы, записали въ свои лѣтописи дѣянія героев;

что каждая изъ этихъ буквъ была когда-то живымъ звукомъ, или правилнѣе — живымъ первымъ, тѣсно связаннымъ съ умственной дѣятельностью государственнаго организма царства, исчезающаго шмѣ съ лица земли... Подумайте объ этомъ и мы не сомнѣваемся, что воображеніе уличитъ насъ на радужныхъ своихъ крыльяхъ въ область глубокой древности быстрѣе нежели при нашемъ взглядѣ на рисунокъ, изображающій азыческаго идола или полуразрушенный храмъ...

Подобно финикійцамъ, еврейскъ и многіе другіе народы постона, кароагеняне начертывали свои письма *отъ правой руки къ левой*, начиная разучиться сверху страницы. Изъ ученикъ кароагенскихъ намъ извѣстны *Теренцій* и *Магонъ*, сочиненія котораго по части естествознанія, по словамъ Ципіа, были переведены на греческій языкъ *Денисомъ*, а въ софрателіи *Диофаномъ*. Знаменитый римскій естествоиспытатель пользовался при сочиненіи своей Исторіи міра и переводомъ и сокращеніемъ, но ни то ни другое къ сожалѣнію не дошло до насъ. Нѣтъ сомнѣній, что при разрушеніи Карфагена добычею пламени сдѣлались многія произведенія по части исторіи и естественныхъ наукъ, въ которыхъ человечество понесло невоснаградимую потерю.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Нунидин. — Поклоненіе Минироп. — Праздники. — Почитаніе усопшихъ. — Клятвы. — Жертвы. — Обряды при агоніи. — Нравственность. — Пирки нунидинцевъ. — Преданіе о разнелинѣ. — Древнѣйшіе народы Африки. — Пазамони. — Пендасы. — Троилиты. — Сказанія Ципіи. — Ея ошибки. — Вандалы. — Абиссинія. — Династія первыхъ царей.

Исторія *Нунидинъ*, тѣсно связанная съ исторіей римской республики, отвлекла бы насъ отъ предмета нашего труда и по-

A	✕ ✕ ✕ ✕ ✕ ✕ ✕
B	9 9 9 9 9 9
Gh	1 1 1 1 0 7
D	9 9 9 9 9 9
H	3 3 3 3 3 3 3
Ou(w)	2 2 2 1 1
Z	2 2 1
H(ch)	А В С Д Е Ж З И Й К Л
T	⊕ ⊕ ⊕
I	~ ~ ~ ~ ~ ~ ~ ~
K	✕ ✕ ✕ ✕ ✕ ✕ ✕
L	5 5 5 5 5 5
M	4 4 4 4 4 4 4 4
N	5 5 2 1 5 4 4 4
Sz	2 2 2 2 2 2
P	1 2 3
Ts	~ ~ ~ ~ ~ ~ ~
Q	4 4 4 4 4
R	9 9 9 9 9
Sch	4 4 4 4 4 4 4 4 4
Th	4 4 ✕ 1 1 1 1

деснота былъ обязанъ представить ему ко двору дочь свою, достигшую совершеннолѣтія (по тамошнему климату 10—12 лѣтъ). Неудостоенной царскаго вниманія дѣвицѣ предоставлялось право поступить въ число жрицъ Минервы. Жены въ самой питиной дружбѣ со своими стадами и табунами коней, пумидійцы въ глубочайшей древности славились какъ отличнѣйшіе наѣзники и возничіе колесницъ; по словамъ Геродота, они первые изобрѣли козскую упряжь и довелись способъ обзаводить лошадей. Жили они нерыночально въ шатрахъ (*мапалін* или *магарін*), извѣвшихъ видъ опрокинутыхъ вверхъ дномъ рѣчныхъ судовъ. Одежаніе жителей Нумидіи обоего пола состояло изъ длинныхъ сорочекъ, вѣселою и широкихъ плащей съ бахлыками; въ родѣ мантий нынѣшнихъ кочевыхъ бедуновъ Азіа и Сирийской степи. Сохранившіеся до нашего времени памятники позднѣйшихъ временъ бытія Нумидіи подъзуютъ у жителей Туниса особеннымъ уваженіемъ и правами неприкосновенной святини. Одному французскому путешественнику прошедшаго столѣтія, посетившему развалины древняго нумидійскаго цира, тузенцы рассказывали, что одинъ изъ тунисскихъ деевъ приказалъ взять нѣсколько вразорныхъ колонъ для какого-то зданія съ развалинъ, но съ ужасомъ принужденъ былъ отказаться отъ своего намѣренія... Лишь только рабочіе прикоснулись къ развалинамъ, какъ небо омрачилось, пошелъ пепельный дождь и началось страшное землетрясеніе. Благодаря этой сказкѣ, развалины городовъ древней Нумидіи и Мавританіи сохраняются понынѣ и рука первѣчества не дерзаетъ къ нимъ прикоснуться.

Геродотъ, Діодоръ Сицилійскій и Плиній повѣствуютъ много чудеснаго о народахъ, въ древности заселявшихъ сѣверную Африку. Вѣрить этимъ историкамъ изъ слово было бы конечно весьма опрометчиво; тѣмъ не менѣе ихъ рассказы достойны вниманія. Такъ, по словамъ Геродота, на границѣ *южной Ливіи* или *адирмагии*, *миллени*, *асбесты*, *асили*, *пазалоны* и *псиллы*. Первые—религія которыхъ имѣла очень много общаго съ религіею Египта, подражали въ нравахъ, обычаяхъ и одежаніяхъ жителямъ страны фивановъ. Жены ихъ обязаны были носить жѣдныя кольца въ лѣвыхъ ладвяхъ, и отращать волосы,

которые онѣ носили распущенными по плечамъ. Вълѣдствіе жаровъ, пыли и рѣдкаго прикосновенія гребня къ головамъ женщ адирмахидовъ, всѣ онѣ страдали отъ отвратительныхъ насѣкомыхъ, истребленіе которыхъ служило имъ забавою и лакомствомъ: онѣ еѣдали собственныхъ головныхъ насѣкомыхъ. *Пазалоны* извѣрле запылались земледѣліемъ и скотоводствомъ. Закупивъ плоды финиковой пальмы, они толкли ихъ въ муку, изъ которой съ примѣсью молока пекли лепешки, заѣвпавшія пылъ хлѣбъ. Многоженство было у нихъ дозволено безъ отграниченія числа жевъ и безъ всякихъ обоюдныхъ обязательствъ... Чуждый всякаго чувства стыдливости, пазалоны ласкалъ своихъ жевъ въ присутствіи постороннихъ лицъ, располагаясь для вѣчной бесѣды у копы воткнутого имъ въ землю. Жены пазалоневъ точно также не были стѣснены ничѣмъ въ своихъ отношеніяхъ къ мужьямъ и могли безпрепятственно расточать свои ласки кому вздумается. Невоздержные въ чувственныхъ наслажденіяхъ, пазалоны однако же строго соблюдали постъ, воздерживаясь отъ мясной пищи и особенно презирая свинину, какъ мясо нечистое. При достиженіи своего сына четырехлѣтняго возраста, пазалоны, въ видахъ отвращенія болѣзней, прижигали ему кожу на тѣмени и на вискахъ хлопьями пемитой овечьей шерсти. Если во время прижиганія съ младенцемъ дѣлались конвульсіи, тогда его опрыскивали козлиной мочою, и средство это (по словамъ Геродота) всегда было успѣшно. *Псиллы*, народъ соседній пазаланамъ, жили въ знойной, безводной странѣ и часто тревожимые пазаланцъ южными вѣтрами, рѣшились однажды объявить ему войну и, ополчась, отправились въ степь къ тому мѣсту, гдѣ по ихъ мнѣнію находилось царство южнаго вѣтра. Этотъ походъ народа-младенца окончился совершеннымъ его истребленіемъ: псиллы погибли въ степи отъ голода и жажды... Невидимый ихъ врагъ былъ ихъ побѣдителемъ.

Гиралонты, народъ трудолюбивый и дѣятельный—занимались земледѣльствомъ, обрабатывая участки, на которые падаека наносили и навозили иллю. Они вели жестоочныя войны съ *троглодитами*, племенемъ хищниковъ, часто опустошавшихъ ихъ поля и нивы. Эти троглодиты не имѣли понятія но только о ре-

лигин, по и о способности выражать словами свои мысли; языкъ ихъ состоятъ изъ рѣзкихъ, произительныхъ звуковъ, похожихъ на шестъ летучей мыши. Если бы Геродотъ былъ покороче знакомъ съ зоологіей, онъ не назвалъ бы народомъ *стай обезьянъ*, водившихся въ Африкѣ въ великомъ множествѣ! Троглодиты были никто иные, какъ орангутанги. Сосѣдями этого четвероногого, вѣснаго народа, были *атаманты* — люди безземляные, такъ какъ о собственности имени мужчины или женщины никогда не въшли попятія. Подобно бѣднымъ пессаламъ, посвятившихъ съ юныхъ лѣтъ, атаманты ненавидѣли солнце и появленіе его на горизонтѣ встрѣчали проклятіями, а заходѣніе радостными кликами. Только при наступленіи ночи, а съ нею и прохлады, бѣдные атаманты имѣли возможность дышать, двигаться, заниматься работами — словомъ, жить! *Макси*, именовавшіеся потоками троянъ были, напротивъ того, поклонниками солнца и луны. Вслѣдствіе какого-то религіознаго закона, этотъ народъ брилъ себѣ лѣвую часть головы, отращивая волосы на правой и не посядая одѣянія, мазалъ себѣ все тѣло растворомъ киповари. Одноплотные заклиая *замеки* славились въ древности пафиздичествомъ и искусствомъ управлять колесницами; въ послѣднее — женщинами успѣшно соперничали съ мужчинами.

Отъ повѣствованій Геродота и Діодора, перейдемъ къ Плинію. Въ VII книгѣ своей Исторіи міра, рассказывая о разныхъ народахъ Африки, поочередно свои сказанія изъ множества сочиненій, по своему обыкновенію не трудясь очищать ихъ здравомыслиемъ критикой. Ссылаясь на *Агамархид* (кн. VII, гл. 2), Плиній говоритъ, наприимѣръ, что африканскіе псалы, запахомъ своей псарни и слюною, уверщиваютъ ядовитыхъ змѣй. При рожденіи младенцевъ, отцы ихъ, желая убѣдиться въ законности ихъ происхожденія бросаютъ новорожденныхъ змѣямъ, которыхъ никогда не тронуть чистокровнаго псала. Въ Африкѣ же, по словамъ Каллфона, живутъ *андрогинны*, т. е. двухполые люди, у которыхъ одна грудь мужская, другая женская. Тамъ же существуютъ племена чародѣевъ, убѣждающихъ посредствомъ заклинаній истреблять стада, изсушать деревни и уверщивать дѣтей. Жители Эфиопіи — *фариаки* прикоснувшись къ чужеземцу наводятъ на

него незначимую сухотку и т. д. Наконецъ, тотъ же Плиній утверждаетъ, что въ африканскихъ степяхъ появляются по временамъ тѣни усопшихъ, пѣнья и конныя, о цѣпаракахъ этихъ римскій историкъ говоритъ точно о какихъ нибудь особенныхъ племенахъ. На чемъ именно Плиній основывалъ эти страшныя сказанія, это требуетъ небольшого объясненія. Читателю вѣроятно случалось замѣчать въ знойный лѣтній день, какъ струится воздухъ, причемъ сосѣдніе предметы кажутся какъ-бы колеблющимися? Знойный воздухъ троническихъ странъ имѣетъ свойство передавать глазу отраженіе отдаленнѣйшихъ предметовъ какъ бы въ зеркалѣ и явленіе это называется *миражесомъ*. По рассказамъ людей, путешествовавшихъ по песчанымъ степямъ, взорамъ ихъ представлялись перѣлки, въ отдаленіи: вѣтвущіе сады, бѣлыя стѣны городовъ, развалины, группы людей и вереницы верблюдовъ... По мѣрѣ приближенія къ призракамъ они блѣднѣютъ и исчезаютъ. Въ строгомъ смыслѣ слова, конечно, это тѣни, но не усопшихъ, а живыхъ существъ и предметовъ дѣйствительно находящихся въ природѣ. Отсюда произошла басня, которой Плиній безусловно повѣрилъ и въ истинѣ которой убѣждаетъ въ своей исторіи.

При такихъ понятіяхъ древнихъ о климатѣ и этнографіи Африки, могли ли они имѣть вѣрные свѣденія о религіи, нравахъ и обычаяхъ тамошнихъ народовъ? Сѣверныя области этой части свѣта, покоренныя римлянами, усвоили, мало по малу, вѣрованія своихъ завоевателей и древній саблизмъ былъ замѣненъ полиотеизмомъ. После раздѣленія римской имперіи на западную и восточную, въ удѣлъ послѣдней достались всѣ вѣст-европейскія области и въ ихъ числѣ Африка. Въ это время проповѣдники Евангелія начали проповѣдать эту часть свѣта и распространять въ ней ученіе Иисуса Христа, но успѣхамъ распространенія было нанесено жестокій ударъ вторженіемъ *вагдаловъ*. Варзавы эти, частью язычники, частью послѣдователи аріанской ереси, были гонителями истинны, а съ нею наукъ и просвѣщенія. Были ли ичи внесены новыя элементы въ религіозныя вѣрованія жителей сѣверной Африки? Отвѣтъ на згогъ вопросъ крайне затруднителенъ, хотя нѣтъ сомнѣнія, что язычество вагдаловъ имало себѣ такъ многочисленныхъ послѣдователей.

О религии вавилонян мы съ должными подробностями поговоримъ при обзорѣ язычества среднѣвковой Европы, здѣсь же ограничимся замѣткою, что и въ языческой Европѣ владычествовавшая религія была самизмъ, т. е. обожаніе небесныхъ свѣтилъ.

Обозрѣвая царства и древнія племена Африки, мы не можемъ умолчать объ *Абиссиніи*, царствѣ, которое по сказаніямъ туземцевъ было основано славною царицею савскою, посѣтившею Соломона и переведшею въѣздъ со всѣмъ своимъ народомъ въ законъ Моисея. Сынъ ея *Менилекъ* былъ первымъ царемъ или негусомъ Абиссиніи. Его въѣзжалъ на царство Соломонъ въ храмъ іерусалимскій; по возвращеніи на родину Менилекъ привезъ съ собою священниковъ для наставленія своихъ подданныхъ въ законъ іудейскій. Отъ этихъ выходцевъ изъ Іудеи произошли пастышники абиссинскіе *улбары* или учителя закона. Первосвященникомъ или *небритомъ* былъ при Менилекѣ *Азарія*, главный же храмъ, построенный по образцу храма іерусалимскаго, находился въ городѣ Аксумѣ. Родительница Менилека постановила непременнымъ закономъ, чтобы царская власть была наследственной въ ея потомствѣ мужскаго колѣна и по утверженіи нынѣшнихъ абиссінцевъ, законъ этотъ не нарушался до сего дня. Последний императоръ Оседюль, застрѣлившійся при взятіи Магдаль англичанами въ 1868 году, былъ — можетъ быть — потомкомъ Соломона и царицы савской, происходившей отъ ихъ сына Менилека. Представляемъ хронологическій списокъ царей абиссинскихъ со времени основанія царства по 755 г. до Р. X.

1026 г. до Р. X. *Макведа*, царица савская.

986 „ *Менилекъ* или *Давидъ* (царствовалъ 4 года).

982 „ *Генденда* или *Зидуръ* (царств. одинъ годъ).

981 „ *Авида* (царств. 11 лѣтъ).

970 „ *Авзій* (царств. 3 года).

967 „ *Саве* (царств. 31 годъ).

936 „ *Гезайя* (царств. 15 лѣтъ).

921 „ *Каторъ* (царств. 15 лѣтъ).

906 „ *Мута* (царств. 20 лѣтъ).

886 „ *Вахасъ* (царств. 9 лѣтъ).

877 „ *Кавида* (царств. 2 года).

875 „ *Каназа* (царств. 10 лѣтъ).

865 „ *Катчина* (царств. 9 лѣтъ).

856 „ *Вазега* (царств. 1 годъ).

855 „ *Газеръ* (царств. 2 года).

853 „ *Каласъ* (царств. 6 лѣтъ).

847 „ *Селайя* (царств. 16 лѣтъ).

831 „ *Фалайя* (царств. 26 лѣтъ).

805 „ *Аллеву* (царств. 3 года).

802 „ *Асизена* (царств. 1 годъ).

801 „ *Врусъ* (царств. 29 лѣтъ).

772 „ *Вогеза* (царств. 1 годъ).

771 „ *Вазенъ* (царств. 16 лѣтъ) (*).

Историческій обзоръ Абиссиніи мы представимъ въ исторіи іудаизма. Страна эта тѣмъ болѣе достойна вниманія, что въ теченіе почти трехъ тысячелѣтняго своего бытія, она неизмѣнно пребыла вѣрною религіи однажды въ ней водворенной и свято и неварушимо сохранила нравы и обычаи своихъ предковъ... Явленіе особенно удивительное въ той части свѣта, въ которой совершилось такое внезапно переломное политическія, поколебавшихъ въ самыхъ основаніяхъ религіозныя вѣрованія, нравы и обычаи всѣхъ прочихъ странъ.

(*) *Fotnia d'Urbain. Tableau historique et géographique du Monde. P. 1810 in 8, tome I, pp. 182—183.*

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Атлантиды. — Их всеобщия по Діодору сицилійскому. — Урана, Тития и их дѣти. — Великая матерь. — Гиперіонъ. — Геліонъ и Селена. — Их убійеніе титанами. — Сатурнъ и Атласъ. — Гесиеръ. — Дочери Атласа. — Пелюды. — Сатурнъ, Рея и Юпитеръ. — Связь вселенн и титанидовъ съ греческой мифологіею. — Заключение.

Изъ всѣхъ писателей древности, одинъ только Діодоръ сицилійскій сохранилъ всеобщіе сказанія *атлантидовъ*, т. е. народовъ, жившихъ на берегахъ западной Африки. „Не лишнимъ считаю разсказать о нихъ,“ говоритъ историкъ, „такъ какъ ихъ повѣствованія о происхожденіи боговъ весьма схожи съ повѣствованіями грековъ.“ Онъ хвалится (продолжаетъ Діодоръ сицилійскій), что живутъ въ той странѣ, которая была колыбелью боговъ, и въ доказательство ссылаются на Гомера, у котораго Юноша говоритъ, буди она переносилась на край свѣта, чтобы видѣть Океанъ и Остиду, она и мать боговъ.

Первымъ царемъ атлантидовъ, по ихъ сказаніямъ, былъ *Уранъ* (небо). Онъ приучилъ своихъ подданныхъ, до того времени кочевавшихъ безъ пріюта, къ житейству постоянному, образу общества и обучилъ ихъ земледѣлію и пользованію рѣками и бладами, которыми земля вознаграждаетъ человѣка за его труды и прилежаніе. Сидящій въ астрополѣ Уранъ установилъ годъ по теченію солнца, а мѣсяцъ по видамъ луны; указалъ на связь между тѣлами и событиями, необилжно предсказывая послѣдствія. Подданные Урана, чия въ парѣ нѣчто божественное, послѣ смерти привели его къ богамъ. У Урана отъ нѣсколькихъ женъ было сорокъ пять человѣкъ и дѣтей и въ зломъ числѣ воевавшихъ отъ однихъ *Титанъ* (земля, названная въ честь матери *титанали*). Послѣ смерти Титанъ, се подобно Урану признали богами и для ублаженія ея чинили названіе земли ся племенъ.

Изъ всѣхъ дочерей Урана и Титанъ двѣ старшія прославились умомъ и высокими добродѣтелями. Первая, названная царичей (Рей или Пандора) воспитала братьевъ и сестеръ и за это удостоилась прѣзвнща *великой матери*. Неизмѣнно цѣломудренная, она одна же для размноженія послѣдниковъ отца сочеталась бракомъ съ *Гиперіономъ*, братомъ своимъ и родила двойней, сына и дочь: *Геліона* (солнце) и *Селену* (луну). Дѣти отличались разумомъ, прекрасными способностями и красотою. Титани, дядя ихъ, завидуя достоинству Геліона и Селены и опасаясь, чтобы тотъ и другая не сдѣлались единственными наслѣдниками царства Урана — утерпили Гиперіона, а Геліона низвергли въ Эриданъ. Селена, вѣчно любившая брата, съ отчаяніемъ бросилась съ брочей дворца, а жена Гиперіона отправилась огнивать трупъ сына и достигнувъ береговъ Эридана уснула, удрученная горемъ и усталостью. Здѣсь ей приспелъ убитый Геліонъ и объявилъ, что титаны жестоко помяты за свои злодѣянія: что она будетъ богиней; что Геліономъ люди назовутъ дневное свѣтло, а Селеною планету, донинѣ называемую *Мене* (луна). Рея, по пробужденіи, разсказала людямъ о своемъ чудесномъ сношеніи, приказала воздавать дѣтямъ своимъ божескія почести и воскретила прикасаться къ себѣ. Потому, съ нею сдѣлавъ принадекъ бышества: съ распущенными волосами сна бѣгала по полямъ, испуская дикіе вопли и вторя имъ ударами киваловъ. Подданные Рея, видя ее въ этомъ ужасномъ положеніи, пытались огласить царю, но при первомъ прикосновеніи къ ея тѣлу небо выразило свой гнѣвъ, пришелъ дѣтъ пламени, разразившись громами и проливнымъ дождемъ. Рея исчезла во время бѣги и съ того дня ей, Геліону и Селенѣ люди начали воздавать божескія почести, согласно предсказанію ей въ сновидѣніи.

Что могло послужить темою атому чудесному сказанію? Гранитный геологическій переворотъ, сопровождавшійся сначала разливомъ солнца (смерть Геліона), потомъ — луны (смерть Селены) и наконецъ землетрясеніемъ (похлѣбательство и смерть Рея). Царица почезла, но появлявшаяся послѣ нея на небѣ полая планета была названа божествомъ и удостоилась обожанія.

Между тѣмъ титаны, особенно же *Сатурнъ* и *Атласъ* послѣ

смерти Урана начали дѣлить между собою его обширныя владѣнія. На долю второго достались западные берега Африки и находящіяся тамъ горы названы были его именемъ. Такъ какъ царь этотъ прилежно занимался астрономіею и изученіемъ небесной сферы, о немъ сложилось преданіе будто Атласъ поддерживаетъ сводъ небесный. Одинъ изъ сыновей Атласа, *Гесперъ*, прославился благочестіемъ и прочими добродѣтелями и за это былъ восхищенъ на небо съ вершины горы Атласа, на которой онъ занимался астрономическими наблюденіями. И ему, подобно предыдущимъ царямъ и царицамъ, люди стали поклоняться, имевъ его павшую лучезарную вечернюю звѣзду (планета Венера).

Кромѣ Геспера, у Атласа было еще семь дочерей; *атлантиды*: Маія, Электра, Тайгета, Астерона, Мерона, Галліона и Пелено. Всѣ онѣ были повданы за полубоговъ, героев и были родоначальницами многихъ могущественныхъ народовъ. Олицетворяя себѣ атлантидъ въ созвѣздіи *Псады*, люди поклонялись имъ, какъ божествамъ. Представлявъ въ переводѣ тѣ имена пѣ которыхъ изъ семи звѣздъ, которыя имѣютъ особенное характеристическое значеніе. *Маія*: могучая (у грековъ мать планетъ Меркурій); *Электра*: золотистая, цвѣтомъ подобна янтарю (или обладающая притягательной силой, которая обнаруживается въ янтартѣ нагрѣтомъ посредствомъ тренія); *Астерона*: звѣздная; *Галліона*: сильная.

Сатурнъ, братъ Атласа не заслужилъ особенной любви въ долготренинное свое царствованіе; онъ былъ скупъ и жестокъ. Женясь на своей сестрѣ Реѣ, онъ имѣлъ отъ нея сына *Юпитера*, прозваннаго Олимпійскимъ. Впрочемъ атлантиды признавали еще другаго Юпитера, брата Урана, царя критскаго, но снискавшаго той известности, которую снискалъ Юпитеръ Олимпійскій. Покоривъ весь міръ и осыпавъ людей благодѣланіями, онъ послѣ смерти былъ однимъ изъ величайшихъ боговъ.

Вотъ же, что разсказываетъ Діодоръ сицилійскій о оеогоніи атлантидовъ, обходя молчаніемъ *Пентуна*, которому они точно также поклонялись и *Минероу тритонійскую*, рождающую, по сказаніямъ древнихъ, на берегахъ озера Тритона въ Африкѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что оба эти божества — Пентунъ и Минерва принадлежали къ сонму боговъ у атлантидовъ.

Религія кароагеновъ и оеогонія этого народа составляютъ, такъ сказать, переходъ отъ *свабизма* къ *миеологіи греческой*. Последняя — полная пошл., азыматоватыхъ аллегорій и остроумныхъ символовъ, можетъ быть названа извѣстною мозаичною, собранною изъ всѣхъ религій древняго міра, или, роскошною гирляндю, сплетенною изъ цвѣтовъ религіозной поэзіи всѣхъ странъ Азіи и Африки. Древняя Эллада, замѣстивъ какое нибудь религіозное пофре у иностранцевъ, усвоивала его въ облагороженномъ, извѣстномъ видѣ. Востокъ былъ для грековъ неисчерпающимъ рудникомъ міеологическихъ сказаній, служившихъ имъ сырымъ матеріаломъ, подвергавшимся тщательной обработкѣ. Мною Индіи, Персія, Египта, свабизма являлись въ Греціи подобно течамъ, на которыя пылкое воображеніе народа размыграло разнообразнѣшія варіаціи. Точно также безобразная глыба уратора превращалась у грековъ въ безсмертнаго, образцовый произведенія ваянія: у нихъ мысль о пластической красотѣ была неразрывно связана съ мыслию олицетворенія божествъ. Позволяя себѣ говорить сравненіями, скажемъ, что міеологія греческая передъ индусскою или египетскою — тоже самое, что статуя Венеры Медиційской или Аполлона Вельведерскаго передъ кумиромъ Брамы или многорукаго Вишну, являвшимся изъ громадной, цѣльной скалы. Онъ поражаетъ зрителя громадною развѣтвостью, возбуждаетъ ужасъ, но никогда не приведетъ его въ тотъ восторгъ и не возбудитъ тѣхъ чувствъ высокаго эстетическаго наслажденія, которыя овладѣваютъ зрителемъ при взглядѣ на совершенство греческаго ваянія. Усвоивъ ученіе о *метемпсихозѣ* или переселеніи душъ, греки не ограничиваясь царствомъ животныхъ включили въ область переселенія душъ произведенія царствъ растительнаго и ископаемаго. Подъ корою явора, по сказаніямъ греческой міеологіи, билось сердце *Дакіи*, стыдливой дѣвственницы, превратившейся въ дерево, чтобы избѣжать срачныхъ объятій Аполлона; другъ этого бога — Кипарисъ подвергся той же участи. Изъ тѣла Левкопей выросъ ладанъ; изъ тѣла Клитіи — подсолнечникъ; прелестныя цвѣты: гліаціята, нарцисъ были тоже когда-то живыми людьми!

Наконецъ, по върваніямъ грековъ, у каждаго дерева была своя *драида*, у горы — *орсада*; у рѣки или источника — *ниифа*. Такимъ образомъ, въ древней Элладѣ вся видимая природа со всеми безчисленными произведеніями была наполнена богами, богинями, духами, геними и прѣстугая теперь къ греческо-римской мѣологии, мы какъ будто входимъ въ страну чудесъ, гдѣ чудника ожидать, на каждомъ шагѣ. непреодолимое очарованіе и при чтеніи о богахъ и герсахъ древней Греціи, нѣсколько припоминаешь безсмертныя слова Шиллера:

Schöne Welt, wo bist Du? Kehre wieder.
Hohes Blüthenalter der Natur!
Ach, nur in dem Feenland der Lieder
Lebt noch deine fabelhafte Spur! (¹)

Прекрасный міръ! весна со всей любовью,
Всей прелестью — исторіи весна!
Мой жадный вѣторъ стремится къ баснословью
Гдѣ жизни той хоть тѣнь сохранена! (²)

(¹) Die Götter Griechenlands.

(²) Шиллеръ въ переводѣ русск. писат. изд. Пок. Вас. Гербеля 1861 г. *Боги Греціи*, перев. Бенедиктова.

О П Е Ч А Т К И.

Стр. 309 напечатана глава семнадцатая, слѣдуетъ читать главу восемнадцатую. — Стр. 318 напечатана глава восемнадцатая, слѣдуетъ читать главу девятнадцатую.

СОДЕРЖАНІЕ.

ВВЕДЕНІЕ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Вегуиеніе. Географическій очеркъ Египта. Его раздѣленіе. Сказанія мифологическія. Рѣка Нилъ. Два божества. Песочники Нила. Его разливы. Суэскій каналъ. Озеро Фаюмъ. Растительность. Климатъ. Хамсынь. Тифонъ. Оазисы. Оазисъ Аммона. Городъ Сива. Пустыня. Пророкъ Моисей. Попытки древнихъ соединить Черное море съ Средиземнымъ.

Стр.

5

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Символическая зоологія. Змеи. Птицы или заклинатели. Древніе возды. Пapyrusъ. Выдѣлка бумаги. Первобытныя жители Египта. Эѳіопскіе переселенцы. Начало Египта. Постепенное развитіе. Таблица Манефона царственныхъ династій. Времена доисторическія. Древность бытія страны. Менесъ.

16

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

Первые цари и ихъ дѣянія. Пирамиды. Значеніе частицы хересъ, приравненной къ имени царей. Царица Никотрида. Еппы и Мемисъ. Лабиринтъ. Олимпидъ. Библиотека. Астрономическія часы. Сношенія египтянъ съ іудеями. Авраамъ. Нашествіе Гиксосовъ. Какого племени они были. Иосифъ, сынъ Іакова. Хронологическая провѣрка. Бытъ страны при первыхъ XVII династійхъ. Кастовое дѣленіе. Божество. Раздѣленіе царства на номы. Описаніе лабиринта по Геродоту. Законы. Преступленія и наказанія. Ежегодная перепись. Печь воровъ. Обрѣзаніе. Мѣропріимъ Іосифа во время голода. Жертвоприношенія. Царь и его семья. Эпикетъ. Права царицы. Трауръ по умершему царю. Судъ надъ нимъ. Царскія облаченія и символы власти. Моленія. Вооруженіе войскъ и ратное дѣло. Торжество побѣды. Домашній бытъ царей. Забавы. Шахматы. Карты.

26

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Восемнадцатая династия. Пехоль Израили. Севостришь. Сокровища археологии и бедность историй. Вокларись и его законы. Нашествие эллионов. Сабаконъ. Огъна смертной казни. Достопамятныя слава. Сношенія съ греками при Псамметихъ. Нехво П. Цальскій каналъ. Сношенія съ Юдеей. Апришь. Амазисъ. Паламъ отлиты изъ золотой посуды. Солонъ. Тиравъ. Поликрать и его перстень. Псаммиситъ III. Покорение Египта персами. Рабы и властители. Возстанія. Изаръ. Амаргъ-П. Сверженіе пга. Нектаиниль. Вторичное порабощеніе. Завоеваніе персидской монархіи Александромъ Македонскимъ. Освобожденіе Египта и его благосостояніе

44

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Распаденіе монархіи Александра Македонскаго послѣ его смерти. Птоломей, правитель Египта. Его поддани. Борьба съ соперниками. Воцареніе. Торжество коронованія его сына. Птоломейские обряды. Птоломей: Филиадельфъ, Евсергетъ, Филипагоръ, Эпифантъ, Филометоръ, Евсергетъ II, Сотеръ II. Последніе Лигицы и ихъ пагубоство

56

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Цвѣтущее состояніе Египта при первыхъ грѣхъ Птоломеевъ. Придворные чины и почетныя звания. Синодальніе Птоломеи о новыхъ богахъ. Нововведеніе въ обществѣ. Малкъ на Фирсѣ. Александрийскія школы. Знаменитые ученые. Библиотека. Музеумъ. Переводъ Библии семидесятью толковниками. Обогащеніе царей. Волосы Береники. Храмы въ честь. Уподоукъ религіи. Сущность религіи древней. Монополизмъ. Космогонія. Единство божества. Триумъ. Салюкть. Песенная грѣда

63

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Земная трѣда: Омирисъ, Пизда, Горусъ. Тифонъ. Убоише Омириса. Серапсисъ. Гарикрѣтъ. Ахисъ. Прямѣты его. Иззда. Значеніе мѣсовъ объ Омирисѣ и Тифонѣ. Дуализмъ. Жизнь и смерть. Наука и новѣжество. Божества-планеты. Тифонъ. Печенда, Апубисъ

71

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Оотъ или Гермесъ Тразметисъ. Олицетвореніе иреческой касты. Изобрѣтеніе наукъ и писемъ. Книги Гермеса. Аскеніусъ и Пимандеръ. Писемствія изъ послѣдней книги. Божественный разумъ. Видѣніе Гермеса. Дуаъ, мысля и слово. Мир-

Стр.

Стр.

злаціе. Безсмертіе души. Ея загробная участь. Основныя догматы религіи древняго Египта. Прочія божества. Покровители домовъ и городовъ. Деканы. Звѣри и растенія, посвященные божествамъ

78

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Символика. Особенности головныхъ уборовъ и пль значеніе. Ключъ съ крестообразною бороздкою. Ошибки ученыхъ. Мога-ли быть христіанскій крестъ символомъ у египтянъ? Головные уборы боговъ. Боги и богини со звѣриными головами. Символическіе звѣри. Деканы-династы. Распределение династовъ по знакамъ зодіака. Астрологическія сочетанія. Сибизмъ. Языкъ египетскій. Особенности словоупотребленія. Примеры. Три главныхъ нарѣчія

86

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Иероглифы. Начало письма. Звѣрки фигуративныя. Символы. Звѣрки фонетическія. Писмена іератическія и демотическія. Буквы. Открытіе ключа къ чтенію іероглифовъ. Шамполіонъ малайскій. Камень Розетты. Полная іероглифическая азбука. Образчикъ іероглифическаго письма и его разборъ

97

ГЛАВА ОДИНАДЦАТАЯ.

Нумерация и численныя звѣрки. Липейная мѣра. Вѣсть. Монетная система. Аспинаціи. Звонкая монета. Времечисленіе и календарь. Названія двѣнадцати мѣсяцевъ; Времена года. Социальный періодъ. Эра Набонассара. Эра Августа. Праздники. Изъясненіе рисунковъ

107

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Касты жрецовъ. Ея права и привилегіи. Доходы и подати. Обязанности. Верхонный жрецъ. Состояніе наукъ. Астрономія. Планеты. Сфера и ея движеніе. Дѣйствительное вліяніе свѣтила на землѣ. Его предѣлы. Связь физическаго съ духовнымъ. Древніе астрологи. Суеверіе римлянъ. Титъ и комета. Гороскопъ вселенной. Гороскопъ Антонина. Астрологическія рисунки. Таблица вліянія планетъ на тѣло. Звѣрки зодіака

125

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Алхимія и ея начало. Первые алхимики, ученики египетскихъ жрецовъ. Моисей, Демокритъ, Остахисъ, Пизменсисъ, Іудейка Марія. Комалай. Синезій. Гипатій. Діоскоръ. Химія металлургическая. Успѣхи жрецовъ. Сильная кислота. Крозотъ. Магія. Волхвы и кудесники. Толкованіе словъ. Разисторія религіи. Т. IV.

29

ные роды гаданий. Вайиние Египта на цивилизацию Греции. Погребальный обрядник. Рисунки загробных, стреленый души. Мистические писатели. Три стени и жрецов. Чины. Обряды. Охвяти. Угварь и принадлежности богослужения. Тайности. Догадки о том, в чем именно они состояли. Злоупотребление полными знаниями. Наука и шарлатанство. Жрецы. Пшца жрецов. Запрещение употреблять в пищу рыбу и бобов. Сказали о свойствах бобов. Причины признания их нечистыми. Жреческой колетии.

134

Ч ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Погребальные обряды. Причины моральных побед в Египте. Приготовление мумий. Совершеннейший способ балламинирования. Гробы. Катакомбы. Стелы. Пирамиды. Мумии животных. Мумии в Новом Сифе. Каста воинов. Ея прива. Погребальный надгроб. Значения. Воскрешение. Символы. Военные города и поселений. Отношения воинской касты к народу

147

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Каста народных. Храмы и обычаи. Пшца. Напитки. Земледелие и земледелие. Скотоводство. Искусственная выводка домашних птиц. Мастерство: гончарное, литейное и кузнечное, ткацкое, столярное. Торговля. Ярмарки. Праздники Озириса и Пшды. Бубастиды. Самостоятельность. Праздник лампад. Значение огня в религиозных обрядах. Его значение на человеческой организации. Драки на праздниках Гома. Пшды автоматы. Выводы Озирис. Солнце и коридор. Религия народов соединяет египтянам.

155

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Планировка храмов. Характеристика памятников. Преодоление технических трудностей. Позиция древних египтян в механике. Пирамиды. Размещение пирамиды Хенсеной. Сравнение с высоты с некоторыми зданиями в Европе. Астрономическое открытие. Сфинксы. Колоссы Мемнона. Сказание об идальниках из звуках. Свидетельства древних. Естественная причина чуда. Особенность барельефов. Обелиски. Расхищение их европейцами. Обелиск Луксорский и его высота. Громадное количество памятников. Александрия. Медпшты Абу. Дендерх. Египта. Гариак. Омбос. Фило. Элефантин. Нубия. Заключение

168

САБИЗМЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Стр.

Сущность религии сабизма. Его различие от фетишизма. Мировое значение юго-западной Азии. Ассирия и Вавилон. Периоды их истории. Этногенез халдеев. Десять парей исполнителей. Оашес. Космогония. Аварогония. Сказание о потопах. Кенкеурес. Нова

181

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Род человеческий после потопа. Его размножение. Начало Ассирии. Первоначальная религия. Книги Нова и жрецы. Нова-Януш, просветитель людей. Виноделие. Хем. Первая царства и заселение земли. Разнообразие хронографов. Толковники Библии и Пеший. Синхроническая Ассирия от ея начала до распада.

189

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Нимрод. Нини. Семпранда. Нани. Пророк Иона в Ниневии. Сарданапал. Три новые царства. Мидия. Ново-Ассирия. Вавилон. Битва с Иудеями. Иудейство в Иуде. Савианасар. Сенахериб. Сасодин. Хинадан. Присоединение Ассирии к Вавилону.

197

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Белезист. Эра Набонассара. Налуходоносор. Взятие Иерусалима. Пшление Вавилонское. Сновидение Налуходоносора. Пророк Данияль. Идоизм Налуходоносора. Эмилмеродах. Нерилгасор. Лоборозархад. Валтассар и царина Нитокрида. Пир Валтассаров. Машнакель-варес. Пшление этих слов пророком Даниялем. Витие Вавилона. Обширный очерк религии. Планеты Боги. Бель или Вааль. Храм солнца. Теряфы. Значение этих кумиров

202

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Обожание огня. Пшды. Созвездия. Халдеи. Астрономия и Астрология. Геомония и кесепары. Древность астрономических наблюдений. Медицина. Земледелие. Гадание. Народы. Вызывание усопших. Жрецы и жрицы. Безсмертие религии против растления. Огущение полноты и безсмертия души. Сказки о гробницах Бель и Семпранды. Древности и их характеристика. Пшды ишния строительных материалов на архитектуру. Кирпич, пшеница лодки и

сосуды. Стѣны Вавилона. Висячіе сады. Общій видъ города. Нынешнія азіатскія области на мѣстѣ Ассиріи и Вавилона. Памятники халдеецкіе и персидскіе. Ихъ различіе. Причины ихъ нахожденія въ одной и той-же мѣстности 200

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Арменія. Смѣсь разнородныхъ нравовъ. Хайкъ и его потомки. Арей и Семпримидъ. Сказаніе о ней и о Зороастрѣ. Анузаванъ-Сосъ. Разіей. Самбодъ ролончалынкъ. Багратидовъ. Тиграиъ I. Чудесный сонъ Астияга. Царца Тиграція. Богатырь Вахагъ. Рипсодія о его рожденіи. Происхожденіе Млечнаго пути. Вазарякъ. Преображеніе въ царствѣ. Вахаршакъ. Буддисты. Введеніе греческаго идола служенія. Авгаръ. Первый проблескъ христіанства. 217

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Сказаніе Моисея хоренскаго. Посланіе царя Авгаря къ Іисусу Христу. Отвѣтъ. Прибытіе св. апостола Фалелъ. Христіанство. Аманъ и Санатрукъ. Первые мученики. Эрвандъ. Дворцы его. Басня о его глазахъ. Сверженіе самозванца. Артасъ. Знаки отличія. Церемоніалъ погребенія. Царскія свадьбы. Артаваздъ и его цѣли. Обычай кузнецовъ. Судьбы Арменіи. Божества отой страны. Армаваздъ. Ареган-акнь. Микра. Анахидъ. Планеты. Архиманъ и злые духи. Драконы. Арапезы. Каджи. Вода. Нефть. Ея происхожденіе. Бѣлый тополь. Гаданіе листьями. Священныя рощи. Храмы и идолы. Жрецы. Прародники Микры. Писка вокругъ островъ. Секта Адеу-ардикъ 223

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Аравія. Географическій очеркъ страны и ея раздѣленіе. Первобытныя жители. Произведенія Счастливыя Аравіи. Баснословныя сказанія древнихъ. Первобытныя племена и цари. Аль. Шедаль. Локманъ. Построеніе плотины. Омудитъ. Тасмъ и Джади. Области Іезея и перныя цари Гимариты. Хатаянне и измаильтисы. Сабейцы. Царца севская. Язанинъ. Самаръ. Его подвиги и прозванія. Абу-Мелекъ. Амранъ и Амру. Синопидныя паряди. Прознаменованія разрыва плотины. Иѣство Амранъ. Заселеніе новыхъ областей 231

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Годъ разрыва плотины. Царь Шерхадиль, современникъ Рожденія Христа. Волхвы въ Вавилонѣ. Сказанія о нихъ. Асид-бу-Карибъ. Походъ въ Иццо. Галя-бен-Насръ. Въ-

цій сонъ. Междоусобица. Походъ въ Мекку. Крещеніе Абу-Кетала. Тобба. Осада Мекки. Камень Каабы. Переходъ Тоббы въ іудаизмъ. Испытаніе огнемъ. Четыре вѣроисповѣданія. Дху-Шенатиръ. Его пороки и злодѣяства. Дху-Навастъ. Христіанскіе мученики. Царь огненной могилы. Ошибки хронографовъ. Нашествіе ассионцевъ. Ариатъ. Абраха. Церковь въ Саифъ. Чудесная жемчужина. Походъ въ Мекку. Чудеса. Истребленіе войскъ Абрахи. Эра бѣлаго слона. Рожденіе Магомета. Пелминхъ. Участъ прочихъ царствъ Аравіи. Политическій ея составъ 239

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Библейскія сказанія объ Измаилѣ. Первобытныя религіи. Планеты. Три эпохи. Жертвенные камни. Всемъ. Религіозное ангаженіе камней. Сказаніе Геродота. Гора Дизаресъ. Восточныя сказанія о камнѣ Каабы. Храмъ Мекки. Золотъ и созвѣздія. Басня о созвѣздіи Іса. Дѣленіе года. Святые мѣсяцы. Идолопоклонство. Габьялъ. Асафъ и Наилъ. Прочіе идолы. Изображеніе пресвятой Дѣвы во храмѣ Каабы. Нравы нравитявъ. Поззіа. Женщины. Вороженъ. Гаданье стрѣлами. Серги 246

ГЛАВА ОДИНАДЦАТАЯ.

Язычество израильтявъ въ пустынь. Златой телекъ. Узаконенія Моисея противъ идолупоклонства. Мѣдный змѣя. Символическое его значеніе. Идолъ Нехуштанъ. Языческіе народы. Палестины и ихъ божества. Вааль. Астарта. Дагонъ. Молохъ. Его идолы. Прочія божества. Гѣсы и сатиры. Волхвы и гаданія 255

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Язычество іудеевъ по водвореніи ихъ въ землѣ обѣтованной. Служеніе Астартъ, Астароу, Ваалу и Ваалверису. Жертвоприношеніе Іефеевъ. Микъ и его идолы. Плененіе ковчега Божія фалистимлянами. Паденіе идола Дагона. Бѣдствіе страны. Золотые слѣпки наконныхъ вѣрстовъ и полыхъ мышей. Саулъ. Аэндорская волшебница и тѣнь Самуила. Дѣйствіе олурующихся идоловъ на организмъ. Соломонъ. Золотые тельцы Іеросама. Аса. Іосафатъ. Ахавъ. Іосія. Кланъ язычниковъ. Ахавъ и Іезавель. Пророкъ Ілия. Состояніе его съ жрецами Ваала. Ихъ казнъ. Частое отступничество древнихъ іудеевъ. Постепенное измѣненіе народнаго ихъ характера. Язычество, іудейство, христіанство. 262

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Сирія. Мелехи. Историческія судьбы страны. Древнѣйшее ея

раздѣленіе. Области и главнѣйшіе города. Рѣки Кадешахъ и Адонистъ. Ливанскіе кедры. Божества Сиріи. Дерцето. Рыбы и голуби. Причины запрещеній рыбной пищи въ Сиріи. Басня о Семирамидѣ. Созвѣздія. Мѣсяцы. Мозаикъ. Мерна

269

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Гераполисъ. Сказаніи Лукіана о храмѣ гераполісскомъ. Декаліонъ. Возніи въ его память. Атисъ и Рел. Галлы-самонконтелі. Древнестъ скоричской секты. Башни при входѣ въ храмъ гераполісскій, Жрецъ оракулъ. Уявленіе скоричномъ. Солнце и скоричонъ. Символическое его значеніе. Главные идола. Четыре наобряженія солца. Идолъ автоматъ. Священный прудъ и его рыбы. Пловучій алтарь. Жертвоприношенія. Врачій обрядъ. Рощеніе волосъ. Замятки о значеніи ихъ въ религіяхъ древняго міра. Объясненности богомольцевъ. Неприкосновенность голубей. Осверженія. Праздники стия. Самоубицтва. Кастрація икрононь и ихъ переодѣваніе. Жрецы, ихъ разряды и одѣнія. Мерзости идолопоклонства. Языческіе обычай у народовъ христіанскихъ. Погребальные обряды

276

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Финикія. Народный характеръ. Горы и священныя рѣки. Изобрѣтеніе стекла. Главные города. Санхоніатонъ, его переводчики и комментаторы. Космогонія. Первозданные люди, ихъ открытія и изобрѣтенія. Начало религіи, наукъ и искусствъ. Исполныи и библейскіе патріархи. Заимствованія Санхоніатона изъ книги Бытія. Потомки исполныи. Мисоръ. Зидикъ. Урауъ и Гел. Хроносъ. Демароонъ. Прочіе боги и богини. Мелмертъ. Убиеніе Урауи. Астарта и Адоль. Обрѣзаніе. Удѣлы боговъ и богинь. Изобрѣтеніе письменъ Фалутомъ. Изобрѣженіе Хроноса. Продолжительность доисторической эпохи

284

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Божества Финикіи. Верховная тріада. Ваялъ. Астарта. Мелмертъ. Геркулесъ. Басня о феникѣ. Ея объясненіе. Богъ союзъ. Этъ. Ваалтида. Адонистъ. Кабири и Патеки. Хузаре. Хузарида. Фалутъ. Ададъ, Деморъ и Атаргатида. Греческіе доскуры и ихъ значеніе. Эсумунъ. Солнце. Луна и ея фазисы. Прочія планеты. Ихъ раздѣленіе на добрыя и злыя. Вода. Священныя рѣки и озера. Огонь. Фосъ, Пуръ и Флокетъ. Падающія звѣзды. Аэролиты. Огонь св. Эльма. Воздухъ. Символическіе звѣри. Звѣи. Атагодемонъ и Калкодемонъ. Священныя растенія. Бальзамъ и адонистъ. Кедры.

294

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Алтари. Храмы. Ихъ устройство. Святѣлице. Идолы. Столбы огни. Весаи и бойдыры. Тератоморфизмъ. Жергны. Человѣческія жертвоприношенія. Фактъ изъ библейскихъ сказаній. Расчужество ириде. Стряжка косъ. Обрѣзаніе. Раздѣленіе праздниковъ. Праздники Геркулеса. Сборъ винограда. Бракосочетаніе водъ. Праздники луны. Адоніи. Мистъ объ Адонистъ. Аэлигимостъ. Евритисъ. Связь обрядовъ сабизма съ индійскими

301

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Четыре періода. Хронологія. Авиавалъ. Храмы. Дружба съ Соломономъ. Игра въ загадки. Сынъ Авдемова. Библейскія сказанія. Адонирамъ. Время заложения и освѣщенія храма іерусалимскаго. Храмы-литейщикъ. Столбы Іахннъ и Воуазъ. Масленіе символы. Вѣтка акаціи. Легенда объ Адонирамѣ. Сколство именъ. Пресеники Храма. Стратонъ. Восходъ солца на западѣ. Астартъ. Астаримъ. Еваналъ. Родство съ Ахивомъ. Пигмаліонъ и Элисса. Ея бѣгство. Прибытіе въ Африку. Воловьѣ кожа. Основаніе Караягена. Предвѣщанія при рытѣ фундамента. Смерть Элиссы. Ошибочныя прозвища Дидоны и Анны. Анахронизмъ Варгалия въ Энеидѣ. Пуны

309

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Затрудненія въ хронологіи. Нашествіе скифовъ. Женскій недугъ. Эпидрейскія Финикійскіе ипри послѣдняго періода. Ошибки хронографовъ. Уплдокъ Финикіи. Наукы и искусства. Пурпуръ. Его обрѣтеніе. Компастъ. Соленые мяса и рыбы. Монага, мѣра и вѣсъ. Азбука. Алфавитъ еврейскій. Зодчество и ваяніе. Египетъ, Финикія и Греція

318

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Историческій очеркъ Караягена. Разногласіе лѣтоисчисленій о времени его основанія. Сицилійскія войны. Малахусъ. Митяжъ войскъ. Казнь Караягена. Паденіе Малахуса. Магонъ. Браты Филены. Аздрубалъ и Амилкаръ. Дѣти ихъ. Учрежденіе сената. Осада Агригента. Чума. Подвигъ Нипилькопи. Миръ съ Дюппіемъ. Грабежъ храмовъ. Новое появленіе мореной язвы. Алтари Цереръ и Прозерпинъ. Успѣхи Дюнией. Тимолонъ. Заговоръ Хявнона. Атагоскіи. Побѣды его. Вомилькаръ. Пуническая клятва. Борба съ Нарромъ и Герромомъ. Соединеніе съ Римомъ

323

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Первая пуническая война. Ея причины. Мамертинцы. Победы римлянъ надъ Герономъ Консулъ Постумій. Флотъ у римлянъ. Дунуй. Битва при Эквомъ. Грекъ Репантиль. Пльвий Регула. Переговоры о мирѣ. Казнь Регула. Осада Лиливъ. Битва у Дрепанна. Победа Лутаци Катудла. Миръ. Бунтъ наемныхъ войскъ. Осада Каррагена. Вторая пуническая война. Разореніе Сагунта. Аннибалъ въ Италиі. Тессино, Требия и Тразимене. Фабій-кунктаторъ. Канны. Капуа. Сципионъ. Союзъ римлянъ съ Массиниссою. Сраженіе при Замъ. Условія мира. Истребленіе флота. Антиохъ сирійскій. Смерть Аннибала 331

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Состояніе Каррагена послѣ второй войны. Катонъ цензоръ. Вѣтка смокъ. Борьба Каррагена съ Массиниссою. Третья пуническая война. Разрушеніе Каррагена. Его сравненіе съ Римомъ. Религія. Душегубство, основаніе ея догматовъ. Молохъ, Геркулесь. Полубоги. Амилкаръ. Обычай самоубиенія. Боги Греціи. Связь сабизма съ изыществомъ древней Европы. Письмена. Ихъ преимущества передъ прочими памятниками. Теренцій. Мигонъ 339

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Нумидія. Поклоненіе Минервѣ. Приданки. Почитаніе усопшихъ. Клятвы. Жертвы. Обряды при атоніи. Правдивость. Пороки нумидійцевъ. Преданіе о развалинахъ. Древнѣйшіе народы Африки. Назамоны. Псаллы. Троглодиты. Сказанія Цинія. Его ошибки. Вандавы. Абиссинія. Династія первыхъ царей 345

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Атлантиды. Ихъ есгонія по Діодору сицилійскому. Уранъ, Титя и ихъ дѣти. Великая мать. Гиперіонъ. Геліонъ и Селена. Ихъ убіеніе титанами. Сагуръ и Атласъ. Гесперь. Дочери Атласа. Плейады. Сатурнъ, Рея и Юпитеръ. Связь есгонія атлантидовъ съ греческой мифологіею. Заключеніе. 354